СТИВЕН КИНГ

СКАЗКА

РОМАН

Сказка
Стивен Кинг

Аннотация
Стивен Кинг. СКАЗКА
Глава первая. Проклятый мост. Чудо. Вой
Глава вторая. Мистер Боудич. Радар. Ночь в Психо-доме
Глава третья. Визит в больницу. Тот, кто сдается, не ныигрывает. Сарай
Глава четвертая. В гостях у мистера Боудича. Энди Чен. В подвале. О других новостях. Собрание в больнице
Глава пятая. Поход по магазинам. Трубка моего отца. Звонок мистера Боудича. Банка для муки
Глава шестая. Посещение больницы. Сейф. Стэнтонвилл. Золото — это жадность. Мистер Боудич возвращается домой
Глава седьмая. Первая ночь. «Теперь ты знаешь про Джека». Простой дровосек. Терапия. Визит отца. Линпарза. Мистер Боудич дает обещание
Глава восьмая. Вода под мостом. Очарование золота. Старая собака. Газетные новости. Арест
Глава девятая. Существо в сарае. Опасное место. 911. Бумажник. Хороший разговор

Глава десятая. Разорение. Миссис Ричленд. Воры
по некрологу. Рассказ на пленке. Внутри сарая.
Продолжение рассказа
Глава одиннадцатая. Тот вечер. Школьное оцепе-
нение. Папа уезжает. Колодец миров. Другой мир.
Старушка. Неприятный сюрприз
Глава двенадцатая. Кристофер Полли. Рассыпан-
ное золото. Не так идеально. Подготовка
Глава тринадцатая. Звонок Энди. Радар принима-
ет решение. Рагу. Гухоз
Глава четырнадцатая. Лия и Фалада. «Помоги ей».
Встреча в дороге. Волчата. Две луны
Глава пятнадцатая. Покидаю Дору. Беженцы.
Питеркин. Вуди
Глава шестнадцатая. Королевская дорога. Кла-
удия. Инструкции. Многошум. Монархи
Глава семнадцатая. Покидаю Клаудию. Воспоми-
нания о Дженни. Ночь в депо. Ворота. Заколдо-
ванный город
Глава восемнадцатая. Хана. Траектории враще-
ния. Ужас в бассейне. Наконец-то солнечные
часы. Нежеланная встреча
Глава девятнадцатая. Проблема с собаками. Пье-
дестал. На кладбище. Городские ворота
Глава двадцатая. Заточение. Хейми. Время корм-
ления. Верховный лорд. Допрос

Глава двадцать первая. Беговая дорожка. Иннамин. Ни пятнышка серого. Дни под землей
Глава двадцать вторая. Игровое поле. Аммит. Помывка. Торт. Газовые лампы
Глава двадцать третья. Tempus est Umbra in Mente. Туманная история. Кла. Записка. Всходы
Глава двадцать четвертая. Первый раунд. Последний сет. Мой принц. «Как ты сам думаешь?»
Глава двадцать пятая. Банкет. Я принимаю гостя. Вдохновение не стучится в дверь. «Кто хочет жить вечно?»
Глава двадцать шестая. Туннель и Станция. Царапанье. Троллейбусный дом. Красная Молли. Вечер встречи. Материнское горе
Глава двадцать седьмая. Собрание. Щелчок. Никаких диснеевских принцев. Принц и принцесса. Пакт
Глава двадцать восьмая. В городе. Оплакивание. Хана. Та, кто когда-то пела. Золото. На кухне. Зал приемов. Подняться, чтобы спуститься
Глава двадцать девятая. Лифт. Винтовая лестница. Джефф. Верховный лорд. «Королева Эмписа выполнит свой долг»
Глава тридцатая. Еще одна остановка. Темница. Решительная. Невозможные звезды. Колодец Тьмы. Гогмагог. Укус

Глава тридцать первая. Посетители. Королева в белом. Милость. Вуди и Клаудия. Я покидаю Эмпис
Глава тридцать вторая. Вот ваш счастливый конец
Эпилог. Заданные вопросы и ответы на них (по крайней мере, некоторые). Последний визит в Эмпис
Благодарности
Послесловие. НОВЫЕ СКАЗКИ КОРОЛЯ

Аннотация

В центре истории 17-летний парень Чарли Рид — прилежный ученик, отлично играющий в бейсбол и футбол. Когда Чарли было 10 лет, его мать погибла в автокатастрофе, из-за чего отец стал много пить. Герою пришлось начать заботиться как о себе, так и о своем отце.

Чарли знакомится с загадочным стариком Говардом Боудичем и его собакой по кличке Радар. Говард живет в изолированном большом доме на вершине холма. Чарли начинает помогать старику управляться с домашними делами, а по ходу дела заводит дружбу с Радаром.

Спустя какое-то время Говард умирает, но перед смертью он успевает оставить Чарли кассету с таинственным посланием. Так он раскрыл герою тайну запертого сарая на заднем дворе дома, из которого исходят странные звуки. Оказывается, в сарае портал в другой мир. Чарли и Радар отправляются в портал на поиски и в итоге оказываются замешаны в масштабной войне добра и зла, от

исхода которой зависят судьбы целых миров.

Стивен Кинг
СКАЗКА

С мыслями о РЭГ, ЭРБ и, конечно, ГФЛ[1]

Всегда позволяй твоей совести вести тебя.
Синяя Фея[2]

[1] Примечания: 1

Речь идет о Роберте Эдвине Говарде, Эдгаре Райсе Берроузе и Говарде Филлипсе Лавкрафте, творчество которых вдохновляло Кинга не только в этом произведении, но и в ряде других. — *Здесь и далее примечания переводчика.*

[2] Примечания: 2

Синяя Фея — персонаж диснеевского мультфильма «Пиноккио» (1940), как и фигурирующий далее сверчок Джемини.

Глава первая
Проклятый мост. Чудо. Вой

1

Я уверен, что смогу рассказать вам эту историю. Уверен и в том, что никто в нее не поверит, ну и ладно. Рассказать будет вполне достаточно. Проблема в том — думаю, она есть у многих писателей, а не только новичков вроде меня, — чтобы решить, с чего начать.

Сперва я думал начать с сарая, поскольку именно там начались мои приключения, но потом понял, что должен сперва рассказать про мистера Боудича и то, как мы с ним стали общаться. Но этого никогда бы не произошло, если бы не чудо, случившееся с моим отцом. Вы можете сказать, что это самое обычное чудо, которое случилось с тысячами мужчин и женщин после 1935 года[3], но мальчишке оно и впрямь казалось чудом.

Но это тоже неподходящее начало, поскольку я думаю, что моему отцу не понадобилось бы чудо, если бы не этот проклятый мост. Значит, с него и нужно начать — с чертова моста на Сикамор-

[3] Примечания: 3

В этом году американцы Билл Уилсон и Боб Смит основали общество «Анонимных Алкоголиков».

стрит. Теперь, думая обо всем этом, я отчетливо вижу нить, ведущую через годы к мистеру Боудичу и запертому сараю за его обветшавшим викторианским домом.

Но нить легко оборвать — так что это была не нить, а цепь. Очень прочная. А я был парнем, на руке которого защелкнулись кандалы.

2

Река Литтл-Рампл протекает через северную часть Сентри-Рест (известного местным жителям как Сентри)[4], и до 1996 года, когда я родился, через нее был перекинут деревянный мост. В том году государственные инспекторы из Департамента дорожного транспорта осмотрели его и признали небезопасным. Мой отец говорил, что люди в нашей части Сентри знали это с 1982-го. Мост был рассчитан на десять тысяч фунтов, но грузовики с полным кузовом обычно избегали его, выбирая объездные пути, хотя это было долго и неудобно. Отец уверял, что даже в машине чув-

[4] Примечания: 4

Придуманное автором название Сентри-Рест означает «отдых часового»; слово «часовой», как читатели увидят дальше, вполне относится и к самому городку, и к героям романа. С другой стороны, название связано со словом «центр» — недалеко от Иллинойса находится географический центр Северной Америки и, возможно, поэтому действие книги происходит здесь, а не в любимом Кингом штате Мэн,

ствовалось, как доски трясутся и громыхают под тобой. Это было опасно, государственные инспектора не ошибались, но вот в чем ирония: если бы старый деревянный мост не заменили стальным, моя мать могла бы быть до сих пор жива.

Литтл-Рампл — действительно маленькая речка[5], и новый мост через нее построили быстро. Старый, деревянный убрали, а новый открыли для движения в апреле 1997-го. «Мэр перерезал ленточку, отец Кофлин благословил эту чертову штуку, и все», — сказал отец однажды вечером, порядком набравшись. — Для нас она оказалась не очень-то благословенной, правда?»

Мост назвали именем Фрэнка Эллсворта, городского героя, погибшего во Вьетнаме, но местные звали его просто мостом на Сикамор-стрит. Сикамор — стрит с обеих сторон была вымощена красивым гладким камнем, но настил моста — сто сорок два фута длиной — представлял собой стальную решетку, которая гудела, когда по ней проезжали легковые авто, и грохотала, когда это были грузовики — теперь они могли это делать, поскольку мост мог выдержать шестьдесят тысяч фунтов. Этого недостаточно для груженого при-

---

[5] Примечания: 5
Little Rumple — «маленькая складка» (англ.)

цепа, но дальнобойщики все равно никогда не ездили по Сикамор-стрит.

Каждый год в городском совете говорили о том, что нужно замостить решетку и сделать там хотя бы один тротуар, и каждый год выяснялось, что есть места, где деньги нужны больше. Не думаю, что тротуар спас бы мою мать, но мостовая могла бы это сделать. Теперь этого никак не узнать, так ведь? Проклятый мост.

3

Мы жили на полпути к вершине холма на Сикамор-стрит, примерно в четверти мили от моста. На другой его стороне был маленький круглосуточный магазин под названием «Зип-Март». В нем продавалась всякая всячина от моторного масла до «Чудо-хлеба»[6] и пирожных «Маленькая Дебби», а еще жареная курица, которую готовил владелец, мистер Элиадес (известный в округе как мистер Зиппи). Эта курица была именно такой, как гласила вывеска в витрине — «Лучшая в стране». До сих пор помню, какой она была вкусной, но после смерти мамы я не съел ни кусочка.

---

[6] Примечания: 6

«Чудо-хлеб» — популярная в США марка нарезанного хлеба, появившаяся в 1921 году.

Я бы подавился, если бы попробовал.

Однажды в субботу в ноябре 2003-го — городской совет снова обсуждал вопрос о тротуаре на мосту и снова решил, что это может подождать еще год, — мама сказала нам, что собирается сходить в «Зиппи» и принести на ужин жареного цыпленка. Мы с отцом смотрели футбольный матч, где играл наш колледж. «Возьми машину, — сказал папа. — Собирается дождь». «Мне нужно размяться, — ответила мама, — но я надену плащ Красной Шапочки».

В этом плаще она и была, когда я видел ее в последний раз. Капюшон она не подняла, потому что дождя еще не было, и ее волосы спадали на плечи. Мне было семь лет, и я, помнится, думал, что у моей мамы самые красивые на свете рыжие волосы. Она увидела, что я смотрю на нее в окошко, и помахала рукой. Я помахал в ответ, а потом переключился на телик, где наши как раз шли в атаку. Жаль, что я не смотрел на нее дольше, но я не виню себя. Ты ведь никогда не знаешь, где упадешь, не так ли?

Это была не моя вина, и не папина, хотя я знаю, что он винил себя, думая: «Почему я не поднял задницу и не подвез ее до этого чертова магазина?» Наверное, сантехник, что сидел за

рулем, тоже был не виноват. Копы признали его трезвым, и он клялся, что не превышал порога скорости, который в этом месте составлял 25. Папа сказал, что даже если это было правдой, водитель, должно быть, отвел глаза от дороги хотя бы на несколько секунд. Похоже, он был прав насчет этого. Он был специалистом по страховым случаям и сказал мне однажды, что единственная чистая случайность, о которой он слышал, — это человек в Аризоне, которому на голову свалился метеорит.

— Всегда есть кто-то ответственный, — сказал тогда папа. — Но это не то же, что виноватый.

— Ты винишь человека, который сбил маму? — спросил я.

Он подумал, поднес бокал к губам и отпил глоток. Это было через шесть или восемь месяцев после смерти мамы, когда он почти отказался от пива. К тому времени он уже переключился на «Гилбис»[7].

— Я стараюсь этого не делать. И обычно у меня получается, если только я не просыпаюсь в два ночи, а в постели нет никого, кроме меня. Вот тогда я виню его.

---

[7] Примечания: 7

«Гилбис» (Gilbey's) — популярная марка английского джина.

4

Мама спустилась вниз по холму. Там, где заканчивался тротуар, был предупреждающий знак. Она миновала его и перешла мост. К тому времени уже стемнело и начал моросить дождь. Она зашла в магазин, и Ирина Элиадес (конечно, известная как миссис Зиппи) сказала, что курица будет готова через три минуты, самое большее через пять. Где-то на Пайн-стрит, недалеко от нашего дома, сантехник только что закончил последнюю работу в ту субботу и укладывал инструменты в кузов своего фургона.

Принесли курицу, горячую, хрустящую и золотистую. Миссис Зиппи упаковала восемь кусков в коробку и дала маме еще одно крылышко, чтобы она съела его по дороге домой. Мама поблагодарила ее, расплатилась и задержалась, чтобы посмотреть журналы на стойке. Если бы не это, она, возможно, успела бы перейти мост — кто знает? Фургон сантехника, должно быть, свернул на Сикамор-стрит и начал спуск с холма длиною в милю, пока она просматривала свежий номер «Пипл». Отложив его, она открыла дверь и сказала миссис Зиппи: «Спокойной ночи».

Может быть, она закричала, когда увидела, что

на нее несется фургон, Бог знает, о чем она тогда могла подумать, — но это были последние слова, которые она сказала в своей жизни.

Она вышла наружу. К тому времени уже моросил холодный дождь, его струйки серебрились в свете единственного фонаря у «Зип-Марта», с той стороны моста. Жуя куриное крылышко, мама ступила на стальной настил. Фары выхватили ее из темноты и отбросили ее тень далеко назад. Сантехник проехал мимо знака на другой стороне, который гласит: «ПОВЕРХНОСТЬ МОСТА ПЕРЕД ДОРОГОЙ ЗАМЕРЗАЕТ! ПОЖАЛУЙСТА, БУДЬТЕ ОСТОРОЖНЫ!» Смотрел ли он в зеркало заднего вида? Или, может быть, проверял сообщения на телефоне? Он ответил «нет» на оба вопроса, но когда я думаю о том, что случилось той ночью, я всегда вспоминаю про тот единственный чистый несчастный случай, о котором говорил папа, — когда человеку на голову упал метеорит.

Там было достаточно места; новый мост был значительно шире, чем его деревянный предшественник. Проблема заключалась в стальной решетке. Он увидел мою мать на полпути через мост и надавил на тормоз — не потому, что превышал скорость (так он сказал), а чисто инстинктивно. Стальная поверхность подмерзла,

фургон заскользил и вильнул в сторону. Моя мать прижалась к перилам моста, уронив в реку свой кусочек курицы. Фургон настиг ее, ударил и закружил, как волчок. Я не хочу думать о тех частях ее тела, которые оторвались в этой смертельной пляске, но иногда не могу не думать. Все, что я знаю, это то, что в конце концов фургон врезался в опору моста с другой стороны, рядом с «Зип-Мартом». Что-то из того, что было моей мамой, упало в Литтл-Рампл, но большая часть осталась на мосту.

Я и сейчас ношу в бумажнике нашу фотографию. Когда ее сняли, мне было года три. Я сижу у нее на бедре, запустив руку в ее волосы. У нее были красивые волосы.

5

Рождество в том году было дерьмовым, уж поверьте. Помню вечер после похорон у нас дома. Мой отец был там, встречал гостей и принимал соболезнования, а потом куда-то пропал. Я спросил его брата, моего дядю Боба, где он.

— Ему пришлось прилечь, — сказал дядя Боб. — Он совершенно вымотан, Чарли. Почему бы тебе не пойти на улицу поиграть?

Никогда в жизни мне не хотелось играть мень-

ше, чем тогда, но я поплелся на улицу. Я прошел мимо группы взрослых, которые вышли покурить, и услышал, как один из них сказал: «Бедняга пьян в стельку». Даже тогда, охваченный горем, я понял, о ком они говорили.

До смерти мамы мой отец был тем, кого я бы назвал «часто выпивающим». Я был всего лишь малышом-второклассником, так что вы можете воспринять это с недоверием, но я стою на своем. Я никогда не слышал, чтобы у него заплетался язык, он не падал с ног, не бродил вечером по барам и никогда не поднимал руку на меня или мою мать. Он приходил домой со своим портфелем, и мама наливала ему выпить — обычно это был мартини, один бокал. Себе она делала такой же. Вечером, когда мы смотрели телевизор, он мог выпить пару бутылок пива, не больше.

После проклятого моста все изменилось. Он был пьян после похорон (*в стельку*), пьян на Рождество и в канун Нового года (который, как я узнал позже, такие, как он, называют «любительским вечером»). Недели и месяцы после того, как мы потеряли ее, он напивался почти каждый день. Чаще всего дома. Он по-прежнему не ходил по вечерам в бары («Там слишком много таких придурков, как я», — сказал он однажды), и по-

прежнему никогда не поднимал на меня руку, но степень опьянения уже не контролировал. Теперь я это знаю, а тогда просто принимал это как должное. Дети так делают, собаки тоже.

Я обнаружил, что сам готовлю себе завтрак два раза в неделю, потом четыре, потом почти каждый день. Я ел «Альфа-Битс» или «Эппл Джекс» на кухне и слышал, как он храпит в спальне — как большая моторная лодка. Иногда он забывал побриться перед уходом на работу. После ужина (все чаще это был ужин на вынос) я прятал ключи от его машины. Если ему нужна была новая бутылка, он мог спуститься к мистеру Зиппи и взять ее. Иногда я волновался, что он столкнется с машиной на чертовом мосту, но не слишком сильно. Я был уверен (или почти уверен), что оба моих родителя не могут погибнуть в одном и том же месте. Мой папа работал в страховой компании, и я знал, что такое актуарные таблицы[8] — вычисление шансов.

Он хорошо знал свою работу, мой папа, и катался на коньках больше трех лет, несмотря на свое пьянство. Получал ли он предупреждения на работе? Я не знаю, но это могло быть. Останав-

[8] Примечания: 8

Актуарные таблицы — расчеты ставок страхования на основе методов математической статистики.

ливали ли его за неосторожное вождение, когда он начинал пить еще днем? Если так, то, должно быть, отпускали с предупреждением. Этому помогало то, что он знал всех копов в городе. Иметь дело с копами было частью его работы.

В течение этих трех лет в нашей жизни был определенный ритм. Может быть, не слишком хороший ритм, не тот, под который вы хотели бы танцевать, но я к нему привык. Я возвращался из школы около трех. Мой отец появлялся к пяти, уже успев заложить за галстук (да, он не ходил вечером в бар, но позже я узнал, что по дороге домой его часто заносило в таверну Даффи). Он приносил пиццу, или тако, или всякие китайские штуки из «Джой Фан». Бывали вечера, когда он забывал об этом, и мы заказывали еду… или я бы хотел ее заказать. А после ужина начиналась настоящая попойка. В основном джин или другие напитки, если джин заканчивался. Иногда по ночам он засыпал перед телевизором. Иногда, спотыкаясь, ковылял в спальню, оставляя мне свои ботинки и мятый пиджак. Время от времени я просыпался и слышал, как он плачет. Довольно страшно слышать такое посреди ночи.

Крах наступил в 2006 году. Были летние каникулы. В десять утра у меня состоялась игра в

«Лиге креветок» — я пробил два хоум-рана[9] и отлично поймал мяч. Я вернулся домой сразу после полудня и обнаружил, что мой отец уже там, сидит в своем кресле и смотрит в телевизор, где кинозвезды давних лет рубились мечами на лестнице какого-то замка. Он был в трусах и потягивал мутный напиток — как мне показалось, чистый «Гилбис». Я спросил, что он делает дома. Продолжая глядеть на мелькание мечей, с трудом шевеля языком, он ответил:

— Кажется, я потерял работу, Чарли. Или, если процитировать Бобкэта Голдтуэйта[10], я знаю, где она, но ее делает кто-то другой. Или скоро будет.

Я не знал, что сказать, но слова все равно сорвались с моих губ.

— Это из-за твоего пьянства.

— Я собираюсь бросить, — сказал он.

Вместо ответа я просто указал на стакан. Потом пошел в свою спальню, закрыл дверь и начал плакать.

Он постучал в дверь.

---

[9] Примечания: 9

Хоум-ран — бейсбольный термин, сильный удар отбивающего (бэттера), после которого мяч летит за пределы поля.

[10] Примечания: 10

Бобкэт Голдтуэйт — американский актер-комик, больше всего известный по роли Зеда в серии фильмов «Полицейская академия».

— Можно войти?

Я не ответил. Не хотел, чтобы он видел меня плачущим.

— Ну хватит, Чарли. Я вылил это в раковину.

Как будто я не знал, что недопитая бутылка стоит на кухонном столе. И еще одна — в шкафчике. Или две. Или три.

— Ну же, Чарли, скажи что-нибудь!

«*Шкажи*». Я ненавидел это его пьяное бормотание.

— Иди на хер, пап.

Никогда раньше я не говорил ему ничего подобного, и мне, возможно, хотелось, чтобы он вошел и залепил мне пощечину. Или обнял. Или сделал хоть что-то. Вместо этого я услышал, как он шаркает на кухню, где его дожидалась бутылка «Гилбис».

Когда я, наконец, вышел, он спал на диване. Телевизор все еще работал, но с приглушенным звуком. Там шел еще какой-то черно-белый фильм, где старинные автомобили мчались по тому, что, видимо, было съемочной площадкой. Папа всегда смотрел ТКМ[11], когда пил, кроме тех

---

[11] Примечания: 11

Turner Classic Movies — круглосуточный телеканал, показывающий старые фильмы из коллекции основанной Тедом Тёрнером компании «Turner Entertainment».

случаев, когда я был дома и настаивал на чем-то другом. Бутылка стояла на кофейном столике, почти пустая. Я вылил то, что в ней осталось, в раковину. Потом открыл шкафчик с напитками и думал вылить остальное, но при виде всего этого джина, виски, водки и бренди ощутил дикую усталость. Вы бы не подумали, что десятилетний ребенок может так устать, но я устал.

На ужин я поставил в микроволновку замороженный обед «Стоффер» — «Бабушкину куриную запеканку», нашу любимую, — и пока он готовился, разбудил отца. Он сел, огляделся, как будто не знал, где находится, а потом начал издавать страшные пыхтящие звуки, которых я никогда раньше не слышал. Он кинулся в ванную, закрывая рот руками, и я услышал, как его вырвало. Мне казалось, что это никогда не прекратится, но в конце концов это произошло. Зазвенела микроволновка. Я достал курицу из духовки, используя прихватки с надписью «ХОРОШАЯ ГОТОВКА» слева и «ХОРОШАЯ ЕДА» справа — один раз забудешь взять эти прихватки, когда достаешь что-то горячее из духовки, и больше никогда не забываешь. Я разложил еду по нашим тарелкам и пошел с ними в гостиную, где папа сидел на диване, опустив голову и сцепив руки на затылке.

— Будешь есть?

Он поднял глаза.

— Может быть. Если принесешь мне пару таблеток аспирина.

В ванной воняло джином и чем-то еще, возможно, бобовым соусом, но по крайней мере он вытер это все и смыл за собой. Я попрыскал вокруг освежителем, потом принес ему пузырек с аспирином и стакан воды. Он взял три раблетки и поставил стакан туда, где раньше стояла бутылка «Гилбис». Он посмотрел на меня с выражением, которого я никогда раньше не видел, даже после смерти мамы. Мне неприятно это говорить, но я скажу, потому что это именно то, о чем я тогда подумал: это было выражение собаки, которая нагадила на пол.

— Я мог бы поесть, если бы ты меня обнял.

Я обнял его и сказал, что сожалею о том, что сказал.

— Все в порядке. Наверное, я это заслужил.

Мы пошли на кухню и съели столько «Бабушкиной куриной запеканки», сколько смогли — это было не так уж много. Убирая наши тарелки в раковину, он сказал мне, что давно собирался бросить пить и теперь точно так поступит. Сказал еще, что в понедельник собирается начать

поиски работы, но не сделал этого. Он сидел дома, смотрел старые фильмы по ТКМ, и когда я вернулся домой с бейсбольной тренировки и полуденного заплыва в бассейне, был уже порядком пьян.

Он увидел, как я смотрю на него, и только покачал головой.

— Завтра. Завтра. Обещаю тебе.

— Чушь собачья, — сказал я и пошел в свою комнату.

6

Это было худшее лето моего детства. «*Было ли оно хуже, чем после смерти твоей матери?*» — можете вы спросить, и я отвечу «да», потому что он был единственным родителем, который у меня остался, и еще потому, что все вокруг, казалось, происходило в замедленной съемке.

Он действительно пытался без особого желания найти работу в страховом бизнесе, но из этого ничего не вышло, даже когда он побрился, принял ванну и надел деловой костюм. Думаю, о нем уже ходили слухи.

Счета поступали и валялись на столе в прихожей нераспечатанными — по крайней мере, им. Я открывал их, когда стопка становилась слишком

высокой, показывал ему, и он выписывал чеки на погашение. Я не знал, когда эти чеки начнут возвращаться назад с надписью «НЕДОСТАТОЧНО СРЕДСТВ», и не хотел знать. Это было все равно, что стоять на мосту и представлять, как на тебя несется потерявший управление грузовик. Интересно, какими будут твои последние мысли перед тем, как он раздавит тебя насмерть?

Он устроился на неполный рабочий день на автомойку «Джиффи» у выезда на шоссе. Проработал неделю, а потом то ли уволился, то ли его уволили. Он не сказал, что именно случилось, а я не спрашивал.

Я попал в команду всех звезд «Лиги креветок», но мы вылетели в первых двух играх турнира с двойным выбыванием. В игровой сезон я сделал шестнадцать хоум-ранов, я был лучшим силовым нападающим, но за эти две игры я семь раз промазал, один раз засадил мяч под ноги кэтчеру, а один раз послал его так высоко, что понадобился бы лифт, чтобы до него достать. Тренер спросил, что со мной не так, и я сказал — ничего, ничего, просто оставьте меня в покое. Еще я делал всякие пакости, иногда с другом, иногда сам по себе. И спал не очень хорошо. Мне не снились кошмары, как после смерти матери, я просто не мог заснуть,

иногда до полуночи или часа ночи. Я начал отворачивать от себя часы, чтобы не смотреть на цифры.

Я не то чтобы ненавидел своего отца (хотя уверен, что со временем пришел бы к этому), но испытывал к нему презрение. «*Слабак, слабак*», — думал я, лежа в постели и слушая его храп. И, конечно, меня волновало, что с нами будет. Кредит за машину был, к счастью, выплачен, но за дом — нет, и размер платежей приводил меня в ужас. Сколько пройдет времени, прежде чем он не сможет платить ежемесячный взнос? Это время, несомненно, должно было наступить, потому что ипотеке оставалось еще девять лет, и у нас не было никакого шанса продержаться так долго.

«*Бездомные,* — подумал я. — *Банк заберет наш дом, как в «Гроздьях гнева», и мы станем бездомными*».

Я видел бездомных в центре города, их было много, и когда я не мог заснуть, мои мысли обращались к ним. Я много думал об этих городских скитальцах. Они носили старую одежду, которая болталась на их тощих телах или едва не лопалась на толстых. Кроссовки стянуты клейкой лентой. Кривые очки. Длинные волосы. Безум-

ные глаза. Пьяное дыхание. Я представил, как мы спим в нашей машине у старого депо или на парковке «Уолмарта» среди внедорожников. Представил, как отец толкает магазинную тележку с тем немногим имуществом, что у нас осталось. В этой тележке я всегда видел свой прикроватный будильник — не знаю почему, но это особенно пугало меня.

Бездомному или нет, мне все равно придется ходить в школу. Кое-кто из моей команды наверняка будет звать меня Мазила Чарли. Это, наверное, лучше, чем Чарли Соковыжималка, но довольно скоро эти прозвища сольются воедино. Люди на нашей улице уже знали, что Джордж Рид больше не ходит на работу, и наверняка знали почему. Я не обманывался на этот счет.

Мы никогда не были семьей, ходящей в церковь и вообще религиозной в общепринятом смысле. Однажды я спросил маму, почему мы не ходим в церковь — не потому ли, что она не верит в Бога? Она сказала, что верит, но ей не нужен проповедник (или священник, или раввин), чтобы рассказывать, как нужно верить в Него. Она сказала, что для веры нужно только открыть глаза и оглядеться вокруг. Что до отца, то он говорил, что воспитан баптистом, но оставил церковь, когда

она стала больше интересоваться политикой, чем Нагорной проповедью.

Однажды вечером, за неделю до того, как в школе снова должны были начаться занятия, мне захотелось помолиться. Желание было таким сильным, словно кто-то меня принуждал. Я опустился на колени рядом со своей кроватью, сложил руки, зажмурил глаза и стал молиться, чтобы мой отец бросил пить.

— Если ты сделаешь это для меня, кем бы ты ни был, я сделаю для тебя все, что угодно, — сказал я. — Обещаю и надеюсь умереть, если не сдержу слово. Просто дай понять, чего ты хочешь, и я сделаю это, клянусь.

Потом я вернулся в постель и по крайней мере в ту ночь крепко спал до утра.

7

До своего увольнения папа работал в «Оверленд нэшнл иншуранс»[12]. Это большая компания. Вы, наверное, видели их рекламу с Биллом и Джилл, говорящими верблюдами. Очень забавная штука.

---

[12] Примечания: 12

Название компании переводится как «Национальное страхование Оверленда». Оверленд или «сухопутье» в данном случае означает часть США, не примыкающую к морю.

Папа часто говорил:

— Все страховые компании используют смешную рекламу, чтобы привлечь внимание, но смех прекращается, как только застрахованный подает иск. Тут-то и прихожу я. Я занимаюсь урегулированием претензий, а это значит — хотя никто не говорит этого вслух, — что я должен снизить сумму выплат по договору. Иногда я так и делаю, но открою секрет — я всегда начинаю на стороне истца. Если, конечно, не вижу причин этого не делать.

Штаб-квартира «Оверленд» на Среднем Западе находится на окраине Чикаго, в том месте, которое папа называл Страховой аллеей. В те дни, когда он ездил на работу, оттуда до Сентри было всего сорок минут езды, а при интенсивном движении — час. В одном этом офисе работало по меньшей мере сто специалистов по урегулированию претензий, и однажды в сентябре 2008-го у нас появился один из агентов, с которыми он раньше работал. Его звали Линдси Франклин, а папа называл его Линди. Это было ближе к вечеру, когда я сидел за кухонным столом и делал уроки.

Начало того дня было незабываемо дерьмовым. В доме все еще воняло дымом, хотя я опрыскал все освежителем. Папа решил приготовить на

завтрак омлет. Бог знает, почему он встал в шесть утра или почему решил, что мне нужен омлет, но в итоге он побрел в ванную или к телевизору, забыв о том, что было на плите. Без сомнения, он еще не отошел от выпитого накануне. Я проснулся от воя детектора дыма, побежал в трусах на кухню и обнаружил, что ее заволокло дымом. На сковороде шипело нечто, похожее на обугленную деревяшку. Я соскреб его в мусорку и приготовил себе «Эппл Джек». На папе все еще был фартук, что выглядело по-дурацки. Он пытался извиняться, и я пробурчал что-то невнятное, просто чтобы он замолчал. Что я помню о тех неделях и месяцах, так это то, что он всегда пытался извиняться и это сводило меня с ума.

Но это оказался и незабываемо хороший день, один из лучших — из-за того, что случилось тогда. Вы, наверное, хотите, чтобы я скорее двигался вперед, но я все равно расскажу об этом, потому что никогда не переставал любить своего отца, даже когда он меня бесил, и эта часть истории делает меня счастливым.

Линди Франклин тоже работал на «Оверленд» и тоже был раньше алкоголиком. Он не относился к тем страховым расследователям, что были дружны с моим отцом — должно быть, потому,

что Линди никогда не заходил с ними после работы в таверну Даффи. Но он знал, почему мой отец потерял работу, и решил что-то с этим сделать — по крайней мере, попытаться. Поэтому он сделал то, что, как я узнал позже, называется «визитом Двенадцатой ступени»[13]. У него было назначено несколько встреч по претензиям в нашем городке, и сразу после их окончания он решил заехать к нам. Позже он сказал, что чуть не передумал, потому что у него не было спутника (выздоравливающие алкоголики обычно отправляются на «Двенадцатую ступень» вдвоем, наподобие мормонов), но потом послал все к черту и нашел наш адрес у себя в телефоне. Мне не нравится думать, что могло бы случиться с нами, если бы он решил этого не делать. Я бы никогда не оказался в сарае мистера Боудича, это уж точно.

Мистер Франклин был одет в костюм с галстуком и пострижен по последней моде. Папа — небритый, босой, в мятой рубашке, — представил нас друг другу. Мистер Франклин пожал мне руку, сказал, что очень рад со мной познакомиться, а потом спросил, не пойду ли я прогуляться, чтобы он мог поговорить с моим отцом наедине. Я

[13] Примечания: 13

Первый шаг в вовлечении новых членов в организацию «Анонимные алкоголики».

пошел довольно охотно, но окна были еще открыты после катастрофы с завтраком, и я услышал довольно много из того, что сказал мистер Франклин. Мне особенно запомнились две вещи. Папа сказал, что пьет потому, что все еще очень тоскует по Джейни. Тогда мистер Франклин ответил:

— Если бы выпивка вернула ее к жизни, я бы сказал, что все в порядке. Но этого не случится — и что бы она чувствовала, если бы увидела, как ты и твой парень живете сейчас?

Еще он сказал:

— Неужели тебя не достала такая жизнь?

И тут мой отец заплакал. Обычно я терпеть не мог этого (*слабак, слабак*), но тогда подумал, что, может быть, этот плач означает что-то другое.

8

Теперь вы знаете все, что случилось до того, а, возможно, знаете и остальное. Уверен, что знаете — если вы тоже завязали или знаете тех, кто завязал. В тот вечер Линди Франклин привел папу на собрание «Анонимных Алкоголиков». Когда они вернулись, мистер Франклин позвонил своей жене и сказал, что останется на ночь у друга. Он спал на нашем раскладном диване, а на следующее утро к семи часам отвез папу на

встречу под названием «Трезвый рассвет». Эти встречи стали для папы регулярными, и там он получил свой медальон АА за первый год. Я прогулял школу, чтобы вручить ему этот медальон, и был в тот раз единственным, кто пустил слезу. Похоже, никто не обратил на это внимания; на таких собраниях часто плачут. После этого папа обнял меня, и Линди тоже. К тому времени я уже называл его по имени, потому что он часто был рядом. Он стал куратором моего отца на его пути к выздоровлению.

Это было настоящее чудо. Теперь я много знаю про АА и знаю, что это случается с мужчинами и женщинами по всему миру, но мне это все равно кажется чудом. Папа не мог получить свой первый медальон почти целый год после «Двенадцатого шага» Линди, потому что несколько раз срывался, но он признавался в этом, и люди из АА сказали ему то, что говорят всегда: продолжайте попытки. Он так и делал, и последний срыв — одна банка пива из шести, остальные он вылил в раковину — случился перед Хэллуином 2009 года. Когда Линди выступал на первой годовщине папы, он сказал, что программа исцеления предлагается многим, но исцеляется лишь малая часть. И добавил, что папа стал одним из таких

счастливчиков. Может быть, это было правдой, а может, моя молитва оказалась просто совпадением, но я предпочитал верить, что это не так. В АА вы можете верить во что хотите. Это сказано в том, что выздоравливающие алкоголики называют «Большой книгой».

И теперь я должен был сдержать обещание.

9

Единственными собраниями, на которые я ходил, были папины годовщины, но, как я уже сказал, Линди часто был рядом, и я узнал от него большинство лозунгов, которые всегда скандируют люди из АА. Из них мне понравились такие: «Соленый огурец уже не превратится в свежий» и «Бог не делает дряни». Но лучше всего я запомнил — и помню до сих пор — фразу, которую Линди сказал однажды вечером, когда папа поведал ему обо всех неоплаченных счетах и о том, как он боялся потерять дом. Линди тогда сказал, что папино выздоровление было чудом. А потом добавил:

— Но чудо — это не волшебство.

Через шесть месяцев после того, как папа бросил пить, он снова подал заявление в «Оверленд», и при помощи Линди Франклина и других, вклю-

чая его прежнего босса, который его выгнал, получил обратно свою работу — но он был на испытательном сроке и знал это. Это заставляло его работать в два раза усерднее. Потом, осенью 2011 года (прошло уже два года трезвости), он поспорил с Линди, и спор длился так долго, что Линди снова заночевал у нас на раскладном диване. Папа сказал, что хочет открыть свое дело, но не сделает этого без благословения Линди. Уверившись, что папа не запьет снова, если его новый бизнес провалится — уверившись, насколько можно, ведь исцеление от пьянства это не постройка ракеты, — Линди разрешил ему взяться за дело.

Папа усадил меня рядом с собой и объяснил, что такое «работа без сети».

— И что ты думаешь об этом?

— Думаю, тебе пора попрощаться с этими говорящими верблюдами, — сказал я, и он засмеялся. Тогда я добавил то, что должен был сказать. — Но если ты снова начнешь пить, ты все испортишь.

Две недели спустя он отвез в «Оверленд» заявление об уходе, а в феврале 2012-го обосновался в крошечном офисе на Мейн-стрит под вывеской «Джордж Рид, расследователь и независимый эксперт по претензиям». Он не проводил много

времени в этой дырке в стене, а больше колесил по округе. Беседовал с копами, с поручителями («там всегда есть, за что зацепиться», — говорил он), но в основном с адвокатами. Многие из них знали его по работе в «Оверленд» и знали, что он снова в деле. Они поручали ему дела — самые сложные, когда крупные компании либо резко снижали сумму страховки, которую готовы были заплатить, либо вообще отказывали в удовлетворении иска. Он работал много, очень много. Почти каждый вечер я приходил в пустой дом и сам готовил себе ужин. Я не возражал против этого. Когда отец, наконец, являлся домой, я обнимал его — сначала чтобы тайком унюхать незабываемый аромат джина «Гилбис», а потом уже просто так. И он редко пропускал свои «Трезвые рассветы». Иногда по воскресеньям к нам на ланч приезжал Линди, приносил еду на вынос и мы втроем смотрели по телику «Медведей» или «Уайт Сокс», если был бейсбольный сезон[14]. В один из таких вечеров отец сказал, что его бизнес растет с каждым месяцем.

— Он рос бы еще быстрее, если бы я чаще ста-

[14] Примечания: 14

«Chicago Bears» (Чикагские медведи) и «White Socks» (Белые чулки) — самые популярные команды Чикаго соответственно в американском футболе и бейсболе.

новился на сторону истца в разных скользких делах, но многие из них плохо пахнут.

— И не говори, — вздохнул Линди. — На время это позволит добиться успеха, но в конце концов тебя ухватят за задницу.

Перед началом моего последнего года обучения в средней школе Хиллвью папа сказал, что нам нужно серьезно поговорить. Я приготовился к лекции о пьянстве несовершеннолетних или разговоре о том дерьме, которым мы занимались с моим другом Берти Бердом во время (и какое-то время после) папиных запоев, но он не имел в виду ни того, ни другого. Он заговорил о школе. Сказал, что я должен хорошо учиться, если хочу поступить в нормальный колледж. *Действительно* хорошо.

— Мой бизнес заработал. Сначала было нелегко, пришлось даже взять в долг у моего брата, но я уже почти все выплатил, и думаю, что скоро встану на твердую почву. Телефон у меня звонит часто. Но когда дело доходит до колледжа…

Он покачал головой.

— Не думаю, что смогу тебе чем-то помочь, по крайней мере, вначале. Нам чертовски повезло, что у нас вообще есть деньги. Все это моя вина, и я делаю все, что в моих силах, чтобы исправить

ситуацию…

— Я знаю.

— …но ты должен помочь себе сам. Тебе нужно работать. Нужно набрать высокие баллы по тестам, когда вы их будете проходить.

Я планировал сдать академический тест[15] в декабре, но не сказал об этом, и папа продолжал свою речь.

— Еще тебе надо подумать о кредитах, но только в крайнем случае — эти кредиты будут висеть на тебе еще много лет. Попробуй добиться стипендии. И занимайся спортом, это тоже путь к стипендии, а главное, это оценки. Оценки, оценки и еще раз оценки. Я не хочу, чтобы ты говорил прощальную речь[16], но хочу видеть тебя в первой десятке. Понятно?

— Да, отец, — сказал я, и он наградил меня шутливым подзатыльником.

10

Я старался и получал хорошие оценки. Осенью

---

[15] Примечания: 15

Академический тест (CAT) — стандартизованный тест, выясняющий способности выпускников средних школ для учебы в колледже.

[16] Примечания: 16

В американских школах прощальную речь на выпуске по традиции произносит лучший ученик класса.

я играл в футбол, а весной — в бейсбол. В старших классах я неплохо успевал в обоих видах спорта. Тренер Харкнесс хотел, чтобы я играл еще и в баскетбол, но я отказался. Я сказал ему, что мне нужны по меньшей мере три месяца в году, чтобы заниматься другими делами. Тренер ушел ни с чем, печалясь по поводу состояния молодежи в наше упадочное время.

Я ходил на танцы, целовался с девушками, у меня появилось несколько хороших друзей, большинство которых (но не все) были спортсменами. Я открыл для себя несколько метал-групп, которые мне нравились, и слушал их на полной громкости. Папа не возражал, но на Рождество подарил мне наушники. В моем будущем были ужасные вещи — я вам о них еще расскажу, — но те ужасы, которые я воображал, лежа без сна, так и не случились. Дом все еще был нашим, и я все так же открывал его своим ключом. Это было хорошо. Если вы когда-нибудь представляли, что будете проводить холодные зимние ночи в машине или в приюте для бездомных, то понимаете, о чем я говорю.

И я никогда не забывал про сделку, которую заключил с Богом. «*Если ты сделаешь это для меня, я сделаю для тебя все, что угодно*, — сказал

я, стоя на коленях. — *Просто дай понять, чего ты хочешь, и я сделаю это, клянусь*». Конечно, это была детская молитва, плод магического мышления, но часть меня (большая часть) не верила этому. Не верит и сейчас. Я думал, что моя молитва была услышана, совсем как в одном из тех умильных фильмов, которые показывают между Днем благодарения и Рождеством. Это означало, что мне нужно выполнить свою часть сделки. Мне казалось, что если я этого не сделаю, то Бог заберет чудо обратно, и мой отец снова начнет пить. Имейте в виду, что старшеклассники — какими большими ни были бы мальчики и какими красивыми девочки — в душе все равно остаются по большей части детьми.

Я пытался. Хотя все мои дни были не просто заполнены учебой и внеклассными мероприятиями, но и переполнены ими, я делал все возможное, чтобы вернуть долг. Например, присоединился к местному клубу «Опекай дорогу»[17]. Мы прошли две мили по шоссе 226, сплошь окруженному заведениями быстрого

[17] Примечания: 17

Программа «Опекай дорогу» (Adopt a Highway) проводится в некоторых штатах США и провинциях Канады. Ее участники очищают определенные участки шоссе от грязи и мусора в обмен на право размещать на придорожных щитах свои имена или названия своих организаций.

питания, мотелями и заправками. Я собрал, должно быть, миллион коробок из-под бигмаков, два миллиона пивных банок и дюжину рваных трусов. Однажды на Хэллуин я надел дурацкий оранжевый джемпер и пошел собирать деньги для ЮНИСЕФ[18]. Летом 2012-го я сидел за столом в центре города, регистрируя избирателей, хотя мне оставалось еще полтора года до того, как голосовать самому. Еще я по пятницам после тренировок помогал в офисе отцу, заполняя бумаги и вводя данные в компьютер — самая нудная работа, — когда на улице было уже темно, и мы ели пиццу Джованни прямо из коробки.

Папа говорил, что все это будет отлично смотреться в моем заявлении для колледжа, и я соглашался, но не говорил, что делаю это совсем для другого. Я не хотел, чтобы Бог решил, что я не справляюсь со своей задачей, но иногда мне казалось, что я слышу с небес неодобрительный шепот: «*Этого недостаточно, Чарли. Ты и правда думаешь, что собирать мусор по обочинам — это достойная плата за ту хорошую жизнь, которую я дал тебе с твоим отцом?*»

Это подводит меня — наконец — то — к апрелю

---

[18] Примечания: 18
ЮНИСЕФ — Детский фонд ООН, основанный в 1946 году.

2013 года, когда мне исполнилось семнадцать. И к мистеру Боудичу.

11

Старая добрая школа Хиллвью! Теперь мне кажется, что она была так давно. Зимой я ездил туда в автобусе, сидя сзади с Энди Ченом, моим другом с начальных классов. Энди был спортсменом и продолжал играть в баскетбол за «Хофстру». Берти к тому времени уже исчез, уехал, что было своего рода облегчением. Бывает ведь, что хороший друг одновременно плох для тебя. По правде говоря, мы с Берти были плохи друг для друга.

Осенью и весной я катался на велосипеде, потому что мы жили в холмистом городке, и езда на велосипеде была хорошим способом укрепить мышцы ног и спины. Еще это давало мне время подумать и побыть одному, что мне нравилось. По пути домой из Хиллвью я проезжал по Плейн-стрит до Гофф-авеню, потом по Уиллоу-стрит до Пайн-стрит — у вершины холма она пересекалась с Сикамор-стрит, идущей вниз к проклятому мосту. А на углу Пайн и Сикамор стоял Психо-дом — так его прозвал Берти Берд, когда нам было лет десять или одиннадцать. На самом деле это был дом Боудича, название было

написано прямо на почтовом ящике, выцветшее, но еще разборчивое, если приглядеться. И все же Берти был прав. Мы все смотрели «Психо» (вместе с другими фильмами, обязательными для просмотра одиннадцатилетних мальчишек — к примеру, «Экзорцист» или «Тварь»), и этот дом был действительно похож на тот, где жил Норман Бейтс со своей превращенной в чучело матерью. Он не походил ни на один из других аккуратных маленьких особнячков на Сикамор и в остальной части нашего района.

Психо-дом представлял собой обветшалое викторианское здание с покатой крышей, когда-то, вероятно, белое, но теперь выцветшее до оттенка, который я бы назвал «серым уличным котом». По всей длине участка тянулся древний штакетник, кое-где наклонившийся вперед, а в других местах упавший назад. За ржавой калиткой по пояс высотой виднелся разбитый камень дорожки. Газон в основном состоял из буйно разросшихся сорняков. Крыльцо, казалось, медленно отплывало от дома, к которому относилось. Все шторы были задернуты, что, по словам Энди Чена, не имело смысла, поскольку окна все равно были слишком грязными, чтобы что-то за ними разглядеть. Высокая трава наполовину скрывала плакат «ВХОД

ЗАПРЕЩЕН», а на калитке красовалась большая табличка с надписью «БЕРЕГИСЬ СОБАКИ».

Энди рассказывал всем историю про эту собаку, немецкую овчарку по кличке Радар — как у парня из сериала «МЭШ»[19]. Мы все слышали его (ее, как потом оказалось), иногда видели издалека, но Энди был единственным, кто разглядел собаку с близкого расстояния. Он говорил, что однажды остановил велосипед возле дома, потому что почтовый ящик мистера Боудича открылся и почта, которой он был набит доверху, упала и разлетелась вокруг.

— Я собрал этот мусор и запихнул его обратно вместе с прочим дерьмом, — сказал Энди. — Просто пытался помочь ему без лишнего шума. И тут слышу рычание и лай, наподобие «Р-Р-Р-Р, ГАВ-ГАВ». Поднимаю глаза и вижу этого гребаного монстра весом *по меньшей мере* сто двадцать фунтов, зубы оскалены, слюна брызжет во все стороны, глаза красные.

— Ага, точно, — поддакнул Берти. — Пес-монстр,

[19] Примечания: 19

Сериал «МЭШ» (M*A*S*H) об американских военных врачах в Корее показывался на телеканале Си-Би-Эс в 1972 — 83 гг. Один из его персонажей — писарь Радар О'Рейли. Это имя переводится как «радар», что намекает на собачий нюх.

как Куджо в том фильме[20]. Блин.

— Так и было, — убежденно сказал Энди. — Клянусь Богом. Он бы прыгнул на меня прямо через ворота, если бы его не остановил старик. Такой старый, что нуждается в медикюре.

— «Медикэр»[21], — поправил я.

— Как скажешь, чувак. В общем, этот старик вышел на крыльцо, завопил: «Радар, лежать!» — и собака тут же шлепнулась на брюхо. Но она не сводила с меня глаз и продолжала рычать. Старик подошел ближе и спросил: «Что ты там делаешь, парень? Воруешь мою почту?» Я ответил: «Нет, сэр, она валялась вокруг, и я подобрал ее. Ваш почтовый ящик совсем забит». Тогда он сказал: «Я сам позабочусь о своем ящике, а ты убирайся отсюда». Так я и сделал, — Энди покачал головой. — Эта псина перегрызла бы мне глотку, точно говорю.

Я был уверен, что Энди преувеличивает, у него была такая привычка, но в тот вечер я спросил папу о мистере Боудиче. Папа сказал, что мало

---

[20] Примечания: 20

«Куджо» — роман Кинга о взбесившемся сенбернаре-убийце, по которому снят фильм Льюиса Тига (1983).

[21] Примечания: 21

Национальная программа медицинского страхования в США для людей старше 65 лет и инвалидов, введенная в президентство Барака Обамы.

что о нем знает — только то, что этот старый холостяк жил в своей развалюхе еще до того, чем папа поселился на Сикамор-стрит, а это было четверть века назад.

— Твой друг Энди не единственный, кому он нагрубил, — сказал папа. — Боудич известен своим скверным характером и своей не менее скверной немецкой овчаркой. Городской совет был бы рад, если бы он умер, чтобы они могли избавиться от этого дома, но пока он держится. Я здороваюсь с ним, когда вижу — что случается редко, — и он ведет себя довольно вежливо, но я ведь взрослый. У некоторых пожилых людей аллергия на детей. Советую тебе, Чарли, держаться от него подальше.

Я и держался до того дня в апреле 2013-го, о котором я вам сейчас расскажу.

12

По дороге домой с бейсбольной тренировки я остановился на углу Пайн и Сикамор, чтобы снять левую руку с руля велосипеда и потрясти ей. Она покраснела и все еще ныла после упражнений в спортзале (поле все еще было слишком грязным, чтобы играть). Тренер Харкнесс, который тренировал нас по бейсболу, как и по всему прочему,

поставил меня на место бьющего, в то время как несколько парней, пробовавшихся на роль питчера[22], отрабатывали на мне броски. Некоторые из них бросали очень сильно. Я не скажу, что тренер мстил мне за отказ играть в баскетбол, где наши «Ежи» в прошлом сезоне продули со счетом 5:20, но и не скажу, что это было не так.

Покосившийся и обветшавший викторианский дом мистера Боудича был справа от меня и с этого ракурса еще больше походил на дом из «Психо». Я обхватил рукой левую рукоятку велосипедного руля, готовясь снова тронуться в путь, и тут услышал собачий вой. Он доносился из-за дома. Я подумал о псе-монстре, которого описал Энди, с огромными зубами и красными глазами, но это был не «Р-Р-Р-Р, ГАВ-ГАВ» злобного зверя, рвущегося в атаку — этот звук был скорбным и испуганным. Может быть, даже отчаянным. Сейчас я вспоминаю об этом, задаваясь вопросом, не проецирую ли я на тот момент случившееся позже, но думаю, что нет. Потому что вой раздался снова. А потом в третий раз, ниже тоном и как будто устало, словно животное, издающее его, подумало — *а какой в этом прок*?

---

[22] Примечания: 22

Питчер (подающий) — в бейсболе игрок, который бросает мяч к дому, где его ловит кэтчер и пытается отбить бьющий (бэттер).

Потом послышался еще более тихий, чем этот усталый вой, голос:

— Помогите…

Если бы не этот голос, я бы спустился с холма к своему дому, выпил бы стакан молока и съел полкоробки «Пепперидж Фарм Миланос», довольный, как устрица. И это могло бы плохо кончиться для мистера Боудича: день клонился к вечеру, тени уже удлинялись, а апрель тогда был чертовски холодным. Мистер Боудич мог бы пролежать там всю ночь. Я получил благодарность за его спасение — еще одну золотую звезду для заявления в колледж, к которому я мог бы, если отбросить скромность, как предлагал мой отец, приложить газетную статью, опубликованную неделю спустя, — но это был не я, не совсем я. Это Радар спасла его своим безутешным воем.

Глава вторая. Мистер Боудич. Радар. Ночь в Психо-доме

1

Я крутанул педали за угол, подъехал к воротам

на Сикамор-стрит и прислонил велосипед к покосившемуся штакетнику. Калитка — низкая, едва доходящая мне до пояса — не открывалась. Я заглянул за нее и увидел большой засов, такой же ржавый, как калитка, которую он запирал. Я дернул за него, но он прирос намертво. Собака снова завыла. Сняв свой рюкзак, набитый учебниками, я использовал его как подставку, чтобы перелезть через калитку. Больно ударившись коленом о знак «БЕРЕГИСЬ СОБАКИ», я перекинул одну ногу через калитку, но зацепился кроссовкой за какую-то железку. Я подумал, успею ли я спрыгнуть обратно на тротуар, если собака решит броситься на меня, как это случилось с Энди. Я помнил старое выражение о страхе, дающем крылья, и надеялся, что мне не придется выяснять, правдиво ли оно. Я играл в футбол и бейсбол, но прыжки в высоту оставил легкоатлетам.

Преодолев, наконец, забор, я побежал к задней части дома, высокая трава хлестала меня по штанам. Не думаю, что заметил тогда сарай, потому что меня интересовала главным образом собака. Я увидел ее на заднем крыльце. Энди Чен сказал, что она весила сто двадцать фунтов, и, возможно, так оно и было, когда мы были еще маленькими, с маячившей далеко впереди средней школой. Жи-

вотное, которое я видел теперь, весило не больше шестидесяти или семидесяти. Оно была тощим, с клочкастой шерстью, поникшим хвостом и наполовину поседевшей мордой. Увидев меня, собака начала спускаться по шатким ступенькам и чуть не упала, огибая распростертого на них человека. Она бросилась ко мне, но это было не нападение, а просто хромой артритный бег.

— Радар, лежать! — сказал я, не ожидая, что собака послушается меня, но она легла на брюхо в заросли травы и заскулила. Однако я все равно обошел ее стороной, спеша к крыльцу. Мистер Боудич лежал на левом боку. На его штанах цвета хаки над правым коленом был виден какой-то выступ. Не нужно было быть врачом, чтобы понять, что нога сломана, и перелом, судя по этому выступу. довольно серьезен. Я не мог сказать, сколько лет мистеру Боудичу, но он выглядел совсем старым. Его волосы большей частью поседели, но в молодости он, должно быть, был рыжим — в них еще виднелись рыжие пряди, из-за которых казалось, что его голова ржавеет. Морщины на его щеках и вокруг рта были такими глубокими, что казались трещинами. Было холодно, но на лбу у него блестели капельки пота.

— Мне нужна помощь, — с трудом проговорил

он. — Упал с гребаной лестницы. — Он попробовал указать на нее, сдвинулся с места и застонал от боли.

— Вы звонили в 911? — спросил я.

Он посмотрел на меня, как на идиота.

— Телефон *в доме*, парень. А я *тут*.

Я только потом понял, что у мистера Боудича не было мобильника. Он никогда не считал нужным его приобрести и едва ли вообще знал, что это такое.

Он снова попытался пошевелиться и сжал зубы.

— Господи, как больно…

— Тогда лучше не шевелитесь, — сказал я.

Я позвонил в 911 и сказал, чтобы «скорая» приехала на угол Пайн и Сикамор, потому что мистер Боудич упал и сломал ногу. Сказал, что это похоже на открытый перелом: я мог видеть кость, выпирающую под его брюками, а его колено выглядело распухшим. Диспетчер хотел узнать номер дома, и я спросил об этом мистера Боудича.

Он снова бросил на меня этот взгляд (*ты что, идиот?*) и сказал:

— Номер один.

Я передал это даме, и она сказала, что «скорую» немедленно пришлют. А потом добавила, что я

должен остаться с пострадавшим и держать его в тепле.

— Он и так вспотел, — сказал я.

— Если перелом такой серьезный, как вы говорите, сэр, то это, вероятно, болевой шок.

— Ага, понятно.

Радар, прихрамывая, отступил назад, прижал уши и зарычал.

— Прекрати, девочка, — сказал Боудич. — Лежать.

Радар — *она*, а не *он* — легла на живот у подножия крыльца, тяжело дыша и выражая облегчение всем своим видом.

Я снял свою школьную куртку и набросил на мистера Боудича.

— Какого черта ты делаешь?

— Я должен держать вас в тепле.

— Мне и так тепло.

Но я видел, что на самом деле это не так, потому что он уже начал дрожать. Он опустил подбородок, чтобы рассмотреть мою куртку.

— Так ты старшеклассник?

— Да, сэр.

— Красное с золотом — значит, Хиллвью?

— Да.

— Занимаешься спортом?

— Футбол и бейсбол.

— Понятно, «Ежики». Что..., — он снова попытался пошевелиться и вскрикнул. Радар подняла уши и с тревогой взглянула на него. — Что за дурацкое имя!

Я не мог с ним не согласиться.

— Вы лучше не шевелитесь, мистер Боудич.

— Я и не могу шевелиться. Мне надо было оставаться на земле, но я подумал, что смогу добраться до крыльца. А потом заползти внутрь. Надо было попытаться. Скоро здесь будет чертовски холодно.

Я подумал, что уже чертовски холодно.

— Рад, что ты пришел. Думаю, ты услышал вой моей старушки.

— Сначала вой, а потом ваш стон, — сказал я.

Я посмотрел на крыльцо. Дверь была невысоко, но не думаю, что он смог бы дотянуться до ручки, не встав на здоровое колено. А это он вряд ли сумел бы сделать.

Мистер Боудич проследил за моим взглядом.

— Собачья дверь, — пояснил он. — Подумал, что, может быть, смогу в нее пролезть, — он снова поморщился от боли. — У тебя ведь нет никаких обезболивающих, не так ли? Аспирин или что-нибудь посильнее? Ты ведь занимаешься спортом

и все такое.

Я покачал головой. Вдали послышался вой сирены.

— А как насчет вас? У вас они есть?

Немного поколебавшись, он кивнул.

— Внутри. Иди прямо по коридору. Рядом с кухней есть маленькая ванная. Думаю, там в аптечке есть бутылочка эмпирина[23]. Но больше ничего не трогай, слышишь?

— Не буду.

Я понимал, что он старик и страдает от боли, но все равно был немного обижен таким недоверием.

Он вытянул руку и схватил меня за рубашку:

— Даже не смотри.

Отпрянув от него, я буркнув:

— Сказал же, что не буду.

Я поднялся по ступенькам. Мистер Боудич приказал:

— Радар, иди с ним!

Радар, хромая, поднялась по ступенькам и подождала, пока я открою дверь, вместо того чтобы воспользоваться откидной створкой, вырезанной в нижней панели. Она поплелась вслед за мной

---

[23] Примечания: 23

“Эмпирин» — одна из разновидностепй аспирина.

по коридору, который был темным и в каком-то смысле необычным. Одна сторона его была сплошь заставлена старыми журналами, собранными в пачки и перевязанными шпагатом. Я знал некоторые, например «Лайф» и «Ньюсуик», но были и другие — «Кольерс», «Диг», «Конфидентал» и «Олл Мен»[24], о которых я никогда не слышал. На другой стороне высились штабеля книг, в основном старых и пахнущих так, как пахнут старые книги. Наверное, не всем приятен этот запах, однако мне он нравится — старье, но благородное старье.

Кухня тоже была полна всякого старья — плита «Хотпойнт»[25], фарфоровая раковина с кольцом ржавчины от нашей жесткой воды, краны со старинными ручками-колесиками. Линолеум на полу так истерся, что я не мог видеть, какой на нем рисунок, но всюду было чисто, как в аптеке. В сушилке для посуды виднелись одна тарелка,

---

[24] Примечания: 24

“Collier’s» — еженедельный журнал, выходивший в 1888–1957 гг., где печатались многие американские и зарубежные писатели. «Dig» и «Confidential» — иллюстрированные популярные журналы, выходившие в 1950 — 1970-е гг. «All Man» — журнал приключенческих комиксов, выходивший в 1940–1979 гг.

[25] Примечания: 25

Английская компания по производству газовых плит, популярных в США в 60-е годы. Позже была разделена между американской компанией Whirlpool и китайской Haier.

одна чашка и один набор столовых приборов — нож, вилка, ложка. От этого мне стало грустно. На полу стояла чистая миска с надписью «РАДАР» по краю, от которой стало еще грустнее.

Я зашел в ванную, которая была ненамного больше шкафа — там помещались только унитаз с поднятой крышкой и еще несколькими кольцами ржавчины вокруг стока и раковина с зеркалом над ней. Я потянул зеркало в сторону и увидел за ним кучу пыльных пузырьков с лекарствами — они выглядели так, словно Ной привез их на своем ковчеге. На средней полке стояла бутылочка с надписью «Эмпирин». Когда я взял его, то увидел за ним маленькую блестящую гранулу и подумал, что это еще какая-то таблетка.

Радар ждала на кухне, потому что в ванной нам обоим не хватало места. Я взял чашку из сушилки для посуды, налил в нее воды из крана и пошел обратно по Коридору Старого Чтива, а Радар плелась за мной. Сирена снаружи звучала все громче и ближе. Мистер Боудич лежал на том же месте, опустив голову на плечо.

— С вами все нормально? — спросил я.

Он поднял голову, и я увидел его потное лицо и измученные глаза с темными кругами под ними.

— А что, я выгляжу нормально?

— Не совсем, но не думаю, что вам следует принимать эти таблетки. На бутылке написано, что срок их годности истек в августе 2004-го.

— Давай сюда три штуки.

— Господи, мистер Боудич, может быть, вам стоит подождать «скорую», они дадут вам…

— Просто дай их мне. Все, что нас не убивает, делает нас сильнее. Не думаю, что ты знаешь, кто это сказал — сейчас в школе ничему не учат.

— Ницше, — сказал я. — «Сумерки идолов». В этой четверти я изучаю всемирную историю.

— Что ж, вот задание для тебя, — он пошарил в кармане брюк, что заставило его застонать, но он не остановился, пока не извлек увесистую связку ключей.

— Закрой при мне дверь, мальчик. Вот этим серебряным ключом с квадратной головкой. Передняя дверь уже заперта. А потом верни ключи мне.

Я снял серебряный ключ с брелка и вернул ему остальное. Он сунул ключи в карман, снова застонав при этом. Сирена была уже близко. Я надеялся, что им повезет с ржавой калиткой больше, чем мне — иначе придется сорвать ее с петель. Я встал и посмотрел на собаку. Ее голова лежала на земле между лапами, и она не сводила

глаз с мистера Боудича.

— А как насчет Радар?

Он снова посмотрел на меня, как на идиота.

— Она может входить внутрь через собачью дверь и выходить, когда ей нужно сделать свои дела.

Я подумал, что то же самое сможет сделать ребенок или некрупный взрослый, который захочет залезть внутрь и что-нибудь украсть.

— Да, но кто будет ее кормить?

Наверное, можно не говорить вам, что мое первое впечатление от мистера Боудича было не очень хорошим. Я счел его сварливым грубияном, и неудивительно, что он жил один; жена убила бы его или сбежала. Но когда он посмотрел на старую немецкую овчарку, я увидел в его взгляде кое-что еще: любовь и тревогу. Знаете выражение «на пределе возможностей»? Лицо мистера Боудича говорило о том, что он был именно там. Должно быть, ему было очень больно, но в тот момент все, о чем он мог думать — все, что его беспокоило, — это его собака.

— Черт. Черт, черт, черт. Я не могу оставить ее. Придется везти ее в эту проклятую больницу.

Сирена последний раз взвыла перед домом и замолкла. Хлопнула дверца.

— Они вам не позволят, — сказал я. — Вы же это знаете.

Его губы сжались:

— Тогда я не поеду.

«*Еще как поедешь*», — подумал я. А потом мне в голову пришла еще одна мысль, которая казалась вовсе не моей. Уверен, что мысль была моя, но тогда мне так не показалось. «*У нас была сделка. Хватит собирать мусор по обочинам, твоя часть работы здесь*».

— Эй! — крикнул кто-то. — «Скорая» приехала, может кто-нибудь открыть калитку?

— Позвольте мне оставить ключ, — сказал я. — Я покормлю ее. Просто скажите, сколько и…

— Эй, алло? Кто-нибудь, ответьте, мы уже заходим!

— И как часто.

Он опять сильно потел, а круги под глазами стали темными, как синяки.

— Впусти их, пока они не выломали эту чертову калитку, — он резко, прерывисто вздохнул. — Что за гребаный бардак!

2

Мужчина и женщина на тротуаре были одеты в куртки с надписью «Служба скорой помощи

больницы графства Аркадия». У них была каталка с кучей наваленного на нее оборудования. Они отодвинули в сторону мой рюкзак, мужчина изо всех сил тянул в сторону засов, но ему повезло не больше, чем мне.

— Он за домом, — сказал я. — Я услышал, как он звал на помощь.

— Отлично, но я не могу открыть эту калитку. Давай попробуем вдвоем.

Я взялся за ручку засова, и мы потянули. Болт, наконец, оттянулся назад, прищемив мне большой палец. Тогда я этого почти не заметил, но к вечеру почти весь ноготь стал черным. Они пошли вдоль дома, каталка, подпрыгивая, приминала высокую траву, оборудование, наваленное на нее, звякало и дребезжало. Радар, прихрамывая, вышла из-за угла, рыча и стараясь выглядеть устрашающе. Она старалась изо всех сил, но после всего происшедшего я видел, что у нее мало что получается.

— Лежать, Радар, — сказал я, и она легла на живот с тем же выражением облегчения на морде. Врачи «скорой», как и я сначала, постарались обойти ее стороной. Увидев мистера Боудича, распростертого на ступеньках, они принялись разгружать свое снаряжение. Женщина успока-

ивающе заметила, что все выглядит не так уж плохо, и сейчас они дадут ему что-нибудь, отчего ему станет легче.

— У него уже было что-то, — сказал я и достал из кармана пузырек с эмпирином. Мужчина-врач посмотрел на него и сказал:

— Боже, что за древность! Любая польза, какая в них была, давно улетучилась. Сиси, давай сюда демерол[26]. Двадцати кубиков должно хватить.

Радар подошла к нам, символически рыкнула на Сиси, а потом, поскуливая, направилась к своему хозяину. Боудич погладил ее по макушке сложенной чашечкой ладонью, а когда убрал ее, собака улеглась на ступеньки рядом с ним.

— Эта собака спасла вам жизнь, сэр, — сказал я. — Она не может поехать в больницу и не может голодать.

Я держал в руках серебряный ключ от заднего входа. Боудич смотрел на него, пока Сиси делала ему укол, который он, казалось, даже не заметил. Он снова тяжело вздохнул.

— Что ж, никакого гребаного выбора у меня нет. Ее еда в большом пластиковом ведре в кладовке. За дверью. Ей нужна миска в шесть и еще одна

---

[26] Примечания: 26
Опиоидный обезболивающий препарат.

в шесть утра, если меня оставят на ночь. — Он посмотрел на мужчину-врача. — А меня оставят?

— Не знаю, сэр. Это выше моего уровня оплаты, — он разворачивал манжету для измерения кровяного давления. Сиси бросила на меня взгляд, который говорил, что да, его оставят на ночь, и это только начало.

— Одна миска в шесть вечера, другая в шесть утра. Я понял.

— Я не знаю, сколько еды осталось в этом ведре, — его глаза после укола начали стекленеть. — Если нужно будет купить еще, зайди в «Кладовую для домашних животных»[27]. Она ест «Ориджен реджионал ред»[28]. Никакого мяса, никаких лакомств. Мальчик, который знает, кто такой Ницше, вероятно, может это запомнить.

— Я запомню.

Мужчина-врач накачал манжету для измерения кровяного давления, и то, что он увидел, ему явно не понравилось.

— Мы должны уложить вас на каталку, сэр. Я

---

[27] Примечания: 27

Это популярное в США название зоомагазинов «Pet Pantry» одновременно напоминает о знаменитом романе Кинга «Кладбище домашних животных» (Pet Cematary).

[28] Примечания: 28

Корм для собак, выпускаемый канадской фирмой «Champion Petfoods».

Крейг, а это Сиси.

— Я Чарли Рид, — представился я. — А он — мистер Боудич. Я не знаю его имени.

— Говард, — сказал мистер Боудич.

Они попытались поднять его, но он велел им подождать. Он взял собаку за голову и заглянул ей в глаза.

— Будь хорошей девочкой. Мы увидимся очень скоро.

Заскулив, она лизнула его в нос. По его щеке скатилась слеза. Может быть, от боли, но я так не думаю.

— В банке из-под муки на кухне есть деньги, — сказал он. Потом его глаза на мгновение прояснились, а рот сжался, — Нет, подожди, банка из-под муки пуста. Я забыл. Если ты…

— Сэр, — сказала Сиси, — нам действительно нужно доставить вас в…

Он взглянул на нее и велел подождать минуту. Потом снова посмотрел на меня.

— Если тебе нужно будет купить еще еды, заплати за нее сам. Я верну тебе деньги. Понимаешь?

— Да, — я понял кое-что еще: хотя лекарство уже спутало его мысли, мистер Боудич знал, что не вернется домой ни сегодня, ни завтра вечером.

— Тогда ладно. Позаботься о ней. Она — все, что

у меня есть.

Он в последний раз погладил Радар, потрепал ее за ушами, потом кивнул врачам «скорой». Он застонал сквозь стиснутые зубы, когда его подняли, и Радар залаяла.

— Мальчик?

— Да?

— Не шпионь тут.

Я не удостоил его ответом. Крейг и Сиси более или менее аккуратно провезли каталку вокруг дома, стараясь не слишком его трясти. Отойдя от крыльца, я посмотрел на приставную лестницу в траве, потом на крышу. Похоже, он упал, когда чистил водосточный желоб — или пытался это сделать.

Я вернулся и сел на ступеньки. Снова завыла сирена, сначала громкая, а потом стихающая по мере того, как машина спускалась с холма к проклятому мосту. Радар обернулась на этот звук, навострив уши, и я попытался погладить ее. Когда она не укусила меня и даже не зарычала, я сделал это снова.

— Похоже, остались только ты и я, девочка, — сказал я.

Радар положила морду на мой ботинок.

— Он даже не сказал «спасибо», — сказал я

ей. — Что за свинство.

Но на самом деле я не злился, потому что это не имело значения. Меня не нужно было благодарить. Это была плата.

3

Я позвонил папе и ввел его в курс дела, как только обошел дом и убедился, что никто не украл мой рюкзак. Он все еще был там, к тому же кто-то из врачей нашел время, чтобы перебросить его через калитку. Папа спросил, может ли он чем-то помочь. Я сказал, что нет, я останусь тут и немного позанимаюсь, пока не покормлю Радар в шесть часов, а потом вернусь домой. Он сказал, что возьмет немного китайской еды и будет ждать меня. Я ответил, что люблю его, и он сказал мне то же. Я достал из рюкзака велосипедный замок, хотел было завезти свой «Швинн» поближе к дому, потом плюнул и просто пристегнул его к калитке. Отступив назад, я споткнулся о Радар, она взвизгнула и отскочила в сторону.

— Прости, девочка, прости!

Опустившись на колени, я протянул к ней руку. Через минуту-другую она подошла к ней, понюхала и слегка лизнула. Вот тебе и Куджо Ужасный! Я обошел дом сзади (она шла прямо за

мной) и тут-то и заметил сарай. Я решил, что там хранятся инструменты, потому что машина туда никогда бы не влезла. Хотел было занести в него упавшую лестницу, но решил не заморачиваться, поскольку дождь не намечался. Как я узнал позже, мне пришлось бы тащить ее ярдов сорок понапрасну, потому что на двери был огромный висячий замок, а ключ от него мистер Боудич забрал с собой вместе с остальными.

Я впустил собаку в дом, нашел у двери старомодный выключатель, из тех, что поворачиваются, и прошел по Коридору Старого Чтива на кухню. Свет там обеспечивал потолочный светильник из матового стекла, который выглядел как декорация для одного из тех старых фильмов ТКМ, которые так любил папа. Кухонный стол был покрыт клетчатой клеенкой, выцветшей, но чистой. На кухне все тоже напоминало декорацию из старого фильма. Я так и представлял, как мистер Чипс входит в комнату в своей мантии и мортарборде[29]. Или, может быть, Барбара

[29] Примечания: 29

Школьный учитель, герой английского фильма «До свидания, мистер Чипс» (1939) режиссера Сэма Вуда. Мортарборд — квадратная академическая шапочка.

Стэнвик говорит Дику Пауэллу[30], что он зашел как раз вовремя, чтобы выпить. Я сел за стол, Радар нырнула под него и улеглась там с тихим женственным ворчанием. Я сказал ей, что она хорошая девочка, и она стукнула об пол хвостом.

— Не волнуйся, он скоро вернется. «*Может быть*», — подумал я.

Разложив на столе учебники, я решил несколько математических задач, потом надел наушники и включил задание по французскому языку на следующий день — поп-песню под названием «Rien Qu'une Fois», что означает что-то вроде «Только один раз»[31]. Не совсем в моем вкусе, я больше люблю классический рок, но это была одна из тех песенок, которые с каждым разом нравятся все больше. Конечно, до тех пор, пока не застрянут в ушах, и тогда вы начинаете их ненавидеть. Я проиграл ее три раза, а потом стал подпевать, как от нас требовали на уроке:

— Je suis sûr que tu es celle que j'ai toujours attendue…[32]

---

[30] Примечания: 30
Популярные голливудские актеры 1930 — 1940-х годов.

[31] Примечания: 31
Песня французского исполнителя Keen'v, сочиненная в 2015 г.

[32] Примечания: 32
Я уверен, что ты — та, кого я ждал всегда (фр.)

На одном из куплетов я случайно заглянул под стол и увидел, что Радар смотрит на меня с прижатыми ушами и выражением, подозрительно напоминающим жалость. Это вызвало у меня смех.

— Пение — не моя сильная сторона, верно?

Ответом был удар хвостом по полу.

— Не вини меня, это же уроки. Хочешь услышать это еще раз? Нет? Я тоже.

Я заметил четыре одинаковые банки, выстроившиеся в ряд на стойке слева от плиты, с надписями «САХАР», «МУКА», «КОФЕ» и «ПЕЧЕНЬЕ». Я был чертовски голоден. Дома я бы залез в холодильник и съел половину содержимого, но, конечно, я был не дома и не буду там — я посмотрел на часы — еще час. Я решил обследовать банку с печеньем, что, конечно, нельзя назвать шпионством. Она оказалась доверху наполнена смесью печенья с орехами пекан и кусочков маршмеллоу в шоколаде. Я решил, что раз уж я присматриваю за собакой, мистер Боудич не пожалеет для меня одного такого. Или двух. Или даже четырех. На этом я заставил себя остановиться, но это было трудно. Печенье было, безусловно, восхитительным.

Посмотрев на банку из-под муки, я вспомнил, как мистер Боудич сказал, что там лежат деньги.

Потом его взгляд изменился — стал острее. *Нет, подожди, банка из-под муки пуста. Я забыл.* Я чуть не заглянул туда, и не так давно сделал бы это, но то время прошло. Я снова сел и открыл учебник по всемирной истории. Прочитал нечто нудное о Версальском договоре и немецких репарациях, а когда снова посмотрел на свои часы (над раковиной висели часы, но они стояли), то увидел, что уже без четверти шесть. Я решил, что это достаточно близко для взятых на себя обязанностей, и решил накормить Радар.

Я подумал, что дверь рядом с холодильником должна быть кладовой, и эта мысль оказалась верной — открыв ее, я сразу почуял приятный запах. Я потянул за шнур, чтобы включить свет, и на мгновение совсем забыл о еде для Радар. Маленькая комнатка была заставлена консервами и другими припасами сверху донизу и от одной стены до другой. Там были «Спам»[33], печеные бобы, сардины, соленые крекеры и суп «Кэмпбелл», макароны и соус для пасты, бутылки виноградного и клюквенного сока, банки с желе

[33] Примечания: 33

«Спам» — торговая марка консервированного мяса, появившаяся в 1936 г. Происходит, по одной из версий, от сокращения слов «spiced ham» — «ветчина со специями». Ее навязчивой рекламе обязано возникновением всем известное сегодня слово «спам».

и джемом, десятки, а может, и сотни банок овощных консервов. Мистер Боудич был полностью готов к апокалипсису.

Тут Радар проскулила свое «не забудь про собаку». Я заглянул за дверь и увидел ее пластиковую канистру с едой. Она должна была вмещать десять или двенадцать галлонов[34], но дно было едва прикрыто. Если Боудич пробудет в больнице несколько дней — а то и неделю, — мне точно придется покупать корм.

Мерная чашка была в канистре. Я наполнил ее и высыпал содержимое в тарелку с именем Радар. Она тут же набросилась на нее, медленно виляя хвостом из стороны в сторону. Она была старой, но все еще ела с удовольствием, и я догадался, что это хорошо.

— Теперь тебе полегче, — сказал я, натягивая куртку. — Будь хорошей девочкой, я приду утром.

Однако это случилось раньше.

4

Мы с папой поужинали китайской едой, и я рассказал ему расширенную версию своего дневного

---

[34] Примечания: 34
Галлон равен 3,79 литрам.

приключения, начав с Боудича на ступеньках, перейдя к Коридору Старого Чтива и закончив Кладовой Судного дня.

— Скопидом, — сказал папа. — Я не раз видел накопления таких людей, обычно после их смерти. Но ты говоришь, у него там порядок?

Я кивнул.

— По крайней мере, на кухне. Есть место для всего и все на своем месте. На старых пузырьках с лекарствами в ванной было немного пыли, но больше я ее нигде не видел.

— Машины у него нет?

— Нет. И в его сарае для инструментов нет места для машины.

— Ему, должно быть, доставляли продукты. И, конечно, всегда есть «Амазон», который к 2040 году станет мировым правительством, чего так боятся правые. Интересно, откуда у него деньги и сколько их осталось?

Я тоже задавался этим вопросом. Думаю, такое любопытство вполне нормально для людей, которые были на волосок от разорения.

Папа встал:

— Я купил и приготовил ужин. Теперь мне нужно разобраться с кое-какими бумагами, а ты приберись здесь.

Я навел порядок на кухне, а потом отрепетировал несколько блюзовых мелодий на своей гитаре. (Я мог сыграть почти любую вещь, если только она была в тональности Е.) Обычно я тренировался до боли в пальцах, но не в тот вечер. Скоро я поставил свою «Ямаху» обратно в угол и сказал папе, что пойду к дому мистера Боудича навестить Радар. Я продолжал думать о том, что она там совсем одна. Может быть, собакам наплевать на это… но, может быть, и нет.

— Хорошо, только не приводи его сюда.

— Ее.

— Пускай ее, но мне не хочется слушать вой тоскующей собаки в три часа ночи, какого бы пола она ни была.

— Не приведу, не бойся.

Ему не нужно было знать, что эта идея уже приходила мне в голову.

— И не позволяй Норману Бейтсу тебя достать.

Я удивленно посмотрел на него.

— Что, думаешь, я не знал?

Он ухмыльнулся:

— Люди называли это Психо-домом задолго до того, как ты появился на свет, маленький герой.

5

Это заставило меня улыбнуться, но смешного поубавилось, когда я добрался до угла Пайн и Сикамор. Дом на холме, казалось, нависал надо мной, заслоняя звезды. Я вспомнил, как Норман Бейтс сказал: «Мама, как много крови!» — и пожалел, что вообще смотрел этот чертов фильм.

По крайней мере, засов на калитке теперь отодвигался гораздо легче. Освещая путь фонариком телефона, я обошел дом. Один раз я направил на него свет и пожалел об этом. Окна за задернутыми шторами были пыльными и напоминали слепые глаза, которые каким-то образом видят меня и которым решительно не нравится мое вторжение. Когда я завернул за угол и направился к заднему крыльцу, неподалеку послышался глухой стук. Напугавшись, я выронил телефон и тут увидел движущуюся тень. Я не закричал, но почувствовал, что мои яйца съежились и вжались в промежность. Когда тень метнулась ко мне, я звамер, но прежде чем я успел повернуться и убежать, Радар заскулила, ткнулась мне носом в штанину и попыталась прыгнуть на меня. Из-за больной спины и лап она смогла только несколько раз толкнуть меня в бок. Стук, должно быть,

исходил от захлопнувшейся собачьей дверцы. Я встал на колени и обнял ее, одной рукой гладя по голове, а другой почесывая шерсть на шее. Она лизнула меня в лицо и прижалась так крепко, что чуть не опрокинула на землю.

— Все в порядке, — сказал я. — Тебе было страшно одной? Держу пари, что это так, — когда она в последний раз оставалась одна, если у мистера Боудича не было машины, а все продукты ему доставляли? Может быть, давно, а может, и не очень. — Ну хватит, все хорошо. Пойдем.

Я поднял телефон, подождал пару секунд, пока яйца вернутся на свое место, а потом пошел к задней двери. Радар шла так близко от меня, что ее голова то и дело задевала мое колено. Когда-то Энди Чен столкнулся с псом-монстром у входа в этот дом — по крайней мере, так он сказал. Но это случилось много лет назад. Теперь передо мной была просто испуганная пожилая леди, которая услышала, что я иду, и выскочила в свою собачью дверь, чтобы меня встретить.

Мы поднялись на заднее крыльцо, я отпер дверь и повернул выключатель, чтобы осветить Коридор Старого Чтива. Проверив собачью дверь, я увидел на ней три маленьких задвижки, по одной с каждой стороны и еще одну сверху. Я на-

помнил себе, что нужно закрыть их перед уходом, чтобы Радар не убежала. Сзади двор, вероятно, был огорожен, как и спереди, но я не знал это наверняка, а она в данный момент находилась под моей ответственностью.

На кухне я опустился на колени перед Радар и погладил ее по голове. Она внимательно смотрела на меня, навострив уши.

— Я не могу остаться, но оставлю свет включенным, а утром вернусь и покормлю тебя. Ладно?

Она заскулила, лизнула мне руку и вернулась к своей тарелке. Тарелка была пуста, но она несколько раз ткнула ее носом, а потом посмотрела на меня. Сообщение было весьма красноречивым.

— До утра не дам, — сказал я.

Она легла и положила морду на лапу, не сводя с меня печальных глаз.

— Ну разве что…

Я подошел к банке с надписью «ПЕЧЕНЬЕ». Мистер Боудич сказал «никакого мяса и никаких лакомств», но я подумал, что он, должно быть, имел в виду «никаких мясных лакомств». Семантика — отличная штука, не так ли? Я смутно вспомнил, что собаки, как я где-то слышал или читал, страдают аллергией на шоколад, поэтому

взял печенье с пеканом, отломил кусочек и предложил ей. Радар понюхала угощение, а потом осторожно взяла его из моих пальцев.

Я сел за стол, за которым занимался, думая, что лучше было бы просто уйти. В конце концов, это собака, а не ребенок. Может, ей и не нравится быть одной, но она ведь не собирается залезть в шкафчик под раковиной и выпить моющее средство, которое там стоит.

Тут зазвонил мой телефон — это был папа.

— Как там, все в порядке?

— Нормально, но хорошо, что я пришел. Я оставил собачью дверь открытой, и она вылезла, когда услышала меня. «Не нужно говорить ему, что, когда я увидел ее движущуюся тень, передо мной сразу предстала Джанет Ли[35] в душе, кричащая и пытающаяся увернуться от ножа».

— Это не твоя вина, ты не мог подумать обо всем. Уже возвращаешься?

— Скоро пойду, — я посмотрел на Радар, внимательно смотрящую на меня. — Пап, может быть, мне…

— Плохая идея, Чарли. Тебе завтра в школу. Она взрослая собака, и за ночь с ней ничего не

---

[35] Примечания: 35

Джанет Ли (1927–2004) — американская актриса, прославившаяся ролью в фильме «Психо».

случится.

— Конечно, я знаю.

Радар поднялась, и смотреть на это было немного больно. Подволакивая задние лапы, она ушла в темноту, где, вероятно, была гостиная.

— Я побуду еще несколько минут. Она хорошая собака.

— Ладно.

Закончив разговор, я услышал протяжный писк. Радар притащила в зубах какую-то игрушку. Мне это показалось обезьянкой, но она была так изжевана, что сказать наверняка было трудно. У меня в руке все еще был телефон, поэтому я сделал фото. Она принесла игрушку мне и уронила рядом со стулом, показав взглядом, что я должен сделать. Пинком я отправил обезьянку (если это была она) в дальний конец кухни. Радар похромала за ней, схватила, заставила пару раз пискнуть, чтобы показать, кто тут главный, и притащила обратно к моему стулу. Я представил ее молодой собакой, более тяжелой и куда более проворной, во весь опор преследующей эту бедную старую мартышку (или ее предшественницу). Как Энди в тот день, когда она, как он утверждал, на него набросилась. Те времена давно прошли, но она старалась изо всех сил. Я мог воображать, что

она думает: «*Видишь, как здорово я это делаю? Останься здесь, я могу заниматься этим всю ночь!*»

Но она не могла, а я не мог остаться. Папа хотел, чтобы я вернулся домой, к тому же я сомневался, что смогу спокойно спать здесь. Слишком много непонятных скрипов и стонов, слишком много комнат, где может прятаться что угодно… и подкрасться ко мне, как только погаснет свет.

Радар снова принесла мне пищащую обезьянку.

— Ну хватит, — сказал я. — Отдохни, девочка.

Я уже направился к выходу, когда мне в голову пришла идея. Я пошел в темную комнату, где Радар нашла свою игрушку, и нащупал выключатель, надеясь, что ничто (например, сморщенная мумия мамаши Нормана Бейтса) не схватит меня за руку. Выключатель издал щелкающий звук, когда я нащупал его и повернул.

Как и кухня, гостиная мистера Боудича была старомодной, но опрятной. Там стоял диван, обитый темно-коричневой тканью. Мне показалось, что им мало пользовались — большую часть времени хозяин, видимо, проводил в мягком кресле, стоящем на старом тряпичном коврике. Я мог видеть там пятно, протертое его тощим

задом, а на спинку была накинута синяя батистовая рубашка. Перед креслом стоял телевизор доисторического вида с чем-то вроде антенны наверху, и я сфотографировал его на телефон. Я не знал, работает ли эта древность, но, судя по книгам, громоздящимся вокруг него (многие из них были заложены бумажками), им в любом случае пользовались нечасто. В дальнем углу комнаты стояла плетеная корзина, доверху набитая собачьими игрушками, и это красноречиво говорило, как сильно мистер Боудич любит свою собаку. Радар пересекла комнату, вытащила из корзины плюшевого кролика и поднесла ко мне с написанной на морде надеждой.

— Не могу, — сказал я. — Но ты можешь взять это. Наверное, оно пахнет как твой хозяин.

Я снял рубашку со спинки стула и расстелил на кухонном полу рядом с ее миской. Она понюхала ее и тут же улеглась сверху.

— Молодец, девочка, — сказал я. — Увидимся утром.

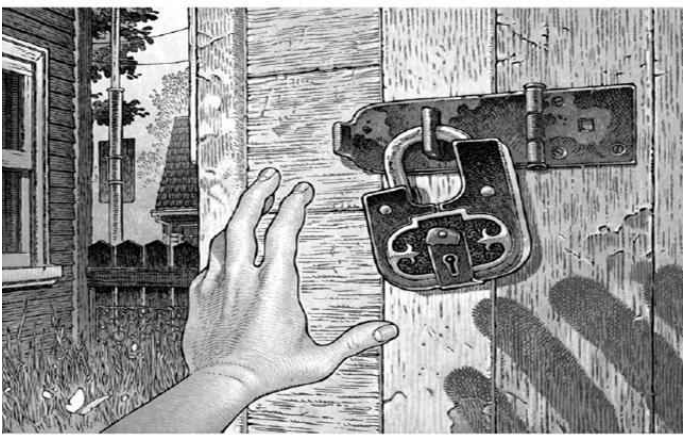
Я направился к задней двери, подумал еще раз и принес ей плюшевую обезьянку. Она сонно жевнула ее пару раз — может быть, чтобы доставить мне удовольствие. Отступив на несколько шагов, я снял ее на телефон, а потом ушел, не за-

быв запереть собачью дверцу на все засовы. Если она напортачит внутри, мне просто придется за ней убрать.

Возвращаясь домой, я думал о водосточных желобах, без сомнения, забитых листьями. И о некошеном газоне. Этот дом остро нуждался в покраске, что было выше моих сил, но я мог что-то сделать с грязными окнами, не говоря уже о покосившемся штакетнике. Конечно, если у меня будет время — а его было мало, учитывая предстоящий бейсбольный сезон. Но главное, там была Радар. Это оказалась любовь с первого взгляда — наверное, и для нее, и и для меня. Если это покажется вам странным, или сентиментальным, или тем и другим вместе, то смиритесь с этим — вот и все, что я могу сказать. Как я и сказал отцу, она была хорошей собакой.

В тот вечер, ложась спать, я поставил будильник на пять утра, а потом написал мистеру Невиллу, моему учителю английского, сообщение, что меня не будет на первом уроке. Еще я попросил его передать мисс Фридлендер, что могу пропустить и второй урок, пояснив, что мне нужно навестить соседа в больнице.

Глава третья
Визит в больницу. Тот, кто сдается, не ныигрывает. Сарай



1

В первых лучах рассвета Психо-дом выглядел не таким уж психо, хотя туман, поднимающийся от высокой травы, придавал ему таинственный вид. Радар, должно быть, уже ждала меня, потому что начала скрести запертую собачью дверцу, едва услышав мои шаги на крыльце. Я увидел, что ступеньки покосились и разбухли от влаги — еще одна опасность для хозяина дома и еще одна работа, ждущая, чтобы кто-то ее сделал.

— Полегче, девочка, — сказал я, вставляя ключ в замок. — А то что-нибудь себе свернешь.

Она набросилась на меня, как только открылась дверь, подпрыгнула и обхватила передними лапами мою ногу, несмотря на артрит. Потом пошла за мной на кухню и, виляя хвостом, наблюдала, как я наскребаю последнюю полную миску из ее уменьшающегося запаса еды. Пока она ела, я написал папе сообщение с вопросом, не заедет ли он в обеденный перерыв или после работы в заведение под названием «Кладовая для домашних животных» и не купит ли пакет собачьего корма: «Ориджен реджионал ред». Потом я

отправил еще одно сообщение, обещая, что верну ему деньги, когда мистер Боудич мне заплатит. Подумав, послал третье: «Лучше возьми большую упаковку».

Это не заняло у меня много времени, но Радар уже справилась с едой. Она принесла мне обезьянку, бросила ее рядом со стулом и сыто рыгнула.

— Ладно, прощаю, — сказал я и бросил обезьянку в дальний угол. Она тут же принесла ее обратно. Я бросил еще раз, и пока она хромала следом, мне пришло сообщение от папы. «Без проблем», — написал он. Я снова бросил обезьяну, но вместо того, чтобы последовать за ней, Радар не без труда проковыляла по Коридору Старого Чтива и вышла на улицу. Не зная, есть ли у нее поводок, я отломил кусочек печенья с пеканом, чтобы при необходимости заставить ее вернуться. Я был почти уверен, что это сработает; Радар была натуральным чау-хаундом[36].

Оказалось, что затаскивать ее назад не нужно. Она присела в одном уголке двора, чтобы сделать дело номер один, и в другом — дело номер два. Потом вернулась к крыльцу, посмотрела на

---

[36] Примечания: 36

Чарли здесь соединяет гончую (hound) и чау-чау, известную своей прожорливостью.

ступеньки, как альпинист на трудный подъем, добрела до середины, немного передохнула и одолела остаток пути. Я подумал о том, как долго она сможет делать это без посторонней помощи.

— Ну, мне пора, — сказал я. — До свиданья, аллигатор[37].

У нас никогда не было собаки, поэтому я не знал, насколько выразительные у них глаза, особенно вблизи. Ее взгляд просто умолял меня не уходить. Я был бы счастлив остаться, но, как говорится в том стихотворении, мне нужно было сдержать обещание[38]. Я погладил ее несколько раз и сказал, чтобы она вела себя хорошо. Мне вспомнилось прочитанное где-то — за каждый наш год собака стареет на семь лет. Конечно, это довольно относительно, но помогает представить, что для собаки значит время. Если я вернусь в шесть, чтобы покормить ее, то пройдет около двенадцати часов моего времени. Выходит, для нее это будет восемьдесят четыре часа — три с половиной дня? Если так, то неудивительно, что

---

[37] Примечания: 37

Популярное у американцев шутливое приветствие — «See you later, alligator!»

[38] Примечания: 38

Речь идет об известном стихотворении Роберта Фроста «Остановка в лесу снежным вечером», написанном в 1922 году.

она так рада меня видеть. К тому же она, должно быть, очень скучала по мистеру Боудичу.

Я запер дверь, спустился по ступенькам и посмотрел туда, где она сделала свои дела. За высокой травой ничего не было видно. Наведение порядка на заднем дворе было еще одним делом, которое кому-то придется делать, раз уж мистер Боудич не справляется с этим сам. «*Ты и есть этот кто-то*», — подумал я, возвращаясь к велосипеду. Так и было, но дело в том, что я тогда был очень занят. В дополнение к бейсболу я собирался попробовать себя в спектакле «Конец года: мюзикл для старшеклассников». Я уже представлял, как буду петь «Вырваться на свободу»[39] с Джиной Паскарелли, которая училась в старшем классе и была просто роскошной.

Рядом с моим велосипедом стояла женщина, закутанная в клетчатое пальто. Вроде бы ее звали миссис Рэгленд или, может быть, Рейган.

— Это ты вызвал «скорую»? — спросила она.

— Да, мэм, — сказал я.

— Насколько он плох? Боудич?

— Пока не знаю. Ногу он точно сломал.

---

[39] Примечания: 39

Популярная песня из молодежного фильма «Классный мюзикл», вышедшего на экран в 2006 г.

— Что ж, ты сделал доброе дело на этот день[40]. А может, и на весь год. Он не очень хороший сосед, держится особняком, но я ничего против него не имею. Кроме разве что его дома, который торчит тут, как бельмо на глазу. Ты ведь сын Джорджа Рида, не так ли?

— Да, верно.

Она протянула руку:

— Алтея Ричленд.

— Рад познакомиться.

— А что насчет псины? Это жуткая собака, немецкая овчарка. Он обычно выгуливал ее рано утром или после наступления темноты. Если рядом будут дети, это вряд ли удержит ее, — она показала на покосившийся штакетник.

— Я позабочусь о ней.

— Это очень любезно с твоей стороны. Надеюсь, она тебя не укусит.

— Она уже довольно старая и совсем не злая.

— Ну, как знаешь, — сказала миссис Ричленд. — Но мой отец говорил: «Старая собака кусает вдвое сильнее». Репортер из местного еженедельника уже заходил ко мне и спрашивал, что случилось. Я думаю, они отслеживают звонки: полиция,

---

[40] Примечания: 40

Намек на скаутское правило — делать каждый день по одному доброму делу.

пожарные, «скорая помощь» и все такое, — Она шмыгнула носом. — Он был примерно того же возраста, что и ты.

— Я это учту, — сказал я, не зная зачем. — Мне пора идти, миссис Ричленд. Я хочу навестить мистера Боудича перед школой.

Она усмехнулась.

— Если это «Аркадия», то там часы посещения начинаются не раньше девяти. Тебя ни за что не пустят так рано.

2

Однако меня пустили. То, что мне надо успеть на уроки и бейсбольную тренировку, не вполне убедило даму на стойке регистрации, но когда я сказал, что это я вызвал «скорую», она разрешила мне подняться.

— Палата 322. Лифты справа от вас.

На полпути по коридору третьего этажа медсестра спросила меня, не к Говарду Боудичу ли я иду. Я ответил утвердительно и спросил, как у него дела.

— Ему уже сделали одну операцию, но понадобится еще одна. Потом ему предстоит довольно долгий период восстановления и много физической терапии. Должно быть, это возьмет на

себя Мелисса Уилкокс. У него сложный перелом ноги, и бедро тоже серьезно пострадало. Ему понадобится протезирование, иначе он проведет остаток жизни на ходунках или в инвалидном кресле, сколько бы терапии ему не пришлось проходить.

— Господи, — сказал я. — А он это знает?

— Врач, который делал операцию, сказал ему то, что ему нужно знать сейчас. Это ты вызвал «скорую»?»

— Да, мэм.

— Что ж, возможно, ты спас ему жизнь. Учитывая болевой шок и целый вечер на открытом воздухе…, — она покачала головой.

— На самом деле это собака. Я услышал вой его собаки.

— Так это собака звонила в 911?

Я признался, что это был я.

— Если ты хочешь его увидеть, то лучше поторопись. Я только что вколола ему обезболивающее, и он скоро уснет. Не считая сломанной ноги, у него серьезный недостаток веса — легкая добыча для остеопороза[41]. У тебя остается минут пятнадцать, пока он не заснет.

---

[41] Примечания: 41

Остеопороз — хроническое заболевание, для которого характерно повышение хрупкости костей.

3

Нога мистера Боудича была поднята вверх и зажата в хитроумном приспособлении, которое выглядело как кадр из комедийного фильма 1930-х годов… только мистер Боудич не смеялся, и я тоже. Морщины на его лице казались еще глубже, чем прежде, а темные круги под глазами — еще темнее. Его волосы выглядели высохшими и тонкими, редкие рыжие пряди в них словно выцвели. Наверное, у него был сосед, но я никогда его не видел, потому что другая половина палаты 322 была все время задернута зеленой шторой. Увидев меня, мистер Боудич попытался приподняться в постели, что заставило его поморщиться и с легким хрипом выдохнуть.

— Привет. Напомни, как тебя зовут. Если ты мне и говорил, то я не помню. Учитывая обстоятельства, это простительно.

Я тоже не мог вспомнить, сказал ли ему свое имя, поэтому назвал его снова (или в первый раз), а потом спросил, как он себя чувствует.

— Крайне дерьмово. Посмотри на меня, и сам увидишь.

— Мне очень жаль.

— Не так жаль, как мне, — словно опомнив-

шись, он постарался быть вежливым: — Спасибо, юный мистер Рид. Врачи говорят, что ты, возможно, спас мне жизнь. Сейчас кажется, что это не имеет большого значения, но, как якобы сказал Будда: «Все меняется». Иногда к лучшему, хотя, по моему опыту, это случается редко.

Я сказал ему — как и моему отцу, врачам «скорой» и миссис Ричленд, — что на самом деле его спасла собака. Если бы я не услышал ее вой, то просто проехал бы мимо на велосипеде.

— Как она? — спросил я.

— Отлично.

Я присел на стул у его кровати и показал ему фотографии Радар с ее обезьянкой. Он несколько раз переходил от одного фото к другому (мне пришлось показать ему, как это делается) и в это время выглядел не таким несчастным, но все равно больным. «*Предстоит долгий период восстановления*», — сказала медсестра. Как только он вернул телефон, его улыбка исчезла.

— Мне не сказали, как долго я пробуду в этом чертовом лазарете, но я не так глуп. Я знаю, что это займет немало времени. Думаю, пора подумать о том, чтобы усыпить ее. У нее была хорошая жизнь, но теперь ее лапы…

— Боже, не делайте этого! — сказал я с трево-

гой. — Я позабочусь о ней. Рад буду сделать это.

Он посмотрел на меня с выражением, которое впервые не было ни сердитым, ни усталым.

— Ты правда готов сделать это? Могу ли я доверить ее тебе?

— Да. У нее почти закончилась еда, но мой папа сегодня купит пакет с этим кормом «Ориджен». Я буду кормить ее в шесть утра и шесть вечера. Можете на меня рассчитывать.

Он потянулся ко мне, возможно, собираясь взять меня за руку или просто похлопать по ней. Я бы позволил это, но он быстро убрал руку.

— Это… очень мило с твоей стороны.

— Она мне нравится. И я ей тоже.

— Правда? Это хорошо. Она добрый старый друг, — его глаза заволокла пелена, голос стал хриплым. Что бы ни дала ему медсестра, это начинало действовать. — Она совсем не злая, но соседские дети до смерти ее пугались. Это мне тоже нравилось: большей частью это любопытные мелкие засранцы. Любопытные и шумные. И про грабителей можно было не думать — едва услышав Радар, они сбежали бы, роняя тапки. Но теперь она уже старая, — он вздохнул, потом закашлялся, что заставило его снова поморщиться. — И не только она.

— Я хорошо о ней позабочусь. Может, лучше забрать ее ко мне домой?

Его глаза немного прояснились, когда он обдумывал эту возможность.

— Она никогда не была в другом месте с тех пор, как я взял ее щенком. Только у меня дома… И во дворе…

— Миссис Ричленд сказала, что вы водили ее гулять.

— Та любопытная Варвара[42] через дорогу? Что ж, она права. Мы действительно ходили на прогулки — пока Радар могла гулять, не уставая. Теперь я бы побоялся уходить с ней на большое расстояние. Что, если я дойду с ней до Пайн-стрит, а она не сможет вернуться?

Он оглядел себя сверху вниз.

— Теперь я тоже не смогу вернуться. И дойти никуда не смогу.

— Я не буду давить на нее. В смысле, перетруждать.

Он как будто успокоился.

— Я заплачу тебе… за то, что она съест. И за потраченное время тоже.

— Не беспокойтесь об этом.

---

[42] Примечания: 42

В оригинале nosy-parker — американское выражение неясного происхождения, означающее человека, сующего нос в чужие дела.

— Возможно, она еще какое-то время будет в порядке, когда я вернусь домой. *Если* я вернусь.

— Так и будет, мистер Боудич.

— Раз уж ты собираешься… кормить ее… то зови меня Говардом.

Я не знал, смогу ли я это делать, но не стал спорить.

— Сможешь принести мне еще фотографии?

— Конечно. Я пойду, мистер… Говард. Вам нужно отдохнуть.

— Выбора все равно нет, — его глаза закрылись, потом медленно открылись снова. — Что бы она мне ни дала… ух! Эффект что надо.

Он снова закрыл глаза. Я встал и направился к двери.

— Мальчик… Напомни, как тебя зовут?

— Чарли.

— Спасибо тебе, Чарли. Я думаю, можно… дать ей еще один шанс. Не для меня… Одного раза мне достаточно… С годами жизнь становится бременем… Если ты проживешь достаточно долго, то поймешь это сам. Но ей… Радар… А потом я состарился и упал с гребаной лестницы…

— Я принесу вам еще фотографии.

— Отлично.

Я повернулся, чтобы уйти, и тут он сказал еще

кое-что, но не думаю, что это было сказано мне.

— Храбрец помогает, а трус только приносит подарки, — тут он окончательно замолчал и захрапел.

На полпути к выходу я увидел медсестру, с которой уже разговаривал; она выходила из палаты с чем-то похожим на пакет с мутной мочой. Увидев меня, она прикрыла свою ношу полотенцем и спросила, хорошо ли я провел время в гостях.

— Да, хотя к концу он стал говорить довольно бессвязно.

Она улыбнулась:

— Это действует демерол. Приходи еще, а теперь тебе пора в школу.

4

К тому времени, как я добрался до Хиллвью, второй урок продолжался уже десять минут, и школьные коридоры были пусты. Я зашел в учительскую, чтобы получить справку об опоздании у миссис Сильвиус, милой пожилой дамы с пугающе-синими волосами. Ей было по меньшей мере семьдесят пять, она давно перешагнула пенсионный возраст, но все еще неплохо соображала и имела хорошее чувство юмора. Думаю, юмор просто необходим при общении с подростками.

— Слышала, ты вчера спас жизнь человеку, — сказала она, подписывая справку.

— Кто вам это сказал?

— Птичка принесла на хвосте. Чирик-чирик-чирик. Слухи уже ходят, Чарли.

Я ответил:

— На самом деле это был не я, а собака того человека. Я услышал, как она воет, — Я уже устал рассказывать это, потому что мне никто не верил. И это было странно — я думал, всем нравятся истории о собаках-героях. — Я только позвонил в 911.

— Ну, как скажешь. А теперь беги в класс.

— Могу я сначала вам кое-что показать?

— Только быстро.

Я достал свой телефон и показал ей фотографию телевизора мистера Боудича, которую я снял.

— Это ведь антенна сверху, верно?

— Мы называли такие «кроличьи уши», — сказала миссис Сильвиус. Ее улыбка была очень похожа на ту, что была у мистера Боудича, когда он рассматривал фотографии Радар с ее обезьянкой. — Когда-то мы заматывали их кончики фольгой — считалось, что это улучшает прием сигнала. Но какой телевизор, Чарли! Боже мой! Он что, действительно работает?

— Не знаю. Я его не включал.

— Первый наш телевизор выглядел именно так. Настольная модель «Зенит». Он был такой тяжелый, что отец сорвал спину, поднимая его по ступенькам в квартиру, где мы тогда жили. Мы смотрели его часами. Энни Оукли, Дикий Билл Хикок, Капитан Кенгуру, Кролик-Крестоносец[43]… Боже, смотрели, пока не заболит голова! А однажды он сломался, по экрану бегали бесконечные волны, и тогда отец вызвал мастера по ремонту телевизоров, который приехал с чемоданом, полным трубок.

— Трубок?

— Это вакуумные лампы. Они светились оранжевым, так же как старые лампочки. Он заменил ту, которая испортилась, и телевизор снова заработал нормально.

Она еще раз посмотрела на фотографию в моем телефоне.

— Конечно, трубки у этого давно бы перего-

---

[43] Примечания: 43

Энни Оукли (наст. Фиби Энн Моузли)(1860–1926) — женщина-ковбой, прославившаяся меткой стрельбой на представлениях Буффало Билла; Джеймс Батлер Хикок (1837–1876), известный как «Дикий Билл» — один из самых известных героев Дикого Запада. Капитан Кенгуру — персонаж одноименной телепрограммы для детей, выходившей в 1955 — 75 гг., которого бессменно играл актер Боб Кишан. Кролик-Крестоносец — герой детского пародийного телесериала, выходившего в 1950 — 59 гг.

рели.

— Мистер Боудич, наверно, купил его на «eBay» или «Craigslist»[44], — сказал я. — В Интернете можно купить все, что угодно. Если, конечно, вы можете себе это позволить.

Только я не думал, что мистер Боудич пользуется Интернетом.

Миссис Сильвиус вернула мне телефон.

— Ступай, Чарли. Тебя ждет физика.

5

Тренер Харкнесс на тренировке в тот день не отставал от меня, как белизна от риса[45]. Или, точнее, как муха от дерьма — потому что играл я дерьмово. Во время упражнения с тремя конусами я постоянно бежал не туда, а один раз попытался двигаться в обе стороны сразу и шлепнулся на задницу, что вызвало общее веселье. Дабл-плей застал меня врасплох, мяч второго игрока снизу просвистел мимо того места, где я должен был был стоять, и отскочил от стены спортзала. Когда тренер пробил удар в мою сторону, я хорошо

---

[44] Примечания: 44
Крупные американские интернет-магазины.

[45] Примечания: 45
«Белизна на рисе» означает нечто неотделимое.

видел мяч, но не успел опустить перчатку, и мяч, катясь со скоростью пешехода, пролетел у меня между ног. Но последней каплей для тренера стал бант[46], в котором я отправил мяч прямо к питчеру, вместо того, чтобы удержать на линии третьей базы.

Тренер вскочил со своего шезлонга и прошествовал к площадке, тряся животом, а свисток подпрыгивал между его немаленькими сиськами.

— Господи Иисусе, Рид! Ты ползаешь по полю, как старая леди! Перестань бить по мячу — просто опусти биту и дай мячу столкнуться с ней. Сколько раз я должен это повторять?

Он выхватил из моих рук биту, оттолкнул меня локтем в сторону и поманил к себе Рэнди Моргана, взятого в тот день запасным питчером.

— Давай, брось это как следует!

Рэнди бросил со всей силы, тренер наклонился и продемонстрировал идеальный бант, отправив мяч точно на третью базу. Стив Домбровски попытался поймать его там, но не смог.

Тренер торжествующе повернулся ко мне.

— Вот! Вот как это делается! Не знаю, о чем ты

---

[46] Примечания: 46

Бант — игровая ситуация в бейсболе, при которой бэттер вводит мяч в игру с помощью замедленного удара битой с дальнего расстояния.

там думаешь, но забудь об этом и соберись!

Я думал о Радар, сидящей в доме мистера Боудича и ждущей моего прихода. Двенадцать часов для меня — это три с половиной дня для нее. Она не знала, почему ее оставили одну, и не могла играть с пищащей обезьянкой, поскольку рядом не было никого, кто мог бы ее бросить. Вытерпит ли она, чтобы не нагадить в доме, или — с запертой собачьей дверцей, — не сможет терпеть так долго? А если так, то поймет ли, что это не ее вина? Еще я думал про заросший газон и покосившийся штакетник.

Тренер Харкнесс вручил мне биту.

— Теперь отбей один раз и сделай это как следует.

Рэнди бросил мяч не слишком сильно — я знал, что он хочет мне помочь. Я точно отправил его в цель, Рэнди даже не пришлось сходить с места, чтобы его поймать.

— Что ж, хорошо, — сказал тренер. — А теперь сделай пять.

Это означало пять кругов по спортзалу.

— Нет.

Вся болтовня в спортзале разом смолкла — как на нашей половине, так и у девчонок, играющих в волейбол. Все смотрели на меня. Рэнди прикрыл

рот перчаткой, возможно, скрывая улыбку.

Тренер упер руки в свои мясистые бока:

— Что ты мне сейчас сказал?

Я не бросил биту, потому что не был взбешен. Я просто протянул ее тренеру, и он с удивленным видом взял ее.

— Я сказал «нет». С меня хватит.

Я направился к двери, которая вела к шкафчикам.

— А ну вернись, Рид!

Я даже не покачал головой, продолжая идти.

— Возвращайся сейчас, а не когда остынешь — потому что тогда будет уже поздно!

Но я и был остывшим — остывшим и спокойным. Даже счастливым, как будто увидел, что сложная математическая задача совсем не так сложна, как кажется на первый взгляд.

— Черт возьми, Рид! — в его голосе зазвучала легкая паника. Может быть, потому, что я был его лучшим нападающим, или потому, что этот бунт происходил на глазах у остальной команды. — Вернись! Победители никогда не сдаются, а тот, кто сдается, не выигрывает!

— Тогда зовите меня неудачником, — сказал я.

Я спустился по лестнице в раздевалку и переоделся. Это был конец моей бейсбольной карьеры

в средней школе Хиллвью, но жалел ли я об этом? Нисколько. Жалел ли о том, что подвел своих товарищей по команде? Немного, но, как любил повторять тренер, в команде нет «я». Им придется обходиться без меня, а у меня были другие дела, о которых нужно заботиться.

6

Я выгреб почту из ящика мистера Боудича — ничего личного, обычный мусор, — и вошел через заднюю дверь. Радар не могла запрыгнуть на меня, наверное, у нее был плохой день, поэтому я осторожно взял ее за передние лапы, поднял их и положил себе на талию, чтобы погладить ее по запрокинутой голове и седеющей морде. Она осторожно спустилась с крыльца, сделала свои дела и поднялась обратно, окинув сперва ступеньки оценивающим взглядом. Я сказал ей, что она хорошая девочка и тренер Харкнесс гордился бы ею. Потом несколько раз бросил ей пищащую обезьянку и сделал снимки. В ее корзинке для игрушек нашлись и другие пищалки, но обезьянка явно была ее любимицей.

Она последовала за мной, когда я пошел убирать упавшую лестницу. Я отнес ее к сараю, увидел на двери тяжелый висячий замок и тогда

просто поставил ее под карниз. Пока я это делал, Радар вдруг начала рычать. Она сидела на корточках в двадцати футах перед запертой на замок дверью, прижав уши и оскалившись.

— В чем дело, девочка? Если туда забрался скунс или сурок, я ничего не могу с этим поделать…

Тут из-за двери донеслось царапанье, за которым последовал странный чирикающий звук, от которого у меня встали дыбом волосы на затылке. Этот звук не мог издавать никакой зверь, я никогда не слышал ничего подобного. Радар залаяла, потом заскулила и попятилась назад, все еще прижимаясь животом к земле. Мне самому захотелось попятиться, но вместо этого я постучал в дверь тыльной стороной кулака и стал ждать. Никто не ответил. Я мог бы списать эти звуки на мое воображение, если бы не поведение Радар, но в любом случае ничего не мог с этим поделать. Дверь была заперта, а окна в сарае отсутствовали.

Я еще раз стукнул в дверь, надеясь, что странный звук повторится. Этого не произошло, и я пошел обратно к дому. Радар с трудом поднялась на ноги и последовала за мной. Оглянувшись один раз, я увидел, что она тоже смотрит назад.

7

Некоторое время я играл с Радар в обезьянку. Когда она легла на линолеум и посмотрела на меня взглядом, означающим «хватит», я позвонил отцу и сказал, что бросил бейсбол.

— Я знаю, — сказал он. — Тренер Харкнесс уже звонил мне. Он сказал, что вы слегка поцапались, но он готов вернуть тебя при условии, что ты извинишься сначала перед ним, а потом перед всей командой. Потому что ты их подвел, как он сказал.

Это не только разозлило меня, но и рассмешило.

— Папа, это был не финал штата, а просто тренировка в спортзале. И он вел себя как придурок.

Хотя я привык к этому — мы все привыкли. Фотография тренера Х. могла бы стоять в словаре рядом со словом «говнюк».

— Значит, извинений не будет, я правильно понял?

— Я мог бы извиниться только за то, что отвлекался, потому что это правда. Я думал о мистере Боудиче, и о Радар, и об этом доме. Он еще не развалился, но это вот-вот произойдет. Я могу тут многое сделать, если у меня будет время, и теперь

оно у меня есть.

Ему потребовалось несколько секунд, чтобы переварить это, а потом он сказал:

— Я не уверен, что понимаю, зачем тебе это нужно. Забота о собаке, должно быть, это мицва[47], но ты ведь ничего не знаешь про этого Боудича.

Что я должен был ответить? Мог ли я сказать отцу, что заключил сделку с Богом? Даже если бы он не стал смеяться (хотя, вероятно, рассмеялся бы), он сказал бы, что такие мысли лучше оставить детям, евангелистам и зрителям кабельных каналов, которые верят, что какая-то волшебная подушка или диета вылечат их от всех болезней. Что хуже всего, он может подумать, что я пытаюсь поставить себе в заслугу его трезвость, которую он так усердно поддерживал. И еще кое-что: это было мое личное. Мой секрет.

— Чарли? Ты еще там?

— Я тут. Все, что я могу сказать — это то, что я хочу сделать там все, что смогу, пока он снова не встанет на ноги.

Папа вздохнул.

---

[47] Примечания: 47

Мицва (на древнееврейском «повеление» или «приказание») — в иудаизме божественное предписание, заповедь. В обиходной речи — любое доброе дело.

— Он не ребенок, который упал с яблони и сломал руку. Он старик. Он может никогда уже не встать на ноги. Ты думал об этом?

Я не думал и не видел причин начинать.

— Ты же помнишь, что говорится в вашей программе — каждому дню своя забота.

Он усмехнулся:

— Мы еще говорим, что прошлое — это история, а будущее — тайна.

— Хорошая мысль, папа. Значит, с бейсболом мы разобрались?

— Да, но попадание в сборную штата в конце сезона хорошо смотрелось бы в твоей заявке в колледж. Ты ведь знаешь это?

— Да

— А как насчет футбола? От него ты тоже думаешь избавиться?

— Не сейчас, — когда дело доходило до футбола, мне, по крайней мере, не приходилось иметь дело с тренером Харкнессом. — Мистеру Боудичу может стать лучше к началу тренировок в августе.

— Или нет.

— Или нет, — согласился я. — Будущее — тайна.

— Это действительно так. Когда я думаю о том вечере, когда твоя мать решила прогуляться в

«Зиппи»…

Он замолчал. Я тоже не мог придумать, что сказать.

— Сделай для меня одну вещь, Чарли. Приходил репортер из «Уикли Сан» и попросил твой телефон. Я не дал его, но записал его номер. Он хочет взять у тебя интервью о спасении Боудича. Это может оказаться полезным для тебя — думаю, тебе надо согласиться.

— На самом деле я не спасал его, это Радар…

— Можешь сказать ему это. Но если у колледжей, в которые ты будешь подавать заявление, возникнет вопрос, почему ты бросил бейсбол, такая статья…

— Я понял. Дай мне его номер.

Он дал, и я занес номер в свои контакты.

— Будешь дома к ужину?

Конечно, как только накормлю Радар.

— Постараюсь.

— Хорошо. Я люблю тебя, Чарли.

Я сказал, что тоже люблю его, и это было правдой. Мой отец — хороший человек. Ему пришлось нелегко, но он справился с этим. Не всем это удается.

8

Покормив Радар и сказав ей, что вернусь утром, я пошел к сараю. Мне не очень-то этого хотелось — в сгущающейся темноте холодного апрельского вечера в этом маленьком здании без окон было что-то очень неприятное. Я постоял перед запертой на висячий замок дверью, прислушиваясь. Никакого царапанья, никакого странного чириканья, как у каких-то инопланетян в научно-фантастическом фильме. Я не хотел стучать в дверь кулаком, но заставил себя сделать это. Дважды, причем сильно.

Ничто не отозвалось. Это было облегчением.

Я сел на велосипед, съехал вниз по Сикаморстрит к своему дому, забросил перчатку на верхнюю полку шкафа и некоторое время смотрел на нее, прежде чем закрыть дверь. Бейсбол — хорошая игра. Нет ничего лучше, чем подняться на девятое место и сократить отставание команды на одно очко. И ничего лучше, чем ехать на автобусе с выездной игры после победы, когда все смеются, шумят и хлопают друг друга по спине. Так что да — я немного сожалел, но не слишком сильно. Я думал о том высказывании Будды: *все меняется* — и решил, что в этих двух коротких

словах много правды. Чертовски много.

Я набрал номер репортера. «Уикли Сан» было бесплатным изданием, в котором содержалось несколько местных новостей и спортивных репортажей, похороненных под грудой рекламы. У двери «Зиппи» всегда лежала куча этих газет с надписью «ВОЗЬМИ ОДНУ», к которой какой-то остряк добавил: «ЗАБИРАЙ ХОТЬ ВСЕ». Репортера звали Билл Гарриман. Я ответил на его вопросы, еще раз отдав большую часть заслуг Радар, после чего мистер Гарриман спросил, может ли он сфотографировать нас двоих.

— Ну, не знаю. Мне нужно разрешение мистера Боудича, а он в больнице.

— Спроси его завтра или послезавтра, можешь ли ты это сделать. Мне нужно в ближайшее время написать статью, она должна выйти в номере на следующей неделе.

— Я спрошу, если смогу, но, по-моему, ему назначили еще одну операцию. В больнице меня могут не пустить к нему, а я действительно не могу это сделать без его разрешения, — последним, чего я хотел, это чтобы мистер Боудич разозлился на меня, а он был из тех людей, которые легко выходят из себя. Позже я нашел слово для таких людей — их называют «мизантропами».

— Понял, понял. В любом случае, дай мне знать, как только что-то выяснится. Эй, разве ты не тот парень, который забил победный тачдаун[48] в игре со «Стэнфорд Преп» в Индюшачьем кубке в ноябре прошлого года?

— Это был я, но это не было похоже на игру из десятки лучших в «Спортс Сентер»[49] или что-то вроде этого. Мы были на их двухярдовой линии, и я просто пробил оттуда.

Он рассмеялся.

— Да ты скромник! Мне это нравится. Позвони обязательно, Чарли.

Я сказал, что так и сделаю, повесил трубку и спустился вниз, чтобы посмотреть телевизор с отцом прежде чем сесть за уроки. Было интересно, что делает Радар. Что ж, теперь у меня было новое занятие. Я снова вспомнил про изречение Будды — оно хорошо подходило к этому случаю.

---

[48] Примечания: 48

Тачдаун (в переводе «приземление») — занос мяча в зачетную зону соперника в американском футболе.

[49] Примечания: 49

Популярная телепрограмма о спорте, выходящая ежедневно на кабельном канале ESPN.

Глава четвертая
В гостях у мистера Боудича. Энди Чен. В подвале. О других новостях. Собрание в больнице

1

Когда я на следующее утро появился в доме 1 по Сикамор-стрит, Радар приветствовала меня радостно, но не так бурно. Это навело меня на мысль, что она постепенно привыкает к новым порядкам. Она сделала свои утренние дела, съела завтрак (папа привез домой двадцатипятифунтовый мешок с ее кормом), а потом захотела поиграть с обезьянкой. Когда ей это надоело, у меня еще оставалось немного времени, поэтому я пошел в гостиную посмотреть, работает ли старинный телевизор. Несколько минут я искал пульт, но, конечно же, дурацкий ящик мистера Боудича был произведен задолго до появления пультов. Под экраном располагались два больших тумблера. На том, что справа, были цифры — каналы, как я предположил, — поэтому я повернул тот, что слева.

Гул телевизора был не таким пугающим, как звуки из сарая, но все равно немного настораживал. Я отступил назад, надеясь, что он не взорвется. Через некоторое время в поле зрения появилось сегодняшнее ток-шоу — Мэтт Лауэр и

Саванна Гатри[50] болтали о чем-то с парой политиков. Изображение было не 4K[51] и даже не 1K, но что-то можно было разобрать. Я попробовал пошевелить антенну, которую миссис Сильвиус назвала «кроличьими ушами». Повернул в одну сторону, и картинка стала лучше (но не слишком), повернул в другую — и изображение исчезло в снежной буре. Я заглянул за телевизор: задняя стенка была усеяна маленькими отверстиями для отвода тепла — а его было немало, — сквозь которые виднелось оранжевое свечение ламп. Я был почти уверен, что это они издавали жужжащий звук.

Я выключил телевизор, думая, как, должно быть, неудобно вставать каждый раз, когда хочешь переключить канал. Сказал Радар, что мне пора в школу, но сначала нужно сделать еще одну фотографию. И протянул ей обезьянку:

— Ты не против подержать ее во рту? Это будет мило.

---

[50] Примечания: 50

Мэтт Лауэр (род. 1957) — бывший ведущий программы «Today» на NBC с 1996 по 2017 гг., уволенный из-за обвинения в сексуальных домогательствах. Саванна Гатри (род. 1971) — соведущий утреннего шоу NBC «News Today» с 2012 г.

[51] Примечания: 51

Разрешение в цифровом телевидении, соответствующее 4096 пикселям по горизонтали.

Радар была рада мне услужить.

2

Так как мне больше не надо было идти на тренировку по бейсболу, до больницы я добрался уже к середине дня. На стойке регистрации я спросил, можно ли Говарду Боудичу принимать посетителей — медсестра сказала, что ему нужна еще одна операция. Дежурная что-то проверила на своем мониторе и сказала, что для меня посещения разрешены. Когда я повернулся к лифтам, она попросила меня задержаться для заполнения какой-то формы. Это была моя контактная информация «на случай необходимости». Обратившимся пациентом был Говард Адриан Боудич, а мое имя указано как Чарльз Рид.

— Это вы, не так ли? — спросила дежурная.

— Да, но фамилия написана неправильно, — я зачеркнул ее и заменил правильной[52].

— А почему он сказал, чтобы вы связались со мной? Разве у него никого больше нет? Какого-нибудь брата или сестры? Не думаю, что я достаточно взрослый, чтобы принимать какие-то важные решения, например, если..., — Я не хотел

---

[52] Примечания: 52
В ориниале Reed и Read — обе фамилии произносятся как «Рид».

заканчивать, но ей это было и не нужно.

— Он подписал ДНР[53] перед тем, как лечь на операцию. Такая форма нужна только для того, чтобы вы могли ему что-нибудь принести.

— Что такое ДНР?

Дежурная объяснила, хотя это было совсем не то, что я хотел услышать. Она так и не ответила на мой вопрос о родственниках, потому что, вероятно, не знала — откуда ей это знать? Я заполнил форму, указав свой домашний адрес, электронную почту и номер мобильного. Потом поднялся наверх, думая, что есть целая куча вещей, которых я не знаю о Говарде Адриане Боудиче.

3

Он не спал, и его нога больше не была подвешена, но, судя по его медленной речи и остекленевшему взгляду, он снова был под кайфом.

— Опять ты, — сказал он, что было не очень-то приятно слышать.

— Опять я.

Тут он улыбнулся. Если бы я знал его лучше, я бы сказал, что он должен чаще улыбаться.

---

[53] Примечания: 53

Эта аббревиатура расшифровывается как «Do Not Resusciatate» или «отказ от реанимации».

— Пододвинь стул ближе, и я покажу тебе, как мои дела.

Одеяло доходило ему до пояса. Он оттянул его назад, обнажив сложное стальное приспособление, которое охватывало его ногу от голени до верхней части бедра. В его плоть входили тонкие стержни, а места входа были закрыты маленькими резиновыми прокладками, темными от засохшей крови. Его колено было забинтовано и выглядело большим, как хлебный каравай. Веер тех же тонких стержней проходил через повязку.

Он увидел выражение моего лица и усмехнулся.

— Похоже на орудие пыток времен инквизиции, не так ли? Это называется внешним фиксатором.

— Это больно? — думаю, это был самый глупый вопрос года. Эти стержни из нержавеющей стали, должно быть, впивались прямо в кости его ног.

— Уверен, было бы больно, но, к счастью, у меня есть вот это, — он поднял левую руку, в которой было устройство, похожее на пульт, отсутствующий у его старого телевизора. — Это дозатор обезболивающего. Его хватает, чтобы заглушить боль, но недостаточно, чтобы получить кайф. Но поскольку я никогда не употреблял ничего

сильнее эмпирина, мне кажется, что я наполнен кайфом, как воздушный змей.

— Может быть, так и есть, — сказал я, и на этот раз он не просто хихикнул, а рассмеялся в голос. Я смеялся вместе с ним.

— Думаю, больно будет от *этого*, — он дотронулся до фиксатора, который образовывал ряд металлических колец вокруг ноги, такой черной от синяков, что на нее было больно даже смотреть. — Врач, который закреплял его сегодня рано утром, сказал, что это устройство изобрели русские во время Сталинградской битвы.

Он прикоснулся к одному из тонких стальных стержней, входящему в тело прямо над окровавленной прокладкой.

— Они сделали эти стабилизирующие стержни из велосипедных спиц.

— Как долго вам придется его носить?

— Шесть недель, если мне повезет и все будет заживать как надо. Три месяца, если не повезет. Они поставили мне какое-то навороченное устройство, думаю, что титановое, но к тому времени, как фиксатор снимут, моя нога застынет намертво. Физиотерапия должна привести ее в чувство, но мне сказали, что эта терапия «будет сопряжена со значительным дискомфортом».

Как человек, который знает, кем был Ницше, ты можешь перевести это.

— Наверное, это значит, что будет чертовски больно.

Я надеялся снова услышать его смех — по крайней мере, смешок, — но он только слабо улыбнулся и дважды постучал большим пальцем по устройству для доставки кайфа.

— Думаю, ты совершенно прав. Если бы мне посчастливилось покинуть эту бренную оболочку во время операции, я был бы избавлен от этого значительного дискомфорта.

— Вы не должны так говорить.

Его брови — седые и кустистые — сошлись вместе.

— Не указывай мне, что я должен говорить. Это принижает меня, а тебя заставляет выглядеть глупо. Я знаю, с чем имею дело, — потом, почти нехотя, он выдавил. — Я благодарен тебе за то, что ты пришел повидать меня. Как поживает Радар?

— Хорошо, — я показал ему новые снимки, которые сделал. Он задержался на фотографии Радар с обезьянкой во рту. Наконец он вернул мне телефон.

— Хотите, я распечатаю ее для вас, раз у вас нет телефона, на который ее можно отправить?

— Мне бы очень этого хотелось. Спасибо, что кормишь ее. И уделяешь ей внимание. Я уверен, что она это ценит. И я тоже.

— Она мне нравится. Мистер Боудич…

— Говард.

— Хорошо, Говард. Я бы хотел подстричь ваш газон, если вы не против. В том сарае есть косилка?

Его глаза стали настороженными, и он положил обезболивающий контроллер на кровать.

— Нет. В этом сарае ничего нет. В смысле — ничего полезного.

Тогда почему он заперт? Это был вопрос, который у меня хватило ума не задавать.

— Хорошо, я возьму нашу. Мы живем чуть дальше по улице.

Он вздохнул, как будто это было для него слишком большой проблемой. Учитывая то, как он провел день, вероятно, так и было.

— Зачем тебе это делать? За плату? Ты ищешь работу?

— Нет.

— Тогда почему?

— Я не очень хочу об этом говорить. Бьюсь об заклад, есть вещи, о которых вы тоже не хотите говорить, верно? — банка с мукой была первой

такой вещью, сарай — второй.

Он не усмехнулся, но слегка скривил губы.

— Слишком верно. Это что, какая-то китайская штука? Спас человеку жизнь и теперь несешь за него ответственность?

— Нет, — я подумал о жизни моего отца. — Могу не подходить к сараю, но я постригу вашу траву и, может быть, заодно починю забор перед домом. Если вы хотите.

Он долго смотрел на меня, а потом спросил с поразившим меня озарением:

— Если я скажу «да», окажу ли я тебе услугу?

Я улыбнулся:

— На самом деле так и будет.

— Ладно, хорошо. Но косилка быстро подавится этой травой и сдохнет. В подвале есть кое-какие инструменты. Большинство из них предназначено для сбора дерьма, но там имеется коса, которая может срезать это безобразие до уровня, подходящего для косилки — конечно, если ее очистить от ржавчины и наточить. Точильный камень должен лежать на верстаке Но не позволяй Радар спускаться в подвал. Там крутые ступеньки, и она может упасть.

— Ладно. А лестница — что мне с ней делать?

— Он лежала под задним крыльцом. Жаль, что

я не оставил ее там, тогда бы меня здесь не было. Чертовы врачи с их чертовыми плохими новостями. Что-нибудь еще?

— Еще… репортер из «Уикли Сан» хочет написать обо мне статью.

Мистер Боудич закатил глаза.

— Из этого листка! Ты собираешься ему разрешить?

— Мой отец за то, чтобы я это сделал. Говорит, что это может помочь мне с поступлением в колледж.

— Может, и так. Хотя… это ведь не «Преступления в Нью-Йорке», не так ли?[54]

— Парень просил о моей фотографии с Радар. Я сказал, что спрошу у вас, но подумал, что вы не разрешите. И это меня вполне устраивает.

— Собака-герой — это тот ракурс, которого он хочет? Или тот, который тебе нужен?

— Я думаю, что она заслужила похвалу, вот и все, а она уж точно не может попросить об этом.

Мистер Боудич задумался.

— Ладно, но я не хочу, чтобы это было в доме. Выйди с ней на дорожку. Пусть он сфотографирует вас у калитки. Или за калиткой, — он взял свой

---

[54] Примечания: 54

Речь идет о популярном альманахе, описывающем места и обстоятельства самых известных преступлений, совершенных в Нью-Йорке.

дозатор обезболивающего и пару раз надавил на него. Потом добавил — неохотно, почти со страхом. — На крючке у входной двери висит поводок. Я уже давно им не пользовался. Ей может понравиться прогулка вниз по холму… но только на поводке, имей в виду. Если она попадет под машину, я никогда тебе этого не прощу.

Я сказал, что понимаю его, и уверен, что понимал. У мистера Боудича не было ни братьев, ни сестер, ни ушедшей жены, ни умершей. Радар — вот все, что у него осталось.

— И не заходите слишком далеко. Когда-то давно она могла легко пробежать четыре мили, но те времена прошли. А сейчас тебе лучше уйти. Думаю, я буду спать, пока мне не принесут тарелку помоев, которые в этом заведении называют ужином.

— Ладно. Был рад вас повидать.

Так оно и было на самом деле. Он мне нравился, и мне, наверное, не нужно говорить вам почему, но я скажу. Потому что он любил Радар, и я уже тоже любил ее.

Я встал, хотел было похлопать его по руке, но не стал и направился к двери.

— О Боже, есть еще кое-что, — сказал он. — По крайней мере, одна вещь, о которой я могу сейчас

вспомнить. Если я все еще буду здесь в понедельник — а я буду здесь, — мне привезут продукты.

— Доставка от Крогера?

Он снова бросил на меня свой «идиотский» взгляд.

— «Тиллер и сыновья».

Я знал о Тиллере, но мы не ходили туда за покупками, потому что это был «магазин для гурманов» — то есть дорогой. У меня остались смутные воспоминания о том, как мама привезла мне оттуда праздничный торт, когда мне было лет пять или шесть. Между слоями были лимонная глазурь и сливки, и я думал, что это самый вкусный торт в мире.

— Этот человек обычно приезжает по утрам. Можешь ли ты позвонить им и сказать, чтобы они отложили доставку до второй половины дня, когда ты будешь там? Заказ у них есть.

— Ладно.

Он поднес руку ко лбу. Я не был уверен, потому что уже стоял в двери, но мне показалось, что рука немного дрожит.

— И тебе придется заплатить. Ты сможешь это сделать?

— Конечно, — я мог попросить папу выписать мне незаполненный чек и указать сумму.

— Скажи им, чтобы отменили еженедельный заказ, пока не получат от меня известий. Следи за своими расходами.

Он медленно провел рукой по лицу, как будто хотел разгладить морщины — безнадежное дело, если он и правда этого хотел.

— Черт возьми, ненавижу зависеть от кого-то. Зачем я вообще залез на эту лестницу? Надо было взять эти дурацкие пилюли.

— С вами все будет в порядке, — сказал я, но, идя по коридору к лифтам, продолжал думать о том, что он сказал, когда мы говорили о лестнице: *чертовы врачи с их чертовыми плохими новостями*. Возможно, он имел сейчас в виду то, сколько времени потребуется, чтобы его чертова нога зажила, или о том, что скоро в доме появится чертов физиотерапевт (а заодно, быть может, и чертов шпион).

Но я не был в этом уверен.

4

Я позвонил Биллу Гарриману и сказал ему, что он может сфотографировать меня и Радар, если все еще хочет. Я изложил ему условия мистера Боудича, и Гарриман сказал, что это нормально.

— Он вроде отшельника, так? Я ничего не могу

найти о нем ни в наших файлах, ни в «Маяке».

— Не знаю. Вас устраивает субботнее утро?

Его устраивало, и мы договорились на десять часов. Я сел на велосипед и поехал домой, легко крутя педали и напряженно размышляя. Сначала о Радар. Ее поводок висел в прихожей, глубже, чем я когда-либо проникал в большой старый дом. Когда я подумал об этом, то вспомнил, что на ошейнике Радар нет идентификационной бирки. Что, вероятно, означает отсутствие справки на собаку, удостоверяющей, что она не больна бешенством или чем-нибудь еще. Была ли Радар когда-нибудь у ветеринара? Я предполагал, что нет.

Мистеру Боудичу доставляли продукты, что казалось мне высококлассным способом получить пиво и конфеты, а «Тиллер и сыновья», безусловно, был высококлассным магазином, где закупались высококлассные люди с большим количеством зелени в карманах. Это заставило меня, как прежде моего отца, задуматься о том, чем мистер Боудич зарабатывал на жизнь до того, как ушел на покой. У него был богатый словарный запас, почти как у педагога, но я не думал, что вышедшие на пенсию учителя могут позволить себе покупки в магазине, который хвастается на-

личием «углубленного винного погреба». Старый телевизор. Ни компьютера (я был в этом уверен), ни мобильника. Машины тоже нет. Я знал его второе имя, но не знал, сколько ему лет.

Вернувшись домой, я позвонил Тиллеру и договорился о доставке продуктов в три часа в понедельник. Я подумывал о том, чтобы взять домашнее задание в дом Боудича, когда в мою дверь впервые за бог весть сколько времени постучал Энди Чен. В детстве мы с Энди и Берти Бердом были неразлучны, даже называли себя «Три мушкетера», но семья Берти переехала в Дирборн (возможно, к счастью для меня), а Энди теперь был умником, который посещал кучу курсов AP[55], включая физику в соседнем филиале университета Иллинойса. Конечно, он был еще и спортсменом, преуспев в двух видах спорта, которыми я не занимался. Одним из них был теннис, другим баскетбол, где его тренировал Харкнесс, и я мог догадаться, зачем Энди ко мне явился.

— Тренер говорит, что ты должен вернуться и играть в бейсбол, — сказал Энди, проверив наш холодильник на предмет каких-нибудь аппе-

[55] Примечания: 55

AP или Advanced Placement — курсы повышенной сложности в старших классах американской школы, повышающие шанс на поступление в университет.

титных закусок и остановившись на остатках курицы «кунг пао». — Говорит, что ты подводишь команду.

— О-о, собирай вещи, мы едем путешествовать с чувством вины, — сказал я. — Я так не думаю.

— Еще он говорит, что тебе не нужно извиняться.

— Я и не собираюсь.

— Он совсем поехал мозгами, — пожаловался Энди. — Знаешь, как он меня называет? Желтая Угроза[56]. Как в кино — «иди туда, Желтая Угроза, и сторожи этого здоровенного ублюдка».

— И ты миришься с этим? — я был одновременно удивлен и шокирован.

— Он думает, что это комплимент, который я считаю забавным. Кроме того, еще два сезона, и я уйду из «Хиллвью» и буду играть за «Хофстру». Отдел 1, я иду! Полный вперед, детка! Я перестану быть Желтой Угрозой. Ты что, действительно спас жизнь этому старику? Так говорят в школе.

— Это собака его спасла. Я только позвонил в 911.

— И она не перегрызла тебе горло?

— Нет. Она очень хорошая. И уже старая.

---

[56] Примечания: 56

Желтая Угроза (Yellow Peril) — расистское прозвище азиатов, часто употреблявшееся в старых американских фильмах и комиксах.

— Она не была старой в тот день, когда я ее увидел. В тот день она жаждала крови. Там жутко внутри? Чучела зверей? Кот-часы, который следит за тобой глазами? Бензопила в подвале? Парни говорят, что он может быть серийным убийцей.

— Он не убийца и дом этот вовсе не жуткий, — это было правдой: жутким был сарай. И этот странный чирикающий звук оттуда. Радар тоже знала, что этот звук жуткий.

— Хорошо, — сказал Энди, — я передал тебе, что просили. Есть еще что-нибудь поесть? Может, печенье?

— Нет.

Печенье было в доме мистера Боудича. Шоколадно-зефирное печенье с пеканом, несомненно, купленное в «Тиллере и сыновьях».

— Ладно. Пока, чувак.

— Пока, Желтая Угроза.

Мы посмотрели друг на друга и расхохотались. На минуту или две нам показалось, что нам снова одиннадцать.

5

В субботу я сфотографировался с Радар. В прихожей действительно был поводок, висевший

рядом с зимним пальто, под которым стояла пара старомодных галош. Я подумал о том, чтобы обшарить карманы пальто — понимаете, просто чтобы посмотреть, что я могу там найти, — но убедил себя, что шпионить нехорошо. К поводку был прикреплен запасной ошейник, но бирки не было; найти собаку мистера Боудича городские власти могли только, ха-ха, при помощи радара. Мы вышли на дорожку перед домом и стали ждать, когда появится Билл Гарриман. Он приехал на старом потрепанном «мустанге» и выглядел так, словно закончил колледж всего год назад.

Когда он припарковался и вышел, Радар символически зарычала. Я сказал ей, что все в порядке, и она успокоилась, только прижала нос к ржавым прутьям калитки, чтобы понюхать его штанину. Однако она снова зарычала, когда он просунул свою руку через калитку, чтобы пожать мою.

— Охранная порода, — заметил он.

— Наверно, да.

Я ожидал, что у него будет большая камера — должно быть, почерпнул эту идею из какого

— нибудь фильма «Тернер классик»[57] о бравых газетных репортерах, — но он всего лишь сфотографировал нас на свой телефон. После двух или трех снимков он спросил, не может ли собака сесть.

— Если она это сделает, встань на колени рядом с ней. Это было бы неплохо — мальчик и его собака.

— Она не моя, — поправил я, думая, что на самом деле моя — по крайней мере, в данный момент. Я велел Радар сесть, не зная, послушает ли она. Она сделала это тут же, как будто только и ждала команды. Присев рядом с ней, я заметил, что миссис Ричленд вышла посмотреть на нас, прикрывая глаза рукой.

— Обними ее, — сказал Гарриман.

Когда я это сделал, Радар лизнула меня в щеку, что заставило меня засмеяться. Это была именно та фотография, которая появилась в следующем номере «Сан» — и не только там, как оказалось.

— Как там в доме? — спросил Гарриман, указав на него.

Я пожал плечами.

---

[57] Примечания: 57

«Тернер классик мувис» (ТКМ) — круглосуточный телеканал, показывающий старые американские фильмы из фильмотеки, основанной медиамагнатом Тедом Тернером. Начал работу в 1994 году.

— Думаю, как и в любом другом доме. Нормально, — хотя я не знал этого наверняка, поскольку видел только Коридор Старого Чтива, кухню, гостиную и прихожую.

— Значит, ничего необычного? А выглядит жутковато.

Я открыл рот, чтобы сказать, что телевизор мистера Боудича сделан еще до появления кабельного телевидения, не говоря уже о цифровом, но потом снова закрыл его. Мне пришло в голову, что Гарриман уже перешел от фотографирования к интервьюированию. По крайней мере, пытался; будучи новичком, он не отличался в этом особым умением.

— Нет, это самый обычный дом. Мне пора идти.

— Ты будешь присматривать за собакой, пока мистера Боудича не выпишут из больницы?

На этот раз я первым протянул ему руку. Радар не рычала, но внимательно следила за нами.

— Надеюсь, фотографии получатся. Пойдем, Радар.

Я направился к дому. Когда я оглянулся, Гарриман переходил улицу, чтобы поговорить с миссис Ричленд. Я ничего не мог с этим поделать, поэтому пошел к заднему крыльцу, а Радар трусила

за мной по пятам. Мне показалось, что после небольшой прогулки она стала бодрее.

Лестницу я поставил под заднее крыльцо, где нашел лопату для уборки снега и пара больших старых садовых ножниц, которые выглядели такими же ржавыми, как засов на калитке и, вероятно, двигались так же плохо. Радар смотрела на меня сверху с середины лестницы, и это было так мило, что я сделал еще один снимок. Я просто влюбился в нее, но ничего не имел против этого.

Под кухонной раковиной нашлись чистящие средства и аккуратная стопка бумажных пакетов с логотипом «Тиллер». Там же были и резиновые перчатки. Я надел их, взял сумку и отправился чистить раковину.

В воскресенье я нацепил на Радар поводок и повел ее вниз по холму к нашему дому. Сначала она двигалась медленно, как из-за своих пораженных артритом лап, так и потому, что явно отвыкла находиться вдали от дома. Она то и дело оглядывалась на меня, ища поддержки, что глубоко тронуло меня. Однако через некоторое время она пошла более легко и уверенно, останавливаясь, чтобы обнюхать телефонные столбы и присесть то тут, то там, чтобы другие собаки знали, что здесь была Радар Боудича.

Папа был дома. Радар сначала отпрянула от него и зарычала, но, когда папа протянул к ней руку, подошла достаточно близко, чтобы понюхать ее. Половинка ломтика болонской колбасы скрепила сделку. Мы пробыли там час или около того. Папа расспрашивал о моей фотосессии и смеялся, когда я рассказал ему, как Гарриман пытался выведать у меня о том, что находится внутри дома, и как я его отшил.

— Ему надо работать лучше, чтобы преуспеть в новостном бизнесе, — сказал папа. — «Уикли Сан» — как раз то место, где он может начать с нуля.

К тому времени Радар уже дремала рядом с диваном, на котором папа раньше валялся пьяным. Он наклонился и потрепал ее по шее.

— Держу пари, в лучшие годы она была впечатляющей зверюгой.

Я вспомнил рассказ Энди о псе-монстре, с которым он столкнулся четыре или пять лет назад, и согласился.

— Тебе нужно посмотреть, нет ли там каких-нибудь собачьих лекарств от артрита. И, наверное, ей еще понадобится таблетка от сердечного чер-

вя[58].

— Я поищу, — до этого я снял с Радар поводок, но теперь снова пристегнул его к ошейнику. Она сонно подняла голову. — Нам пора возвращаться.

— Не хочешь оставить ее у нас на день? Ей здесь вроде нравится.

— Нет, я должен отвести ее домой.

Если бы он спросил почему, я бы сказал правду: потому что не думал, что Говарду Боудичу это понравится. Однако он не спрашивал.

— Что ж, ладно. Может, ее отвезти?

— Не надо, все в порядке. Думаю, с ней все будет хорошо, если мы будем идти не спеша.

Так и случилось. На обратном пути вверх по холму она, казалось, была рада понюхать траву, которая росла не на ее газоне.

6

В понедельник днем к дому подъехал аккуратный зеленый фургончик с выведенной на боку (золотом, а не чем-нибудь еще) надписью

---

[58] Примечания: 58

Сердечный червь (Dirofilaria immitis) — паразит животных, в первую очередь собак, вызывающий дирофиляриоз или перерождение тканей.

«Тиллер и сыновья». Водитель спросил меня, где мистер Боудич. Я ему сказал, и он передал мне через калитку пакеты, будто это было обычным делом — так, думаю, оно и было. Я вписал сумму в незаполненный чек, подписанный папой, — меня привела в ужас мысль о ста пяти баксах за три пакета продуктов, — и отдал ему. Там были бараньи отбивные и фарш из вырезки, которые я положил в морозилку. Я не собирался есть его еду (за исключением печенья), но не мог позволить ей пропасть зря.

Позаботившись об этом, я спустился в подвал, закрыв за собой дверь, чтобы Радар не попыталась последовать за мной. В нем не было никаких признаков серийного убийцы — только затхлость и пыль, как будто там давно никто не бывал. Свет здесь исходил от флуоресцентных ламп, одна из которых мигала и уже почти погасла. Пол был из грубого цемента. На вбитых в стену крюках висели инструменты, в том числе коса, похожая на ту, что носит Старик Смерть в мультфильмах.

В центре комнаты стоял рабочий стол, накрытый пленкой. Я поднял ее, чтобы посмотреть, и увидел частично собранную головоломку, которая, казалось, состояла из миллиона кусочков. По тому, что я смог разглядеть (поблизости не было

коробки, чтобы проверить это), это должен был быть горный луг со Скалистыми горами на заднем плане. На одном конце стола стоял складной стул, на котором была разложена большая часть оставшихся фрагментов. Сиденье было пыльным, из чего я сделал вывод, что мистер Боудич уже довольно давно не собирал свою головоломку. Может быть, он сдался. Я знаю, что сам бы не сдался: многое из того, что осталось собрать, было просто голубым небом без единого облачка, нарушающего монотонность. Я говорю об этом более подробно, чем это, может быть, заслуживает… но, может быть, и нет. В этом было что-то печальное. Тогда я не мог выразить причину этой печали, но сейчас я старше и думаю, что могу. Речь шла о головоломке, но можно было думать и об антикварном телевизоре, и о Коридоре Старого Чтива. Об одиноких занятиях пожилого человека, и пыль — на этом складном стуле, на книгах и журналах — наводила на мысль, что и эти занятия когда-нибудь заканчиваются. Единственными вещами в подвале, которые выглядели так, будто ими регулярно пользовались, были стиральная машина и сушилка.

Я снова накрыл головоломку пленкой и проверил шкафчик между печью и водонагревателем.

Он был старомодным, с множеством выдвижных ящиков. В одном я нашел шурупы, в другом — плоскогубцы и гаечные ключи, в третьем — пачки квитанций, скрепленных резинкой, в четвертом — стамески и то, что должно было быть точильным камнем. Я положил его в карман, взял косу и пошел наверх. Радар хотела напрыгнуть на меня, и я строго велел ей держаться подальше, чтобы случайно не ткнуть ее лезвием.

Мы пошли на задний двор, где, как я уже знал, мой телефон хорошо ловил сигнал. Я уселся на ступеньки, а Радар улеглась рядом со мной. Открыв «Сафари»[59], я набрал «заточка с помощью точильного камня», посмотрел пару видеороликов, а потом приступил к работе. Много времени на заточку косы не понадобилось.

Я сделал снимок, чтобы показать его мистеру Боудичу, а потом поехал на велосипеде в больницу. Он спал. Вернувшись в предвечернем свете, покормил Радар. Я немного скучал по бейсболу.

Ну… может быть, больше, чем немного.

---

[59] Примечания: 59
Интернет-браузер, установленный на смартфонах «Apple»

7

Во вторник днем я начал косить высоченную траву, сначала спереди от дома, а потом и сзади. Примерно через час я посмотрел на свои покрасневшие руки и понял, что скоро там вздуются волдыри, если я не сделаю перерыв. Я надел на Радар поводок, дошел с ней до нашего дома и нашел в гараже пару папиных рабочих перчаток. Потом мы поднялись обратно на холм, двигаясь медленно из уважения к больным ногам Радар. Я продолжил косить, пока Радар дремала, потом покормил ее и вернулся домой. Папа пожарил гамбургеры на гриле на заднем дворе, и я съел три штуки. Плюс вишневый пирог на десерт.

Потом папа отвез меня в больницу и ждал внизу, читая отчеты, пока я ходил навестить мистера Боудича. Я увидел, что ему принесли ужин — гамбургер и макароны с сыром на гарнир, — но он почти ничего не съел. Конечно, он не провел два часа, размахивая косой, и, хотя он старался быть любезным и посмотрел несколько новых фотографий Радар (плюс одно фото косы и другое — его наполовину подстриженной лужайки перед домом), было ясно, что ему очень больно. Временами он нажимал дозатор, подававший

ему в кровь обезобливающее. В третий раз, когда он это сделал, он издал тихое гудение, как делают, если участник игрового шоу дает неправильный ответ.

— Чертова штука. Я на пределе сил. Лучше уходи, Чарли, пока я не облаял тебя только потому, что мне больно. Приходи в пятницу. Нет, в субботу. Может быть, к тому времени мне станет лучше.

— Они не сказали, когда собираются вас выписать?

— Может быть, в воскресенье. Пришла дама и сказала, что хочет помочь мне работать над..., — он поднял свои большие руки, покрытые синяками от капельниц, и показал пальцами кавычки. — ...«планом восстановления». Я сказал, чтобы она шла к черту. Не совсем так, конечно — я пытаюсь быть хорошим пациентом, но это трудно. Это не просто боль, это еще..., — он сделал вялый круговой жест, а потом уронил руки на покрывало.

— Слишком много людей, — сказал я. — Вы к этому не привыкли.

— Ты понимаешь. Слава Богу, хоть кто-то понимает. И слишком много *шума*. Перед тем, как уйти, эта дама — ее фамилия Рейвенхаггер или

что-то в этом роде, — спросила, есть ли у меня дома кровать на первом этаже. Кровати нет, но диван там раскладывается, хотя его давно уже не использовали для сна. А может, и никогда. Я купил его только потому, что увидел на распродаже.

— Я постелю там, если вы скажете мне, где взять белье.

— Ты знаешь, как это делается?

Как сын вдовца, который прежде был заядлым алкоголиком, я это знал. А еще знал, как стирать одежду и покупать продукты. Я был отличным юным созависимым.

— Да.

— Бельевой шкаф. Второй этаж. Ты уже был наверху?

Я покачал головой.

— Что ж, думаю, сейчас у тебя есть шанс. Это напротив моей спальни. Спасибо тебе.

— Без проблем. И в следующий раз, когда эта дама придет, скажите ей, что ваш план восстановления — это я, — я встал. — Ладно, пора идти и дать вам немного отдохнуть.

Я направился к двери. Он произнес мое имя, и я обернулся.

— Ты — лучшее, что случилось со мной за дол-

гое время. — Потом, как будто обращаясь больше к себе, чем ко мне, сказал. — Я начинаю доверять тебе, хотя выбора все равно нет.

Я сказал папе, что он сказал обо мне как о лучшем, что с ним случилось, но не о доверии. Какой-то инстинкт заставил меня сдержаться. Папа крепко обнял меня одной рукой, поцеловал в щеку и сказал, что гордится мной.

Это был хороший день.

8

В четверг я заставил себя снова постучать в дверь сарая — мне очень не нравилось это маленькое строение. Никто не стал стучать или царапать дверь в ответ. Я пытался убедить себя, что мне померещился этот странный чирикающий звук, но если так, то Радар он тоже померещился, а я не думаю, что у собак много воображения. Конечно, она могла отреагировать на мою реакцию. Или, если уж я собираюсь сказать правду, могла почувствовать мой страх и мое почти инстинктивное отвращение.

В пятницу я покатил нашу газонокосилку вверх по улице и начал обрабатывать ею наполовину выкошенный двор. Я подумал, что к выходным он будет выглядеть относительно прилично. На

следующей неделе были весенние каникулы, и я планировал провести большую их часть на Сикамор-стрит, 1. Я хотел вымыть окна, а потом поправить штакетник, чтобы он снова стоял ровно. Я думал, что, увидев все это, мистер Боудич немного приободрится.

Я косил вдоль дома со стороны Пайн-стрит (Радар была внутри, не желая иметь ничего общего с рычащей газонокосилкой), когда у меня в кармане завибрировал телефон. Выключив косилку, я увидел на экране слово «АРКАДИЯ». Я ответил на звонок с замиранием сердца, уверенный, что кто-нибудь сейчас скажет, что мистеру Боудичу стало хуже. Или, что еще хуже, он скончался.

Звонок действительно касался его, но в этом не было ничего плохого. Дама по имени миссис Рейвенсбургер спросила, могу ли я прийти завтра в девять утра, чтобы поговорить «о выздоровлении мистера Боудича и последующем уходе за ним». Я сказал, что могу, и тогда она спросила, могу ли я взять с собой родителя или опекуна. Я сказал «наверное».

— Я видела вашу фотографию в газете. С вашей замечательной собакой. Мистер Боудич в неоплатном долгу перед вами обоими.

Я решил, что она имела в виду «Сан», и, навер-

ное, так оно и было, но мы с Радар оказались и в других местах. Или, может быть, мне следует сказать «везде».

Папа пришел поздно, как обычно по пятницам, и у него был с собой экземпляр «Чикаго трибюн»[60], открытый на второй странице, где была небольшая рубрика под названием «О других новостях». В нем были собраны небольшие статьи более жизнерадостного характера, чем материалы первой полосы. Статья с участием Радар и меня была озаглавлена «СОБАКА-ГЕРОЙ, ПОДРОСТОК-ГЕРОЙ». Я не был шокирован, увидев себя в «Трибьюн», но удивился. Наш мир довольно неплох, несмотря на все доказательства обратного, и тысячи людей каждый день совершают тысячи добрых дел (а может быть, миллионы). Парень, помогающий старику, который упал с лестницы и сломал ногу, не был чем-то особенным, но его раскрутила картинка. На ней Радар застыла с открытой пастью, а я обнимал ее за шею, запрокинув голову в приступе смеха. Выглядело это, осмелюсь сказать, довольно привлекательно. Что заставило меня задуматься, видела ли статью Джина Паскарелли, девушка

[60] Примечания: 60

«Чикаго трибюн» («Чикагская трибуна») — самая популярная газета Чикаго и всего Среднего Запада, основанная в 1847 году.

моей мечты.

— Видишь это? — спросил папа, постучав по подписи. — АП, «Ассошиэйтед Пресс». Эта фотография, наверное, появилась сегодня в пятистах или шестистах газетах от одного побережья до другого. Не говоря уже обо всем Интернете. Энди Уорхол[61] сказал, что в конце концов все в Америке станут знаменитыми за пятнадцать минут, и я думаю, у тебя уже есть твои четверть часа. Хочешь пойти в «Бинго», чтобы отпраздновать это событие?

Мы, конечно, пошли в «Бинго», и пока я ел свои говяжьи ребрышки (двойной каре), я спросил папу, не сходит ли он завтра со мной в больницу, чтобы поговорить с дамой по имени миссис Рейвенсбургер. Он сказал, что сделает это с удовольствием.

9

Мы встретились в офисе этой самой миссис Рейвенсбургер. С ней была молодая женщина по имени Мелисса Уилкокс — высокая, подтянутая, светлые волосы собраны в короткий, неброский

[61] Примечания: 61

Энди Уорхол (1928–1987) — американский художник, кинорежиссер, продюсер, одна из ведущих фигур в современном искусстве.

хвост. Ей предстояло стать физиотерапевтом мистера Боудича. Большую часть разговора вела она, время от времени заглядывая в маленькую записную книжку, чтобы ничего не забыть. Она сказала, что после «некоторого обсуждения» мистер Боудич согласился пускать ее к себе домой два раза в неделю, чтобы поработать над диапазоном его движений и снова поставить его на ноги, сначала с помощью канадских костылей — с металлическими кольцами для поддержки рук, — а потом ходунков. Она также будет измерять его жизненные показатели, чтобы убедиться, что он «хорошо прогрессирует», и проверять то, что называется уходом за булавками.

— Это то, что придется делать тебе, Чарли.

Я спросил, что это значит, и она объяснила, что стержни, входящие в его ногу, нужно регулярно протирать дезинфицирующим средством. Сказала, что это болезненная процедура, но не такая плохая, как инфекция, которая может привести к гангрене.

— Я хотела приходить четыре дня в неделю, но он не позволил, — сказала Мелисса. — Он очень четко представляет, что он хочет, что нет.

«*Расскажи мне об этом*», подумал я.

— Сначала ему надо будет много помогать,

Чарли, и он говорит, что ты готов это делать.

— По его словам, — вставила миссис Рейвенсбургер, — вы — его план выздоровления.

Она разговаривала со мной, но смотрела на моего отца, как бы приглашая его возразить.

Но он этого не сделал.

Мелисса открыла новую страницу в своем маленьком блокноте, который был ярко-фиолетовым с рычащим тигром на обложке.

— Он говорит, что на первом этаже есть ванная.

— Да, — я не стал утруждаться сообщением о том, какая эта ванна маленькая. Она сама узнает это при первом же визите в дом.

Она кивнула:

— Это очень хорошо, потому что какое-то время он не сможет подниматься по лестнице.

— Но в конце концов он сможет это делать?

— Если будет усердно работать, конечно. Он пожилой — утверждает, что на самом деле не знает точно, сколько ему лет, — но в хорошей форме. Не курит, говорит, что не пьет, не имеет лишнего веса.

— Это важно, — сказал папа.

— Держу пари, что так и есть. Избыточный вес вызывает большие проблемы, особенно у

пожилых людей. Мы планируем выписать его из больницы в понедельник. До этого по бокам унитаза должны быть установлены предохранительные перила. Ты сможешь сделать это за выходные? Если нет, мы перенесем его выписку на вторник.

— Смогу, — нужно только найти соответствующее видео на «YouTube».

— Ему понадобятся утка на ночь и судно для экстренных случаев. Тебя это не пугает?

Я сказал «нет», и так оно и было. Я не раз убирал рвоту, и сброс дерьма из судна в унитаз по сравнению с этим мог показаться шагом вперед.

Мелисса закрыла свой блокнот.

— Есть тысяча других вещей — но это по большей части мелочи. Тебе поможет вот это.

Она достала из заднего кармана джинсов брошюру. Она не называлась «Уход на дому для чайников», но могла так называться. Я сказал, что прочту ее, и положил в свой задний карман.

— Я буду лучше знать, что ему требуется, когда увижу этот дом своими глазами, — сказала Мелисса. — Думала заехать туда сегодня днем, но он очень настаивает, чтобы я не заходила внутрь, пока он не вернется.

Да, мистер Боудич мог быть очень настойчи-

вым. Я хорошо это знал.

— Ты уверен, что хочешь взяться за это, Чарли? — спросила миссис Рейвенсбургер. На этот раз она не стала сначала спрашивать моего отца.

— Да.

— Даже если для этого придется провести с ним первые три или четыре ночи? — спросила Мелисса. — Я пыталась обсудить возможность помещения его в реабилитационный центр — есть хорошее заведение под названием «Ривервью», там ему нашлось бы место, — но он и слушать меня не стал. Сказал, что хочет домой.

— Я могу остаться с ним, — хотя мысль о том, что придется спать наверху в спальне, которую я до сих пор даже не видел, мне не очень нравилась. — Нет проблем. Сейчас у нас в школе каникулы.

Миссис Рейвенсбургер повернулась к моему отцу.

— Вас устраивает наша договоренность, мистер Рид?

Я ждал, не уверенный, что он скажет «да», но он сказал то, что нужно:

— Немного волнуюсь по этому поводу, что, наверно, понятно. Но Чарли парень ответственный, мистер Боудич, похоже, к нему привязался, и у

него действительно больше никого нет.

Я сказал:

— Мисс Уилкокс, насчет дома…

Она улыбнулась.

— Мелисса, пожалуйста. В конце концов, мы будем коллегами.

Мне было легче называть ее Мелиссой, чем мистера Боудича Говардом, потому что она была ближе к моему возрасту.

— Насчет дома — не думайте, пожалуйста, будто он боится, что вы собираетесь украсть вещи или что-то в этом роде. Он просто… ну…, — я не знал, как закончить, но папа знал:

— Оберегает свою частную жизнь.

— Верно, — сказал я. — И вы должны сделать скидку на то, что он немного ворчлив. Потому что…

Мелисса не стала дожидаться ответа.

— Поверь, если бы на мою сломанную ногу навесили внешний фиксатор, я бы тоже ворчала.

— Какая у него ситуация со страховкой? — спросил папа у миссис Рейвенсбургер. — Можете мне сказать?

Женщины обменялись взглядами, и миссис Рейвенсбургер сказала:

— Мне неудобно вдаваться в подробности фи-

нансового положения пациента, но я скажу, что, по словам нашего казначея, он намерен взять все расходы на себя.

— А, — сказал папа, как будто это все объясняло, но по его лицу было видно, что это ничего не объясняет. Он встал и пожал руку миссис Рейвенсбургер, и я тоже.

Мелисса последовала за нами в холл, казалось, скользя по полу в своих ослепительно белых кроссовках.

— ЛСУ?[62] — спросил я.

Она выглядела удивленной.

— Откуда ты знаешь?

— Записная книжка. Баскетбол?

Она улыбнулась:

— И волейбол.

Учитывая ее рост, держу пари, что у нее был адский удар.

---

[62] Примечания: 62

Университет штата Луизиана — государственный университет в городе Батон-Руж (Луизиана).

Глава пятая
Поход по магазинам. Трубка моего отца. Звонок мистера Боудича. Банка для муки

1

Мы отправились в хозяйственный магазин за комплектом предохранительных перил для унитаза, а потом в «Кладовую для домашних животных», где был ветеринарный отдел. Там я купил жевательные таблетки от сердечного червя и карпрофен от артрита Радар. Это лекарство отпускалось только по рецепту, но когда я объяснил ситуацию, продавщица согласилась продать его мне, только за наличные. Она сказала, что мистер Боудич часто покупал у них всякую всячину для Радар, оплачивая доставку. Комплект папа оплатил своей кредиткой, а таблетки я купил на собственные деньги. Нашей последней остановкой была аптека, где я купил утку с длинным горлышком, таз, дезинфицирующее средство, которое требовалось использовать для ухода за булавками, и два баллончика с распылителем для мытья окон. За все это я тоже заплатил, но не наличными. На моей карте «Виза» был лимит в 250 долларов, и я не боялся его превысить — кемкем, а шопоголиком я никогда не был.

По дороге домой я ждал, что папа заговорит со

мной о тех обязанностях, которые я взвалил на себя — по всем параметрам довольно серьезных для семнадцатилетнего парня. Однако он этого не делал, а только слушал старый рок по радио и иногда подпевал. Уже потом я узнал, что он еще только обдумывал, что тут можно сказать.

Дома у мистера Боудича меня радостно встретила Радар. Я положил ее лекарства на стойку, а потом заглянул в маленькую ванную. Быть может, теснота этого помещения окажется полезной для установки предохранительных перил (и для того, кто будет ими пользоваться), но этим я планировал заняться завтра. А пока вспомнил, что видел в подвале стопку чистых тряпок на полке над стиральной машиной. Спустившись вниз, я взял их как можно больше. Был чудный весенний день, и сперва я собирался провести его на открытом воздухе, за починкой забора, но теперь решил в первую очередь заняться окнами, чтобы к возвращению мистера Боудича из дома выветрился запах моющих средств.

Это решение дало мне повод пройтись по дому. В дополнение к кухне, кладовой и гостиной — местам, где он большей частью находился, — там была еще столовая с длинным столом, покрытым пыльной скатертью. Стулья отсутствовали, из-за

чего помещение выглядело довольно пустым. Была еще комната, предназначенная для кабинета, библиотеки или того и другого вместе. С неподдельным ужасом я увидел, что потолок протекает, из-за чего некоторые книги промокли. Они были красивыми, дорогими на вид, в кожаных переплетах, не то, что небрежно связанные стопки в коридоре. Там я увидел собрание Диккенса, собрание Киплинга, собрание Марка Твена и еще кого-то по фамилии Теккерей. Я решил, что, когда у меня будет больше времени, я достану книги с полок, разложу на полу и посмотрю, можно ли их спасти. Вероятно, на «YouTube» были видеоролики о том, как это сделать. Той весной я фактически жил в «YouTube».

На втором этаже находились три спальни, кладовка для белья и еще одна ванная побольше размером. В спальне хозяина книжных полок было еще больше, а у кровати, где он, очевидно, спал, стояла лампа для чтения. Книги здесь были в основном в мягких обложках — детективы, научная фантастика, фэнтези и дешевые ужастики 40-х годов. Некоторые выглядели весьма завлекательно, и я подумал, что, если все пойдет хорошо, я попрошу их почитать. Вероятно, Теккерей оказался бы для меня тяжеловат, а вот

«Невеста была в черном»[63] смотрелась вполне подходящей. Соблазнительная невеста на обложке действительно носила черное, но его было не слишком много. На прикроватном столике лежали две книги: роман Рэя Брэдбери под названием «Что-то страшное грядет»[64] и толстый том в твердом переплете под названием «Происхождение жанра фэнтези и его место в мировой матрице: юнгианские перспективы»[65]. На его обложке изображалась воронка, заполняющаяся звездами.

Во второй спальне стояла двуспальная кровать, которая была застелена, но покрыта пластиковой пленкой, а третья была совершенно пуста и пахла затхлостью. Если бы я был в ботинках, а не в кроссовках, мои шаги там были бы громкими и жуткими.

Узкая лестница (Психо-лестница, подумал я)

---

[63] Примечания: 63

Роман в стиле нуар, написанный американским писателем Корнеллом Вулричем (псевдоним — Уильям Айриш) в 1940 г. В 1968 г. экранизирован французским режиссером Франсуа Трюффо.

[64] Примечания: 64

В русском переводе этот роман 1962 года издавался также под названиями «Надвигается беда» и «Жди дурного гостя». Оригинальное название «Something wicked this way comes» взято из «Макбета» У. Шекспира

[65] Примечания: 65

В США вышло множество книг с похожими названиями, но эту Кинг выдумал, чтобы упомянуть в романе юнговскую теорию архетипов.

вела на третий этаж. Это не был чердак, но использовался как таковой. Три его комнаты были заполнены мебелью, включая шесть резных стульев, которые, вероятно, составляли комплект с обеденным столом, и кровать из пустой спальни с изголовьем, положенным поперек нее. Еще там были пара велосипедов (один без колеса), пыльные коробки со старыми журналами, а в третьей и самой маленькой комнате — деревянный ящик с чем-то вроде столярных инструментов тех времен, когда люди удивлялись говорящим картинкам. На боку его стояли инициалы АБ. Я пытался вытащить дрель, думая использовать ее для установки предохранительных перил, но она намертво приржавела к полу. И неудивительно: крыша в углу, где стоял ящик, протекала, и все инструменты — дрель, два молотка, пила, строительный уровень с мутно-желтым пузырьком посередине, — отправились в Ржавый город. Я подумал, что с протекающей крышей нужно что-то сделать, причем до наступления зимы, иначе может пострадать конструкция дома — если, конечно, это уже не произошло.

Начал я с окон третьего этажа, потому что они были самыми грязными. *Очень* грязными. Я понимал, что мне придется часто менять воду в ведре,

и, конечно, внутренняя сторона — это только половина работы. Разогрев банку чили[66] на старой плите «Хотпойнт», я сделал перерыв на ланч.

— Дать тебе вылизать миску? — спросил я Радар. Она с надеждой подняла на меня свои большие карие глаза. — Я никому не скажу, обещаю.

Я поставил миску на пол, и она принялась за дело, а я вернулся к окнам. К тому времени, когда я закончил, была уже середина дня. Мои пальцы выглядели сухими, а руки устали от усердного трения, но «Виндекс»[67] с уксусом (очередной совет с «You Tube») помогли с этим справиться. Дом наполнился светом.

— Мне нравится, — сказал я. — Хочешь прогуляться до моего дома и послушать, что думает папа?

Радар согласно гавкнула.

2

Папа ждал меня на крыльце. Его трубка ле-

---

[66] Примечания: 66

Имеется в виду «чили кон карне» — мексиканское блюдо, тушеное мясо с овощами и острым перцем.

[67] Примечания: 67

Дезинфицирующее средство.

жала на перилах вместе с пачкой табака, и это означало, что разговор у нас все-таки будет — и серьезный.

Когда-то давно мой отец курил сигареты. Я не помню, сколько мне было лет, когда мама подарила ему на день рождения трубку. Это не была модная поделка а-ля Шерлок Холмс, но выглядела она дорого. Помнится, она не раз просила его бросить свои «раковые палочки», и он все время обещал (туманно, как всегда делают наркоманы), что непременно сделает это. Но это сделала трубка. Сначала он сократил дневное количество сигарет, а потом и вовсе отказался от них — незадолго до того, как мама перешла проклятый мост, чтобы принести нам коробку с курицей.

Мне нравился запах «Трех парусов»[68], которые он покупал в табачной лавке в центре города, но довольно часто пахнуть было нечему, потому что трубка курилась реже и реже. Возможно, это было частью маминого генерального плана, но я так и не успел спросить ее об этом. В конце концов трубка оказалась в специальной подставке на каминной полке — и лежала там, пока мама не умерла. После этого папа снова достал ее. В те

[68] Примечания: 68

«Three Sails» — популярный сорт вирджинского табака компании «D&R Tobacco».

годы, когда он пил, я никогда не видел его с сигаретой, но трубка всегда была с ним по вечерам, когда он смотрел старые фильмы, хотя он редко закуривал ее или даже набивал табаком. Однако вконец изжевал черенок и мундштук, пока не пришлось заменить и то, и другое. Он брал трубку с собой на собрания «Анонимных Алкоголиков», когда начал туда ходить. Там не курили, поэтому он иногда по-прежнему жевал черенок трубки; мне рассказал это Линди Франклин.

Где-то после его второй годовщины трубка вернулась в подставку на каминной полке. Однажды я спросил его об этом, и он сказал:

— Я уже два года не пью. Думаю, пора перестать портить зубы.

Но время от времени трубка все равно снималась с подставки. Это было перед некоторыми важными встречами агентов в чикагском офисе, где ему нужно было выступить с презентацией. Всегда в годовщину маминой смерти. И вот теперь, в комплекте с табаком, а это означало, что разговор предстоит весьма серьезный.

Радар забиралась на крыльцо по-старушечьи медленно, отдыхая перед каждой ступенькой. Когда она, наконец, сделала это, папа почесал ее за ухом.

— Кто хорошая девочка?

Радар проворчала что-то довольное и улеглась рядом с папиным креслом. Я сел в другое.

— Уже начал давать ей лекарства?

— Пока нет. Подсыплю пилюли от артрита и от сердечного червя в ее ужин.

— Ты не взял комплект для установки предохранительных перил.

— Это на завтра. Вечером почитаю инструкцию, — а также брошюру «Уход на дому для чайников». — Мне понадобится твоя дрель, если ты не против. Я нашел там старый ящик с инструментами — на нем инициалы АБ, может, его отца или деда, — но в нем все заржавело. А крыша протекает.

— Пользуйся на здоровье, — он потянулся за трубкой, чаша которой была уже набита. В нагрудном кармане у него лежало несколько кухонных спичек, и он зажег одну из них об ноготь большого пальца — в детстве меня очаровывало это умение, которое он сохранил до сих пор.

— Ты ведь знаешь, что я охотно поехал бы туда, чтобы тебе помочь.

— Да нет, не нужно. Там очень маленькая ванная, и мы бы мешали друг другу.

— Но ведь дело не в этом, не так ли, Чип?

Сколько времени прошло с тех пор, как он так меня называл? Лет пять? Он поднес зажженную спичку — уже наполовину сгоревшую — к чаше и начал посасывать мундштук. Конечно, он ждал моего ответа, но мне нечего было сказать. Радар подняла голову, вдохнула ароматный табачный дым и снова улеглась на доски крыльца. Она выглядела очень довольной.

Он погасил спичку.

— Там наверху есть что-то, чего ты не хочешь мне показывать?

Это напомнило мне Энди, который спрашивал, есть ли там чучела зверей и кот-часы, который следит за тобой глазами. Я улыбнулся:

— Нет, это просто дом, довольно старый и с протекающей крышей. В конце концов с этим придется что-то делать.

Он кивнул и затянулся трубкой.

— Я говорил с Линди об этом… об этой ситуации.

Я не удивился. Линди был его куратором, и папа должен был рассказывать ему обо всем, что его беспокоило.

— Он говорит, что, возможно, у тебя выработался менталитет опекуна. С тех пор, как я пил. Бог свидетель, были времена, когда ты заботился

обо мне, хоть и был совсем ребенком. Убирался, мыл посуду, сам готовил себе завтрак, а иногда и ужин, — он сделал паузу. — Мне трудно вспоминать те дни и еще труднее говорить о них.

— Дело не в этом.

— Тогда в чем?

Я все еще не хотел говорить ему, что заключил сделку с Богом и должен выполнить свою часть этой сделки, но было другое, что я мог ему сказать. То, что он поймет, и то, что, к счастью, было правдой.

— Ты ведь знаешь, что «Анонимные Алкоголики» говорят о благодарности?

Он кивнул.

— Благодарный алкоголик не станет напиваться.

— Вот и я благодарен тебе, что ты больше не пьешь. Хотя я не говорю тебе об этом все время, но это так. Вот я и хочу отплатить за это каким-нибудь добрым делом — такой ответ тебя устроит?

Он вынул трубку изо рта и вытер глаза рукой.

— Наверное, устроит. Но я все-таки хочу встретиться с ним. Чувствую, что должен это сделать. Ты понимаешь?

Я сказал, что понимаю.

— Может быть, когда он немного оправится

после перелома?

Он кивнул.

— Да, хорошо. Я люблю тебя, сын.

— Я тоже тебя люблю.

— И буду любить все время, пока живу. Ты ведь знаешь это, правда?

Я знал и понимал, что не хочу знать, сколько это время продлится. Если бы я это знал, то сильно бы расстроился.

— В твоей программе говорится еще, что каждому дню достаточно его забот.

Он кивнул.

— Хорошо, но весенние каникулы быстро кончатся. Ты должен продолжать учебу, независимо от того, сколько времени тебе захочется проводить там, наверху. Не забывай об этом.

— Ладно.

Он посмотрел на трубку:

— Ну вот, эта штука погасла. Так всегда бывает.

Положив трубку на перила, он наклонился и потрепал густую шерсть на загривке Радар. Она подняла голову, потом снова опустила.

— Чертовски хорошая собака.

— Ага.

— Ты просто влюбился в нее, не так ли?

— Ну что ж… да. Думаю, что да.

— У нее есть ошейник, но нет бирки, а это значит, что мистер Боудич не платит налог на собак. Я думаю, что она никогда не была у ветеринара.

— Похоже, что так.

— Ее никогда не прививали от бешенства. И от всего остального, — он остановился, потом сказал. — У меня есть вопрос, и я хочу, чтобы ты подумал над ним. Очень серьезный вопрос. Неужели мы влезем в долги из-за этого? Продукты, собачьи лекарства, перила для унитаза?

— Не забудь про утку, — сказал я.

— Неужели? Скажи, что ты об этом думаешь.

— Он попросил меня следить за домом и сказал, что за все заплатит, — это был ответ в лучшем случае на половину вопроса. Я знал это, и папа, наверное, тоже. Поразмыслив, вычеркните «наверное».

— Не скажу, что все это пробьет большую дыру в нашем бюджете. Пара сотен долларов — это не смертельно. Но вот больница… Ты знаешь, сколько стоит недельное пребывание в «Аркадии»? Плюс операции, конечно, и весь последующий уход? — я этого не знал, но папа, как страховой агент, знал хорошо.

— Восемьдесят тысяч долларов, и это мини-

мум.

— Но ведь нам не придется за это платить?

— Ну хорошо, платить будет он — только чем? Я не знаю, какая у него страховка и есть ли она вообще. Я спросил Линди, и он сказал, что с «Оверлендом» он дел не имел. Наверное, у него есть «Медикэр». И, может быть, что-то кроме этого, — он поерзал на стуле. — Я его немного проверил. Надеюсь, это тебя не злит.

Меня это не злило, потому что проверка людей была тем, чем мой отец зарабатывал на жизнь. Было ли мне любопытно? Конечно, еще как.

— И что ты нашел? — спросил я.

— Почти ничего, что, я бы сказал, в наше время почти невозможно.

— Ну, у него нет ни компьютера, ни даже мобильника, так что он не пользуется «Фейсбуком» и прочими сетями.

Я подумал, что мистер Боудич не пользовался бы «Фейсбуком», даже если бы у него был компьютер. «Фейсбук» *шпионил*.

— Ты сказал, что в ящике с инструментами, котрый ты нашел, были инициалы АБ, верно?

— Да.

— Что ж, это подходит. Участок на вершине холма занимает полтора акра, что довольно мно-

го, и его купил некий Адриан Боудич в 1920 году.

— Его дедушка?

— Возможно, но, учитывая, сколько ему лет, это мог быть и его отец, — Папа взял трубку с перил крыльца, рассеянно пожевал мундштук и положил обратно. — Кстати, сколько ему лет? Интересно, он правда этого не знает?

— Думаю, это вполне возможно.

— Когда я видел его в прежние времена — до того, как он совсем заперся в доме, — он выглядел лет на пятьдесят. Я махал ему рукой, и иногда он махал в ответ.

— Ты никогда с ним не разговаривал?

— Ну, я мог поздороваться или сказать пару слов о погоде, когда было что сказать, но он был не из разговорчивых. По возрасту он мог бы воевать во Вьетнаме, но я не смог найти никаких записей о его службе.

— Значит, он не служил?

— Наверное, нет. Я, вероятно, смог бы узнать больше, если бы все еще работал на «Оверленд», но я не работаю и не хочу спрашивать Линди.

— Понятно.

— Я выяснил, что у него есть по крайней мере какие-то деньги, потому что налог на недвижимость подлежит обнародованию, и счет за дом 1

по Сикамор-стрит в 2012 году составил двадцать две тысячи с мелочью.

— Он платит столько *каждый год*?

— По-разному. Важно то, что он платит, и он уже жил здесь, когда мы с твоей мамой сюда переехали — может быть, я тебе это говорил. Раньше он бы выкладывал гораздо меньше, налоги на недвижимость выросли, как и на все остальное, но речь в любом случае идет о шестизначных цифрах. Это большие деньги. Интересно, чем он занимался до того, как вышел на пенсию?

— Не знаю. Когда я увидел его впервые, он удивился тому, что я решил ему помочь. Да и потом у нас не было того, что можно назвать разговором по душам, — хотя это должно было случиться, просто я этого еще не знал.

— Вот и я не знаю. Я искал, но ничего не нашел. Что, стоит повторить, почти невозможно в наши дни. Я слышал о людях, исчезающих из поля зрения, но обычно они прячутся в дебрях Аляски, думая, что вот-вот наступит конец света, или где-нибудь в Монтане, как Унабомбер[69].

---

[69] Примечания: 69

Унабомбер — прозвище математика и философа Теодора Качински (род. 1942), который по идейным мотивам развернул кампанию террора, рассылая бомбы по почте случайным людям. С 1996 г. отбывает пожизненное заключение.

— Уна кто?

— Был у нас такой террорист. Настоящее имя — Тед Качински. Ты, случайно, не видел в доме Боудича оборудования для изготовления бомб? — папа сказал это шутливым тоном, но я не был до конца уверена, что он шутит.

— Самой опасной вещью, которую я там видел, была коса. И еще ржавый топорик в ящике с инструментами на третьем этаже.

— А фотографии там есть? Его отца и матери? Или его самого в молодости?

— Нет. Единственное, что я видел, — это фото Радар. Оно стоит на столе возле его кресла в гостиной.

— Хм, — папа опять потянулся за трубкой, но передумал. — Итак, мы не знаем, откуда он берет деньги — если, конечно, они у него еще есть, — и не знаем, чем он зарабатывал на жизнь. Думаю, он работал дома, потому что он агорафоб. Это значит…

— Я знаю, что это значит.

— Похоже, он всегда стремился к одиночеству и с возрастом это усугублялось. Под конец он совсем на этом зациклился.

— Дама через дорогу сказала мне, что он часто гулял с Радар по ночам, — услышав свое имя, она

навострила уши. — Мне это показалось немного странным, большинство людей выгуливают собак днем, но…

— Ночью на улицах меньше людей, — сказал папа.

— Да. Он явно не похож на парня, который любит болтать с соседями.

— И еще кое-что, — сказал папа. — Немного странно… Но он вообще со странностями, тебе не кажется?

Я пропустил мимо ушей этот вопрос и спросил о другом.

— У него есть машина. Не знаю, где она, но она у него есть — я нашел сведения в Интернете. Это «студебеккер» 1957 года выпуска. У него пониженная ставка акцизного налога, потому что машина зарегистрирована как антиквариат., Он платит акциз каждый год — как и налог на недвижимость, только намного меньше. Шестьдесят баксов или около того.

— Если ты нашел его машину, то должен был найти и его водительские права. По ним видно, сколько ему лет.

Он улыбнулся и покачал головой.

— Хорошо бы, но ни одна водительская лицензия штата Иллинойс никогда не выдавалась на

имя Говарда Боудича. И, конечно, ему не обязательно иметь водительские права, чтобы купить машину. Он мог ее даже не заводить.

— Но зачем каждый год платить налог на машину, на которой не ездишь?

— Есть вопрос получше, Чип: зачем платить налог, если не умеешь водить машину?

— А как насчет Адриана Боудича? Его отца или деда? Может, у него была лицензия?

— Об этом я не подумал. Надо проверить, — он сделал паузу. — Ты уверен, что хочешь продолжать за ним ухаживать?

— Да.

— Тогда спроси его о чем-нибудь таком. Попробуй выяснить, почему он скрывает любые сведения о себе.

Я сказал, что так и сделаю, и на этом, казалось, обсуждение закончилось. Мне хотелось рассказать про тот странный чирикающий звук, что я слышал в сарае — сарае с большим замком на двери, в котором якобы ничего не было, — но я промолчал. Этот звук постепенно всплывал в моем сознании и постепенно заполнил все мысли.

3

Я все еще думал о нем, когда снимал пыльный пластиковый чехол с кровати в комнате для гостей, где мне предстояло спать половину весенних каникул — а может быть, и все. Кровать была застелена, но от простыней тянуло затхлостью; я снял их и надел свежие из бельевого шкафа. Насколько они свежие, я не знал, но пахли они лучше, и там нашелся еще один комплект для раскладного дивана вместе с одеялом.

Когда я спустился вниз. Радар уже ждала меня у лестницы. Я положил белье на мягкое кресло мистера Боудича и понял, что мне придется передвинуть его и маленький столик рядом с ним, чтобы разложить диван. Когда я двигал столик, его ящик наполовину открылся. Я увидел там кучу мелочи, губную гармошку, такую старую, что большая часть хромированного покрытия слезла — и бутылку карпрофена[70]. Мне это понравилось, потому что странно было думать о том, что мистер Боудич игнорирует болезни своей стареющей собаки. Это, конечно, объясняло, почему

[70] Примечания: 70

Карпрофен — противовоспалительный препарат для собак и других животных.

продавщица зоомагазина согласилась продать мне лекарство, на которое был нужен рецепт. Что меня огорчило — так это осознание того факта, что лекарство действует не очень хорошо.

Я покормил Радар, подложив ей в еду таблетку из нового пузырька — наверняка только что купленное лекарство свежее и, возможно, поможет лучше, чем старое, — а потом вернулся наверх, чтобы взять подушку. Радар опять ждала у подножия лестницы.

— Господи, ты так быстро все слопала?

Радар вильнула хвостом и подвинулась ровно настолько, чтобы я мог пройти мимо нее.

Немного взбив подушку, я бросил ее на то, что теперь было его ложем посреди гостиной. Он мог бы ворчать по этому поводу — наверно, так и будет, но я думал, что как-нибудь это переживу. Протирка спиц его фиксатора выглядела несложным делом, и я надеялся, что в «Уходе на дому для чайников» сказано что-то о том, как перетаскивать его с инвалидного кресла, в котором, как я предполагал, он прибудет в дом, на кровать и обратно.

Что еще, что еще?

Надо засунуть снятое белье в стиральную машину, но это может подождать до завтра или

даже до понедельника. Телефон, вот что — он должен быть под рукой. Его стационарный телефон был беспроводным и выглядел так, как будто его взяли из какого-нибудь фильма семидесятых про полицейских и грабителей, где у всех парней бакенбарды, а у девчонок пышные прически. Подняв трубку, я услышал гудок и уже клал ее обратно на подставку, когда она вдруг зазвонила у меня в руке. От неожиданности я ойкнул и выронил трубку, Радар гавкнула.

— Все в порядке, девочка, — сказал я, поднимая трубку. На ней не было кнопки для принятия вызова. Я все еще искал ее, когда услышал голос мистера Боудича, металлический и далекий:

— Алло? Ты там? Алло?

Итак, нет кнопки «Принять» и нет возможности узнать, кто звонит. С таким старым телефоном нужно просто пойти на риск.

— Добрый день, — сказал я. — Это Чарли, мистер Боудич.

— А почему лает Радар?

— Потому что я уронил телефон. Я как раз держал его в руке, когда он зазвонил.

— Это напугало тебя? — он не стал дожидаться ответа. — Я надеялся, что ты будешь там, потому что Радар пора ужинать. Ты ведь покормил ее,

верно?

— Верно. Она проглотила ужин примерно в три глотка.

Он хрипло рассмеялся:

— Это она умеет. Она немного нетверда на ногах, но аппетит у нее такой же хороший, как раньше.

— Как вы себя чувствуете?

— Нога чертовски болит, несмотря на все наркотики, что мне дают, но сегодня они подняли меня с постели. Таская за собой этот фиксатор, я чувствую себя Джейкобом Марли[71].

— «Это те цепи, что я носил при жизни».

Он снова хрипло рассмеялся. Я предполагал, что он был изрядно под кайфом.

— Читал книгу или смотрел фильм?

— Фильм. Каждый сочельник на ТКМ. Мы дома часто смотрим ТКМ.

— Не знаю, что это такое, — конечно, он не знал. Никаких фильмов «Тернер классик» не могло быть в телевизоре, принимающем сигнал через… Как их назвала миссис Сильвиус? «Кроличьи уши»?

— Я рад, что ты у меня есть. Они собираются

---

[71] Примечания: 71

Персонаж повести Чарльза Диккенса «Рождественская песнь в прозе» (1843), деловой партнер скряги Эбенезера Скруджа.

отпустить меня домой в понедельник днем, но сначала мне нужно поговорить с тобой. Можешь прийти ко мне завтра? Мой сосед по палате будет смотреть бейсбольный матч внизу, так что мы останемся вдвоем.

— Конечно. Я разложил вам диван, а себе постелил наверху и…

— Подожди минутку. Чарли, — он помолчал и продолжил. — Ты можешь хранить секреты так же хорошо, как заправлять постели и кормить мою собаку?

Я подумал о годах пьянства моего отца — о его потерянных годах. Тогда я тратил много времени на заботу о нем и о себе и часто злился. Злился на свою мать за то, что она умерла так внезапно, и это было глупо, потому что она была ни в чем не виновата, но нужно помнить, что мне было всего семь, когда ее убили на этом проклятом мосту. Я любил отца, но на него тоже злился. Дети, когда злятся, часто поступают плохо, а у меня в этом был хороший помощник в лице Берти Берда. У нас с Берти все было в порядке, когда с нами гулял Энди Чен, этакий бойскаут, но вдвоем мы наделали немало гадостей. Это могло доставить нам массу неприятностей, если бы нас поймали, дело могло дойти и до полиции, но нас так никто

и не поймал. Мой отец ничего не знал об этом, и я бы ему ни за что не рассказал. Неужели я хотел бы, чтобы он узнал, как мы с Берти вымазали собачьим дерьмом лобовое стекло в машине нашего нелюбимого учителя? Даже здесь, где я обещал вам рассказать обо всем, я сгораю от стыда, когда об этом пишу. А ведь это было далеко не самое худшее.

— Чарли? Ты еще здесь?

— Я здесь. И да, я умею хранить секреты. Если, конечно, вы не скажете мне, что убили кого-то и спрятали тело в том сарае.

Настала его очередь молчать, но мне не нужно было спрашивать, там ли он еще; я слышал его хриплое дыхание.

— Там нет ничего такого, но кое-что секретное есть. Поговорим об этом позже. Ты кажешься мне прямым, как стрела. Очень надеюсь, что это так и есть, но посмотрим. Кстати, сколько я должен тебе и твоему отцу?

— Вы имеете в виду, сколько мы потратили? Не так уж много, в основном на продукты. Всего, я думаю, это пара сотен. У меня есть чеки…

— Есть еще и твое время. Если ты хочешь мне помочь, ты должен получать за это плату. Пятьсот в неделю устроит?

Я был ошеломлен.

— Мистер Боудич… Говард… вы не должны мне ничего платить. Я рад, что…

— Всякий работник достоин платы. Евангелие от Луки[72]. Пятьсот в неделю и, если все пойдет на лад, премия в конце года. Договорились?

Чем бы он ни занимался в своей прежней жизни, это было не рытье канав. Он знал толк в том, что Дональд Трамп называет искусством сделки, а это означало, что он умел преодолевать сопротивление. А мое сопротивление было довольно слабым. Конечно, я дал обещание Богу, но если мистер Боудич хотел заплатить мне за то, что я выполню это обещание, в этом не было ничего плохого. К тому же, как часто напоминал мне отец, мне нужно было думать о колледже.

— Чарли? Мы договорились?

— Думаю, что да, — хотя если бы он все-таки окажется серийным убийцей, я не стал бы хранить его секреты за пятьсот долларов в неделю. Потребовал бы по меньшей мере тысячу (шутка). — Спасибо. Я не ожидал ничего…

— Я знаю, — прервал он. Мистер Говард Боудич был мастером по части прерывания. — В каком-

---

[72] Примечания: 72

«Работник достоин платы за труды свои» (Лука 10:7).

то смысле ты очень милый юноша. Прямой, как стрела, как я и сказал.

Я задавался вопросом, думал ли бы он так, если бы знал, что однажды, прогуливая уроки, мы с Берти нашли в Хайленд-парке мобильник и сообщили по нему, что в начальной школе Стивенса заложена бомба. Правда, это была идея Берти, но я с ней согласился.

— На кухне есть банка для муки. Возможно, ты ее видел.

Я не только ее видел — он уже упоминал о ней раньше, хотя мог про это и не помнить; в то время ему было очень больно. Сначала он сказал, что в ней лежат деньги, а потом что она пуста. Сказал, что забыл про это.

— Конечно.

— Возьми из нее семь сотен долларов, пять в уплату за первую неделю и две на текущие расходы.

— Вы уверены, что…

— Да. И если ты думаешь, что я даю тебе взятку или умасливаю, чтобы ты сделал что-то плохое… то не думай. Это только плата за услуги, Чарли. Только плата. О этом ты можешь совершенно честно сказать своему отцу. А вот о том, что мы собираемся обсудить завтра — нет. Я понимаю,

что прошу о многом.

— Хорошо, если только это не преступление, — сказал я, а потом внес поправку. — Не *серьезное* преступление.

— Так ты сможешь приехать в больницу около трех?

— Да.

— Тогда я пожелаю тебе доброй ночи. Пожалуйста, погладь Радар от имени глупого старика, которому надо было держаться подальше от этой лестницы.

После этих слов он повесил трубку. Я несколько раз погладил Радар по голове и провел ладонью по всей ее спине до хвоста. Она перевернулась, чтобы ей почесали живот, и я охотно сделал это. Потом пошел на кухню и снял крышку с банки из-под муки.

Она была набита деньгами. Сверху лежал ворох купюр, в основном десятки и двадцатки, несколько пятерок и однодолларовых банкнот. Когда я вытащил их и сложил, они образовали приличную стопку на стойке. Под этой россыпью были перевязанные пачки пятидесятидолларовых и сотенных. На лентах стоял фиолетовый штамп

«ПЕРВЫЙ ГРАЖДАНСКИЙ БАНК»[73]. Я их тоже вытащил, что потребовало некоторых усилий, потому что они были буквально забиты в банку. Шесть перевязанных пачек пятидесятидолларовых купюр по десять в каждой. И пять пачек по сотне, тоже по десять.

Радар вышла на кухню и села у своей миски с едой, глядя на меня слегка настороженно.

— Срань господня, девочка. Это восемь тысяч долларов, не считая того, что лежит сверху.

Я отсчитал из россыпи банкнот семьсот долларов, аккуратно расправил их, сложил и засунул в карман, который тут же оттопырился. Это было по меньшей мере в десять раз больше денег, чем у меня когда-либо имелось. Взяв перевязанные пачки, я начал складывать их обратно в банку, но потом остановился. На дне банки лежали три маленькие блестящие гранулы — одну такую я уже видел раньше в аптечке. Я вытащил их и взвесил на ладони. Они показались мне слишком тяжелыми для таблеток, и если я был прав в том, о чем подумал, это могло во многом объяснить источник дохода мистера Боудича.

Я подумал, что они золотые.

---

[73] Примечания: 73
First Citizens Bank — один из крупнейших банков США.

4

В тот раз я не приехал на велосипеде, и хотя обычно прогулка с холма до нашего дома занимала всего десять или двенадцать минут, тогда я шел дольше. Мне нужно было все обдумать и принять решение. Пока я шел, я все время трогал выпуклость в кармане, чтобы убедиться, что деньги еще там.

Я собирался рассказать папе о звонке мистера Боудича и его предложении. Показать ему наличные: двести за то, что мы потратили, и пятьсот для меня. Попросить, чтобы он положил четыре сотни на мой счет для колледжа (который по случайности был открыт в том же «Первом гражданском») и пообещать вносить еще четыре сотни каждую неделю, пока я работаю на мистера Боудича — это может длиться все лето или, по крайней мере, до начала футбольных тренировок в августе. Вопрос был в том, должен ли я рассказать ему о том, сколько денег лежит в банке из-под муки. И, конечно, про эти золотые таблетки — если они были золотыми.

Добравшись до нашего дома, я принял решение. Я решил не говорить о восьми тысячах в банке, а также о таблетках, которые не были таблетками.

По крайней мере, до тех пор, пока я завтра не поговорю с мистером Боудичем.

— Привет, Чарли, — сказал мой отец из гостиной. — С собакой все в порядке?

— Все отлично.

— Это хорошо. Возьми себе «Спрайт» и садись. На ТКМ показывают «Окно во двор»[74].

Я взял «Спрайт», вошел и выключил телевизор.

— Я должен тебе кое-что сказать.

— Что может быть важнее Джеймса Стюарта и Грейс Келли?

— А как насчет этого? — я достал из кармана пачку денег и бросил ее на кофейный столик.

Я ожидал удивления, тревоги и беспокойства, но дождался только интереса и радости. Папа подумал, что мистер Боудич, прячущий деньги в кухонной банке, вполне соответствует тому, что он называл накопительским менталитетом агорафоба (я уже рассказывал ему о Коридоре Старого Чтива, не говоря уже о старом телевизоре и допотопной кухонной технике).

— Там было что-то еще?

---

[74] Примечания: 74

«Окно во двор» — детективный фильм Альфреда Хичкока, снятый в 1954 году по одноимённому рассказу Уильяма Айриша. Главные роли в нем сыграли голливудские звезды Джеймс Стюарт и Грейс Келли.

— Немного, — сказал я, что не было совсем уж неправдой.

Папа кивнул.

— А ты смотрел в других банках? Где-нибудь в сахаре может заваляться еще несколько сотен, — он улыбнулся.

— Нет.

Он взял две сотни.

— Немного больше, чем мы потратили на самом деле, но ему, вероятно, понадобится еще что-то. Хочешь, чтобы я внес на счет за колледж четыре сотни из твоих?

— Конечно.

— Разумное решение. С одной стороны, ты обойдешься ему недорого, по крайней мере, в первую неделю. Думаю, помощник по дому, работающий полный день, получал бы больше. С другой, ты сможешь подзаработать, пока учишься. Но ночевать там ты будешь только во время весенних каникул, — он повернулся и заглянул мне в глаза. — Это тебе ясно?

— Совершенно, — сказал я.

— Вот и хорошо. Деньги, которые Боудич скопил, немного меня беспокоят, поскольку мы не знаем их источник, но я готов дать ему шанс. Мне нравится, что он доверяет тебе, и нравится,

что ты готов взять на себя ответственность. Ты ведь думал, что будешь делать это бесплатно, не так ли?

— Да. Я так и собирался.

— Ты хороший парень, Чарли. Не уверен, что я достоин тебя.

Учитывая все то, что я скрыл — не только о мистере Боудиче, но и о том дерьме, которое вытворял с Берти, — мне было немного стыдно.

Лежа в постели той ночью, я представлял себе, что в запертом сарае у мистера Боудича спрятана золотая жила, может быть, с кучей гномов, которые ее разрабатывают. Гномов с именами Соня или Ворчун — это заставило меня улыбнуться. Я думал, что находящееся в сарае было именно тем секретом, о котором он хотел мне рассказать, но ошибался. Про сарай я узнал гораздо позже.

Глава шестая
Посещение больницы. Сейф. Стэнтонвилл. Золото — это жадность. Мистер Боудич возвращается домой

1

Мы с мистером Боудичем беседовали, пока его сосед по палате сидел в холле на третьем этаже, наблюдая за игрой «Уайт Сокс» с «Тайгерс» вместе со своим кардиомонитором, прикрепленным к груди.

— У него какие-то сложности с сердцебиением, которые врачи никак не могут устранить, — сказал мистер Боудич. — Слава Богу, это не моя проблема — у меня их и так достаточно.

Он показал мне, как может ходить в туалет, со всей силы налегая на костыли, в которые вставлялись руки. Это явно причиняло ему боль; когда он отлил и вернулся в палату, его лоб был мокрым от пота, но я воодушевился. Конечно, ночью ему могла понадобиться утка с ее длинной шеей (которая почему-то казалась мне зловещей), но он выглядел способным обойтись без судна. Конечно, пока не упадет посреди ночи и опять не сломает ногу. Я видел, как мышцы на его тощих руках напрягаются при каждом судорожном шаге. Со вздохом облегчения он опустился на кровать.

— Не мог бы ты помочь мне с этим? — он указал на скобяное изделие, обхватывающее его ногу.

Я приподнял ногу с фиксатором, и когда она была уложена, он снова вздохнул и попросил пару таблеток из бумажного стаканчика на ночном столике. Я дал их ему, он выпил, запив водой из графина, и его кадык подпрыгнул на морщинистой шее, как обезьяна на палке.

— Они переключили меня с морфинового дозатора на эту штуку, — сказал он. — Оксиконтин[75]. Доктор говорит, что я подсяду на него, если уже не подсел, и мне придется избавляться от этой привычки. Но я думаю, что это честная сделка. Пока что поход в туалет кажется мне гребаным марафоном.

Я это видел, а ванная комната в его доме находилась дальше. Возможно, ему все-таки понадобится судно, по крайней мере в первое время. Я пошел в ванную, намочил губку и отжал ее. Когда я наклонился над ним, он отпрянул:

— Эй, постой! Что это ты делаешь?

— Вытираю пот. Сидите спокойно.

Мы никогда не знаем, когда в наших отношениях с людьми наступает поворот, и только потом

---

[75] Примечания: 75

Оксиконтин (оксикодон) — обезболивающее, полусинтетический опиоид.

я понял, что это был один из таких моментов. Он отстранялся еще мгновение, потом успокоился (но не до конца) и позволил мне обтереть ему лоб и щеки.

— Чувствую себя гребаным младенцем.

— Вы же мне платите, так дайте заработать мои гребаные деньги.

Этот ответ заставил его усмехнуться. В дверь заглянула медсестра и спросила, не нужно ли ему чего-нибудь. Он сказал, что нет, и когда она ушла, попросил меня закрыть дверь.

— А теперь я попрошу тебя помочь мне, — сказал он. — И Радар тоже. По крайней мере, пока я не смогу позаботиться обо всем сам. Ты готов это сделать, Чарли?

— Я сделаю все, что смогу.

— Да, наверное, сделаешь. Это все, о чем я попрошу. Я бы не стал этого делать, если бы меня не вынудили. Ко мне приходила женщина по фамилии Рейвенсбургер. Ты ведь видел ее?

Я сказал, что видел.

— Дурацкая фамилия, не так ли? Я пытаюсь представить себе бургер из мяса ворона[76] и пря-

---

[76] Примечания: 76

Raven — по-английски «ворон». На самом деле фамилия происходит от города Равенсбург в Германии, хотя его название действительно означает «вороний замок».

мо с ума схожу.

Не скажу, что он был под кайфом от окси, но и не скажу, что это было не так. При том, каким он был тощим, шесть футов роста при ста пятидесяти фунтах веса[77], от этих розовых таблеток его должно было колбасить не на шутку.

— Она обсудила со мной то, что назвала моими «вариантами оплаты». Я спросил, сколько я должен в данный момент, и она дала мне распечатку. Она там, в ящике (он показал, в каком), но не думай об этом сейчас. Я сказал, что это очень дорого, а она ответила: «Хороший уход стоит очень дорого, мистер Боудич, и вы получили самое лучшее». Сказала, что, если мне надо проконсультироваться со специалистом по платежам — что бы это ни значило, — она будет рада организовать нам встречу прямо здесь или после моего возвращения домой. Я сказал, что не думаю, что в этом есть необходимость, и что все оплачу, но хотел бы получить скидку[78]. Мы стали торговаться и в конце концов договорились о двадцатипроцентной скидке, что составляет

---

[77] Примечания: 77

183 сантиметра и 75 килограмм.

[78] Примечания: 78

По условиям «Медикэр» и других социальных программ пациенты старше 65 лет могут получить скидку на лечение в платных клиниках.

примерно девятнадцать тысяч долларов.

Я присвистнул. Мистер Боудич ухмыльнулся:

— Я пытался выбить из них двадцать пять процентов, но она не сдвинулась с двадцати. Думаю, это стандарт для данной отрасли, а больницы, если тебе интересно — это целая индустрия. Больницы и тюрьмы — разница в их бизнесе не слишком большая, разве что в случае с тюрьмами счета оплачивают налогоплательщики, — он вытер глаза рукой. — Я мог бы заплатить и всю сумму, но мне нравится торговаться. У меня уже давно не было возможности это делать. Раньше были дворовые распродажи, на которых я купил много книг и старых журналов. Люблю старые вещи. Но, похоже, я отвлекся. Дело вот в чем дело: я могу им заплатить, но ты должен дать мне такую возможность.

— Если вы думаете, что в банке из-под муки…

Он отмахнулся, как будто восемь тысяч долларов были недостойной внимания мелочью. Впрочем, учитывая ту сумму, что он задолжал больнице, так оно и было.

— Вот что ты должен сделать.

Он рассказал мне, а когда закончил, спросил, должен ли я все это записать.

— Ничего страшного, что ты это сделаешь, если

только уничтожишь свои записи, когда все будет выполнено.

— Разве только комбинацию цифр. Я напишу ее на руке, а потом сотру.

— Ты хочешь так сделать?

— Да, — я просто обязан был это сделать, хотя бы чтобы выяснить, правда ли то, что он мне рассказал.

— Хорошо. Повтори поэтапно все шаги.

Я это сделал, а потом воспользовался его прикроватной ручкой, чтобы записать серию цифр и поворотов на предплечье, прикрытом рукавом футболки.

— Спасибо, — сказал он. — Тебе придется подождать до завтра, чтобы встретиться с мистером Генрихом, но взять то, что нужно, ты сможешь сегодня вечером, когда придешь кормить Радар.

Я сказал «хорошо», попрощался и ушел. Я был, как говорит мой отец, ошеломлен. На полпути к лифту я кое о чем вспомнил и вернулся.

— Что, передумал? — он улыбался, но в его глазах читалась тревога.

— Нет. Просто хотел спросить о том, что вы сказали.

— И что это?

— Что-то насчет подарков. Вы сказали, что храб-

рец помогает, а трус только приносит подарки.

— Не помню, чтобы я это говорил.

— Сказали, я точно помню. Что это значит?

— Не знаю. Наверно, это говорили таблетки.

Он лгал. Я годами жил с пьяницей и узнавал ложь, когда слышал ее.

2

Я поехал на велосипеде обратно на Сикаморстрит, 1, сгорая от любопытства. Отперев заднюю дверь, я выдержал бурный натиск Радар. Теперь она могла вставать на задние лапы, чтобы ее погладили, что я приписал действию новых таблеток. Я выпустил ее на задний двор, чтобы сделать дела, и мысленно посылал ей сигналы поскорее закончить и вернуться в дом.

Впустив ее обратно, я поднялся наверх, в спальню мистера Боудича, и открыл его шкаф. Там висело много всякой одежды, в основном домашней вроде фланелевых рубашек и брюк хаки, но было и два костюма. Один черный, другой серый, и оба похожи на те, что носили Джордж Рафт и Эдвард Г. Робинсон в фильме «Каждый рассвет,

когда я умираю»[79] — двубортные, с накладными плечами.

Отодвинув одежду в сторону, я увидел закрытый сейф старомодного образца высотой около трех футов. Когда я присел на корточки и потянулся к кнопкам для набора шифра, что-то холодное ткнулось мне в спину, в место, где рубашка вылезла из штанов. Со сдавленным воплем я обернулся и увидел Радар, радостно вилявшую хвостом. Холодным предметом, ясное дело, был ее нос.

— Не делай так больше, девочка, — сказал я. Она села, улыбаясь и словно говоря, что будет делать у себя дома все, что захочет. Я снова повернулся к сейфу. В первый раз я ошибся с комбинацией, но со второй попытки дверца открылась.

Первым, что я увидел, был револьвер, лежащий на единственной полке сейфа. Он был больше того, что мой папа давал моей маме, когда ему приходилось уезжать на несколько дней — или однажды на неделю, на корпоративный выезд. Тот был 32-го калибра, дамский, и я подумал, что он все еще может лежать где-то у папы, но не был в этом уверен. Когда он впадал в запои, я искал

---

[79] Примечания: 79

«Каждый рассвет, когда я умираю» — гангстерский боевик 1939 года. Актеры Джордж Рафт и Эдвард Г. Робинсон (наст. Эммануэль Голденберг) известны своими ролями в фильмах о гангстерах 30 — 40-х годов.

этот револьвер, чтобы спрятать, но так и не нашел. Этот был большим, вероятно, 45-го калибра. Как и почти все вещи мистера Боудича, он выглядел старомодным. Я взял его — осторожно — и нашел рычажок, который выдвигал барабан. Он был заряжен, все шесть камер. Я вернул барабан на место и положил оружие на полку. Учитывая то, что он мне сказал, револьвер мог пригодиться. Охранная сигнализация тоже могла быть полезной, но он не хотел видеть полицию в доме 1 на Сикамор-стрит. Кроме того, Радар в прежние времена была лучше любой сигнализации — Энди Чен мог это подтвердить.

На дне сейфа стояло то, что, по словам мистера Боудича, я должен был найти: большое стальное ведро, накрытое рюкзаком. Убрав рюкзак, я увидел, что ведро почти доверху наполнено теми таблетками, которые были не таблетками, а гранулами чистого золота.

У ведра была двойная ручка, я взялся за нее и поднял. Сидя на корточках, я едва смог сделать это. Там, должно быть, было сорок фунтов золота, а может быть, пятьдесят. Я сел и повернулся к Радар.

— Господи Иисусе, это целое гребаное состояние!

Она согласно стукнула хвостом об пол.

3

Тем вечером, покормив Радар, я поднялся наверх и снова заглянул в ведро с золотом, просто чтобы убедиться, что оно мне не померещилось. Когда я вернулся домой, папа спросил меня, готов ли я к возвращению мистера Боудича домой. Я сказал, что да, но мне нужно еще кое-что сделать до его приезда.

— Так я могу одолжить твою дрель? И шуруповерт?

— Конечно. И я был бы рад пойти и помочь тебе, если бы мог, но у меня встреча в девять. Насчет того пожара в многоэтажке, о котором я тебе рассказывал. Оказывается, это мог быть поджог.

— Ничего, я справлюсь.

— Надеюсь на это. У тебя все хорошо?

— Конечно, а что?

— Просто ты кажешься немного взволнованным. Беспокоишься о завтрашнем дне?

— Немного, — сказал я, что было правдой.

Вы можете спросить, хотелось ли мне рассказать отцу о том, что я нашел. Нет, не хотелось. Во-первых, мистер Боудич взял с меня клятву хранить тайну. Во-вторых, он сказал, что золото

не было украдено «в обычном смысле». Я спросил, что это значит, но он ответил только то, что никто в целом мире не будет его искать. Пока я не узнал больше, я был готов поверить ему на слово.

К этому добавлялось еще кое-что — мне было семнадцать, и ничего более волнующего со мной до сих пор не случалось. И я хотел узнать, что будет дальше.

4

Утром в понедельник я приехал на велосипеде в дом мистера Боудича, покормил Радар, и она села смотреть, как я устанавливаю предохранительные перила. Унитаз и так удобно располагался в крошечной ванной, а перила сделали доступ к нему еще удобнее, и это было хорошо. Конечно, он, как я думал, будет ворчать, но зато теперь не упадет. Он мог держаться за перила, даже когда мочился, что я счел дополнительным плюсом. Я подергал их, но они держались крепко.

— Что ты об этом думаешь, Радар? Хорошо вышло?

Радар стукнула хвостом.

— Можешь взвесить золото на моих весах в ванной, — сказал мне мистер Боудич во время нашего разговора. — Они не слишком точные,

но на кухонных весах это займет слишком много времени — знаю по опыту. Используй рюкзак для взвешивания и переноски. Когда взвесишь, немного прибавь к полученному результату. Генрих взвесит все сам, на более точных весах. Ты знаешь — э-лек-тронных.

Он так произнес это, что вышло одновременно смешно и претенциозно.

— Как вы передаете это ему, когда вам нужна наличность? — Стэнтонвилл находился в семи милях от нас.

— Я беру «Убер»[80]. Генрих платит.

С минуту я ничего не понимал, потом понял.

— Чему ты ухмыляешься, Чарли?

— Ничему. Вы проводите эти обмены по ночам?

Он кивнул.

— Обычно около десяти, когда большинство людей по соседству укладываются спать. Даже миссис Ричленд из дома напротив, эта любопытная Варвара.

— Вы уже про нее говорили.

— Не мешает повторить.

Насчет нее я был с ним совершенно согласен.

---

[80] Примечания: 80

Популярное во многих странах мобильное приложение для вызова такси.

— Думаю, мои дела — не единственные, которыми Генрих занимается по ночам, но завтра он согласился закрыть магазин, так что можешь прийти утром, между половиной десятого и десятью. Я никогда не обменивал у него так много. Уверен, что все будет в порядке, он никогда не пытался надуть меня, но в сейфе есть револьвер, и если хочешь взять его — для защиты — это будет вполне естественно.

Я не собирался брать револьвер. Знаю, что оружие заставляет некоторых людей чувствовать себя сильнее, но я к ним не отношусь. От одного прикосновения к нему мне становилось жутко. Если бы вы сказали мне, что довольно скоро я буду носить его с собой, я бы решил, что вы свихнулись.

Взяв в кладовой совок, я поднялся наверх. Цифры со своей руки я смыл, переписав их в запароленную заметку в телефоне, но мне даже не пришлось с ней сверяться. Сейф открылся с первой попытки. Я снял рюкзак с ведра и снова удивился, сколько там золота. Не в силах противиться порыву, я погрузил туда руки по самые запястья и позволил золотым шарикам проходить у меня между пальцев. Потом сделал это еще раз. И еще. В этом было что-то гипнотическое.

Я потряс головой, как бы проясняя ее, и начал насыпать совком золото.

Когда я в первый раз взвесил рюкзак, весы показали чуть больше трех фунтов. Я добавил еще, до пяти. В последний раз стрелка остановилась на семи, и я решил, что этого хватит. Если весы мистера Генриха покажут больше положенных шести фунтов, я могу вернуть лишнее. Мне еще нужно было кое-что сделать в доме до приезда мистера Боудича. Я напомнил себе, что нужно купить колокольчик, в который он мог бы позвонить ночью, если ему что-то понадобится. «Уход на дому для чайников» предлагал домофон или видеоняню, но я думал, что мистеру Боудичу может понравиться что-нибудь более старомодное.

Я спросил его, сколько стоят шесть фунтов золота, одновременно желая и не желая знать, какую сумму я буду тащить на спине во время семимильной поездки на велосипеде до Стэнтонвилла — в основном по сельской местности. Он сказал мне, что когда он в последний раз проверял цены на золото в Техасе, оно стоило около 15 тысяч долларов за фунт.

— Но он получит его за четырнадцать тысяч за фунт — о такой цене мы договорились. Речь идет о 84 тысячах долларов, но он выдаст тебе

чек на 74 тысячи. Это покроет мой больничный счет с небольшим остатком для меня и хорошей прибылью для него.

«Хорошей» было мягко сказано. Не знаю, когда мистер Боудич в последний раз интересовался ценами на золото, но с апреля 2013 года они непрерывно росли. В воскресенье вечером, перед сном я навел справки о стоимости золота на своем ноутбуке: оно продавалось по цене более 1200 долларов за унцию, что составляло примерно 20 тысяч долларов за фунт. На золотой бирже в Цюрихе шесть фунтов можно было продать примерно за 115 тысяч долларов, а это означало, что этот Генрих получит прибыль в 40 тысяч долларов. И золото не было «горячими» бриллиантами[81], которые покупатель мог приобрести дешевле из-за риска. Эти гранулы были немаркированными, анонимными, и их легко можно было переплавить в слитки. Или превратить в украшения.

Я думал о том, чтобы позвонить мистеру Боудичу в больницу и сказать, что он продает золото слишком дешево, но не стал. По очень простой причине: я думал, что ему все равно. Отчасти я его

[81] Примечания: 81

«Горячими» называются краденые или контрабандные драгоценные камни, торговля которыми незаконна.

понимал — даже с вычетом шести фунтов золота в Ведре капитана Кидда оставалось еще много. Моя работа (хотя мистер Боудич этого не сказал) заключалась в том, чтобы совершить сделку и не оказаться при этом обманутым. Это была чертовски большая ответственность, и я был полон решимости оправдать оказанное мне доверие.

Я застегнул клапан рюкзака, проверил пол между сейфом в шкафу и весами в ванной на предмет просыпавшихся золотых шариков, но не нашел ни одного. Как следует погладив Радар (на удачу), я направился к выходу, неся 115 тысяч долларов в потрепанном старом рюкзаке.

Мой старый друг Берти Берд назвал бы это «много чеддера»[82].

5

Центр Стэнтонвилла представлял собой единственную улицу с дрянными магазинчиками, парой баров и закусочной, в которой весь день подают завтрак с бездонной чашкой мерзкого кофе. Некоторые магазины были закрыты и заколочены досками с уведомлением о том,

---

[82] Примечания: 82

«Много чеддера» (сорт сыра) — жаргонное выражение, означающее «гора бабла».

что они продаются или сдаются в аренду. Мой отец говорил, что когда-то Стэнтонвилл был процветающим городком, отличным местом шоппинга для тех, кто не хотел ехать в Элджин, Нейпервилл, Джольет или сразу в Чикаго. Потом, в 1970-х, в округе открылся торговый центр — и не просто торговый центр, а супермолл с кинотеатром на двенадцать экранов, детским парком развлечений, скалодромом, батутной зоной под названием «Летуны», эскейп-румом[83] и парнями в костюмах говорящих животных. Этот сияющий храм торговли вырос к северу от Стэнтонвилла и высосал большую часть жизни из центра города, а остальное было высосано «Уолмартом» и «Сэмс Клабом»[84], построенными на юге, у выезда на магистраль.

Преодолев подъем, я поехал на своем велосипеде по двухполосному шоссе 74-А, проходящему мимо ферм и кукурузных полей. Пахло навозом и свежей растительностью. Стояло отличное

---

[83] Примечания: 83

Эскейп-рум — недавно возникший аттракцион, где игрокам предлагается выбраться из запертого помещения с помощью различных подсказок.

[84] Примечания: 84

«Sam's Club» — американская сеть центров оптовой и мелкооптовой торговли, управляемая той же компанией, что и «Walmart» — крупнейшая в мире сеть оптовой и розничной торговли.

весеннее утро, и поездка была бы приятной, если бы я не осознавал, какое мини-состояние несу на спине. Помню, что думал тогда о Джеке, мальчике, который влез на бобовый стебель[85].

На главной улице Стэнтонвилла я оказался в девять пятнадцать, что было рановато, поэтому я зашел в закусочную, купил кока-колу и потягивал ее, сидя на скамейке в парке на маленькой грязной площади с высохшим фонтаном, полным мусора, и обгаженной птицами статуей кого-то, о ком я никогда не слышал. Я вспоминал эту площадь и сухой фонтан позже, в месте еще более пустынном, чем Стэнтонвилл.

Не могу поклясться, что Кристофер Полли был там в то утро, но не могу поклясться и в том, что его там не было. Полли был из тех людей, которые отлично умеют сливаться с пейзажем, пока сами не захотят, чтобы вы их увидели. Он мог сидеть в закусочной, поглощая яичницу с беконом. Мог торчать на автобусной остановке или притворяться, что изучает гитары и бумбоксы в витрине местного ломбарда. Мог быть где угодно и просто нигде. Все, что я могу сказать — что не видел там никого в ретро-шляпе «Уайт Сокс» с красным кру-

---

[85] Примечания: 85

Имеется в виду английская народная сказка "Джек — победитель великанов», много раз упоминаемая далее.

гом спереди. Может быть, он не носил ее тогда, но я ни разу не видел без нее этого сукиного сына.

Без двадцати десять я выбросил недопитый стакан в ближайшую урну и медленно поехал по Мейн-стрит. Деловая часть города (или то, что от нее осталось) занимала всего четыре квартала. Ближе к концу четвертого, всего в двух шагах от знака с надписью «СПАСИБО, ЧТО ПОСЕТИЛИ НАШ ПРЕКРАСНЫЙ СТЭНТОНВИЛЛ», располагался магазин «Лучшие ювелирные изделия, покупка и продажа». Он выглядел таким же убогим и обветшалым, как остальные заведения этого умирающего города. В пыльной витрине ничего не было, табличка на пластиковой двери гласила: «ЗАКРЫТО».

Возле двери был звонок, и я нажал его. Ответа не было. Я нажал снова, остро чувствуя вес рюкзака на спине. Прижав нос к стеклу, я сложил ладони чашечкой, чтобы увидеть что-нибудь я ярком свете — но увидел только потертый ковер и пустые витрины. Я уже начал думать, что ошибся либо я, либо мистер Боудич, когда откуда-то из глубины, прихрамывая, появился маленький человечек в твидовой кепке, свитере на пуговицах и мешковатых штанах, похожий на садовника из британского детективного сериала.

Он уставился на меня, потом проворно похромал прочь и нажал кнопку у старомодного кассового аппарата. Дверь звякнула, я толкнул ее и вошел внутрь, где пахло пылью и упадком.

— Входите, входите, — сказал он.

Но я остался там, где был.

— Вы мистер Генрих, верно?

— Кто же еще?

— Могу я взглянуть на ваше водительское удостоверение?

Он нахмурился, потом рассмеялся.

— Старик послал осторожного мальчика, и это хорошо для него.

Достав из заднего кармана потрепанный бумажник, он раскрыл его, чтобы я мог увидеть удостоверение. Прежде чем он снова его спрятал, я увидел, что его зовут Вильгельм.

— Вы довольны?

— Да. Спасибо.

— Тогда проходите назад. *Schnell!*

Я прошел за ним в заднюю комнату, которую он отпер с помощью кодового замка, который тщательно закрывал от меня, набирая цифры. Внутри лежало все, чего не было на витрине, полки были забиты часами, медальонами, брошками, кольцами, подвесками, цепочками. Рубины и изумруды

вспыхивали огнем. Рядом с ними я увидел тиару, усыпанную бриллиантами.

— Это все настоящее?

— *Ja, ja*, настоящее. Но я не думаю, что вы пришли сюда покупать. Вы пришли продавать. Возможно, вы заметили, что я не спросил ваши водительские права.

— Это хорошо, потому что у меня их нет.

— Я и так знаю, кто вы. Видел вашу фотографию в газете.

— «Сан»?

— Нет, «Ю-Эс-Эй тудей». Вы прославились на всю страну, юный мистер Чарльз Рид. По крайней мере, на этой неделе. Вы спасли жизнь старому Боудичу.

На сей раз я не стал объяснять ему, что это сделала собака — я устал от этого и хотел только сделать свое дело и убраться восвояси. Всё это золото с драгоценностями немного напугало меня, особенно на фоне пустых полок магазина. Я почти пожалел, что не взял с собой револьвер, потому что начал чувствовать себя не Джеком на бобовом стебле, а Джимом Хокинсом из «Острова сокровищ». Генрих выглядел маленьким, старым и неопасным, но что если у него где-то прятался Долговязый Джон Сильвер? Это была не такая

уж невероятная идея. Я мог бы напомнить себе, что мистер Боудич вел дела с Генрихом в течение многих лет, но мистер Боудич сам сказал, что никогда еще не совершал сделок такого масштаба.

— Давай посмотрим, что у тебя есть, — сказал он. В приключенческом романе для мальчиков он был бы воплощенной жадностью, потирал руки и чуть ли не пускал слюни, но в реальности его голос звучал по-деловому, может быть, даже немного скучающе. Я не доверял этой скуке и не доверял ему.

Я положил рюкзак на прилавок. Рядом были весы — действительно э-лек-тронные. Расстегнув клапан, я раскрыл рюкзак и увидел, как изменилось его лицо, когда он заглянул внутрь: губы сжались, а глаза на мгновение расширились.

— *Mein Gott!* Посмотрите, что вы везли на своем велосипеде.

На весах был люцитовый желоб, подвешенный на цепях. Генрих засыпал в желоб маленькие пригоршни золотых гранул, пока весы не показали два фунта. Он отложил их в пластиковый контейнер, потом взвесил еще два. Когда он закончил взвешивать последнюю порцию и добавил ее к остальным, в одной из складок на дне рюкзака еще осталась небольшая горка золота.

Мистер Боудич велел мне взять немного больше, и я так и сделал.

— Кажется, осталось еще четверть фунта, *hein*[86]? — спросил он, заглядывая внутрь. — Продайте ее мне, и я дам вам три тысячи долларов наличными. Боудичу не говорите. Назовем это комиссионными.

«Назови это тем, что можешь держать у меня над головой», — подумал я. Но все равно поблагодарил его и застегнул клапан.

— У вас есть чек для меня, верно?

— Да.

Чек лежал в кармане его старого свитера. Он был из чикагского отделения банка ПНК на Белмонт-авеню, выписан на имя Говарда Боудича на сумму семьдесят четыре тысячи долларов. В графе напротив подписи Вильгельма Генриха было написано «Личные услуги». Мне это показалось нормальным. Я положил чек в свой бумажник, а бумажник убрал в левый передний карман.

— Он упрямый старик, который отказывается идти в ногу со временем, — сказал Генрих. — Часто в прошлом, когда мы имели дело с гораздо меньшими суммами, я давал ему наличные. В

---

[86] Примечания: 86
Верно? (нем.)

двух случаях — чеки. Однажды я спросил: «Разве вы не слышали об электронном депозите?» И знаете, что он ответил?

Я покачал головой, но мог догадаться.

— Он сказал: «Не слышал и не хочу слышать». И теперь он в первый раз послал *zwischen gehen* — эмиссара — потому что с ним произошел несчастный случай. Я бы сказал, что у него нет никого в целом свете, кому он мог бы доверить такое поручение. Но вот ты здесь. Мальчик на велосипеде.

— Да, я здесь, — сказал я и направился к двери, ведущей обратно в пустой еще магазин, где он потом выложит товар — а может, и не выложит. Я почти ожидал, что дверь будет заперта, но это оказалось не так. Вернувшись туда, где был виден дневной свет, я почувствовал себя лучше. Но и это помещение казалось неприятным из-за запаха старой пыли. Похожим на склеп.

— Он вообще знает, что такое компьютер? — спросил Генрих, следуя за мной и тщательно запирая дверь в заднюю комнату. — Держу пари, что нет.

Я не собирался втягиваться в дискуссию о том, что мистер Боудич знал, а что нет, и просто сказал, что был рад с ним познакомиться. Это было

неправдой. Я с облегчением увидел, что никто не украл мой велосипед — выходя из дома тем утром, я был слишком занят другими вещами, чтобы вспомнить о велосипедном замке.

Генрих взял меня за локоть. Я обернулся и теперь все-таки увидел внутреннего Долговязого Джона Сильвера. Для полноты картины ему нужен был только попугай на плече. По словам Сильвера, его попугай повидал не меньше зла, чем сам дьявол. Я догадывался, что Вильгельм Генрих тоже видел много зла — но вы должны помнить, что мне было семнадцать, и я по шею увяз в вещах, которых не понимал. Другими словами, я был напуган до смерти.

— Сколько у него золота? — спросил Генрих низким, сдавленным голосом. Его будто бы случайное использование немецких слов и фраз показалось мне наигранным, но именно теперь он действительно говорил, как немец. И не очень приятный немец. — Скажите, сколько и где он его берет. Я сделаю так, чтобы вы об этом не пожалели.

— Я лучше пойду, — сказал я и пошел.

Наблюдал ли Кристофер Полли, как я сел на велосипед и уехал с оставшимися золотыми гранулами в рюкзаке? Я бы его не увидел, потому

что оглядывался через плечо на бледное лицо Генриха, маячившее за табличкой «ЗАКРЫТО» на пыльной двери его магазина. Может быть, это было лишь воображение — вполне возможно, — но мне казалось, что я все еще вижу жадность на его лице. И я его понимал. Я вспомнил, как опустил руки в это ведро и позволил гранулам просыпаться сквозь пальцы. Не просто жадность — алчность.

Как в истории о пиратах.

6

Около четырех дня к дому подъехал фургон с надписью «БОЛЬНИЦА АРКАДИЯ» на боку. Я ждал его у фасада с Радар на поводке. Калитка — уже без ржавчины, со смазанными петлями — была открыта. Из фургона вышел санитар, открывший заднюю дверцу; Мелисса Уилкокс стояла там позади мистера Боудича, который сидел в инвалидном кресле с ногой в фиксаторе, вытянутой вперед. Она отцепила кресло, толкнула его вперед и тыльной стороной ладони нажала на кнопку. Когда платформа и инвалидное кресло начали опускаться, мой желудок тоже опустился. Я помнил про телефон, утку, даже про звонок. Чек Генриха был надежно спрятан в моем бумажни-

ке. Все хорошо, но вот пандуса для инвалидных колясок не было ни спереди, ни сзади дома. Я чувствовал себя идиотом, но, по крайней мере, это не продлилось долго. Меня отвлекла Радар, которая увидела мистера Боудича и бросилась к нему. В тот момент она не проявляла никаких признаков артрита. Мне удалось вовремя потянуть поводок назад, чтобы ей не раздавило лапы опускающимся лифтом, но я почувствовал, как ее рывок отозвался болью в моей руке.

Ав! Ав! Ав!

Это было не рычание пса-монстра, который когда-то напугал Энди, а такой жалобный и человеческий крик, что у меня сжалось сердце. «*Ты вернулся!* — говорили эти звуки. — *Слава Богу, а я думала, ты ушел навсегда!*»

Мистер Боудич протянул к ней руки, и она подпрыгнула, обхватив лапами его вытянутую ногу. Он поморщился, потом засмеялся и погладил ее по голове.

— Да, девочка, — промурлыкал он. Мне было трудно поверить, что он мог издавать такой звук, даже когда я его слышал, но он это сделал — этот ворчливый старик мурлыкал. В его глазах стояли слезы. Радар тихо поскуливала от счастья, ее большой старый хвост мотался взад-вперед.

— Да, девочка, да, я тоже по тебе скучал. А теперь отойди, а то ты меня убьешь.

Радар послушно отскочила и потрусила, вывалив язык, вслед за инвалидным креслом, которое Мелисса катила по дорожке.

— Пандуса нет, — сказал я. — Извините, я его сделаю, посмотрю в сети, как это делается, в сети есть все, — я лепетал эту чушь и, казалось, не мог остановиться. — Думаю, все остальное более-менее готово…

— Мы наймем кого-нибудь, чтобы установить пандус, так что не суетись, — прервал мистер Боудич. — Тебе не нужно делать все самому. Одно из преимуществ статуса помощника — это делегирование задач. И спешить некуда, я ведь нечасто выхожу из дома, как ты знаешь. Ты позаботился о нашем деле?

— Да. Сегодня утром.

— Хорошо.

Мелисса сказала:

— Вы двое вполне сможете поднять это кресло по ступенькам, вы ведь здоровые парни. Что ты об этом думаешь, Херби?

— Без проблем, — сказал санитар. — Верно, приятель?

Я сказал «конечно» и встал с одной стороны

кресла. Радар вскарабкалась на ступеньки до середины, остановилась, когда задние лапы подвели ее, но потом снова включила передачу и прошла остаток пути. Она смотрела на нас сверху вниз, постукивая хвостом.

— И кто-то должен починить дорожку, если он собирается ею пользоваться, — сказала Мелисса. — Это хуже, чем грунтовая дорога в Теннесси, возле которой я выросла.

— Готов, приятель? — спросил Херби.

Мы подняли инвалидную коляску на крыльцо. Я порылся в ключах мистера Боудича и наконец нашел тот, который открывал входную дверь.

— Слушай, — сказал санитар, — я не мог видеть твою фотографию в газете?

Я вздохнул:

— Наверно. Мы с Радар, вон у той калитки.

— Да нет, в прошлом году. Ты забил победный тачдаун в Индюшачьем кубке. За пять секунд до того, как закончилась игра.

Он поднял руку над головой, держа невидимый футбольный мяч, как я тогда на фотографии. Трудно сказать, почему меня обрадовало то, что он вспомнил ту фотографию, а не более свежую, но это было так.

В гостиной я ждал — нервничая больше, чем

когда — либо, — пока Мелисса Уилкокс осматривала раскладной диван.

— Хорошо, — сказала она. — Все хорошо. Может быть, низковато, но обойдемся тем, что у нас есть. Еще понадобится валик или что-то подобное, чтобы его нога имела дополнительную поддержку. Ты застелил постель?

— Да, — сказал я, и ее удивленный взгляд меня тоже порадовал.

— Прочитал брошюру, которую я тебе дала?

— Да. И купил антибактериальное средство для ухода за булавками…

Она покачала головой:

— Простой физраствор — это все, что нужно. Теплая соленая вода. Ты чувствуешь себя готовым переместить его?

— Алло? — сказал мистер Боудич. — Могу я принять участие в этом разговоре? Я ведь тут.

— Да, но я не с вами разговариваю, — сказала Мелисса с улыбкой.

— Даже не знаю, — сказал я.

— Мистер Боудич, — сказала Мелисса, — вот теперь я обращаюсь к вам. Не возражаете, если Чарли проведет с вами тест-драйв?

Мистер Боудич посмотрел на Радар, которая уселась так близко к нему, как только могла.

— Что ты об этом думаешь, девочка? Доверяешь этому парню?

Радар рявкнула один раз.

— Радар говорит «о'кей», и я тоже говорю «о'кей». Не уроните меня, молодой человек. Моя нога вам этого не простит.

Я пододвинул кресло поближе к кровати, нажал на стопор и спросил, может ли он встать на здоровую ногу. Мистер Боудич немного приподнялся, позволив мне разблокировать и опустить подставку, которая поддерживала его больную ногу. Он крякнул, но проделал остаток пути — слегка покачиваясь, но вертикально.

— Повернитесь так, чтобы ваш зад был обращен к кровати, но не пытайтесь сесть, пока я вам не скажу, — сказал я, и Мелисса одобрительно кивнула.

Мистер Боудич сделал то, что я сказал, и я отодвинул инвалидное кресло с дороги.

— Я не могу долго стоять так без костылей, — пот снова выступил у него на лбу и щеках.

Я присел на корточки и взялся за фиксатор.

— Теперь можете сесть.

Он не сел, он упал — со вздохом облегчения. Потом лег на спину. Я положил его больную ногу на кровать, на чем мой тест-драйв по переме-

щению завершился. Я не потел так сильно, как мистер Боудич, но потел, в основном от нервов. Это было дело посерьезнее, чем принимать броски от питчера.

— Неплохо, — прокомментировала Мелисса. — Когда он проснется, чтобы поднять его, тебе придется его обнять. Сплети пальцы вместе посередине его спины и приподними. Используй его подмышки…

— Для поддержки, — сказал я. — Это написано в брошюре.

— Мне нравятся мальчики, которые хорошо делают домашнюю работу. Следи за тем, чтобы его костыли всегда были рядом, особенно когда он встает с кровати. Как вы себя чувствуете, мистер Боудич?

— Как десять фунтов дерьма в девятифунтовом мешке. Не пора ли мне принять таблетки?

— Вы приняли таблетку до того, как мы покинули больницу. Следующую можно будет принять в шесть.

— Кажется, это будет очень нескоро. Как насчет перкоцета[87], чтобы я пришел в себя?

— Как насчет того, что у меня его нет? — она

[87] Примечания: 87

Перкоцет (перкодан) — сильнодействующий обезболивающий препарат кодеиново-морфиновой группы.

снова повернулась ко мне. — У тебя все будет получаться лучше, и у него тоже, особенно когда он начнет поправляться и диапазон его движений расширится. Выйди со мной на минутку, хорошо?

— Говорили бы при мне, — проворчал Боудич. — Что бы вы ему ни сказали, этот молодой человек не будет ставить никаких клизм.

— Ого, — сказал Херби. Согнувшись и положив руки на колени, он рассматривал телевизор. — Это самый старый дурацкий ящик, который я когда-нибудь видел, приятель. Неужели он работает?

7

Вечернее солнце светило ярко и уже немного согревало, что очень радовало после долгой зимы и холодной весны. Мелисса подвела меня к амбулаторному фургону, наклонилась и открыла широкую центральную консоль. Она достала пластиковый пакет, положив его на сиденье.

— Костыли в подсобке. А вот его лекарства плюс два тюбика геля с арникой[88]. Там есть листок

[88] Примечания: 88

Мазь для ускорения рассасывания гематом, получаемая из цветов и корней растения Arnica montana.

с точными дозировками, потом найдешь, — она стала доставать пузырьки и показывать их мне один за другим. — Это антибиотики. Это витамины четырех разных видов. Это рецепт на линпарзу[89]. Купишь в «Си-Ви-Эс»[90] в Сентри-Виллидж. Это слабительные. Там нет суппозиториев[91], и ты должен прочитать, как их вводить, если понадобится. Вряд ли ему это понравится.

— Ему вообще мало что нравится, — сказал я. — В основном это Радар.

— И ты, — сказала она. — Ты тоже ему нравишься, Чарли. Он говорит, что тебе можно доверять. Надеюсь, он говорит это не только потому, что ты появился вовремя, чтобы спасти ему жизнь. Потому что есть еще вот это.

Самый большой флакон был наполнен двадцатимиллиграммовыми таблетками оксиконтина. Мелисса серьезно посмотрела на меня:

— Это плохой наркотик, Чарли. Очень затягивает. Однако он хорошо помогает от тех болей,

---

[89] Примечания: 89

Линпарза — средство против опухолей.

[90] Примечания: 90

Американская сеть розничных аптек.

[91] Примечания: 91

Суппозитории — то же, что пилюли, капсулы с лекарственным веществом, оболочка которых плавится при температуре тела.

от которых сейчас страдает твой друг и которые могут продолжаться от восьми месяцев до года. А возможно, и дольше, в зависимости от других его проблем.

— Каких проблем?

Она покачала головой:

— Это не моя компетенция. Главное, придерживайся графика приема лекарств и не слушай, если он будет требовать еще. На самом деле ему могут больше помочь наши сеансы терапии, и знание этого станет одной из главных его мотиваций — возможно, главной — для продолжения терапии, даже когда она причиняет боль. А она будет причинять. Тебе нужно держать таблетки там, где он не сможет до них добраться. Можешь придумать такое место?

— Да, — я сразу подумал про сейф. — Это сработает, по крайней мере, до тех пор, пока он не сможет подниматься по лестнице.

— Значит, три недели, если он будет продолжать лечение. Может быть, месяц. Как только он сможет подняться, тебе надо будет придумать другое место. И тебе нужно беспокоиться не только о нем. Для наркоманов эти таблетки на вес золота.

Я рассмеялся. Ничего не мог с этим поделать.

— Что? Что тут смешного?

— Ничего. Я сохраню их в целости и не дам ему лишнего.

Она пристально посмотрела на меня.

— А как насчет тебя, Чарли? Вообще-то я не имею права давать их несовершеннолетним; врач, который их прописал, уверен, что их будет принимать взрослый человек, за которым осуществляется уход. У меня могут быть неприятности. Не возникнет ли у тебя искушения попробовать одну или две и немного покайфовать?

Я подумал о своем отце, о том, что с ним сделала выпивка, и о том, как я когда-то думал, что мы будем спать под мостом на шоссе, а наши пожитки возить в украденной тележке для покупок.

Я сунул большой пузырек с таблетками оксиконтина обратно в сумку к остальным лекарствам. Потом взял ее за руку и заглянул в глаза.

— Это чертовски маловероятно, — сказал я.

8

Был еще один момент, о котором я забыл, потому что нервничал, оставаясь с ним наедине — что делать, если что-то случится, а этот дурацкий телефон семидесятых годов вдруг перестанет

работать?

«*Тогда ты позвонишь в 911 со своего телефона двадцать первого века*, — подумал я. — *Как сделал, когда нашел его на ступеньках заднего крыльца*». Но если у него будет сердечный приступ? Все, что я знал об искусственном дыхании, я видел в телешоу, и если его мотор остановится, у меня не будет времени искать на «YouTube» видео на эту тему. Я предвкушал еще много таких домашних заданий.

Посмотрев, как они уезжают, я вернулся в дом. Мистер Боудич лежал на диване, прикрыв глаза рукой. Радар бдительно дежурила у кровати. Теперь нас осталось только трое.

— Вы в порядке? — спросил я.

Он опустил руку и повернул голову, чтобы посмотреть на меня. Выражение его лица было донельзя усталым.

— Я в глубокой заднице, Чарли. Не знаю, смогу ли я оттуда выбраться.

— Сможете, — сказал я, надеясь, что мой голос звучит более уверенно, чем мои мысли на этот счет. — Хотите чего-нибудь поесть?

— Мне нужны таблетки от боли.

— Я не могу…

Жестом он остановил меня.

— Знаю, что не можешь, и не буду унижаться — или обижать тебя, — выпрашивая их. По крайней мере, надеюсь, что не буду, — медленными движениями он гладил Радар по голове. Она сидела совершенно неподвижно, ее хвост медленно двигался из стороны в сторону, а глаза не отрывались от него. — Дай-ка мне чек и ручку.

Я дал их вместе с книгой в твердом переплете, которую он мог использовать как подставку. Он написал «ТОЛЬКО ДЛЯ ВНЕСЕНИЯ ДЕПОЗИТА», а внизу нацарапал свою подпись.

— Отнесешь это завтра в банк?

— Конечно. В Первый гражданский?

— Именно. Как только он попадет в систему, я смогу выписать чек на оплату моего пребывания в больнице, — он протянул мне чек, который я сунул обратно в бумажник. Он закрыл глаза, потом снова открыл их и уставился в потолок. Его рука не отрывалась от головы Радар.

— Я очень устал. И боль никак не отпускает. Даже не делает гребаного перерыва на кофе.

— Как насчет обеда?

— Не хочу, но они говорят, что мне надо есть. Может, что-нибудь соленое — немного сардин и крекеров.

Мне это показалось ужасным, но я принес ему

требуемое вместе со стаканом холодной воды. Он жадно осушил половину стакана. Прежде чем приступить к сардинам (безголовым и блестящим от жира), он спросил меня, собираюсь ли я остаться на ночь.

— Сегодня и всю неделю, — ответил я.

— Хорошо. Раньше я никогда не возражал против одиночества, но теперь все изменилось. Знаешь, чему меня научило это падение с лестницы? Или, скорее, заставило вспомнить?

Я покачал головой.

— Страху. Я старый человек, и мне страшно, — он сказал это без жалости к себе, спокойно констатируя факт. — Думаю, тебе надо сходить домой, чтобы убедить своего отца в том, что здесь пока все нормально. Может быть, вы с ним поужинаете. Потом ты можешь вернуться, покормить Радар и дать мне эти чертовы таблетки. Они сказали, что я на них подсяду, и мне не понадобилось много времени, чтобы убедиться в их правоте.

— Что ж, неплохой план, — я сделал паузу. — Мистер Боудич… Говард… Я бы хотел познакомить вас с моим отцом. Я знаю, что вы не очень-то любили общаться с людьми даже в лучшие времена, но…

— Понимаю. Он хочет успокоить себя, что вполне разумно. Но не сегодня, Чарли, и не завтра. Может быть, в среду. К тому времени я, возможно, почувствую себя немного лучше.

— Ладно, — сказал я. — И еще одна вещь.

Я написал номер своего мобильного на карточке и положил ее на маленький столик рядом с его кроватью — столик, который скоро будет заставлен мазями, марлевыми тампонами и таблетками (но не оксиконтином).

— Когда я наверху, звоните в звонок…

— Очень по-викториански.

— Но в то время, когда меня не будет и я вам понадоблюсь, звоните на мобильный. Независимо от того, в школе я или нет. Я объясню миссис Сильвиус свою ситуацию.

— Ладно. Ступай, успокой своего отца. Но не опаздывай, а то я попробую встать и самостоятельно найти эти таблетки, — он закрыл глаза.

— Плохая идея, — сказал я.

Не открывая глаз, он ответил:

— Вселенная полна ими.

9

Понедельник был для отца хлопотным днем, часто он отсутствовал до половины седьмого или

даже до семи, поэтому я не ожидал застать его дома, да его там и не было. Он стоял у калитки мистера Боудича и ждал меня.

— Я пораньше ушел с работы, — объяснил он, когда я вышел. — Беспокоился за тебя.

— Тебе не нужно было…

Он взял меня за плечи и крепко обнял.

— Так подай на меня в суд. Когда я ехал к вершине холма, то видел, как ты разговаривал у входа с какой-то женщиной, Я тебе помахал, но ты не заметил. Похоже, ты изо всех сил пытался запомнить то, что она тебе говорила.

— И с тех пор ты ждешь здесь?

— Я хотел постучать в дверь, но подумал, что в этой ситуации похож на вампира. Не могу войти, пока меня не пригласят.

— В среду, — сказал я. — Я говорил с ним об этом.

— Мне подходит. Вечером?

— Может быть, около семи. В шесть я дам ему обезболивающее.

Мы пошли вниз по дороге, и его рука все еще лежала у меня на плече, что не вызывало у меня никаких возражений. Я сказал ему, что не останусь ужинать, потому что не хочу надолго оставлять мистера Боудича одного. Сказал еще,

что соберу с собой кое — какие вещи — на ум приходила только зубная щетка, — и найду в его кладовке что-нибудь съестное (но только не сардины).

— Тебе не нужно это делать, — сказал папа. — Я привез сэндвичи из «Джерси Майк». Возьмешь с собой.

— Отлично.

— Как он там?

— Страдает от боли. Надеюсь, таблетки, которые он принимает, помогут ему заснуть. Вечером дам ему больше.

— Окси?

— Да.

— Прячь их подальше. Не говори ему, где они, — этот совет я уже получил, но, по крайней мере, папа не спросил, не захочу ли я сам попробовать их.

Дома я запихнул в рюкзак одежду на пару дней вместе с портативной точкой доступа «Найтхоук» — мой телефон хорошо ловил сигнал, но «Найтхоук» обеспечивал почти идеальный вайфай. К этому я добавил зубную щетку и бритву, которой начал пользоваться пару лет назад. Некоторые парни в школе в том году щеголяли щетиной — это было модно, — но мне нравится гладкое

лицо. Я сделал все быстро, зная, что завтра смогу вернуться за тем, что забыл. Еще я думал о мистере Боудиче, который одиноко лежит в своем большом ветхом доме в компании одной лишь старой собаки.

Когда я был готов, отец еще раз обнял меня, а потом заглянул в глаза.

— Дай-ка посмотреть на тебя. Ты берешь на себя серьезную ответственность. Я горжусь тобой, Чарли. Хотел бы, чтобы твоя мама могла тебя видеть. Она бы тоже гордилась.

— Мне чуточку страшно.

Он кивнул:

— Я бы удивился, если бы было не так. Просто помни — если что-нибудь случится, ты всегда можешь позвонить мне.

— Я это помню.

— Знаешь, я с нетерпением ждал, когда ты поступишь в колледж, но уже заранее тоскую. Этот дом будет пустым без тебя.

— Я всего в четверти мили отсюда, папа, — но в горле у меня стоял комок.

— Знаю, знаю. Давай, иди туда, Чип. Делай свою работу, — он сглотнул с каким-то щелкающим звуком. — И делай ее на совесть.

Глава седьмая
Первая ночь. «Теперь ты знаешь про Джека». Простой дровосек. Терапия. Визит отца. Линпарза. Мистер Боудич дает обещание

1

Я спросил мистера Боудича, можно ли мне сидеть в его кресле, и он разрешил. Потом предложил ему половину своего сэндвича и почувствовал некоторое облегчение, когда он отказался — в «Джерси Майке» самые вкусные сабы.

— Может быть, съем миску супа вечером, после таблеток. Куриную лапшу. Но еще подумаю.

Я спросил, не хочет ли он посмотреть новости, но он покачал головой.

— Включи ящик, если хочешь, но я редко это делаю. Имена там разные, но чушь одна и та же.

— Удивительно, что он еще работает. Разве лампы не перегорают?

— Конечно, перегорают. Так же, как батарейки в фонарике или транзисторном приемнике. — Я не знал, что такое транзисторный приемник, но не сказал ему этого. — Тогда их приходится менять на новые.

— А где вы их берете?

— Покупаю в компании «Ретро-Фит» в Нью-Джерси, но они каждый год становятся дороже по мере сокращения предложения.

— Ну, я думаю, вы можете себе это позволить.

Он вздохнул.

— Ты имеешь в виду золото? Тебе, конечно, хочется знать, откуда оно у меня. Говорил про него кому-нибудь? Отцу? Может быть, учителю в школе, которому доверяешь?

— Я умею хранить секреты, я же вам говорил.

— Ладно, не обижайся. Я просто спросил. Мы обязательно поговорим об этом, но не сегодня. Сегодня я не в состоянии говорить ни о чем таком.

— Это подождет. Но насчет телевизионных трубок… Как вы их заказываете, если у вас нет Интернета?

Он закатил глаза.

— Неужели ты думал, что почтовый ящик у меня только для украшения? Что я просто вешаю на него падуб[92] на Рождество?

Он говорил не об электронной почте. Для меня стало откровением, что люди все еще используют обычную почту для ведения дел. Я думал еще спросить его, почему он просто не купит новый телевизор, но мне показалось, что я знаю ответ.

---

[92] Примечания: 92

Падуб или остролист (англ. holly) — вечнозеленый кустарник с красными ягодами, созревающими зимой. В англоязычных странах издавна считается символом Рождества, его ветками украшают дом перед праздником.

Он любил старые вещи.

Когда стрелки на часах в гостиной подползли к шести, я понял, что хочу дать ему таблетки почти так же сильно, как он хочет их выпить. Наконец время пришло. Я поднялся наверх, взял две штуки и дал ему со стаканом воды. Он почти выхватил их у меня из рук. В комнате было прохладно, но на лбу у него выступили капельки пота.

— Я покормлю Радар, — сказал я.

— Тогда выведи ее потом на задний двор. Она быстро сделает все свои дела, а заодно немного прогуляется. Подай мне утку, Чарли. Я не хочу, чтобы ты видел, как я пользуюсь этой штукой, а в моем возрасте требуется некоторое время, чтобы освоить что-то новое.

2

К тому времени, когда я вернулся и опорожнил утку, таблетки сделали свое дело. Он попросил куриного супа — «еврейского пенициллина», как он его назвал, — выпил бульон и выловил ложкой лапшу. Когда я вернулся, сполоснув кружку, он уже спал. Меня это не удивило — он провел тяжелый день. Я поднялся к нему в комнату, нашел книжку «Невеста была в черном» и погрузился в чтение, пока он не проснулся в восемь часов.

— Почему бы тебе не включить ящик и не попробовать найти там это шоу с пением? — спросил он. — Нам с Радар иногда нравится его смотреть.

Включив телевизор, я просмотрел несколько доступных каналов и нашел «Голос», едва различимый сквозь снежную бурю. Я шевелил «кроличьи уши», пока картинка не стала настолько четкой, насколько это было возможно, и мы стали смотреть выступления участников. Большинство из них пели просто отлично. Я повернулся к мистеру Боудичу, чтобы сказать ему, что мне нравится парень, который пел кантри, но он снова заснул.

3

Я оставил колокольчик на маленьком столике рядом с ним и поднялся наверх. Там я оглянулся и увидел у подножия лестницы Радар. Проводив меня взглядом, она повернулась и пошла к мистеру Боудичу, где провела ту ночь и все последующие ночи. Он спал на этом раскладном диване даже после того, как снова смог пользоваться лестницей, потому что к тому времени Радар уже не могла подниматься наверх.

В моей комнате все было в порядке, хотя тор-

шер, единственный источник света, отбрасывал на потолок жутковатые тени, а дом поскрипывал в суставах, как я себе и представлял. Я догадался, что при сильном ветре это будет настоящая симфония скрипов. Подключив свой «Найтхоук», я вошел в сеть. Я думал о том, как нес на спине груз золота и вспоминал старую сказку из «Маленькой золотой книжки»[93], которую мама читала мне на ночь. Тогда я говорил себе, что просто коротаю время, но теперь думаю иначе. Мне кажется, что иногда мы заранее знаем, куда направляемся, даже когда думаем, что это не так.

Я нашел по крайней мере семь разных версий «Джека и бобового стебля» и прочел их все на своем телефоне при свете торшера. На следующий день надо было взять с собой ноутбук, но пока что мне хватило телефона. Я, конечно, знал эту историю; как и «Златовласку», и «Красную Шапочку» — все это часть культурного потока, несущего за собой детей. Мне казалось, что мультик я посмотрел позже, чем мама прочитала мне сказку, но точно я этого не помнил. Первоначальная история, любезно предоставленная «Википедией», оказалась намного кровожаднее, чем та, которую

[93] Примечания: 93
Серия детских сборников сказок, основанная в 1942 году.

я помнил. Начиная с того, что Джек жил только с матерью, потому что великан убил его отца во время одного из своих многочисленных набегов.

Вы, наверное, тоже знаете эту сказку. Джек и его мама на мели, все, что у них осталось — это корова. Мама велит Джеку отвести ее на рынок и продать не меньше чем за пять золотых монет (гранул в этой истории нет). По дороге в город Джек встречает говорливого разносчика, который уговаривает его обменять корову на пять волшебных бобов. Его мать в ярости выбрасывает бобы в окно, и за ночь из них вырастает волшебный бобовый стебель, уходящий высоко в облака. Наверху находится огромный замок (каким образом он парит в небесах, не объясняет ни одна версия сказки), где живет великан со своей женой.

Джек крадет у великана золотые вещи — монеты, гусыню, несущую золотые яйца, и золотую арфу, которая служила великану сигнализацией. Но это не воровство в обычном смысле, потому что великан сам награбил все это золото. Я узнал, что знаменитая присказка великана — «*Фи-фай-фо-фам, дух британца чую там*» — заимствована из «Короля Лира», где персонаж по имени Эдгар говорит: «*Вот к башне наш Роланд идет, опять*

тот молвил: “Фу-фу-фу! Британской кровью как несет!”»[94]. Ни в мультике, ни в «Маленькой золотой книжке» не было еще одной детали: спальню великана устилали детские кости. Имя великана пронизало меня холодом, глубинным и предвещающим беду.

Гогмагог.

4

Я выключил торшер в одиннадцать и спал, пока будильник моего телефона не разбудил меня без четверти двенадцать. Я еще не успел положить таблетки оксиконтина в сейф; они лежали на комоде, куда я убрал свои немногочисленные вещи. Я взял две из них и поспешил вниз. Радар зарычала на меня в темноте.

— Тише, девочка, — сказал мистер Боудич, и она послушно села. Я включил лампу — он лежал на спине, уставившись в потолок. — Вот и ты, как раз вовремя. Отлично, а то я не хотел звонить в этот колокольчик.

— Вы спали? — спросил я.

---

[94] Примечания: 94

«Чайлд Роланд к Темной башне пришел» — цитата из «Короля Лира» У. Шекспира (в тексте дана в переводе М. Кузмина), ставшая смысловой основой поэмы Р. Браунинга, а потом и эпопеи Кинга «Темная башня».

— Немного. После того, как я заброшу в пищевод эти чертовы штуки, я, возможно, смогу еще подремать. Может быть, до рассвета.

Я дал ему таблетки. Он приподнялся на локте, чтобы проглотить их, потом вернул мне стакан и снова лег.

— Ну вот, сразу стало лучше. Думаю, это психологический эффект.

— Что-нибудь еще?

— Нет. Возвращайся в постель. Растущим мальчикам нужен отдых.

— Я думаю, что уже вырос, — по крайней мере, надеялся на это. Я имел рост шесть футов четыре дюйма и вес двести два фунта[95]. Если я вырасту еще немного, то буду… Настоящий Гогмагог, — выпалил я машинально, ожидая смеха, но не дождался даже улыбки.

— Ты что, начитался сказок?

Я пожал плечами:

— Доставка золота в Стэнтонвилл навела меня на мысль о волшебных бобах и бобовом стебле.

— Итак, теперь ты знаешь про Джека.

— Похоже, что так.

— В Библии Гог и Магог — это самые воинствен-

---

[95] Примечания: 95
193 сантиметра и 101 килограмм.

ные народы мира[96]. Ты знал об этом?

— Нет.

— Книга Откровения. Соедини их вместе, и у тебя получится настоящий монстр. От него лучше держаться подальше. Выключай свет, Чарли. Нам обоим нужно немного поспать. Ты возьмешь свое, а я, возможно, свое. Было бы неплохо немного отдохнуть от боли.

Я потрепал Радар по холке, выключил свет и направился к лестнице, но потом остановился.

— Мистер Боудич?

— Говард, — сказал он. — Тебе нужно попрактиковаться в этом. Ты не гребаный дворецкий.

Я подумал, что в некотором роде так и было, но не хотел спорить по этому поводу в такой поздний час.

— Говард, да. Чем вы зарабатывали на жизнь до того, как вышли на пенсию?

Он усмехнулся. Этот звук был скрипучим, но не отталкивающим.

— Иногда я был землемером, иногда лесорубом. Иными словами, простой дровосек, каких полно

---

[96] Примечания: 96

В библейской книге Иезекииля (главы 38–39) упоминается могучий князь Гог из земли Магог, поверженный Божьим гневом. В «Откровении Иоанна Богослова (Откр. 20:7) Гог и Магог — уже отдельные народы, многочисленные «как песок морской», которые будут сражаться на стороне Сатаны в последней битве добра и зла.

в сказках. Иди спать, Чарли.

Я лег в постель и проспал до шести, когда пришло время снова давать ему таблетки — на этот раз не только обезболивающие, но и все остальные. Я снова увидел, что он не спит и смотрит в потолок, и спросил, спал ли он. Он сказал «да», но я ему не очень-то верил.

5

На завтрак у нас были яйца — омлет моего изготовления. Мистер Боудич сел на край дивана, чтобы поесть, положив ногу с фиксатором на подушку, которая шла в комплекте с его креслом. Он снова попросил меня выйти, пока он пользуется уткой. Когда я вернулся, он уже встал на костыли и смотрел в окно.

— Вам надо было подождать, пока я вам помогу, — сказал я.

Он поцокал языком:

— Ты поправил этот штакетник.

— Радар мне помогла.

— Должно быть, так и было. Теперь он выглядит получше. Помоги мне вернуться в постель, Чарли. Тебе придется положить мою ногу, как и раньше.

Я уложил его в постель. Потом вывел Радар

прогуляться на Пайн-стрит, и новые лекарства, похоже, помогли ей, потому что она прошла довольно большое расстояние, пометив по пути телефонные столбы и один-два гидранта автографом «Радар Боудича». После этого я отнес чек мистера Боудича в банк. Дома — папа к тому времени уже давно ушел — я прихватил еще кое-какую одежду и ноутбук. Обед состоял из «эс-энд-эс»[97] для мистера Боудича и хотдога для меня. Замороженный ужин был бы очень кстати (мне нравится «Стауфферс»)[98], но у мистера Боудича не было микроволновки. Я выложил оттаивать немного мяса от «Тиллера и сыновей». Позже я мог бы посмотреть кулинарные видео на «YouTube», если мы не собирались все время питаться пакетным супом и сардинами. Дал мистеру Боудичу его дневные таблетки. Позвонил Мелиссе Уилкокс, как она меня просила — я должен был сказать ей, сколько раз мистер Боудич вставал, что он ел и была ли у него дефекация. На последнее я ответил решительным «нет», и она не удивилась, сказав, что оксиконтин вызывает

---

[97] Примечания: 97

Лапша быстрого приготовления.

[98] Примечания: 98

«Stouffer's» — торговая марка замороженных полуфабрикатов, в настоящее время принадлежащая компании «Nestle».

сильнейший запор. После обеда я отнес конверт в его почтовый ящик и поднял флажок[99]. В конверте лежал его личный чек, выписанный на счет больницы «Аркадия». Я мог бы отнести его сам, но мистер Боудич хотел сначала убедиться, что чек Генриха оплачен.

Я рассказываю вам об этих вещах не потому, что они так уж интересны, а потому, что они дают представление о рутине, которая занимала всю оставшуюся весну и большую часть лета. В некотором смысле это были хорошие месяцы. Я чувствовал себя полезным, нужным и нравился себе больше, чем когда-либо за долгое время. Только кончилось все это плохо.

6

Днем в среду, во время моих весенних каникул Мелисса приехала вести первое занятие мистера Боудича по физиотерапии. Она называла это терапией, он — болью и пыткой. Ему достались дополнительная доза оксиконтина, чему он был рад, и множество подтягиваний и подъемов больной ноги, что радовало его куда меньше. Я в это

---

[99] Примечания: 99

Флажок на почтовом ящике в США поднимает хозяин дома, чтобы почтальон забрал из ящика письма для отправки.

время был на кухне и слышал крики, в которых различались отдельные нецензурные слова. Он часто повторял «стой», иногда добавляя «черт бы тебя побрал». Мелиссу это ни капли не смущало.

Когда все закончилось — через двадцать минут, которые, вероятно, показались ему вечностью, — она позвала меня. Перед этим я принес с третьего этажа пару дополнительных стульев (но не тех с прямыми спинками, которые шли в комплекте с обеденным столом и казались мне орудием пыток). На одном из них сидел мистер Боудич. Мелисса привезла с собой большую поролоновую подушку, на которой теперь покоилась лодыжка его больной ноги. Поскольку подушка была ниже сиденья стула, его нога со все еще забинтованным коленом слегка согнулась.

— Посмотри на это! — воскликнула Мелисса. — Уже пять градусов поворота! Я не просто довольна, я поражена!

— Чертовски больно, — проворчал мистер Боудич. — Я хочу вернуться в постель.

Она весело рассмеялась, как будто это была самая смешная шутка, которую она когда-либо слышала.

— Еще пять минут, а потом беритесь за костыли. Чарли вам поможет.

Он честно просидел пять минут, потом с трудом поднялся и взял костыли. Поворачиваясь к кровати, он уронил один из них; костыль с грохотом упал на пол, Радар залаяла. Я вовремя поддержал его и помог завершить поворот. Несколько мгновений мы были прижаты друг к другу, я обнимал его и чувствовал, как сильно и быстро бьется его сердце. Словом, которое пришло мне на ум, было «*свирепо*».

Я уложил его на кровать, но в процессе этого его больная нога согнулась намного больше, чем на пять градусов, и он завопил от боли. Радар сразу же встрепенулась и залаяла, вздернув уши.

— Я в порядке, девочка, — пропыхтел мистер Боудич. — Ложись.

Она легла на живот, не сводя с него глаз. Мелисса дала ему стакан воды.

— В качестве поощрения за хорошую работу можете принять вечернюю дозу обезболивающего в пять вечера. Я вернусь в пятницу. Знаю, что вам больно, Говард; связки не хотят растягиваться. Но они это сделают, если вы будете выполнять упражнения.

— О Господи, — прошептал он. Потом неохотно сказал. — Ладно.

— Чарли, проводи меня.

Я так и сделал, неся ее объемистую спортивную сумку со снаряжением. Ее маленькая «хонда сивик» была припаркована за воротами. Когда я поднял крышку багажника и положил туда сумку, я увидел на другой стороне улицы миссис Ричленд, которая снова прикрывала глаза ладонью, чтобы лучше видеть происходящее. Заметив, что я смотрю на нее, она слегка помахала рукой.

— Ему действительно станет лучше? — спросил я.

— Да. Ты видел, как он согнул колено? Это невероятно. Я уже такое видела, но у более молодых пациентов, — она слегка задумалась, потом кивнула. — Ему станет лучше. По крайней мере, на какое-то время.

— Что это значит?

Она открыла водительскую дверь.

— Ворчливый старый хрыч, не так ли?

— Да уж, навыков общения ему не хватает, — сказал я, понимая, что ей не хочется отвечать на мой вопрос.

Она снова весело рассмеялась. Мне понравилось, как она смотрится в лучах весеннего солнца.

— Скажи это ему, хосс[100]. Раскрой глаза. Ладно, я вернусь в пятницу. День другой, проблемы те же.

— А что такое линпарза? Я знаю про другие лекарства, которые он принимает, но не про это. Что оно делает?

Ее улыбка погасла.

— Не могу тебе этого сказать, Чарли. Конфиденциальные данные пациента, — она прыгнула за руль. — Но ты можешь поискать это в Интернете. В сети есть все.

Она уехала.

7

В семь вечера отец открыл калитку, не запертую мной на засов, и прошел по дорожке к заднему крыльцу, где я ждал его, сидя на ступеньках. После сеанса физитерапии я спросил мистера Боудича, не хочет ли он отложить знакомство с моим отцом. Я почти хотел, чтобы он сказал «да», но после минутного раздумья он покачал головой.

---

[100] Примечания: 100

Хосс — профессиональный борцовский термин, обозначающий физического сильного, но нетренированного борца. В переносном значении «новичок».

— Давай уже сделаем это. Пускай успокоится. Вероятно, он хочет убедиться, что я не растлитель малолетних.

Я ничего не сказал на это, хотя в своем нынешнем состоянии мистер Боудич не смог бы приставать даже к щенку-скауту[101], не говоря уже о семнадцатилетнем здоровяке, который занимался двумя видами спорта.

— Привет, Чарли.

— Привет, пап, — я обнял его.

Он нес упаковку кока-колы — шесть банок.

— Думаешь, ему это пригодится? Когда я в двенадцать лет сломал ногу, то просто упивался этим пойлом.

— Заходи и спроси его сам.

Мистер Боудич сидел на одном из принесенных мной сверху стульев. Готовясь к встрече, он попросил меня принести ему рубашку на пуговицах и расческу. Не считая пижамных штанов со штаниной, натянутой на фиксатор, он, по-моему, выглядел довольно представительно. Я нервничал, боясь, что он будет груб с отцом, но опасения оказались беспочвенными. Лекарство еще действовало, но дело было не только в этом;

---

[101] Примечания: 101

«Щенками» или «волчатами» называют скаутов возрастом от восьми до десяти с половиной лет.

на самом деле у него имелись навыки общения, хоть и устаревшие. Я думаю, некоторые вещи похожи на езду на велосипеде — раз научившись, уже не забудешь.

— Мистер Рид, — сказал он. — Мы уже виделись в прежние времена, но приятно познакомиться с вами официально, — он протянул одну из своих больших жилистых рук. — Простите, что не встаю.

Папа пожал его руку.

— Нет проблем, и, пожалуйста, зовите меня Джордж.

— Так и сделаю. А я Говард, хотя мне чертовски трудно убедить в этом вашего сына. Я хочу сказать вам, как он был добр ко мне. Настоящий бойскаут, если вы не против такого сравнения

— Вовсе нет, — сказал папа. — Я горжусь им. Как у вас дела?

— Идет процесс восстановления… по крайней мере, как говорит Королева Пыток.

— Физиотерапия?

— Так они это называют.

— А вот и хорошая девочка, — сказал папа, наклонившись к Радар, чтобы погладить. — С ней мы уже встречались.

— Знаю. Если глаза меня не обманывают, это

похоже на кока-колу.

— Да. Хотите немного со льдом? Боюсь, она теплая.

— Кока-кола со льдом была бы очень кстати. Было время, когда капля рома добавила бы ей вкуса.

Я немного напрягся, но папа только рассмеялся.

— Я вас понял.

— Чарли, можешь взять с верхней полки три высоких стакана и наполнить их льдом?

— Конечно.

— Возможно, сначала их придется ополоснуть. Ими уже давно никто не пользовался.

Не торопясь, я мыл стаканы и колол лед из старомодной морозилки, одновременно прислушиваясь к разговору. Мистер Боудич выразил папе соболезнования в связи с потерей его жены, сказал, что он несколько раз встречал ее на Сикамор-стрит («когда чаще выходил из дома»), и она показалась ему очень милой женщиной.

— Этот чертов мост надо было заасфальтировать сразу, — сказал мистер Боудич. — Тогда трагедии можно было бы избежать. Удивлен, что вы не подали в суд на город.

Я подумал, что отец был слишком занят выпив-

кой, чтобы думать о таких вещах. Мои старые обиды в основном исчезли, но не полностью. Страх и потери всегда оставляют осадок.

8

Было уже темно, когда мы с папой шли по дорожке к калитке. Мистер Боудич лег в постель, я помог ему это сделать, пока папа смотрел.

— Он не такой, как я ожидал, — сказал папа, когда мы вышли на тротуар. — Совсем не такой. Я думал увидеть ворчуна, может, даже грубияна.

— Он может быть и таким. С тобой он вроде как… Не знаю, как это назвать.

Это сделал отец:

— Он собрался. Хотел понравиться мне, потому что ты ему нравишься. Я вижу, как он смотрит на тебя, малыш. Ты много значишь для него, так что будь на высоте.

— Если он не упадет с этой высоты.

Папа обнял меня, чмокнул в щеку и пошел вниз по склону. Я наблюдал, как он появлялся в каждом пятне фонарного света, а потом вновь исчезал. Иногда я все еще обижался на него за его потерянные годы, потому что это были и мои годы тоже. Но чаще я был просто рад, что он вернулся.

— Все прошло хорошо, не так ли? — спросил

мистер Боудич, когда я вернулся.

— Все нормально.

— И чем мы будем заниматься вечером, Чарли?

— У меня есть идея на этот счет. Подождите минутку.

До этого я загрузил два выпуска «Голоса» на свой ноутбук. Я поставил его на столик рядом с кроватью, чтобы мы оба могли смотреть.

— Боже, посмотри на эту картинку! — воскликнул он.

— Я знаю. Неплохо, правда? И никакой рекламы.

Мы посмотрели первый выпуск, я хотел включить второй, но тут он заснул. Я забрал ноутбук наверх и там прочитал о линпарзе.

9

В пятницу я снова отнес сумку Мелиссы со снаряжением в ее «сивик». Захлопнув крышку багажника, я повернулся к ней.

— Я прочитал о линпарзе.

— Не сомневалась, что ты это сделаешь.

— Она лечит четыре вещи. Я знаю, что он принимает ее не от рака молочной железы или рака яичников, тогда что это? Простата или другое? — я

молил Бога, чтобы это был не рак поджелудочной железы. У отца моего отца была эта болезнь, и он умер меньше чем через шесть месяцев после постановки диагноза.

— Конфиденциальные данные пациента, Чарли, я не могу сказать, — но ее лицо говорило достаточно.

— Да ладно вам, Мелисса. Вы не врач, а вам ведь это кто-то сказал.

— Потому что мне приходится с ним работать. Для этого надо знать общую картину.

— Я умею хранить секреты. Вы ведь это уже знаете, верно? — я имел в виду сильнодействующее обезболивающее, которое я не имел права давать пациенту.

Она вздохнула:

— Это рак простаты. Абрамс — ортопед, который с ним работал, — увидел это на рентгеновских снимках. Прогрессирует быстро, но пока без метастаз. Линпарза замедляет рост опухолей, иногда даже поворачивает вспять.

— Разве он не должен принимать больше наркотиков? А химиотерапия, лучевая терапия?

Миссис Ричленд опять стояла напротив дома. Она махнула рукой, и мы помахали в ответ.

Мелисса поколебалась, потом, должно быть,

решила, что, зайдя так далеко, нет смысла останавливаться.

— Он виделся с доктором Паттерсоном, который возглавляет онкологическое отделение в «Аркадии». Тот предложил варианты, и Боудич отказался от всех из них, кроме линпарзы.

— Почему?

— Можешь спросить его об этом, Чарли, но если ты это сделаешь, не рассказывай ему об этом разговоре. Я, вероятно, не потеряю свою работу, хотя все может быть. И знаешь, есть врачи — и их много, — которые сказали бы, что он принял правильное решение. Рак предстательной железы у пожилых мужчин протекает медленно. С линпарзой у него впереди могут быть еще годы.

10

В тот вечер мы посмотрели еще один выпуск «Голоса». Когда все закончилось, мистер Боудич с трудом поднялся на костылях.

— Это может быть важная ночь, Чарли. Думаю, я собираюсь посрать.

— Фейерверк готов, — сказал я.

— Прибереги это для своего выступления, — когда я попытался последовать за ним в ванную, он повернул голову и рявкнул. — Ради бога, возвра-

щайся и следи за своим гаджетом. Если я упаду, можешь меня поднять.

Я вернулся и услышал, как закрылась дверь в маленькую ванную. Я стал ждать. Прошло пять минут, потом десять. Я бросал Радар обезьянку, пока она больше не перестала за ней гоняться и не свернулась калачиком на своем коврике. Наконец я подошел к двери в ванную и спросил, все ли с ним в порядке.

— Все отлично, — отозвался он. — Но мне не помешала бы динамитная шашка. Гребаный оксиконтин.

В туалете наконец зашумела вода, и он вышел, мокрый от пота, но улыбающийся.

— Орел приземлился[102]. Слава богу!

Я помог ему вернуться в постель и решил воспользоваться его хорошим настроением, показав ему бутылку линпарзы.

— Я читал об этом лекарстве, и вы могли бы выбрать что-нибудь получше.

— Что же, доктор Рид? — в уголке рта у него появилась слабая улыбка, что придало мне смелости продолжать.

---

[102] Примечания: 102

«Орел приземлился» — британский фильм 1976 года о вымышленной попытке нацистов похитить Уинстона Черчилля в годы войны. Вынесенные в заглавие слова были кодовым сигналом заговорщиков.

— Сейчас у врачей есть много средств против рака. Не понимаю, почему бы вам ими не воспользоваться.

— Все очень просто. Ты знаешь, что мне больно. Знаешь, что я не могу спать без этих чертовых запорных таблеток. Слышал, как я кричу на Мелиссу — на самом деле она очень милая женщина. До сих пор мне удавалось не называть ее пиздой или сукой, но эти неприятные слова могут вырваться в любой момент. Так зачем добавлять новую тошноту, рвоту и судороги к той боли, что я уже испытываю?

Я хотел было ответить, но он приподнялся на локте, сказав «тссс».

— Есть еще кое-что, юноша. То, что не может понять человек твоего возраста. Я почти израсходован. Не совсем, но почти. Не только человек — сама жизнь становится старой. Можешь в это не верить, я тоже не верил, когда… — он сделал паузу. — Когда был молод, но это так.

Он лег на спину, нащупывая рядом Радар, нашел ее и погладил.

— Я не хотел оставлять ее одну, понимаешь? Мы ведь с ней друзья. А теперь мне не о чем беспокоиться. Если она переживет меня, ты заберешь ее. Так ведь?

— Да, конечно.

— Что касается терапии..., — его улыбка стала шире. — Сегодня я дошел до десяти градусов и смог использовать резиновую ленту, чтобы согнуть лодыжку. Я буду усердно трудиться, потому что не хочу умереть в постели. Особенно на этом гребаном раскладном диване.

11

Мы не обсуждали источник золота — это был слон в комнате[103], — но в воскресенье я понял, что *кое-что* нам нужно обсудить. Я все еще мог давать ему таблетки утром и вечером, но что делать с дневными, когда я вернусь в школу?

— Думаю, Мелисса могла бы давать их вам в понедельник, среду и пятницу, приходя на физиотерапию, но как вы будете тренироваться после их приема? И что делать со вторниками и четвергами?

— Попрошу миссис Ричленд давать их мне. Заодно она сможет осмотреть это место. Может быть, сделать снимки и выложить их на «Фейсбук» или «Твиттер».

---

[103] Примечания: 103

Выражение, означающее что-то очевидное всем, но всячески замалчиваемое.

— Очень смешно.

— Дело не только в дневных таблетках, — сказал он. — Есть ведь еще полуночные.

— Я буду здесь, чтобы…

— Нет, Чарли. Тебе пора возвращаться домой. Я уверен, что отец скучает по тебе.

— Я всего лишь через улицу от него.

— Да, и твоя спальня пуста. Когда он приходит домой, за обеденным столом сидит только один человек. Мужчины, когда остаются одни, могут начать думать о плохом. Я много знаю об этом, поверь мне. Ты будешь оставлять мне дневные таблетки, когда придешь утром, чтобы проверить меня и покормить Радар, и полуночные — когда пойдешь вечером домой.

— Я не должен этого делать!

Он кивнул.

— На случай, если я стану жульничать. Это искушение, потому что я и правда пристрастился к этим чертовым таблеткам. Но даю тебе слово, — он приподнялся на обоих локтях и пристально посмотрел на меня. — В первый раз, когда я обману, я скажу тебе об этом и полностью откажусь

от этих таблеток. Переключусь на тайленол[104]. Это мое обещание, и я его сдержу. Ты можешь мне поверить?

Я подумал и сказал, что могу. Он протянул руку, и я пожал ее. В тот вечер я показал ему, как получить доступ к фильмам и телепрограммам, записанным на мой ноутбук. Две двадцатимиллиграммовые таблетки оксиконтина я оставил на маленьком блюдце на столике у его кровати. Потом надел рюкзак на плечи и взял телефон.

— Если я вам понадоблюсь, звоните. Днем или ночью.

— Днем или ночью, — согласился он.

Радар проводила меня до двери. Я наклонился, погладил ее и обнял. Она в ответ лизнула меня в щеку. Потом я пошел домой.

12

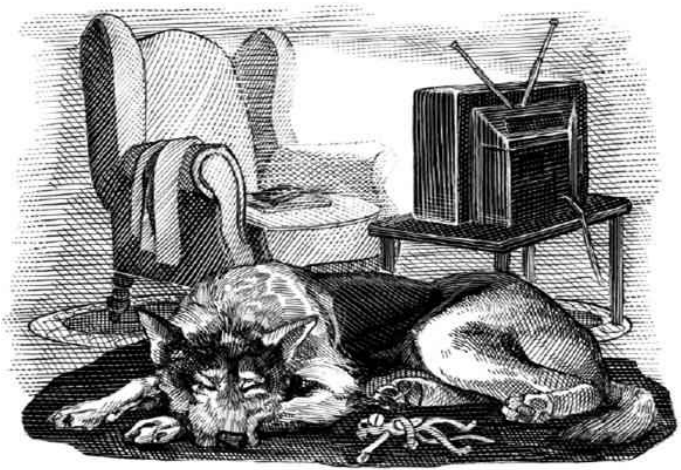
Он никогда не жульничал. Ни одного раза.

---

[104] Примечания: 104

Тайленол — лекарство для уменьшения боли, снижения температуры, облегчения симптомов простуды, кашля, головной боли. Его активным ингредиентом является парацетамол, известный в США как ацетоминафен.

Глава восьмая
Вода под мостом. Очарование золота. Старая собака. Газетные новости. Арест



1

Сначала я три раза в неделю обтирал мистера Боудича губкой, потому что в тесной ванной на первом этаже не было душа. Он разрешил это с условием, что своими интимными местами будет заниматься сам (я был совершенно не против). Я мыл его тощую грудь и еще более тощую спину, а однажды, после несчастного случая, когда он слишком медленно забирался в ту маленькую ванную, вымыл его тощую задницу. Ругань и сквернословие в тот раз были вызваны скорее смущением (*горьким* смущением), чем гневом.

— Не беспокойтесь об этом, — сказал я, когда он снова натянул свои пижамные штаны. — Я ведь все время убираю дерьмо Радар на дворе.

Он одарил меня своим патентованным «идиотским» взглядом.

— Это другое дело. Радар — собака. Она бы нагадила и на лужайку перед Эйфелевой башней, если ей позволить.

— А перед Эйфелевой башней есть лужайка? — поинтересовался ей

Он так же патентованно закатил глаза:

— Понятия не имею. Я просто высказал свою точку зрения. Можно мне кока-колы?

— Конечно, — с тех пор как мой отец принес ту упаковку, я всегда держал в холодильнике кока-колу для мистера Боудича.

Когда я принес ее, он уже встал с постели и сидел в своем старом кресле, а Радар лежала рядом.

— Чарли, позволь мне спросить тебя кое о чем. Все, что ты делаешь для меня…

— Я получаю за это каждую неделю очень неплохие деньги и действительно ценю это, хотя мне иногда кажется, что я делаю недостаточно, чтобы их заработать.

— Ты бы делал это и бесплатно. Ты так сказал, когда я еще лежал в больнице, и я верю, что ты говорил серьезно. Скажи, ты метишь в святые или, возможно, искупаешь свою вину за что-то?

Это было довольно близко к правде. Я вспомнил о своей молитве — о сделке с Богом, — но вспомнил и о том, как мы позвонили в начальную школу Стивенса с ложным сообщением о взрыве. Берти казалось, что это самая смешная шутка на свете, но все, о чем я мог думать в ту ночь, когда мой пьяный отец храпел в соседней комнате, было то, что мы перепугали целую кучу людей, в основном малышей.

Пока я молчал, мистер Боудич внимательно наблюдал за мной.

— Значит, искупление, — сказал он. — Интересно, за что?

— Вы дали мне хорошую работу, — сказал я, — и я благодарен вам. Вы мне нравитесь, даже когда ворчите, хотя признаюсь, что тогда это немного сложнее. Все остальное — просто вода под мостом.

Он подумал об этом, а потом сказал то, что я до сих пор помню. Может быть, потому что моя мать погибла на мосту, когда я сам ходил в школу Стивенса, а может, просто потому, что это показалось мне важным и кажется до сих пор.

— Время — это вода, Чарли. Жизнь — только мост, под которым она течет[105].

2

Время шло. Мистер Боудич продолжал ругаться, а иногда и кричать во время сеансов физиотерапии, и это так огорчало Радар, что Мелиссе пришлось выставлять ее на улицу перед началом

---

[105] Примечания: 105

Цитата из книги канадского специалиста по мотивации Робина Шармы «Монах, который продал свой “феррари”» (1997). Схожая мысль присутствует в ряде литературных произведений, самое известное из которых — стихотворение Г. Аполлинера «Мост Мирабо» (1912).

тренировки. Сгибать ногу по-прежнему было больно, очень больно, но к маю мистер Боудич мог согнуть ее на восемнадцать градусов, а к июню — почти на пятьдесят. Мелисса начала учить его подниматься на костылях по лестнице (и, что еще важнее, спускаться без фатального падения), поэтому я перенес его таблетки на третий этаж. Я спрятал их в старом пыльном скворечнике с резной вороной наверху, от которой у меня мурашки бежали по коже. Мистеру Боудичу было легче передвигаться на костылях, и он начал сам обтираться губкой (он называл это «ванной шлюхи»). У меня больше никогда не было случая подтереть ему задницу, потому что по дороге к туалету больше не случалось несчастий. Мы посмотрели на моем ноутбуке все старые фильмы, от «Вестсайдской истории» до «Маньчжурского кандидата» (который оба любили). Мистер Боудич заговорил о покупке нового телевизора, что показалось мне верным признаком того, что он возвращается к жизни, но передумал, когда я сказал ему, что это означает либо подключение к кабельной сети, либо установку спутниковой антенны — других вариантов просто не было. Я приходил в шесть каждое утро и без бейсбольных тренировок или игр (тренер Харкнесс бросал

на меня косые взгляды каждый раз, когда мы сталкивались в школе) возвращался на Сикамор, 1 к трем часам или немногим позже. Я каждый день был занят чем-то, главным образом уборкой, что меня не смущало. Полы наверху были чертовски грязными, особенно на третьем этаже. Когда я предложил почистить водосточные желоба, мистер Боудич посмотрел на меня как на сумасшедшего и сказал, чтобы я нанял для этого специальных людей. В итоге я вызвал рабочих из городского управления, и как только желоба были прочищены и мистер Боудич (он наблюдал за этим с заднего крыльца, сгорбившись на костылях, а его пижамные штаны надувало ветром) остался доволен качеством работы, он дал мне указание нанять их для ремонта крыши. Увидев смету на это, он велел поторговаться («Разыграй карту бедного старика», — сказал он). Я поторговался и сбил цену на двадцать процентов. Те же специалисты по ремонту установили пандус перед крыльцом (которым никогда не пользовались ни мистер Боудич, ни Радар — она этого боялась) и предложили заодно поправить безумно перекошенную плиточную дорожку от калитки к крыльцу. Я отказался от их услуг и сделал это сам. Еще я заменил искореженные и треснувшие

ступеньки переднего и заднего крыльца с помощью нескольких видеороликов на «YouTube». И весной, и летом в доме наверху Сикамор-стрит шла постоянная уборка. Миссис Ричленд было на что посмотреть — и она смотрела. В начале июля мистер Боудич вернулся в больницу, чтобы снять фиксатор, на несколько недель опередив самые оптимистичные прогнозы Мелиссы. Когда она сказала, как гордится им, и обняла его, старик в кои-то веки растерялся. По воскресеньям после обеда приходил мой отец — по приглашению мистера Боудича, без моего ведома, — и мы играли в джин-рамми на троих[106], в котором мистер Боудич обычно выигрывал. По будням я готовил ему что-нибудь поесть, спускался с холма на ужин с отцом, потом возвращался в дом мистера Боудича, чтобы помыть его немногочисленную посуду, погулять с Радар и посмотреть фильмы. Иногда при этом мы ели попкорн. Как только фиксатор сняли, мне больше не нужно было ухаживать за булавками, но я должен был содержать в чистоте заживающие ранки в тех местах, куда вставлялись штифты. Еще я надевал на его лодыжки большие красные резинки и заставлял

[106] Примечания: 106

Джин-рамми, или просто джин — карточная игра для двух или трех игроков, популярная в американской глубинке.

сгибать ноги.

Это были хорошие недели — по крайней мере, в главном. Но не все было хорошо. Прогулки Радар стали короче — скоро она начинала хромать и поворачивала домой. Ей было все труднее подниматься по ступенькам крыльца. Однажды мистер Боудич увидел, как я заношу ее наверх, и велел не делать этого.

— Не надо, пока она может делать это сама, — сказал он.

Иногда на краю унитаза оставались пятна крови после того, как мистер Боудич мочился, что занимало у него все больше времени.

— Давай, выдави хоть что-то, бесполезная дрянь, — услышал я однажды через закрытую дверь.

Что бы ни должна была делать «Линпарза», дела у нее шли не слишком хорошо. Я попытался поговорить с ним об этом — спросил, почему он так усердно работает, чтобы встать на ноги, если не собирается бороться с «тем, что у него в самом деле не так» (это был мой эвфемизм), и он велел мне думать о своих проблемах. Но в конце концов, его убил не рак. Это был сердечный приступ, только не совсем.

На самом деле это был чертов сарай.

3

Однажды — кажется, в июне — я снова поднял тему золота, хоть и косвенно. Я спросил мистера Боудича, не беспокоится ли он по поводу маленького хромого немца, особенно после того большого груза, что я отвез ему, чтобы мистер Боудич мог оплатить свой больничный счет.

— Генрих безопасен. Он ведет много дел в своей задней комнате, и, насколько я знаю, никогда не вызывал вопросов у правоохранительных органов. Или у налоговой службы, что было бы более уместно.

— А вы не боитесь, что он кому-нибудь скажет? Я имею в виду, может быть, он ведет дела с людьми, у которых есть горячие бриллианты на продажу, грабителями и тому подобными, и он, наверно, помалкивает об этом, но шесть фунтов чистого золота — совсем другое дело.

Он фыркнул:

— Рисковать той прибылью, которую он получает от наших с ним сделок? Это было бы глупо, а уж глупым Вилли Генриха никак нельзя назвать.

Мы сидели на кухне и пили кока-колу из высоких стаканов (с веточками мяты, которая росла

возле дома со стороны Пайн-стрит). Мистер Боудич бросил на меня проницательный взгляд со своей стороны стола.

— Я думаю, ты вообще-то хотел говорить не о Генрихе. Похоже, ты думаешь о золоте и о том, откуда оно берется.

Я не ответил, но он был прав.

— Скажи мне кое-что, Чарли. Ты ведь ходишь туда иногда? — Он указал на наверх. — Заглядываешь в сейф? У тебя возникает желание посмотреть, что там. Не так ли?

Я покраснел.

— Ну…

— Не волнуйся, я не собираюсь тебя ругать. Для меня то, что наверху, — просто ведро с металлом, которое с таким же успехом может быть наполнено гайками и болтами, но я ведь старик. Это не значит, что я не испытал его очарования. Скажи, ты ведь запускал туда руки?

Я думал было солгать, но в этом не было смысла. Он бы узнал.

— Да.

Он все еще смотрел на меня тем же проницательным взглядом, прищурив левый глаз и приподняв кустистую правую бровь. Но уже улыбался.

— Погрузил руки в ведро и позволил этим гранулам проходить сквозь пальцы?

— Да, — теперь мои щеки просто пылали. Я не просто сделал это однажды — с тех пор проделывал то же самое несколько раз.

— Очарование золота совсем не связано с его денежной стоимостью. Ты ведь знаешь это, не так ли?

— Да.

— Давай предположим — просто для разговора, — что мистер Генрих слишком много болтал не с тем человеком после того, как слишком много выпил в мерзком маленьком баре рядом со своим магазином. Я бы поспорил на этот дом и землю, на которой он стоит, что старый хромой Вилли никогда не пьет лишнего — возможно, вообще не пьет, но давай предположим. И предположим, что человек, с которым он разговаривал, возможно, сам по себе, возможно, с сообщниками, однажды ночью дождется, пока ты уйдешь, а потом вломится в мой дом и потребует золото. Мой револьвер наверху. Моя собака, когда-то внушавшая страх..., — он погладил Радара, которая дремала рядом с ним. — ...теперь даже старше меня. Что я могу сделать в таком случае?

— Наверное... отдать им это?

— Именно так. Я бы не пожелал им добра, но отдал бы им это золото.

Я спросил:

— Откуда же оно взялось, Говард?

— Возможно, со временем я расскажу тебе об этом. Я еще не решил точно. Потому что золото не просто завораживает — оно опасно. И место, откуда оно взялось, опасно. Кажется, я видел в холодильнике баранью отбивную. А есть ли капустный салат? У «Тиллера» продают самый лучший салат из капусты. Тебе стоит его попробовать.

Иными словами, дискуссия была окончена.

4

Однажды вечером в конце июля Радар не смогла забраться на ступеньки заднего крыльца, когда мы вернулись с прогулки по Пайн-стрит. Она попыталась дважды, а потом просто села внизу, тяжело дыша и глядя на меня.

— Ладно, подними ее, — сказал мистер Боудич. Он вышел, опираясь на один костыль; другим он уже почти не пользовался. Я посмотрел на него, чтобы удостовериться, и он кивнул:

— Пора.

Когда я взял ее на руки, она тявкнула и оскали-

ла зубы. Я постарался взять ее так, чтобы ей не было больно, и занес наверх. Это было нетрудно. Радар похудела, ее морда стала почти белой, глаза слезились. Я осторожно опустил ее на пол кухни, и сначала задние ноги не держали ее. Она собралась с силами — я видел, с каким трудом она это делает, — очень медленно доковыляла до своего коврика у двери кладовки и то ли легла, то ли упала на него с усталым хлюпающим звуком.

— Ей нужно к ветеринару.

Мистер Боудич покачал головой.

— Она бы испугалась. Я не стану обрекать ее на это без всякой пользы.

— Но…

Он говорил мягко, и это напугало меня, потому что было совсем на него не похоже.

— Ни один ветеринар не сможет ей помочь. Время Радар почти истекло. Сейчас ей просто нужно отдохнуть, а мне подумать.

— О чем, ради всего святого?

— О том, что тут лучше сделать. А тебе сейчас нужно идти домой. Поужинай там и не возвращайся сегодня вечером. Увидимся утром.

— А как насчет вашего ужина?

— Я поем сардин и крекеров. Так что иди. Мне нужно подумать, — повторил он.

Я пошел домой, но почти ничего не ел. Не было аппетита.

5

После этого Радар перестала доедать утреннюю и вечернюю порцию, и, хотя я исправно выводил ее на прогулку, — поднимал на крыльцо, а спускаться она пока еще могла сама, — иногда она не могла терпеть и гадила в доме. Я знал, что мистер Боудич прав насчет того, что от ветеринара толку не будет… разве что в самом конце, потому что было ясно, что ей больно. Она много спала, а иногда скулила и хватала себя за задние лапы, будто пытаясь избавиться от того, что кусало ее и причиняло боль. Теперь у меня было два пациента: одному становилось лучше, а другому хуже.

Пятого августа, в понедельник, я получил электронное письмо от тренера Монтгомери, в котором излагалось расписание футбольных тренировок. Прежде чем ответить, я сказал отцу, что решил не заниматься спортом в последний год обучения. Хотя папа был явно разочарован (да и сам я тоже), он сказал, что понимает меня. Накануне он был у мистера Боудича, играл в джин и своими глазами видел состояние Радар.

— Там, наверху, еще много работы, — сказал

я. — Я хочу хоть как-то разобраться с беспорядком на третьем этаже, и еще боюсь, что Говард захочет спуститься в подвал — там лежит головоломка, которую надо закончить, хотя, быть может, он совсем забыл про нее. Да, еще нужно научить его пользоваться моим ноутбуком, чтобы он мог искать что-то в сети, смотреть фильмы и…

— Брось, Чип. Это все из-за собаки, верно?

Я думал о том, как заносил Радар на крыльцо и как пристыженно она смотрела, когда устраивала беспорядок в доме, и ничего не мог ответить.

— В детстве у меня был кокер, — сказал папа. — Ее звали Пенни. Это так тяжело, когда хорошая собака стареет. А когда они доходят до финала…, — он покачал головой. — Это просто разрывает сердце.

Да, так и было. Именно так.

Это не мой отец разозлился из-за того, что я бросил футбол в выпускном классе, а мистер Боудич. Он был зол, как медведь.

— Ты с ума сошел? — почти закричал он. На его морщинистых щеках даже вспыхнул румянец. — Совсем с катушек съехал? Ты ведь станешь звездой команды! Ты сможешь играть в футбол в колледже, может быть, заработаешь этим стипендию!

— Вы никогда в жизни не видели, как я играю.

— Я читаю спортивные новости в «Сан», какими бы дерьмовыми они ни были. В прошлом году ты выиграл эту чертову игру в Индюшачьем кубке!

— В той игре мы забили четыре тачдауна. Я сделал только последний.

Он понизил голос:

— Я бы пришел посмотреть, как ты играешь.

Это ошеломило меня и заставило замолчать. Предложение, исходящее от человека, который перестал выходить из дома задолго до несчастного случая, звучало потрясающе.

— Вы и так можете туда прийти, — сказал я наконец. — Пойдем вместе. Вы купите хотдоги, а я — кока-колу.

— Ну уж нет. Я твой босс, черт возьми, я плачу тебе зарплату и запрещаю это. Ты не бросишь последний школьный сезон из-за меня.

У меня действительно есть характер, хотя я старался не показывать это ему. Но в тот день я это сделал — думаю, было бы верным сказать, что я сорвался.

— Дело не в вас, не только в вас! Что насчет нее? — я указал на Радар, которая приподняла голову и беспокойно заскулила. — Вы собираетесь таскать ее вверх и вниз по ступенькам, чтобы она

могла погадить? Вы сами едва можете ходить, черт возьми!

Он выглядел ошарашенным.

— Я… она может делать это в доме… Я закрою пол бумагой…

— Вы же знаете, что ей это не понравится. Может быть, она просто собака, но у нее есть свое достоинство. И если это ее последнее лето, ее последняя осень…, — Я почувствовал, как к глазам подступают слезы, и вы можете думать, что это глупо, только если у вас никогда не было собаки, которую вы любили… Я не хочу ходить на тренировки и пинать гребаный мяч, пока она здесь умирает! Я пойду в школу, я должен это сделать, но все остальное время я хочу быть здесь. А если вас это не устраивает, увольте меня.

Он молчал, сложив руки на груди. Когда он снова посмотрел на меня, его губы были сжаты так плотно, что их почти не было видно, и на мгновение я подумал, что он и правда собирается уволить меня. Потом он сказал:

— Как ты думаешь, ветеринар согласиться приехать на дом и может ли он проигнорировать тот факт, что моя собака не зарегистрирована? Сколько ему нужно заплатить?

Я выдохнул:

— Почему бы мне это не выяснить?

6

Я нашел не ветеринара, а помощницу ветеринара, мать-одиночку с тремя детьми. Нас познакомил Энди Чен, знавший ее. Она пришла, осмотрела Радара и дала мистеру Боудичу какие-то таблетки, которые, по ее словам, были экспериментальными, но гораздо лучшими, чем карпрофен. Более сильными.

— Хочу внести ясность, — сказала она нам. — Они улучшат ее самочувствие, но, вероятно, сократят ей жизнь, — на секунду она прервалась. — *Наверняка* сократят. Когда она умрет, не надо приходить ко мне и говорить, что я вас не предупредила.

— А надолго они помогут? — спросил я.

— Могут вообще не помочь. Я же говорю, они экспериментальные. Они есть у меня только потому, что доктор Петри оставил их после клинических испытаний. За это ему хорошо заплатили, но как они действуют, пока не вполне ясно. Если они действительно помогут, Радар может стать лучше на месяц. Может, даже на два или три. Она, конечно, не будет снова чувствовать себя щенком, но ей будет лучше. А потом

однажды..., — пожав плечами, она присела на корточки и погладила тощий бок Радар, которая в ответ вильнула хвостом. — Однажды она уйдет. Если она еще будет здесь на Хэллуин, я очень удивлюсь.

Я не знал, что сказать, но мистер Боудич сказал — в конце концов Радар была его собакой.

— Хорошо, — сказал он и добавил то, чего я тогда не понял, но теперь понимаю. — Это *достаточно* долго. Может быть.

Когда та женщина ушла, получив обещанные двести долларов, мистер Боудич подошел на костылях к своей собаке и погладил ее. Когда он снова посмотрел на меня, на его губах появилась легкая кривая ухмылка.

— Никто ведь не арестует нас за незаконную покупку собачьих лекарств?

— Думаю, нет, — сказал я. С золотом, если бы о нем кто-нибудь узнал, было бы куда больше проблем. — Рад, что вы так решили. Я бы не смог.

— Это выбор Хобсона[107]. — Он все еще гладил Радар длинными движениями от затылка до хво-

---

[107] Примечания: 107

Выражение, означающее необходимость выбрать единственное предложение или отказаться от него. Считается, что оно восходит к Томасу Хобсону, владевшему в XVII веке конюшней в Кембридже — он предлагал клиентам выбрать ближайшую к ним лошадь или не брать никакой.

ста. — В конце концов, мне кажется, что один или два хороших месяца для нее лучше, чем шесть плохих. Если, конечно, это вообще сработает.

Это сработало. Радар снова начала доедать свои порции корма и смогла могла подниматься на крыльцо (иногда с моей небольшой помощью). Лучше всего было то, что она вернулась к играм с обезьянкой и с удовольствием заставляла ее пищать. И все-таки я никак не ожидал, что она переживет мистера Боудича — но она пережила.

7

Потом наступило то, что поэты и музыканты называют кодой. Состояние Радар продолжало… ну, не улучшаться, это нельзя было так назвать, но она стала больше походить на собаку, которую я встретил в тот день, когда мистер Боудич упал с лестницы (хотя по утрам она все еще с трудом поднималась со своего коврика и подходила к миске с едой). А вот мистеру Боудичу действительно стало лучше. Он сократил свою дозу оксиконтина и сменил единственный костыль, которым пользовался до августа, на трость, найденную в углу подвала. Там, внизу, он снова собирал свою головоломку. Я ходил в школу, общался с отцом, но по-прежнему проводил большую часть времени

на Сикамор-стрит, 1. Футбольная команда «Ежи» начала сезон со счетом 0:3, и бывшие товарищи по команде перестали со мной разговаривать. Это было неприятно, но у меня хватало других забот, чтобы расстраиваться. И да, несколько раз — обычно, когда мистер Боудич дремал на раскладном диване, где он все еще спал, чтобы быть ближе к Радар, — я открывал сейф и запускал руки в это ведро с золотом. Чувствуя его удивительную тяжесть и позволяя гранулам тонкими ручейками протекать между пальцев. В те моменты я вспоминал, как мистер Боудич говорил об очаровании золота. Можно сказать, размышлял над этим. Мелисса Уилкокс теперь приходила только два раза в неделю и восхищалась успехами мистера Боудича. Она сказала, что доктор Паттерсон, онколог, хочет его видеть, но мистер Боудич отказался, заявив, что чувствует себя хорошо. Я не стал с ним спорить не потому, что верил в это, а потому, что хотел верить. Теперь я знаю, что в отрицание впадают не только пациенты.

Это было спокойное время. Кода. А потом все случилось почти одновременно, и ничего из этого не было хорошим.

8

Когда перед обедом у меня выдавалось свободное время, я обычно проводил его в школьной библиотеке, делая уроки или читая один из детективов мистера Боудича в мягкой обложке. В тот сентябрьский день я был глубоко погружен в «Имя игры — смерть» Дэна Дж. Марлоу[108], которое было замечательно кровавым. Без четверти двенадцать я решил приберечь кульминацию для вечернего чтения и взял наугад газету. В библиотеке были компьютеры, но в сети за все газеты требовали плату. Кроме того, мне нравилось читать новости в настоящей газете — это было очаровательное ретро.

Я мог бы выбрать «Нью-Йорк таймс» или «Чикаго трибюн» и пропустить эту статью, но газетой наверху стопки оказалась «Элджин дейли геральд», и я взял именно ее. На первой полосе были статьи о том, что Обама хочет начать военную операцию в Сирии, и о массовом убийстве в Вашингтоне, где застрелили тринадцать чело-

[108] Примечания: 108

«Имя игры — смерть» — детектив американского писателя Дэна Дж. Марлоу (1914–1986), вышедший в 1962 году.

век[109]. Я просмотрел их, взглянул на часы — до обеда оставалось десять минут — и бегло пролистал страницы по пути к комиксам. Я никогда не заходил так далеко. Статья на второй странице раздела «Местные новости» остановила меня, как будто окатив ледяной водой.

«УБИЙСТВО ЮВЕЛИРА ИЗ СТЭНТОНВИЛЛА.

Пожилой бизнесмен, давний житель Стэнтонвилла, был прошлым вечером найден мертвым в своем магазине «Лучшие ювелирные изделия». Полиция отреагировала на телефонный звонок, сообщивший, что дверь в магазин открыта, хотя на ней висит табличка «Закрыто». Офицер Джеймс Котцивинкл обнаружил Вильгельма Генриха в задней комнате, дверь которой также была открыта. На наш вопрос, было ли мотивом убийства ограбление, начальник полиции Стэнтонвилла Уильям Ярдли ответил: «Хотя это преступление еще расследуется, это, по-видимому, так». На вопрос, слышал ли кто-нибудь звуки борьбы или, возможно, выстрелы, шеф Ярдли и детектив Израэль Батчер из полиции штата Иллинойс смогли сказать лишь то, что большинство магазинов в западной части главной улицы Стэн-

[109] Примечания: 109

Автор имеет в виду убийство 13 человек в столичном штабе командования ВМФ США, которое произошло 16 сентября 2013 года.

тонвилла закрылись после появления за городом торгового центра. «Лучшие ювелирные изделия» были исключением. Ярдли и Батчер пообещали «быстро завершить» это дело».

Прозвенел звонок на ланч, но я остался на месте и позвонил мистеру Боудичу. Он ответил, как обычно:

— Если вы хотите мне что-то продать, то вычеркните меня из вашего списка.

— Это я, Говард. Мистера Генриха убили.

Он долго молчал, потом спросил:

— Откуда ты знаешь?

Я огляделся. В библиотеку было запрещено приносить еду, и теперь там не было никого, кроме меня, поэтому я прочитал ему статью. Это не заняло много времени.

— Черт возьми, — сказал мистер Боудич, когда я закончил. — Где я теперь буду обменивать золото? Он помогал мне почти двадцать пять лет. — Я не заметил в его голосе ни сочувствия, ни даже просто удивления.

— Я попробую поискать в Интернете…

— Только осторожно. Крайне осторожно!

— Конечно, я буду чертовски осторожен, но, по-моему, вы упускаете главное. Вы получили от него большую сумму, *огромную*, и вот теперь он

мертв. Если кто-то вытянул из него ваше имя… если его пытали или пообещали, что не убьют…

— Ты прочитал слишком много моих детективов, Чарли. Эти шесть фунтов золота ты продал еще в апреле.

— Ну, это ведь не средние века, — возразил я, но он не обратил на это внимания:

— Не хочу обвинять его, но он просто не хотел покидать свой магазин в этом сраном городишке. В последний раз, когда мы общались лично — это было где-то за четыре месяца до того, как я упал с лестницы, — я сказал ему: «Вилли, если ты не перенесешь магазин отсюда в торговый центр, кто-нибудь обязательно его ограбит». Вот кто-то и сделал это, а в придачу убил его. Самое простое объяснение.

— И все же мне будет спокойнее, если вы принесете сверху револьвер.

— Ладно, если это тебя успокоит. Придешь после школы?

— Нет, я хотел съездить в Стэнтонвилл и прикупить там немного крэка.

— Юмор у нынешней молодежи грубый и совсем не смешной, — сказал мистер Боудич и повесил трубку.

Когда я встал в очередь в столовой, она уже

растянулась на милю, и то, что там подавали, стало не только мерзким на вкус, но и холодным. Мне было все равно — я думал о золоте. Мистер Боудич сказал, что для него в его возрасте это было просто ведро с железками. Может быть, и так, но мне показалось, что он обманывает или меня, или себя.

Иначе зачем ему так много этих железок?

9

Это было в среду. Я заплатил за элджинскую газету и теперь мог читать ее у себя в телефоне. В пятницу там появилась еще одна статья, на этот раз на первой странице раздела местных новостей:

«ЖИТЕЛЬ СТЭНТОНВИЛЛА АРЕСТОВАН ЗА УБИЙСТВО ПРИ ОГРАБЛЕНИИ ЮВЕЛИРНОГО МАГАЗИНА».

Арестованный был опознан как Бенджамин Дуайер, 44 лет, «без определенного места жительства» — как я предположил, это означало бездомного. Владелец стэнтонвиллского ломбарда вызвал полицию, когда Дуайер попытался предложить ему кольцо с бриллиантом «значительной ценности». В полицейском участке у него также обнаружили браслет, усыпанный изу-

мрудами. Полиция справедливо сочла эти вещи довольно подозрительными в руках человека без определенного места жительства.

— Вот видишь? — сказал мистер Боудич, когда я показал ему статью. — Дурак совершил дурацкое преступление и был арестован, когда пытался самым дурацким способом реализовать свою добычу. Из этого получился бы не очень хороший детектив, верно? Даже для тех, что в мягкой обложке.

— Думаю, да.

— Ты все еще выглядишь обеспокоенным, — мы сидели на кухне и смотрели, как Радар поедает свой ужин. — Кока-кола может вылечить это.

Он встал и пошел к холодильнику, почти не хромая.

Я взял колу, но беспокойство не прошло.

— Его задняя комната была битком набита драгоценностями. Там была даже тиара с бриллиантами, как у принцессы на балу.

Мистер Боудич пожал плечами. Для него это была закрытая тема, завершенная сделка.

— Ты становишься параноиком, Чарли. Настоящая проблема заключается в том, куда деть то золото, которое у меня еще осталось. Сосредоточься на этом. Но…

— Будь осторожен, я знаю.

— Благоразумие — важная часть смелости, — он глубокомысленно поднял палец.

— А какое это имеет отношение к делу?

— Абсолютно никакого, — мистер Боудич ухмыльнулся. — Мне просто захотелось это сказать.

10

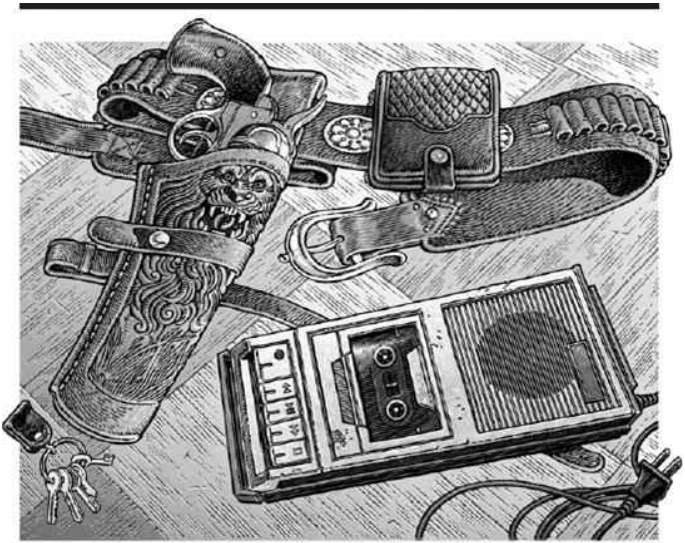
В тот вечер я зашел в «Твиттер» и поискал там Бенджамина Дуайера. Сперва на меня обрушилась куча записей об ирландском композиторе, поэтому я изменил поиск на «подозреваемый в убийстве Дуайер». Это принесло мне полдюжины твитов, и один был от начальника полиции Стэнтонвилла Уильяма Ярдли, который поздравлял сам себя с быстрым арестом Дуайера. Другой исходил от той, кто называла себя Панкеттой (44 года) и была, как многие в «Твиттере», разумной и сострадательной: «*Я выросла в Стэнтонвилле — это чертова дыра. Этот Дуайер мог бы поубивать там всех и тем оказать миру услугу*».

Твит, заинтересовавший меня больше всех, написал некий Бычара (19 лет). Он написал: «*Бенджи Дуайер подозревается в убийстве? Не смешите меня. Он уже тыщу лет как съехал с*

катушек. У него на лбу можно набить татуху ДЕРЕВЕНСКИЙ ДУРЕНЬ».

Я хотел на следующий день показать это мистеру Боудичу и объяснить ему, что если Бычара прав, то Бенджи Дуайер мог стать идеальным козлом отпущения. Но такой возможности мне так и не представилось.

Глава девятая
Существо в сарае. Опасное место. 911. Бумажник. Хороший разговор



1

Мне больше не надо было приходить в шесть утра, чтобы покормить Радар; мистер Боудич мог делать это сам. Но я привык вставать рано и в тот день поднялся на велосипеде на холм около четверти восьмого, чтобы вывести ее на прогулку. После этого, поскольку была суббота, я хотел немного прогуляться с ней по Пайн-стрит, где ей нравилось читать сообщения других собак (и оставлять свои собственные). Но в тот день прогулка не состоялась.

Когда я вошел, мистер Боудич сидел за кухонным столом, ел овсянку и читал роман Джеймса Миченера[110] размером со шлакоблок. Я налил себе стакан апельсинового сока и спросил, как ему спалось.

— Пережил ночь и ладно, — сказал он, не отрывая взгляд от книги. Говард Боудич вовсе не был ранней пташкой. Правда, он не был и любителем вечерних развлечений — да и дневных, если на

---

[110] Примечания: 110

Джеймс Миченер (1907–1997) — американский писатель, автор монументальных исторических саг, описывающих жизнь нескольких поколений в одном месте.

то пошло.

— Сполосни стакан, когда допьешь.

— Я всегда это делаю.

Он хмыкнул и перевернул страницу книги, которая называлась «Техас». Я допил остатки сока и позвал Радар, которая вошла на кухню, почти не хромая.

— Ради, хочешь гуль-гуль?

— Господи, — сказал мистер Боудич. — Хватит с ней сюсюкать! По нашим меркам ей девяносто восемь лет.

Радар уже стояла у двери. Я открыл ее, и она спустилась по ступенькам заднего крыльца. Я хотел пойти за ней, но вспомнил, что мне понадобится ее поводок, если мы пойдем гулять по Пайн-стрит. Еще я не сполоснул стакан от сока, а тщательно вымыл его, а потом направился к двери, у которой висел поводок. В это время Радар начала лаять часто, быстро и очень громко. Это совсем не походило на ее обычный лай «вижу белку».

Мистер Боудич захлопнул книгу.

— Что, черт возьми, с ней такое? Может, сходишь посмотреть?

Я достаточно хорошо представлял, что с ней происходит, потому что уже слышал этот звук

раньше. Это было предупреждение о вторжении чужаков. Как и тогда, она сидела в траве заднего двора, которая теперь была скошена и в основном очищена от дерьма. Ее морда была направлена к сараю, уши прижаты, а зубы оскалены. Когда она лаяла, из ее пасти вылетала пена. Я подбежал к ней, схватил за загривок и попытался оттянуть назад. Она не хотела уходить, но было ясно, что она не хочет и подходить ближе к запертому сараю. Даже за ее громким лаем я мог слышать оттуда странный царапающий звук. На этот раз он был громче, и я увидел, что дверь дергается туда-сюда, как бьющееся сердце. Что-то явно пыталось вырваться оттуда наружу.

— Радар! — крикнул мистер Боудич с крыльца. — Вернись *сейчас же*!

Радар не обратила на это никакого внимания, продолжая лаять. Что-то изнутри сарая ударилось в дверь с глухим звуком, потом раздался странный звук вроде кошачьего мяуканья, но выше тоном. Он напоминал противный скрип мела по доске, и мои руки покрылись гусиной кожей.

Я встал перед Радар, чтобы заслонить от нее сарай, и двинулся на нее, заставив отступить на шаг или два. Ее глаза были дикими, в них виднелись белые круги, и на мгновение я подумал, что

она сейчас меня укусит. Но она этого не сделала. Раздался еще один глухой удар, новые царапающие звуки, а потом это ужасное пронзительное мяуканье. Радар этого хватило — она повернулась и побежала назад к крыльцу, не показывая никаких признаков хромоты. Вскарабкавшись на крыльцо, она прижалась к ногам мистера Боудича, не прекращая при этом лаять.

— Чарли! Уходи оттуда!

— Там что-то внутри, и оно пытается выбраться. Что-то большое.

— Вернись сюда, парень! Ты должен вернуться!

Еще один удар, и снова царапанье. Я прикрыл рот рукой, как будто хотел заглушить крик. Не помню, удалось ли мне это.

— *Чарли*!

Как и Радар, я сбежал. Но это не помогло: повернувшись к сараю спиной, я все равно представлял, как дверь срывается с петель и непонятный кошмар преследует меня, стелясь по траве и издавая эти нечеловеческие крики.

Мистер Боудич был в своих ужасных шортах-бермудах и старых тапках, которые он называл «шаркалки». Заживающие раны там, где спицы фиксатора входили в его плоть, казались ярко-

красными на фоне бледной кожи.

— Иди внутрь! Внутрь!

— Но что…

— Не беспокойся, дверь выдержит, но мне нужно разобраться с этой штукой.

Поднимаясь на крыльцо, я успел услышать, что он сказал дальше, хотя он понизил голос, будто разговаривая сам с собой.

— Сукин сын сдвинул и доски, и блоки. Должно быть, большой.

— Я уже слышал что-то похожее, когда вы были в больнице, но не так громко.

Он втолкнул меня на кухню, а потом последовал за мной, чуть не споткнувшись о Радар, жмущуюся к его ногам.

— Оставайся здесь. Я обо всем позабочусь.

Он захлопнул дверь во двор, а потом, шаркая и прихрамывая, пошел в гостиную. Радар последовала за ним, прижав хвост. Я услышал его бормотание, потом проклятия, за которыми последовало натужное кряхтение. Когда он вернулся, в руках у него был револьвер, который я просил его принести сверху. Но не только револьвер — еще он нес большую кобуру, которая крепилась к черному кожаному поясу, украшенному серебряными ракушками. Все это выглядело

как реквизит из сцены перестрелки у корраля О'Кей[111]. Он затянул пояс вокруг талии так, что кобура оказалась чуть ниже правого бедра. Завязки кобуры он закрепил на ноге, и они свисали на его шорты. Это должно было выглядеть нелепо — но почему-то не выглядело.

— Сиди здесь.

— Мистер Боудич, что… вы не можете…

— *Сиди здесь, черт возьми!* — он схватил меня за руку так сильно, что стало больно. Он дышал быстро и хрипло, часто вдыхая, — И успокой собаку.

Он вышел, захлопнув за собой дверь, и боком спустился по ступенькам. Радар прижалась головой к моей ноге, поскуливая. Я рассеянно гладил ее, глядя в окно. На полпути к сараю мистер Боудич сунул руку в левый карман и достал связку ключей. Выбрав один из них, пошел дальше, вставил ключ в большой висячий замок, а потом вытащил револьвер 45-го калибра. Он повернул ключ и открыл дверь, нацелив револьвер вниз под небольшим углом. Я ожидал, что на него

---

[111] Примечания: 111

Перестрелка у корраля О'Кей (Gunfight at the O.K. Corral) произошла 26 октября 1881 года в городе Тумстоун в Аризоне, прославилась благодаря участию в ней одного из героев Дикого Запада, шерифа Уайета Эрпа, стала темой многих фильмов и телепередач.

что-то или кто-то бросится, но этого не произошло, хотя я увидел, как что-то черное и тонкое мелькнуло внутри и исчезло. Мистер Боудич вошел в сарай и закрыл за собой дверь. Ничего не происходило в течение долгого-долгого времени, которое на самом деле не могло длиться дольше пяти секунд. Потом раздались два выстрела. Стены сарая, похоже, были очень толстыми, потому что звуки, которые должно были звучать оглушительно в замкнутом пространстве, дошли до меня парой негромких глухих шлепков, похожих на удары кувалды, завернутой в войлок.

Ничего не могло быть длиннее этих пяти секунд, больше похожих на пять минут. Меня удерживали на месте только повелительный тон мистера Боудича и его свирепый вид, когда он велел мне сидеть здесь, черт возьми. Но в конце концов даже это не смогло меня сдержать. Я был уверен, что с ним что-то случилось. Как только я распахнул дверь кухни и вышел на заднее крыльцо, дверь сарая открылась и оттуда появился мистер Боудич. Радар пулей пронеслась мимо меня без всяких признаков артрита и помчалась к нему, когда он со щелчком водрузил на место висячий замок. Хорошо, что он это сделал, потому что замок был единственным, что удержало его

от падения, когда Радар налетела на него.

— Лежать, Радар, лежать!

Она легла на живот, бешено вращая хвостом. Мистер Боудич вернулся на крыльцо гораздо медленнее, чем спускался, заметно прихрамывая на больную ногу. Один из его шрамов открылся, и кровь сочилась из него темно-красными каплями, напомнившими мне рубины, которые я видел в задней комнате у мистера Генриха. Он потерял одну из своих «шаркалок».

— Помоги мне, Чарли, — прохрипел он. — Чертова нога прямо горит.

Я закинул его руку себе на шею, схватил за костлявое запястье и почти потащил его вверх по ступенькам в дом.

— Кровать. Нужно лечь. Не могу отдышаться.

Я отвел его в гостиную — по дороге с него слетел второй тапок, потому что он волочил ноги, — и уложил на диван.

— Господи Иисусе, Говард, что это было? В кого вы стреля…

— Кладовка, — сказал он. — На верхней полке. За бутылками с маслом «Вессон». Виски. Вот столько, — он слегка раздвинул большой и указательный пальцы. Они дрожали. Он и раньше казался бледным, но теперь, когда румянец со-

всем исчез с его щек, он походил на мертвеца с еще живыми глазами.

Я пошел в кладовку и нашел бутылку «Джеймсона»[112] там, где он сказал. Несмотря на мой рост, мне пришлось встать на цыпочки, чтобы дотянуться до нее. Бутылка была пыльной и почти полной. Хоть я и был взвинчен — напуган, почти в панике, — запах спиртного вызвал в памяти омерзительные воспоминания об отце, когда он валялся на диване в отключке или блевал, склонясь над унитазом. Виски пахнет не так резко, как джин, и все же пахнет. Да и весь алкоголь для меня пахнет одинаково — печалью и потерей.

Я налил немного в стакан для сока. Мистер Боудич выпил, поставил стакан на стол и закашлялся, но краска вернулась на его щеки. Он расстегнул пояс и развязал веревки на бедре.

— Убери от меня эту гребаную штуку.

Я потянул за кобуру, она скользнула вниз вместе с поясом, и мистер Боудич невнятно выругался, когда пряжка, должно быть, оцарапала ему поясницу.

— Что мне с ним делать?

— Брось под кровать.

---

[112] Примечания: 112

«Джеймсон» (Jameson) — одна из самых популярных марок ирландского виски.

— Где вы взяли этот пояс? — спросил я. Я раньше никогда его не видел.

— Там, где мне его дали. Просто сделай это, но сперва перезаряди револьвер.

На поясе между ракушек были петли для пуль. Я повернул в сторону барабан револьвера, заполнил два пустых патронника, спрятал револьвер в кобуру и положил под кровать. Мне казалось, что я сплю наяву.

— Что это было? Что там?

— Я расскажу тебе, — сказал он, — но не сегодня. Беспокоиться больше не о чем. Возьми это, — он дал мне свою связку ключей, — и положи вон на ту полку. Дай мне две таблетки оксиконтина, а потом я пойду спать.

Я принес ему таблетки. Мне не нравилось, что он принимал такие сильные таблетки после виски, но после всего это было не так уж страшно.

— Не ходи туда, — сказал он. — Возможно, позже, но сейчас даже не думай об этом.

— Это то место, откуда берется золото?

— Все не так однозначно, как говорят в мыльных операх. Я не могу рассказать об этом сейчас, Чарли, и ты не должен говорить об этом никому. Вообще никому. Последствия… Я их даже представить не могу. Обещай мне.

— Обещаю.

— Вот и хорошо. А теперь иди и дай старику поспать.

2

Обычно Радар с удовольствием спускалась со мной с холма, но в ту субботу она не отходила от мистера Боудича. Я отправился домой один и приготовил себе сэндвич с ветчиной на «Чудо — хлебе» — закуску чемпионов. Мой отец оставил записку, в которой сообщал, что уехал к девяти на встречу «Анонимных Алкоголиков», а потом останется поиграть в боулинг с Линди и парой других коллег по трезвости. Я был рад. Я в любом случае сдержал бы обещание мистеру Боудичу — «*последствия я даже представить не могу*», сказал он, — но почти уверен, что папа все равно увидел бы что-то по моему лицу. Теперь, в состоянии трезвости, он стал очень чувствителен к подобным вещам. Обычно это хорошо, но в тот день это было плохо.

Когда я вернулся в дом 1, мистер Боудич все еще спал. Он выглядел немного лучше, но его дыхание было хриплым. Такое же дыхание я услышал, когда нашел его на крыльце со сломанной ногой. Мне оно не понравилось.

К вечеру хрип улетучился из его дыхания. Я приготовил попкорн, разогрев его по старинке на плите «Хотпойнт», и мы съели его, пока смотрели «Худа»[113] на моем ноутбуке. Этот фильм выбрал мистер Боудича, я никогда о нем не слышал, но он оказался довольно хорошим. Я даже не возражал, что он нецветной. В какой-то момент мистер Боудич попросил меня остановить фильм на крупном плане Пола Ньюмена.

— Разве он не самый красивый мужчина на свете, Чарли? Как ты думаешь?

Я сказал, что он, может быть, прав.

Ночевать я остался там. В воскресенье мистеру Боудичу стало еще лучше, и мы с отцом отправились рыбачить к Южной Элджинской плотине. Мы ничего не поймали, но было приятно побыть с ним под мягким сентябрьским солнцем.

— Ты какой-то тихий, Чарли, — сказал он на обратном пути. — О чем задумался?

— О нашей старой собаке, — сказал я. Это было правдой — но далеко не всей.

— Приводи ее сегодня к нам, — сказал папа, и я пытался, но Радар по-прежнему не желала отходить от мистера Боудича.

---

[113] Примечания: 113

«Худ» — вестерн 1963 года режиссера Мартина Ритта с Полом Ньюменом, Мелвином Дугласом и Патрисией Нил в главных ролях.

— Иди ночевать домой, — сказал мистер Боудич. — Со мной и старушкой все будет в порядке.

— У вас хриплый голос. Надеюсь, вы не заболеете чем-нибудь.

— Да нет. Просто проболтал почти весь чертов день.

— С кем?

— Сам с собой. Можешь идти, Чарли.

— Хорошо, но позвоните, если я вам понадоблюсь.

— Да, да.

— Пообещайте.

— Обещаю, ради всего святого. А теперь сунь яйцо в свой ботинок и раздави[114].

3

Утром в воскресенье Радар снова не смогла подняться по ступенькам после прогулки и съела только половину своей порции. Вечером она не съела вообще ничего.

— Наверно, ей просто нужно отдохнуть, — сказал мистер Боудич, но в его голосе звучало сомнение. — Удвой дозу этих новых таблеток.

---

[114] Примечания: 114
Шутливое выражение, означающее «проваливай скорее».

— Вы уверены? — спросил я.

Он одарил меня мрачной улыбкой:

— Чем это ей повредит в такой ситуации?

В ту ночь я спал дома, а в понедельник Радар стало немного лучше. Но мистер Боудич тоже заплатил за то, что случилось в субботу. Чтобы ходить в туалет и обратно, ему снова пришлось использовать костыли. Я хотел не пойти в школу и остаться с ним, но он запретил. Вечером он тоже выглядел лучше и сказал, что приходит в норму. Я поверил.

Он обманул меня.

4

Во вторник утром, в десять часов, я сидел на уроке углубленного изучения химии. Нас разделили на группы по четыре человека, дали резиновые фартуки с перчатками и заставили определять температуру кипения ацетона. В комнате стояла тишина, все говорили шепотом, поэтому звук моего мобильника, зазвонившего в заднем кармане, был очень громким. Мистер Экерли посмотрел на меня с неодобрением.

— Сколько раз я говорил вам, дети, чтобы вы выключали…

Достав телефон из кармана, я увидел слово

БОУДИЧ. Торопливо скинув перчатки, я принял вызов и выскочил из кабинета, игнорируя мистера Экерли. Голос мистера Боудича звучал напряженно, но спокойно.

— Кажется, у меня сердечный приступ, Чарли. По правде говоря, я в этом уверен.

— Вы звонили…

— Я звоню *тебе*, так что молчи и слушай. У меня есть адвокат, Леон Брэддок в Элджине. Там есть бумажник. Под кроватью. Все остальное, что тебе нужно, тоже под кроватью. Ты понял меня? *Под кроватью*. Позаботься о Радар, и когда все узнаешь, реши…, — он ахнул. — Черт, как больно! Давит, как чугун. Когда узнаешь, реши, что с ней делать.

Он отключился.

Пока я звонил в 911, дверь химического кабинета открылась, мистер Экерли вышел и спросил, какого черта я делаю. Я просто отмахнулся от него. Оператор службы спросила, в чем проблема. Пока мистер Экерли стоял рядом с открытым ртом, я объяснил ей все и назвал адрес. Потом развязал фартук, уронив его на пол, и побежал к выходу.

5

Это была, наверное, самая быстрая поездка на велосипеде в моей жизни — я ехал, привстав на педалях и почти не глядя на дорогу. Сзади раздался гудок, завизжали шины, и кто-то завопил:

— Смотри, куда едешь, тупой кусок дерьма!

Но каким бы быстрым я ни был, парни из «скорой» опередили меня. Когда я остановился на углу Пайн и Сикамор, тормозя велик ногой, чтобы не врезаться в бордюр, машина с мигающими огнями и воющей сиреной уже отъехала. Я обошел дом сзади. Прежде чем я успел открыть кухонную дверь, Радар вылетела через собачью дверцу и бросилась ко мне. Я опустился на колени, чтобы она не прыгала на меня, напрягая больные лапы. Она скулила, тявкала и лизала меня в лицо, видимо, не подозревая, что случилось что-то плохое.

Мы вошли внутрь. На кухонном столе среди лужи разлитого кофе валялась чашка, а стул, на котором мистер Боудич всегда сидел (забавно, как люди держатся за свои привычки), был опрокинут. Плита все еще работала, старомод-

ный перколятор[115] раскалился так, что нельзя дотронуться, пахло горелым — можно сказать, химическим экспериментом. Я выключил газ и с помощью прихватки переставил перколятор на холодную конфорку. Все это время Радар не отходила от меня ни на шаг, прислоняясь к моей ноге и тыкаясь мордой в коленку.

На полу у входа в гостиную лежал календарь. Нетрудно было представить, что произошло. Мистер Боудич пьет кофе за кухонным столом, оставив кофеварку на плите для второй чашки. Тут чугунный молот ударяет его в грудь, и он разливает кофе. Его стационарный телефон находится в гостиной. Опрокинув стул, он встает и идет туда, а по пути, чтобы не упасть, цепляется за стену и срывает с нее календарь.

Ретро-телефон стоял на кровати. Еще там валялась обертка с надписью «Папаверин»[116]; это лекарство, как я предположил, ему ввели перед тем, как увезти. Я сидел на смятом раскладном диване, гладя Радар и почесывая ее за ушами, что,

---

[115] Примечания: 115

Перколятор — вид кофеварки, в которой горячая вода многократно пропускается через камеру с молотым кофе.

[116] Примечания: 116

Папаверин — лекарственный препарат спазмолитического и гипотензивного действия, опиумный алкалоид.

как я знал, всегда ее успокаивало.

— С ним все будет в порядке, девочка. Подожди и увидишь, с ним все будет в порядке.

Но на всякий случай я заглянул под кровать, где, по словам мистера Боудича, должен был найти все, что нужно. Там лежали кобура с пистолетом на поясе, украшенном ракушками, его связка ключей и бумажник, которого я никогда раньше не видел. Еще там был старомодный кассетный магнитофон, который я уже видел стоящим на одном из пластиковых ящиков в кладовой на третьем этаже. Я заглянул в окошко магнитофона и увидел, что в него вставлена кассета с надписью «Radio Shack»[117]. Он либо что-то слушал, либо записывал, и запись казалась мне более вероятной.

Связку ключей я положил в один карман, бумажник — в другой. Я бы спрятал бумажник в рюкзак, но он остался в школе. Остальные вещи я отнес наверх и положил в сейф. Прежде чем закрыть дверцу и набрать комбинацию, я встал на колено и погрузил руки в золотые шарики. Просеивая их между пальцами, я задавался вопросом — что с ними будет, если мистер Боудич умрет?

---

[117] Примечания: 117

Сеть розничных магазинов по продаже электроники, основанная в 1921 году.

Радар скулила и лаяла у подножия лестницы. Спустившись вниз, я сел на диван, позвонил отцу и рассказал ему, что произошло. Папа спросил, как у него дела.

— Не знаю. Я его не видел. Сейчас поеду в больницу.

На полпути через проклятый мост у меня зазвонил телефон. Свернув на парковку «Зип-Март», я ответил на звонок. Это была Мелисса Уилкокс, и она плакала.

— Он умер по дороге в больницу, Чарли. Они пытались реанимировать его, перепробовали все, но инфаркт был слишком тяжелым. Мне жаль, мне так жаль!

Я сказал, что мне тоже жаль. И посмотрел на витрину магазина «Зип Март», где красовалась та же вывеска: тарелка с жареным цыпленком — ЛУЧШИМ В СТРАНЕ. Слова расплылись из-за навернувшихся на глаза слез. Миссис Зиппи увидела меня и вышла.

— Все в порядке, Чолли?

— Нет, — сказал я. — Не совсем.

Спешить в больницу уже не было смысла. Я прокрутил педали обратно через мост, а потом направил велосипед вверх по Сикамор-стрит. Я был слишком обессилен, чтобы одолеть крутой

склон, и решил оставить велик возле нашего дома. Он был пуст и останется пустым, пока отец не вернется домой, а там, на холме, была собака, которая во мне нуждалась. Я понял, что теперь это действительно моя собака.

6

Когда я вернулся в дом мистера Боудича, я довольно долго просто сидел и гладил Радар. Все это время я тихо всхлипывал, не только от шока, но еще и от того, что потерял этот дом, где у меня был друг, было убежище. Постепенно Радар успокоилась, и я, должно быть, тоже, потому что смог обдумать дальнейшие действия. Перезвонив Мелиссе, я спросил, будет ли вскрытие. Она сказала, что нет, потому что он умер в присутствии врача, и причина смерти ясна.

— Коронер выпишет свидетельство о смерти, но ему понадобится удостоверение личности. У тебя случайно нет его бумажника?

Бумажник у меня был. Не тот, что мистер Боудич носил в заднем кармане — тот был коричневым, а под кроватью я обнаружил черный, — но Мелиссе я об этом не сказал. Просто ответил, что он у меня есть. Она сказала, что спешить некуда, все и так знают, кто он такой.

Я не был уверен, что знаю это.

Погуглив номер Леона Брэддока, я позвонил ему. Разговор был коротким. Брэддок сказал, что дела мистера Боудича в полном порядке, потому что он не думал, что проживет долго.

— Он сказал, что не собирается покупать никаких зеленых бананов[118]. По-моему, очаровательное выражение.

«*Это рак,* — подумал я. — *Вот почему он привел дела в порядок, именно этого он и ожидал, а не сердечного приступа*».

— Он приезжал к вам в офис? — спросил я.

— Да. Недавно, в этом месяце.

Другими словами, когда я был в школе. И ничего мне об этом не сказал.

— Должно быть, взял «Уб»[119].

— Прошу прощения?

— Нет, ничего. Мелисса — его физиотерапевт — говорит, что кому-то, думаю что коронеру, нужно предъявить удостоверение личности для получения свидетельства о смерти.

— Да, это просто формальность. Если вы при-

---

[118] Примечания: 118

Американские идиома, аналогичная русскому выражению «откладывать дела в долгий ящик»

[119] Примечания: 119

На молодежном сленге — сокращение от «Убер».

несете его на стойку регистрации больницы, они сделают ксерокопию. Водительские права, если они у него все еще есть — думаю, подойдут даже просроченные. Что-нибудь, где есть фото. Не спешите, они и без этого передадут тело в похоронное бюро. Я полагаю, вы не имеете представления, какое похоронное бюро…

— Кросленд, — сказал я. Это было то бюро, которое организовало похороны моей матери. — Оно прямо здесь, в Сентри.

— Очень хорошо. Я позабочусь о расходах. Он оставил деньги на депозитном счете именно на такой печальный случай. Пожалуйста, скажите мне, что потребуется для похорон — возможно, ваши родители помогут с этим. А с вами, мистер Рид, я хотел бы поговорить чуть позже.

— Со мной? Зачем?

— Скажу при встрече. Я думаю, это будет хороший разговор.

7

Я собрал корм, миску и лекарства Радар. Я ни за что не собирался оставлять ее в этом доме, где она будет ждать возвращения своего хозяина, куда бы он ни ушел. Я пристегнул ее поводок к ошейнику и повел вниз по склону. Она шла

медленно, но уверенно и без проблем поднялась по ступенькам нашего крыльца. Она уже знала это место и сразу же направилась к своей миске с водой. Потом легла на коврик и уснула.

Папа вернулся домой вскоре после полудня. Я не знаю, что он увидел на моем лице, но после первого же взгляда подошел ко мне и крепко обнял. Я снова заплакал, на этот раз по-настоящему. Он обхватил ладонями мой затылок и тихо покачивал, как будто я все еще был маленьким мальчиком, и это заставило меня заплакать еще сильнее.

Когда я выплакался, он спросил, не голоден ли я. Я вдруг понял, что голоден, и он приготовил яичницу-болтунью из полудюжины яиц, положив туда лука и перца. Мы поели, и я рассказал ему, что произошло, но было много такого, о чем я умолчал — револьвер, шум в сарае, ведро с золотом в сейфе. Связку ключей я ему тоже не показывал. Я думал, что все расскажу потом, и папа, вероятно, будет ругаться, что я так долго молчал, но я собирался держать все в тайне, пока не прослушаю ту кассету.

В бумажник мы заглянули вместе с ним. Там лежали пятидолларовые купюры, каких я никогда раньше не видел. Папа сказал, что это серебряные

сертификаты[120], не слишком редкие, но такие же старые, как телевизор мистера Боудича и плита «Хотпойнт». Еще там были три документа, удостоверяющие личность: карта социального страхования на имя Говарда А. Боудича, ламинированное удостоверение, подтверждающее, что Говард А. Боудич является членом Американской ассоциации лесорубов, и водительские права.

Я зачарованно смотрел на фотографию на удостоверении ассоциации лесорубов. На ней мистер Боудич выглядел лет на тридцать пять, во всяком случае не старше сорока. У него была пышная копна ярко-рыжих волос, зачесанных назад от лба аккуратными волнами, на лице застыла дерзкая улыбка, какой я никогда не видел. Были ухмылки, пару раз даже улыбки, но не такие открытые и беззаботные. Он был во фланелевой клетчатой рубашке и явно напоминал человека, чьи руки привыкли к топору.

Простой дровосек, сказал он мне не так давно. *Каких полно в сказках*.

— Это очень, очень странно, — сказал мой папа.

Я поднял глаза от удостоверения.

---

[120] Примечания: 120

Бумажные купюры, выпускавшиеся с 1878 г. в качестве замены серебряных долларов; их выпуск продолжался до 1964 г.

— Что?

— Вот это.

Он показал мне водительские права, где мистеру Боудичу было уже около шестидесяти. У него все еще оставалось много рыжих волос, но они поредели и явно проигрывали сражение с белыми. Лицензия действовала до 1996 года, если верить тому, что было напечатано под его фамилией, но она не могла быть настоящей. Папа проверил в Интернете: возможно, мистер Боудич имел машину, но у него никогда не было водительских прав штата Иллинойс — как мы и думали. Я подумал, что мистер Генрих нашел кого-то, кто сделал ему поддельные документы.

— Но почему? — спросил я. — Зачем ему это понадобилось?

— Может быть, по многим причинам. Думаю, он должен был знать, что свидетельство о смерти не может быть выдано без наличия хоть каких-то документов, — папа покачал головой, но не раздраженно, а с восхищением. — Это, Чарли, его страховка на погребение.

— И что нам с этим делать?

— Смириться. Я уверен, у него были секреты, но не думаю, что он грабил банки в Арканзасе или устраивал стрельбу в Нэшвилле. Он был добр к

тебе и к своей собаке, этого для меня достаточно. Я считаю, что его нужно похоронить вместе с его маленькими секретами, если только их не знает его адвокат. Или ты думаешь иначе?

— Не знаю.

Я думал о том, что у него были секреты, да, но не маленькие — если не считать маленьким секретом целую кучу золота. И еще в его сарае что-то заперто. Или было заперто, пока он не выстрелил в него.

8

Говарда Адриана Боудича похоронили два дня спустя, в четверг, 26 сентября 2013 года. Прощание состоялось в похоронном бюро Кросленда, а похоронили его на кладбище Сентри-Рест, месте последнего упокоения моей матери. Преподобная Элис Паркер провела службу по просьбе моего отца — она служила и на похоронах моей матери. Преподобная была краткой, но и этого времени мне хватило, чтобы подумать. Кое-какие мысли были связаны с золотом, но большинство — с сараем. Он что-то там застрелил, и волнение из-за этого убило его. Не сразу, но я был уверен, что причиной стало именно это.

На панихиде и погребении присутствовали

Джордж Рид, Чарльз Рид, Мелисса Уилкокс, миссис Алтея Ричленд, адвокат Леон Брэддок и Радар, которая проспала всю панихиду и подала голос только один раз, у могилы: она завыла, когда гроб опускали в землю. Боюсь, это звучит одновременно сентиментально и невероятно, но уверяю вас, что это случилось на самом деле.

Мелисса обняла меня и поцеловала в щеку. Она попросила позвонить ей, если я захочу поговорить, и я обещал, что позвоню.

На стоянку я вернулся с папой и адвокатом. Радар медленно шла рядом со мной. «Линкольн» Брэддока был припаркован рядом с нашим скромным «шевроле каприз». Неподалеку стояла скамейка в тени большого дуба, листья которого уже отливали золотом.

— Может быть, мы можем посидеть здесь несколько минут? — спросил Брэддок. — Я должен сказать вам кое-что весьма важное.

— Подождите, — сказал я, продолжая идти. Я не сводил глаз с миссис Ричленд, которая повернулась к нам и так же, как всегда на Сикамор-стрит, подняла руку, прикрывая глаза. Только убедившись, что мы направляемся к машинам — или делаем вид, что направляемся, — она села в свою и уехала.

— Теперь мы можем сесть, — сказал я.

— Похоже, эта дама очень любопытна, — сказал Брэддок. — Она что, с ним общалась?

— Нет, но мистер Боудич называл ее любопытной Варварой и был прав.

Мы сели на скамейку. Мистер Брэддок водрузил свой портфель на колени и открыл его.

— Я сказал, что у нас будет хороший разговор, и верю, что вы согласитесь со мной, когда услышите то, что я должен сказать.

Из портфеля он достал папку, а из папки — тонкую стопку бумаг, скрепленную золотой скрепкой. Наверху листка, что был сверху, стояли слова «ПОСЛЕДНЯЯ ВОЛЯ» И «ЗАВЕЩАНИЕ».

Мой отец неуверенно засмеялся:

— Господи, он что-то оставил Чарли?

— Не совсем так, — сказал Брэддок. — Он оставил Чарли *всё*.

Я сказал первое, что пришло в голову, но было не слишком вежливым:

— Вы что, издеваетесь?

Брэддок улыбнулся и покачал головой.

— Это nullum cacas statum, как говорим мы, юристы, — то есть ситуация без всякого дерьма. Он оставил вам дом и землю, на которой он стоит. Довольно большой участок земли, как оказалось

— он стоит по меньшей мере шестизначную сумму, учитывая стоимость земли в Сентри-Рест. Все в доме также принадлежит вам, плюс автомобиль, который в настоящее время находится в городе Карпентерсвилл. И собака, конечно, — Он наклонился и погладил Радар, она на миг сонно подняла глаза, потом снова уронила голову на лапы.

— Это действительно правда? — спросил папа.

— Адвокаты никогда не лгут, — сказал Брэддок, потом, переосмыслив свои слова, добавил. — По крайней мере, в таких делах, как это.

— И нет родственников, которые могли бы это оспорить?

— Узнаем точно, когда завещание пройдет процедуру регистрации, но он утверждал, что нет.

— Значит… значит я еще могу заходить в этот дом? — спросил я. — В смысле, у меня там куча вещей. В основном одежда, но еще… м-м…, — я так и не смог придумать, что еще у меня есть в доме номер 1. Все, о чем я мог думать, — это о том, что мистер Боудич сделал однажды в начале месяца, когда я был в школе. Он изменил мою жизнь, пока я сдавал тест по истории или бросал мяч в спортзале. В тот момент я думал не о золоте, не о сарае, не о револьвере и не о кассете. Я всего лишь

пытался свыкнуться с фактом, что теперь мне принадлежит (или скоро будет принадлежать) вся вершина холма на Сикамор-стрит. И почему? Просто потому, что однажды холодным апрельским днем я услышал, как Радар воет на заднем дворе того, что дети прозвали Психо-домом.

Пока я думал, адвокат продолжал говорить. Мне пришлось попросить его ответить на мой вопрос.

— Конечно, ты можешь туда ходить. В конце концов, он твой — от дверей до крыши. По крайней мере, будет твоим, когда завещание вступит в силу.

Он положил завещание обратно в папку, убрал папку в портфель, защелкнул замок и встал. Потом выудил из кармана визитную карточку и протянул ее моему отцу, но вспомнив, возможно, что папа не наследник имущества стоимостью в шестизначную сумму, дал мне еще одну.

— Звоните, если у вас возникнут вопросы, я буду на связи. Попробую ускорить процесс оформления завещания, но это все равно может занять до шести месяцев. Поздравляю вас, молодой человек.

Мы с папой пожали ему руку, а потом смотрели, как он идет к своему «линкольну». Обычно мой

отец не употреблял крепких выражений (в отличие от мистера Боудича, который даже к фразе «передай мне соль» мог добавить «черт побери»), но когда мы сидели на той скамейке, все еще слишком ошеломленные, чтобы встать, он сделал исключение, пробормотав: «Святая срань».

— Точно, — сказал я.

9

Когда мы вернулись домой, папа достал из холодильника две кока-колы. Мы чокнулись банками.

— Как ты себя чувствуешь, Чарли?

— Трудно сказать. У меня пока это не укладывается в голове.

— Как думаешь, у него есть что-нибудь в банке или пребывание в больнице обчистило его вконец?

— Я не знаю.

Но я, пожалуй, знал. Денег осталось не так много, может, пара тысяч, но наверху стояло ведро с золотом, а в сарае, возможно, его было еще больше. Однако там было и что-то другое.

— На самом деле это не имеет значения, — сказал папа. — Это золотое место.

— Золотое, это верно.

— Если завещание утвердят, о твоих расходах на колледж можно не беспокоиться, — он испустил долгий вздох, поджав губы так, что получилось «уфф». — Я чувствую себя так, словно с моей спины только что сняли девяностофунтовый груз.

— При условии, что мы его продадим, — сказал я.

Он посмотрел на меня как-то странно.

— Ты хочешь сказать, что оставишь его себе? Хочешь, как Норман Бейтс, жить в Психо-доме?

— Это больше не похоже на «Особняк с привидениями»[121], папа.

— Я знаю, знаю. Ты правда к нему привязался.

— Там еще столько работы. Я думал покрасить его до зимы.

Он все еще смотрел на меня странным взглядом — склонив голову набок и слегка нахмурившись.

— Чип, ценность представляет земля, а не дом.

Я хотел возразить — идея снести дом 1 на Сикомор-стрит ввергала меня в ужас, но не из — за секретов, которые он хранил, а потому, что там еще оставалось слишком много от мистера Боудича, — но не стал. В этом не было никакого смысла,

---

[121] Примечания: 121

«Особняк с привидениями» — аттракцион в нескольких «Диснейлендах», ставший местом действия черной комедии режиссера Роба Минкофа, вышедшей на экран в 2003 году.

потому что у меня все равно не было денег на покраску, на утверждение завещания требовалось время, а обменять золото на наличные я больше не мог. Я допил свою колу:

— Хочу сходить туда и забрать свою одежду. Можно Радар остаться здесь с тобой?

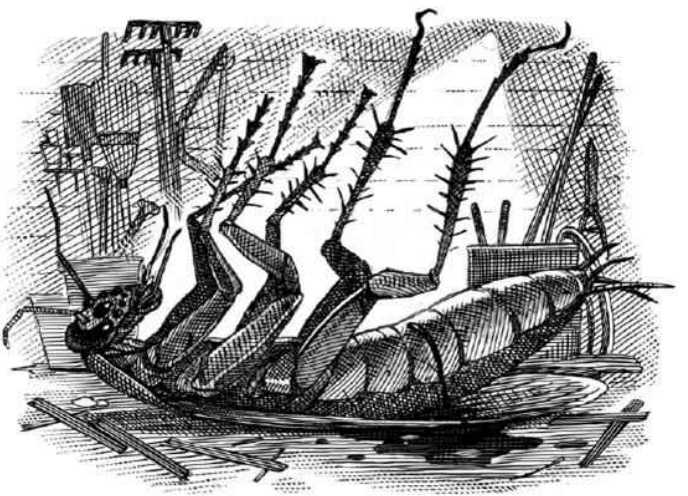
— Конечно. Думаю, теперь она будет жить здесь, не так ли? По крайней мере, пока…, — он не договорил, только пожал плечами.

— Конечно, — сказал я. — Пока.

10

Первым, что я заметил, была открытая калитка. Я думал, что закрыл ее, но не помнил точно. Обойдя дом, я начал подниматься по ступенькам заднего крыльца и сразу же замер. Дверь была открыта, а я точно знал, что закрыл ее. Закрыл и запер на ключ. Дойдя до двери, я убедился, что действительно закрыл ее; пластина замка была наполовину вырвана из косяка, вокруг нее торчали щепки. Я не подумал, что взломщик может быть еще внутри; уже во второй раз за день я был слишком ошеломлен, чтобы о чем-то думать. Помню свою единственную мысль в тот момент: хорошо, что я оставил Радар у нас. Она была слишком старой и хрупкой, чтобы так волноваться.

Глава десятая
Разорение. Миссис Ричленд. Воры по некрологу. Рассказ на пленке. Внутри сарая. Продолжение рассказа



1

Все кухонные шкафы были распахнуты, кастрюли и сковородки разбросаны по линолеуму. Плита «Хотпойнт» отодвинута от стены, дверца духовки открыта. Содержимое банок — САХАР, МУКА, КОФЕ, ПЕЧЕНЬЕ — воры рассыпали по столу, но денег ни в одной из них больше не было, и первой связной мыслью, пришедшей мне в голову, было то, что ублюдкам они не достались. Несколько месяцев назад я спрятал наличные в сейф вместе с золотыми шариками. Раскладная кровать в гостиной, снова превращенная в диван, поскольку мистер Боудич в ней больше не нуждался, была перевернута, а подушки изрезаны. То же самое случилось с мягким креслом мистера Боудича. Набивка от них валялась кругом.

Наверху все оказалось еще хуже. Мне не пришлось открывать комод, чтобы достать свою одежду, поскольку она была разбросана по всей комнате, где я жил. Подушки порезали и здесь, как и матрас. То же я обнаружил и в хозяйской спальне, только там были порезаны еще и обои, свисавшие длинными лентами. Дверцу шкафа

открыли, вытащив одежду, сваленную кучей на полу (карманы брюк старательно вывернули), а с ней и сейф. Возле ручки виднелось несколько царапин, на кодовом замке — еще больше, но сейф устоял перед попытками воров открыть его. Для большей уверенности я ввел нужные цифры и заглянул внутрь — все было на месте. Я запер сейф, повернул ручку и спустился вниз. Там, сидя на диване, где раньше спал мистер Боудич, я позвонил в 911 в третий раз за этот год. Потом набрал номер отца.

2

Я понял, что есть одна вещь, которую нужно сделать до прихода папы и, конечно же, до приезда полиции. Если я собирался солгать (а я собирался), ложь надо было подтвердить. Позаботившись об этом, я вышел на улицу и стал ждать. Отец поднялся на холм и припарковал машину у обочины. Он не взял с собой Радар, чему я был рад; хаос в доме расстроил бы ее еще больше, чем недавние перемены в ее жизни.

Папа прошелся по нижнему этажу, изучая картину разорения. Я остался на кухне, собрал кастрюли и сковородки и убрал их в шкаф. Когда он вернулся, то помог мне придвинуть плиту

обратно к стене.

— Святая ворона, Чарли! Что ты об этом думаешь?

Я сказал, что не знаю, но думал, что знаю. Не знал только того, кто это сделал.

— Пап, подожди полицию здесь. Я отойду на минутку. Хочу поговорить с миссис Ричленд — я видел ее машину.

— Это та самая любопытная Варвара?

— Да.

— Разве тебе не следует оставить это копам?

— Если она что-нибудь видела, я скажу им, чтобы они поговорили с ней.

— Это вряд ли, она ведь была с нами на похоронах.

— И все же, я хочу поговорить с ней. Может быть, она что-то видела раньше.

— Кого-то, кто вертелся поблизости?

— Что-то вроде этого.

Мне не нужно было стучаться к ней — она находилась на своем обычном посту в конце подъездной дорожки.

— Привет, Чарли. Все в порядке? Что-то твой отец так торопился. А где же собака?

— У меня дома. Миссис Ричленд, кто-то вломился к мистеру Боудичу, пока мы были на

похоронах, и перевернул весь дом.

— О Боже, неужели? — она прижала руку к груди.

— Вы видели тут кого-нибудь недавно? Последнюю пару дней? Кого-то постороннего?

Она задумалась.

— Вроде бы нет. Обычные курьеры — ну, знаешь, «Федерал Экспресс», ЮПС[122], - человек, который приезжает ухаживать за лужайкой Хоутонов — это, должно быть, стоит немалых денег, — еще почтальон в своем маленьком грузовичке… А насколько серьезен ущерб? Что-нибудь украли?

— Пока не знаю. Полиция может захотеть…

— Поговорить со мной? Конечно, с удовольствием! Но если это случилось, когда мы были на похоронах…

— Да, я знаю. В любом случае, спасибо, — я уже повернулся, чтобы уйти.

— Я видела маленького смешного человечка, который продавал подписку на журналы, — сказала она мне вслед. — Но это было до смерти мистера Боудича.

Я резко повернулся:

---

[122] Примечания: 122

«Federal Express» и «UPS» — крупные американские компании, предоставляющие услуги по доставке товаров.

— Правда?

— Да. Ты тогда был в школе. У него была сумка, похожая на те, что носили почтальоны в старые времена — с наклейкой «АМЕРИКАНСКАЯ СЛУЖБА ПОДПИСКИ». Думаю, там были образцы — «Тайм», «Ньюсуик», «Вог» и все такое. Я сказала ему, что мне не нужны никакие журналы, я читаю все, что нужно, в Интернете. Так гораздо удобнее, верно? И более экологично, без всей этой бумаги, которая потом заполняет свалки.

Но меня не интересовали экологические преимущества онлайн-чтения.

— Он заходил в другие дома на этой улице? — я чувствовал, что если кто-то и может ответить на этот вопрос, то только она.

— Да, конечно. Думаю, он направился к дому мистера Боудича, но старик не подошел к двери. Наверное, плохо себя чувствовал. Или… думаю, он не очень любил посетителей, верно? Я так рада, что вы с ним подружились. Так грустно, что он ушел. Когда речь идет о животных, люди говорят, что они ушли за радугу. Мне это нравится, а тебе?

— Да, это довольно мило, — я ненавидел эту фразу.

— Думаю, его собака скоро тоже перейдет ра-

дужный мост. Бедняжка стала такой худой, и морда у нее совсем седая. Ты оставишь его у себя?

— Радар? Конечно, — Я не стал говорить ей, что Радар — она, а не он. — А как выглядел этот продавец журналов?

— Ну, такой забавный маленький человечек со странной манерой ходить и говорить. При ходьбе он подпрыгивал, почти как ребенок, и когда я сказала ему, что не хочу никаких журналов, сказал «прискорбно», как будто был из Англии. Но на самом деле выговор у него такой же американский, как у нас с тобой. Как ты думаешь, это он вломился в дом? Он определенно не выглядел опасным. Просто смешной человечек со смешной манерой говорить. Он все время повторял «ха-ха».

— Ха-ха?

— Да. Не настоящий смех, а просто «ха-ха». «Семьдесят процентов от цены в газетном киоске, мэм, ха-ха». И он был мелковат для мужчины. С меня ростом. Значит, ты думаешь, что он и был тем взломщиком?

— Наверное, нет, — сказал я.

— Помню, на нем была кепка «Уайт Сокс» и вельветовые брюки. А на кепке спереди — красный круг.

3

Я был за то, чтобы сразу же начать генеральную уборку, но папа сказал, что необходимо дождаться полиции.

— Они, наверно, захотят задокументировать место происшествия.

Они приехали примерно через десять минут на патрульной машине и седане без опознавательных знаков. У мужчины за рулем седана были седые волосы и солидное брюшко. Он представился детективом Глисоном, а двое полицейских в форме — офицерами Уитмарком и Купером. У Уитмарка была видеокамера, а у Купера — маленький футляр вроде коробки для завтрака; в нем, как я думал, хранились всякие штуки для сбора улик.

Детектив Глисон осматривал повреждения с явным отсутствием интереса, время от времени взмахивая полами своего клетчатого пиджака, как крыльями, чтобы подтянуть брюки. Я предположил, что ему осталось не больше года или двух до того, как он получит золотые часы или удочку на вечеринке по случаю выхода на пенсию. А пока он отбывал остаток срока.

Уитмарку он велел снять гостиную на видео,

а Купера отправил наверх. Задал нам несколько вопросов (адресуя их папе, хотя взлом обнаружил я) и записал ответы в маленький блокнот. Потом захлопнул блокнот, сунул его во внутренний карман спортивной куртки и подтянул брюки.

— Воры по некрологу. Сто раз такое видел.

— Что это такое? — взглянув на отца, я увидел, что он уже знает ответ. Может быть, с того момента, как вошел и огляделся вокруг.

— Когда в газете появилось сообщение о его смерти?

— Вчера, — сказал я. — Его физиотерапевт получила анкету для газеты почти сразу после его смерти, и я помог ей заполнить пробелы.

Глисон кивнул.

— Да-да, обычное дело. Эти упыри читают газету и узнают, когда состоится прощание и дом опустеет. Тогда они вламываются внутрь и хватают все, что выглядит ценным. Вы должны осмотреться, составить список того, чего не хватает, и принести в участок.

— А как насчет отпечатков пальцев? — спросил папа.

Глисон пожал плечами.

— Они наверняка были в перчатках. В наши дни все смотрят полицейские сериалы, особен-

но преступники. В таких случаях, как этот, мы обычно не…

— Лейтенант! — Это был Купер с верхнего этажа. — В хозяйской спальне есть сейф.

— А, ну вот, теперь посмотрим, — сказал Глисон.

Мы поднялись наверх, возглавляемые детективом. Он шел медленно, словно подтягиваясь за перила, и под конец запыхался и раскраснелся. Подтянув штаны, он пошел в спальню мистера Боудича и там наклонился, чтобы взглянуть на сейф.

— Ага. Кто-то пытался его взломать и потерпел неудачу.

Мог бы спросить меня об этом.

Уитмарк — как я понял, штатный оператор полиции — тут же начал снимать сейф на видео.

— Посыпать его, Лут? — спросил Купер, уже открывавший свою коробку для завтрака.

— Здесь нам может повезти, — сказал детектив (это слово мне все время хочется взять в кавычки). — Парень, возможно, снял перчатки, чтобы подобрать комбинацию, когда увидел, что не может взломать сейф.

Купер засыпал сейф вокруг замка черным порошком. Что-то осело на замке, все остальное

упало на пол. Теперь мне придется убирать еще и это. Купер посмотрел на дело своих рук и отошел в сторону, уступая место Глисону.

— Все следы стерты, — сказал тот обиженно, выпрямляясь и особенно сильно подтягивая штаны.

Конечно, стерты — я сделал это сразу после того, как позвонил в 911. Грабитель мог оставить там свои отпечатки пальцев, но если даже он это сделал, они все равно должны были исчезнуть, потому что мои тоже были там.

— Вы, случайно, не знаете комбинацию? — этот вопрос также адресовался моему отцу.

— Я вообще не был в этой комнате до сегодняшнего дня. Спросите Чарли — он был смотрителем у старика.

Смотритель. Слово было достаточно точным, но все равно показалось мне забавным. Наверное, потому, что его почти всегда применяли к взрослым.

— Понятия не имею, — сказал я.

— Хм, — Глисон снова наклонился к сейфу, но ненадолго, как будто начисто утратил к нему интерес. — Тому, кто унаследует этот дом, придется вызывать слесаря. А если это не поможет, найти взломщика, знающего толк во взрывчатке.

Я знаю пару таких в «кувшине» в Стейтвилле[123]. — он засмеялся. — Внутри, вероятно, ничего особенного — старые бумаги и, может быть, пара запонок. Помните ту шумиху из-за сейфа Аль Капоне, когда Джеральдо Ривере залепили яйцом в рожу?[124] Ну что ж, мистер Рид, приезжайте в участок и составьте полный список украденного.

Он снова разговаривал с моим отцом. Я все больше понимал женщин, которых это бесит.

4

Я провел ночь в нашей маленькой комнате для гостей на первом этаже. При жизни моей мамы это был ее домашний кабинет, а потом, пока отец пил, комната стала чем-то вроде музея. Через полгода или около того после своего протрезвения папа с моей помощью превратил ее в спальню. Иногда там ночевал Линди, а пару раз оставались

---

[123] Примечания: 123

Стейтвилл — тюрьма в Крест-Хилле, штат Иллинойс. «Кувшином» на уголовном жаргоне называют одиночную камеру для особо опасных преступников.

[124] Примечания: 124

Джеральдо Ривера (род. 1943) — американский журналист, ведущим бульварного ток-шоу «Джеральдо» с 1987 по 1998 гг. Прославился благодаря будто бы найденному им сейфу с сокровищами Аль Капоне; вскрытый в прямом эфире сейф оказался пустым. Выражение «получить яйцом в лицо» означает «опозориться на публике».

новоявленные трезвенники, с которыми папа работал, потому что это именно то, что должны делать «Анонимные Алкоголики». Я спал там в ночь после похорон мистера Боудича и взлома его дома, чтобы Радар не пришлось подниматься по лестнице. Постелил ей на пол одеяло, и она сразу же заснула, свернувшись калачиком. Я бодрствовал дольше, потому что кровать там была слишком короткой для парня ростом шесть футов четыре дюйма — а еще потому, что мне было о чем подумать.

Прежде чем выключить свет, я погуглил «Американскую служба подписки». Такая компания в самом деле была, но она занималась «Услугами» во множественном числе. Конечно, миссис Ричленд могла что-то напутать, но то, что я нашел, говорило об организации, работающей исключительно онлайн. У нее не было никаких продавцов, обходящих дома. Я рассмотрел идею о том, что этот парень и правда был вором по некрологу, усыпляющим бдительность соседей… но это не сработало, потому что он таскал свои образцы по округе еще до смерти мистера Боудича.

Я думал, что продавец журналов был именно тем человеком, который убил мистера Генриха. А, кстати, как именно был убит Генрих? В газет-

ной статье об этом не говорилось. Разве трудно поверить, что маленький человечек, который говорил «прискорбно» и «ха-ха», пытал его, прежде чем убить? Чтобы узнать имя человека с запасом золотых гранул?

Я повернулся с правого бока на левый. Мои ноги вылезли наружу, и я повозился, натягивая на них верхнюю простыню и одеяло.

Но, возможно, в пытках не были необходимости. Может быть, мистер Прискорбно просто сказал Генриху, что, если он назовет имя, то останется жив.

Я снова повернулся на правый бок и опять подтянул сползающее одеяло. Радар вскинула голову, издала хлюпающий звук и снова заснула.

Еще один вопрос: говорил ли детектив Глисон с миссис Ричленд? Если бы он это сделал, то понял бы, что мистер Боудич стал целью вора еще до своей смерти? Или решил бы, что коротышка просто рыскал по окрестности в поисках подходящего объекта? А может, подумал бы, что этот парень — обычный коммивояжер, ходящий от дома к дому. Если, конечно, он вообще потрудился об этом подумать.

И теперь вопрос на джекпот: если мистер Прискорбно-Ха-Ха действительно охотится за

золотом, то вернется ли он?

Справа налево. Слева направо. Подтянуть одеяло.

В какой-то момент я подумал, что чем скорее прослушаю кассету мистера Боудича, тем лучше, и после этого, наконец, уснул. Мне приснилось, что маленький человечек с подпрыгивающей походкой душит меня, а когда я проснулся утром, простыня и одеяло оказались обернуты вокруг моей шеи.

5

В пятницу я пошел в школу, просто чтобы миссис Сильвиус не забыла, как я выгляжу, но в субботу сказал отцу, что иду в дом номер 1, чтобы начать уборку. Он предложил свою помощь.

— Нет, все в порядке. Оставайся дома с Радар. Расслабься, у тебя ведь выходной.

— Ты уверен? В том месте на тебя сразу нахлынут воспоминания.

— Уверен.

— Хорошо, но позвони мне, если что-то тебя расстроит. Или напугает.

— Ладно.

— Жаль, что он так и не сказал тебе код от этого сейфа. Нам действительно придется попросить

кого-нибудь вскрыть его, чтобы мы могли посмотреть, что там. Я поспрашиваю на работе на следующей неделе. Может, кто-то знает взломщика сейфов, который не сидит в тюрьме.

— Правда?

— Расследователи из страховых компаний знакомы со всякими сомнительными людьми, Чарли. Глисон, вероятно, прав — ничего, кроме старых налоговых деклараций — если, конечно, Боудич когда-то заполнял их, а я в этом сомневаюсь, — и пары запонок, но, возможно, там найдутся вещи, которые могут объяснить, кем, черт возьми, он был.

— Что ж, — сказал я, думая о револьвере и магнитофоне, — подумай об этом. И не давай Радар слишком много лакомств.

— Принеси ей лекарство.

— Уже принес, — сказал я. — Оно на кухонном столе.

— Молодец, малыш. Позвони, если я тебе понадоблюсь. Я тут же примчусь.

Мой отец — хороший человек. Особенно с тех пор, как протрезвел. Я уже говорил это раньше, но могу повторить.

6

Вдоль штакетника была натянута желтая лента, какой полиция огораживает место расследования. Расследование (каким бы оно ни было) завершилось, когда Глисон и двое полицейских ушли, но пока папа или я не найдем кого-нибудь, чтобы починить замок на задней двери, я решил оставить ленту на месте.

Я обошел дом сзади, но прежде, чем войти, подкрался к сараю и постоял перед дверью. Изнутри не доносилось никаких звуков — ни царапанья, ни глухих ударов, ни странного мяуканья. «*Больше этого не будет,* — подумал я. — *Он убил то, что издавало эти звуки. Два выстрела, бац-бац — и туши свет*». Я достал его связку ключей, подумал подобрать их, пока какой-нибудь не подойдет к замку, но потом положил обратно в карман. Сначала нужно прослушать запись. И если окажется, что там мистер Боудич просто распевает «Дом на пастбище» или «Велосипед для двоих»[125] под кайфом от оксиконтина, это будет

[125] Примечания: 125

«Дом на пастбище» — одна из самых известных ковбойских песен, прозванная неофициальным гимном Дикого Запада. «Велосипед для двоих» («Дейзи Белл») — популярная песня британского композитора Гарри Дакра, написанная в 1892 году.

отличная шутка. Только я в это не верил. *Все остальное, что тебе нужно, тоже под кроватью,* сказал он мне, а магнитофон был под кроватью.

Я открыл сейф и достал его — старый черный магнитофон, не такое ретро, как телевизор, но и далеко не новый; технологии с тех пор продвинулись далеко вперед. Спустившись на кухню, я поставил магнитофон на стол и нажал кнопку воспроизведения. Ничего, только шипение ленты, проходящей через головку. Я уже начал думать, что это ложный след — что-то вроде того сейфа Аль Капоне, о котором говорил Глисон, — но потом понял, что мистер Боудич просто не перемотал ленту. Может быть, он записывал ее именно тогда, когда с ним случился сердечный приступ. Эта мысль немного напугала меня. *Как это больно,* — сказал он. — *Давит, как чугун.*

Я нажал на перемотку. Лента долго прокручивалась назад. Когда она, наконец, остановилась, я снова нажал кнопку воспроизведения. После нескольких секунд тишины послышался щелчок, сопровождаемый хриплым дыханием, которое я очень хорошо знал. Мистер Боудич начал говорить.

Я сказал, что уверен, что смогу рассказать эту историю, но также уверен, что никто в нее не

поверит. Сейчас ваше неверие и начнется.

7

Твой отец искал информацию обо мне, Чарли? Держу пари, что он это делал, и я сделал бы то же, если бы оказался на его месте. Уверен, что на его работе у него есть возможности для этого. Если так, то он должен был узнать, что некто по имени Адриан Боудич — возможно, мой отец, подумал бы он, а скорее всего, дед — в 1920 году купил землю, на которой стоит этот дом. Но это был не кто-то из них. Это был я. Я рожден как Адриан Говард Боудич в 1894 году, и это означает, что мне сейчас примерно ста двадцать лет от роду. Дом был достроен в 1922 году или, может быть, в 1923-м, точно не помню. И сарай, конечно — мы не должны забывать о сарае. Он построен еще до дома, моими собственными руками.

Говард Боудич, которого ты знаешь, — это человек, который сидит со своей собакой — не забывай о Радар — взаперти у себя дома. Но Адриан Боудич, мой предполагаемый отец, был настоящим бродягой. Дом на Сикамор-стрит, 1 здесь, в Сентри-Рест, был его главной базой, но он отсутствовал там так же часто, как присутствовал. Я наблюдал перемены в городе каждый раз, когда

возвращался в него, как серию моментальных снимков. Меня это увлекало, но в то же время немного разочаровывало. Мне казалось, что многое в Америке шло в неправильном направлении и продолжает идти, хотя в конечном счете все это неважно.

В последний раз я вернулся в роли Адриана Боудича в 1969 году. В 1972-м, когда мне было семьдесят восемь, я нанял смотрителя по имени Джон Маккин — отличный пожилой человек, надежный, ты найдешь данные о нем в городских архивах, если захочешь, — и отправился в свою последнюю поездку, предположительно в Египет. Но в самом деле я поехал не туда, Чарли. Три года спустя, в 1975-м, я вернулся как мой сын, Говард Боудич, в возрасте около сорока лет. Говард предположительно прожил большую часть жизни за границей со своей матерью, которая рассталась с мужем. Мне всегда нравилась эта деталь — почему-то расставание кажется более реальным, чем развод или смерть. Кроме того, это замечательное слово, полное аромата времени. После того, как Адриан Боудич предположительно умер в Египте, я решил остаться в городе и поселился в семейном особняке. Не было никаких сомнений в моем праве собственности, ведь я сам завещал

его себе. Изобретательно, не правда ли?

Прежде чем я расскажу остальное, я хочу, чтобы ты остановил пленку и пошел в сарай. Ты можешь открыть его, у тебя есть мои ключи — по крайней мере, я на это надеюсь. Там нет ничего, что могло бы причинить тебе вред, я вернул доски на место и накрыл их блоками. Боже, какие они тяжелые! Но возьми мой револьвер, если хочешь. И еще фонарик, что лежит в кухонном шкафу. В сарае есть свет, но тебе все равно понадобится фонарик — ты поймешь почему. Посмотри, что там можно увидеть. Тот, которого ты слышал раньше, уже, наверное, полностью исчез, но останки того, что я застрелил, все еще там — по крайней мере, большая их часть. Когда сделаешь шафти, как говорят британцы[126]*, вернись и дослушай остальное. Сделай это обязательно. Поверь мне, Чарли. Я полагаюсь на тебя.*

8

Я нажал кнопку «Стоп» и какое-то время сидел

---

[126] Примечания: 126

Шафти (shufti) — выражение, заимствованное английскими военными в Египте, где оно означает «быстрый взгляд» (от арабского «шаф» — «смотреть»).

не двигаясь. Должно быть, он был сумасшедшим, хотя никогда не казался таким. Он был в ясном уме даже в конце, когда позвонил мне и сказал, что у него сердечный приступ. В этом сарае действительно что-то есть — или было раньше, — это несомненно. Я слышал это, Радар слышала это, и мистер Боудич вошел туда и убил это создание. Но сто двадцать лет? Вряд ли кто-то прожил так долго, разве что один из десяти миллионов, и никто из них не возвращался домой, выдавая себя за собственного сорокалетнего сына. Подобные вещи случались только в историях для детей.

— *Сказки*, — сказал я вслух, и был так взвинчен — так напуган, — что звук собственного голоса заставил меня подпрыгнуть.

Поверь мне, Чарли. Я полагаюсь на тебя.

Я встал, чувствуя себя так, как будто был вне своего тела. Не знаю, как описать это лучше. Поднявшись наверх, я открыл сейф и достал револьвер 45-го калибра, принадлежавший мистеру Боудичу. Он все еще был в кобуре, а кобура все еще висела на поясе кончо[127]. Я застегнул пояс у себя на талии и закрепил кобуру на ноге веревками, чувствуя себя абсурдно, как малень-

[127] Примечания: 127

Мексиканское слово, означающее пояс или другую кожаную вещь с металлическими (обычно серебряными) украшениями.

кий мальчик, играющий в ковбоя. Я ощущал вес револьвера и знал, что он полностью заряжен.

Фонарик был хороший, длинноствольный, вмещающий шесть батареек. Я включил его, чтобы убедиться, что он работает, потом вышел и направился через лужайку к сараю. «*Скоро надо будет снова косить*», — подумал я. Мое сердце билось сильно и быстро. День был не слишком теплым, но я чувствовал, как по щекам и шее стекают капли пота.

Я достал из кармана связку ключей и выронил ее. Наклонившись за ней, больно ударился головой о дверь сарая. Потом стал перебирать ключи. У одного из них была круглая головка с выгравированным на ней словом «Студебеккер» — может быть, от машины. Те, что открывали переднюю и заднюю двери дома, я знал. Еще один был маленьким, возможно, для сейфа — может быть, банковского. Последним был ключ от большого серебряного йельского замка на двери сарая. Я вставил его в замочную скважину, а потом постучал в дверь кулаком.

— Эй! — крикнул я, но очень тихо. Последним, чего я хотел — чтобы меня услышала миссис Ричленд. — Эй, если ты там, уходи! Я вооружен!

Там ничего не было, но я все еще стоял перед

закрытой дверью с фонариком в руке, парализованный страхом. Чего я боялся? Неизвестности, самой страшной вещи на свете.

Обосрись или решись, Чарли, — я представил, как мистер Боудич говорит это.

Наконец я заставил себя повернуть ключ. Дужка замка выскочила из гнезда, я вынул его, вытащил засов и повесил замок на ручку. Легкий ветерок шевелил мои волосы. Я открыл дверь, заскрипели петли. Внутри было темно. Свет внешнего мира, казалось, проникал туда и тут же умирал. На пленке говорилось, что там есть свет, хотя электрические провода к сараю не подходили. Я посветил фонариком по сторонам двери, увидел справа выключатель и повернул. Загорелись две лампы на батарейках, по одной с каждой стороны. Это было похоже на аварийное освещение на случай отключения электричества в школе или кинотеатре. Лампы издавали низкий гудящий звук.

Пол закрывали деревянные доски. В дальнем левом углу были уложены в ряд три доски, придавленные по краям массивными шлакоблоками. Я повернул фонарик вправо и увидел нечто настолько ужасное и неожиданное, что какой-то миг был не в силах это осознать. Я хотел

повернуться и убежать, но не мог пошевелиться. Часть меня думала (насколько могла думать в те несколько секунд), что эта жуткая шутка — какой-то реквизит из фильма ужасов, сделанный из латекса и проволоки. Я мог видеть пятнышко света там, где пуля прошла сквозь стену после того, как поразила то, на что я смотрел.

Это было какое-то мертвое насекомое, громадное, размером со взрослого кота. Оно лежало на спине, его многочисленные ноги торчали кверху. Они были согнуты посередине, как коленки, и поросли жесткими волосками. Черный глаз невидяще уставился на меня. Одна из пуль мистера Боудича разворотила существу брюхо, и его бледные внутренности вылезли из дырки, как убежавшая каша. От этих внутренностей поднимался легкий туман, и когда очередной порыв ветра проскользнул мимо меня (все еще застывшего в дверном проеме с рукой, словно приклеенной к выключателю), еще больше тумана начало подниматься от головы твари и тех мест, которые не закрывали твердые пластины на ее спине. Вытаращенный глаз вдруг провалился внутрь, оставив пустую глазницу, которая, казалось, смотрела на меня так же пристально. Я тихонько вскрикнул, подумав вдруг, что суще-

ство возвращается к жизни. Но нет — оно было мертво как сама смерть. Просто оно разлагалось, и свежий воздух ускорял этот процесс.

Я заставил себя войти внутрь, нацелив фонарик на тушу мертвого жука. В правой руке у меня был пистолет — я даже не помнил, как достал его.

Когда сделаешь шафти, как говорят британцы.

Я догадался, что это значит, когда увидел. Мне не хотелось отходить от двери, но я заставил себя это сделать. Внешняя часть меня шагнула вперед — это и означало «сделать шафти». Внутренняя часть тем временем застыла от ужаса, изумления и неверия. Я направился к доскам с блоками на них. По дороге моя нога задела что-то, и осветив это фонариком, я вскрикнул от отвращения. Это была нога насекомого, или то, что от нее осталось; я мог определить это по волоскам на ней и по согнутому колену. Я пнул ее несильно, на мне были кроссовки, но она все равно разломилась надвое. Я подумал, что это часть того существа, которое я слышал раньше. Оно тоже умерло здесь, и это было все, что от него осталось.

Эй, Чарли, возьми эту ножку! — я представил, как мой отец говорит это, протягивая мне кусок жареной курицы. — *Она ведь лучшая в стране!*

Меня начало тошнить, и я зажимал рот ладонью, пока позывы к рвоте не прошли. Если бы мертвое насекомое сильно воняло, я уверен, что не смог бы сдержаться, но его запах был слабым — возможно, потому что разложение уже зашло слишком далеко.

Доски и шлакоблоки закрывали дыру в полу диаметром около пяти футов. Сначала я подумал, что это колодец, оставшийся со времен, когда здесь не было водопровода, но потом, посветив фонариком между досками, увидел узкие каменные ступеньки, спиралью спускающиеся в шахту. Глубоко в темноте послышались шуршащие звуки и тихое чириканье, от которых я застыл на месте. Это были еще жуки… и не мертвые. Они кинулись прочь от света, и вдруг мне показалось, что я знаю, кто они такие: тараканы. Они были гигантских размеров, но делали то, что всегда делали тараканы, когда на них светили фонариком: убегали со всех ног.

Мистер Боудич закрыл дыру, которая вела вниз, одному Богу известно, куда, но либо он плохо справился с работой — что было на него не похоже, — либо насекомым удалось отодвинуть одну или несколько досок в сторону в течение длительного времени. Например, с 1920 года. Мой

отец рассмеялся бы, услышав это, но он никогда не видел мертвого таракана размером с кота.

Я встал на колено и снова посветил фонариком между досками. Если там и были еще тараканы, то они убежали. Остались только эти ступеньки, по спирали спускающиеся все ниже и ниже. Тогда мне пришла в голову мысль, сначала странная, а потом показавшаяся вовсе не такой уж странной. Я видел «Джека и бобовый стебель» в версии мистера Боудича. Этот стебель шел вниз, а не вверх, но на другом его конце тоже было золото.

Наверняка.

9

Я медленно попятился, выключил лампы на батарейках и в последний раз осветил фонариком страшное существо, лежащее у стены. Теперь от него поднималось еще больше пара и появился запах, похожий на горькую мяту. Свежий воздух действительно сильно влиял на него.

Заперев дверь на замок, я вернулся в дом, вернул фонарик в шкаф и положил револьвер обратно в сейф. Посмотрел на ведерко с золотыми гранулами, но не почувствовал никакого желания совать в него руки, по крайней мере сегодня. Что, если я дотянусь до дна и нащупаю там кусок

волосатой лапки насекомого?

Когда я добрался до крыльца, у меня подкосились ноги, и мне пришлось ухватиться за перила, чтобы не упасть. Я сел на ступеньки, дрожа всем телом. Через минуту или две я смог взять себя в руки и подняться наверх, цепляясь за перила прямо как мистер Боудич. Я тяжело опустился за кухонный стол и посмотрел на магнитофон. Часть меня хотела извлечь кассету, порвать ее на длинные коричневые ленты и выбросить в мусорное ведро. Но я этого не сделал. Не смог.

Поверь мне, Чарли. Я полагаюсь на тебя.

Я нажал кнопку воспроизведения, и на мгновение мне показалось, что мистер Боудич был со мной в комнате, видел, как я напуган — и как изумлен — и хотел успокоить меня. Чтобы отвлечь меня от мыслей о том, как глаз этого огромного насекомого провалился внутрь, оставив смотрящую на меня пустую глазницу. И он отвлек — по крайней мере, немного.

10

Это просто тараканы, и они не опасны. Яркий свет обращает их в бегство. Если ты не убежал с воплями при виде того, которого я застрелил, — а это не похоже на мальчика, которого я знаю, —

тогда ты посмотрел сквозь доски и увидел там колодец и ступени, ведущие вниз. Иногда оттуда поднимается несколько тараканов, но только когда начинается потепление. Я не знаю почему, но наш воздух смертельно опасен для них. Они начинают разлагаться, еще только приближаясь к этим доскам, но все равно пытаются пробиться сквозь них. Какая-то инстинктивная тяга к смерти? Кто знает? Последние несколько лет я небрежно относился к поддержанию в целости заслона над колодцем, в эти годы я был небрежен ко многим вещам… и вот они пробрались сюда. Уже много лет такого не случалось. Тот, которого ты слышал весной, умер сам по себе, от него теперь не осталось ничего, кроме ноги и одного из усиков. Про другого ты уже знаешь. Но они не опасны. Они не кусаются.

Я называю это колодцем миров по названию старого ужастика писателя по имени Генри Каттнер[128]*, и на самом деле я его не нашел. Я провалился в него.*

Расскажу тебе эту историю, как смогу.

Я, Адриан Боудич, родился в Род-Айленде. Я был

---

[128] Примечания: 128

Генри Каттнер (1915–1958) — известный американский фантаст, работавший и в жанре хоррора. Его роман «Колодец миров» опубликован в 1952 году.

способен к математике и любил читать, ты это знаешь… Однако мне было наплевать и на школу, и на моего отчима, который бил меня, когда в его жизни что-то шло не так. А это случалось часто, поскольку он сильно пил и не мог удержаться ни на одной работе больше нескольких месяцев. Когда мне было семнадцать, я сбежал от него и отправился на север, в Мэн. Будучи крепким парнем, я попал в бригаду лесозаготовителей, которая работала в графстве Арустук[129]*. Это было в 1911 году, как раз когда Амундсен добрался до Южного полюса. Помнишь, я говорил тебе, что был простым дровосеком? Это сущая правда.*

Дровосеком я проработал шесть лет. Потом, в 1917 году, в наш лагерь явился солдат, сообщивший, что все здоровые мужчины должны зарегистрироваться для призыва в почтовом отделении Айленд-Фоллс. Несколько парней помоложе, включая меня, забрались в грузовик, но мне вовсе не хотелось становиться частью военной машины где-нибудь во Франции. Я решил, что в этой машине и без меня достаточно пушечного мяса, поэтому сказал «пока» ребятам, когда они выстроились в очередь на регистрацию,

---

[129] Примечания: 129

Обширный лесной район на севере штата Мэн, упоминаемый во многих произведениях Кинга.

и забрался в грузовик, направляющийся на запад. Я оказался в Джейнсвилле, недалеко от того места, где мы сейчас находимся, и записался в бригаду лесорубов. Когда работа там закончилась, я перебрался на вырубку в графство Сентри, который теперь стало графством Аркадия. В наше графство.

Работы здесь было немного, и я думал о том, чтобы двигаться дальше, может быть, в Вайоминг или Монтану. Моя жизнь была бы совсем другой, если бы я сделал это, Чарли. Я бы прожил нормальную жизнь, и мы бы никогда не встретились. Но в Баффингтоне, где сейчас находится заповедник, я увидел табличку с надписью «ТРЕБУЕТСЯ ЗЕМЛЕМЕР». Ниже было то, что мне показалось очень подходящим: «ДОЛЖЕН РАЗБИРАТЬСЯ В КАРТАХ И ЛЕСАХ».

Я пошел в окружной офис и, прочитав несколько карт — широту, долготу, высотность и тому подобное, — получил работу. Сынок, я чувствовал себя человеком, который свалился в кучу дерьма, а вынырнул оттуда с розой в зубах. Я должен был проводить каждый гребаный день, бродя по лесу, сжигая валежник и нанося на карту старые просеки, которых было очень много. Часть ночей я проводил с семьей, которая приютила меня, а

остальное время ночевал под звездами. Это было здорово. Бывали времена, когда я по нескольку дней не видел ни одной живой души. Это подходит не всем, но мне нравилось.

Осенью 1919 года в один из дней я оказался на Платановом холме, в том месте, которое тогда называлось лесом Сентри. Здесь уже стоял городок Сентри-Рест, но на самом деле это была просто деревня, а Сикамор-стрит заканчивалась у реки Литтл-Рампл. До постройки моста — первого моста — оставалось еще по крайней мере пятнадцать лет. Район, в котором ты вырос, появился только после Второй мировой войны, когда солдаты вернулись домой.

Я шел по лесу, где сейчас находится мой задний двор, продирался сквозь заросли кустарника и искал грунтовую дорогу, которая должна была быть где-то впереди, не думая ни о чем, кроме как о том, где в этой глуши молодой человек может выпить. Только что я гулял под солнцем, а в следующее мгновение оказался в колодце миров.

Если ты посветил фонариком между досками, то знаешь, как мне повезло, что я не разбился. Там нет перил, а ступени вьются вокруг крутого обрыва — его высота около ста семидесяти пяти футов. Стены там выложены камнем, если ты

заметил. Колодец очень старый. Одному Богу известно, сколько ему лет. Некоторые камни выпали и свалились на дно, там их целая куча. Падая в сторону обрыва, я выбросил вперед руку и попал как раз в то место, откуда выпал камень. Оно было не шире трех дюймов, но этого было достаточно, чтобы ухватиться. Я прижался спиной к изгибу стены, глядя на дневной свет и ярко-голубое небо, мое сердце билось, казалось, со скоростью двести ударов в минуту, пока я гадал, во что, черт возьми, вляпался. Конечно, это был не обычный колодец — в обычном не бывает ступенек, ведущих вниз, и каменных блоков по стенам.

Когда я смог отдышаться — трудно дышать нормально, когда ты только что чудом не разбился насмерть в какой-то черной дыре, — так вот, когда я отдышался, я снял с пояса электрический фонарик и посветил вниз. Я ни черта не видел, но слышал шорохи, значит, там было что-то живое. Я не волновался, в те дни я всегда носил на поясе пистолет в кобуре, потому что в лесу было небезопасно. Беспокоиться приходилось не столько о животных — хотя тогда здесь были медведи, и немало, — сколько о людях, особенно пьяных, но я не думал, что в той дыре

был самогон. Я не знал, что это может быть, но отличался любознательностью и был полон решимости посмотреть.

Я поправил свой рюкзак, который съехал со спины, когда я упал на ступеньки, и начал спускаться вниз. Вниз и вниз, круг за кругом. Колодец миров имеет глубину сто семьдесят пять футов и сто восемьдесят пять каменных ступеней разной высоты. В конце его находится туннель с каменными стенами — или, может быть, лучше назвать его коридором. Он достаточно высокий, чтобы ты, Чарли, мог пройти по нему, не пригибаясь.

У подножия лестницы было грязно, но когда я прошел немного дальше — теперь я знаю, что длина этого туннеля составляет чуть больше четверти мили, — пол стал каменным. Шелестящий звук становился все громче, как шум бумаг или листьев, разносимых ветерком. Вскоре этот звук был уже у меня над головой. Я посветил фонариком и увидел, что потолок покрыт самыми большими летучими мышами, которые мне когда-либо встречались. Размах крыльев у

них, как у грифа-индейки[130]. От света они зашуршали еще сильнее, и я быстро опустил фонарик, не желая, чтобы они летали вокруг меня. Мысль о том, что они задушат меня своими крыльями, вызвала у меня то, что моя мать называла фантодами[131]. Змеи и большинство насекомых меня нисколько не пугали, но я всегда испытывал страх перед летучими мышами. У каждого есть свои фобии, правда?

Я шел все дальше и дальше, по крайней мере, милю, и мой фонарик начал гаснуть — ведь в те времена не было батареек «Дураселл». Иногда над головой висели гроздья летучих мышей, а иногда нет. Я решил вернуться, пока не остался в темноте, и как раз в этот момент мне показалось, что я вижу впереди отблеск дневного света. Выключив фонарик, я действительно разглядел свет.

Я направился к нему, думая, где могу оказаться. Мне представлялось, что это был северный берег Литтл-Рампл, потому что я вроде бы шел на юг, хоть и не был в этом уверен. Я шел к этому свету,

---

[130] Примечания: 130

Гриф-индейка (Cathartes aura) или индюшачий стервятник — одна из самых распространенных птиц-падальщиков в Латинской Америке, размах крыльев которой достигает 180 см.

[131] Примечания: 131

Редкое слово, обозначавшее в англо-американской литературе XIX века испуг, нервное возбуждение.

и в тот момент, когда я был уже близок к нему, со мной что-то случилось. Я не могу описать это как следует, но должен попытаться на случай, если ты решишь пойти, так сказать, по моим стопам. Это напоминало головокружение, но было чем-то большим. Казалось, Чарли, что я превратился в призрака, мог смотреть на свое тело сверху и видеть его насквозь. Я как будто стал бестелесным и, помню, подумал тогда, что на самом деле все мы на этой земле просто призраки, пытающиеся поверить, что у нас есть вес и место в мире.

Это продолжалось, может быть, секунд пять. Я продолжал идти, хотя на самом деле, казалось, меня там не было. Потом это чувство прошло, я дошел до отверстия в конце туннеля, но вышел через него не на берег Литтл-Рампл, а на склон холма. Подо мной расстилалось поле великолепных красных цветов. Маки, как я подумал, но с запахом корицы. Я подумал: «Кто-то расстелил для меня красную ковровую дорожку!» Тропинка вела через них к дороге, где я мог видеть маленький дом вроде коттеджа с дымом, идущим из трубы. Далеко у горизонта, куда уходила дорога, виднелись шпили большого города.

Тропинка была едва заметна, как будто по

ней очень давно никто не ходил. Когда я начал спускаться, ее перепрыгнул кролик, который был вдвое больше земного. И тут же скрылся в траве и цветах.

Наступила пауза, но я слышал дыхание мистера Боудича. Дышал он очень тяжело, а потом продолжил:

Это девяностоминутная кассета, Чарли. Я нашел целую коробку их среди хлама на третьем этаже, лежащего там с тех времен, когда кассеты еще не стали такими же устаревшими, как трехцентовые марки. Я мог бы заполнить четыре из них, или пять — может, даже всю коробку. У меня было много приключений в том, другом мире, и я бы рассказал о них, если бы у меня было время. Но я не думаю, что оно есть. С тех пор, как я немного потренировался в стрельбе по мишеням в сарае, я неважно себя чувствую. У меня болит левая часть груди и левая рука до локтя. Иногда это проходит, но тяжесть в груди остается. Я знаю, что означают такие симптомы. Внутри меня назревает буря, и думаю, что она скоро разразится. Мне очень жаль. Однажды я говорил тебе, что храбрый человек помогает, а трус лишь приносит подарки. Помнишь это? Я приносил подарки потому что знал, что у ме-

ня не хватит смелости помочь, когда придут ужасные перемены. Я сказал себе, что слишком стар, поэтому взял золото и сбежал. Как Джек, спешащий вниз по бобовому стеблю. Только он был всего лишь мальчишкой, а я должен был поступить иначе.

Если ты отправишься в тот другой мир, где ночью в небе восходят две луны и нет ни одного созвездия, которое когда-либо видели наши астрономы, тебе нужно знать некоторые вещи, так что слушай меня внимательно. Воздух нашего мира смертелен для созданий того мира, за исключением, я думаю, летучих мышей. Однажды я принес сюда в качестве эксперимента кролика, и он очень скоро умер. Но их воздух не смертелен для нас, и это радует.

Когда-то тот город был величественным местом, но теперь он опасен, особенно ночью. Если ты доберешься до него, иди только днем и веди себя очень тихо, как только пройдешь через ворота. Он может показаться заброшенным, но это не так. То, что там правит, губительно и ужасно, а то, что скрыто под ним, еще ужаснее. Я пометил путь к площади за дворцом так же, как раньше помечал деревья в лесу — своими инициалами АБ. Если ты будешь следовать им — и сохранишь

спокойствие, — с тобой все будет в порядке. Если ты этого не сделаешь, то останешься бродить в этом страшном городе до самой смерти. Я говорю как человек, знающий это точно. Без моих меток я бы так и остался там — мертвый или безумный. То, что когда-то было великим и прекрасным, теперь сделалось серым, проклятым и больным.

Последовала еще одна пауза. Хриплое дыхание стало громче, а когда он заговорил снова, его голос был резким, совсем не похожим на обычный. У меня возникла мысль — почти уверенность, — что в то время, когда он говорил эти слова, я был в школе, либо направляясь на урок химии, либо уже сидя там и определяя температуру кипения ацетона.

Радар была там со мной, еще маленькой, едва ли больше щенка. Она без малейшего страха спустилась по ступенькам колодца. Ты знаешь, что она ложится, когда ей командуют «лежать», и она знает, что нужно вести себя тихо, когда дается эта команда. В тот день я дал ее, и мы прошли под гроздьями летучих мышей, не потревожив их. Она перешла то, что я привык называть границей, без заметных последствий. Пришла в восторг от поля красных цветов, прыгая и ка-

таясь среди них. И полюбила старушку, которая живет в коттедже. Большинство людей нашего мира с отвращением отвернулись бы от той, какая она сейчас, но я верю, что собаки чувствуют внутреннюю природу, игнорируя внешность. Не слишком ли это романтично? Возможно, но, похоже, есть способ...

Стоп. Нельзя болтать без умолку. Нет времени.

Ты можешь взять Радар с собой, возможно, после того, как сделаешь шуфти сам — но, может быть, и сразу. Потому что времени у нее остается все меньше. С новым лекарством она, возможно, сможет снова пройти этот путь. Если сможет, то я уверен, что воздух этого места оживит ее. По крайней мере, насколько это возможно.

Когда-то в городе проходили игры, и тысячи людей, пришедших их посмотреть, собирались на площади, о которой я говорил, ожидая входа на стадион, который является частью дворца... или приставкой к нему, как ты бы, наверное, сказал. Рядом с этой площадью находятся огромные солнечные часы, достигающие, должно быть, ста футов в диаметре. Они вращаются, как карусель

в романе Брэдбери[132]. Думаю, что они… Неважно, лучше подумай вот о чем: солнечные часы — это секрет моего долголетия, и я заплатил за него определенную цену. Ты ни за что не должен вставать на них сам, но если ты прокатишь на них Радар…

О Боже. Думаю, это начинается. Боже мой!

Я сидел, сжав руки перед собой на кухонном столе, и наблюдал за вращающимися барабанами кассеты. Через окошко магнитофона я мог видеть, что пленка приближается к той точке, с которой я его перемотал.

Чарли, мне неприятно думать о том, чтобы отправить тебя к источнику стольких земных ужасов, и я не могу тебе приказывать, но солнечные часы там, и золото тоже там. Огни приведут тебя к нему. АБ — запомни это.

Я завещаю тебе этот дом и землю, но это не подарок. Это тяжкое бремя. С каждым годом оно стоит все больше, и каждый год налоги растут. Но есть вещи хуже налоговых инспекторов, гораздо хуже… Я живу в страхе перед тем юридическим кошмаром, который известен как

---

[132] Примечания: 132

Имеется в виду уже упоминавшийся роман «Что-то страшное грядет».

выдающееся владение[133]*, и я… ты… мы…*

Теперь он задыхался и сглатывал через каждое слово, эти мучительные глотки бесстрастно фиксировались на пленке. Я чувствовал, как мои ногти впиваются в ладони. Когда он снова заговорил, в его голосе чувствовалось страшное усилие:

Послушай, Чарли! Можешь ли ты себе представить, что произойдет, если люди узнают, что в пределах досягаемости есть другой мир? Мир, куда можно попасть, просто спустившись по ста восьмидесяти пяти каменным ступеням и пройдя по коридору длиной не более мили? Если правительство осознает, что они нашли новый мир для эксплуатации теперь, когда ресурсы этого почти исчерпаны? Испугаются ли они Губителя Летучих или пробудят ужасного бога этого места от его долгого сна? Могли ли они понять все последствия… но ты … если у тебя будут средства… ты смо…

Послышались скрежет и звяканье. Когда он заговорил снова, его голос был все еще слышен, но

---

[133] Примечания: 133

Выдающееся владение (англ. Eminent domain) — закон США о праве штата или федерального правительства забирать частную собственность для общественного пользования при условии справедливой компенсации первоначальному владельцу.

гораздо слабее. Он явно отодвинулся от магнитофона с его маленьким встроенным микрофоном.

У меня сердечный приступ, Чарли… ты уже знаешь, я звонил тебе… Тебе нужен адвокат Леон Брэддок, в Элджине. И бумажник. Под кроватью. Все остальное, что тебе нужно, тоже под кро…

Раздался последний щелчок, за которым наступила тишина. Он либо выключил запись нарочно, либо задел маленькую кнопку СТОП, слепо шаря вокруг рукой. Я был рад этому. Мне не хотелось слушать, как он мучается в свой последний час.

Закрыв глаза, я просидел так некоторое время. Не знаю, как долго — может быть, минуту, может, три. Помню, как один раз протянул в темноте руку, думая, что прикоснусь к Радар и найду то утешение, которое всегда испытывал, гладя ее. Но Радар здесь не было. Она находилась ниже по склону в нормальном доме с нормальным задним двором без дырки в земле и безумного колодца миров.

Что же мне было делать? Что, во имя всего Святого?

Для начала я вынул кассету из аппарата и положил в карман. Это была опасная вещь, может быть, самая опасная на земле… но только в том

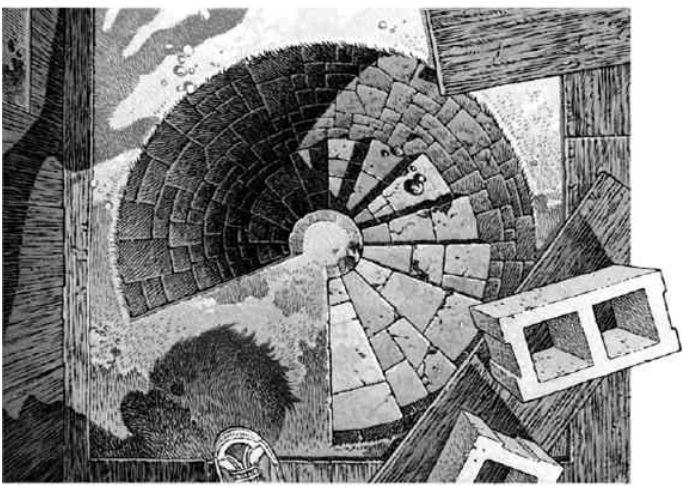
случае, если люди поверят, что это не просто бред старика, перенесшего сердечный приступ. А они, конечно, не поверят. Если только…

Поднявшись на ноги, которые казались ватными, я пошел к задней двери. Взглянул на сарай, который мистер Боудич — гораздо более молодой мистер Боудич — построил над колодцем миров. Я смотрел на него довольно долго. Если бы кто-то вошел туда…

Боже милостивый!

Я пошел домой.

Глава одиннадцатая
Тот вечер. Школьное оцепенение. Папа уезжает. Колодец миров. Другой мир. Старушка. Неприятный сюрприз



1

— С тобой все в порядке, Чарли?

Я оторвал взгляд от книги, в которую глубоко погрузился. Я мог бы сказать, что ничто не могло отвлечь меня от кассеты, которую я прослушал на кухне мистера Боудича — теперь она была спрятана на верхней полке моего шкафа под стопкой старых футболок. Но книга, которую я взял в спальне мистера Боудича, создавала свой собственный мир. Радар спала рядом со мной, время от времени издавая негромкий храп.

— А?

— Я спросил, все ли с тобой в порядке. Ты едва притронулся к ужину и весь вечер был будто не в себе. Думаешь о мистере Боудиче?

— Ну да, — это была правда, хоть и не совсем та, о которой думал папа.

— Скучаешь по нему?

— Скучаю. Очень, — я наклонился и погладил Радар по голове. Теперь это моя собака. Моя собака и моя ответственность.

— Что ж, так и должно быть. С тобой все будет в порядке на следующей неделе?

— Конечно, а что?

Он испустил такой терпеливый вздох, какой, я думаю, могут испускать только папы.

— Слушай, я уже говорил тебе об этом. Наверно, ты думал тогда о чем-то другом. Во вторник утром я уезжаю на четыре чудесных дня в северные леса. Это выездная конференция страховщиков, и Линди добыл для меня приглашение. Там будет много обычных рабочих семинаров, ничего особенного, и несколько по проверке мошеннических претензий — а вот это очень важно, особенно для фирмы, которая только встает на ноги.

— Как твоя.

— Как моя. Кроме того, будут тренинги по взаимодействию, — он закатил глаза.

— А выпивка будет? — спросил я

— Будет, и много, но тут я пас. А со своими делами ты справишься?

— Конечно, — если только не заблужусь в городе, который, по словам мистера Боудича, был очень опасным и управлялся каким-то спящим богом.

И если, конечно, я вообще туда пойду.

— Со мной все будет в порядке. Если что-нибудь случится, я тебе позвоню.

— Ты улыбаешься. Что-то смешное?

— Только то, что мне больше не десять, папа — на самом деле, меня заставил улыбнуться вопрос, есть ли в колодце миров сотовая связь. Я предполагал, что «Верайзон»[134] еще не освоила эту территорию.

— Уверен, что я ничем не могу тебе помочь?

Скажи ему, подумал я.

— Нет, все хорошо. А что такое тренинг по взаимодействию?

— Сейчас покажу. Вставай, — он тоже встал. — Теперь становись позади меня.

Я положил книгу на стул и встал позади него.

— Мы должны доверять команде, — сказал папа. — Не то чтобы у меня на самом деле была команда, поскольку это шоу одного актера, но я могу быть хорошим игроком. Мы лазаем по деревьям с…

— *Деревья*? Ты лазаешь по деревьям?

— Я и раньше лазил, иногда не совсем трезвый. С корректировщиком. Мы все это делали, кроме Вилли Дигана, у которого кардиостимулятор.

— Господи, папа!

— И мы делаем вот так, — он без предупре-

---

[134] Примечания: 134

«Верайзон Коммьюникейшенс» («Verizon Communications») — американская телекоммуникационная компания.

ждения упал на спину, не выставив перед собой руки. Я больше не занимался спортом, но с моими рефлексами все было в порядке. Поймав его и посмотрев на его опрокинутое лицо, я увидел, что глаза у него закрыты и он улыбается. Я любил его и за эту улыбку. Отпустив, я помог ему подняться на ноги. Радар сонно посмотрела на нашу возню, хрипло тявкнула и снова опустила голову.

— Мне придется доверять тому, кто стоит за мной — вероятно, это будет Норм Ричардс, — но тебе я доверяю больше, Чарли. Мы ведь семья.

— Это здорово, папа, но не падай ни с каких деревьев. Забота об одном упавшем — это мой предел. Теперь я могу почитать книгу?

— Попробуй, — он поднял ее со стула и посмотрел на обложку. — Это мистера Боудича?

— Да.

— Я читал ее, когда был в твоем возрасте или даже младше. Насколько я помню, Безумный карнавал там проходит в городке прямо здесь, в Иллинойсе.

— Шоу Кугера и Дарка «Пандемониум теней».

— Все, что я помню — это то, что там была слепая гадалка. Очень жуткая.

— Да, Пыльная Ведьма жуткая, все верно.

— Ты читай, а я буду смотреть телевизор и

отключать свои мозги. Но смотри, чтобы тебе не приснились кошмары.

«*Если я вообще засну*», — подумал я.

2

Хотя Радар после приема нового лекарства могла подняться по лестнице, я пошел в спальню для гостей, и она направилась за мной, уже чувствуя себя у нас как дома. Я разделся до трусов, подложил под голову дополнительную подушку и продолжил читать. На записи мистер Боудич сказал, что на площади за дворцом были громадные солнечные часы, которые вращались, как карусель в романе Брэдбери, и в этом заключался секрет его долголетия. Эти часы позволили ему вернуться домой достаточно молодым, чтобы выдать себя за собственного сына. В «Чем-то страшном» карусель могла сделать вас старше, когда крутилась вперед, и моложе, когда двигалась в обратном направлении. Но мистер Боудич сказал что-то еще или начал говорить. Я уверен, что… но неважно.

Начал ли он говорить, что Рэй Брэдбери почерпнул идею своей карусели из солнечных часов в том, другом мире? Идея выиграть или потерять годы на карусели была безумной, но мысль о том,

что уважаемый американский автор посетил то место, была еще более безумной. Разве не так? Брэдбери провел свое раннее детство в Уокигане, который находился менее чем в семидесяти милях от Сентри-Рест. Краткое ознакомление со статьей о Брэдбери в «Википедии» убедило меня, что это просто совпадение, если только он не побывал в другом мире маленьким ребенком. И если этот другой мир существовал. Как бы то ни было, ко времени, когда он был в моем возрасте, он жил уже в Лос-Анджелесе.

Думаю, что они… Неважно

Я отметил место, до которого дочитал, и положил книгу на пол. Я был почти уверен, что Уилл и Джим переживут свои приключения, но предполагал, что они никогда уже не будут невинными. Дети не должны сталкиваться с ужасными вещами — я знал это по собственному опыту.

Я встал и натянул штаны.

— Давай, Радар. Тебе нужно выйти полить траву.

Она пошла довольно охотно, совсем не хромая. Утром она снова будет хромать, но после небольшой тренировки ее походка выровняется. По крайней мере, так было до сих пор. Это продлится недолго, если помощница ветеринара была

права. Она сказала, что удивится, если Радар доживет до Хэллуина, а до него оставалось всего пять недель. Точнее, немного меньше.

Радар обнюхала лужайку. Я посмотрел на звезды, отыскивая те, что знал — Пояс Ориона и Большую Медведицу. По словам мистера Боудича, в том другом мире было две луны и созвездия, которых наши астрономы никогда не видели.

Все это невозможно.

И все же колодец был там. И ступеньки. И этот ужасный таракан. Я видел все это своими глазами.

Радар присела на задние лапы в свойственной ей изящной манере, а потом подошла ко мне в поисках лакомства. Я дал ей половину взятого с собой печенья и повел обратно в дом. Потом читал допоздна, когда отец уже лег спать. Пришло время и мне сделать то же самое. Собака мистера Боудича — моя собака — плюхнулась на пол со вздохом и тихим (даже тишайшим) пуканьем. Я выключил свет и уставился в темноту.

Расскажи папе все. Отведи его в сарай. Таракан, которого подстрелил мистер Боудич, все еще будет там — во всяком случае, часть его, — и даже если он испарился, там будет колодец. Это тяжело, так разделите груз на двоих.

Сохранит ли мой отец эту тайну? Как бы я его ни любил, я не верил, что он это сделает. У «Анонимных Алкоголиков» есть сотни лозунгов и речевок, и один из них гласит: «Ты болен, пока у тебя есть секреты». Может быть, он проговорится Линди? Или надежному товарищу по работе? Или своему брату, моему дяде Бобу?

Потом я вспомнил кое-что из школы, что было в шестом или седьмом классе. Американская история, мисс Гринфилд. Это была цитата из Бенджамина Франклина: «Трое могут хранить тайну, если двое из них мертвы».

Можешь ли ты представить, что произойдет, если люди узнают, что там, внизу, есть другой мир?

Это был вопрос мистера Боудича, и я думал, что знаю на него ответ. Это место будет отнято у меня. «Кооптированно», — как сказал бы мой хипповатый учитель истории. Дом на Сикамор-стрит, 1 станет сверхсекретным правительственным объектом. Да и весь район, как я понимал, будет очищен от жителей. А потом начнется использование этого открытия, и, если мистер Боудич прав, последствия могут быть ужасными.

Наконец я заснул, но мне приснилось, что я проснулся и что-то шевелится под кроватью. Во

сне я знал, что это было — гигантский таракан, только из тех, что кусаются. Я проснулся рано утром, убежденный, что это правда. Но Радар бы залаяла, а она крепко спала, пробираясь сквозь какой-то собственный непостижимый сон.

3

В воскресенье я отправился в дом мистера Боудича, чтобы начать то, что собирался накануне — уборку. Конечно, кое-чего я сделать не мог; вспоротые подушки и изрезанные обои должны были подождать. Но там было много другого, чем мне пришлось заниматься, причем в два захода — в первый раз я взял с собой Радар, и это было ошибкой. Она бродила из комнаты в комнату нижнего этажа в поисках мистера Боудича. Казалось, вандализм ее не расстроил, но она яростно лаяла на диван, время от времени оглядываясь на меня с немым укором. Разве я не видел, в чем дело? Хозяин, ее хозяин куда-то исчез!

Я заставил ее пойти за мной на кухню и велел спуститься во двор, но она не послушалась, продолжая неотрывно смотреть в сторону гостиной. Тогда я предложил ей куриные чипсы, ее любимую закуску, но она выплюнула их на линолеум. Тут я решил отвести ее домой и оставить с папой,

но, увидев поводок, она очень ловко пробежала через гостиную и устремилась вверх по лестнице. Я нашел ее в спальне мистера Боудича, свернувшейся калачиком на импровизированной лежанке из одежды, выброшенной из шкафа. Казалось, с ней все в порядке, поэтому я вернулся вниз и начал убираться.

Около одиннадцати я услышал, как она стучит когтями по лестнице. Вид ее ранил мое сердце. Она не хромала, но двигалась медленно, повесив голову и опустив хвост. Она посмотрела на меня с выражением, яснее слов спрашивающим: «Где он?»

— Давай, девочка, — сказал я. — Давай уведем тебя отсюда.

На этот раз она не протестовала против поводка.

4

Во второй половине дня я сделал наверху все, что мог. Маленький человечек в бейсболке «Уайт Сокс» и вельветовых штанах (если предположить, что это был он) не причинил никакого вреда третьему этажу — по крайней мере, я этого не заметил. Я думал, что он сосредоточил внимание на втором этаже — и на сейфе, как только

нашел его. Он явно следил за временем, зная, что похороны одинокого старика продлятся недолго.

Я собрал свою одежду и сложил в небольшую кучку на верхней площадке лестницы, собираясь отнести ее домой. Потом принялся за спальню мистера Боудича: поставил на место кровать, которая была перевернута, снова повесил в шкаф его одежду (попутно заправив в ней карманы) и собрав с пола набивку подушек. Я был зол на мистера Прискорбно-Ха — Ха за то, что казалось мне почти осквернением могил, но не мог не думать о некоторых вещах, которые я сам вытворял с Берти Бердом — собачье дерьмо на ветровых стеклах, петарды в почтовых ящиках, перевернутые мусорные баки, надпись «ИИСУС ДРОЧИТ», выведенную краской из баллончика на стене методистской церкви. Правда, нас ни разу не поймали, и все же я это делал. Глядя на хаос, оставленный мистером Ха-Ха, я поймал себя на этом чувстве — тогда я был ничуть не лучше этого маленького человечка со странной манерой ходить и говорить. В некотором смысле даже хуже. У маленького человечка, по крайней мере, был мотив: он искал золото. А Берд и я были просто парой великовозрастных дебилов.

Правда, Берд и я никогда никого не убивали. А

мистер Ха-Ха, если я не ошибался, сделал именно это.

Один из книжных шкафов в спальне был опрокинут. Я поднял его и стал расставлять упавшие книги на полки. В самом низу стопки лежал тот научный том, который лежал на его тумбочке вместе с романом Брэдбери, который я сейчас читал. Я поднял его и взглянул на обложку: воронка, заполняющаяся звездами. «Истоки фэнтези и его место в мировой матрице» — что за заголовок. И юнгианские перспективы в придачу. Я заглянул в указатель, чтобы посмотреть, нет ли там чего-нибудь про Джека и бобовый стебель. Оказалось, что так оно и было. Я попытался прочитать текст, а потом просто сфотографировал. Это было то, что я терпеть не мог — унылое академическое чтиво, полное заумных словечек по пять долларов каждое и вымученного синтаксиса. Может быть, я проявил тогда интеллектуальную леность, а может, и нет.

Насколько я мог понять, автор этой конкретной главы утверждал, что на самом деле историй о бобовом стебле было две: кровожадный оригинал и улучшенная версия, которую дети получили в одобренных мамами «Маленьких золотых книжках» и мультиках. В итоге произошла би-

фуркация (одно из тех самых пятидолларовых слов) на два мифологических потока — темный и светлый. Темный был связан с радостями грабежа и убийства (это когда Джек срубил бобовый стебель и великан расшибся в лепешку). Светлый же имел отношение к тому, что автор назвал «эпистемологией витгенштейновских религиозных верований», и если вы знаете, что это значит или хотя бы где это можно выяснить, вы куда умнее меня.

Я поставил книгу на полку, вышел из комнаты, а потом вернулся, чтобы взглянуть на обложку. Внутри было полно скучных многосоставных предложений, не дающих глазам отдохнуть, но обложка была лирической и столь же совершенной в своем роде, как стихотворение Уильяма Карлоса Уильямса о красной тачке[135] — воронка, наполняющаяся звездами.

5

В понедельник я зашел в учительскую к своей старой подруге миссис Сильвиус и спросил ее,

---

[135] Примечания: 135

«Красная тачка» — стихотворение американского поэта-модерниста Уильяма Карлоса Уильямса (1883–1963) из сборника «Весна и все» 1923 года.

могу ли я взять во вторник положенный мне раз в семестр день общественной работы. Она наклонилась ко мне через стол и заговорила тихим, доверительным голосом:

— Неужели я чувствую запах мальчика, который хочет прогулять уроки? Я спрашиваю только потому, что ученики должны уведомлять об этом по крайней мере за неделю до того, как им потребуется такой день. Это не обязательно, Чарли, но весьма желательно.

— Но мне и правда нужно, — сказал я, серьезно глядя ей в глаза. Это был полезный прием при вранье, которому я научился у Берти Берда. — Я собираюсь обойти магазины в центре города и предложить им присоединиться к программе «Опекай».

— Опекай кого? — миссис Сильвиус невольно заинтересовалась.

— Ну, обычно это опека над дорогами, я занимался этим от «Кей Клаб»[136], но теперь я хочу пойти дальше. Убедить владельцев магазинов взять под опеку парк — у нас ведь их шесть, вы знаете — или подземный переход — многие из

[136] Примечания: 136

Key Club International — международная организация учащихся старших классов, с помощью которой они могут организовывать всевозможные общественные мероприятия.

них в ужасном состоянии, просто позор для города. Может даже пустырь, если я смогу убедить…

— Я понимаю, к чему ты клонишь, — она взяла бланк и что-то нацарапала на нем. — Отнеси это своим учителям, получи разрешение от всех и верни мне.

Когда я уже уходил, она добавила:

— Чарли, я все еще чувствую запах прогульщика. Ты им просто пропах.

Я не совсем лгал о своем плане общественной работы, но скрывал правду о том, для чего мне нужен выходной. На пятом уроке я пошел в библиотеку, взял буклет «Молодежной палаты Соединенных Штатов»[137], в котором были перечислены все магазины в центре, и отправил их владельцам электронные письма, просто изменив фамилии и названия разных проектов по кураторству, которые я придумал. Это заняло полчаса, и у меня осталось еще двадцать минут до звонка на перемену. Подойдя к мисс Норман, я спросил, есть ли у нее «Сказки братьев Гримм». Бумажной книги в библиотеке не нашлось, по-

[137] Примечания: 137

Молодежная палата Соединенных Штатов, также известная как Jaycees или JC, является организацией по обучению навыкам лидерства для людей в возрасте от 18 до 40 лет.

этому она вручила мне киндл[138] с наклейкой «СОБСТВЕННОСТЬ ШКОЛЫ ХИЛЛВЬЮ» на обороте и дала одноразовый код для загрузки книги.

Я не читал ни одной сказки, только пробежал глазами содержание и бегло просмотрел введение. Меня заинтересовало (но совсем не удивило) то, что у большинства тех сказок, что я знал с детства, были более темные версии. Оригинал «Златовласки и трех медведей» был народной сказкой, которая существовала с XVI столетия, и в ней отсутствовала девочка по имени Златовласка. Главной героиней была мерзкая старуха, которая вторглась в дом медведей, переломала там все, а потом вылезла в окно и убежала в лес, хихикая. «Румпельштильцхен» оказался еще хуже. В варианте, который я смутно помнил, старый Румпель в гневе улетел, когда девушка, которой было поручено превратить солому в золото, угадала его имя. Но в версии братьев Гримм 1857 года он уперся одной ногой в землю, схватился за другую и разорвал себя пополам. Я подумал, что этот ужастик ничуть не хуже франшизы «Пила».

Шестым уроком был семестровый курс под названием «Америка сегодня». Я понятия не имел, о

---

[138] Примечания: 138
Электронная книга компании «Амазон».

чем говорил мистер Масенсик, поскольку думал о параллелях. Например, карусель в «Чем-то страшном» напоминала солнечные часы в том, другом мире. «*Это секрет моего долголетия*», — сказал мистер Боудич. Джек украл золото у великана, мистер Боудич тоже украл золото — но у кого? У великана? Или у какого-то демона из страшных сказок по имени Гогмагог?

Как только мой разум пошел по этому пути, я начал видеть параллели буквально во всем. Моя мать погибла на мосту через реку Литтл-Рампл. А как насчет маленького человечка со смешным голосом? Разве не так в сказке описывался Румпельштильцхен? А что касается меня, то в скольких вымышленных историях фигурировал молодой герой (например, Джек), отправившийся на поиски в фантастическую страну? Или возьмем «Волшебника страны Оз», где торнадо унес маленькую девочку из Канзаса в мир ведьм и Жевунов. Я не был Дороти, а Радар Тото[139], но все же…

— Чарльз, вы там что, заснули? Или, может быть, мой сладкозвучный голос загипнотизиро-

---

[139] Примечания: 139

Персонажи сказочной повести Лаймена Фрэнка Баума «Удивительный волшебник страны Оз» (1900), известной у нас в пересказе А. Волкова, где девочка Дороти стала Элли, а ее песик Тото — Тотошкой.

вал вас? Ввел в транс?

Раздался смех моих одноклассников, большинство которых знать не знали слова «сладкозвучный».

— Нет, я тут.

— Тогда, может быть, вы выскажете нам свое аргументированное мнение по поводу расстрелов полицией Филандо Кастилии и Элтона Стерлинга[140]?

— Это плохо, — я все еще думал о своем, и эта фраза просто вырвалась у меня изо рта.

Мистер Масенсик одарил меня своей фирменной ядовитой улыбкой, а потом сказал:

— Действительно, хорошего тут мало. Что ж, можете снова войти в ваш транс, мистер Рид.

Он продолжил лекцию. Я попытался слушать то, что он говорит, но потом вспомнил кое-что из того, что сказала миссис Сильвиус: не «*Фи-фай-фо-фам, дух британца чую там*», но все равно: «*Чувствую запах прогульщика. Ты им просто пропах*». Конечно, это совпадение — мой отец говорил, что если вы купили синюю машину, то

[140] Примечания: 140

Имеются в виду убийства полицейскими двух афроамериканцев в июле 2016 г., вызвавшие большой общественный резонанс. 32-летний Ф. Кастилия был застрелен в Миннеаполисе, 37-летний Э. Стерлинг — в Батон-Руже.

видите синие машины повсюду, — но после того, что я увидел в сарае, я не мог не удивляться. И кое-что еще. В фантастическом рассказе автор всегда изобретал какой-нибудь способ, благодаря которому юный герой или героиня могли бы исследовать то, что я уже привык называть другим миром. Автор мог, например, придумать место, куда его родитель или родители должны были уехать на несколько дней, тем самым позволяя юному герою посетить другой мир, не отвечая при этом на кучу неуместных вопросов.

«*Совпадение,* — думал я, когда прозвучал звонок с урока и все бросились к двери. — *Синдром синей машины*».

Только гигантский таракан не был синей машиной, как и те каменные ступени, уходящие в темноту.

Я попросил мистера Масенсика подписать мою квитанцию об общественных работах, и он снова одарил меня своей ядовитой улыбкой.

— Плохо, да?

— Простите меня.

— Что ж, ты не так уж ошибся.

Я сбежал по лестнице и направился к своему шкафчику для вещей.

— Чарли?

Это была Арнетта Фримен, выглядевшая более-менее шикарно в обтягивающих джинсах и топе-ракушке. Арнетта с ее голубыми глазами и светлыми волосами до плеч своим видом доказывала, что белая Америка не так уж плоха. Годом раньше — когда я был более спортивным и скромно прославился своими достижениями в Индюшачьей лиге, — мы с Арнеттой несколько раз вместе делали уроки у нее дома. Кое-что мы выучили, но гораздо больше целовались.

— Арни, как дела?

— Не хочешь зайти сегодня вечером? Мы могли бы подготовиться к тесту по Гамлету.

Ее голубые глаза пристально вгляделись в мои карие.

— Я бы с удовольствием, но мой отец завтра надолго уезжает на какую-то бизнес-встречу. Сегодня мне надо быть дома.

— Вот жалость, — она нежно прижала к груди пару учебников.

— Я могу в среду вечером. Если, конечно, ты не занята.

Она просияла.

— Это было бы здорово! — взяв меня за руку, она положила ее себе на талию. — Я расспрошу тебя о Полонии, и, может быть, дам взглянуть на

моего Фортинбраса.

Она чмокнула меня в щеку и ушла, крутя задом так, что это можно было назвать обворожительным. Впервые после посещения библиотеки я не думал о сходстве реальности и сказки. Мои мысли были заняты только Арнеттой Фримен.

6

Папа ушел рано утром во вторник, взяв дорожную сумку и одевшись в свой дежурный костюм «Я собираюсь в лес»: вельветовые брюки, фланелевую рубашку и кепку «Чикагских медведей». Через плечо у него было перекинуто пончо.

— Обещают дождь, — сказал он. — Это отменяет лазание по деревьям, но я не жалею.

— Вместо коктейля будет содовая, верно?

Он ухмыльнулся:

— Может быть, с ломтиком лайма. Не волнуйся, малыш. Линди тоже там будет, и я не отойду от него. Позаботься о своей собаке — она снова хромает.

— Я знаю.

Он торопливо обнял меня одной рукой и вышел. Когда он сдавал назад на подъездной дорожке, я жестом остановил его и подбежал к окошку со стороны водителя. Он опустил стекло.

— Я что-то забыл? — спросил он.

— Нет, это я забыл, — я нагнулся, обнял его за шею и поцеловал.

Он озадаченно улыбнулся:

— Что это было?

— Я просто люблю тебя, вот и все.

— Я тоже, Чарли, — потрепав меня по щеке, он выехал задом на улицу и помчался к проклятому мосту. Я смотрел ему вслед, пока он не скрылся из виду.

Думаю, в глубине души он что-то знал.

7

Я вывел Радар на задний двор. Наш двор не мог сравниться с акром с лишним мистера Боудича, но был достаточно большим, чтобы дать Радар место для ее дел. Которые она в конце концов сделала, но я понимал, что ее время подходит к концу. Если я мог что-то для нее сделать, это должно было произойти как можно скорее. Мы вернулись в дом, и я дал ей пару кусков мясного рулета, оставшегося со вчерашнего вечера, спрятав в нем лишнюю таблетку. Она проглотила все это и свернулась калачиком на ковре в гостиной — это место она уже застолбила за собой. Я потрепал ее за ушами, что всегда заставляло ее

зажмурить глаза и улыбаться.

— Мне нужно кое-что проверить, — сказал я. — Будь хорошей девочкой. Я вернусь, как только смогу, хорошо? Постарайся не гадить в доме, но если придется, делай это где-нибудь, где будет легко убрать.

Она пару раз стукнула хвостом по ковру, для меня этого было достаточно. Я подъехал на велосипеде к дому номер 1, высматривая по сторонам дороги маленького человечка с забавной манерой ходить и говорить. Но не увидел никого, даже миссис Ричленд.

Войдя в дом, я поднялся наверх, открыл сейф и застегнул на талии пояс с кобурой. Я совсем не чувствовал себя стрелком, несмотря на все эти причудливые ракушки и завязки; я чувствовал себя испуганным мальчишкой. Если я поскользнусь на этой лестнице и упаду, сколько времени пройдет, прежде чем кто-нибудь найдет меня? Может быть, это никогда не случится. А если случится, то что еще они найдут? На пленке мистер Боудич сказал, что то, что он мне оставляет, было не подарком, а бременем. Тогда я не до конца осознал это, но когда достал фонарик из кухонного шкафа и сунул его в задний карман джинсов, понял в полной мере. Я понуро направился к са-

раю, почти надеясь, что дойду до подножия этой лестницы и найду там не коридор в другой мир, а только груду камней и грязную лужу.

И никаких больших тараканов. Мне все равно, безвредны они или нет — никаких тараканов.

Я зашел в сарай, посветил вокруг и увидел, что таракан, которого подстрелил мистер Боудич, окончательно превратился в лужицу темно-серой слизи. Когда я направил на него луч фонарика, одна из пластин на том, что осталось от его спины, слетела на пол, заставив меня вздрогнуть.

Включив лампы на батарейках, я подошел к доскам и блокам, закрывающим колодец, и посветил фонариком в одну из щелей. Я не видел ничего, кроме ступенек, уходящих вниз, в темноту. Ничто не шевелилось. Не было никаких шуршащих звуков. Это меня не успокоило; я вспоминал фразу из десятков, а может и сотен дешевых ужастиков: «*Мне это не нравится. Тут слишком тихо*».

«*Будь благоразумен, тишина — это хорошо*», — сказал я себе, но, заглядывая в эту каменную пропасть, не считал эту идею такой уж здравой. Я понимал, что если буду долго колебаться, то отступлю, и потом мне будет вдвое труднее снова зайти так далеко. Поэтому я снова сунул фонарик

в задний карман и убрал с досок шлакоблоки. Потом сдвинул доски в сторону и сел на край колодца, поставив ноги на третью ступеньку сверху. Подождал, пока утихнет сердцебиение, а потом встал на эту ступеньку, убеждая себя, что для моих ног там достаточно места, хотя это было не совсем так. Вытерев пот со лба, я сказал себе, что все будет хорошо.

Я совсем не был в этом уверен. Но все равно начал спускаться.

8

«Сто восемьдесят пять каменных ступеней разной высоты», — сказал мистер Боудич, и я пересчитал их все, спускаясь. Я шел очень медленно, стараясь держаться ближе к неровной каменной стене и подальше от обрыва. Камни были грубыми и влажными. Я держал фонарик нацеленным на свои ноги. *Разной высоты.* Я не хотел споткнуться — это могло стать концом путешествия.

На девяностой ступеньке, не пройдя и половины пути, я услышал под собой шорох. Я раздумывал, не направить ли фонарик на звук, и почти решил этого не делать. Если бы я спугнул колонию гигантских летучих мышей, и они на-

бросились бы на меня, я, вероятно, упал бы вниз.

Это был хороший довод, но страх оказался сильнее. Я немного отступил от стены, посветил вдоль нисходящего изгиба ступеней и увидел там что-то черное, копошащееся далеко внизу. Когда свет упал на него, у меня было достаточно времени, чтобы разглядеть, что это был один из гигантских тараканов, который тут же убежал, скрывшись в темноте.

Я сделал несколько глубоких вдохов, сказал себе, что все в порядке, не поверил в это и пошел дальше. Мне потребовалось девять или десять минут, чтобы добраться до дна, потому что я двигался очень медленно. Эти минуты показались мне еще длиннее. Время от времени я поднимал глаза, и мне было не особенно приятно видеть, как круг колодца, подсвеченный лампами на батарейках, становится все меньше. Я уже был глубоко под землей и уходил все глубже.

Я достиг дна точно на сто восемьдесят пятой ступеньке. Как и сказал мистер Боудич, меня встретил грязный земляной пол, на котором валялись камни, выпавшие из стены — вероятно, с самого верха, где чередование мороза и оттепели сначала расшевелило их, а потом вытолкнуло наружу. Мистер Боудич ухватился за выемку в

стене, из которой выпал камень, и это спасло ему жизнь. Куча камней была испещрена черными пятнами, которые, как я догадался, были тараканьим дерьмом.

Коридор был там, где ему и полагалось. Я перешагнул через камни и вошел в него. Мистер Боудич был прав — он оказался таким высоким, что мне даже не пришлось нагибаться. Теперь я слышал больше шорохов впереди и догадался, что это были те самые летучие мыши, о которых предупреждал мистер Боудич. Мне эти животные не нравились — они переносят микробы, иногда бешенство, — но не внушали такого страха, как ему. Идя на их звук, я испытывал скорее любопытство, чем другие чувства. Эти узкие выщербленные ступеньки (*разной высоты*), грозящие падением, вызвали у меня страх, но теперь я был на твердой земле, что казалось гораздо лучше. Конечно, надо мной нависали тысячи тонн камня и земли, но этот коридор был здесь долгое время, и я не думал, что он выберет именно этот момент, чтобы обрушиться и похоронить меня. Мне не нужно было и бояться быть погребенным заживо; если бы крыша, так сказать, поехала, я был бы убит мгновенно.

Весело, подумал я.

Веселья у меня не было, но страх постепенно сменялся — по крайней мере, затмевался — возбуждением. Если мистер Боудич говорил правду, то в небольшом отдалении меня ждал другой мир. Зайдя так далеко, я хотел увидеть его. Золото было самым незначительным из поводов увидеть этот мир.

Земляной пол сменился каменным. Или, скорее, булыжным, как в старых фильмах на ТКМ о Лондоне девятнадцатого века. Теперь шорох раздавался прямо у меня над головой, и я выключил свет. Кромешная тьма снова заставила меня бояться, но я не хотел оказаться среди тучи летучих мышей. Насколько я знал, они могли оказаться вампирами. Конечно, в Иллинойсе это маловероятно — но ведь я больше не был в Иллинойсе, не так ли?

Мистер Боудич сказал, что прошел по меньшей мере милю, поэтому я считал шаги, пока не сбился со счета. По крайней мере, я не опасался, что мой фонарик выйдет из строя, если он мне снова понадобится; батарейки в нем были новыми. Я ждал появления дневного света, продолжая прислушиваться к мягкому хлопанью крыльев над головой. Были ли эти летучие мыши и правда такими же большими, как индюшачьи грифы? Я

не хотел этого знать.

Наконец я увидел свет — яркую искру, как и сказал мистер Боудич. Я пошел дальше, и искра превратилась в кружок, достаточно яркий, чтобы оставить след в моих глазах каждый раз, когда я закрывал их. Я совсем забыл о том моменте, который описал мистер Боудич, но когда меня накрыло, я точно понял, что это именно он.

Однажды, когда мне было лет десять или около того, мы с Берти Бердом сделали себе гипервентиляцию[141], а потом крепко обнялись, чтобы посмотреть, не потеряем ли мы сознание, как утверждал один друг Берти. Мы этого не сделали, но я вдруг поплыл куда-то и сел на задницу медленно, как в замедленной съемке. Это ощущение было похожим: я продолжал идти, но чувствовал себя как воздушный шар с гелием, подпрыгивающий над моим собственным телом, и если бы веревка лопнула, я бы просто улетел.

Потом все прошло, как и сказал мистер Боудич. Он сказал, что это и есть граница миров. Я оставил позади Сентри-Рест. И Иллинойс. И Америку. Я был в другом мире.

---

[141] Примечания: 141

Гипервентиляция — интенсивное дыхание, превышающее потребности организма в кислороде. Может быть естественной (обычно в результате болезни) или вызываться искусственно.

Добравшись до отверстия, я увидел, что потолок над головой теперь был земляным, с тонкими усиками корней, свисавшими вниз. Я поднырнул под несколько нависающих виноградных лоз и вышел на пологий склон холма. Небо было серым, но поле — ярко-красным. Маки раскинулись великолепным покрывалом, простиравшимся влево и вправо, насколько я мог видеть. Тропинка вела сквозь цветы к дороге. На дальней ее стороне еще больше маков тянулось примерно на милю к густому лесу, заставив меня подумать о лесах, которые когда-то росли на месте моего городка. Тропинка была еле заметной, но дорога нет. Она была грунтовой, но широкой — не колея, а магистраль. Там, где тропинка соединялась с дорогой, стоял аккуратный маленький коттедж, из каменной трубы которого поднимался дым. Возле него висели перекрещенные бельевые веревки с развешанными на них вещами, которые не были одеждой. Я не мог разобрать, что это такое.

Посмотрел на горизонт, я увидел очертания большого города. Дневной свет туманно отражался от его высоких башен, как будто сделанных из стекла. Зеленого стекла. Я читал «Волшебника страны Оз», видел фильм и узнал Изумрудный город, как только увидел его.

9

Тропинка, ведущая к дороге и коттеджу, имела в длину около полумили. Я дважды останавливался, один раз, чтобы оглянуться на дыру в склоне холма — она выглядела как вход в маленькую пещеру с этими виноградными лозами, свисающими над входом, — а другой, чтобы взглянуть на свой мобильник. Я ожидал сообщения «НЕТ СОЕДИНЕНИЯ», но не увидел даже его. Мой айфон вообще не включился. Это был просто прямоугольник черного стекла, который здесь годился разве что для пресс-папье.

Я не помню, чтобы чувствовал себя ошеломленным или пораженным, даже при виде этих стеклянных шпилей. Чувства меня не подводили: я мог видеть серое небо над головой и низкие облака, говорившие, что дождь не за горами. Шагая про узкой тропинке, я слышал, как под ногами у меня шелестит растительность. Когда я спустился с холма, большинство зданий города исчезли из виду; я мог видеть только три самых высоких шпиля. Я попытался угадать, как далеко они от меня, и не смог. Тридцать миль? Сорок?

Маки пахли восхитительно: это напоминало одновременно какао, ваниль и вишню. Лучше

был только запах маминых волос, когда я маленьким утыкался в них лицом, чтобы вдохнуть ее аромат; это был самый восхитительный запах, который когда-либо знало мое обоняние. Я надеялся, что дождя не будет, но не потому, что боялся промокнуть. Я знал, что дождь усилит запах цветов, и это может убить меня. (Я преувеличиваю, но не так сильно, как вы можете подумать.) Я не видел кроликов, больших или маленьких, но слышал, как они прыгают по траве и цветам, а однажды, всего на пару секунд, увидел торчащие уши одного из них. Слышалось стрекотание сверчков, и я думал, такие ли они большие, как тараканы и летучие мыши.

Когда я подошел сзади к коттеджу — деревянные стены, соломенная крыша, — то остановился, ошеломленный тем, что теперь смог разглядеть. На перекрещенных веревках позади коттеджа и по обе стороны от него висела обувь. Деревянная и парусиновая, сандалии и туфли. Одна из веревок прогнулась под тяжестью замшевого ботинка с серебряными пряжками. Был ли это семимильный сапог, как в старых сказках? Мне он определенно показался таким. Я подошел ближе и протянул руку, чтобы дотронуться до него. Кожа была мягкой, как масло, и гладкой,

как атлас. *Создан для дороги*, подумал я. *Создан для Кота в сапогах*. Где же второй?

Словно под воздействием этой мысли задняя дверь коттеджа открылась, и оттуда вышла женщина, держащая второй ботинок, пряжки которого поблескивали в мягком свете пасмурного дня. Я знал, что это женщина, потому что на ней были розовое платье и красные туфли, а еще потому, что ее грудь выпирала из-под лифа, но ее кожа была грифельно-серой, а лицо жестоко обезображено. Это выглядело так, как если бы ее черты нарисовали углем, и какое-то злое божество потерло их рукой, размазав и размыв почти до неузнаваемости. Ее глаза превратились в щелочки, как и ноздри. Ее рот представлял собой безгубый полумесяц. Она заговорила со мной, но я не мог разобрать, что она сказала. Очевидно, ее голосовые связки были так же изуродованы, как ее лицо. Но безгубый рот безошибочно изогнулся в улыбке, и возникло ощущение — волна, если хотите, — говорящее, что ее можно не бояться.

— *Хизз, хазз! Аззи? Мен?* — она дотронулась до ботинка, висящего на веревке.

— Да, очень мило, — сказал я. — Вы меня понимаете?

Женщина кивнула и сделала жест, который я

хорошо знал: круг из большого и указательного пальцев, что означает «оки-доки»[142] почти во всем мире (за исключением тех нечастых случаев, когда всякие имбецилы демонстрируют его в значении «власть белым»). Она издала еще несколько шипящих звуков, а потом показала на мои теннисные туфли.

— Что?

Она сорвала ботинок с веревки, где он удерживался двумя деревянными прищепками — старомодными, без пружин. Держа ботинки в одной руке, другой она указала на мои теннисные туфли и снова на ботинки. Может быть, спрашивала, не хочу ли я поменять их на свои.

— Был бы рад, но они мне не подходят по размеру.

Пожав плечами, она повесила оба ботинка на веревку. Другая обувь — в том числе одна зеленая атласная туфелька с загнутым носком, как у калифа, — качалась и вертелась на легком ветру. Глядя на почти стертое лицо женщины, я почувствовал легкое головокружение. Я пытался увидеть ее черты такими, какими они были раньше, и мне это почти удалось.

---

[142] Примечания: 142

«Оки-доки» (okey-dokey) — популярное выражение, означающее «все в порядке».

Она подошла ко мне ближе и понюхала мою рубашку своими ноздрями-щелками. Потом подняла руки к плечам и помахала ими.

— Я не понимаю.

Подпрыгнув, она издала звук, который в сочетании с тем, как она обнюхивала меня, прояснил ситуацию.

— Вы имеете в виду Радар?

Она кивнула так энергично, что ее редеющие каштановые волосы взметнулись вверх. Звук, произнесенный ею, звучал как «гозз-гозз», что было довольно близко к «гав-гав».

— Она у меня дома.

Кивнув, она приложила руку к груди над сердцем.

— Если вы имеете в виду, что любите ее, то я тоже, — сказал я. — Когда вы видели ее в последний раз?

Обувщица посмотрела на небо, казалось, что-то прикидывая, потом пожала плечами:

— *Даззо*.

— Если это значит «давно», то, должно быть, так и есть, потому что она уже старая. Сейчас она уже не может прыгать. А мистер Боудич… Вы ведь знали его? Если вы знаете Радар, вы должны были знать и мистера Боудича.

Она кивнула с той же энергией, и остатки ее рта снова выгнулись в улыбке. У нее почти не было зубов, но те, что остались, выглядели очень белыми на фоне ее серой кожи.

— *Ари-ззан*.

— Адриан? Адриан Боудич?

Она кивнула так сильно, что едва не свернула шею.

— Но вы не знаете, как давно он был здесь?

Она посмотрела на небо, потом покачала головой.

— Радар тогда была молодая?

— *Ззе-но*.

— Щенок?

Новый энергичный кивок.

Она взяла меня за руку и потащила за угол. Мне пришлось поднырнуть под другой ряд болтающихся ботинок, чтобы не зацепиться головой за веревку. Там был клочок земли, весь перекопанный и разрыхленный, словно она собиралась что-то на нем посадить. Рядом стояла маленькая ветхая тележка, опирающаяся на пару длинных деревянных ручек. Внутри лежали два холщовых мешка, из которых торчала какая-то зелень. Женщина опустилась на колени и жестом попросила меня сделать то же самое.

Мы посмотрели друг на друга. Ее палец двигался очень медленно и нерешительно, пока она выводила на земле буквы. Пару раз она остановилась, наверное, вспоминая, что идет дальше, потом снова начинала писать.

«Была очнь хороша жизь»

А потом, после еще более продолжительной паузы — вопросительный знак.

Я непонимающе покачал головой, тогда женщина встала на четвереньки и снова издала свой вариант лая. Тогда я понял.

— Да, — сказал я. — У нее была очень хорошая жизнь. Но теперь она старая, как я уже сказал. И у нее не… не все хорошо.

Тут-то на меня все и навалилось. Не только Радар, не только мистер Боудич, но и все остальное. Дар, ставший бременем, которое я должен был теперь нести. Разлагающиеся тараканы и то, что дом номер 1 на Сикамор-стрит перевернул вверх дном человек, убивший мистера Генриха. А теперь еще и это безумие — я сижу здесь в грязи вместе с почти безликой женщиной, которая собирает обувь и развешивает ее на веревках. Но прежде всего я думал о Радар. О том, как она с трудом поднимается утром или после дневного сна. Как иногда не доедает свою порцию, а потом

бросает на меня взгляд, говорящий: «*Я знаю, что должна это съесть, но не могу*». Я начал плакать.

Обувщица обняла меня за плечи и прижала к себе.

— *Сьо-хоззо*, — сказала она. Потом, сделав заметное усилие, выговорила оба слова полностью. — *Все-хоросо*.

Я обнял ее в ответ. От нее исходил запах, слабый, но приятный — наверное, это был запах маков. Я горько всхлипывал, а она обнимала меня, гладя по спине. Когда я, наконец, отстранился, она не плакала — возможно, и не могла, — но полумесяц ее рта был повернут вниз, а не вверх. Вытерев слезы рукавом, я спросил, научил ли ее мистер Боудич писать или она и раньше умела это.

Она приблизила свой серый большой палец к двум другим, которые были как будто склеены.

— Он тебя научил? Немного?

Она кивнула, потом снова что-то написала на земле.

«Мыдруг».

— Мне он тоже был другом. Он нас покинул.

Она склонила голову набок, пряди волос упали ей на плечо.

— Умер.

Она зажмурила свои щелевидные глаза — самое чистое выражение горя, какое я когда-либо видел. Потом еще раз обняла меня. Отпустив, показала на обувь на ближайшей веревке и покачала головой.

— Нет, — согласился я. — Обувь ему не понадобится. Больше нет.

Она поднесла руку ко рту и сделал несколько жевательных движений, что выглядело довольно пугающе. Потом указала на коттедж.

— Если вы спрашиваете, не хочу ли я есть, то спасибо, не могу. Мне нужно вернуться. Может быть, в другой раз. Скоро. Я приведу сюда Радар, если смогу. Перед смертью мистер Боудич сказал, что есть способ снова сделать ее молодой. Я знаю, это звучит безумно, но он сказал, что с ним это сработало. Это большие солнечные часы. Вон там, — я указал в сторону города.

Ее глаза-щелочки немного расширились, а рот округлился почти как буква «О». Она прижала руки к своим серым щекам, выглядя как то знаменитое фото с кричащей женщиной[143]. Потом

---

[143] Примечания: 143

Мем «Женщина, кричащая на кота» возник в 2019 году путем соединения фото кричащей участницы телешоу «Настоящие домохозяйки из Беверли-Хиллз» Тэйлор Армстронг с фотографией кота, лезущего в тарелку с едой на столе. Картинка до сих пор используется как иллюстрация к бурным ссорам.

снова наклонилась к земле, стерла написанное там и стала писать снова. Теперь она делала это быстрее, и, похоже, это слово она использовала часто, потому что написала его без ошибок:

«Опасность».

— Я знаю. Я буду осторожен.

Она приложила свои слипшиеся пальцы к полустертому рту в жесте, означающем «тссс».

— Да, знаю. Там нужно вести себя тихо. Он мне это сказал. Мэм, как вас зовут? Не могли бы вы сказать мне свое имя?

Она нетерпеливо покачала головой и указала на свой рот.

— Вам трудно говорить ясно.

Кивнув, она написала на земле «Дири». Потом посмотрела на это слово, зачеркнула его и написала снова. ДОРА.

Я спросил, что значит Дири — это ее прозвище? По крайней мере, пытался спросить, но слово «прозвище» не сходило с моих губ. Я не то чтобы забыл его, а просто не мог выговорить. Под конец я сдался и спросил:

— Дора, мистер Боудич называл вас Дири по-дружески?

Она кивнула и встала, отряхивая руки. Встал и я.

— Было очень приятно познакомиться, Дора.

Я не знал ее достаточно хорошо, чтобы называть Дири, но понимал, почему мистер Боудич с ней дружил. У нее было доброе сердце.

Она кивнула, похлопав по груди себя, а потом меня. Думаю, чтобы показать, что мы симпатизируем друг другу. *Мыдруг*. Полумесяц ее рта снова приподнялся, и она подпрыгнула на своих красных туфлях, как, я полагаю, могла бы прыгать Радар до того, как ее суставы стали так плохи.

— Да, я приведу ее, если смогу. И если она сможет. И отведу ее к солнечным часам, если у меня получится, — хотя я понятия не имел, как это сделать.

Она указала на меня, потом мягко поводила руками в воздухе ладонями вниз. Не уверен, но думаю, это означало «будь осторожен».

— Так и сделаю. Спасибо вам за доброту, Дора.

Я повернулся к тропинке, но она схватила меня за рубашку и потащила к задней двери своего маленького жилища.

— Я в самом деле не могу…

Она кивнула, сообщая, что понимает, что я не могу остаться на ужин, но продолжала тянуть. У задней двери она указала наверх. Что-то было вырезано на перекладине — выше, чем Дора мог-

ла бы дотянуться. Это были его инициалы АБ. Его подлинные инициалы.

Тогда у меня появилась идея, рожденная моей неспособностью произнести слово «прозвище». Я указал на инициалы и сказал: «Это…» В моем сознании всплыло жаргонное слово «потрясно», самое глупое, какое я мог придумать, но хорошо подходящее для теста.

Я не мог выдавить его изо рта. Оно просто не выходило.

Дора озадаченно смотрела на меня.

— Удивительно, — сказал я. — Это удивительно.

10

Я поднялся на холм, поднырнул под свисающие виноградные лозы и пошел обратно по проходу. Ощущение потусторонности, *иномирности* пришло и ушло. Над головой шуршали летучие мыши, но я был слишком поглощен тем, что только что произошло, чтобы обращать на них много внимания, и по глупости включил фонарик, чтобы посмотреть, сколько еще нужно пройти. Они не взлетели все разом, но пара взлетела, и я хорошо видел их в луче света. Они в самом деле были большими — громадными. Я шел в

темноте, вытянув руку, чтобы отбить их, если они вдруг полетят в мою сторону, но они этого не сделали. Если там были тараканы-гиганты, то я их не слышал.

Я не смог выговорить «прозвище», не смог сказать «потрясно». Мог ли я сказать «умнозавр», «зуботычина» или «да ты кукухой поехал, бро»? Я так не думал. Возможно, я не знал наверняка, почему это происходит, но был почти уверен. Сперва я думал, что Дора поняла меня, потому что знает английский. Но что если она поняла меня, потому что я говорил на ее языке? Том, где не существовало таких слов, как «прозвище» и «потрясно»?

Когда булыжники кончились и началась грязь, я почувствовал, что можно снова включить фонарик, но все равно держал его направленным на пол. Мистер Боудич сказал, что между тем местом, где кончалась булыжная мостовая, и началом лестницы была четверть мили; он даже утверждал, что измерил это расстояние. На этот раз я не сбился со счета и дошел до пятисот пятидесяти шагов, когда увидел впереди ступеньки. Далеко вверху, у входа в колодец, я мог видеть свет от горящих там ламп на батарейках.

Я поднимался с большей уверенностью, чем

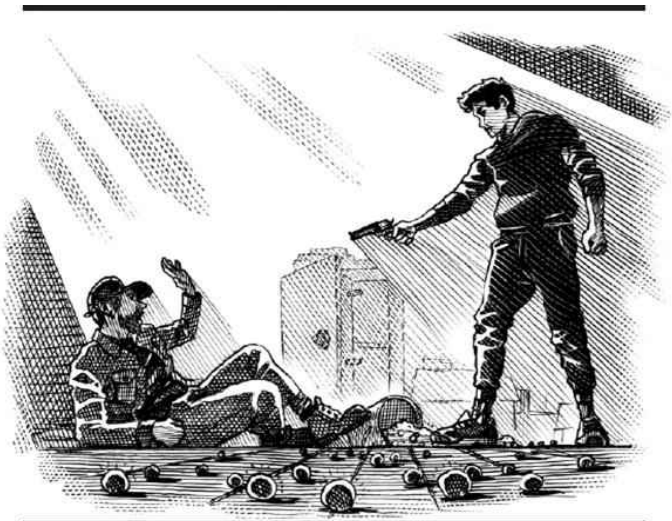
спускался, но так же крепко прижимался правым плечом к стене. Выбравшись наружу без происшествий, я наклонился, чтобы снова закрыть колодец досками, как вдруг мне в затылок уперлось что-то круглое и очень твердое. Я замер на месте.

— Правильно, стой смирно, и у нас не будет проблем. Я скажу тебе, когда двигаться, — было очень легко представить, как этот певучий голос говорит: «Что ты мне дашь, если я превращу твою солому в золото?» — Я не хочу стрелять в тебя, малыш. И не сделаю этого, если получу то, за чем пришел.

А потом он добавил — не засмеялся, а сказал, словно прочитал в книге:

— Ха-ха.

Глава двенадцатая Кристофер Полли. Рассыпанное золото. Не так идеально. Подготовка



1

Я не могу вспомнить, что чувствовал в тот момент. Однако помню, что подумал: «*Мне в затылок целится Румпельштильцхен*».

— Что там внизу? — спросил он.

— Где?

— Не надо притворяться. Ты пробыл в этой дыре так долго, что я уже начал думать, что ты там сдох. Так что же там внизу?

В голову пришла другая мысль: он не знает. Никто не знает.

— Насосное оборудование, — это было первым, что пришло мне в голову.

— Насосное оборудование? *Насосное* оборудование? Так вот в чем дело, ха-ха?

— Да. Иначе, когда пойдет дождь, весь задний двор затопит. И вода хлынет на улицу, — мои мозги постепенно включились в работу. — Оно старое. Я проверял, не нужно ли пригласить кого-то из городских служб, чтобы они посмотрели. Может, вы знаете кого-нибудь из отдела водо…

— Чушь собачья. Ха-ха. Что там *на самом деле* внизу? Там есть золото?

— Нет. Там только механизмы.

— Не оборачивайся, малыш, это будет неразумно. Очень. Так ты спустился туда с громадной пушкой, ха-ха, чтобы проверить водяной насос?

— Крысы, — сказал я. Во рту было очень сухо, — Я думал, там могут быть крысы.

— Чушь собачья, полная чушь. Что вот это такое? Насосное оборудование? Не двигайся, просто посмотри направо.

Взглянув туда, я увидел разлагающийся труп большого таракана, которого застрелил мистер Боудич. От него осталось совсем немного.

Глупая отмазка, которую я сочинил, явно не сработала, поэтому я просто сказал, что не знаю. Но человеку, которого я прозвал Румпельштильцхеном, было на это наплевать. Он уже видел впереди желанную добычу.

— Не бери в голову. Давай-ка лучше заглянем в сейф старика. А к насосному оборудованию, может быть, вернемся позже. Иди в дом, малыш. И если ты по дороге хоть что-то пикнешь, я разнесу тебе башку. Но сначала я хочу, чтобы ты снял свою стрелялку, партнер, ха-ха, и бросил в сторону.

Я попытался нагнуться, чтобы развязать узел веревки на ноге. Пистолет снова больно уткнулся

мне в затылок.

— Разве я велел тебе наклоняться? Нет. Просто расстегни ремень.

Я так и сделал. Кобура стукнулась о мое колено и раскрылась. Пистолет выпал на пол сарая.

— Теперь можешь застегнуться снова. Хороший ремешок, ха-ха.

(На этом этапе я прекращаю повторять его чертовы «ха-ха», потому что он говорил их все время, как какой-то словесный мусор. Просто поверьте, что это звучало очень по-румпельштильцхеновски. То есть довольно жутко.)

— А теперь повернись.

Я повернулся, и он вместе со мной. Мы были как фигурки в музыкальной шкатулке.

— Медленнее, парень. Медленнее.

Я вышел из сарая, он неотступно следовал за мной. В другом мире было пасмурно, но здесь сияло солнце. Я мог видеть наши тени — и тень его руки с пистолетом, приставленным к моему затылку. Мои мозги сумели переключиться с низкой передачи на вторую, но от третьей я был далеко. Меня загнали в угол прочно и основательно.

Мы поднялись по ступенькам заднего крыльца. Я отпер дверь, и мы вошли на кухню. Я помню,

как думал обо всех случаях, когда заходил сюда, не подозревая, что скоро сделаю это в последний раз. Потому что он собирался убить меня.

Но он не мог. Я не должен был ему позволить. Я думал о том, что люди узнают о колодце миров, и знал, что просто не могу этого допустить. Я представлял, как копы из города, спецназ полиции штата или солдаты вламываются к ужасу обувщицы в ее маленький дворик, срывают ее веревки и швыряют ее обувь в грязь, и понимал, что этого не должно случиться. Нельзя позволить этим парням заявиться в заброшенный город и разбудить то, что там спит. Я должен был остановить все это, остановить его, но не мог этого сделать. И если он смеялся, то смеялся надо мной.

Ха-ха.

2

Мы поднялись по лестнице на второй этаж, я впереди, а гребаный Румпель сразу за мной. На полпути я подумал было сделать внезапный выпад назад и сбить его с ног, но не стал пытаться. Это могло сработать, но если бы попытка не удалась, он бы меня точно убил. Если бы здесь была Радар, она бы попыталась напасть на Румпеля,

несмотря на свои больные лапы — и скорее всего, он убил бы и ее.

— В спальню, парень. Ту, в которой сейф.

Я вошел в спальню мистера Боудича.

— Это ведь ты убил мистера Генриха?

— Что? Это самая большая чушь, которую я слышал. Они ведь поймали парня, который это сделал.

Мы не стали развивать эту тему. Я знал, что это он, и он знал, что я знал. Знал я и другие вещи. Во-первых, если я скажу, что не знаю код от сейфа, и буду настаивать на этом, он меня застрелит. Вторая вещь была вариацией первой.

— Открой шкаф, малыш.

Я открыл. Пустая кобура хлопала по моему бедру. Я оказался паршивым стрелком.

— Теперь открой сейф.

— Если я это сделаю, ты убьешь меня.

Наступила минута молчания, пока он переваривал эту самоочевидную истину. Потом он сказал:

— Нет, не убью. Только свяжу тебя, ха-ха.

Вот тут «ха-ха» было очень кстати — как бы он это сделал? Миссис Ричленд сказала, что он был с нее ростом, что означало пять футов четыре дюйма. Я был на фут выше и порядком накачался

благодаря домашней работе и езде на велосипеде. Связать меня без сообщника, который бы в этом помог, было для него просто невозможно.

— Ты сделаешь это? Правда? — я заставил свой голос задрожать, что, поверьте мне, было нетрудно.

— Да! А теперь открывай сейф!

— Ты обещаешь?

— Конечно, бимбо. А теперь открой его, или я всажу тебе пулю в колено, и ты никогда больше не станцуешь танго, ха-ха.

— Ладно. Только если ты правда пообещаешь не убивать меня.

— На этот вопрос уже дан ответ, как говорят в суде. Открывай сейф!

Кроме всего остального, я должен был остаться в живых, чтобы этот мелодичный голос не стал последним, что я услышу. Этого я тоже не мог допустить.

— Ну ладно.

Я опустился на колени перед сейфом. Я думал: «*Он хочет убить меня*» и «*Я не позволю ему убить меня, не позволю*».

Из-за Радар.

Из-за маленькой обувщицы.

И из-за мистера Боудича, который взвалил на

меня ношу, которую некому больше было нести.

Почему-то во мне росло спокойствие.

— Здесь очень много золота, — сказал я. — Не знаю, где он его взял, но это потрясно. Он годами платил им по своим счетам.

— Прекрати болтать и открой сейф! — рявкнул он и тут же, словно не в силах с собой совладать, жадно спросил. — А сколько?

— Не знаю, чувак. Может быть, на миллион долларов. Оно такое тяжелое, что я даже не могу его поднять.

Я понятия не имел, как поменяться ролями с этим маленьким ублюдком. Если бы мы были лицом к лицу, еще ладно — но не с дулом пистолета меньше чем в дюйме от моего затылка. Однако в свое время, достигнув определенного уровня в спорте, я научился отключать мозги во время игры и позволять телу работать самостоятельно. Сейчас я собирался сделать то же, другого выхода не было. Иногда в футбольных матчах, особенно на выездных играх, где над нами издевались сотни зрителей, я сосредотачивался на квортербеке[144] соперника и говорил себе, что он мерзкий сукин сын, и я собираюсь не просто обвести его,

[144] Примечания: 144

Квортербек (Quarterback) — главный игрок команды нападения в американском футболе.

а стереть в порошок. Это не срабатывало, если парень не делал никаких гадостей, но сейчас сработало. Голос у него был как у последнего говнюка, и мне было легко возненавидеть его.

— Хватит тянуть, бимбо-бимбо-бимбо-бо! Открой сейф, или ты никогда больше не будешь ходить прямо.

Скорее всего, я вообще никогда больше не буду ходить.

Я повернул диск в одну сторону, потом в другую, потом еще раз. Три цифры введены, осталась одна. Я рискнул оглянуться через плечо и увидел мельком узкое лицо — похожее на мордочку хорька, — под бейсбольной кепкой «Уайт Сокс» с высокой тульей и красным кружком на месте буквы «О».

— Можно мне взять немного?

Он хихикнул — очень мерзко.

— Открывай! Перестань пялиться на меня и открывай!

Я набрал последнюю цифру и потянул за ручку. Я не мог видеть, как он смотрит через мое плечо, но чувствовал его запах: кислый пот, какой въедается в кожу человека, который долго не мылся.

Сейф распахнулся. Я не колебался, потому что тот, кто колеблется, проигрывает. Схватив вед-

ро за край, я опрокинул его вниз между своих раздвинутых колен. Золотые шарики волной хлынули наружу и разбежались по полу во все стороны. В тот же миг я нырнул в шкаф. Он выстрелил — звук был не намного громче, чем от петарды среднего размера. Я почувствовал, как пуля просвистела между моим плечом и ухом. Подол одного из старомодных пиджаков мистера Боудича дернулся, когда пуля прошла сквозь него.

У мистера Боудича было много обуви, Дора бы позавидовала. Я схватил броган[145], перекатился на бок и бросил в него, но он пригнулся. Я бросил другой, уже пониже. Он снова пригнулся, но тяжелый ботинок угодил ему прямо в грудь. Попятившись, он поскользнулся на золотых шариках, которые все еще катились из ведра, и земля ушла у него из-под ног. Он рухнул, задрав ноги вверх, но не выронил пистолет. Тот был намного меньше револьвера мистера Боудича, что, вероятно, объясняло его негромкий звук.

Я не пытался встать на ноги, просто присел на корточки и развернулся от бедер вниз. Пролетел над раскатившимся по полу золотом, как

---

[145] Примечания: 145
Броган — тяжелый ботинок, доходящий до щиколотки.

Супермен, и приземлился на него сверху. Я был большим, он маленьким. Воздух вышел из него с хлюпающим звуком. Его глаза выпучились, на ярко-красных губах блестела слюна.

— Отвали… от… меня! — пропыхтел он злобным шепотом.

Я схватил его за руку, державшую пистолет, промахнулся и схватил снова, прежде чем он успел направить пистолет в мое лицо. Раздался второй выстрел. Не знаю, куда попала эта пуля, и мне было все равно, потому что она не попала в меня. Его запястье скользило от пота, поэтому я сжал его изо всех сил и вывернул. Раздался щелчок, он издал пронзительный вопль, пистолет выпал из его руки и ударился об пол. Я поднял его и нацелил на своего противника.

Он снова завопил и закрыл лицо здоровой рукой, как будто это могло остановить пулю. Другая рука была сломана, запястье уже начало распухать.

— Нет, не надо! Пожалуйста, не стреляй в меня! Прошу тебя!

И ни одного гребаного «ха-ха».

3

Возможно, к этому моменту у вас уже сложилось весьма лестное мнение о юном Чарли Риде — ком-то вроде героя приключенческого романа для подростков. Я был рядом со своим отцом, когда он пил, вытирал за ним рвоту, молился о его исцелении (на коленях!) и действительно получил то, о чем просил. Я спас старика, когда тот упал с лестницы, пытаясь прочистить водосточный желоб, навещал его в больнице, а потом заботился о нем, когда он вернулся домой. Я влюбился в верную собаку этого старика, а верная собака влюбилась в меня. Я пристегнул к поясу пистолет 45-го калибра, смело прошел по темному коридору (где были разные гигантские существа) и оказался в другом мире, где подружился со старушкой с изуродованным лицом, которая собирала обувь. Я одолел убийцу мистера Генриха, ловко рассыпав золотые шарики по полу, чтобы он поскользнулся и упал. Черт возьми, я даже преуспел сразу в двух видах спорта! Сильный, высокий и без прыщей — просто идеал!

Но при этом я еще подкладывал петарды в почтовые ящики, взрывая там важную для кого-то почту. Я размазал собачье дерьмо по лобовому

стеклу машины мистера Дауди и выдавил суперклей в гнездо зажигания старого «форда-фургона» миссис Кендрик, когда мы с Берти нашли его незапертым. Я повалил парочку надгробий. Я воровал в магазинах. Конечно, все это вместе со мной делал Берти Берд, и именно он позвонил в школу с угрозой взрыва, но я его не остановил. Были и другие вещи, о которых я не стану вам рассказывать, потому что мне слишком стыдно. Все, что я скажу, это то, что мы так напугали нескольких малышей, что они разревелись и описались.

Не так уж идеально, верно?

И я искренне ненавидел этого маленького человечка в его грязных вельветовых штанах и теплой куртке «Найк», с его слипшимися, сальными волосами, спадающими на узкое лицо хорька. Я ненавидел его (естественно), потому что он убил бы меня, как только получил золото — он уже убил однажды, почему бы не повторить это снова? Я ненавидел, потому что, если бы он убил меня, копы — возможно, во главе с детективом Глисоном и его бесстрашными помощниками Уитмарком и Купером — вошли бы во время расследования в сарай и нашли там то, по сравнению с чем убийство Чарльза Макги

Рида выглядело бы полной фигней. Я ненавидел маленького человечка больше всего за то — можете не верить, но клянусь, что это так, — что его вторжение все усложнило. Должен ли я заявить на него в полицию? Это неизбежно приведет к обнаружению золота, а оно вызовет примерно десять миллионов вопросов. Даже если я соберу его и положу обратно в сейф, мистер Ха-Ха о нем расскажет. Может быть, чтобы добиться снисхождения окружного прокурора, а может, просто назло мне.

Решение проблемы было очевидным. Если он будет мертв, то не сможет никому ничего рассказать. Полиция ничего не узнает, если предположить, что слух у миссис Ричленд не такой острый, как ее глаза (к тому же эти два выстрела были не очень громкими). У меня было даже надежное место, чтобы спрятать тело.

Не так ли?

4

Хотя его рука все еще закрывала лицо, я мог видеть между растопыренными пальцами его глаза. Голубые, с красными прожилками и проступающими слезами. Он знал, что я собираюсь сделать — видел это по моему лицу.

— Нет. Пожалуйста. Отпусти меня. Или позвони в полицию, если понадобится. Только не убивай меня!

— Как будто ты не собирался убить меня!

— Нет! Клянусь Богом, клянусь могилой моей матери, это не так!

— Как тебя зовут? — спросил я.

— Дерек! Дерек Шепард![146]

Я ударил его по лицу его же пистолетом. Я мог бы вам сказать, что не хотел этого делать или до последнего момента не знал, что сделаю это, но это было бы ложью. Я знал, что делаю, и это было приятно. Из его носа хлынула кровь, еще больше потекло из уголка рта.

— Ты думаешь, я никогда не видел «Анатомию Грея», дебил? Как тебя зовут?

— Джастин Таунс[147].

Я ударил его снова. Он попытался увернуться, но это не дало никакого результата. Я не особенно быстро бегаю, но с рефлексами у меня все в порядке. Я почти уверен, что один из ударов сломал ему

---

[146] Примечания: 146

Дерек Шепард — герой медицинского сериала «Анатомия Грея» на канале Эй-Би-Си, сыгранный актером Патриком Демпси.

[147] Примечания: 147

Джастин Таунс (1982–2020) — американский певец и музыкант, умерший от передозировки фентанила.

нос, а не просто разбил его в кровь. Он вскрикнул — но шепотом, почти неслышно.

— Ты, наверное, думаешь, что я и Джастина Таунса не знаю? У меня даже есть один из его альбомов. У тебя еще один шанс, ублюдок, а потом я всажу тебе пулю в башку.

— Полли, — сказал он. Его нос распух — как и вся левая сторона лица, по которой я бил, — и он говорил так, как будто был сильно простужен. — Крис Полли.

— Брось мне свой бумажник.

— У меня нет…

Он увидел, что я отступил назад, и снова заслонился здоровой рукой. У меня был план насчет этой руки, который, вероятно, еще больше понизит мои ставки в ваших глазах, но вам нужно помнить о моем затруднительном положении. Кроме того, я снова подумал о Румпельштильцхене. Может быть, я и не смогу заставить этого типа воткнуться в землю и разорвать себя надвое, но заставлю его смыться. Как Пряничного человечка, ха-ха.

— Ладно, ладно!

Он встал и полез в задний карман своих штанов, которые были не просто грязными — они смердели. У его куртки был надорван рукав, заса-

ленные манжеты свисали бахромой. Где бы этот парень ни жил, это явно был не «Хилтон». Бумажник был потрепанным и тоже грязным. Открыв его, я увидел одинокую десятку и водительские права на имя Кристофера Полли. На фотографии он был молодым, с еще не разбитым, но таким же мерзким лицом. Я закрыл бумажник и сунул его в задний карман к своему.

— Похоже, твоя лицензия истекла в 2008-м. Надо бы тебе ее продлить — конечно, если ты проживешь достаточно долго.

— Я не могу..., — его рот захлопнулся.

— Не можешь ее продлить? Ты сбежал, да? Из тюрьмы? Так вот почему тебе понадобилось столько времени, чтобы ограбить и убить мистера Генриха? Потому что ты был в Стейтвилле[148]?

— Не там.

— А где? — спросил я.

Он промолчал, и я решил, что мне все равно. Как мог бы сказать мистер Боудич, это было несущественно.

— Откуда ты узнал о золоте?

— Видел несколько штук в магазине старого фрица. До того, как попал в тюрьму, — я мог бы

---

[148] Примечания: 148

Исправительный центр Стейтвилла — государственная тюрьма строгого режима для мужчин в Крест-Хилле, штат Иллинойс.

еще спросить, как он узнал, откуда взялось золото, и как подставил беднягу Дуайера, но думал, что и так знаю то и другое. — Отпусти меня, я больше никогда тебя не побеспокою.

— Нет, не побеспокоишь. Потому что ты опять сядешь в тюрьму, и уже надолго. Сейчас я вызову полицию, Полли, и тебя посадят за убийство — вот тогда я послушаю твои «ха-ха» на этот счет.

— Я расскажу! Расскажу о золоте! Ты его не получишь!

Вообще-то это не так — согласно завещанию, золото принадлежало мне, но он этого не знал.

— Это правда, — сказал я. — Спасибо, что напомнил. Поэтому придется добавить тебя к насосному оборудованию. К счастью, ты мелкий гад, и я не сорву спину.

Я поднял пистолет. Мог бы сказать вам, что блефовал, но не уверен, что так оно и было. Я ненавидел его еще и за то, что он разгромил дом мистера Боудича, осквернил его. Как я, кажется, уже говорил, его убийство все упрощало.

Он не закричал — думаю, не хватило воздуха, — но тихо застонал. Промежность его брюк потемнела. Я опустил пистолет… немного.

— Предположим, я скажу, что позволю тебе жить, мистер Полли. И не только жить, но и

пойти своим путем, как поется в песне. Тебя это заинтересует?

— Да! Да! Отпусти меня, и я больше никогда тебя не побеспокою!

«*Говорит как настоящий Румпельштильцхен*», — подумал я.

— Как ты сюда попал? Ты шел пешком? Или доехал на автобусе до Дирборн-авеню? — учитывая последнюю десятку в его бумажнике, я сомневался, что он приехал на «Убере». Он мог обчистить заднюю комнату мистера Генриха — вещи, подброшенные Дуайеру, делали это весьма возможным, — но если и так, то он не превратил ничего из своей добычи в наличные. Может быть, просто не знал, как это делается. Он мог быть хитрым, но это не всегда то же самое, что умный.

— Я шел через лес, — он ткнул здоровой рукой в сторону зеленой полосы за владениями мистера Боудича — всего, что осталось от Сторожевого леса, который покрывал эту часть города столетие назад.

Я понял, почему у него грязные штаны и порванная куртка. Миссис Ричленд не сказала, что вельветовые штаны маленького человечка были грязными, а она бы заметила это — у нее был острый глаз, — но она видела его несколько

дней назад. Я думал, что он не просто шел через лес, а жил в нем. Где-то недалеко от забора, ограждающего задний двор мистера Боудича, вероятно, лежал кусок брезента, служивший ему укрытием, а под ним хранились его немногочисленные пожитки. Добычу из магазина мистера Генриха он, скорее всего, зарыл там же, как это делали пираты из сказок. Только пираты прятали свои дублоны и эскудо в сундуках, а сокровище Полли, скорее всего, лежало в сумке с надписью «АМЕРИКАНСКАЯ СЛУЖБА ПОДПИСКИ».

Если я был прав, его лагерь находился достаточно близко от дома, чтобы он мог следить за неким Чарльзом Ридом. Он мог узнать про меня от мистера Генриха. Мог увидеть во время моей поездки в Стэнтонвилл. И после того, как обыск в доме не дал ему ничего, кроме неоткрытого сейфа, он стал ждать меня, надеясь, что я приду за золотом. Потому что он первым делом сделал бы именно это.

— Вставай, пойдем вниз. Следи за золотыми шариками, если не хочешь еще раз навернуться.

— Можно мне взять немного? Несколько штук? Я на мели, чувак.

— И что ты с ними сделаешь? Заплатишь за обед в «Макдоналдсе»?

— Я знаю одного парня в Чикаго. Он не даст столько, сколько они стоят, но…

— Можешь взять три штуки.

— А пять? — он робко улыбнулся, как будто не планировал убить меня, как только сейф будет открыт.

— Четыре.

Он наклонился, быстро поднял их здоровой рукой и начал запихивать в карман брюк.

— Это пять. Брось один.

Он бросил на меня сердитый прищуренный взгляд — взгляд Румпельштильцхена — и отбросил один шарик. Тот укатился в угол.

— Ты злой мальчик.

— Это сказал святой Христофор из Леса, и мне стало стыдно.

Он приподнял губу, обнажив пожелтевшие зубы.

— Пошел ты.

Я поднял его пистолет, который, как мне показалось, был автоматическим 22-го калибра.

— Никогда не говори «пошел ты» тому, у кого есть пушка. Это неразумно, ха-ха. А теперь иди вниз.

Он вышел из комнаты, баюкая на груди сломанное запястье и сжимая здоровой рукой золотые

шарики. Я последовал за ним. Мы прошли через гостиную на кухню, и он остановился в дверях.

— Иди дальше. На задний двор.

Он повернулся, чтобы посмотреть на меня, широко раскрыв глаза и дергая губами.

— Ты собираешься убить меня и спустить в эту дыру!

— Я бы не отдал тебе золото, если бы собирался это сделать, — сказал я.

— Ты заберешь его назад! — он снова начал плакать. — Ты заберешь золото и сбросишь меня вниз!

Я покачал головой.

— Там забор, а у тебя сломано запястье. Ты не справишься без посторонней помощи.

— Я справлюсь! Мне не нужна твоя помощь!

— Иди, — сказал я.

Он шел, плача, уверенный, что сейчас я выстрелю ему в затылок. Потому что, опять же, это было то, что сделал бы он. Он перестал рыдать, только когда мы прошли мимо открытой двери сарая и он обнаружил, что все еще жив. Мы подошли к забору высотой около пяти футов — достаточно высокому, чтобы удержать Радар, когда она была моложе.

— Я не хочу тебя больше видеть.

— Ты меня не увидишь.

— Никогда.

— Ты меня не увидишь никогда, я обещаю.

— Тогда прощай, — я протянул ему руку.

Он сунул мне свою, здоровую. Хитрый, но не очень умный. как я и сказал. Я вывернул руку и услышал хруст ломающихся костей. Он вскрикнул и упал на колени, прижимая обе руки к груди. Я засунул пистолет 22-го калибра сзади в штаны, как плохой парень в кино, наклонился, схватил его и поднял. Это было легко. Он не мог весить больше ста сорока фунтов, а я в тот момент был так накачан адреналином, что у меня практически выросли крылья. Я перебросил его через забор. Он приземлился на спину в кучу сухих листьев и сломанных веток, издавая негромкие стоны. Его руки бессильно повисли. Я перегнулся через забор, как сказочная прачка, жаждущая услышать свежие деревенские сплетни.

— Иди, Полли. Беги и никогда не возвращайся.

— Ты сломал мне руки! *Ты сломал мои гребаные…*

— Тебе повезло, что я тебя не убил! — крикнул я. — Я хотел, я чуть не сделал это, и, если я когда-нибудь увижу тебя снова, я это сделаю! А теперь иди! Пока у тебя еще есть шанс!

Он бросил на меня еще один взгляд: широко раскрытые голубые глаза на распухшем лице, перемазанном соплями и слезами. Потом повернулся и побрел сквозь невысокий кустарник, последний остаток Сторожевого леса, прижимая к груди сломанные руки. Я смотрел ему вслед, не испытывая ни малейшего сожаления о том, что сделал.

Это было не очень хорошо.

Вернется ли он? Не с двумя сломанными запястьями. Расскажет ли об этом кому-нибудь, другу или соучастнику очередного преступления? Я не думал, что у Полли были какие-то партнеры или друзья. Пойдет ли он в полицию? Учитывая то, что я знал о Генрихе, эта идея казалась смехотворной. Кроме всего прочего, я просто не мог себя заставить хладнокровно убить его.

Вернувшись в дом, я собрал золотые шарики. Они валялись повсюду, и это заняло больше времени, чем вся история с Полли. Я положил их в сейф вместе с пустым поясом и кобурой и ушел. Чтобы заслонить пистолет, засунутый в штаны, я выпустил рубашку наружу, но все равно был рад, что миссис Ричленд не стояла в конце подъездной дорожки, прикрывая рукой свои зоркие глаза.

5

С холма я спустился медленно, потому что у меня дрожали ноги. Черт возьми, у меня дрожало *всё*. Поднявшись на крыльцо своего дома, я понял, что проголодался. По правде говоря, был голоден, как волк.

Радар встретила меня не так бурно, как я ожидал; просто радостно помахала хвостом, несколько раз подпрыгнула и потерлась головой о мою ногу, прежде чем отправиться обратно на свой коврик. Я подумал, что ожидал бурной радости, потому что мне казалось, что меня не было очень долго. На самом деле прошло меньше трех часов. За эти часы случилось многое — то, что изменило мою жизнь. Я подумал о Скрудже в «Рождественской песни», который сказал: «*Духи сделали все это за одну ночь*».

В холодильнике остался мясной рулет, и я сделал себе пару пухлых сэндвичей, обильно полив их кетчупом. Мне нужно было подзарядиться, потому что мой день только начинался. Предстояло основательно подготовиться к завтрашнему путешествию. Я не собирался идти в школу, а моему отцу предстояло вернуться в пустой дом. Мне хотелось отыскать солнечные часы, о которых

говорил мистер Боудич — я больше не сомневался, что они существуют, и не сомневался, что эти часы могут повернуть время вспять для старой немецкой овчарки, которая сейчас дремала на своем коврике в гостиной. Я не был уверен, что смогу заставить ее спуститься по этим узким ступенькам, и понятия не имел, как пройду с ней сорок (или пятьдесят, или шестьдесят) миль до города. В одном я был уверен точно: ждать больше нельзя.

6

Пока я ел, я думал. Если я собирался исчезнуть, да еще вместе с Радар, я должен был указать ложный след, который вел бы в другом направлении, а не к дому мистера Боудича. Идея пришла мне в голову, когда я шел в гараж, и я подумал, что она может сработать. Должна.

В гараже я взял отцовскую тачку и еще кое-что. На одной из полок был пакет с гидроксидом кальция, больше известным как негашеная известь. Зачем он был нужен папе? Вы знаете ответ: тараканы. Иногда у нас подвале, иногда в гараже. Я положил пакет в тачку, потом зашел в дом и показал Радару ее поводок.

— Если я отведу тебя наверх, ты будешь хорошо

себя вести?

Она взглядом заверила меня, что так и сделает, поэтому я нацепил ей поводок, и мы пошли на Сикамор-стрит, 1. Я толкал тачку, а Радар шла рядом с ней. Миссис Ричленд вернулась на свой обычный пост, и я уже ждал, что она спросит, кто поднял весь этот шум. Но она этого не сделала, только спросила, планирую ли я еще поработать в доме. Я ответил утвердительно.

— Ты очень хорошо справляешься с этим. Думаю, этот дом выставят на продажу, не так ли? Может быть, адвокаты даже заплатят тебе за ремонт, но не особо на это рассчитывай. Они люди жадные. Надеюсь, новые владельцы не снесут его, теперь он выглядит намного лучше. Ты не знаешь, кто его унаследовал?

Я сказал, что не знаю.

— Что ж, если вдруг узнаешь, за сколько его продают, скажи мне. Мы подумывали его купить.

«Мы» предполагало наличие мистера Ричленда, но кто знает?

Я на голубом глазу сказал, что непременно это сделаю, и покатил тачку дальше, намотав поводок Радар на запястье. Старушка шла бодро, но подъем на холм был не особенно длинным. Я боялся, что все эти мили до заброшенного города

ей ни за что не пройти.

На этот раз Радар вела себя спокойнее, но как только я отстегнул ее поводок, она поспешила к раскладному дивану в гостиной, обнюхала его от края до края и улеглась рядом. Я принес ей миску воды, а потом пошел в сарай с пакетом негашеной извести. Посыпав ею останки таракана, я изумленно наблюдал, как его разложение ускорилось до предела. Слышались шипящие, булькающие звуки. От останков поднимался пар, и скоро на их месте не осталось ничего, кроме лужицы слизи.

Я подобрал с пола револьвер, отнес его обратно в дом и положил в сейф. Увидев пару гранул, которые закатились в углы, бросил их в ведро к остальному золоту. Когда я спустился вниз, Радар крепко спала.

«*Хорошо,* — подумал я. — *Поспи как можно больше, девочка, завтра у тебя будет трудный день*».

Трудный день ждал и меня, и это было хорошо. Я не переставал думать о другом мире — о красных маках вокруг тропинки, о женщине-обувщице с изуродованным лицом, о стеклянных башнях города, — но занятость, вероятно, удерживала меня от запоздалой реакции на близкое знакомство с Кристофером Полли. И это тоже было хорошо.

Маленький ублюдок в своей охоте за золотом не тронул стопки книг в коридоре между кухней и задней дверью. С книгами я не стал возиться, но потратил час на то, чтобы перетащить в сарай стопки журналов, заботливо связанные бечевкой. Несколькими я закрыл останки таракана, а большую часть сложил рядом с колодцем миров. Когда я — *мы* — буду спускаться туда в следующий раз, я положу эти стопки на доски, чтобы как можно лучше заслонить отверстие.

Закончив, я вернулся в дом и разбудил Радар. Я угостил ее лакомством из кладовки и вывел на прогулку. Я напомнил себе, что завтра нужно взять с собой ее игрушечную обезьянку. Она может захотеть поиграть с ней, когда мы доберемся до цели нашего путешествия. Если, конечно, не упадет с лестницы и не утащит меня за собой. И если она вообще захочет спускаться по этой лестнице.

Потом я положил в рюкзак пистолет Полли 22–го калибра, его бумажник и еще кое — какие вещи — немного, завтра я добавлю еще кое-что из кладовки мистера Боудича — и уселся за письмо отцу. Я хотел отложить это, но знал, что после будет некогда. Писать его было трудно.

«Дорогой папа,

Ты вернешься в пустой дом, потому что я уехал в Чикаго с Радар. Я нашел в Интернете кое-кого, кто добился поразительных успехов в восстановлении здоровья и жизненных сил старых собак. Я уже давно узнал про этого типа, но не хотел тебе говорить, потому что знаю, как ты относишься к «шарлатанским лекарствам». Может быть, оно такое и есть, но теперь благодаря наследству я могу позволить себе эти 750 долларов. Не буду просить тебе не волноваться, потому что ты все равно будешь, но беспокоиться тут не о чем. Что я тебе скажу, так это то, чтобы ты не пытался унять свое беспокойство выпивкой. Если я вернусь и увижу, что ты снова пьешь, это разобьет мне сердце. Не пытайся мне звонить, потому что я выключу мобильник. (Там, куда я направлялся, было совершенно все равно, включен телефон или выключен.) Я вернусь, и если это сработает, вернусь с совершенно другой собакой!

Верь мне, папа. Я знаю, что делаю.

С любовью,

Чарли».

Что ж, я надеялся, что знаю.

Я положил записку в конверт, написал на лицевой стороне «ПАПЕ» и оставил на кухонном столе. Потом открыл ноутбук и написал мейл на

адрес dsilvius@hillviewhigh.edu. Текст в нем был почти таким же. Я подумал, что если бы миссис С. была в комнате, когда я печатал, она бы сразу унюхала прогульщика. Я настроил письмо так, чтобы оно пришло на ее офисный компьютер в четверг днем. Мне могли сойти с рук два дня необъяснимого отсутствия, но, вероятно, не три. Я хотел, чтобы папа не вернулся раньше времени из своей поездки — а он бы обязательно вернулся, если бы миссис С. получила мое письмо раньше времени и позвонила бы ему.

Еще я должен был сообщить как можно большему количеству людей, что еду в Чикаго. Для этого я позвонил в полицейское управление и спросил, там ли детектив Глисон. Он был на месте, и я спросил его, есть ли у них какие-либо зацепки по делу о взломе на Сикамор-стрит, 1.

— Я хотел спросить сегодня, потому что завтра я везу собаку мистера Боудича в Чикаго. Я нашел там кое-кого, кто творит чудеса со старыми собаками.

Глисон сказал, что в деле нет ничего нового, чего я и ожидал. Со взломщиком я разобрался сам — по крайней мере, надеялся на это. Глисон пожелал мне удачи со старой псиной, и я принял это с благодарностью.

7

В тот вечер я подложил в порцию Радар три таблетки, а утром собирался дать ей еще три. В пузырьке осталось не так уж много, но, может быть, так и должно быть. Я не знал точно, что это такое, но думал, что это собачья скорость. Таблетки укорачивали ей жизнь и в то же время ускоряли ее. Я говорил себе, что должен только спустить ее с лестницы, а потом… что будет потом, я пока не знал.

Мой телефон снова заработал (хотя мне пришлось перезагрузить его, чтобы он показывал правильное время) и около семи зазвонил. На экране было слово «ПАПА». Я включил телевизор и немного увеличил громкость, прежде чем ответить на звонок.

— Привет, Чарли, у тебя все в порядке?

— Все норм. Ты лазил по деревьям?

Он рассмеялся.

— Нет, тут льет дождь. Вместо этого было много командных упражнений. Игра «Спятившие Страховщики». Что ты там смотришь?

— «Спортивный центр».

— Как собака?

— Радар? — она подняла на меня глаза с коври-

ка. — С ней все хорошо.

— Она ест?

— Съела все и вылизала миску.

— Рад это слышать.

Мы еще немного поговорили. Он казался спокойным, и я подумал, что обмануть его будет нетружно. Это и радовало меня, и наполняло стыдом.

— Если хочешь, я позвоню завтра вечером.

— Нет, я, наверное, пойду есть бургеры и играть в мини-гольф кое с кем из из ребят.

— А девушки будут?

— Вполне может быть. Я позвоню тебе, если что-нибудь случится. Пожар, или что-то подобное.

— Хороший план. Доброй ночи, Чип.

— Тебе тоже.

С того места, где я сидел, я видел письмо на кухонном столе. Мне не хотелось врать отцу, но другого выхода я не видел. Ситуация была чрезвычайной.

Вырубив телик, я решил лечь в восемь впервые за целую вечность. Встать я собирался как можно раньше. «Чем раньше начнешь, тем раньше сделаешь», — говаривала моя мать. Иногда я уже не мог вспомнить, как она выглядела, не посмотрев на ее фото, но помнил все ее фразы, даже сказан-

ные однажды. Память — странный механизм.

Я запер дверь, но не потому, что боялся Полли. Он, должно быть, знал, где я живу, но у него были сломаны обе руки, и я завладел его пистолетом. Денег и документов у него тоже не было. Я думал, что он уже спешит в Чикаго, где попытается превратить четыре золотых гранулы в наличные. Если он вообще сможет их продать, то получит не больше двадцати центов с доллара, и меня это радовало. Это было потрясно. Каждый раз, когда я начинал чувствовать жалость к нему или вину за то, что я сделал, я вспоминал, как он прижимает дуло своего пистолетика к моему затылку и говорит: «Не оборачивайся, это будет неразумно». Хотя я был рад и тому, что не убил его.

Я внимательно осмотрел себя в зеркале, пока чистил зубы. Вроде бы я выглядел как обычно, что было довольно удивительно после всего случившегося. Прополоскав рот, я повернулся и увидел Радар, сидящую в дверях ванной. Я наклонился и взъерошил шерсть по бокам ее морды.

— Хочешь завтра отправиться в дорогу, девочка?

Она пару раз стукнула хвостом по полу, потом пошла в комнату для гостей и улеглась возле моей кровати. Дважды проверив будильник,

чтобы убедиться, что он установлен на пять утра, я выключил свет. Я думал, что мне потребуется много времени, чтобы заснуть после всей этой езды на американских горках, но тут же начал уплывать в сон.

Я еще успел спросить себя, действительно ли я собираюсь рискнуть жизнью и получить кучу неприятностей как с отцом, так и в школе, из — за старой собаки, у которой уже был — по собачьим меркам — чертовски долгий век. Ответ казался мне утвердительным, но это была не единственная причина. Было еще чудо открытия, была тайна. Ради всего святого, я нашел другой мир. Я хотел увидеть город с зелеными башнями и выяснить, действительно ли это страна Оз, только с ужасным монстром — Гогмагогом — а не с обманщиком, прячущимся под разными масками. Я хотел найти солнечные часы и посмотреть, действительно ли они делают то, что сказал мистер Боудич. И не забывайте, что мне было семнадцать — самый подходящий возраст как для приключений, так и для дурацких ошибок.

Но да, в основном это была собака. Видите ли, я любил ее и не хотел потерять.

Я повернулся на бок и крепко заснул.

Глава тринадцатая
Звонок Энди. Радар принимает решение. Рагу. Гухоз

1

Радар, похоже, удивилась, что мы встаем так рано, но была готова съесть свой завтрак (с тремя добавленными к нему таблетками) и подняться на холм к дому 1. У Ричлендов было темно. Я залез в сейф, достал оттуда револьвер 45-го калибра и прицепил его к поясу. Учитывая 22-й калибр Полли в моем рюкзаке, я стал настоящим Двуствольным Сэмом[149]. В кладовке нашлось несколько пустых банок из-под соуса для спагетти. Я наполнил две сухим кормом для собак «Ориджен», плотно завинтил крышки, завернул их в кухонное полотенце и положил в рюкзак под футболку и нижнее белье («Никогда не отправляйся в путешествие без чистых трусов» — еще одно высказывание моей мамы). К этому добавились дюжина банок сардин «Король Оскар» (они пришлись мне по вкусу), пачка соленых крекеров, немного печенья с пеканом (немного, потому что все остальное я съел) и пучок вяленых колбасок «Перки». Плюс две оставшиеся бутылки

---

[149] Примечания: 149
Персонаж компьютерной игры-стрелялки.

колы из холодильника. Еще я сунул в рюкзак свой бумажник, чтобы, как и раньше, положить в задний карман фонарик.

Вы можете сказать, что это слишком скудные припасы для дороги протяженностью в сто миль туда и обратно, и, конечно, будете правы. Зато мой рюкзак был не таким уж тяжелым, и, кроме того, я надеялся, что обувщица предложит мне поесть. Возможно, она даже сможет пополнить мои запасы. Иначе мне придется как-то добывать пищу, и эта перспектива меня не радовала.

Больше всего меня беспокоил висячий замок на двери сарая. Я думал, что если сарай будет заперт, никто не обратит на него внимания. Если же замка не будет, кто-нибудь может войти в сарай, чтобы поискать меня, а пачки старых журналов не смогут полностью скрыть колодец. Я заснул с этой запутанной, как у Агаты Кристи, задачей, но проснулся с тем, что показалось мне хорошим решением Мало того, что сарай будет заперт снаружи — найдется еще один человек, который скажет, что я отвез Радар в Чикаго в надежде на чудесное исцеление.

Решением проблемы был Энди Чен.

Я ждал до семи часов, чтобы позвонить ему, думая, что к тому времени он уже встанет и будет

собираться в школу, но после четырех гудков был почти уверен, что мой звонок поступил на голосовую почту. Я уже обдумывал сообщение, которое оставлю, когда он ответил, нетерпеливый и немного запыхавшийся.

— Что тебе надо, Рид? Я только что вышел из гребаного душа и залил тут весь пол.

— О-о-о, — сказал я фальцетом, — Желтая Угроза обнажила себя!

— Очень смешно, расистский ублюдок. Что у тебя?

— Кое-что важное.

— В чем дело? — спросил он. Теперь это звучало серьезно.

— Слушай, я в «Хайболле» за городом. Ты ведь знаешь «Хайболл», верно?

Конечно, он знал. Это была стоянка грузовиков с лучшим ассортиментом видеоигр в Сентри. Мы забирались в машину того из нас, у кого были права — или садились в автобус, если такого не оказывалось, — и играли, пока не кончались деньги. Или пока нас не выгоняли.

— Что ты там делаешь? У тебя ведь уроки.

— У меня есть собака. Та самая, что так сильно напугала тебя, когда мы были детьми? Она не очень хорошо себя чувствует, а в Чикаго есть

кое-кто, кто может помочь старым собакам. Как бы омолодить их.

— Это разводка, — решительно заявил Энди. — Наверняка. Не будь дебилом, Чарльз. Когда собаки стареют, они стареют и все…

— Может, ты заткнешься и послушаешь? Один парень подвезет меня с Радар на своем фургоне за тридцать баксов…

— *Тридцать*…

— Я должен идти прямо сейчас или он уедет без нас. Мне нужно, чтобы ты запер дом.

— Ты забыл запереть свой…

— Нет, дом мистера Боудича! Я его не запер!

— А как ты добрался до «Хайболла»?

— Я упущу машину, если ты не заткнешься! Запри дом, ладно? Я оставил ключи на кухонном столе, — а потом, как будто это была запоздалая мысль. — И сарай на заднем дворе тоже запри. Замок висит у него на двери.

— Мне придется ехать в школу на велосипеде, а не на автобусе. Сколько ты мне заплатишь?

— Энди, ну хватит!

— Я шучу, Рид, я даже не буду просить тебя отсосать мне. Но если кто-нибудь спросит…

— Никто не спросит. А если кто-то это сделает, скажи правду: я поехал в Чикаго. Не хочу, чтобы у

тебя были неприятности, просто прошу запереть дом. И сарай. Я заберу у тебя ключи, когда мы вернемся.

— Ладно, запру. Ты останешься там на ночь или…

— Возможно. Может, даже на две ночи. Всё, мне нужно идти. Спасибо, Энди. Я твой должник.

Закончив разговор, я закинул рюкзак за плечи и снял с гвоздя поводок. Оставил связку ключей мистера Боудича на столе. Поднял Радар с лежанки. На заднем крыльце я остановился, глядя сверху на сарай. Неужели я действительно хочу спустить Радар по этим узким выщербленным ступенькам *(разной высоты)* на поводке? Плохая идея. Причем для нас обоих.

Было еще не поздно все отменить. Я мог бы позвонить Энди и сказать, что либо я передумал в последнюю минуту, либо вымышленный водитель фургона уехал без меня. Мог пойти домой, разорвать письмо на кухонном столе и стереть мейл, ждущий отправки миссис Сильвиус. Энди был прав: когда собаки стареют, они стареют и всё. Это не значило, что я не мог изучить этот другой мир; мне просто нужно было подождать.

Пока она не умрет.

Отстегнув ее поводок, я направился к сараю.

На полпути я оглянулся: она сидела там, где я ее оставил. Мне хотелось позвать ее, желание было сильным, но я этого не сделал. Я продолжал идти, а у двери в сарай опять оглянулся. Она все еще сидела у подножия лестницы. Я почувствовал горькое разочарование оттого, что вся моя подготовка — особенно выдумка по поводу висячего замка, — пропала даром, но все равно собирался уйти, оставив ее там.

Я уже хотел вернуться, когда Радар поднялась на ноги и нерешительно пошла через задний двор к тому месту, где я стоял у открытой двери сарая. Она помедлила, принюхиваясь. Я не стал включать лампы на батарейках, потому что с ее носом они ей были не нужны. Она посмотрела на стопки журналов, которыми я закрыл то, что осталось от таракана-гиганта, и с отвращением повела своим чутким носом. Потом повернулась к доскам, прикрывавшим колодец, и тут произошло нечто удивительное. Она подбежала к колодцу и начала царапать доски, тихо поскуливая от возбуждения.

«*Она помнит то место*, — подумал я. — *И это, должно быть, хорошие воспоминания, раз она хочет пойти туда снова*».

Я повесил замок на щеколду и прикрыл дверь,

оставив достаточно света, чтобы дорогу к колодцу.

— Радар, сейчас нужно вести себя тихо. Тише!

Скулеж прекратился, но она продолжала скрести доски. Ее желание спуститься заставило меня немного успокоиться насчет того, что находилось в конце подземного коридора. Действительно, чего мне там бояться? Маки выглядели прекрасными, а пахли еще лучше. В обувщице не было ничего плохого, она приняла меня радушно, утешила, когда я плакал, и я хотел увидеть ее снова.

А она хотела снова увидеть Радар. И Радар, я думаю, тоже хочет ее увидеть.

— Лежать.

Радар посмотрела на меня, но осталась стоять. Она смотрела то в темноту под досками, то на меня, потом опять на доски. Собаки находят способ донести до людей свою точку зрения, и я отлично понимал ее: *скорее, Чарли.*

— Радар, лежать!

Очень неохотно она легла на живот, но как только я отодвинул доски от входа в колодец, вскочила и помчалась по ступенькам, проворно, как щенок. Какое-то время я еще видел внизу пятна седины на ее загривке и возле хвоста, а потом они исчезли.

А я-то гадал, как спустить ее по ступенькам! Довольно забавно, не так ли? Как любил говорить мистер Невилл, мой учитель английского: «Ирония полезна для вашей крови».

2

Я чуть было не позвал ее назад, но понял, что это плохая идея. Вероятно, она не обратила бы на это внимания, но если бы обратила и попыталась развернуться на этих узких ступеньках, то почти наверняка разбилась бы насмерть. Все, что я мог — это надеяться, что она не оступится в темноте и все равно не разобьется. Или не начнет лаять, что, несомненно, распугает притаившихся гигантских тараканов, зато поднимет в воздух целую тучу летучих мышей — тоже гигантских.

В любом случае, я ничего не мог с этим поделать. Все, что я мог — это поспешить за ней. Я сошел на ступеньки по грудь, придвинул доски ближе к себе и начал укладывать на них связанные пачки журналов, стоявшие вокруг. Все это время я напряженно вслушивался, боясь услышать глухой удар и последний вопль Радар. Или, если бы падение не убило ее сразу, тихое поскуливание от боли, пока она лежала в грязи, медленно умирая из-за моей дурацкой идеи.

Я вспотел, как свинья, пока подтягивал к себе доски и пачки. Просунув руку сквозь стену журналов, я подцепил еще одну пачку, взвалил ее на голову, как туземка, несущая к реке корзину с бельем, а потом медленно присел. Последняя пачка плавно легла на доски, окончательно закрыв вход в колодец. Если Энди бегло осмотрит сарай, прежде чем запереть его, он ничего не увидит. Конечно, оставался вопрос о том, как я собираюсь выбраться наружу, но это была задача для другого дня.

Я начал спускаться по ступенькам, вжимаясь в изгибы стены и направив луч фонарика на ноги. Считая, как и раньше, ступеньки, я дошел до ста и посветил фонариком вниз, на дно колодца. Там блеснули два пугающих световых пятна — отражение света в собачьих глазах. Радар лежала внизу, с ней все было в порядке, и она ждала меня, вместо того чтобы убежать вперед по коридору. Испытав огромное облегчение, я начал спускаться быстрее — но не слишком быстро, поскольку не хотел оказаться у подножия лестницы со сломанной ногой. Или двумя. Дойдя до цели, я опустился на колено и обнял Радар. При обычных обстоятельствах она бы обрадовалась этому, но теперь почти сразу же отстранилась и

повернулась к коридору.

— Хорошо, пойдем, только не пугай здешнюю живность.

Она шла впереди меня, не бегом, но довольно быстро, без малейших признаков хромоты. По крайней мере, пока. Я снова спросил себя — что это за чудодейственные таблетки и сколько времени они забирают, пока дают силы? Мой отец всегда говорил, что бесплатных обедов не бывает.

Когда мы подошли к месту, которое я считал границей между мирами, я рискнул потревожить летучих мышей и направил фонарик на Радар, чтобы понаблюдать за ее реакцией. Я не увидел вообще ничего и подумал, не перестает ли человек — или собака — испытывать это чувство после первого раза. Тут меня снова настигло то же самое головокружение — ощущение выхода из тела. На этот раз оно прошло так же быстро, как и появилось, и вскоре я увидел пятно света там, где коридор выходил на склон холма.

Я догнал Радар, вместе с ней пробрался сквозь свисающие виноградные лозы и посмотрел вниз на маки. *Красная ковровая дорожка,* подумал я.

Добро пожаловать в другой мир.

3

На мгновение Радар застыла неподвижно, наклонив голову, навострив уши и поводя носом. Потом она пустилась по тропинке рысью, что было теперь ее лучшей скоростью — во всяком случае, я так думал. Я был на полпути вниз, когда Дора вышла из своего маленького домика с парой тапочек в руке. Радар была примерно в десяти футах впереди меня. Дора увидела, что мы приближаемся — точнее, увидела ту, кто шел на четырех ногах, а не на двух, — и выронила тапочки, упав на колени и протянув руки навстречу. Радар бросилась к ней, радостно лая. Под конец она немного снизила скорость (или это сделали ее больные лапы), но не настолько, чтобы не врезаться в Дору, которая шлепнулась на спину, а ее юбка взмыла вверх, открыв ярко-зеленые чулки. Радар лаяла и облизывала ее лицо, радостно виляя хвостом.

Я и сам пустился бежать, чувствуя, как нагруженный рюкзак колотит меня по спине. Поднырнув под ряд висящих ботинок, ухватил Радар за холку.

— Прекрати, девочка! Слезь с нее сейчас же!

Но это произошло не сразу, потому что Дора

обняла Радар за шею и прижала ее голову к своей груди — почти так же, как прежде меня. Ее ноги в тех же красных туфельках (в сочетании с зелеными чулками это выглядело совсем по-рождественски), дрыгали вверх-вниз, исполняя счастливый танец. Когда она села, я увидел, что на ее серых щеках появился слабый румянец, а ручейки липкой жидкости — наверняка это были слезы, — потекли из ее глаз-щелок, лишенных ресниц.

— Райй! — воскликнула она, снова обнимая мою собаку. Радар продолжала облизывать ее, виляя хвостом. — Райй, Райй, РАЙЙ!

— Я думаю, ребята, вы хорошо знаете друг друга, — сказал я.

4

Мне не нужно было залезать в свои припасы — Дора накормила нас, причем на совесть. Ее рагу было лучшим, какое я когда-либо ел, мясо и картошка плавали во вкуснейшей подливке. Мне пришло в голову — вероятно, под влиянием какого — то ужастика, — что мы, возможно, едим человеческую плоть, но потом я решительно отбросил эту идею. Эта женщина была доброй. Чтобы понять это, не нужно было видеть вы-

ражение ее лица или заглядывать в глаза — от нее просто веяло добром. А если бы я этому не поверил, достаточно было увидеть как радостно она встретила мою собаку. И, конечно, как Радар радовалась ей. Я тоже обнял ее, когда помогал подняться на ноги, но не так, как она обнимала Радар.

Я поцеловал ее в щеку, что казалось совершенно естественным. Дора обняла меня и повела внутрь. В коттеджем, состоявшем из одной большой комнаты, было очень жарко. В камине не горел огонь, но плита работала на полную мощность, а на плоской металлической конфорке (по-моему, она называется варочной панелью, но я могу и ошибаться) кипела кастрюля с тушеным мясом. Посреди комнаты стоял деревянный стол с вазой маков в центре. Дора достала две глиняные миски, которые казались слепленными вручную, и две деревянные ложки, жестом пригласив меня садиться.

Радар свернулась калачиком так близко к плите, как только могла, не рискуя опалить шерсть. Дора достала из шкафа еще одну миску и с помощью насоса, висевшего над кухонной раковиной, наполнила ее водой. Она поставила миску перед Радар, которая стала жадно лакать воду. Ее задние

лапы подрагивали, что было не очень хорошим знаком. Я старался идти помедленнее, чтобы ее не перенапрягать, но когда она увидела дом своей старой подруги, ничто не могло удержать ее на месте. Если бы она была на поводке (который лежал в моем рюкзаке), она бы просто вырвала его у меня из рук.

Дора поставила чайник, подала рагу и поспешила обратно к плите. Она достала из буфета кружки — как и миски, довольно грубой работы — и банку, из которой ложкой насыпала чай. Во всяком случае, я надеялся, что это обычный чай, а не что-то такое, от чего можно забалдеть. Я и так чувствовал себя достаточно обалдевшим, продолжая думать, что этот мир каким-то образом находится на дне моего. От этой идеи было трудно избавиться, потому что я спустился вниз, чтобы попасть сюда. И все же над головой было небо. Я чувствовал себя Чарли в Стране чудес, и если бы я выглянул из круглого окна коттеджа и увидел Безумного Шляпника, спешащего вприпрыжку по дороге, возможно, с ухмыляющимся Чеширским Котом на плече, я бы не удивился. Или, наоборот, удивился еще больше.

Странность ситуации не изменила того, что я был голоден; я слишком волновался, чтобы много

съесть на завтрак. Тем не менее, я подождал, пока она принесет кружки и сядет. Конечно, это была обычная вежливость, но я также подумал, что она, возможно, захочет произнести что-то вроде молитвы; з-з-з версия «Боже, благослови эту еду, которую мы собираемся съесть». Но она ничего такого не сделала — просто взяла ложку и жестом велела мне начинать. Как я уже сказал, рагу было восхитительным. Я выудил из него кусок мяса и показал ей, вопросительно подняв брови.

Полумесяц Дориного рта приподнялся в ее версии улыбки. Она подняла два пальца над головой и слегка подпрыгнула на стуле.

— Кролик?

Она кивнула, издав скрежещущий, булькающий звук. Я понял, что она смеялась или пыталась смеяться, и мне стало грустно так же, как когда я видел слепого или человека в инвалидном кресле, который никогда больше не сможет ходить. Большинству таких людей жалость не нужна. Они справляются со своими проблемами, помогают другим, живут полноценной жизнью. Они храбрые. Я это понимал и все же думал — может быть, потому что лично у меня все работало на пять баллов, — что с теми, ком достается такая участь, поступили подло и несправедливое. Я

вспомнил Джорджину Уомак, с которой ходил в начальную школу — на одной щеке у нее было здоровенное родимое пятно клубничного цвета. Джорджина была веселой девчонкой с острым умом, и большинство детей относились к ней нормально. Берти Берд, например, менялся с ней обедами. Я думал, что у нее наверняка все сложится хорошо, но жалел за то, что каждый день ей придется смотреть в зеркало на эту алую отметину. Это была не ее вина, и Дора не виновата, что ее смех, который должен быть красивым и звонким, звучал как раздраженное рычание.

Она в последний раз подпрыгнула, словно для большей убедительности, потом сделала вращательный жест в мою сторону: работай ложкой, пока не остыло.

Радар с трудом попыталась встать, и когда ей, наконец, удалось подтянуть под себя дрожащие лапы, подошла к Доре. Женщина хлопнула своей серой ладонью по серому лбу жестом «о чем я только думала». Найдя еще одну миску, она положила в нее немного мяса с подливкой и посмотрела на меня, приподняв редкие брови.

Я кивнул и улыбнулся:

— Угощают каждого, кто придет в Дом обу-

ви[150].

Дора одарила меня полумесяцем своей улыбки и поставила миску на стол. Радар устремилась к ней, виляя хвостом.

Во время еды я осмотрел другую половину комнаты. Там стояла аккуратно застеленная кровать, как раз подходящего размера для маленькой обувщицы, но большая часть помещения была мастерской. Или, скорее, реабилитационным отделением для раненых. У многих туфель были стоптанные задники, подошвы, отвалившиеся, как сломанные челюсти, или дыры на подметках и пальцах ног. Там была пара кожаных рабочих ботинок с разрезами сверху, словно их унаследовал кто-то, чьи ноги были больше, чем у предыдущего владельца. Кривая рана на шелковом сапожке королевского пурпура была зашита темно-синей ниткой — вероятно, более подходящей у Доры не нашлось. Некоторые ботинки были грязными, а некоторые — на столе — находились в процессе чистки и полировки при помощи содержимого маленьких металлических горшочков. Я задавался вопросом, откуда

[150] Примечания: 150

Перефразировнная строчка из песни джазового оркестра Кэба Кэллуэя, написанной в 1948 году и посвященной Дню благодарения: «Угощаю каждого, кто придет в мой дом».

все это взялось, но еще больше меня интересовал предмет, занимавший почетное место в рабочей половине коттеджа.

Между делом я опустошил свою миску, а Радар — свою. Дора взяла их и вопросительно подняла брови.

— Да, пожалуйста, — сказал я. — Но не кладите Радар слишком много, иначе она проспит весь день.

Дора положила сцепленные руки на затылок и закрыла глаза. Потом указала на Радар:

— *Пат.*

— Путь?

Дора покачала головой и изобразила ту же пантомиму.

— *Паат!*

— Ей нужно поспать?

Обувщица кивнула и указала на то место у плиты, где Радар лежала раньше.

— Она уже тут спала? Когда мистер Боудич приводил ее?

Дора снова кивнула и опустилась на колено, чтобы погладить Радара по голове. Радар смотрела на нее с чуством — могу ошибаться, но думаю, что это было обожание.

Мы доели вторую порцию тушеного мяса. Я

сказал Доре «спасибо», Радар повторила то же глазами. Пока Дора убирала наши тарелки, я встал, чтобы посмотреть на тот предмет в обувной больнице, что привлек мое внимание. Это была старомодная швейная машинка, из тех, что работают, когда нажимаешь педаль. На ее черном корпусе выцветшим золотом было выведено слово «ЗИНГЕР».

— Это принес мистер Боудич?

Она кивнула, похлопала себя по груди и потупилась. Когда она подняла голову, ее глаза были влажными.

— Он был добр к тебе, — она кивнула. — И ты была добра к нему. И к Радар.

Она сделала над собой усилие и внятно произнесла:

— *Таа.*

— У тебя так много обуви. Где ты ее берешь? И что с ней делаешь?

Казалось, она не знала, что на это ответить, и жесты, которые она делала, не помогали. Потом она просияла и пошла в мастерскую. Там был платяной шкаф, в котором, должно быть, хранилась ее одежда, и другие шкафы, которых было больше, чем в кухонной половине. Я предположил, что она хранила в них разное оборудование

для ремонта обуви. Наклонившись к нижнему ящику одного из шкафов, она достала маленькую грифельную доску, похожую на ту, которой пользовались дети в те времена, когда в школах было по одной комнате и на столах стояли чернильницы. Порылась еще и нашла огрызок мела. Отодвинула в сторону часть незавершенной работы на столе, медленно написала что-то и придвинула доску, чтобы я мог прочитать:

«Ищи гухоз».

— Не понимаю.

Она вздохнула, стерла написанное и поманила меня к скамейке. Я смотрел через ее плечо, пока она рисовала маленькую коробочку и две параллельные линии перед ней. Она постучала мелом по коробке, обвела рукой коттедж вокруг себя и снова постучала.

— Этот дом?

Она кивнула, указала на параллельные линии, а потом на единственное круглое окно слева от входной двери.

— Дорога.

— *Таа.* — Она подняла палец — *внимание, молодой человек!* — и немного расширила параллельные линии. Потом нарисовала еще одну коробку, над которой снова написала: «Ищи

гухоз».

— Гухоз?

— Да. — Она похлопала себя по губам, потом быстро задвигала пальцами в жесте щелкающих крокодильих челюстей, который я сразу понял.

— Говорить?

— *Таа!*

Она постучала по непонятному слову «гухоз», а после взяла меня за плечи. Ее руки были сильными от работы с обувью, серые кончики пальцев затвердели от мозолей. Она повернула меня и проводила до входной двери. Когда мы дошли, ткнула пальцем в меня, сделала двумя пальцами ходячие жесты и указала направо.

— Ты хочешь, чтобы я пошел и отыскал гухоз?

Она кивнула.

— Моей собаке нужен отдых. Она не в лучшей форме.

Дора указала на Радар и сделала жест, изображающий сон.

Я хотел спросить, далеко ли нужно идти, но сомневался, что она сможет ответить на такой вопрос. Лучше было оперировать простыми вопросами — «да» или «нет».

— Это далеко? — она покачала головой.

— Гухоз может говорить? — это, казалось, поза-

бавило ее, но она кивнула.

— «Гухоз» значит «глухой»? — улыбка-полумесяц, пожатие плечами и кивок, после которого она покачала головой. — Не понимаю, извините. Я вернусь до того, как стемнеет? — энергичный кивок. — Вы последите за Радар?

— *Таа*.

Поразмыслив, я решил попробовать. Если гухоз мог говорить, я мог узнать у него что-нибудь о Доре и о городе. Гухоз, возможно, даже знает о солнечных часах, которые должны снова сделать Радар молодой. Я решил, что прогуляюсь час или около того и если не найду гухоза, то вернусь назад.

Я начал открывать дверь (вместо ручки там была старомодная железная задвижка), но она взяла меня за локоть и подняла палец: *подожди немного*. Она поспешила обратно в свою обувную больницу, выдвинула ящик стола, достала что-то и принесла мне. Это были три маленьких кусочка кожи размером меньше ладони. Они напоминали подошвы ботинок, выкрашенные в зеленый цвет. Дора жестом велела мне положить их в карман.

— Для чего это? — она нахмурилась, потом улыбнулась и повернула руки ладонями вверх. Очевидно, ответ был слишком сложным.

Коснувшись лямок моего рюкзака, она вопросительно посмотрела на меня. Я решил, что она права, снял его и поставил рядом с дверью. Присев на корточки, достал из него бумажник и сунул в задний карман — как будто кто-то мог потребовать у меня документы, что казалось полным абсурдом. Делая это, я смотрел на Радар, задаваясь вопросом, как она отнесется к тому, что я оставлю ее с Дорой. Она подняла голову, когда я встал и открыл дверь, потом снова положила ее на лапы и задремала. А почему бы и нет? Ее живот был набит вкусной едой, и она оставалась со старым другом.

От дома аллея вела к широкой грунтовой дороге — настоящей магистрали, окруженной маками. Там были и другие цветы, но либо увядающие, либо уже мертвые. Я обернулся, чтобы посмотреть назад — над дверью висел большой деревянный башмак, ярко-красный, похожий на те, что носила Дора. Я подумал, что это, должно быть, вывеска. Она стояла под башмаком, улыбаясь и указывая направо, на случай, если я вдруг забыл, в какую сторону идти. Это было так по-матерински, что я не смог сдержать улыбки.

— Меня зовут Чарли Рид, мэм. И если я этого не говорил, то скажу: спасибо вам за то, что нас

накормили. Мне очень приятно с вами познакомиться.

Кивнув, она показала на меня, потом похлопала себя по груди в области сердца. Для этого перевод не требовался.

— Могу я спросить еще кое-что? — она кивнула. — Я говорю на вашем языке? Ведь так? — она засмеялась и пожала плечами — или не поняла меня, или не знала, или чувствовала, что это не имеет значения. — Ладно, все хорошо.

— *Хорр-о*.

Она вошла в дом и закрыла дверь. В начале дорожки была вывеска, похожая на меню, которое некоторые рестораны вывешивают на тротуаре. Ее сторона справа, в том направлении, куда мне требовалось идти, была пустой. На стороне, обращенной влево, был стишок из четырех строк на совершенно понятном английском языке:

Старую обувь можешь отдать
И у меня новую взять.
Если сюда решишь заглянуть,
Значит, удачным будет твой путь.

Я смотрел на эти слова гораздо дольше, чем требовалось, чтобы их прочитать. Теперь я понял, откуда взялись ботинки, которые она ремонтиро-

вала, но не только это — я узнал почерк. Я много раз видел его на чеках и на тех конвертах, что опускал в почтовый ящик на Сикамор-стрит, 1. Мистер Боудич сделал этот знак бог знает сколько лет назад.

5

Идти без рюкзака было легче, что меня радовало. Оглядываться в поисках Радар и не видеть ее было не так приятно, но я был уверен, что у Доры она в безопасности. Я не знал времени из-за того, что мой телефон не работал, а из-за постоянной облачности не мог даже приблизительно определить время по солнцу. Оно было там, наверху, но только в виде тусклого пятна за облаками. Я решил, что воспользуюсь старым скаутским способом определения времени и расстояния: сделаю три или четыре взгляда[151] и, если по-прежнему не увижу никаких признаков гухоза, то развернусь и пойду обратно.

В пути я думал о вывеске со стишком на ней. Меню ресторана должно быть написано с обеих сторон, чтобы его могли видеть идущие в разных направлениях. На этой доске стишок был только

---

[151] Примечания: 151
Путь до точки, которой достигает взгляд.

с одной стороны, что наводило на мысль, что движение по магистрали шло только в одну сторону — к дому, который я должен был отыскать. Я не мог понять, почему, но, может быть, гухоз мне это скажет. Если он, конечно, действительно существует.

Я дошел до конца третьего взгляда, где дорога поднималась и проходила через горбатый деревянный мост (русло ручья под ним было высохшим), когда начал слышать шум. Это были не машины, а что-то живое — похоже, птицы. Когда я добрался до самой высокой точки моста, то увидел справа от себя дом. На левой стороне дороги больше не было маков; лес подступил к самому краю. Дом был намного больше, чем коттедж обувщицы, почти как дом на ранчо в каком-нибудь вестерне по ТКМ, и рядом с ним стояли хозяйственные постройки, две большие и одна маленькая. Самая большая походила на амбар. Это была усадьба, за которой виднелся большой огород с аккуратными рядами растений. Я не знал, что это такое — из меня еще тот огородник, — но узнал кукурузу, когда увидел ее. Все здания были старыми и такими же серыми, как кожа обувщицы, но казались достаточно прочными.

Гул исходил от гусей, которых была по меньшей мере дюжина. Они окружали девушку в синем платье и белом фартуке. Одной рукой она придерживала фартук, другой брала из него пригоршни корма и разбрасывала вокруг. Гуси жадно накидывались на него, гогоча и хлопая крыльями. Неподалеку стояла белая лошадь, евшая что-то из жестяного корыта и выглядевшая тощей и старой. На ум откуда-то пришло слово «спавинированная»[152], но я не знал точно, что оно значит и можно ли его применить к этому животному. На ее голове сидела бабочка — нормального размера, что было для меня некоторым облегчением. Когда я приблизился, она улетела.

Должно быть, девушка заметила меня краем глаза, потому что подняла глаза и замерла, засунув одну руку в фартук, а гуси толкались и хлопали крыльями у ее ног, требуя добавки.

Я тоже замер, потому что теперь понял те слова, что пыталась донести до меня Дора — гусиная хозяйка. Но это была не единственная причина, по которой я застыл. Ее волосы были глубокого темно-каштанового цвета с пробивающимися сквозь них более светлыми прядями. Они спадали ей на

---

[152] Примечания: 152
Лошадь, страдающая болезнью суставов.

плечи. Глаза у нее были большими и голубыми, что совсем не походило на полустертые щелочки Доры. Ее щеки розовели. Она была молода и не просто хороша собой, а прямо-таки прекрасна. Ее сказочную прелесть омрачало только одно: между ее носом и подбородком не было ничего, кроме узловатой белой линии, похожей на шрам от давно зажившей раны. На правом конце шрама виднелось красное пятно размером с десятицентовик, похожее на маленькую нераспустившуюся розу.

У гусиной хозяйки не было рта.

6

Когда я подошел к ней, она отступила на шаг в сторону одной из хозяйственных построек — возможно, это был. сеновал. Оттуда тут же вышли двое серокожих мужчин, один из которых держал вилы. Я остановился, напоминая себе, что вооружен, и поднял вверх руки.

— Все в порядке. Я не причиню вам вреда. Меня послала Дора.

Девушка еще несколько мгновений стояла неподвижно, принимая решение. Потом вытащила руку из фартука и сыпанула гусям еще корма. Другой рукой она сначала сделала жест, отпра-

вивший ее батраков обратно, а потом поманила меня к себе. Я шел медленно, все еще держа руки поднятыми. Три гуся, хлопая крыльями, направились было ко мне, но увидели мои пустые руки и вернулись к девушке. Лошадь, поглядев на меня, вернулась к своему обеду. Или, может быть, это был ужин, потому что пятно солнца уже двигалось к лесу на дальней стороне дороги.

Гусиная девушка продолжала кормить своих питомцев, казалось, совершенно забыв про свой минутный испуг. Я стоял на краю двора, не зная, что сказать. Мне пришло в голову, что старая подруга Радар, должно быть, разыграла меня. Я спросил, может ли гухоз говорить, и Дора кивнула, но при этом улыбалась. Отличная шутка — отправить меня за ответами к девушке, лишенной рта.

— Я не местный, — сказал я, что было глупо; уверен, она и сама это видела. Но она была такой красивой. В каком-то смысле шрам, который должен был быть ее ртом, и пятно рядом с ним даже делали ее еще красивее. Наверное, это звучит странно, может быть, даже извращенно, но это было именно так.

— Я… ой, — один из гусей клюнул меня в лодыжку.

Это, казалось, позабавило ее. Она сунула руку в фартук, достала остатки корма, зажала их в крошечный кулачок и протянула мне. Я раскрыл ладонь, и она высыпала в нее небольшую горку чего-то похожего на пшеницу, смешанную с кукурузными зернами. Другой рукой она взялась за мою, прикосновение ее пальцев напоминало слабый электрический разряд. Я был сражен наповал — думаю, как и любой молодой парень на моем месте.

— Я пришел сюда, потому что моя собака старая, и один человек сказал, что в городе, — я показал в его сторону. — есть способ снова сделать ее молодой. Я хочу попробовать. У меня есть много вопросов, но я вижу, что ты… не совсем, понимаешь… не можешь…

На этом я остановился, боясь обидеть ее, и высыпал гусям свою пригоршню корма. Я чувствовала, как горят мои щеки.

Это, казалось, тоже ее развеселило. Сняв фартук, она аккуратно отряхнула его. Гуси собрались вокруг, чтобы собрать в пыли последние кусочки корма, а потом направились к сараю, с гоготом обсуждая что-то — вероятно, меня. Девушка подняла руки над головой, из-за чего платье туго натянулось на ее восхитительной груди (да, я на

нее смотрел — можете меня за это осудить), и дважды хлопнула в ладоши.

Старая белая лошадь подняла голову и неторопливо направилась к ней. Я увидел, что в ее гриву вплетены цветные стекляшки и ленточки. Эти украшения навели меня на мысль, что лошадь женского пола. В следующий момент я убедился в этом: когда лошадь заговорила, голос был женским.

— Я отвечу на твои вопросы, потому что тебя послала Дора и потому что моя хозяйка знает пояс с красивыми голубыми камнями, который ты носишь.

Лошадь, казалось, не интересовалась ни поясом, ни револьвером 45-го калибра — она смотрела на дорогу и деревья за ней. На пояс смотрела гусиная хозяйка. Потом она снова устремила на меня свои блестящие голубые глаза.

— Тебя послал Адриан?

Голос исходил от белой лошади — по крайней мере, с ее стороны, — но я мог видеть, как двигаются мышцы на горле девушки и вокруг того, что когда-то было ее ртом.

— Ты чревовещатель! — выпалил я.

Она улыбнулась одними глазами и взяла меня за руку. Это снова пронизало меня электриче-

ским разрядом.

— Пойдем.

Гусиная хозяйка повела меня вглубь фермы.

Глава четырнадцатая
Лия и Фалада. «Помоги ей». Встреча в дороге. Волчата. Две луны

1

Мы проговорили всего час, и больше говорил я, но этого было достаточно, чтобы понять, что она не обычная фермерша. Это, наверное, звучит снобистски, как будто я не верю, что девушки с фермы могут быть умными, симпатичными или даже красивыми. Я не имею в виду ничего такого. Уверен, что где-то в нашем большом мире есть даже фермерские девушки, которые занимаются чревовещание. Нет, дело было совсем не в этом. Весь ее вид выражал уверенность, как будто она привыкла к тому, что люди — и не только батраки — выполняют ее приказы. После первого испуга, вызванного моим внезапным появлением, она совершенно перестала меня бояться.

Мне, наверное, не нужно говорить вам, что мне потребовался всего час, чтобы влюбиться в нее по уши, потому что вы и так это знаете. Это ведь и происходит в сказках. Только для меня это была не сказка, а моя жизнь. Такова уж удача Чарли Рида — влюбиться в девушку не только старше меня, но и в ту, чьи губы я никогда не смогу поцеловать. Хотя я был бы рад поцеловать

даже шрам на том месте, где должны быть губы, но никогда бы на это не решился. Я знал, что эта девушка, был у нее рот или нет, не предназначена для таких, как я. Она была чем-то большим, чем простая фермерша, кормящая гусей. Чем-то гораздо большим.

Кроме того, всякая романтика пропадает, когда красивой девушке приходится разговаривать с влюбленным Ромео при помощи лошади.

А у нас с ней было именно так.

2

Рядом с садом была беседка. Мы зашли в нее и сели за маленький круглый столик. Пара рабочих вышла из зарослей кукурузы и направилась в амбар с полными корзинами, так что я предположил, что у них здесь лето, а не начало октября. Лошадь щипала траву неподалеку. Серокожая женщина с сильно оплывшим лицом принесла и поставила на стол поднос. На нем были две матерчатые салфетки, стакан и два кувшина, один большой, а другой размером с те крошечные кувшинчики, которые подают в закусочных. В большом было питье, похожее на лимонад, в маленьком — что-то желтое, напоминающее тыквенное пюре. Гусиная девушка жестом велела

мне налить себе из большого кувшина и выпить. Я так и сделал, испытывая некоторое смущение — ведь у меня был рот, которым я мог пить.

— Вкусно, — сказал я, что так и было: правильная смесь сладкого и терпкого.

Серая служанка, все еще стоявшая за плечом гусиной хозяйки, указала на желтое пюре в кувшинчике. Девушка кивнула, но ее ноздри испустили тяжкий вздох, а шрам, который должен был быть ртом, немного скривился. Служанка достала стеклянную трубку из кармана платья, такого же серого, как и ее кожа. Она наклонилась, намереваясь сунуть ее в пюре, но девушка взяла у нее из рук трубку и положила на стол. Посмотрев на служанку, она кивнула и сложила руки, словно делая намасте[153]. Серая кивнула в ответ и ушла.

После этого девушка хлопнула в ладоши, подзывая лошадь. Та подошла и просунула голову через перила между нами, все еще дожевывая последний пучок травы.

— Я Фалада, — сказала лошадь, но ее рот не двигался, как у куклы, сидящей на колене чревовещателя; она просто продолжала жевать. Я

---

[153] Примечания: 153

Намасте — индийское приветствие, соединение двух ладоней перед грудью.

понятия не имел, почему девушка продолжает эту игру с передачей голоса. — А мою хозяйку зовут Лия.

Позже благодаря Доре я узнал правильное произношение, но тогда услышал имя Лея, как в «Звездных войнах». Это казалось не слишком странным после всего, что произошло. Я уже встретил вариант Румпельштильцхена и старушку, которая жила не в башмаке, но под его знаком[154]; я и сам был версией Джека, мальчика с бобового стебля — а разве «Звездные войны» не такая же сказка, хотя и с отличными спецэффектами?

— Приятно познакомиться с вами обоими, — сказал я. Из всех странных событий, которые произошли со мной в тот день (впереди были еще более странные), это было во многих отношениях самым странным — или, может быть, следует сказать «самым сюрреалистичным». Я не знал, на кого из них смотреть, и в итоге стал вертеться взад-вперед, как человек, наблюдающий за теннисным матчем.

— Так тебя послал Адриан?

— Да, но я знал его как Говарда. Он был Адриа-

[154] Примечания: 154

Имеется в виду английский детский стишок о старушке, живущей в башмаке.

ном… раньше. Как давно ты его не видела?

Лия обдумала этот вопрос, сдвинув брови. Даже в нахмуренном виде она была красива (впредь постараюсь воздерживаться от подобных замечаний, но это будет нелегко). Потом она подняла глаза.

— Я была намного моложе, — сказала Фалада. — Адриан тоже был моложе. С ним была собака, совсем щенок. Она везде бегала. У этого щенка было странное имя.

— Радар?

— Да.

Лия кивнула, а лошадь просто продолжала жевать, не проявляя никакого интереса к происходящему вокруг.

— Адриан умер? Я думаю, что если ты здесь с его поясом и оружием, то это так.

— Да.

— Значит, он решил не поворачивать солнечные часы еще раз? Если так, то он поступил мудро.

— Да. Он это сделал, — я отпил немного лимонада, потом поставил стакан и наклонился к ней. — Я здесь из-за Радар. Она уже старая, и я хочу отвести ее к этим солнечным часам и посмотреть, смогу ли я…, — я задумался и вспомнил

еще одну научно-фантастическую сказку под названием «Бегство Логана»[155]. — Смогу ли я продлить ее жизнь. У меня есть вопросы…

— Расскажи мне свою историю, — попросила Фалада. — Я отвечу на твои вопросы позже, если сочту это нужным.

Позвольте мне прерваться на этом и сказать, что я получил от Лии кое-какую информацию через Фаладу, но она узнала от меня гораздо больше. В ней было что-то такое, как будто она привыкла командовать людьми — но без всякой грубости или угроз. Есть люди — знатного происхождения, — которые знают, что должны быть приятными и вежливыми, особенно потому, что от них этого никто не требует. Но, приятные или нет, они обычно получают все, что хотят.

Поскольку я хотел вернуться в дом Доры до наступления темноты (я понятия не имел, что в темноте может выйти из этого леса), я в основном придерживался своего плана. Я рассказал ей, как познакомился с мистером Боудичем, как заботился о нем и как мы стали друзьями. Расска-

---

[155] Примечания: 155

Роман-антиутопия американских писателей Уильяма Нолана и Джорджа Джонсона, опубликованный в 1967 году и позже экранизированный. Изображает общество будущего, где в целях экономии ресурсов каждого достигшего 21 года убивают. Герой романа Логан ищет загадочное убежище, где сможет пережить этот возраст.

зал о золоте и объяснил, что на данный момент его у меня достаточно, но со временем может понадобиться больше, чтобы охранять колодец, ведущий в этот мир, от людей, которые могут воспользоваться им с дурными намерениями. Я даже попытался им объяснить, что теперь, когда мистер Генрих мертв, мне придется найти способ конвертировать золото в наличные.

— Потому что мне много лет придется платить налоги, а они у нас довольно большие. Вы знаете, что такое налоги?

— О да, — сказала Фалада.

— Но сейчас меня больше всего беспокоит Радар. Солнечные часы находятся в городе, верно?

— Да. Но если ты пойдешь туда, веди себя очень тихо и следуй всем указаниям Адриана. И ты никогда, никогда не должен ходить туда ночью. Ты — один из целых людей.

— Целых?

Она потянулась через стол, чтобы поочередно коснуться моего лба, щеки, носа и рта. Ее пальцы были легкими, прикосновение мимолетным, но через меня пробежали новые электрические разряды.

— Целых, — повторила Фалада. — Не серых и не *порченых*.

— Что здесь случилось? — спросил я. — Это был Го…

На этот раз ее прикосновение не было легким; она хлопнула ладонью по моему рту достаточно сильно, чтобы у меня лязгнули зубы.

— Никогда не произноси его имени, чтобы не ускорить его пробуждение, — она приложила руку к горлу, потирая его с правой стороны.

— Ты устала, — сказал я. — То, что ты делаешь, чтобы разговаривать, должно быть больно.

Она кивнула.

— Я пойду. Может быть, мы сможем еще поговорить завтра.

Я начал вставать, но она жестом велела мне остаться: смысл команды не вызывал никаких сомнений. Потом подняла палец в другом жесте, который Радар хорошо бы поняла: *сидеть*.

Она опустила стеклянную трубку в желтое пюре, потом поднесла указательный палец правой руки к красному пятну — единственному изъяну на ее белоснежной коже. Я увидел, что все ее ногти были коротко подстрижены, кроме одного на этом пальце. Она вдавливала ноготь в пятно до тех пор, пока он не вошел внутрь. Тогда она потянула в сторону, плоть открылась, и тонкая струйка крови потекла по линии подбородка. Она

вставила трубку в проделанное маленькое отверстие, и ее щеки втянулись, пока она всасывала то, что было ее пищей. Половина пюре в маленьком кувшинчике исчезла — мне этого хватило бы на один глоток. Ее горло дернулось не один раз, а несколько. Должно быть, на вкус это было так же противно, как и на вид, потому что она прямо-таки давилась им. Она вытащила трубку из того, что было бы трахеотомическим разрезом, если бы находилось в горле. Дырочка тут же исчезла, но пятно на белой коже выглядело еще краснее, чем прежде. Оно казалось проклятием ее красоте.

— Неужели этого тебе достаточно? — в моем голосе звучал ужас, я ничего не мог с этим поделать. — Ты ведь почти ничего не съела!

Она устало кивнула.

— Проделывать проход больно, а вкус у этого неприятный, особенно когда столько лет приходится есть одно и то же. Иногда я думаю, что предпочла бы умереть с голоду, но кое-кому это доставило бы слишком много удовольствия, — она наклонила голову влево, в ту сторону, откуда я пришел, и в ту, где находился город.

— Прости, — сказал я. — Если бы я мог что-то сделать…

Она кивком показала, что понимает (конечно,

люди хотели что-то сделать для нее, даже, наверное, дрались друг с другом, чтобы быть первыми в очереди) и снова сделала свой жест-намасте. Потом взяла одну из салфеток и промокнула ей струйку крови. Я слышал о проклятиях — в сказках их полно, — но первый раз видел их в действии.

— Следуй его меткам, — сказала Фалада. — Не заблудись, иначе ночные солдаты схватят тебя. И Радар. — это слово далось ей нелегко, прозвучав как «райяр» и заставив вспомнить восторженные крики Доры при виде моей собаки. — Солнечные часы находятся на площади у стадиона, с задней стороны дворца. Ты можешь добиться цели, если будешь действовать быстро и тихо. Что касается золота, о котором ты говоришь, то оно внутри. Добраться до него гораздо труднее — и опаснее.

— Лия, ты когда-то жила в этом дворце?

— Давно, — сказала Фалада.

— Ты что…, — мне пришлось заставить себя произнести это, хотя ответ казался очевидным. — Ты принцесса? — спросил я.

Она наклонила голову.

— Была ею, — Лия теперь говорила о себе — через Фаладу — в третьем лице. — Самая маленькая из всех, потому что у нее было четыре старших

сестры и два брата — принца, если угодно. Все ее сестры умерли — Друзилла, Элейна, Джойлин и Фалада, моя тезка. Роберт тоже умер, она видела его бедное раздавленное тело. Умер и Элден, который всегда был добр к ней. Ее мать и отец тоже мертвы. Мало кто из всей семьи выжил.

Я молчал, пытаясь осознать чудовищность такой трагедии. У меня отняли только мать, и это было достаточно тяжело.

— Ты должен увидеть дядю моей хозяйки. Он живет в кирпичном доме недалеко от Прибрежной дороги. Он расскажет тебе больше. А теперь моя госпожа очень устала. Она желает тебе доброго дня и счастливого пути. Ты должен остаться на ночь у Доры.

Я встал. Солнечное пятно почти достигло деревьев.

— Моя госпожа желает тебе удачи. Она говорит, что, если ты омолодишь собаку Адриана, как ты хочешь, то должен привести ее сюда, чтобы госпожа могла посмотреть, как она скачет и бегает, как когда-то.

— Я так и сделаю. Могу я задать еще один вопрос?

Лия устало кивнула и подняла руку — *давай, но быстро*.

Я достал из кармана маленькие кожаные туфельки и показал их Лии, а потом (чувствуя себя немного глупо) Фаладе, которая снова не проявила абсолютно никакого интереса.

— Дора дала мне это, но я не знаю, что с ними делать.

Лия улыбнулась одними глазами и погладила Фаладу по носу.

— На пути к дому Доры ты можешь встретить путников. Если они босиком, значит, отдали ей изношенную обувь для починки. Тогда отдай им эти жетоны. Вниз по дороге в той стороне…, — она махнула в направлении города. — есть магазинчик, которым владеет младший брат Доры. Если путешественник даст ему такой жетон, он обменяет его на новую обувь.

Я обдумал это.

— Дора чинит изношенную обувь.

Лия кивнула.

— А ее владельцы идут к ее брату-лавочнику.

Новый кивок.

— Когда Дора обновит эти туфли — как я надеюсь обновить Радар, — она относит их своему брату?

Еще кивок.

— А брат продает их? — спросил я.

Лия покачала головой.

— Но почему? Магазин должен приносить прибыль.

— В жизни есть нечто большее, чем выгода, — наставительно сказала Фалада. — Моя госпожа очень устала, ей надо отдохнуть.

Лия взяла мою руку и сжала ее. Можно не говорить вам, что я при этом почувствовал. Выпустив ее, она хлопнула в ладоши. Фалада неторопливо зашагала прочь. Один из серых батраков вышел из сарая и легонько шлепнул лошадь по боку. Та довольно охотно направилась к амбару вслед за ним.

Когда я оглянулся, то увидел женщину, которая приносила нам пюре и лимонад. Кивнув мне, она указала на дом и дорогу за ним. Это, несомненно, означало, что аудиенция окончена.

— До свидания и спасибо тебе, — сказал я.

Лия снова сделала намасте, потом устало опустила голову. Служанка (возможно, она была фрейлиной) проводила меня до дороги, ее длинное серое платье касалось земли.

— Ты можешь говорить? — спросил я ее.

— Немного, — это было похоже на хриплое карканье. — Больно.

На дороге я показал в сторону, откуда пришел.

— Как далеко до кирпичного дома ее дяди? Знаешь?

Она подняла бесформенный серый палец.

— День?

Она кивнула — как я понял, здесь это была самая распространенная форма общения. Ею пользовались те, кто не мог освоить чревовещание.

День, чтобы добраться до дяди. Если до города было двадцать миль, то это, возможно, удлинит путешествие на день, а скорее всего, на два. Или даже три. Считая возвращение к подземному коридору, ведущему к колодцу, всего это займет шесть дней, и то при условии, что все пройдет нормально.

К тому времени мой отец наверняка вернется и узнает о моем исчезновении. Он испугается и может захотеть выпить. Я поставил трезвость моего отца под угрозу из-за собаки… И даже если волшебные солнечные часы существуют, кто знает, сработают ли они на пожилой немецкой овчарке? Я понял — вы скажете, что я должен был понять это раньше, — что задуманное мной было не просто безумным, но еще и эгоистичным. Если я сейчас вернусь, никто ничего не узнает. Конечно, мне пришлось бы как-то выбираться из сарая,

если Энди запер его, но я думал, что у меня хватит для этого сил. Я был одним из немногих игроков в команде школы Хиллвью, кто мог ударом по манекену не просто отбросить его на фут или два назад, а опрокинуть. Было и еще кое-что: я скучал по дому. Меня не было там всего несколько часов, но день уже подходил к концу в этой печальной серой стране, где яркий цвет исходил только от огромных маковых полей… Да, я скучал.

Я решил взять Радар и вернуться. Обдумать все варианты. Постараться составить план получше, такой, при котором я мог бы отсутствовать неделю или даже две, не вызвав ни у кого беспокойства. Я понятия не имел, каким будет этот план, и, думаю, в глубине души (в том темном маленьком чулане, где мы пытаемся хранить секреты от самих себя) знал, что буду откладывать его до тех пор, пока Радар не умрет — это было то, что я намеревался сделать.

До тех пор, пока серая девушка не взяла меня за локоть. Насколько я мог судить по тому, что осталось от ее лица, она боялась сделать это, но тем не менее ее хватка была твердой. Она притянула меня к себе, встала на цыпочки и прошептала своим каркающим голосом:

— Помоги ей.

3

Я медленно шел обратно к Дому обуви Доры, едва замечая, как меркнет дневной свет. Я вспоминал, как Лия (о которой я тогда все еще думал как о Лее) прорвала ногтем пятно рядом с тем, что было ее ртом. Как у нее текла кровь, как ей, должно быть, было больно, но она делала это потому, что это отвратное пюре было единственным, чем она могла питаться, чтобы выжить.

Когда она в последний раз ела кукурузный початок, или стебель сельдерея, или тарелку вкусного рагу из кролика, приготовленного Дорой? Была ли она уже безгубой, когда Радар в щенячьем возрасте резвилась вокруг гораздо более молодой Фалады? Была ли ее красота, не увядшая несмотря на многолетнее недоедание, своего рода жестокой шуткой? Может быть, ее проклятие заключалось именно в том, чтобы выглядеть красивой и здоровой, хотя она постоянно голодает?

Помоги ей.

Был ли способ сделать это? В сказке наверняка был. Я вспомнил, как мама читала мне сказку о Рапунцель, когда мне было не больше пяти. Воспоминание было ярким из-за финала истории:

ужасная жестокость, обращенная вспять любовью. Злая ведьма наказала принца, который спас Рапунцель, ослепив его. Я живо вспомнил изображение бедного парня, бредущего через темный лес с вытянутыми руками, чтобы не наткнуться на что-нибудь. Наконец он воссоединился с Рапунцель, и ее слезы вернули ему зрение. Был ли какой-нибудь способ, которым я мог вернуть Лии рот? Слезы тут вряд ли помогут, но, наверное, я мог бы что-то сделать; в мире, где движение солнечных часов задом наперед может повернуть вспять годы, возможно все.

Кроме того, покажите мне здорового подростка, который не хочет стать героем сказки и спасти прекрасную принцессу, и я не увижу вообще никого. Что касается возможности, что мой отец может снова начать пить, то Линди однажды сказал мне такую вещь: «Ты не можешь приписывать себе заслугу того, что он стал трезвенником, потому что это сделал он. И если он снова запьет, ты не сможешь винить в этом себя, потому что это тоже сделает он сам».

Я смотрел себе под ноги и был погружен во все эти мысли, когда услышал скрип колес. Подняв глаза, я увидел маленькую ветхую повозку, едущую в мою сторону и запряженную такой старой

лошадью, что Фалада рядом с ней показалась бы воплощением здоровья и молодости. В телеге лежало несколько мешков, на верхнем из которых сидел мальчик. Рядом шли — тащились — молодой мужчина и женщина. Они были серыми, но не настолько, как батраки и служанки Лии. Если этот грифельный цвет был признаком болезни, то эти люди находились еще на ранней ее стадии… И, конечно, сама Лия вовсе не была серой, хоть и не имела рта. Это была еще одна загадка.

Молодой человек натянул поводья лошади и остановил ее. Пара смотрела на меня со смесью страха и надежды. Я мог достаточно легко узнать их мысли, потому что они читались на их лицах. Глаза женщины уже начали сужаться, но им было еще далеко до тех щелочек, которыми Дора наблюдала за миром. Мужчина выглядел получше — если бы не его нос, который казался расплавившимся, он мог бы быть даже красивым.

— Будь здрав, — сказал он. — С добром ли ты нас встречаешь? Если нет, возьми то, что тебе нужно. У тебя есть оружие, у меня его нет, и я слишком устал и измучен, чтобы драться с тобой.

— Я не грабитель, — сказал я. — Просто путешествую, как и вы.

На женщине были короткие ботинки на шну-

ровке, которые выглядели грязными, но целыми. У мужчины обуви не было.

— Не тот ли ты, кого мы должны встретить по словам той дамы с собакой?

— Думаю, это я.

— Значит, у тебя есть жетон? Она сказала, что ты дашь его мне, потому что я отдал ей свои сапоги. Они принадлежали моему отцу и уже совсем развалились.

— Ты ведь не причинишь нам вреда, правда? — вмешалась молодая женщина. Голос ее был хриплым — еще не рычащим, как у Доры, но приближающимся к этому.

«Эти люди прокляты, — подумал я. — *Все они. И это проклятие действует медленно. Что может быть хуже?»*

— Нет, не причиню, — я достал из кармана один из маленьких кожаных жетонов и дал его мужчине, который поспешно сунул добычу в карман.

— И он даст моему мужу обувь? — спросила женщина своим охрипшим голосом.

Я ответил на этот вопрос осторожно, как и подобает мальчику, чей отец работал в страховом бизнесе.

— Таковы условия сделки, как я их понял.

— Нам надо спешить, — вмешался ее муж. Его голос был немного лучше, но там, откуда я родом, никто бы не дал ему работу телевизионного диктора или чтеца аудиокниг. — Спасибо тебе.

Из леса на дальней стороне дороги донесся вой. Он поднимался все выше, пока не превратился в визг. Это был пугающий звук, и женщина прижалась к мужчине.

— Надо спешить, — повторил он. — Это волчата.

— Где вы остановитесь?

— Дама с собакой показала нам доску с картинками и нарисовала то, что показалось нам домом и сараем. Ты видел их?

— Да, и я уверен, что там вас примут. Но поторопитесь, и я сделаю то же самое. Не думаю, что оставаться на этой дороге после темноты будет..., — «круто», вот что я подумал, но не смог это сказать. — Будет разумно.

Нет, потому что, если придут волки, у этих двоих не будет дома из соломы или веток, чтобы спрятаться, не говоря уже о кирпичном. Они были чужими в этой местности. У меня, по крайней мере, был здесь друг.

— А теперь идите. Думаю, завтра ты получишь новые сапоги. Там есть магазин, по крайней мере,

мне так сказали. Его хозяин даст тебе обувь, если покажешь ему этот… ну, ты понял… этот знак. Я хочу задать вам один вопрос, если можно.

Они ждали.

— Что это за страна? Как вы это называете?

Они посмотрели на меня так, как будто у меня сорвало резьбу — эту фразу я, вероятно, тоже не смог бы произнести, — а потом мужчина ответил.

— Это Эмпис.

— Спасибо.

Они пошли своей дорогой, а я своей, набирая темп, пока не перешел почти на бег трусцой. Воя я больше не слышал, но сумрак совсем сгустился к тому времени, когда я увидел обрадовавший меня свет в окне коттеджа Доры. Вдобавок она поставила лампу у входа на крыльцо.

В темноте ко мне направилась какая-то тень, и я опустил руку на рукоять 45-го калибра мистера Боудича. Тень уплотнилась, превратившись в Радар. Я встал на одно колено, чтобы она не напрягала свои больные лапы, пытаясь прыгнуть на меня — а она явно собиралась это сделать. Обнял ее за шею и притянул к груди.

— Привет, девочка, как у тебя дела?

Ее хвост вилял так сильно, что зад качался взад-

вперед, как маятник. Собирался ли я позволить ей умереть, если мог хоть что-то с этим сделать? Какая чушь!

«*Помоги ей*», — сказала служанка Лии, и там, на темной дороге, я твердо решил помочь им обоим — старой собаке и гусиной принцессе.

Если только сумею.

Радар отошла к маковому полю на обочине дороги и присела там.

— Хорошая идея, — сказал я, расстегивая ширинку. Я держал руку на рукоятке револьвера, пока делал свое дело.

4

Дора приготовила для меня постель возле камина. На подушку была нашита аппликация из разноцветных бабочек. В ответ на мою искреннюю благодарность она сделала реверанс. Я удивился, увидев, что ее красные туфли (похожие на те, что носила Дороти в стране Оз) сменились парой желтых кроссовок «Конверс»[156].

— Это мистер Боудич подарил их?

Кивнув, она посмотрела на них сверху вниз со

[156] Примечания: 156

Продукция американской обувной компании «Converse», которой сейчас владеет корпорация «Nike».

своей версией улыбки.

— Они у вас самые любимые? — мне показалось, что так и должно быть, потому что они были безупречно чистыми, как будто их только что достали из коробки.

Кивнув, она показала на меня, потом на кроссовки: «*Я надела их для тебя*».

— Спасибо, Дора.

Ее брови, казалось, плавились на лбу, но она подняла то, что от них осталось, и повернулась в ту сторону, откуда я пришел.

— *Ззи?*

— Я не понимаю.

Она подошла к своей мастерской и взяла маленькую классную доску. Стерла квадраты, обозначающие дом и сарай, которые, должно быть, показывала мужчине и женщине, и большими заглавными буквами вывела: «ЛИЯ». Потом, подумав, добавила: "?»

— Да, — сказал я. — Гусиная хозяйка. Я видел ее. Спасибо, что позволили нам остаться на ночь. Завтра мы отправимся в путь.

Она похлопала себя по груди у сердца, показала на Радар, на меня, потом подняла руки в охватывающем жесте. «*Мой дом — это ваш дом*».

5

Мы снова поели тушеного мяса, на этот раз с ломтями черствого хлеба. Грубовато, но вкусно. Ели при свечах, и Радар, конечно же, получила свою долю. Прежде чем дать ей миску, я достал из рюкзака пузырек с таблетками и положил две из них в соус. Потом, думая о том, как далеко нам предстоит идти, добавил третью. Я не мог смириться с мыслью, что, давая их ей, грабил Питера, чтобы отдать Полу[157].

Дора указала на таблетки и вопросительно склонила голову набок.

— Они должны ей помочь. Нам предстоит долгий путь, а она уже не такая сильная, как раньше. Она думает, что такая, но это неправда. Когда они кончатся, боюсь…

С дальней стороны дороги снова донесся протяжный вой. К одному зверю присоединился другой, потом третий. Вой был невероятно громким, переходящим в визг, от которого хотелось стиснуть зубы. Радар вскинула голову, но не залаяла, а издала тихое рычание, исходившее из

---

[157] Примечания: 157

Парафраз средневековой поговорки «Отнять у Петра, чтобы отдать Павлу», что означает прибавление в одном и потерю в другом.

глубины ее груди.

— Волчата, — сказал я.

Дора кивнула, скрестив руки на груди и обхватив ими свои плечи. Она преувеличенно вздрогнула, словно показывая, что не боится этих звуков.

К хору присоединились еще волки. Если они собирались продолжать в том же духе всю ночь, я не думал, что смогу хорошо отдохнуть перед началом путешествия. Не знаю, прочитала ли Дора мои мысли или мне просто так показалось. В любом случае, она встала, жестом пригласила меня подойти к круглому окну и указала на небо. Она была невысокой, и ей не нужно было наклоняться, чтобы смотреть вверх, но мне пришлось. То, что я увидел, стало еще одним шоком для меня за этот день, который был сплошным их парадом.

Облака разошлись длинной трещиной, и на открывшейся полоске неба я увидел две луны, одна больше другой. Казалось, они гнались друг за другом сквозь пустоту. Большая луна была *очень* большой. Не требовался телескоп, чтобы увидеть на ее древней поверхности кратеры, долины и каньоны. Она выглядела так, будто вот-вот рухнет нам на голову. Потом трещина закрылась, и волки моментально перестали выть

— именно моментально. Как будто они вещали через гигантский усилитель, и кто-то выдернул вилку из розетки.

— Это происходит каждую ночь?

Она покачала головой, развела руками, потом указала на облака. Она хорошо умела общаться с помощью жестов и немногих слов, которые могла написать, но сейчас этого было недостаточно.

6

Единственная дверь в доме, которая не вела ни на заднее, ни на переднее крыльцо, была низкой, как раз для Доры. После того, как она убрала остатки нашего скромного ужина (прогнав меня, когда я попытался помочь), она вышла в эту дверь и вернулась через пять минут в ночной рубашке, доходившей до босых ног, и с косынкой на остатках волос. Кроссовки были у нее в руке, и она бережно — благоговейно — положила их на полку в изголовье кровати. Там было что-то еще, и когда я попросил посмотреть поближе, она протянула мне это, отдавая в чужие руки с явной неохотой. Это была маленькая фотография в рамке, на которой мистер Боудич держал щенка, который явно был Радар. Дора прижала ее к груди, нежно погладила и положила обратно

рядом с кроссовками.

Она указала на маленькую дверь, потом на меня. Я взял свою зубную щетку и кое-как протиснулся в дверь. Я видел не так уж много сельских уборных, разве что в книгах и старых фильмах, но догадался, что даже если бы повидал их достаточно, эта была бы самой аккуратной. Там были жестяной таз с чистой водой и унитаз, закрытый деревянной крышкой. В настенной вазе стояли маки, источавшие сладкий запах вишни. Не было никакого запаха человеческих отходов. Никаких.

Я вымыл руки и лицо и вытерся маленьким полотенцем, на которое было нашито еще больше бабочек. Потом как следует вычистил зубы. Я пробыл в уборной не больше пяти минут, может быть, и меньше, но когда я вышел, Дора уже крепко спала в своей маленькой кроватке, и Радар рядом с ней.

Я лежал на своей собственной импровизированной кровати, которая состояла из нескольких толстых одеял и еще одного, аккуратно сложенного сверху, чтобы укрываться. Оно было мне не нужно, потому что угли в камине все еще давали хороший жар. Созерцание того, как они то вспыхивали, то гасли, завораживало. Волки в от-

сутствие лунного света вели себя тихо, но ночной ветер залетал в окно, издавая порой стонущие звуки, и я не мог не думать о том, как далеко я от своего мира. Я мог бы снова добраться до него, пройдя всего лишь небольшой подъем на холм, милю по подземному коридору и сто восемьдесят пять спиральных ступеней к верху колодца, но все равно он казался неизмеримо далеким. Это была другая земля. Это был Эмпис, где по небу мчались не одна, а две луны. Я вспомнил обложку той книги, на которой была изображена воронка, заполняющаяся звездами.

«*Не звезды*, — подумал я. — *Сказки. Бесконечное количество историй, которые вливаются в воронку и приходят в наш мир, почти не изменившись*».

Потом я подумал о миссис Уилкоксен, моей учительнице в третьем классе, которая каждый день заканчивала словами: «*Чему мы сегодня научились, мальчики и девочки?*» Чему я научился? Что это был мир магии, действующей как проклятие. Что люди, которые здесь жили, страдали какой-то прогрессирующей болезнью. Мне показалось, теперь я понял, почему на вывеске Доры — той, которую написал для нее мистер Боудич, — стишок про туфли был только на стороне,

обращенной к заброшенному городу. Потому, что люди приходили только с той стороны. Сколько их было, я не знал, но пустая сторона таблички указывала на то, что возвращались немногие, а может и вообще никто. Если предположить, что скрытое облаками пятно солнца садилось на западе, то молодые мужчина и женщина, которых я встретил (плюс все остальные участники программы обмена обувью, которую вели Дора и ее брат), пришли с севера. *Эвакуировались*, говоря точнее. Было ли это насланное кем-то проклятие или, может быть, какая-то радиация, исходящая из города? Я не владел никакой информацией, чтобы знать это наверняка, но все равно это была неприятная мысль, потому что именно в ту сторону я планировал отправиться с Радар. Начнет ли моя кожа становиться серой? Изменится ли мой голос, превратившись в итоге в рычание Доры и Лиины фрейлины? С кожей и голосом мистера Боудича не случилось ничего плохого, но, возможно, эта часть Эмписа была в порядке или хотя бы в относительном порядке, когда он был здесь в последний раз.

Может быть, так, а может, иначе. Я предполагал, что если начну замечать изменения в себе, то всегда успею развернуться и сбежать.

Помоги ей.

Это прошептала мне серая женщина. Я думал, что знаю способ помочь Радар, но как я должен был помочь принцессе без рта? Конечно, в сказке принц нашел бы способ сделать это. Вероятно, это было бы что-то невероятное — например, слезы Рапунцель, как оказалось, были лекарством, восстанавливающим зрение, — но желаемое читателями, которые хотели счастливого конца, даже если рассказчику пришлось бы вытаскивать его из шляпы. Но я все равно был не принцем, а просто старшеклассником, который нашел путь в какую-то другую реальность, и у меня не было никаких идей.

Тлеющие угли сами по себе были волшебством, они разгорались, когда ветер дул в дымоход, и затухали, когда его порывы стихали. При взгляде на них мои веки, казалось, тяжелели с каждой минутой. Когда я уже спал, Радар в какой-то момент ночи пересекла комнату и легла рядом со мной. Утром огонь в камине погас, но бок, под которым она лежала, по-прежнему был теплым.

Глава пятнадцатая
Покидаю Дору. Беженцы. Питеркин. Вуди

1

На завтрак была яичница — болтунья — судя по размеру, из гусиных яиц, — и ломтики хлеба, поджаренные в растопленном заново камине. Масла не было, зато имелся чудесный клубничный джем. Когда мы покончили с едой, я подтянул ремни рюкзака и надел его на спину. Потом пристегнул поводок Радар к ошейнику. Я не хотел, чтобы она убежала в лес за гигантскими кроликами и встретила лютоволка из «Игры престолов» — его версию в этом мире.

— Я вернусь, — сказал я Доре с большей уверенностью, чем чувствовал. Чуть не добавил: «*Когда я это сделаю, Радар снова будет молодой*», — но подумал, что это может каким-то образом испортить дело. Кроме того, я все еще думал, что на идею магической регенерации легко надеяться, но трудно в нее поверить — даже в Эмписе.

— Думаю, я смогу переночевать в доме дяди Лии — если у него нет аллергии на собак или чего-нибудь такого, — но хотелось бы добраться туда до темноты, — говоря это, я думал (трудно было не думать) о волчатах.

Кивнув, она взяла меня за локоть и вывела через заднюю дверь. Веревки все еще пересекали двор, но вся обувь, от тапочек до сапог, была убрана, предположительно, чтобы они не промокли от утренней росы (которая, как я надеялся, не была радиоактивной). Мы обошли коттедж сбоку и нашли там маленькую тележку, которую я уже видел раньше. Мешки с зеленью теперь сменились пакетом, завернутым в мешковину и перевязанным бечевкой. Дора указала на него, потом на мой рот. Она поднесла руку к собственному рту, делая своими частично слипшимися пальцами жевательные жесты. Чтобы понять ее, не надо было быть специалистом по ракетостроению.

— Боже, нет! Я не могу забрать твою еду и твою тележку! Разве не на ней ты отвозишь обувь, которую чинишь, в магазин твоего брата?

Она указала на Радар и сделала несколько прихрамывающих шагов, сначала к тележке, а потом обратно ко мне. Вслед за этим она показала на юг (если я не ошибся в определении координат) и пошевелила пальцами в воздухе. Первая часть послания была легкой: она говорила мне, что тележка предназначена для Радар, если она начнет хромать. Я подумал, что еще она сказала,

что кто — то — возможно, ее брат, — придет и заберет туфли.

Дора указала на тележку, потом сжала маленький серый кулачок и трижды легонько ударила меня в грудь: «*Ты должен*».

Я понял ее точку зрения; мне нужно было заботиться о пожилой собаке, и мне предстоял долгий путь. Но я все равно не хотел брать у нее больше, чем уже взял.

— Вы точно уверены?

Она кивнула. Потом раскрыла руки в объятии, на которое я с радостью ответил. После этого стала на колени и обняла Радар. Когда она снова поднялась, то указала на дорогу, на перекрещенные веревки, а потом на себя.

«*Иди. Мне нужно работать*».

Я показал ей собственный жест, подняв два больших пальца, потом подошел к тележке и прибавил свой рюкзак к тем припасам, которые она упаковала — и которые, судя по тому, что я уже ел у нее в доме, были, вероятно, намного вкуснее сардин мистера Боудича. Я взялся за длинные ручки и с радостью обнаружил, что тележка почти ничего не весит, как будто ее сделали из имеющейся в этом мире разновидности бальсового дерева. Насколько я знал, так оно и

было. Кроме того, колеса были хорошо смазаны и не скрипели, как у телеги той молодой пары. Я думал, что тащить ее будет едва ли труднее, чем тот маленький красный фургон, с которым я играл в семь лет.

Развернув тележку, я повез ее к дороге, по пути поднырнув под веревки. Радар шла рядом со мной. Когда я добрался до того, что считал Городской дорогой (в поле зрения не было желтого кирпича, так что это название Желтая дорога не годилось)[158], то обернулся. Дора стояла у стены своего дома, сложив руки на груди. Когда она увидела, что я смотрю, то поднесла их ко рту, а потом повернула в мою сторону.

Я отпустил ручки тележки, чтобы повторить ее жест, а потом отправился в путь. Вот кое-что, чему я научился в Эмписе: хорошие люди светят еще ярче в темные времена.

«*Помоги и ей тоже*, — сказал я себе. — *Помоги и Доре*».

2

Мы поднимались на холмы и спускались в

[158] Примечания: 158

Снова отсылка к роману Л. Ф. Баума, где герои шли по дороге, вымощенной желтым кирпичом.

долины, как говорится в одной из старых сказок. Стрекотали сверчки, пели птицы. Маки слева от нас время от времени сменялись возделанными полями, где я видел работающих серых мужчин и женщин — но не так уж много. Заметив меня, они прекращали работу, пока я не проходил мимо. Я махал им, но только одна женщина в большой соломенной шляпе помахала в ответ. Были и другие поля, лежащие под паром и заброшенные. На грядках овощей прорастали сорняки и яркие маки, которые, как я подозревал, в конце концов возьмут верх.

Справа по-прежнему тянулся лес. В нем я видел несколько фермерских домов, но в основном заброшенных. Дважды дорогу перебегали кролики размером с небольших собак. Радар с интересом смотрела на них, но не выражала никакого желания за ними гнаться, поэтому я отстегнул ее поводок и бросил в тележку.

— Не разочаровывай меня, девочка.

Примерно через час я остановился, чтобы развязать большой сверток с едой, который Дора упаковала для меня. Среди других вкусностей там было печенье с патокой. Без шоколада, как мне нравилось, поэтому я дал одно Радар — она охотно его сжевала. Там же лежали три стеклян-

ные бутыли, завернутые в чистые полотенца. Две были с водой, а в одну налито что-то похожее на чай. Я выпил воды и налил немного Радар в глиняную чашку, которую Дора тоже не забыла упаковать. Она жадно вылакала воду.

Едва закончив собирать вещи, я увидел трех человек, бредущих по дороге в мою сторону. Двое мужчин только начинали сереть, но женщина между ними была темной, как летняя грозовая туча. Один ее глаз утонул в щели, тянувшейся до самого виска, на что было страшно смотреть. Другой был погребен в комке серой плоти, откуда выглядывал только голубой отблеск радужки, похожий на осколок сапфира, Грязное платье женщины было раздуто тем, что могло быть только поздней стадией беременности. В руках она держала сверток, завернутый в грязное одеяло. На одном из мужчин была пара ботинок с пряжками по бокам — они напомнили мне тот, который я видел висящим на веревке на заднем дворе Доры, когда впервые посетил его. Другой мужчина носил сандалии, а женщина была босой.

Увидев на дороге Радар, они остановились.

— Не бойтесь! — крикнул я. — Она вас не укусит.

Они медленно подошли ближе и снова оста-

новились. Теперь они смотрели на револьвер в кобуре, поэтому я протянул к ним руки ладонями вперед. Они снова двинулись вперед, но перешли на левую сторону дороги, поглядывая на Радар, потом на меня и снова на Радар.

— Мы не причиним вам вреда, — сказал я.

Мужчины были худыми и усталыми, женщина казалась совершенно измученной.

— Подождите минутку, — сказал я. На случай, если они не поняли, я поднял руку в полицейском жесте «стоп». — Прошу вас.

Они остановились. Это было очень печальное трио. Вблизи я мог видеть, что рты мужчин уже начали съеживаться. Скоро они превратятся в такие же почти неподвижные полумесяцы, как у Доры. Когда я полез в карман, они сгрудились рядом с женщиной, а она крепче вцепилась в свой сверток. Я достал одну из маленьких кожаных туфелек и протянул ей.

— Возьми это. Пожалуйста.

Она нерешительно протянула руку, потом выхватила туфельку у меня из рук, как будто боялась, что я ее не отдам. В этот момент одеяло упало с ее свертка, и я увидел мертвого ребенка возрастом, может быть, год или полтора. Он был таким же серым, как крышка гроба моей матери.

Скоро у этой бедняжки родится другой ребенок на смену этому и, вероятно, тоже умрет. Если, конечно, женщина не умрет раньше или во время родов.

— Ты меня понимаешь?

— Мы понимаем, — сказал человек в сапогах. Его голос был скрипучим, но в остальном довольно нормальным. — Что ты хочешь от нас, чужеземец, если не наши жизни? Ничего другого у нас нет.

Конечно, у них ничего не было. Если это сделал человек — или стал причиной этого, — то этому человеку место в аду. В самой глубокой его яме.

— Я не могу отдать вам свою тележку или еду, потому что мне предстоит долгий путь, а моя собака стара. Но если вы пройдете еще три..., — Я попытался произнести «мили», но слово не выходило. Я попытался еще раз. — Если вы будете идти примерно до полудня, то увидите вывеску красного башмака. Дама, которая живет в том месте, позволит вам отдохнуть у нее, а может быть, накормит и напоит.

Это было неточно (мой отец любил находить такие «слова-крючки», как он их называл, в телерекламе всяких чудо-лекарств), и я понимал, что Дора не может накормить и напоить всех

беженцев, проходящих мимо ее коттеджа. Но я подумал, что, когда она увидит состояние женщины и тот жуткий сверток, который она несет, она будет достаточно растрогана, чтобы помочь этим троим. Тем временем мужчина в сандалиях посмотрел на маленький кусочек кожи и спросил, для чего он нужен.

— За домом той женщины, о которой я говорю, есть магазин, где вы сможете получить за это пару туфель.

— А здесь кто-нибудь хоронит? — спросил человек в сапогах. — Мне нужно похоронить моего сына.

— Не знаю. Я не местный. Спросите у хозяйки красного башмака или на ферме гусиной хозяйки дальше. Мадам, я сожалею о вашей потере.

— Он был хорошим мальчиком, — сказала она, глядя на мертвого ребенка. — Мой Тэм был хорошим мальчиком. Он был прекрасным, когда родился, румяным, как рассвет, но потом на него пала седина. Идите своей дорогой, сэр, а мы пойдем своей.

— Подождите минуту. Пожалуйста, — я открыл свой рюкзак, порылся в нем и нашел две банки сардин «Король Оскар». Протянул им, но они в испуге отстранились. — Нет, все в порядке. Это еда.

Сардины. Такие маленькие рыбки. Надо дернуть за кольцо сверху, чтобы достать их, видите? — я постучал по банке.

Двое мужчин посмотрели друг на друга, потом покачали головами. Похоже, они не хотели иметь ничего общего с консервными банками, а женщина вообще плохо понимала, что происходит вокруг.

— Нам нужно спешить дальше, — сказал тот, что в сандалиях. — Что касается тебя, юноша, то ты идешь не в ту сторону.

— Это путь, которым я должен идти, — ответил я.

Он посмотрел мне прямо в глаза и сказал:

— Этот путь — смерть.

Они пошли дальше по Городской дороге, поднимая пыль, женщина несла свою ужасную ношу. Почему один из мужчин не забрал у нее ребенка? Я был всего лишь подростком, но думал, что знаю ответ на этот вопрос. Он принадлежал ей, ее Тэм, и она должна была нести его тело столько, сколько сможет.

3

Думая об этой встрече, я чувствовал себя болваном из-за того, что не предложил им оставшееся

печенье, и эгоистом, потому что оставил себе тележку. Так было до тех пор, пока Радар не начала отставать.

Я был слишком погружен в свои мысли, чтобы заметить, когда это произошло, и вы можете удивиться (или нет), узнав, что эти мысли имели мало общего с мрачными прощальными словами человека в сандалиях. Мысль о том, что я могу погибнуть, отправившись в город, не стала для меня большой неожиданностью; мистер Боудич, Дора и Лия каждый по-своему ясно дали это понять. Но в юности легко поверить, что ты будешь исключением — тем, кто победит и получит лавры. В конце концов, кто забил победный тачдаун в Индюшачьем кубке? Кто разоружил Кристофера Полли? Я был как раз в том возрасте, когда верят, что быстрая реакция и разумная осторожность могут преодолеть большинство препятствий.

Я думал о языке, на котором мы говорили. То, что я услышал, было не совсем современным американским английским, но и не старинным — никаких «о ты», «ужель» и «соблаговолите». Не было это и британским английским из фэнтези на экране IMAX, где все эти хоббиты, эльфы и чародеи говорят как члены парламента. Это был тот английский, который можно прочитать в

слегка модернизированной сказке.

И я тоже говорил на нем.

Я сказал, что не могу отдать им свою тележку, потому что мне предстоит долгий путь, а моя собака стара. Если бы я разговаривал с кем-нибудь из Сентри, я бы сказал, что мне далеко идти. Я говорил о «вывеске красного башмака» вместо того, чтобы сказать, что перед домиком висит башмак. И я назвал беременную женщину не «мэм», как сделал бы в моем родном городе, а «мадам», и это прозвучало в моих устах совершенно нормально. Я снова подумал о воронке, заполняющейся звездами. О том, что теперь я одна из тех звезд.

Подумал, что становлюсь частью этой истории.

Я поискал взглядом Радар, но не увидел ее, что неприятно удивило меня. Опустив ручки тележки на дорогу, я оглянулся. Она хромала в двадцати ярдах позади, так быстро, как только могла, со свисающим из уголка пасти языком.

— Господи, девочка, прости меня!

Я отнес ее к тележке, убедившись, что мои руки переплетены под ее животом и держатся подальше от ее больных задних лап. Снова дал ей воды из чашки, наклонив ее так, чтобы она могла пить, сколько захочет, потом почесал за ушами.

— Почему ты ничего не сказала?

Но нет — эта сказка была другой.

4

Мы шли дальше, с холма в долину, с долины на холм. Навстречу попадалось все больше беженцев. Некоторые нас сторонились, но двое мужчин, шедших вместе, подошли и встали на цыпочки, чтобы заглянуть в тележку и посмотреть, что там. Радар зарычала на них, но, учитывая ее клокастую шерсть и седую морду, сомневаюсь, что они сильно испугались. Револьвер на моем бедре пугал их куда больше. У них была обувь, поэтому я не стал отдавать им последний жетон. Не думаю, что предложил бы им остановиться у Доры, даже если бы они были босиком. И я не дал им никакой еды. По пути были поля, на которых они могли бы найти съестное, если как следует проголодаются.

— Если ты идешь в Прибрежье, парень, то поворачивай назад. Серость пришла и туда.

— Спасибо за..., — слово «информация» не выговаривалось. — Спасибо, что сказал, — я взялся за ручки тележки, но не спускал с них глаз, чтобы убедиться, что они не нападут сзади.

Около полудня мы дошли до болота, которое

залило дорогу жидкой грязью. Я напряг спину и приналег на ручки тележки, пока это место не осталось позади. Тележка с Радар на борту была не намного тяжелее, чем без нее, и это сказало мне больше, чем я хотел знать.

Как только мы снова очутились на сухой земле, я затормозил в тени чего-то похожего на большой дуб в Кавана-парке. В одном из свертков, которые упаковала Дора, оказалась жареная крольчатина, и я поделился ею с Радар — точнее, попытался это сделать. Она кое-как сжевала два куска, а третий уронила между передними лапами и посмотрела на меня извиняющимся взглядом. Даже в тени я мог видеть, что ее глаза снова начали слезиться. Мне пришло в голову, что она заразилась тем, что было вокруг — серостью, — но я отверг эту идею. Это была просто старость, вот и всё. Трудно было сказать, сколько времени у нее осталось, но я думал, что немного.

Пока мы ели, дорогу перебежали еще несколько кроликов громадного размера. Пара сверчков, примерно вдвое больше тех, к которым я привык, проворно проскакали неподалеку на задних лапках. Я был поражен тем, как высоко они прыгают. Ястреб — обычного размера — спикировал вниз и попытался схватить одного из них, но сверчок

увернулся и скрылся в траве, окаймлявшей лес. Радар с интересом наблюдала за этим парадом дикой природы, но не поднималась на ноги, не говоря уже о том, чтобы броситься в погоню.

Я отпил немного чая, который был сладким и вкусным. Мне пришлось остановиться после нескольких глотков — Бог знает, когда я смогу пополнить запасы.

— Поехали, девочка. Хочу поскорее попасть к дядюшке. Мысль о том, чтобы разбить лагерь рядом с этими лесами, не приводит меня в восторг.

Я посадил ее в тележку и остановился, увидев буквы АБ, написанные на дубе выцветшей красной краской. Знание того, что мистер Боудич был здесь до меня, заставило меня почувствовать себя лучше. Как будто он не совсем исчез.

5

Была уже середина дня. День выдался достаточно теплым, чтобы я хорошенько вспотел. Некоторое время мы не видели никаких беженцев, но когда достигли возвышения — длинного, но слишком пологого, чтобы его можно было назвать холмом, — я услышал позади себя какие-то звуки. Радар подошла к передней части тележки и села, положив лапы на край и подняв

уши. Остановившись, я услышал впереди то, что могло быть слабым пыхтящим смехом. Я снова двинулся вперед, но недалеко от гребня снова остановился, прислушиваясь.

— Как тебе это нравится, милый? Щекотно?

Это был высокий, похожий на флейту голос, дрожащий от недоброго возбуждения. Его звук показался мне странно знакомым, и через мгновение я понял почему. Он напоминал голос Кристофера Полли. Я знал, что этого не может быть, но это было именно так.

Я снова двинулся вперед, остановившись, как только смог заглянуть на другую сторону подъема. В этом другом мире я видел много странного, но не такого, как теперь: мальчика, который сидел в пыли, держа за задние ноги сверчка. Этот сверчок был самым большим из всех, что я видел до сих пор, притом красным, а не черным. В другой руке мальчик сжимал что-то вроде кинжала с коротким лезвием и треснувшей рукоятью, скрепленной бечевкой.

Он был слишком поглощен тем, что делал, чтобы увидеть нас. Кинжал воткнулся сверчку в брюхо, брызнула тоненькая струйка крови. До этого я не знал, что сверчки могут кровоточить. В грязи краснели и другие кровавые капли, говоря

о том, что парнишка занимается своим гнусным делом уже довольно давно.

— Вот так, дружок! — сверчок рванулся, пытаясь убежать, но мальчик, дернув его за ноги, легко пресек эту попытку. — Как насчет того, чтобы немного порыться в твоем…

Радар рявкнула. Мальчик оглянулся, не выпуская задних ног сверчка, и я увидел, что это не ребенок, а карлик, и притом старый. Седые волосы клочьями свисали на его щеки. Его лицо было в морщинах, особенно глубоких вокруг рта, что делало его похожим на куклу чревовещателя, которую могла бы использовать Лия (если бы не притворялась, что ее лошадь может говорить). Его лицо не растаяло, но кожа была цвета глины. И он все еще напоминал мне Полли, отчасти потому, что был маленьким, но в основном из-за лукавого выражения лица. Добавив этот хитрый взгляд к тому, что он делал, я легко мог представить его убивающим хромого старика-ювелира.

— Ты кто такой? — никакого страха, потому что я был от него на солидном расстоянии, вырисовываясь силуэтом на фоне неба. Моего револьвера он еще не видел.

— Что ты тут делаешь? — вместо ответа спросил я.

— Я его сцапал. Он проворный, но старина Питеркин[159] оказался еще проворнее. Хочу узнать, чувствует ли он боль. Видит Бог, я это сделаю.

Он снова резанул сверчка, на этот раз ткнув кинжал между двумя пластинами его панциря. Красный сверчок боролся, истекая кровью. Я потащил тележку вниз по склону, и Радар залаяла. Она все еще стояла, упершись ногами в доску спереди.

— Придержи свою псину, сынок. Я бы так и сделал на твоем месте. Если она бросится на меня, я перережу ей горло.

Я остановился, поставил тележку и впервые вытащил из кобуры пистолет 45-го калибра мистера Боудича.

— Ты не тронешь ни ее, ни меня. Прекрати мучить животное. Отпусти его.

Карлик — Питеркин — рассматривал пистолет скорее с недоумением, чем с испугом.

— Почему ты хочешь, чтобы я это сделал? Я всего лишь хочу немного развлечься в мире, где почти не осталось развлечений.

— Ты его пытаешь.

---

[159] Примечания: 159

Питеркин — голландский уменьшительный вариант имени Питер, аналог русского «Петруши», популярное в США название улыбающейся куклы-пупса.

Питеркин выглядел изумленным.

— Пытаю, ты говоришь? *Пытаю?* Ах ты, болван, это ведь чертово насекомое. Как можно пытать насекомое! И почему тебя это так волнует?

Меня это волновало — то, как он держал это существо за ноги, его единственное средство спасения, тыча в него кинжалом снова и снова, было гадко и жестоко.

— Я не стану повторять дважды.

Он засмеялся, и это тоже напомнило мне Полли с его бесконечными «ха-ха».

— Ты убьешь меня из-за насекомого? Не думаю, что…

Я прицелился чуть выше его головы и нажал курок. Звук был гораздо громче, чем слышалось из сарая мистера Боудича. Радар отозвалась лаем. Дернувшись от неожиданности, карлик выпустил сверчка. Тот отпрыгнул в траву, но по кривой — проклятый коротыш покалечил его. Да, это всего лишь насекомое, но это не делало правильным то, что творил Питеркин. И сколько красных сверчков я видел? Только этого. Вероятно, они были такой же редкостью, как олени-альбиносы.

Карлик встал, отряхивая зад свои ярко-зеленых штанов. Он откинул со лба растрепанные пряди седых волос, как пианист, готовящийся сыграть

свой коронный номер. Со свинцовой кожей или нет, он казался достаточно бойким. Прытким, как сверчок, можно сказать. И хотя он никогда не пел на «Американском идоле»[160], голос у него был гораздо лучше, чем у большинства людей, встреченных мной за последние двадцать четыре часа, и лицо его выглядело живым и смышленым. Не считая того, что он был карликом («Называй их лилипутами, а не карликами, они это ненавидят», — сказал мне однажды отец), и дерьмовый цвет лица, которому не помешала бы порция отеслы[161], он казался вполне нормальным.

— Я вижу, ты сердитый мальчик, — сказал он, глядя на меня со злобой и, может быть (я на это надеялся), с тенью страха. — Так почему бы мне не пойти своей дорогой, а тебе — своей?

— Звучит заманчиво, но я хочу спросить тебя кое о чем, прежде чем мы расстанемся. Почему твое лицо осталось более-менее нормальным, когда многие другие становятся уродливее с каждым днем?

---

[160] Примечания: 160

«American Idol» — телешоу на телеканале «Fox» в 2002 — 16 гг., участники которого соревновались за звание лучшего начинающего исполнителя.

[161] Примечания: 161

Отесла — лекарство от псориаза.

Он вовсе не был красавчиком с плаката, и я думаю, что мой вопрос звучал грубовато, но как можно не быть грубым с тем, кого ты застал пытающим гигантского сверчка?

— Может быть, потому что боги, если ты в них веришь, уже сыграли со мной злую шутку. Откуда такому большому парню, как ты, знать, каково это — быть таким малышом, как я, меньше двух дюжин ладоней снизу доверху? — в его голосе появились жалобные нотки человека, у которого — на жаргоне «Анонимных Алкоголиков» — на заднице выросла мозоль от сидения на горшке саможаления.

Я соединил большой и указательный пальцы вместе и потер.

— Видишь? Это самая маленькая в мире скрипка, играющая «Мое сердце писает кровью от жалости к тебе».

Он нахмурился.:

— Что?

— Не бери в голову. Это маленькая шутка. Пытаюсь тебя *подколоть*.

— Тогда я пойду, если не возражаешь.

— Валяй, но мне с моей собакой будет куда спокойнее, если ты прежде выкинешь этот ножик в кусты.

— Ты думаешь, что лучше меня только потому, что ты один из целых, — прошипел маленький человечек. — Увидишь, что они делают с такими, как ты, когда тебя поймают.

— Кто поймает?

— Ночные солдаты.

— Кто они такие и что делают с такими, как я?

Он ухмыльнулся.

— Не бери в голову. Надеюсь, ты сможешь драться, но сомневаюсь в этом. Снаружи ты выглядишь сильным, но я думаю, что внутри ты мягкий. Такими становятся люди, когда им не нужно бороться. Вы не часто оставались без обеда, не так ли, юный сэр?

— Ты все еще держишь нож, мистер Питеркин. Выкинь его, или я могу заставить тебя это сделать.

Карлик сунул нож за пояс, и я понадеялся, что он им порежется — чем сильнее, тем лучше. Это была гнусная мысль. Потом у меня возникла другая идея: что если я схвачу его за ту руку, что сжимала лапы красного сверчка, и сломаю ее, как сделал это с Полли? Это был бы урок для него: *вот на что это похоже*. Я мог бы сказать, что это была несерьезная мысль, но не думаю, что это так. Было слишком легко представить, как он хватает

Радар за горло, а другой рукой раз за разом втыкает в нее нож, словно в сверчка: чик, чик, чик. Он никогда не смог бы сделать это, когда она была в расцвете сил, но этот расцвет давно миновал.

Однако я его отпустил. Прежде чем перевалить подъем, он бросил на меня взгляд, который не говорил: «*Мы славно пообщались на Городской дороге, юный незнакомец*». Нет, этот взгляд внушал: «*Не позволяй мне застать тебя спящим*».

Шансов на это не было — он направлялся туда же, куда и остальные беженцы, — но только когда он ушел, мне пришло в голову, что я действительно должен был заставить его выбросить нож.

6

К вечеру вокруг не осталось ни вспаханных полей, ни ферм, выглядевших хоть сколько-то жилыми. Беженцев тоже больше не попадалось, хотя на одной заброшенной ферме я увидел на заросшем травой дворе ручные тележки, набитые пожитками, и тонкий дымок из трубы. Вероятно, люди решили спрятаться до того, как завоют волки, подумал я. Если я в ближайшее время не доберусь до дома дядюшки Лии, будет разумным поступить так же. Конечно, у меня были револьвер мистера Боудича и 22-й калибр

Полли, но волки обычно путешествуют стаями, и я опасался, что здесь они могут быть размером с лося. Кроме того, мои руки, плечи и спина начали ныть. Тележка была легкой, и мне больше не попадалось грязевых ям, через которые нужно было перебираться, но я проделал долгий путь с тех пор, как покинул дом Доры.

Я видел инициалы мистера Боудича — его первоначальные инициалы, АБ, — еще три раза, дважды на деревьях, нависающих над дорогой, а последний раз на огромном скальном выступе. К тому времени солнечное пятно скрылось за деревьями, и землю окутали тени. Я уже довольно давно не видел никакого жилища и начал беспокоиться, что темнота может застать нас на дороге. Мне очень этого не хотелось. Как-то в школе нам задали выучить наизусть стихотворение длиной не меньше шестнадцати строк. Мисс Деббинс дала на выбор две дюжины стихов. Я тогда взял кусок «Сказания о Старом Мореходе»[162] и теперь жалел, что не выбрал что-нибудь другое, потому что те строки слишком хорошо подходили к случаю:

---

[162] Примечания: 162

Поэма английского поэта-романтика Сэмюэля Тейлора Кольриджа, написанная в 1797–1798 гг.

Так путник, чей пустынный путь
Ведет в опасный мрак,
Раз обернется и потом
Спешит, ускорив шаг…[163]

— «Назад не глядя, чтоб не знать, далек иль близок враг», — закончил я вслух. Отпустив ручки тележки, я распрямил плечи, глядя на буквы АБ на скале. Мистер Боудич, должно быть, потратил на это немало сил — буквы, когда-то ярко-красные, были высотой в три фута.

— Радар, если бы ты учуяла врага, ты бы предупредила меня, правда?

Она крепко спала в тележке. Никакой помощи против врагов от нее ждать не приходилось.

Я хотел выпить воды, во рту пересохло, но решил, что это может подождать. Надо было двигаться дальше, пока дневной свет не померк окончательно. Взявшись за ручки, я пошел дальше, думая, что теперь для меня вполне сгодится даже дровяной сарай.

Дорога огибала скалу, а потом убегала прямо в сгущающиеся сумерки. Впереди, наверняка не дальше мили, я заметил освещенные окна дома. Подойдя ближе, я увидел фонарь, свисающий

---

[163] Примечания: 163
Перевод В. Левика.

с крыльца перед входом. Я мог разглядеть, что дорога разветвлялась в шестидесяти или семидесяти ярдах за домом, который действительно был кирпичным — как у трудолюбивого поросенка из сказки.

К входной двери вела вымощенная камнем дорожка, но прежде, чем воспользоваться ею, я остановился, чтобы осмотреть фонарь, излучавший резкий белый свет, на который было трудно смотреть вблизи. Я уже видел такой раньше, в подвале мистера Боудича, и мне не нужно было искать данные изготовителя, чтобы понять, что это «Коулмен»[164], который можно приобрести в любом американском хозяйственном магазине. Я догадался, что этот фонарь, как и швейная машинка Доры, был подарком мистера Боудича. *Трус приносит подарки*, сказал он.

К двери был прикреплен большой позолоченный молоток в форме кулака. Опустив тележку, я услышал шум, когда Радар вылезла из нее и встала рядом со мной. Я уже потянулся к молотку, когда дверь открылась. Там стоял мужчина почти такого же роста, как я, но куда более худой, почти изможденный. На фоне освещавщего его

[164] Примечания: 164

Керосиновый или газовый фонарь, производящийся компанией «Коулмен» с 1914 года.

сзади пламени камина я не мог разглядеть его черты — только кошку на плече и ореол седых волос, окружавший лысину. Когда он заговорил, мне опять было трудно поверить, что я не попал в сборник сказок и не стал одним из его персонажей.

— Приветствую, юный принц. Я ждал тебя. Вам здесь рады, входите.

7

Я понял, что оставил поводок Радар в тележке.

— Думаю, наверное, сперва надо взять поводок моей собаки, сэр. Я не знаю, как она относится к кошкам.

— С этим проблем не будет, — сказал старик, — но, если у тебя есть еда, предлагаю принести ее сюда. Конечно, если не хочешь, чтобы утром ее не оказалось на месте.

Вернувшись, я взял пакет, приготовленный Дорой, и свой рюкзак. Плюс поводок, на всякий случай. Хозяин дома отступил в сторону и слегка поклонился.

— Заходи, Радар, но веди себя хорошо. Надеюсь на тебя.

Радар прошла за мной в аккуратную гостиную с тряпичным ковром, покрывавшим дощатый пол.

Рядом с камином стояли два мягких кресла, на подлокотнике одного из них лежала раскрытая книга. Рядом на полке стояло еще несколько книг. На другой стороне комнаты находилась узкая маленькая кухонька, похожая на корабельный камбуз. На столе были хлеб, сыр, холодная курица и миска с чем-то похожим на клюквенное желе, а также глиняный кувшин. Мой желудок издал громкий урчащий звук.

Мужчина рассмеялся.

— Я услышал. Есть старая поговорка: «Юношей надо питать». К этому можно добавить «и часто».

На столе были накрыты два прибора, а на полу у одного из стульев стояла миска, из которой Радар уже шумно лакала воду.

— Вы ведь знали, что я приду, правда? Как вы узнали?

— Знаешь имя, которое мы предпочитаем не произносить?

Я кивнул. В историях, подобных той, в которую я, казалось, попал, часто есть имя, которое нельзя произносить, чтобы не пробудилось зло.

— Он забрал у нас не все. Моя племянница смогла поговорить с тобой, не так ли?

— Через ее лошадь.

— Фаладу, да. Лия разговаривает и со мной,

юный принц, хоть и редко. Когда она это делает, ее слова не всегда ясны, и изложение своих мыслей утомляет ее даже больше, чем разговор. Нам нужно многое обсудить, но сначала мы поедим. Пойдем.

«*Он говорит о телепатии*, — подумал я. — *Наверное, так и есть, потому что она наверняка не звонила ему и не отправляла эсэмэски*».

— Почему вы называете меня юным принцем?

Он пожал плечами, отчего кошка подпрыгнула у него на плече.

— Вежливая форма, вот и все. Довольно старомодная. Возможно, когда-нибудь к нам явится настоящий принц, но, судя по голосу, это не ты. Ты еще очень молод.

Улыбнувшись, он направился к камбузу. Огонь впервые полностью осветил его лицо, но я думаю, что уже знал правду — по тому, как он при ходьбе выставлял руку вперед, проверяя, нет ли перед ним препятствий. Он был слеп.

8

Когда он сел, кошка спрыгнула на пол; ее пышная шерсть была дымчато-коричневого оттенка. Она подошла к Радар, и я уже приготовился схватить ее за холку, если она бросится на кошку. Но

собака этого не сделала, просто опустила голову, понюхала кошачий нос и улеглась. Кошка прошлась перед ней, как офицер, осматривающий солдата на плацу (и нашедший кучу недочетов), потом плавной походкой прошествовала в гостиную. Там она прыгнула в кресло с книгой на подлокотнике и свернулась в нем калачиком.

— Меня зовут Чарльз Рид. Чарли. Лия вам это сказала?

— Нет, мы с ней общаемся не словами. Это больше похоже на интуицию. Приятно познакомиться, принц Чарли, — теперь, когда свет падал на его лицо, я мог видеть, что его глаза исчезли бесследно, как и рот Лии, и только давно зажившие шрамы отмечали места, где они были. — Меня зовут Стивен Вудли. Когда-то у меня был титул — принц-регент, если хочешь знать, — но те времена прошли. Зови меня Вуди, если хочешь, потому что мы живем рядом с лесом[165] — я и Катриона.

— Это ваша кошка?

— Да. А твоя собака, полагаю — это Раймар? Или что-то похожее, точно не помню.

— Радар. Она принадлежала мистеру Боудичу.

---

[165] Примечания: 165
Намек на английское слово wood — «лес».

Он умер.

— О, мне жаль это слышать, — он и правда казался огорченным, но не удивленным.

— Насколько хорошо вы его знали, сэр?

— Вуди, пожалуйста. С ним мы не раз приятно общались. Как, надеюсь, пообщаемся и с тобой, Чарли. Но сначала мы должны поесть, потому что, я думаю, ты проделал сегодня долгий путь.

— Могу я сначала задать один вопрос?

Он широко улыбнулся, заставив свои морщины разбежаться в разные стороны.

— Если хочешь узнать, сколько мне лет, то я вряд ли смогу это вспомнить. Иногда мне кажется, что я был уже стар, когда этот мир был молод.

— Нет, не про это. Я увидел книгу и подумал… как вы, понимаете…

— Как я могу читать, если я слепой? Увидишь. А пока что ты предпочитаешь — ножку или грудку?

— Грудку, пожалуйста.

Он потянулся к тарелкам и, должно быть, уже давно привык делать это в темноте, потому что в его движениях не было никакой неуверенности. Я встал и подошел к его креслу. Катриона посмотрела на меня мудрыми зелеными глазами. Книга была старой, на обложке на фоне луны летели

куда-то летучие мыши: «Черный ангел» Корнелла Вулрича[166]. Он мог бы взять ее из шкафа в спальне мистера Боудича, но когда я взял книгу и посмотрел на то место, где Вуди остановился, то не увидел слов — только сочетания маленьких выпуклых точек. Я положил книгу обратно и вернулся к столу.

— Вы читаете шрифт Брайля, — сказал я, думая, что язык книг в этом мире тоже должен измениться — как при переводе. Как это все странно!

— Я знаю. Адриан принес мне учебник и показал буквы. Как только у меня появилась первая книга, я научился ее читать. Он потом приносил мне другие книги, напечатанные таким шрифтом. Ему нравились причудливые истории, вроде той, которую я читал в ожидании твоего прихода. Но все эти опасные мужчины и девушки, попавшие в беду, живут в мире, который сильно отличается от нашего.

Покачав головой, он рассмеялся, как будто чтение художественной литературы было занятием легкомысленным, может быть, даже глупым. Его щеки порозовели от близости к огню, и я не видел в них никаких следов серости. Он был целым, и

---

[166] Примечания: 166

Детективный роман Корнелла Вулрича «Черный ангел» вышел в 1943 году.

в то же время не совсем, как и его племянница. У него не было глаз, чтобы видеть, а у нее рта, чтобы говорить — только рана, которую она вскрыла ногтем, чтобы принять ту убогую пищу, какая у нее осталась. Чем не девушка, попавшая в беду?

— Садись же.

Я подошел к столу. Снаружи завыл волк, что, вероятно, возвещало появление луны — лун. Но мы были в безопасности в этом кирпичном доме. Если бы какой-нибудь волчонок захотел влезть сюда по дымоходу, он бы хорошенько поджарил свою мохнатую задницу.

— Мне кажется причудливым весь этот мир, — сказал я.

— Побудь здесь подольше, Чарли, и то, что сейчас кажется тебе странным, станет обыденным. А теперь ешь.

9

Еда была восхитительно вкусной. Я попросил вторую порцию, а потом и третью. Это внушало мне некоторое чувство вины, но день был долгим, и я протащил тележку восемнадцать или двадцать миль. Вуди ел мало — куриную ножку и немного клюквенного желе. Увидев это, я почувствовал себя еще более виноватым. Попутно я

вспомнил, как мама привезла меня на вечеринку с ночевкой в дом Энди Чена и сказала маме Энди, что у желудок меня бездонный и, если позволить, то я съем все, что есть в доме. Я спросил Вуди, где он берет припасы.

— В Прибрежье. Там есть те, кто еще помнит, кто мы — или кем мы были. — и отдает нам дань уважения. Сейчас и туда добралась серость. Люди убегают от нее. Наверное, ты встречал их по дороге.

— Да, — сказал я и рассказал о Питеркине.

— Говоришь, красный сверчок? Есть легенды… но это неважно. Рад, что ты его спас. Может быть, ты все-таки принц. Светлые волосы, голубые глаза? — спросил он.

— Нет, карие.

— Понятно. Не принц и уж точно не *тот* принц.

— А кто такой тот принц? — спросил я.

— Просто еще одна легенда. Этот мир полон сказок и легенд, как и ваш. Что касается еды… Раньше я получал от жителей Прибрежья больше, чем мог съесть, хотя обычно это была рыба, а не мясо. Как и следует из названия. Прошло много времени, прежде чем серость пришла в эту часть мира — как долго, я не могу сказать, дни слива-

ются воедино, когда ты всегда в темноте, — он сказал это без жалости к себе, просто констатируя факт. — Может быть, Прибрежье продержалось дольше потому, что находится на узком полуострове, где всегда дует ветер, но точно этого никто не знает. В прошлом году, Чарли, ты бы встретил на Королевской дороге толпы людей, но сейчас их поток уже иссякает.

— Королевская дорога? Так это называется?

— Да, за развилкой, если повернуть направо, дорога превращается в Королевскую. А если бы ты решил свернуть налево, то оказался бы на Прибрежной дороге.

— А куда они направляются? Я имею в виду, после дома Доры, фермы Лии и магазина, который держит брат Доры.

Вуди, казалось, удивился:

— Он все еще держит его? Удивительно. Интересно, что он там продает?

— Я не знаю. Знаю только, что он дает им новые ботинки взамен порванных.

Вуди весело рассмеялся.

— Ах, Дора и Джеймс! Снова их старые шутки! Ответ на твой вопрос таков: я не знаю, и, уверен, они сами этого не знают. Просто подальше отсюда. Прочь, прочь, прочь.

Какое-то время волки молчали, но теперь снова начали выть. Похоже, их был не один десяток, и я был очень рад, что добрался до кирпичного дома Вуди как раз вовремя. Радар заскулила, я погладил ее по голове.

— Луны, должно быть, вышли.

— По словам Адриана, в твоем королевстве луна только одна. Как говорит один из персонажей книги мистера Корнелла Вулрича, «вас ограбили». Хочешь кусочек торта, Чарли? Боюсь, он может показаться тебе немного черствым.

— Торт — это здорово. Хотите, я его достану?

— Вовсе нет. После долгих лет здесь — это довольно уютное логово для изгнанника, тебе не кажется? — я отлично ориентируюсь. Он на полке в кладовой. Сиди тут, я вернусь через пару минут.

Пока Вуди доставал торт, я налил себе еще лимонада из кувшина. Лимонад, казалось, был в Эмписе самым популярным напитком. Он принес большой кусок шоколадного торта для меня и маленький для себя. По сравнению с ним торт, который мы ели в школьном кафе, выглядел довольно убого. Мне он вовсе не показался черствым, просто немного подсох по краям.

Волки резко замолчали, снова заставив меня

представить, как кто-то выдергивает вилку усилителя, включенного на полную мощность. Мне вдруг пришло в голову, что никто в этом мире не поймет этой отсылки к «Спинномозговой пункции»[167]. И вообще не видел ни одного фильма.

— Думаю, облачность вернулась, — сказал я. — Она вообще уходит когда-нибудь?

Он покачал головой.

— Нет, с тех пор как явился *он*. Здесь бывают дожди, принц Чарли, но не солнце.

— Господи Иисусе, — сказал я.

— Еще один принц, — ответил Вуди, снова улыбнувшись. — И очень добрый, согласно Библии Брайля, которую принес мне Адриан. — Ты насытился? Это значит…

— Я знаю, что это значит, и уверен, что насытился.

Он встал.

— Тогда садись к огню. Нам нужно поговорить.

Мы с ним направились к двум креслам в его маленькой гостиной. Радар последовала за нами. Вуди нащупал Катриону и взял ее. Она лежала на

---

[167] Примечания: 167

«Это спинномозговая пункция» — псевдодокументальный фильм Мартина Ди Берги и Роба Райнера, снятый в 1984 г. Рассказывал о вымышленной рок-группе «Spinal Tap» («Спинномозговая пункция»), высмеивая восторженные ленты о рок-идолах того времени.

его руках неподвижно, как меховой палантин, пока он не поставил ее на пол. Там она бросила надменный взгляд на собаку, пренебрежительно махнула хвостом и зашагала прочь. Радар улеглась между двумя креслами. Я дал ей кусок своей курицы, но она съела совсем чуть-чуть. Теперь она смотрела в огонь, словно расшифровывая его секреты. Я хотел спросить Вуди, где он собирается брать припасы теперь, когда Прибрежье присоединилось к эвакуации, но передумал, боясь его признания, что он понятия об этом не имеет.

— Хочу поблагодарить вас за угощение.

Он отмахнулся.

— Вам, наверное, интересно, что я здесь делаю.

— Вовсе нет, — наклонившись, он погладил Радар по спине. Потом он перевел шрамы, которые были прежде его глазами, на меня. — Твоя собака умирает, и нельзя терять времени, если ты намерен сделать то, за чем пришел.

10

Сытый, в безопасности в кирпичном доме, где меня согревал камин, а волки за окном на время умолкли, я порядком расслабился. Но когда он сказал, что Радар умирает, тут же встрепенулся:

— Не обязательно. Она старая, и у нее артрит в

лапах, но она не…

Я вспомнил, как помощница ветеринара сказала, что удивится, если Радар доживет до Хэллуина, и замолчал.

— Я слеп, но прочие органы чувств у меня работают неплохо для старика, — его голос был добрым, что делало его особенно пугающим. — На самом деле, слух у меня стал острее, чем когда-либо. Во дворце у меня были лошади и собаки, в юности я всегда гулял с ними и очень их любил. Я знаю, как они звучат, когда выходят на финишную прямую. Слушай. Закрой глаза и прислушайся.

Я сделал, как он сказал. Время от времени я слышал потрескивание дров в камине. Где-то тикали часы. Снаружи пролетали порывы ветра. И тут я услышал, как Радар хрипит при каждом вдохе и выдохе.

— Ты пришел, чтобы прокатить ее на солнечных часах.

— Да. И еще там есть золото. Маленькие шарики, похожие на птичью дробь. Сейчас они мне не нужны, но мистер Боудич сказал, что позже…

— Забудь пока про золото. Просто добраться до солнечных часов — и воспользоваться ими — уже достаточно опасно для такого юного принца, как

ты. Их сторожит Хана. Во времена Боудича ее там не было. Ты можешь пройти мимо нее, если будешь осторожен — и если повезет. В таком деле нельзя сбрасывать со счетов везение. Что касается золота, — он покачал головой, — то это еще более рискованно. Хорошо, что сейчас оно тебе не нужно.

Хана. Я отложил это имя на потом. Но было еще кое-что, заинтересовавшее меня.

— Почему с вами все в порядке? Кроме того, что вы слепой, конечно, — я сразу пожалел, что не могу взять обратно слова, слетевшие с моих губ. — Извините, это вышло не слишком красиво.

Он улыбнулся.

— Не стоит извиняться. Если бы мне давали выбор между слепотой и серостью, я бы каждый раз выбирал слепоту. Я довольно хорошо к ней приспособился. Благодаря Адриану у меня даже есть выдуманные истории для чтения. Серость — это медленная смерть. Дышать становится все труднее. Лицо зарастает бесполезной плотью. А потом все тело сдавливается, — он поднял одну из своих рук и сжал ее в кулак. — Вот так.

— Это случится и с Дорой?

Он кивнул, но в этом не было необходимости. Это был детский вопрос.

— И сколько у нее времени?

Вуди покачал головой.

— Нельзя сказать. Это происходит медленно и у всех по-разному, но неумолимо. В том-то и весь ужас.

— А если бы она ушла? Пошла туда, куда и все остальные?

— Не думаю, что она пошла бы, и не думаю, что это имеет значение. Как только оно приходит, от него уже не убежать. Как истощающая болезнь. Это она убила Адриана?

Я предположил, что он говорит о раке.

— Нет, у него был сердечный приступ.

— Ясно. Небольшая боль, а потом конец. Куда лучше серости. Что касается твоего вопроса, то давным-давно… Адриан сказал, что так начинаются многие сказки в мире, откуда он родом.

— Да. Точно. И то, что я здесь видел, похоже на те сказки.

— Как и там, откуда ты пришел, я уверен. Сказки повсюду, принц Чарли.

Волки завыли снова. Вуди провел пальцами по своей книге со шрифтом Брайля, потом закрыл ее и положил на маленький столик рядом с креслом. Я задавался вопросом, как он снова найдет место, где остановился. Катриона вернулась, прыгнула

к нему на колени и замурлыкала.

— Давным-давно, в земле Эмпис и городе Лилимар, куда ты направляешься, жила королевская семья, существовавшая тысячи лет. Большинство — не все, но большинство — ее членов правили мудро и справедливо. Но когда пришло ужасное время, почти вся эта семья была убита. Растерзана.

— Лия рассказала мне кое-что из этого. Вы знаете, через Фаладу. Она сказала, что ее мать и отец умерли. Они были королем и королевой, верно? Потому что она сказала, что она принцесса. Самая младшая из всех.

Он улыбнулся.

— Да, действительно, самая младшая. Она сказала тебе, что ее сестер убили?

— Да.

— А что с ее братьями?

— Что они тоже все погибли.

Он вздохнул, погладил кошку и посмотрел на огонь. Я уверен, что он чувствовал его жар, и мне было интересно, может ли он хоть немного видеть его — так, как вы можете смотреть на солнце с закрытыми глазами и видеть красное, когда ваша кровь нагревается. Он открыл рот, как будто хотел что-то сказать, потом снова закрыл

и слегка покачал головой. Волки выли совсем близко, но потом резко замолкли. Внезапность этого снова показалась мне жуткой.

— Это был переворот. Знаешь, что это значит?

— Да.

— Но некоторые из нас выжили. Мы сбежали из города, а Хана не может покинуть его, потому что изгнана из собственной страны, далеко на севере. Нас было восемь, когда мы миновали главные ворота. Было бы девять, но мой племянник Алоизиус…, — Вуди снова покачал головой. — Восемь из нас избежали смерти в городе, и наша кровь защитила нас от серости, но нас настигло другое проклятие. Можешь догадаться, какое?

Я мог.

— Каждый из вас потерял одно из своих чувств?

— Да. Лия может есть, но ей больно это делать, как ты, наверно, знаешь.

Я кивнул, хотя он не мог этого видеть.

— Она едва чувствует вкус того, что ест, и, как ты видел, может говорить только через Фаладу. Она убеждена, что это обманет *его*, если он прислушается. Я не знаю. Может быть, она права. А может быть, он все слышит, и это его забавляет

— Когда вы говорите «он»…, — тут меня пре-

рвали.

Вуди схватил меня за рубашку и потянул, заставив наклониться. Прижав губы к моему уху, он прошептал слова — я ожидал, что это будет Гогмагог, но он сказал нечто другое. *Губитель Летучих*.

11

— Он мог бы подослать к нам своих убийц, но не делает этого. Он позволяет нам жить, тем, кто остался, и наша жизнь — сама по себе наказание. Алоизиус, как я уже сказал, так и не выбрался из города. Эллен, Уорнер и Грета покончили с собой. Думаю, Иоланда все еще жива, но она блуждает где-то в безумии. Как и я, она слепа и кормится большей частью за счет людских подачек. Я кормлю ее, когда она приходит, и терплю ту чушь, что она говорит. Это ведь племянницы, племянники, двоюродные братья, видишь ли — родная кровь. Понимаешь, о чем я говорю?

— Да, — более или менее я понимал.

— Бертон стал отшельником, живет глубоко в лесу и все время молится об избавлении Эмписа, складывая вместе руки, которых не чувствует. Если его ранить, он не почувствует этого, пока не увидит кровь. Он ест, но не знает, полон его

желудок или пуст.

— Боже мой, — сказал я. Я думал, что быть слепым хуже всего, но, похоже, были вещи еще хуже.

— Волки Бертона не трогают — по крайней мере, не трогали раньше. Прошло два года или больше с тех пор, как он приходил сюда. Возможно, он тоже мертв. Когда-то наш маленький отряд убегал в повозке кузнеца, а я, еще не слепой, как сейчас, стоя на козлах, хлестал кнутом шестерку лошадей, обезумевших от страха. Со мной были моя двоюродная сестра Клаудия, мой племянник Алоизиус и племянница Лия. Мы летели как ветер, Чарли, окованные железом колеса повозки выбивали искры из булыжника и наверху моста Румпа подлетели вверх футов на десять, если не больше. Я боялся, что на спуске повозка перевернется или развалится на части, но она оказалась сделанной на совесть. Мы слышали, как позади ревела Хана, ревела, как буря, настигающая нас. Я до сих пор еще слышу этот рев. Я хлестнул лошадей, и они рванули вперед, как будто за ними гнался ад — да так оно и было. Алоизиус оглянулся как раз перед тем, как мы подъехали к воротам, и тут Хана снесла его голову с плеч. Я этого не видел, поскольку смотрел

только вперед, но Клаудия видела. Слава богу, не видела и Лия — она спряталась под одеяло. Следующим взмахом Хана снесла заднюю часть повозки. Я до сих пор чувствую ее запах — гнилая рыба, падаль, вонь ее пота. Мы достигли ворот в последний момент. Увидев, что мы сбежали, она взревела; ненависть и разочарование в ее вопле я тоже слышу до сих пор.

Он прервался и вытер пот чуть дрожащей рукой. Я никогда не видел посттравматического расстройства, кроме как в фильмах наподобие «Повелителя бури»[168], но увидел его сейчас. Не знаю, как давно это произошло, но ужас все еще не покинул его, как будто все случилось вчера. Мне не хотелось заставлять его вспоминать тот день и говорить о нем, но я хотел знать, во что ввязываюсь.

— Чарли, если ты заглянешь в мою кладовую, то найдешь в холодильном шкафу бутылку ежевичного вина. Я бы выпил маленький стаканчик, если не возражаешь. Налей и себе, если хочешь.

Я нашел бутылку и налил ему стакан. Запах перебродившей ежевики был таким сильным, что отбил у меня всякое желание попробовать, даже

[168] Примечания: 168

«Повелитель бури» (The Hurt Locker) — американский боевик 2008 г. режиссёра Кэтрин Бигелоу об американских саперах в Ираке.

без той настороженности к алкоголю, которую я испытывал из-за отца, поэтому вместо этого я налил себе еще лимонада.

Он выпил двумя глотками большую часть того, что было в стакане, и тяжело вздохнул:

— Так-то лучше. Эти воспоминания печальны и болезненны. Уже поздно, и ты, должно быть, устал, так что пришло время поговорить о том, что ты должен сделать, чтобы спасти своего друга. Если, конечно, ты все еще готов пойти туда.

— Готов.

— Ты готов рискнуть своей жизнью и рассудком ради собаки?

— Она — все, что у меня осталось от мистера Боудича, — поколебавшись, я добавил — И я люблю ее.

— Очень хорошо. Любовь — это я понимаю. Вот что ты должен сделать. Слушай внимательно. Еще день ходьбы приведет тебя к дому моей двоюродной сестры Клаудии. Конечно, если вы будете двигаться быстро. И когда ты доберешься туда…

Я слушал внимательно, как будто от этого зависела моя жизнь. Волки, воющие снаружи, очень убедительно доказывали, что так оно и было.

12

Туалет Вуди стоял во дворе и был соединен с его спальней коротким дощатым переходом. Когда я шел по этому коридору, держа в руках фонарь (старомодный, а не коулменовский), что-то сильно стукнуло в стену. Что-то голодное, предположил я. Я как следует вычистил зубы и воспользовался туалетом, надеясь, что Радар сможет подождать с этим до утра, потому что ни за что не собирался выводить ее на улицу.

Мне не пришлось спать у камина, потому что здесь была вторая спальня. На маленькой кровати лежало покрывало с оборками, расшитое бабочками — вероятно, дело рук Доры, — а стены были выкрашены в розовый цвет. Вуди сказал, что и Лия, и Клаудия иногда пользовались этой спальней, но давно.

— Вот какими они были, — сказал он. Он осторожно протянул руку и снял с полки маленькую овальную картину в позолоченной рамке. Я увидел девочку-подростка и молодую женщину. Обе были прекрасны. Они стояли, обняв друг друга, перед фонтаном. На них были красивые платья и кружевные повязки на аккуратно уложенных волосах. У Лии был рот, который мог улыбаться,

и они, безусловно, выглядели как члены королевской семьи.

Я указал на девушку.

— Такой была Лия? До того, как…

— Да, — Вуди так же осторожно поставил фотографию на место. — До того. То, что случилось с нами, произошло вскоре после того, как мы бежали из города. Просто злобный акт мести. Они были прекрасны, ты так не считаешь?

— Так и есть, — я смотрел на улыбающуюся девочку и думал, что проклятие Лии вдвое страшнее, чем слепота Вуди. — Но кто им мстил?

Он покачал головой.

— Не хочу об этом говорить. Хочу только снова увидеть эту фотографию, но желания подобны красоте — то и другое тщетно. Спи спокойно, Чарли. Ты должны отправиться в путь пораньше, если хочешь добраться до Клаудии завтра до захода солнца. Она может рассказать тебе больше. И если ты проснешься ночью — или если твоя собака разбудит тебя— не выходи на улицу. Ни за что.

— Отлично это понимаю.

— Вот и хорошо. Рад познакомиться с тобой, юный принц. Любой друг Адриана, как говорится, мой друг.

Он ушел, шагая уверенно, но с вытянутой перед собой рукой, что, должно быть, стало его второй натурой после многих лет, проведенных в темноте. Интересно, сколько их было, подумал я. Сколько времени прошло с момента возвышения Гогмагога и переворота, уничтожившего его семью? Кем или чем был этот Губитель Летучих? Как давно Лия была девочкой, способной улыбаться и принимавшей еду как должное? И вообще — были ли годы здесь такими же, как у нас?

Стивена Вудли звали Вуди — как ковбоя в «Истории игрушек»[169]. Вероятно, это просто совпадение, но я не думал, что волки и кирпичный дом тоже были совпадением. Потом он говорил про мост Румпа. Моя мать погибла на мосту через Литтл-Рампл, а парень, похожий на Румпельштильцхена, чуть не убил меня. Должен ли я был верить, что это тоже совпадения?

Радар спала рядом с моей кроватью, и теперь, когда Вуди привлек мое внимание к ее хриплому дыханию, я не мог его не слышать. Я боялся, что или это, или непрекращающийся волчий вой не дадут мне уснуть. Но я проделал долгий путь, та-

[169] Примечания: 169

«История игрушек» — американский анимационный фильм 1995 г., созданный киностудией «Pixar» совместно с компанией «Walt Disney».

ща за собой тележку. Я продержался недолго, мне ничего не снилось, и я очнулся только ранним утром, когда Вуди тряс меня за плечо.

— Вставай, Чарли. Я приготовил нам завтрак, и ты должен отправиться в путь, как только поешь.

13

На столе стояла миска с яичницей и другая, с жареными сосисками. Вуди съел немного, Радар чуть больше, а об остальном позаботился я.

— Я положил твои вещи в тележку Доры и добавил кое-что, что ты должен показать моей кузине, когда доберешься до нее. Чтобы она точно знала, что ты пришел от меня.

— Должно быть, она не владеет интуицией?

Он улыбнулся.

— На самом деле так и есть. Я пытался научить ее, как мог, но полагаться на такой способ связи не стоит. Есть еще то, что может тебе понадобиться позже, если твоя миссия окажется успешной и ты сможешь вернуться в свой сказочный мир.

— И что это? — спросил я.

— Загляни в свой рюкзак, и увидишь, — он улыбнулся, потянулся ко мне и обнял за плечи. — Может, ты и не *тот* принц, Чарли, но ты

храбрый мальчик.

— Однажды мой принц придет[170], — вполголоса пропел я.

Он улыбнулся, морщины на его лице разгладились.

— Адриан знал эту же песню. Он сказал, что это из фильма, в котором рассказывается сказка.

— «Белоснежка и семь гномов».

Вуди кивнул.

— Еще он сказал, что настоящая сказка была намного мрачнее.

«*Как и все они*», — подумал я.

— Спасибо вам за все. Позаботьтесь о себе. И о Катрионе.

— Мы заботимся друг о друге. Запомнил то, что я говорил?

— Думаю, да.

— А самое важное?

— Следовать за метками мистера Боудича, вести себя тихо и убраться из города до темноты. Из-за ночных солдат.

— Ты веришь тому, что я тебе о них рассказывал, Чарли? Лучше поверь, потому что иначе у тебя может возникнуть соблазн задержаться там,

---

[170] Примечания: 170

Песня из диснеевского мультфильма «Белоснежка и семь гномов» 1937 года.

если ты не доберешься вовремя до солнечных часов.

— Вы сказали, что Хана — великанша, а ночные солдаты — нежить.

— Да, но поверил ли ты в это?

Я подумал о громадных тараканах и кроликах. О красном сверчке размером с Катриону. О Доре с ее тающим лицом и Лии со шрамом вместо рта.

— Да, — сказал я. — Я верю во все это.

— Хорошо. Не забудь показать Клаудии то, что я положил в твой рюкзак.

Я посадил Радар в тележку и открыл рюкзак. Сверху, мягко поблескивая в свете очередного пасмурного дня, лежал позолоченный кулак. Я посмотрел на дверь кирпичного дома и увидел, что дверной молоток исчез. Подняв его, я удивился его весу.

— Боже мой, Вуди! Это что, чистое золото?

— Именно. На случай, если ты почувствуешь искушение пройти мимо солнечных часов в сокровищницу, помни, что у тебя есть это, чтобы добавить к тому, что Адриан взял из дворца во время своего последнего визита. Прощай, принц Чарли. Я надеюсь, тебе не нужно будет использовать оружие Адриана, но, если придется, не медли.

Глава шестнадцатая
Королевская дорога. Клаудия. Инструкции. Многошум. Монархи

1

Мы с Радар подошли к развилке, где стоял знак, указывающий вправо на Королевскую дорогу. Тот, что указывал на Прибрежную дорогу, оторвался и уткнулся вниз, как будто Прибрежье кануло под землю. Радар слабо гавкнула, и я увидел мужчину и мальчика, идущих со стороны моря. Мужчина подпрыгивал на костыле, его левая нога была обмотана грязной повязкой и через каждые несколько шагов касалась земли. Мне было интересно, как далеко он сможет уйти на одной ноге. Мальчик ничем не мог ему помочь; он был еще маленьким и тащил их пожитки в мешке, который перекладывал из руки в руку, а иногда просто волок по дороге. Остановившись у развилки, они смотрели, как я сворачиваю направо от указателя.

— Не туда, сэр! — крикнул мальчик. — Это путь в заколдованный город! — он был серым, но не настолько, как мужчина рядом с ним. Они могли быть отцом и сыном, но увидеть сходство было сложно, потому что лицо мужчины уже стало расплываться, а глаза превратились в щелки.

Мужчина толкнул его в плечо и упал бы, если бы мальчик не поддержал его.

— Оставь его в покое, оставь, — сказал мужчина. Его голос был еще ясным, но приглушенным, будто его связки обернули бумажными салфетками. Я подумал, что скоро он тоже будет хрипеть и рычать, как Дора.

Он обращался ко мне, хотя расстояние между двумя дорогами увеличивалось, и говорить во весь голос ему удавалось с трудом. Гримаса боли делала его расплывающиеся черты еще более пугающими, но он явно хотел что-то мне сказать.

— Привет тебе, целый! Ради кого из них твоя мать задрала юбки, чтобы оставить тебе такое чистое личико?

Я понятия не имел, о чем он говорит, поэтому промолчал. Радар гавкнула еще раз.

— Пап, это собака? Или ручной волк?

Ответом был еще один удар по плечу мальчика. Потом мужчина усмехнулся и сделал рукой жест, который я прекрасно понял. По-видимому, некоторые вещи не меняются, в каком бы мире вы ни находились. У меня было искушение ответить ему американской версией, но я сдержался. Оскорблять людей с ограниченными возможностями нехорошо, даже если такой инвалид

оказывается мудаком, который бьет своего сына и оскорбляет вашу мать.

— Пока, целый! — крикнул он своим приглушенным голосом. — Пусть сегодняшний день станет для тебя последним!

«*Хорошо встретить в пути приятных людей*», — подумал я и пошел дальше. Вскоре они скрылись из виду.

2

Я долго шел Королевской дорогой в одиночестве, что дало мне время подумать — и удивиться.

Все эти люди, например, — кто они и как тут оказались? Конечно, я тоже был тут, но я подумал, что если бы тут проводилась перепись всего населения, меня бы вписали туда со звездочкой возле имени, потому что я не из Эмписа (по крайней мере, эта часть мира называлась так; были и другие, и Вуди сказал, что великанша Хана родом из области под названием Крэтчи). К моей радости, Вуди заверил меня, что я не начну сереть и терять свое лицо, потому что у целых людей иммунитет к седине. Это было утром за завтраком, и он отказался обсуждать это дальше, потому что мне предстоял долгий путь и пора было его начинать.

Когда я спросил о Губителе Летучих, он только нахмурился и покачал головой. Он добавил, что его двоюродная сестра Клаудия может рассказать больше, и мне пришлось довольствоваться этим. Тем не менее, сказанное человеком на костыле наводило на размышления: «*Ради кого из них твоя мать задрала юбки, чтобы оставить тебе такое чистое личико?*»

Еще я задавался вопросом, почему небо здесь всегда серое. По крайней мере, днем — ночью облака иногда расступались, пропуская лунный свет. Который при этом, казалось, пробуждал волков. Тут была не одна луна, а две — одна преследовала другую, и это заставило меня задуматься, где же я все-таки нахожусь. Я прочитал достаточно научной фантастики, чтобы знать об идее параллельных миров и множественных земель, но у меня была идея, что, пройдя через то место в подземном коридоре, где мои душа и тело, казалось, разделились, я, вероятно, попал на совершенно иной уровень существования. Возможность того, что я нахожусь на планете в далекой-далекой галактике, имела определенный смысл из-за двух лун, но ведь ее населяли не инопланетные формы жизни, а самые обычные люди.

Я подумал о той книге на столике мистера Боудича — с заполняющейся звездами воронкой на обложке. Что если я нашел дорогу в мировую матрицу, о которой там вроде бы шла речь? (Я пожалел, что не положил эту книгу в свой рюкзак вместе с едой, таблетками Радар и пистолетом Полли.) Эта идея заставила меня вспомнить фильм, который я смотрел с мамой и папой, когда был совсем маленьким — он назывался «Бесконечная история»[171]. Предположим, Эмпис был похож на Фантазию в том фильме, мир, созданный коллективным воображением? Было ли это тоже юнгианской концепцией? Откуда мне знать, если я даже не знал, как правильно произносится фамилия этого типа — Юнг или Джунг?

Я задавался вопросами обо всех этих отвлеченных вещах, но то, к чему я постоянно возвращался, было более конкретным — узнал ли отец о моем исчезновении? Возможно, он все еще не знал об этом (а незнание, как говорят — благо), но, как и у Вуди, у него могла быть интуиция — я слышал, что родители склонны к ней. Он наверняка

[171] Примечания: 171

«Бесконечная история» (англ. The Neverending Story, нем. Die Unendliche Geschichte) — киносказка совместного производства ФРГ и США, снятая в 1984 году по мотивам одноименной книги немецкого писателя Михаэля Энде.

попытается позвонить мне, а когда я не возьму трубку, напишет сообщение. Он мог, конечно, предположить, что я слишком занят школьными делами, чтобы ответить, но это не продлилось бы долго, потому что он знал, что я всегда стараюсь перезвонить ему, как только смогу.

Мне очень не хотелось волновать его, но теперь я ничего не мог с этим поделать. Я уже принял решение. И кроме того — я должен сказать это, раз уж собрался говорить всю правду, — мне нравилось быть здесь. Не могу сказать, что это было так уж весело, но да, мне нравилось. Я хотел получить ответы на тысячу вопросов. Хотел увидеть, что находится за каждым следующим подъемом и поворотом. Хотел взглянуть на то, что мальчик назвал заколдованным городом. Конечно, я боялся — Ханы, ночных солдат, чего — то или кого-то по имени Губитель Летучих, а больше всего Гогмагога, — но одновременно это меня возбуждало. И еще была Радар. Если я мог дать ей второй шанс, я должен был это сделать.

Когда я остановился, чтобы перекусить и немного отдохнуть, лес окружал меня с обеих сторон. Я не видел никаких диких животных, но теней вокруг хватало.

— Радар, хочешь пожевать что-нибудь?

Я надеялся, что она захочет, потому что с утра еще не успел дать ей таблетки. Открыв рюкзак, я достал банку сардин, открыл их и наклонил банку к ней, чтобы она принюхалась. Она потянулась к банке носом, но не встала. Я увидел, что из глаз у нее натекло еще больше липкой дряни.

— Давай, девочка, тебе это понравится.

Ей удалось сделать три-четыре шага вниз по дну тележки, а потом ее задние лапы подкосились, она заскользила вниз и ударилась о твердую доску на краю, пронзительно заскулив от боли. Там она и осталась лежать, поскуливая и тяжело дыша. Левая сторона ее морды испачкалась пылью и сором со дна тележки, и на нее было больно смотреть. Она попыталась подняться и не смогла.

Я на время перестал думать о целых людях, серости и даже о моем отце. Все это сейчас не имело значения. Отряхнув с морды Радар грязь, я поднял ее и перенес на травянистую обочину дороги, над которой нависали кроны деревьев. Бережно уложив ее там, погладил по голове, а потом осмотрел задние лапы. Никаких повреждений на них не было, но когда я дотронулся до них, она тявкнула и оскалила зубы — не чтобы укусить, а от боли. Они выглядели нормально, но

я был почти уверен, что рентген показал бы, что ее суставы сильно опухли и воспалились.

Она выпила немного воды и съела пару сардин — думаю, чтобы доставить мне удовольствие. У меня самого пропал аппетит, но я заставил себя съесть кусок жареного кролика Доры и пару крекеров. Надо было двигаться дальше. Когда я осторожно поднял Радар и положил ее обратно в тележку, я слышал ее хриплое дыхание и чувствовал на ощупь каждое ребро. Вуди сказал, что она умирает, и был прав, но я проделал весь этот путь не для того, чтобы моя собака встретила свой конец в тележке Доры. Я схватился за ручки и двинулся дальше, но не бегом — я знал, что это быстро меня обессилит, — а быстрым шагом.

— Держись. Завтра все может стать лучше, так что потерпи еще немного, девочка.

Я услышал стук ее хвоста о тележку, когда она вильнула им.

3

Пока я тащил тележку по Королевской дороге, облака сгустились, но дождь пока не шел. Это было хорошо. Я не боялся промокнуть, но промокла бы и Радар, что еще больше ухудшило бы ее состояние, а у меня не было ничего, чем ее можно было

прикрыть. Кроме того, тянуть тележку стало бы труднее или вообще невозможно, если бы дорогу развезло от ливня.

Примерно через четыре или пять часов после того, как мы с Радар перекусили, я преодолел крутой подъем и остановился — отчасти чтобы перевести дыхание, но в основном просто осмотреться вокруг. Отсюда открывался хороший вид, и я впервые смог ясно разглядеть башни города. В этом тусклом свете башни имели угрюмый оливковый оттенок мыльного камня[172]. Высокая серая стена уходила вдаль по обе стороны дороги. Я все еще был в нескольких милях от этой стены и не мог сказать, насколько она высока, но мне показалось, что в центре я вижу громадные ворота. «*Если они заперты*, — подумал я, — то мы *действительно влипли*».

Дорога между домом Вуди и тем местом, где я остановился, чтобы отдохнуть и осмотреться, была извилистой, но отсюда тянулась к городским воротам прямо, как струна. В нескольких милях впереди лес расступался, и я увидел на заросших травой полях брошенные телеги и то, что могло быть ручными плугами. Увидел и кое-что еще:

---

[172] Примечания: 172

Мыльный камень или стеатит — легко обрабатываемый поделочный камень, состоящий из тальковой руды.

автомобиль или еще какой-то транспорт, двигавшийся в моем направлении. У меня хорошее зрение, но эта штука находилась еще в нескольких милях, и я не мог как следует разглядеть ее. Я прикоснулся к рукоятке 45-го калибра мистера Боудича не для того, чтобы убедиться, что он все еще там, а просто для большего спокойствия.

— Радар, как ты там?

Оглянувшись через плечо, я увидел, что она смотрит на меня из тележки, приподняв голову. Это было хорошо. Я схватил ручки тележки и пошел дальше. На моих руках уже вырос приличный урожай волдырей, и я бы многое отдал за пару рабочих перчаток. Хорошо еще, что дорога временно пошла под уклон.

Пройдя еще милю или две (по мере моего приближения башни все больше скрывались за высокой городской стеной), я снова остановился. Теперь я мог видеть, что человек, двигавшийся в мою сторону, похоже, ехал на огромном трехколесном велосипеде. Когда расстояние между нами сократилось, я увидел, что на велосипеде едет женщина, причем с хорошей скоростью. На ней было развевающееся черное платье, что снова заставило меня вспомнить «Волшебника страны Оз» — особенно черно-белую часть в нача-

ле, когда Альмира Галч мчит на велосипеде под грозовым небом Канзаса, чтобы забрать укусившую ее собачку Дороти и усыпить ее. Сзади этого трехколесного велосипеда тоже была деревянная корзина для перевозки, но намного больше той, где мисс Галч собиралась увезти Тото.

— Не волнуйся, Радар, — сказал я. — Тебя она никуда не увезет.

Когда женщина подъехала совсем близко, я остановился и размял свои ноющие руки. Я был готов проявить дружелюбие, если это была та, за кого я ее принял, но готов и защитить себя и свою собаку, если она окажется местной версией злой ведьмы.

Женщина резко остановилась, крутанув педали своего трицикла назад, что подняло в воздух целое облако пыли. Ее платье, вмиг перестав развеваться, облегло ее крупное тело; на ней были черные брюки в обтяжку и большие ботинки, тоже черные, которым явно не требовалась починка Доры. Ее лицо порозовело от физической нагрузки и не имело никаких следов серости. Если бы меня заставили определять ее возраст, я сказал бы, что ей лет сорок или пятьдесят, но не мог быть точно в этом уверен. Время в Эмписе течет странно, как и процесс старения.

— Вы Клаудия, да? — осведомился я. — Подождите, я хочу вам кое-что показать.

Открыв рюкзак, я достал оттуда золотой дверной молоток. Она мельком взглянула на него, кивнула и перегнулась через руль. На руках у нее были кожаные перчатки, чему я мог только позавидовать.

— Я КЛАУДИЯ! НА САМОМ ДЕЛЕ МНЕ НЕ НУЖНО ЭТО ВИДЕТЬ, МНЕ СНИЛОСЬ, ЧТО ТЫ ПРИДЕШЬ! — она постучала себя по виску и хрипло рассмеялась. — СНАМ НЕЛЬЗЯ ДОВЕРЯТЬ, НО СЕГОДНЯ Я ВИДЕЛА (последовало непонятное слово вроде «снаб»)[173] ЭТО ВСЕГДА К ДОЖДЮ ИЛИ К ГОСТЯМ! — ее голос был не только громовым, но и совершенно бесцветным, как у злого компьютера в старом фантастическом фильме. Она добавила то, в чем я едва ли нуждался. — Я ГЛУХАЯ!

Слово в подтверждение, она повернула голову. Ее волосы были собраны в высокий пучок, и я мог бы увидеть ее ухо, если бы оно у нее было. Но его не было: как и в случае с ртом Лии и глазами Вуди, от него остался только шрам.

---

[173] Примечания: 173

Старинное английское слово snab имеет несколько значений — «откос», «отказ», «палочка» (или «корешок»). Какое из них имел в виду Кинг, неясно, поэтому лучше оставить слово без перевода.

4

Подобрав юбки, она слезла со своего трицикла и направилась к тележке, чтобы взглянуть на Радар. По пути она похлопала по рукоятке пистолета 45-го калибра в кобуре.

— БОУДИЧ! Я ПОМНЮ ЭТУ ШТУКУ! И ПОМНЮ ЕГО!

Радар подняла голову, когда Клаудия погладила ее, а потом почесала за ушами так, как ей всегда нравилось. Наклонившись ближе, женщина принюхалась, явно нисколько не боясь быть укушенной. Радар лизнула ее в щеку.

Клаудия снова повернулась ко мне.

— ОНА СОВСЕМ БОЛЬНА!

Я кивнул — не было смысла это отрицать.

— НО МЫ ПОПРОБУЕМ ПОДНЯТЬ ЕЕ НА НОГИ! ОНА БУДЕТ ЕСТЬ?

Я помахал рукой, имея в виду «немного».

— Вы умеете читать по губам? — я похлопал по своим губам, потом показал на ее.

— ТАК И НЕ НАУЧИЛАСЬ! — проревела она. — НЕ НА КОМ ПРАКТИКОВАТЬСЯ! МЫ ДАДИМ ЕЙ ГОВЯЖИЙ БУЛЬОН! КЛЯНУСЬ БОГОМ, ОНА ЭТО СЪЕСТ! ЕЙ НУЖНО ХОРОШЕЕ ПИТАНИЕ! ХОЧЕШЬ ПОЛОЖИТЬ ЕЕ В МОЮ КОРЗИНУ? ТОГДА МЫ

СМОЖЕМ ЕХАТЬ БЫСТРЕЕ!

Я не хотел объяснять ей, что боюсь навредить больным лапам Радар, поэтому просто покачал головой.

— ХОРОШО, НО НЕ МЕДЛИ! ТРИ ЗВОНКА УЖЕ СКОРО! КОНЕЦ РАБОЧЕГО ДНЯ! ТЫ ЖЕ ЗНАЕШЬ, ЧТО ЗДЕСЬ ВОДЯТСЯ ЧЕРТОВЫ ВОЛКИ!

Она прокатила свой здоровенный трицикл — его сиденье, должно быть, находилось не менее чем в пяти футах от земли, — по кругу, потом вскарабкалась на сиденье. Педали она крутила медленно, а дорога была достаточно широкой, чтобы я мог идти рядом с ней, и нам с Радар не пришлось глотать ее пыль.

— ЕЩЕ ЧЕТЫРЕ МИЛИ! — крикнула она своим бесцветным голосом. — ТЯНИ БЫСТРЕЕ, МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК! Я БЫ ОТДАЛА ТЕБЕ СВОИ ПЕРЧАТКИ, НО У ТЕБЯ СЛИШКОМ БОЛЬШИЕ РУКИ! ДАМ ТЕБЕ ХОРОШУЮ МАЗЬ ДЛЯ РУК, КОГДА МЫ БУДЕМ ДОМА! ЭТО МОЙ СОБСТВЕННЫЙ РЕЦЕПТ, ОНА ТЕБЕ ПОМОЖЕТ! А ТО ВИД У НИХ НЕ ОЧЕНЬ!

5

К тому времени, как мы приблизились к дому Клаудии, день клонился к закату, и я почти выбился из сил. По сравнению с двумя днями

таскания Дориной тележки мои футбольные тренировки казались отдыхом. Через милю или две пути началось то, что могло быть пригородом — там стояли такие же коттеджи, как у Доры, но с провалившимися крышами. Сначала они находились на приличном расстоянии друг от друга и были окружены двориками или огородами, но по мере приближения к городским стенам застройка становилась все плотнее. Над крышами торчали трубы, но ни из одной не шел дым. Дорога и отходящие от нее улочки начали зарастать травой. Какой — то транспорт — я не мог сказать, какой именно, — застыл, как вкопанный, прямо посреди дороги. Сначала я подумал, что это большой фургон для перевозки грузов. Когда мы подъехали ближе, я решил, что это, может быть, автобус, и указал на него с вопросительным жестом.

— ТРОЛЛЕЙБУС! — прогремела Клаудия. — ЕЗДИЛ ЗДЕСЬ КОГДА-ТО ДАВНО! СКОРЕЕ, МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК! НАПРЯГИ СВОЮ ПУКАЛКУ! — такого я никогда не слышал; я бы подарил это словечко Энди Чену, если, конечно, когда-нибудь увижу его снова. — МЫ ПОЧТИ ПРИШЛИ!

Из города до того места, где мы находились, донесся звук трех колоколов, гулкий и торжественный: «ДОН, ДОН, ДОН». Клаудия увидела,

как Радар встрепенулась и повернулась на звук.

— ТРИ ЗВОНКА?

Я кивнул.

— В СТАРЫЕ ВРЕМЕНА ЭТО ОЗНАЧАЛО: БРОСАЙ СВОЮ РАБОТУ И ИДИ ДОМОЙ УЖИНАТЬ! ТЕПЕРЬ НЕТ НИ РАБОТЫ, НИ ТЕХ, КТО ЕЕ ДЕЛАЛ, НО КОЛОКОЛА ВСЕ РАВНО ЗВОНЯТ! Я ИХ НЕ СЛЫШУ, НО ЧУВСТВУЮ НА СВОИХ ЗУБАХ, ОСОБЕННО КОГДА ДУЕТ ВЕТЕР!

Дом Клаудии стоял на заросшем сорняками участке перед покрытым ряской прудом в окружении кустарника. Дом был круглым, сколоченным из обрезков досок и кусков жести. Мне он показался довольно хлипким, из-за чего было трудно не подумать снова о поросятах и волке. У Вуди был дом из кирпичей, у Клаудии — из хвороста. Если был еще один член королевской семьи, который жил в соломенном доме, я подумал, что его или ее давным-давно съели.

Когда мы подошли ближе, я увидел нескольких мертвых волков, трех или четырех перед домом и еще одного сбоку — его лапы торчали из сорняков. Этого я не мог как следует разглядеть, но те, что были впереди, уже порядком разложились, под остатками их шкуры торчали кости. Глаз у них не было; вероятно, их выклевали голодные вороны,

и глазницы, казалось, уставились на меня, когда мы свернули на протоптанную тропку, ведущую к двери. Я с облегчением увидел, что они были не гигантскими, как насекомые — но все равно достаточно большими. Во всяком случае при жизни. Смерть посадила их на строгую диету, как, думаю, бывает со всеми живыми существами.

— Я СТРЕЛЯЮ В НИХ, КОГДА МОГУ! — сказала Клаудия, слезая со своего трицикла. — ЧАЩЕ ВСЕГО ЭТО ДЕРЖИТ ОСТАЛЬНЫХ НА РАССТОЯНИИ! КОГДА ВОНЬ ВЫВЕТРИТСЯ, Я ПРИСТРЕЛЮ ЕЩЕ НЕСКОЛЬКИХ ЗАСРАНЦЕВ!

«*Для королевской особы,* — подумал я, — *она выражается чересчур грубо*».

Я положил ручки тележки, вытащил из кобуры револьвер мистера Боудича и показал ей, вопросительно подняв брови. Не думал, что она поймет меня, но она поняла. Ее улыбка показала несколько отсутствующих зубов.

— НЕТ, У МЕНЯ ТАКОГО НЕТ! АРБАЛЕТ! — она изобразила, как нацеливает это оружие на волка. — Я САМА ЕГО СДЕЛАЛА! У МЕНЯ ЕСТЬ И ЕЩЕ КОЕ-ЧТО, ДАЖЕ ЛУЧШЕ! АДРИАН ПРИНЕС ЕГО, КОГДА ЭТОТ ПЕС БЫЛ НЕ БОЛЬШЕ ЩЕНКА!

Подойдя к двери, она распахнула ее сильным плечом. Я достал Радар из тележки и попробовал

поставить на ноги. Она могла стоять и ходить, но у подножия каменных ступенек остановилась и взглянула на меня, прося о помощи. Пришлось занести ее наверх. Дом состоял из одной большой круглой комнаты и, как я предположил, комнаты поменьше, скрытой за синей бархатной занавеской, расшитой алыми и золотыми нитками. Там были крошечная кухня с плитой и рабочий стол, заваленный инструментами. Еще на столе лежали арбалетные стрелы в разных стадиях изготовления и плетеная корзина с полудюжиной готовых. Острия стрел блеснули, когда она достала длинную спичку и зажгла пару масляных ламп. Я поднял одну из стрел, чтобы получше рассмотреть наконечник — он был золотым. И острым. Когда я притронулся к нему кончиком указательного пальца, тут же выступила капелька крови.

— ТЫ ЧТО, ХОЧЕШЬ НАВЛЕЧЬ НА СЕБЯ НЕСЧАСТЬЕ?

Она схватила меня за рубашку и потащила к оловянной раковине, над которой висел ручной насос. Клаудия несколько раз энергично нажала ручку, чтобы он заработал, а потом сунула мой кровоточащий палец под ледяную воду.

— Это просто…, — начал я, потом сдался и поз-

волил ей делать то, что она делала. Наконец она закончила и, к моему удивлению, чмокнула меня в щеку.

— САДИСЬ! ОТДЫХАЙ! СКОРО БУДЕМ ЕСТЬ! НУЖНО ПОЗАБОТИТЬСЯ О ТВОЕЙ СОБАКЕ, А ПОТОМ О ТВОИХ РУКАХ!

Она поставила чайник на плиту и, когда он нагрелся, но еще не закипел, достала из-под раковины таз и налила в него воды. Потом подлила в нее какую-то дурно пахнущую жидкость из кувшина с одной из полок. Эти полки были полны всяких вещей — что-то лежало в коробках, что-то в мешочках из тонкой ткани, похожей на марлю, а большинство в стеклянных банках. На стене справа от бархатной занавески висел арбалет, выглядевший весьма серьезно. Это место напомнило мне ферму где-нибудь на Диком Западе, а Клаудия была похожа не на даму из королевского семейства, а на женщину с границы, решительную и готовую ко всему.

Она намочила тряпку в вонючем вареве, отжала ее, а потом присела на корточки над Радар, подозрительно глядящей на нее, и начала осторожно прижимать ткань к больным лапам. При этом она издавала странные напевные звуки, которые показались мне чем-то вроде заклина-

ния. Звуки делались то выше, то ниже, в то время как ее обычный голос все время был громким и монотонным, почти как объявления по громкой связи у нас в школе. Я подумал, что Радар может попытаться убежать или даже укусить ее, но она ничего такого не сделала — только положила голову на доски и удовлетворенно вздохнула.

Клаудия просунула руки под тело Радар.

— ПЕРЕВЕРНИСЬ, МИЛАЯ! МНЕ НУЖНО СДЕЛАТЬ ЭТО С ОСТАЛЬНЫМИ ЛАПАМИ!

Радар не перевернулась, а как бы бевольно шлепнулась на бок. Клаудия снова намочила тряпку и принялась за очередную лапу. Закончив, она швырнула тряпку в раковину и взяла еще две. Она намочила их в той же жидкости, отжала и повернулась ко мне.

— ДАВАЙ РУКИ, ЮНЫЙ ПРИНЦ! ТАК ВУДИ НАЗЫВАЛ ТЕБЯ В МОЕМ СНЕ!

Говорить ей, что я просто старина Чарли, было бесполезно, поэтому я просто протянул ей руки, и она обернула их теплыми влажными тряпками. Ее зелье пахло не слишком приятно, но мгновенно принесло облегчение. Я не мог сказать ей это словами, но она увидела все по моему лицу.

— ЧЕРТОВСКИ ХОРОШАЯ ШТУКА, ПРАВДА? МОЯ БАБУШКА НАУЧИЛА МЕНЯ ДЕЛАТЬ ЕЕ ДАВНЫМ-

ДАВНО, КОГДА ЭТОТ ТРОЛЛЕЙБУС ЕЩЕ ХОДИЛ ПО МАРШРУТУ В УЛЛУМ, И ЛЮДИ СЛУШАЛИ КОЛОКОЛЬНЫЙ ЗВОН! В НЕМ ЕСТЬ ИВОВАЯ КОРА, НО ЭТО ДАЛЕКО НЕ ВСЕ, МОЙ МАЛЬЧИК! ПОДЕРЖИ РУКИ ТАК, А Я ПОКА СОБЕРУ ПОЕСТЬ! ТЫ, ДОЛЖНО БЫТЬ, ГОЛОДЕН!

6

На ужин был стейк с зеленой фасолью и что-то вроде яблочно-персикового пирога на десерт. Я, конечно, охотно отведал бесплатной еды (как и все время с момента появления в Эмписе), и Клаудия не раз подкладывала мне добавки. Радар получила порцию говяжьего бульона с кусочками жира, плавающими на поверхности. Она дочиста вылизала миску, облизнулась и посмотрела на Клаудию, ожидая добавки.

— НЕТ, НЕТ, НЕТ! — проревела Клаудия, наклоняясь, чтобы почесать Радара за ушами. — ИНАЧЕ ТЫ ТУТ ЖЕ ВЕРНЕШЬ ВСЕ НАЗАД, ГЛУПАЯ СТАРАЯ ПСИНА, И КОМУ ОТ ЭТОГО БУДЕТ ЛУЧШЕ? НО ВОТ ЭТО ТЕБЕ НЕ ПОВРЕДИТ!

На столе лежала буханка черного хлеба. Она отщипнула кусочек своими сильными, закаленными работой пальцами (ей бы удалось протащить эту тележку хоть весь день, не зара-

ботав ни одного волдыря), а потом вытащила из корзины стрелу. Насадив на нее кусок хлеба, она открыла дверцу плиты и сунула хлеб внутрь, сделав его еще более черным и горячим. Задув на нем искорки, как свечки ва день рождения, намазала маслом из глиняного кувшина на столе и протянула собаке. Радар поднялась на ноги, зубами сняла хлеб с наконечника стрелы и потащила в угол. Хромала она явно меньше. Я подумал, что если бы у мистера Боудича была мазь Клаудии, ему, возможно, не понадобился бы никакой оксиконтин.

Клаудия отодвинула бархатную занавеску, скрывавшую ее будуар, вернулась с блокнотом и карандашом и протянула их мне. При виде надписи на карандаше на меня вновь нахлынуло ощущение нереальности происходящего. То, что от нее осталось, гласило: «…ПАМЯТЬ О СЕНТРИ». В блокноте осталось всего несколько листов. На обороте я увидел выцветшую наклейку с ценой — «1,99 доллара».

— ПИШИ, КОГДА ТЕБЕ НУЖНО, НО ЛУЧШЕ ПРОСТО КИВАЙ ИЛИ КАЧАЙ ГОЛОВОЙ, ЕСЛИ ЭТИМ МОЖНО ОБОЙТИСЬ! ЭКОНОМЬ ЧЕРТОВУ БУМАГУ, АДРИАН ПРИВЕЗ ЕЕ В ПОСЛЕДНИЙ РАЗ ВМЕСТЕ С МНОГОШУМОМ, И ЭТО ВСЕ, ЧТО ОТ

НЕГО ОСТАЛОСЬ! ПОНИМАЕШЬ?

Я кивнул.

— ТЫ ПРИШЕЛ ОМОЛОДИТЬ ЕГО СОБАКУ, ТАК?

Я снова кивнул.

— СМОЖЕШЬ НАЙТИ ДОРОГУ К СОЛНЕЧНЫМ ЧАСАМ, МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК?

На этот вопрос я ответил письменно и протянул ей блокнот: мистер Боудич оставил свои инициалы в качестве меток. Что, как я подумал, было лучше хлебных крошек. Если, конечно, их не смыло дождем.

Кивнув, она задумчиво склонила голову. В свете ламп я мог видеть ее явное сходство с кузеном Вуди, хотя он был намного старше. На ее лице отпечаталась суровая красота, обретенная за годы работы и стрельбы по волкам-мародерам. «Королевская семья в изгнании, — подумал я. — Она, Вуди и Лия. Не три поросенка, а три маленьких беглеца с голубой кровью».

Наконец она подняла глаза и сказала:

— ЭТО БОЛЬШОЙ РИСК!

Я кивнул.

— ВУДИ ОБЪЯСНИЛ, КУДА ТЫ ДОЛЖЕН ИДТИ И ЧТО ДЕЛАТЬ?

Я пожал плечами и написал: «Я должен вести себя тихо».

Она издала фыркающий звук, как будто это было совсем не то.

— Я НЕ МОГУ И ДАЛЬШЕ НАЗЫВАТЬ ТЕБЯ МОЛОДЫМ ЧЕЛОВЕКОМ ИЛИ ЮНЫМ ПРИНЦЕМ, ХОТЯ ЧТО-ТО ОТ ПРИНЦА В ТЕБЕ ЕСТЬ! КАК ТЕБЯ ЗОВУТ?

Я написал «ЧАРЛИ РИД» заглавными буквами.

— ШАРЛИ?

Это было достаточно близко, и я кивнул.

Она взяла из дровяного ящика полено, открыла дверцу печки, бросила его внутрь и с грохотом захлопнула дверцу. Потом вернулась на свое место, сложила руки на коленях и склонилась к ним. Лицо ее было серьезным.

— ЗАВТРА ТЫ НЕ УСПЕЕШЬ СДЕЛАТЬ СВОЕ ДЕЛО, ШАРЛИ, ТАК ЧТО ТЕБЕ ПРИДЕТСЯ ЗАНОЧЕВАТЬ В ДЕПО НЕДАЛЕКО ОТ ГЛАВНЫХ ВОРОТ! ВОЗЛЕ ДЕПО СТОИТ КРАСНЫЙ ВАГОН СО СНЯТЫМИ ПЕРЕДНИМИ КОЛЕСАМИ! ЗАПИШИ ЭТО!

Я написал: «Депо, красный вагон без колес».

— ТАК, ХОРОШО! ТЫ УВИДИШЬ, ЧТО ДВЕРЬ ДЕПО ОТКРЫТА, НО ВНУТРИ ЕСТЬ ЗАСОВ! ЗАКРОЙ ЕГО, ЕСЛИ НЕ ХОЧЕШЬ, ЧТОБЫ ТЕБЯ ТАМ ОТЫСКАЛИ ВОЛКИ! ЗАПИШИ ЭТО ТОЖЕ!

«Дверь на засов».

— ОСТАВАЙСЯ ТАМ, ПОКА НЕ УСЛЫШИШЬ

УТРЕННИЙ ЗВОНОК! ОДИН УДАР! ГОРОДСКИЕ ВОРОТА БУДУТ ЗАПЕРТЫ, НО ИМЯ ЛИИ ОТКРОЕТ ИХ! ТОЛЬКО ЕЕ! ЛИЯ ИЗ ГАЛЛИЕНОВ! ЗАПИШИ ЭТО!

Я записал: «Лия с галеона». Она жестом попросила блокнот, чтобы посмотреть, что я написал, нахмурилась и потребовала карандаш. Зачеркнув галеон, заменила его на Галлиен.

— ТЕБЯ ЧТО, НИКТО НЕ УЧИЛ ПИСАТЬ ПО БУКВАМ В ТВОЕЙ СТРАНЕ, МАЛЬЧИК?

Я пожал плечами. «Галеон» и «Галлиен» звучали почти одинаково. И если город пустой, кто вообще услышит меня и впустит?

— ТЫ БУДЕШЬ ТАМ И ВОЙДЕШЬ В ВОРОТА, ЧЕРТ ВОЗЬМИ, СРАЗУ ПОСЛЕ УТРЕННЕГО ЗВОНКА, ПОТОМУ ЧТО ТЕБЕ ПРЕДСТОИТ ЧЕРТОВСКИ ДОЛГИЙ ПУТЬ!

Потерев лоб, она обеспокоенно посмотрела на меня.

— ЕСЛИ ТЫ НАЙДЕШЬ МЕТКИ АДРИАНА, ВСЕ МОЖЕТ КОНЧИТЬСЯ ХОРОШО! ЕСЛИ НЕ НАЙДЕШЬ, УХОДИ, ПОКА НЕ ЗАБЛУДИЛСЯ! УЛИЦЫ ПРЕВРАТЯТСЯ В ЛАБИРИНТ! ТЫ БУДЕШЬ БРОДИТЬ В ЭТОЙ АДСКОЙ ДЫРЕ, ПОКА НЕ ПАДЕТ ТЕМНОТА!

Я написал, что Радар умрет, если я не смогу ее

омолодить.

Она прочитала это и протянула блокнот обратно.

— ТЫ ЛЮБИШЬ ЕЕ НАСТОЛЬКО, ЧТО ГОТОВ УМЕРЕТЬ ВМЕСТЕ С НЕЙ?

Я покачал головой. Клаудия удивила меня смехом, который был почти музыкальным. Я думал, что это был маленький остаток того, каким был ее голос до того, как проклятие обрекло ее на жизнь в молчании.

— НЕ САМЫЙ БЛАГОРОДНЫЙ ОТВЕТ, НО ТЕ, КТО ОТВЕЧАЕТ БЛАГОРОДНО, ЧАЩЕ ВСЕГО УМИРАЮТ МОЛОДЫМИ СО ШТАНАМИ, ПОЛНЫМИ ДЕРЬМА! НЕ ХОЧЕШЬ ЛИ ЭЛЯ?

Я покачал головой. Она встала, залезла в то, что, как я предположил, было ее холодильным шкафом, и вернулась с белой бутылкой. Вытащив большим пальцем пробку с дырочкой — наверное, чтобы дать напитку дышать, — она сделала большой глоток, за которым последовала звонкая отрыжка. Она снова села, теперь баюкая на коленях бутылку.

— ЕСЛИ ТАМ БУДУТ МЕТКИ, ШАРЛИ — МЕТКИ АДРИАНА — СЛЕДУЙ ЗА НИМИ ТАК БЫСТРО, КАК ТОЛЬКО МОЖЕШЬ, И МОЛЧИ! ВСЕ ВРЕМЯ МОЛЧИ! НЕ ОБРАЩАЙ ВНИМАНИЯ НА ГОЛОСА, КОТОРЫЕ

МОЖЕШЬ УСЛЫШАТЬ, ПОТОМУ ЧТО ЭТО ГОЛОСА МЕРТВЫХ… И ТЕХ, КТО ХУЖЕ, ЧЕМ МЕРТВЫЕ!

Хуже, чем мертвые? Мне не понравилось, как это прозвучало. И, кстати, звук деревянных колес Дориной тележки наверняка будет слышен на мощеных улицах. Может быть, Радар сможет пройти часть пути пешком, а остальное время я ее понесу?

— ТЫ МОЖЕШЬ УВИДЕТЬ СТРАННЫЕ ВЕЩИ — ИЗМЕНЕНИЕ ФОРМЫ ВЕЩЕЙ — НО НЕ ОБРАЩАЙ ВНИМАНИЯ! В КОНЦЕ ТЫ ВЫЙДЕШЬ НА ПЛОЩАДЬ С ВЫСОХШИМ ФОНТАНОМ!

Я подумал, что, может быть, видел именно этот фонтан на фотографии Клаудии и Лии, которую мне показал Вуди.

— РЯДОМ СТОИТ БОЛЬШОЙ ЖЕЛТЫЙ ДОМ С КОРИЧНЕВЫМИ СТАВНЯМИ! В ЕГО СЕРЕДИНЕ ЕСТЬ ПРОХОД! ТЕПЕРЬ ЭТО ДОМ ХАНЫ! В ОДНОЙ ПОЛОВИНЕ ОНА ЖИВЕТ! ДРУГАЯ ПОЛОВИНА — ЭТО КУХНЯ, ГДЕ ЕЕ КОРМЯТ! ЗАПИШИ ЭТО!

Я записал, а потом она взяла блокнот и нарисовала проход-арку с крытым верхом, а над ним — бабочку с распростертыми крыльями. Для быстрого наброска вышло отлично.

— ТЫ ДОЛЖЕН СПРЯТАТЬСЯ, ШАРЛИ! ТЫ И ТВОЯ СОБАКА! ОНА БУДЕТ ВЕСТИ СЕБЯ ТИХО?

Я кивнул.

— ТИХО, НЕСМОТРЯ НИ НА ЧТО?

Я не был в этом уверен, но снова кивнул.

— ЖДИ ДВУХ ЗВОНКОВ! ЗАПИШИ ЭТО!

«Два звонка», — написал я.

— ДО ДВУХ ЗВОНКОВ ХАНА БУДЕТ СНАРУЖИ! ОНА НЕ ДОЛЖНА ВАС УВИДЕТЬ! ЖДИ, КОГДА ОНА ПОЙДЕТ НА КУХНЮ КОРМИТЬСЯ! ТУТ ВЫ И ДОЛЖНЫ ПРОЕХАТЬ ЧЕРЕЗ ПРОХОД ТАК БЫСТРО, КАК ТОЛЬКО СМОЖЕТЕ! ЗАПИШИ ЭТО!

Я не думал, что это надо делать — мне вовсе не хотелось проводить много времени рядом с Ханой, если она была такой страшной, как мне сказали, — но было ясно, что Клаудия очень беспокоилась обо мне.

— СОЛНЕЧНЫЕ ЧАСЫ НЕМНОГО ДАЛЬШЕ! ТЫ УВИДИШЬ ИХ В КОНЦЕ ШИРОКОЙ ДОРОГИ! ПОСАДИ ЕЕ НА СОЛНЕЧНЫЕ ЧАСЫ И ЗАПУСТИ ИХ В ОБРАТНОМ НАПРАВЛЕНИИ! СДЕЛАЙ ЭТО РУКАМИ! ИМЕЙ В ВИДУ, ЕСЛИ ТЫ ПУСТИШЬ ИХ ВПЕРЕД, ТЫ УБЬЕШЬ ЕЕ! И САМ ДЕРЖИСЬ ОТ НИХ ПОДАЛЬШЕ! ЗАПИШИ ЭТО!

Я так и сделал, но только для того, чтобы доставить ей удовольствие. Я читал «Что-то страшное грядет», и знал, как опасно поворачивать солнечные часы не в ту сторону. Единственное, в чем

Радар не нуждалась, так это в том, чтобы стать еще старше.

— ВОЗВРАЩАЙСЯ ТАК ЖЕ, КАК ПРИШЕЛ! НО ОСТЕРЕГАЙСЯ ХАНЫ! СЛУШАЙ ЕЕ В ПРОХОДЕ!

Я поднял руки и покачал головой — «не понимаю».

Клаудия мрачно улыбнулась.

— ЭТА СТЕРВА ВСЕГДА СПИТ, КОГДА НАЖРЕТСЯ! И ХРАПИТ! ТЫ ЭТО УСЛЫШИШЬ, ШАРЛИ! ЭТО КАК ГРОМ СРЕДИ ЯСНОГО НЕБА!

Я показал ей два поднятых больших пальца.

— ВОЗВРАЩАЙСЯ СКОРЕЕ! ЭТО ДАЛЕКО, И У ВАС БУДЕТ МАЛО ВРЕМЕНИ! ВАМ НЕЛЬЗЯ ПРОХОДИТЬ ЧЕРЕЗ ВОРОТА, ПОКА НЕ ПРОЗВОНЯТ ТРИ КОЛОКОЛА, НО СРАЗУ ПОСЛЕ ЭТОГО ВЫ ДОЛЖНЫ ПОКИНУТЬ ЛИЛИМАР! ДО ТЕМНОТЫ!

Я написал «Из-за ночных солдат?» в блокноте и показал ей. Прежде чем ответить, Клаудия, нахмурившись, смочила горло элем.

— ДА! ИЗ-ЗА НИХ! А ТЕПЕРЬ ЗАЧЕРКНИ ЭТО!

Я так и сделал и показал ей.

— ХОРОШО! ЧЕМ МЕНЬШЕ БУДЕТ СКАЗАНО ИЛИ НАПИСАНО ОБ ЭТИХ ТВАРЯХ, ТЕМ ЛУЧШЕ! ПОТОМ ПЕРЕНОЧУЙ В ДЕПО С КРАСНЫМ ВАГОНОМ! УХОДИ, КОГДА УСЛЫШИШЬ УТРЕННИЙ ЗВОНОК! ВОЗВРАЩАЙСЯ СЮДА! ЗАПИШИ ЭТО!

Я так и сделал.

— ВСЕ, МЫ ЗАКОНЧИЛИ, — сказала Клаудия. — ВАМ НАДО ЛЕЧЬ СПАТЬ ПРЯМО СЕЙЧАС, ПОТОМУ ЧТО ВЫ, ДОЛЖНО БЫТЬ, УСТАЛИ, А ЗАВТРА ПРЕДСТОИТ ДОЛГИЙ ПУТЬ!

Я кивнул и что-то написал в блокноте. Я поднял его одной рукой, а другой взял ее руку. В блокноте было крупно написано «СПАСИБО».

— НЕТ, НЕТ, НЕТ! — она сжала мою руку, потом поднесла ее к своим потрескавшимся губам и поцеловала. — Я ЛЮБИЛА АДРИАНА! НЕ ТАК, КАК ЖЕНЩИНА ЛЮБИТ МУЖЧИНУ, А КАК СЕСТРА ЛЮБИТ БРАТА! НАДЕЮСЬ, ЧТО НЕ ПОСЫЛАЮ ТЕБЯ НА ВЕРНУЮ СМЕРТЬ… ИЛИ ЕЩЕ ХУЖЕ!

Я улыбнулся и снова показал ей два больших пальца, пытаясь показать, что со мной все будет в порядке. В чем я, конечно, совсем не был уверен.

7

Прежде чем я успел задать еще какие — нибудь вопросы — а их у меня было много, — появились волки. Их было много, и они выли во все горло. Я увидел лунный свет, сияющий между двумя досками, которые отошли друг от друга, и тут раздался такой сильный удар в стену дома, что здание задрожало. Радар залаяла и вскочила,

подняв уши. Раздался второй удар, потом третий, потом сразу два. С одной из полок Клаудии свалилась бутылка, и я почувствовал запах разлившегося рассола для маринада.

Я вытащил пистолет мистера Боудича, думая: «*Сейчас они дунут раз, дунут два — и повалят этот дом*».

— НЕТ, НЕТ, НЕТ! — прогремела Клаудия. Она выглядела почти удивленной. — ИДИ ЗА МНОЙ, ШАРЛИ, И ПОСМОТРИ, ЧТО ПРИНЕС АДРИАН!

Она отодвинула бархатную занавеску и жестом пригласила меня войти. Большая комната была опрятной, ее спальня — нет. Я бы не стал называть Клаудию неряхой в обращении с личными вещами, но… знаете, пожалуй, ее можно было так назвать. Два стеганых одеяла были скомканы и скинуты с постели. Брюки, рубашки и нижнее белье, что-то вроде хлопчатых кальсон и сорочек, валялись на полу. Пинками отбрасывая одежду со своего пути, она повела меня в дальний конец комнаты. Меня меньше интересовало то, что она хотела мне показать, чем нападение волков снаружи. Это явно была атака — удары в стены ее хлипкого дощатого домика теперь почти не прекращались. Я боялся, что даже если облака закроют луну, штурм не прекратится. Они были

возбуждены и жаждали крови.

Она открыла дверь, за которой оказалась комната размером со стенной шкаф с компостным туалетом, несомненно, доставленным из моего мира.

— СОРТИР! — сказала она. — НА СЛУЧАЙ, ЕСЛИ ОН ПОНАДОБИТСЯ ТЕБЕ НОЧЬЮ! НЕ ВОЛНУЙСЯ, ЧТО РАЗБУДИШЬ МЕНЯ, Я СПЛЮ КАК УБИТАЯ!

Я был уверен в этом, зная, что она глуха, как камень, но не думал, что мне понадобится туалет, если волки прорвутся в дом. Ни сегодня, ни когда-нибудь еще. Мне казалось, что целая стая зверей пытается попасть внутрь, пока Клаудия развлекает меня экскурсией по дому.

— А ТЕПЕРЬ ПОГЛЯДИ НА ЭТО! — сказала Клаудия. Тыльной стороной ладони она отодвинула панель рядом с унитазом. Внутри находился автомобильный аккумулятор с клеймом «ACDelco»[174] на боку. К его клеммам были прикреплены перемычки-зажимы. Один кабель был подсоединен к какому-то силовому преобразователю, другой выходил оттуда и подключался к тому, что выглядело как обычный выключатель. Клаудия широко улыбалась.

---

[174] Примечания: 174

«ACDelco» — американский бренд автозапчастей, принадлежащий компании «General Motors».

— АДРИАН ПРИНЕС ЭТО, И ГРЕБАНЫЕ ВОЛКИ НЕНАВИДЯТ ЕГО!

«*Трус приносит подарки*», — подумал я.

Она щелкнула выключателем. Раздался грохочущий звук, похожий на автомобильную сигнализацию, усиленную в пятьдесят или сто раз. Я зажал уши руками, боясь, что если я этого не сделаю, то останусь таким же глухим, как Клаудия. Через десять или пятнадцать очень долгих секунд она выключила звук. Я осторожно убрал руки от ушей. В большой комнате Радар лаяла как сумасшедшая, но волков слышно не было.

— ШЕСТЬ КОЛОНОК! ЭТИ УБЛЮДКИ УДРАЛИ В ЛЕС, КАК БУДТО У НИХ ГОРЯТ ХВОСТЫ! КАК ТЕБЕ ЭТО НРАВИТСЯ, ШАРЛИ? БЫЛО ЛИ ЭТО ДОСТАТОЧНО ГРОМКО ДЛЯ ТЕБЯ?

Я кивнул и похлопал себя по ушам. Ничто не могло долго противостоять этому звуковому шквалу.

— ХОТЕЛА БЫ Я ЭТО УСЛЫШАТЬ! — сказала Клаудия. — НО Я ЧУВСТВУЮ ЭТО НА ЗУБАХ! ХА!

В руках у меня все еще были блокнот и карандаш. Я написал вопрос и оказал ей — что будет, когда батарея сядет?

Она обдумала это, потом улыбнулась и потрепала меня по щеке одной рукой.

— Я ДАМ ТЕБЕ ЕДУ И НОЧЛЕГ, А ТЫ ПРИНЕСЕШЬ МНЕ ДРУГУЮ! ЧЕСТНАЯ ЛИ ЭТО СДЕЛКА, ЮНЫЙ ПРИНЦ? ДУМАЮ, ДА!

8

Я спал возле плиты, как и у Доры. В ту ночь я не мог лежать без сна и обдумывать свое положение; вместо подушки Клаудия дала мне стопку полотенец, но я все равно отключился, как только моя голова коснулась их. Две секунды спустя — вот на что это было похоже — она трясла меня, чтобы разбудить. На ней была длинная ночная рубашка с аппликацией в виде бабочек — еще одна работа Доры.

— Что? — спросил я. — Дайте поспать.

— НЕТ, НЕТ, НЕТ! — она была глухой, но прекрасно понимала, что я говорю. — ВСТАВАЙ, ШАРЛИ! ВАМ ЕЩЕ ДАЛЕКО ИДТИ! ПОРА ЗАНЯТЬСЯ ДЕЛОМ! КРОМЕ ТОГО, Я ХОЧУ ТЕБЕ КОЕ-ЧТО ПОКАЗАТЬ!

Я попытался лечь обратно, но она рывком вернула меня в сидячее положение.

— ТВОЯ СОБАКА ЖДЕТ! Я НЕ СПЛЮ УЖЕ ЧАС ИЛИ БОЛЬШЕ! И СОБАКА ТОЖЕ! ОНА ПОЛУЧИЛА ЕЩЕ ДОЗУ МАЗИ И ЧУВСТВУЕТ СЕБЯ БОДРОЙ! ПОСМОТРИ И УВИДИШЬ!

Радар стояла рядом с ней, виляя хвостом. Когда

она увидела, что я смотрю на нее, то ткнулась носом в мою шею, а потом лизнула в щеку. Я встал. Мои ноги болели, руки и плечи — еще больше. Я подвигал ими, потом сделал дюжину движений плечами — часть разминки во время предсезонной футбольной тренировки.

— ИДИ И ДЕЛАЙ СВОИ ДЕЛА! А Я ПОКА ПРИГОТОВЛЮ ТЕБЕ ЧТО-НИБУДЬ ПЕРЕКУСИТЬ!

Я пошел в маленькую ванную, где она оставила таз с теплой водой и кусок твердого желтого мыла. Я помочился, вымыл лицо и руки. На стене висело маленькое квадратное зеркальце, не больше автомобильного. Оно было поцарапанным и тусклым, но, немного наклонившись, я смог разглядеть себя. Я выпрямился и уже повернулся, чтобы уйти, потом посмотрел еще раз, внимательнее. Мне показалось, что мои темно-каштановые волосы немного посветлели. Так бывало летом, после нескольких дней на солнце, но ведь здесь солнца не было, только сплошные облака. Кроме ночи, конечно, когда облака расступались, пропуская лунный свет.

Я отмахнулся от этого, решив, что виноваты слабый свет единственной масляной лампы и мутность зеркала. Когда я вернулся, она протянула мне толстый ломоть хлеба, накрытый

здоровенным куском яичницы. Я проглотил это с жадностью волка (не знаю, каламбур это или нет).

Она протянула мне мой рюкзак.

— Я ПОЛОЖИЛА ТУДА ВОДЫ И ХОЛОДНОГО ЧАЯ! ЕЩЕ БУМАГУ И КАРАНДАШ! НА ВСЯКИЙ СЛУЧАЙ! ТЕЛЕЖКА, КОТОРУЮ ТЫ ТЯНУЛ, ОСТАНЕТСЯ ЗДЕСЬ!

Я покачал головой и изобразил, как берусь за ручки.

— НЕТ, НЕТ, НЕТ! ВОЗЬМЕШЬСЯ ЗА НИХ, КОГДА ВЕРНЕШЬСЯ НА МОЕМ ТРЕХКОЛЕСНОМ!

— Я не могу взять ваш велосипед!

Но она отвернулась и не услышала меня.

— ВЫХОДИ, ШАРЛИ! СКОРО РАССВЕТ! ТЫ ЖЕ НЕ ХОЧЕШЬ ПРОПУСТИТЬ ЕГО!

Я последовал за ней к двери, надеясь, что она не откроет ее стае голодных волков. Но их не было, а облака над тем, что мальчик назвал заколдованным городом, разошлись, и я увидел целую россыпь звезд. Рядом с Королевской дорогой уже стоял массивный трицикл Клаудии. Большая корзина сзади была выстлана мягкой белой тканью, похожей на флис, и я понял, что там должна ехать Радар. Еще я понимал, что этим транспортом добраться до цели будет проще и быстрее, чем

тащить тележку. Но было и кое-что получше.

Клаудия наклонилась и поднесла фонарь к переднему колесу, которое было больше других.

— ЕЩЕ АДРИАН ПРИВЕЗ МНЕ ЭТИ ШИНЫ! РЕЗИНА! Я СЛЫШАЛА О ТАКОМ, НО НИКОГДА НЕ ВИДЕЛА! МАГИЯ ТВОЕГО МИРА, ШАРЛИ, И ЭТО ТИХАЯ МАГИЯ!

Это меня окончательно убедило. Не придется беспокоиться из-за того, что жесткие колеса стучат по булыжникам.

Я указал на трицикл, потом на себя, и похлопал по груди у сердца.

— Я привезу его обратно, Клаудия. Обещаю.

— ТЫ ВЕРНЕШЬ ЕГО, ЮНЫЙ ПРИНЦ ШАРЛИ! Я НЕ СОМНЕВАЮСЬ! — она похлопала меня по спине, а потом шутливо шлепнула по заднице, напомнив этим тренера Харкнесса, посылающего меня играть в защите.

— А ТЕПЕРЬ ПОСМОТРИ НА ЭТО НЕБО!

Я посмотрел. Когда звезды померкли, небо над городом Лилимар приобрело красивый персиковый оттенок. Такое небо может быть в тропиках, когда рассветает, но я никогда не видел ничего похожего. Радар сидела между нами, подняв голову и принюхиваясь к воздуху. Если бы не гной, текущий из ее глаз, и то, как она похудела, я бы

мог решить, что с ней все в порядке.

— Чего мы ждем? — спросил я.

Клаудия не ответила, потому что не видела, как я говорю. Она смотрела в сторону города, где высились башни и три высоких шпиля, черные на фоне светлеющего дня. Мне не нравился вид этих стеклянных шпилей, даже на расстоянии. Из-за своей формы они казались лицами, смотрящими на нас. Я сказал себе, что это иллюзия, ничем не отличающаяся от кажущегося разинутым ртом дупла старого дерева или облака, похожего на дракона, но это не сработало. Это и близко не могло сравниться с такими невинными вещами. Мне в голову закралась мысль — конечно, нелепая — что сам город был Гогмагогом: разумным, злобным и наблюдающим за мной. Идея о том, чтобы подойти к нему ближе, казалась пугающей; идея использовать имя Лии, чтобы пройти через его ворота — просто ужасной.

«*Мистер Боудич сделал это и вернулся,* — сказал я себе. — *Ты тоже сможешь*».

Но я сомневался, что смогу.

Тут колокол выдал одну длинную и звучную железную ноту: «ДОН».

Радар поднялась на ноги и сделала шаг навстречу этому звуку.

— ПЕРВЫЙ ЗВОНОК, ШАРЛИ?

Я поднял палец и кивнул.

Пока звук еще звучал, начало происходить нечто гораздо более удивительное, чем громадный таракан или большой красный сверчок: небо над теснящимися лачугами и коттеджами за городом начало темнеть, как будто тень катилась не вниз, а вверх. Я схватил Клаудию за руку, на мгновение испугавшись, что вижу какое-то странное затмение не солнца или луны, а самой земли. Потом, когда звук колокола стих, темнота распалась на тысячи кусочков с проблесками солнечного света, которые непрерывно пульсировали и менялись. Я увидел множество цветов — черный и золотой, белый и оранжевый, но над всем царил благородный королевский пурпур.

Это были бабочки-монархи[175] размером с воробья, но такие нежные и эфемерные, что утренний свет сиял не только вокруг них, но и сквозь них.

— ДА ЗДРАВСТВУЕТ ЭМПИС! — воскликнула Клаудия и протянула руки к поднимающемуся

---

[175] Примечания: 175

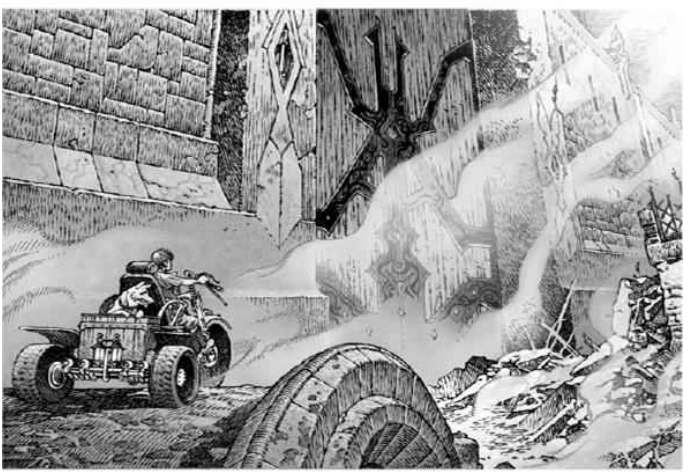
Данаида-монарх (Danaus plexippus) — крупная бабочка, распространенная в Северной Америке, но достигающая в ходе миграций и других континентов. Имеет темно-оранжевые или желтые крылья с черными полосками. В США считается символом благородства.

над нами живому потоку. Этот вихрь закрыл от нас город, заслонив злые лица, которые, как мне показалось, я там видел. — ДА ЗДРАВСТВУЮТ ГАЛЛИЕНЫ! ДА ПРАВЯТ ОНИ ВНОВЬ И ВОВЕК!

Как бы громко она ни говорила, я почти ее не слышал. Я был ошеломлен. Никогда в своей жизни я не видел ничего настолько необычного и прекрасного. Бабочки затмили небо, пролетая над нами Бог знает куда, и когда я почувствовал дуновение их крыльев, я, наконец, принял — целиком и полностью — реальность этого другого мира, Эмписа.

Я пришел из вымышленного мира — а это была реальность.

Глава семнадцатая
Покидаю Клаудию. Воспоминания о Дженни. Ночь в депо. Ворота. Заколдованный город



1

Радар довольно охотно забралась в корзину, устланную флисом, но там у нее случился приступ кашля, который мне не понравился. Мы с Клаудией подождали, пока кашель ослабеет и в итоге прекратится. Клаудия подолом своего платья вытерла гной с глаз Радар и слюну с боков ее морды, а потом сердито посмотрела на меня.

— ШАРЛИ, НЕ ТЕРЯЙ ВРЕМЕНИ, ЕСЛИ ХОЧЕШЬ СПАСТИ ЕЕ!

Я кивнул. Она заключила меня в объятия, потом отпустила и обняла за плечи.

— БУДЬ ОСТОРОЖЕН! МНЕ БЫЛО БЫ ГРУСТНО УВИДЕТЬ ТЕБЯ БЕЗ НЕЕ, НО ЕЩЕ ГРУСТНЕЕ НЕ УВИДЕТЬ ВОВСЕ! ТЫ ПОМНИШЬ ИНСТРУКЦИИ, КОТОРЫЕ Я ТЕБЕ ДАЛА?

Я показал ей два больших пальца и похлопал себя по заднему карману.

— НЕ ИСПОЛЬЗУЙ ЭТО ОРУЖИЕ В ГОРОДЕ! ДАЖЕ НЕ ПРИКАСАЙСЯ К НЕМУ!

Я кивнул и приложил палец к губам: тссс!

Взъерошив мне рукой волосы, она улыбнулась:

— ДО ВСТРЕЧИ, ЮНЫЙ ПРИНЦ ШАРЛИ!

Я взобрался на трицикл и устроился на сиденье. После моего велосипеда мне казалось, что я сижу на вышке. Мне пришлось как следует налечь на педали, чтобы тронуться с места, но как только трехколесная машина тронулась, крутить педали стало намного легко. Я оглянулся один раз и помахал рукой. Клаудия помахала в ответ и послала мне воздушный поцелуй.

Я ненадолго остановился, когда подъехал к брошенному троллейбусу. Одно из его колес оторвалось и болталось на оси. На ближней ко мне деревянной стенке виднелись глубокие следы когтей и брызги засохшей крови. «*Волчата*», — подумал я.

Внутрь я заглядывать не стал.

2

Дорога была ровной, и я двигался в хорошем темпе. Я думал, что доберусь до депо, о котором она говорила, задолго до наступления темноты. Небо снова затянулось тучами, что делало еще мрачнее пустынную местность вокруг. Монархи отправились в то неведомое место, куда улетали днем. Я гадал, увижу ли я, как они возвращаются в свое пристанище за городом. Волки в светлое

время дня, должно быть, держались подальше от домов и построек за городской стеной, но я не стал бы клясться в этом своей жизнью. Или жизнью Радар.

Через пару часов я проехал мимо первых домов и коттеджей. Чуть дальше, там, где первая улица пересекалась с Королевской дорогой, утрамбованная земля уступила место тротуару из щебня. Я бы, однако, предпочел землю, потому что она оставалась большей частью гладкой, а на тротуаре постоянно попадались выбоины, которые мне приходилось объезжать. Трицикл сохранял устойчивость, пока я мог ехать по прямой, но выписывать петли на нем было сложно. На паре поворотов я чувствовал, как одно из задних колес отрывалось от земли. Я компенсировал это, наклоняясь вперед, как делал при поворотах на своем велосипеде, но был почти уверен, что даже умеренно резкий поворот швырнет мой механизм набок, как бы сильно я ни наклонился. Я мог бы вынести такое падение, но не был уверен, что это сможет Радар.

Дома были пусты, их окна слепо пялились на дорогу. Вороны — не гигантские, но очень большие — расхаживали по запущенным палисадникам, выискивая семена или любую оставшуюся яркую

вещь. Были там и цветы, но они выглядели бледными и какими-то неправильными. По стенам заброшенных коттеджей ползли виноградные лозы, похожие на цепкие пальцы. Я миновал странно перекошенное здание из осыпающегося известняка, проглядывающегося сквозь остатки штукатурки. Распашные двери были приоткрыты, отчего вход походил на усмехающийся рот покойника. Перед входом красовалась вывеска, настолько выцветшая, что нарисованное на ней пиво в кружке выглядело как моча. Над кружкой пляшущими багровыми буквами было выведено «БЕРЕГИТЕСЬ». Рядом с этим домом находилось то, что когда-то, вероятно, было магазином; дорогу перед ним усеивали осколки разбитой витрины. Помня о резиновых шинах трицикла, я объехал осколки стороной.

Немного дальше — там по обе стороны дороги почти вплотную теснились здания с узкими проходами между ними, — мы миновали пелену удушливой вони, такой сильной, что это заставило меня поперхнуться и задержать дыхание. Радар вонь тоже не понравилась — она беспокойно заскулила и завозилась сзади, отчего трицикл слегка покачнулся. Я подумывал о том, чтобы остановиться и перекусить, но эта вонь заставила

меня передумать. Это была не разлагающаяся плоть, а нечто испортившееся совершенно невероятным и, возможно, зловещим образом.

«*Заросшее и дикое*», — подумал я, и эта строчка навеяла воспоминания о Дженни Шустер. О том, как мы с ней сидим под деревом, прислонясь к стволу в пятнистой лиственной тени — на ней старая потрепанная жилетка, которая была ее визитной карточкой, а на коленях книга в мягкой обложке под названием «Лучшее из Г. Ф. Лавкрафта». Она читала мне стихотворение под названием «Грибы с Юггота», и сейчас я вспомнил его начало: «В квартале возле пристани, во мгле терзаемых кошмарами аллей...»[176] Внезапно до меня дошло, почему это место так пугало меня. Я все еще был за много миль от Лилимара — того, что тот мальчик — беглец назвал заколдованным городом, — но даже здесь все вещи были искажены таким образом, какого я бы не смог понять, если бы не Дженни, которая познакомила меня с Лавкрафтом, когда мы оба были шестиклассниками, слишком юными и впечатлительными для таких ужасов.

Мы с Дженни сдружились благодаря книгам

---

[176] Примечания: 176
Перевод О. Мичковского.

в последний год пьянства моего отца и первый год его трезвости. Она была моим другом, а не подружкой — это ведь совсем другое дело.

— Никак не пойму, почему тебе нравится с ней тусоваться, — сказал однажды Берти. Я думаю, он ревновал, но в то же время был искренне озадачен. — Ты, типа, целуешься с ней? Сосешься? Обмениваешься слюной?

Мы этого не делали, что я ему и сказал. Я сказал, что она не интересует меня в этом смысле. Берти ухмыльнулся:

— А зачем еще она нужна?

Я мог бы сказать ему, но это озадачило бы его еще больше.

У Дженни и правда не было того, что Берти назвал бы «телом, которое хочется изучить поближе». В одиннадцать или двенадцать лет у большинства девочек уже появляются первые выпуклости, но Дженни была плоской, как доска, спереди и сзади. У нее было скуластое лицо, всегда всклокоченные волосы мышиного цвета и походка аиста. Другие девчонки, конечно, смеялись над ней. Но она никогда не собиралась быть чирлидершей, королевой выпускного или звездой школьных спектаклей, а если втайне и мечтала об этом — или об одобрении тех одноклассниц,

что наряжались, мазали губы и дочерна подводили глаза, — то никогда этого не показывала. Не уверен, что ее вообще хоть когда-нибудь интересовало чужое мнение. Она не одевалась, как готы — носила джемпер с этой самой жилеткой сверху, а на ее коробке для ланча был портрет Хана Соло[177], — но у нее была готическая душа. Она обожала панк-группу «The Dead Kennedys»[178], цитировала диалоги из «Таксиста»[179] и любила рассказы и стихи Г. Ф. Лавкрафта.

С ней и ГФЛ мы сошлись ближе к концу моего темного периода, когда я все еще делал пакости с Берти Бердом. Однажды на уроке английского языка в шестом классе речь зашла о творчестве Р. Л. Стайна[180]. Я прочитал одну из его книг — она называлась «Можешь ли ты хранить секреты?»— и подумал, что она довольно дурацкая. Я так и

---

[177] Примечания: 177

Хан Соло — один из главных героев киносаги «Звездные войны», которого играл Харрисон Форд.

[178] Примечания: 178

«Dead Kennedys» («Мертвые Кеннеди») — одна из ведущих панк-роковых групп США в 1980-е годы.

[179] Примечания: 179

«Таксист» — американский фильм 1976 г. режиссера Мартина Скорсезе, главную роль в котором сыграл Роберт Де Ниро.

[180] Примечания: 180

Роберт Лоуренс Стайн (род. 1943) — американский писатель, автор рассказов в стиле хоррор, рассчитанных на подростковую аудиторию.

сказал, а потом добавил, что хотел бы прочитать не это, а что-нибудь действительно страшное.

Дженни догнала меня после урока.

— Привет, Рид. Так ты боишься непонятных слов?

Я сказал, что это не так. Что если я не понимаю какие-то слова в книге, то ищу их значение в телефоне. Это, казалось, ее позабавило.

— Что ж, прочти вот это, — сказала она и протянула мне потрепанную книгу в мягкой обложке, скрепленную скотчем. — Посмотрим, напугает ли она тебя. Меня чертовски напугала.

Книга называлась «Зов Ктулху», и рассказы в ней меня действительно напугали, особенно один — «Крысы в стенах». Там тоже было много непонятных слов, значение которых мне пришлось искать в телефоне, например, «мглистый» и «зловонный» (это слово отлично выражало тот запах, что я чувствовал возле бара). Мы сошлись на почве ужасов, возможно, потому что были единственными шестиклассниками, которые были готовы пробираться — притом с радостью — сквозь дебри лавкрафтовской прозы. Больше года, пока родители Дженни не расстались и она не переехала со своей матерью в Де-Мойн, мы читали друг другу вслух рассказы и стихи. Мы

также посмотрели пару фильмов, снятых по его рассказам, но это был отстой. Они даже близко не передавали величие воображения этого парня — и его чертовскую мрачность.

Пока я крутил педали, направляясь к стенам города Лилимара, я понял, что это безмолвное каменное кольцо очень похоже на одну из страшных сказок ГФЛ об Аркеме и Данвиче[181]. Познакомившись с этими и другими историями о потустороннем ужасе (потом мы перешли к Кларку Эштону Смиту, Генри Каттнеру и Августу Дерлету[182]), я мог теперь понять, что так пугало и странным образом вымораживало меня в этих пустых улицах и домах. Используя одно из любимых словечек Лавкрафта, они были жуткими.

По каменному мосту мы перебрались через высохший канал. Большие крысы рыскали в мусоре, таком древнем, что невозможно было сказать, чем он был до того, как превратился в мусор. Наклонные каменные берега канала были усеяны черно-коричневыми пятнами по-

[181] Примечания: 181

Созданные фантазией Лавкрафта городки в Новой Англии, где происходит действие многих его произведений.

[182] Примечания: 182

Известные в довоенной Америке авторы произведений в жанре «хоррор» (хотя Г. Каттнер больше известен как фантаст), продолжавшие традиции Г. Ф. Лавкрафта.

мета — Лавкрафт, несомненно, назвал бы его «испражнениями». А вонь, поднимающаяся от растрескавшейся черной грязи на дне? Он бы мог назвать ее «отвратной».

Все эти слова вернулись ко мне. Это место их вернуло.

На другой стороне канала здания теснились еще ближе друг к другу, промежутки между ними были не переулками или проходами, а просто щелями, через которые человеку пришлось бы протискиваться боком… Кто знает, что может скрываться там, подстерегая неосторожного прохожего? Эти пустые здания, нависавшие над улицей, казалось, жадно тянулись навстречу моему трициклу, заслоняя все вокруг, кроме зигзага неба, белеющего наверху. Мне казалось, что за мной наблюдают не только тени из этих черных окон без стекол, но и сами окна, что было еще хуже. Здесь произошло что-то ужасное, я был уверен в этом. Что-то чудовищное и действительно жуткое. Источник серости мог находиться дальше, в центре города, но его могущество ощущалось даже здесь, в этих заброшенных предместьях.

Помимо ощущения слежки, возникло неприятное чувство, что за мной кто-то гонится. Несколько раз я вертел головой по сторонам, пы-

таясь углядеть кого-то или что-то (какого-нибудь монстра), крадущегося по моим следам. Но не видел ничего, кроме ворон и случайной крысы, возможно, направлявшейся обратно к своему логову в грязи канала.

Радар тоже почувствовала беспокойство. Она несколько раз зарычала, а однажды, оглянувшись, я увидел, что она сидит, положив лапы на край плетеной корзины, и пристально смотрит назад, туда, откуда мы пришли.

«*Никого здесь нет,* — подумал я. — *Эти узкие улочки и обшарпанные дома совершенно пусты. У тебя просто поджилки трясутся, и у Радар тоже*».

Мы достигли другого моста через другой заброшенный канал, и на одном из его столбов я увидел то, что меня немного подбодрило, — инициалы АБ, не до конца еще скрытые наростами болезненного желто-зеленого мха. За нагромождением зданий я уже час или два не видел городскую стену, но с моста мог ясно разглядеть ее, гладкую и серую, высотой не менее сорока футов. В центре находились титанические ворота с массивными поперечными балками из чего-то, напоминающего мутно-зеленое стекло. Стена и ворота были видны, потому что большинство

зданий между тем местом, где я стоял, и городской стеной были обращены в руины тем, что выглядело как бомбардировка. Здесь явно случился какой-то непостижимый катаклизм. Среди развалин торчали несколько обугленных печных труб, похожих на указующие персты, и несколько уцелевших зданий. Одно было похоже на церковь, другое представляло собой длинный барак с деревянными стенами и жестяной крышей. Перед ним стоял красный троллейбус без передних колес, окруженный зарослями бледной травы.

Я слышал два звонка, возвещавших полдень (и время обеда Ханы) меньше двух часов назад, а это означало, что я двигался гораздо быстрее, чем ожидала Клаудия. До конца дня оставалось еще долго, но я не собирался сегодня приближаться к воротам. Мне нужно было отдохнуть и собраться с мыслями — если, конечно, получится.

— Думаю, мы на месте, — сказал я Радар. — Это не «Холидей Инн»[183], но сойдет.

Я проехал мимо брошенного троллейбуса к депо. Внутрь его вела большая раздвижная дверь,

---

[183] Примечания: 183

Одна из крупнейших в мире гостиничных сетей, основанная в США в 1952 году. Свое название получила в честь рождественского музыкального фильма «Holiday Inn» («Праздничный отель») с участием Бинга Кросби и Фреда Астера.

ее некогда веселый красный цвет выцвел до болезненно-розового; рядом имелась дверь поменьше, в человеческий рост. На краске были выведены инициалы АБ. Увидев их, как и те, что были на мосту, я приободрился, но было еще кое-что, что заставило меня почувствовать себя лучше: мучившее меня чувство обреченности исчезло. Может быть, потому, что вокруг больше не громоздились здания, и я снова мог ощущать вокруг пространство и видеть небо, но думаю, что дело было не только в этом. Ощущение того, что Лавкрафт мог бы назвать «древним злом», улетучилось. Почему, я понял позже, вскоре после трех вечерних ударов колокола.

3

Маленькая дверь не желала открываться, пока я как следует не уперся в нее плечом, а потом распахнулась так внезапно, что я чуть не упал внутрь. Радар испуганно гавкнула из своей корзины. Внутри депо было сумрачно и пахло затхлостью, но не *отвратным* и не *зловонным*. В полумраке громоздились еще два троллейбуса, выкрашенных в красный и синий цвета. Они, несомненно, простояли здесь много лет, но благодаря закрытому помещению краска осталась

свежей, и они выглядели почти весело. На крыше у них виднелись дуги, так что я предположил, что когда-то они, должно быть, подсоединялись к проводам, дававшим ток. Если и так, то эти провода эти давно исчезли — я не видел ни одного во время своего путешествия. Спереди одного троллейбуса старомодными буквами было выведено слово «ПРИБРЕЖЬЕ», другого — «ЛИЛИМАР». Неподалеку лежали штабеля окованных железом колес с толстыми деревянными спицами и коробки с ржавыми инструментами. На столе у дальней стены я увидел ряд торпедообразных масляных ламп.

Радар снова гавкнула. Я вернулся и вытащил ее из корзины. Слегка шатаясь, она захромала к двери, повела носом и без колебаний вошла внутрь. Я попробовал открыть большую раздвижную дверь, через которую, должно быть, выезжали троллейбусы, но она не поддавалась. Оставив открытой для света ту, через которую вошел, я проверил лампы. Похоже, принцу Шарли и его верной Радар предстояло пережить темную ночь, потому что масло в них давно засохло. А трехколесному велосипеду Клаудии придется провести эту ночь снаружи, поскольку маленькая дверь оказалась слишком узкой для него.

Деревянные спицы запасных колес были сухими и растрескавшимися. Я надеялся, что смогу найти здесь достаточно дров для костра, и захватил зажигалку «Зиппо», которой мой отец раскуривал трубку, но ни за что не собирался разводить костер внутри. Было слишком легко представить, как искры падают на весь этот старый хлам внутри и поджигают его. Тогда у нас не осталось бы другого убежища, кроме соседнего здания, похожего на церковь, которое, казалось, вот-вот рухнет.

Достав пару банок сардин и немного мяса, которое дала Дора, я съел это все и запил колой. Радар от мяса отказалась, взяла сардину, но тут же выплюнула ее на пыльный дощатый пол. До этого она охотно ела Дорино печенье с патокой, так что я попробовал дать ей одно. Понюхав, она отвернулась. Жесткое вяленое мясо тоже было отвергнуто.

Я погладил ее по голове.

— Что же мне с тобой делать, девочка?

«*Омолодить*, — подумал я. — *Если получится*».

Я направился к двери в надежде еще раз взглянуть на стену, окружавшую город, и тут меня осенило. Вернувшись к рюкзаку, я порылся там и нашел последние несколько печений с пеканом

в пакетике под моим бесполезным айфоном. Предложил ей одно — она осторожно понюхала его, взяла и съела. А потом еще три, прежде чем отвернуться.

Это было лучше, чем ничего.

4

Я наблюдал окрестности через открытую дверь и время от времени выходил, чтобы осмотреться. Все было тихо, даже крысы и вороны избегали этой части города. Я попытался бросить Радар ее любимую обезьянку. Она поймала ее и несколько раз символически сдавила, вызвав писк, но не пыталась вернуть мне. Уложив обезьянку между передних лап, она заснула, уткнувшись в нее носом. Мазь Клаудии помогла ей, но эффект прошел, и она не успела съесть последние три таблетки, которые дала мне помощница ветеринара. Я подумал, что она израсходовала свою последнюю энергию, сбегая вниз по винтовой лестнице и мчась навстречу Доре. Если я не отведу ее к солнечным часам в ближайшее время, ее постоянный сон вскоре сменится смертью.

Я бы поиграл в игры на своем телефоне, чтобы скоротать время, если бы он работал, однако теперь это был просто черный стеклянный пря-

моугольник. Я попытался перезагрузить его, но не появилось даже яблоко[184]. В мире, из которого я пришел, не было сказочного волшебства, а в этом мире не было наших чудес. Я положил телефон обратно в рюкзак и наблюдал за дверным проемом, пока пасмурный дневной свет не начал гаснуть. Прозвенели три вечерних звонка, и я почти закрыл дверь, но я не хотел оставаться в полной темноте, не имея на крайний случай ничего, кроме папиной зажигалки. Я не сводил глаз с церкви (если это была церковь) через дорогу, решив, что закрою дверь, когда больше не смогу ее видеть. Отсутствие птиц и крыс не обязательно означало отсутствие волков или других хищников. Клаудия велела мне запереться на засов, и это было именно то, что я собирался сделать.

Когда церковь превратилась в смутный силуэт на фоне темноты, я решил закрыть дверь. Радар подняла голову, навострила уши и хрипло залаяла. Я думал, она встревожилась оттого, что я встал, но это было не так. Несмотря на ее состояние, слух у нее все еще был лучше моего. Несколько секунд спустя я тоже услышал низкий трепещущий звук, как будто бумага попала в вентилятор.

---

[184] Примечания: 184

Символ компании Apple, первым появляющийся на экране при включении айфона.

Звук быстро приближался, становясь все громче, пока не превратился в порыв сильного ветра. Я уже понял, что это, и вышел наружу, положив руку на руль трицикла. Радар присоединилась ко мне, и мы вдвоем смотрели на небо.

Монархи летели с той стороны, которую я произвольно определил как юг — с той, откуда я пришел. Они затмили и без того темнеющее небо облаком под облаками, а потом расположились на здании церкви через дорогу, на нескольких еще не рухнувших трубах и на крыше депо, где укрылись мы с Радар. Звук, с которым они садились — их, должно быть, были многие тысячи, — казался не столько трепетом, сколько долгим протяжным вздохом.

Теперь я, кажется, понял, почему эта часть разбомбленной пустоши показалась мне не только безлюдной, но и безопасной. Монархи хранили этот единственный оплот прежнего мира, который когда-то был лучше, который существовал до того, как члены королевской семьи были убиты или отправились в изгнание. В моем мире я верил — и был в этом не одинок — что все эти монархические дела — полная чушь, пища для таблоидов из супермаркетов, таких как «Нэшнл инкуайрер» и «Инсайд вью». Все эти короли и

королевы, принцы и принцессы были обычными семьями, только теми, которым повезло угадать нужные цифры в генетической версии игры «Мегамиллион»[185]. Когда им нужно было посрать, они снимали штаны, как и самые низкорожденные крестьяне.

Но это был не наш мир. Это был Эмпис, где правила совсем другие.

И с монархией здесь дела обстояли иначе.

Облако бабочек-монархов завершило свое возвращение, оставив вокруг только сгустившуюся темноту. Вздох их крыльев затих. Я собирался закрыть дверь на засов, потому что так велела Клаудия, но и без этого чувствовал себя в безопасности.

— Да здравствует Эмпис, — тихо сказал я. — Да здравствуют Галлиены, ла правят они вновь и вовек.

А почему бы и нет? Просто почему, черт возьми, нет? Все было бы лучше, чем это запустение.

Я закрыл дверь и запер ее на засов.

---

[185] Примечания: 185
Американская лотерея, первый тираж которой состоялся в 2002 году.

5

В полной темноте оставалось только лечь спать. Я положил свой рюкзак между двумя троллейбусами, рядом с тем местом, где свернулась калачиком Радар, опустил на него голову и почти сразу заснул. Моей последней мыслью было то, что без будильника, который меня разбудит, я рискую проспать и встать слишком поздно, что может привести к печальному исходу. Но я зря беспокоился; еще до рассвета Радар разбудила меня натужным кашлем. Я дал ей попить, что немного помогло.

У меня не было часов, кроме моего мочевого пузыря, который был полным, но еще не лопался. Я хотел помочиться в одном из углов, но потом решил, что не хочу нюхать вонь, если снова воспользуюсь этим убежищем. Тогда я отодвинул засов на двери, приоткрыл ее и выглянул наружу. Ни звезд, ни лунного света не пробивалось сквозь низко нависшие облака. Церковь через дорогу показалась мне размытой. Я потер глаза, чтобы прояснить зрение, но пятно осталось. Это были бабочки, все еще крепко спящие. Мне казалось, что в нашем мире они живут недолго, всего несколько недель или месяцев. А здесь

— кто знает?

На самом краю моего поля зрения что-то стронулось с места. Я посмотрел туда, но либо это было мое воображение, либо то, что там двигалось, уже исчезло. Помочившись (и оглядываясь при этом через плечо), я вернулся внутрь, закрыл засов и направился к Радар. Не было необходимости пользоваться папиной зажигалкой; ее дыхание было хриплым и громким. Я снова погрузился в сон, может быть, на час или два. Мне снилось, что я лежу в своей постели на Сикамор-стрит. Я сел, попытался зевнуть и не смог — мой рот исчез.

Это заставило меня проснуться и снова услышать собачий кашель. Один глаз Радара был открыт, но другой совсем залеплен вытекавшей из него липкой дрянью, что придавало ей печально-пиратский вид. Я вытер ей глаза и направился к двери. Монархи все еще сидели на своих местах, но на темном небе уже появилось немного света. Пора было что-нибудь съесть, а потом отправляться в путь.

Я поднес открытую банку сардин к носу Радар, но она сразу же отвернулась, как будто ее тошнило от запаха. Осталось два печенья с пеканом. Она съела одно, взялась за другое и зашлась в приступе кашля, глядя на меня с немой мольбой

о помощи.

Я взял ее голову в ладони и нежно поводил из стороны в сторону так, как, я знал, ей нравилось. Мне хотелось плакать.

— Держись, девочка. Ладно? Пожалуйста.

Я вытащил ее за дверь и осторожно поставил на ноги. Она направилась налево от двери с опасливостью пожилого человека, нашла место, где я помочился, и присела там же. Я наклонился, чтобы снова поднять ее, но она обошла меня и направилась к правому заднему колесу трицикла Клаудии — тому, что было ближе к дороге. Обнюхав его, опустилась на корточки и снова помочилась, издав при этом низкий рычащий звук.

Я подошел к заднему колесу и наклонился. Увидеть я ничего не мог, но был уверен, что то существо, которое я мельком видел раньше, подошло ближе после того, как я вернулся внутрь. И не только подошло, но и помочилось на мою машину, как бы говоря, что это его территория. Рюкзак у меня был с собой, но я решил, что нужно кое-что еще. Пока Радар сидела, наблюдая за мной, я вернулся в депо, поискал вокруг и нашел в углу заплесневелую стопку одеял, возможно, предназначенных когда-то для того, чтобы пасса-

жиры троллейбусов кутались в них в холодную погоду. Если бы я не решил сделать свои дела на улице, я мог бы помочиться на них в темноте. Я взял одно и встряхнул: несколько мертвых мотыльков, порхая, опустились на пол сарая, как большие снежинки. Свернул одеяло, я отнес его к трициклу.

— Ладно, Радар, пора ехать. Как ты думаешь?

Я положил ее в корзину, а потом подоткнул вокруг нее сложенное одеяло. Клаудия велела не уходить отсюда до первого звонка, но с монархами, расположившимися вокруг, я чувствовал себя достаточно безопасно. Усевшись в седло, я начал медленно крутить педали по направлению к воротам в стене. Примерно через полчаса прозвучал утренний звонок — так близко к городу он казался очень громким. Монархи тут же взмыли вверх огромной черно-золотой волной, направляясь на юг. Я смотрел им вслед, жалея, что сам не могу отправиться тем же путем — к Доре, потом ко входу в туннель, а потом обратно в мой собственный мир компьютеров и волшебных стальных птиц, которые летают по воздуху. Но, как говорится в стихотворении, «ведь должен

я вернуться в срок, и до ночлега путь далек»[186].

«*По крайней мере, ночные солдаты ушли,* — подумал я. — *Вернулись в свои склепы и мавзолеи, потому что именно там спят такие существа, как они*». Я никак не мог знать это наверняка, но я знал.

6

Мы добрались до ворот меньше чем за час. Я слез с трицикла. Облака над головой казались ниже и темнее, чем прежде, и я не думал, что дождь заставит себя долго ждать. Мое мнение, что серая стена была высотой в сорок футов, оказалось ошибочной. В ней было по меньшей мере семьдесят, а ворота выглядели просто титаническими. Они были облицованы золотом — наверняка настоящим золотом, а не краской, — и размером не уступали футбольному полю. Укрепленные на их поверхности балки клонились в разные стороны, но не от возраста и ветхости; я был уверен, что они специально образуют странные углы. Они заставили меня снова вспомнить Лавкрафта и его безумную неэвклидову вселенную монстров,

[186] Примечания: 186

Цитата их уже упоминавшегося стихотворения Р. Фроста «Остановка в лесу снежным вечером» в переводе Г. Кружкова.

всегда стремящуюся захватить нашу.

Но меня встревожили не только углы. Балки были сделаны из какого-то мутно-зеленого вещества, похожего на непробиваемое стекло, и внутри них, казалось, извиваются потеки какой-то черной жидкости или пара. От них у меня в животе появилось неприятное ощущение. Я отвел взгляд, а когда вернул его, черная дрянь уже исчезла. Но как только я повернул голову и посмотрел на балки краем глаза, она, казалось, тут же появилась вновь. У меня закружилась голова.

Не желая потерять то немногое, что я съел за завтраком, я посмотрел вниз на свои ноги. Там, на одном из булыжников, были выведены краской, которая когда-то была голубой, но теперь выцвела до серого, инициалы АБ. В голове у меня прояснилось, и когда я поднял глаза, то увидел только ворота, пересеченные этими зелеными балками. Их странные свойства показались мне похожей на компьютерный эффект из фантастического фильма. Но теперь этот эффект исчез; чтобы убедиться в этом, я постучал костяшками пальцев по одной из мутно-зеленых балок.

Я спросил себя, что будет, если я попробую произнести перед воротами имя Клаудии или Стивена Вудли. Они ведь тоже королевской

крови, не так ли? Ответ был «да», но, если я правильно понял (но не мог сказать наверняка, поскольку никогда не был силен в распутывании родственных связей), только принцесса Лия была безусловной наследницей трона Эмписа. Или, может быть, трона Галлиенов. Для меня это не имело значения — главное, чтобы я смог попасть внутрь. Если имя не сработает, я застряну здесь, и Радар умрет.

Подсознательно глупый Чарли искал глазами домофон, какой всегда можно найти у дверей многоквартирного дома. Конечно, тут ничего подобного не было — только эти странные поперечные балки с чернотой внутри.

Я пробормотал: «Лия из Галлиенов».

Ничего не произошло.

«*Может быть, это недостаточно громко*», — подумал я, но кричать в этой тишине перед стеной казалось так же неправильно, как плевать на церковный алтарь. «*Но тебе придется сделать это. За пределами города, наверное, это достаточно безопасно. Сделай это ради Радар*».

В конце концов я не смог заставить себя крикнуть, но прочистил горло и повысил голос:

— Откройся во имя Лии из Галлиенов!

Мне ответил нечеловеческий скрежет, который

заставил меня отступить назад и чуть не упасть на переднюю часть трицикла. Знаете поговорку: «Мое сердце ушло в пятки»? Мое, казалось, было готово вырваться из груди, убежать и оставить меня валяться там мертвым. Скрежет все не унимался, и я понял, что это звук какой-то титанической машины, запускающейся спустя годы или десятилетия простоя. Возможно, с тех самых пор как мистер Боудич в последний раз использовал эту местную версию «сезам, откройся».

Ворота дрогнули. Я увидел, как черные усики извивались и дергались в искривленных зеленых балках. На этот раз у меня не было никаких сомнений в их реальности; это было похоже на осадок во взбалтываемой бутылке. Скрежет механизмов сменился грохотом, и ворота начали сдвигаться влево по тому, что, должно быть, было огромной скрытой колеей. Я смотрел, как они скользят мимо меня, и головокружение стало хуже, чем прежде. Отвернувшись, я сделал, шатаясь, как пьяный, четыре шага к трициклу Клаудии и уткнулся лицом в его сидением. Мое сердце колотилось в груди, в шее, даже в висках. Когда ворота открывались, я просто не мог смотреть на их постоянно меняющиеся углы. Я думал, что потеряю сознание или увижу что-то настолько

ужасное, что со всех ног убегу обратно тем же путем, которым пришел, бросив мою умирающую собаку. С закрытыми глазами я протянул руку, ухватившись за ее шерсть.

«*Держись*, — исступленно думал я. — *Держись, держись, держись*».

7

Наконец грохочущий гул прекратился. Еще один протестующий визг, и воцарилась тишина. Отворились ли, наконец, ворота — или упали, как молот на наковальню? Открыв глаза, я увидел, что Радар смотрит на меня, и понял, что в панике вырвал немалую прядь ее седеющей шерсти, но она не жаловалась. Может быть, потому что ей приходилось бороться с большей болью, но не думаю, что дело было в этом. Думаю, она поняла, что я нуждался в ней, и терпела.

— Ладно, — сказал я ей. — Давай посмотрим, что там.

Передо мной, за воротами, лежал обширный внутренний двор, выложенный плиткой. По обеим сторонам его возвышались остатки огромных каменных бабочек, каждая на пьедестале высотой в двадцать футов. Их крылья были отбиты и грудами лежали на полу двора, образовывая

что-то вроде прохода. Я задавался вопросом, изображал ли когда-то, давным-давно, каждый из этих монархов (конечно, это были именно они) короля или королеву династии Галлиенов.

Скрежет раздался снова, и я понял, что ворота собираются закрыться. Может быть, имя Лии откроет их снова, а может и нет. У меня не было намерения выяснять это. Вскочив в седло велосипеда, я поехал внутрь, пока ворота с грохотом возвращались на прежнее место.

Резиновые колеса шуршали по плитам, которые когда-то были разноцветными, но теперь выцвели. «*Все здесь становится серым*, — подумал я. — *Серым или этим болезненным мутно-зеленым*». Бабочки, возможно, прежде тоже разноцветные, но теперь такие же серые, как все остальное, нависали надо мной, когда я проезжал между ними. Их тела были целы, но головы и крылья у всех разбиты. Это заставило меня вспомнить видео о том, как ИГИЛ уничтожает древние статуи, реликвии и храмы, которые они считали богохульными.

Я подъехал к двойной арке в форме крыльев бабочки. Раньше над ней была какая-то надпись, но ее тоже разбили. Все, что осталось, — это буквы ЛИ. Моей первой мыслью было название города

ЛИЛИМАР, но это мог быть и ГАЛЛИЕН.

Прежде чем миновать арку, я оглянулся, чтобы проверить, как там Радар. Мы должны были вести себя тихо — об этом говорил каждый из тех, кого я встречал, — и я не думал, что для Радар это будет проблемой. Она снова заснула, что было хорошо в одном смысле, но плохо в другом.

Под аркой было сыро и пахло чем-то давно разложившимся. На другой стороне я увидел круглый бассейн, облицованный мшистыми камнями. Возможно, когда-то вода в этом бассейне была веселого голубого цвета. Люди приходили сюда, чтобы посидеть на каменной ограде, перекусить и понаблюдать за местной версией уток или лебедей. Матери могли держать своих детей на вытянутых руках, чтобы те могли поболтать ногами в воде. Теперь здесь не было ни птиц, ни людей. А если люди и были, то держались подальше от этого бассейна, как будто его наполнял яд — ведь именно так и было. Мутная вода имела вязкий зеленый оттенок и казалась почти твердой. Пар, поднимавшийся над ней, действительно был зловонным — именно так я представлял себе смрад могилы, набитой разлагающимися телами. Вокруг бассейна шла извилистая дорожка, едва проходимая для моего трицикла. На одной

из плиток справа стояли инициалы мистера Боудича. Я направился в ту сторону, но тут же остановился и оглянулся, уверенный, что что-то услышал: шарканье шагов или, может быть, еле слышный шепот.

«*Не обращай внимания на голоса, которые ты можешь услышать*», — сказала Клаудия. Теперь я ничего не слышал, и ничто не двигалось в тени арки, через которую я прошел.

Я медленно крутил педали, огибая справа эту вонючую лужу. На дальней ее стороне была еще одна арка-бабочка. Когда я приблизился к ней, мне на затылок упала капля дождя, потом еще одна. Скоро они усеяли бассейн, оставляя на его поверхности мгновенно исчезающие кратеры. Пока я смотрел на это, из воды на секунду или две выскочило что-то черное и тут же исчезло. Я не успел разглядеть его как следует, но почти уверен, что увидел блеск многочисленных зубов.

Дождь полил сильнее, обещая вскоре превратиться в настоящий ливень. Укрывшись под второй аркой, я спешился и накрыл одеялом спящую собаку. Оно, хоть и было заплесневелым и изъеденным молью, оказалось очень кстати, и я был рад, что взял его с собой.

8

Поскольку я опережал график, то понимал (или надеялся), что смогу подождать какое-то время под прикрытием этой арки, пока дождь прекратится. Я не хотел, чтобы Радар промокла, даже укутанная одеялом. Сколько прошло времени? Пятнадцать минут? Двадцать? И как я мог это узнать? Я привык проверять время на телефоне и жалел теперь, что не взял с собой часы мистера Боудича. Пока я смотрел на дождь, падающий на то, что выглядело пустынной деловой улицей, застроенной магазинами, мне пришло в голову, что я слишком привык к своему телефону. У моего отца была поговорка о том, что человек, управляемый компьютером, сам превращается в механизм: приучите кого-нибудь ходить на костылях, и скоро он не сможет обходиться без них.

На другом берегу высохшего канала я увидел ряд магазинов. Они выглядели как места, которые посещают состоятельные люди, вроде старинной версии Родео-драйв или Оук-стрит в Чикаго[187].

---

[187] Примечания: 187

Родео-драйв в Беверли-Хиллз, Калифорния и Оук-стрит в Чикаго — районы сосредоточения модных и дорогих бутиков.

С того места, где я находился, я мог прочитать позолоченную (но на сей раз не золотую) вывеску с надписью «ОБУВЩИК ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА». Стекла в сверкающих когда-то витринах были давным-давно выбиты. Постоянные дожди смыли осколки в сточные канавы. Посреди улицы, свернувшись, как тело бесконечной змеи, лежало то, что наверняка было троллейбусными проводами.

На брусчатке сразу за аркой, где мы прятались, была выбита какая-то надпись. Я встал на колени, чтобы рассмотреть ее лучше. Большая часть ее была уничтожена так же, как крылья и лица бабочек, но когда я провел пальцами по началу и концу, мне показалось, что я могу разобрать «ГА» и «ЦА». Буквы между ними могли быть какими угодно, но я подумал, что, возможно, та сквозная магистраль, что была Королевской дорогой за стеной, стала Галлиеновской улицей внутри. Что бы это ни было, оно вело прямо к высоким зданиям и зеленым башням в центре города. Три шпиля возвышались над остальными, их стеклянные вершины исчезали в облаках. Я не знал, что это королевский дворец, так же как не знал, что надпись когда-то читалась как «Галлиеновская улица», но думал, что это очень похоже на правду.

Как раз в тот момент, когда я начал думать, что нам все-таки придется идти дальше и промокнуть до нитки, дождь начал стихать. Я убедился, что Радар укрыта — из — под одеяла торчали только кончик ее морды и задние лапы, — сел в седло и медленно поехал через сухой канал. По пути я задавался вопросом, не тот ли это мост Румпа, о котором рассказывал Вуди.

9

Магазины казались шикарными, но что-то с ними было не так. Дело не только в том, что когда-то в далеком прошлом они были заброшены и, очевидно, разграблены — вероятно, жителями Лилимара, бежавшими из города, когда сюда пришла серость. В них было что-то еще, более неуловимое… и более страшное, потому что оно все еще никуда не делось. Все еще оставалось там. Здания казались достаточно прочными, несмотря на все разрушения, но были непонятным образом искажены, как будто чудовищная сила выдернула их из привычного состояния, и они так и не смогли в него вернуться. Когда я смотрел на них — минуя вывески «ОБУВЩИК ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА», «ИЗЫСКАННЫЕ ЯСТВА» «УДИВИТЕЛЬНЫЕ ДРАГОЦЕННОСТИ», «ПОРТНЫЕ

ДОМА…» (остаток был стерт, будто содержал какую-то непристойность), «СПИЦЫ И КОЛЕСА» — они выглядели нормальными. Конечно, если что-то вообще можно было назвать нормальным в потусторонности этого чужого мира. Но когда я поворачивал голову вперед, чтобы следить за дорогой, на краю моего зрения с ними что-то случалось. Прямые углы, казалось, переходили в изгибы. Окна без стекол начинали двигаться, как глаза, прищуриваясь, чтобы получше разглядеть меня. Буквы вывесок превращались в зловещие руны. Я говорил себе, что во всем виновато мое разыгравшееся воображение, но не был в этом уверен. Точно я знал лишь одно: мне совсем не хочется оставаться здесь после наступления темноты.

На одном из перекрестков огромная каменная горгулья вывалилась на улицу и уставилась на меня вверх ногами, разинув безгубую пасть, чтобы обнажить пару клыков рептилии и серый торчащий язык. Описав широкую дугу вокруг нее, я с облегчением миновал ее холодный перевернутый взгляд. Когда я уже отъехал, послышался низкий глухой стук. Я оглянулся и увидел, что горгулья упала — возможно, одно из задних колес трицикла задело ее, нарушив шаткое равновесие,

которое поддерживалось годами. А может, и нет.

В любом случае, теперь она снова смотрела на меня.

10

Дворец — если предположить, что это был именно он — становился все ближе. Здания по обе стороны выглядели как особняки, когда-то, без сомнения, роскошные, но теперь пришедшие в упадок. Их балконы обрушились. Фонари, окружавшие причудливые каменные дорожки, упали сами или были свалены. Сами дорожки поросли серо-коричневыми сорняками отвратительного вида. Проходы между зданиями заросли крапивой в человеческий рост — попробуй пройти через нее, и твоя кожа порвется в клочья.

Дождь снова полил как из ведра, когда мы добрались до еще более богатых домов из мрамора и стекла, с широкими ступенями (целыми) и причудливыми фасадами (большей частью разбитыми). Я сказал Радар, чтобы она вела себя тихо, пока мы не подойдем поближе, и сказал это шепотом. Несмотря на ливень, во рту у меня пересохло. Я даже не думал открыть его навстречу дождевым каплям, потому что не знал, что может содержаться в этой влаге, и что она сделает

со мной. Это было ужасное место, пораженное отравой, и я не хотел, чтобы хотя бы малая часть ее попала ко мне внутрь.

И все же одна вещь казалась мне хорошей. Клаудия сказала, что я могу заблудиться, но до сих пор путь оставался прямым. Если желтый дом Ханы и солнечные часы находятся рядом с тем величественным скоплением зданий, над которыми возвышаются три шпиля, то Галлиеновская улица приведет меня прямо туда. Теперь я мог видеть посреди этого скопления огромные окна — не витражные, как в соборе, а мутно-зеленые, напомнившие о балках ворот. И о той мерзкой луже.

Разглядывая их, я чуть не пропустил инициалы мистера Боудича, нарисованные на каменном столбе с кольцом наверху — должно быть, для привязывания лошадей. Ряд таких столбов, похожих на торчащие зубы, стоял перед гигантским серым зданием с десятком дверей над крутыми ступенями, но без единого окна. Столб с инициалами АБ был последним в ряду перед узкой улицей, уходящей налево. Перекладина буквы «А» была превращена в стрелу, указывающую на этот проход, вдоль которого возвышались безликие каменные здания высотой в восемь-

десять этажей. Я думал, что когда-то они были заполнены эмписарскими бюрократами, выполняющими всевозможную канцелярскую работу. Можно было представить, как они снуют туда-сюда, одетые в длинные черные сюртуки и рубашки со стоячим воротником, как мужчины (должно быть, все они были мужчинами) на иллюстрациях к романам Диккенса. Я не знал, располагалась ли в каком-нибудь из зданий тюрьма Его Величества, но в каком-то смысле все они казались тюрьмами.

Остановившись, я смотрел на перекладину буквы, превращенную в стрелу. Дворец был прямо передо мной, но эта стрелка указывала в сторону. Вопрос заключался в том, продолжать ли мне идти прямо или следовать за стрелкой. Позади меня в корзине, под одеялом, которое было уже мокрым и скоро должно было промокнуть насквозь, у Радар начался еще один приступ кашля. Я уже хотел проигнорировать стрелку и двигаться прямо в надежде, что всегда смогу вернуться, если упрусь в тупик или что-то подобное, но потом вспомнил две вещи, которые сказала мне Клаудия. Одна из них заключалась в том, что если я буду точно следовать за метками мистера Боудича, то все будет хорошо (на самом деле она

сказала, что все *может* быть хорошо, но зачем придираться?). Другая — в том, что, по ее словам, путь мне предстоял очень долгий. Но если я продолжу идти так, как собирался, этот путь окажется чертовски коротким. В конце концов, я решил довериться Клаудии и мистеру Боудичу. Я повернул трицикл в направлении, указанном стрелкой, и поехал дальше.

«*Улицы там похожи на лабиринт*», — говорила Клаудия. В этом она была права, и инициалы мистера Боудича — его отметки — еще больше убедили меня в него. В Нью-Йорке был смысл, в Чикаго была некоторая доля смысла, но Лилимар не имел смысла вообще. Думаю, что таким, должно быть, был Лондон во времена Шерлока Холмса и Джека Потрошителя (насколько я знаю, таков он и сейчас). Некоторые улицы были широкими и обсаженными голыми деревьями, которые не давали укрытия от дождя. Некоторые — ужасно узкими, порой настолько, что трехколесный велосипед едва мог проехать по ним. Зато там у нас появлялась защита от проливного дождя, поскольку двухэтажные здания нависали над улицей, почти соприкасаясь. Иногда по пути попадались троллейбусные провода, некоторые из них бессильно свисали со столбов, но большин-

ство просто валялось на улице.

В одной витрине я увидел безголовый женский манекен в шутовским колпаке, с колокольчиками на шее и ножом, воткнутым между грудей. Если это была чья-то шутка, то совсем несмешная. Уже через час я понятия не имел, сколько правых и левых поворотов я сделал. В одном месте мой путь пролегал по частично затопленному подземному переходу, где звук колес трицикла, шлепающих по стоячей воде, отдавался эхом, похожим на отвратительный шепчущий смех: *ха… хаа… хааа…*

Некоторые из отметин АБ, остававшихся на улице в непогоду, выцвели так сильно, что их было почти не разглядеть. Если бы я совсем потерял оставленный им след, мне пришлось бы вернуться назад или попытаться определить направление по трем шпилям того, что, как я предполагал, было дворцом, а я не знал, смогу ли я это сделать. На протяжении долгого времени здания, теснящиеся надо мной, полностью заслоняли его. Было слишком легко представить, как я блуждаю по этому лабиринту улиц до двух звонков — а потом и до трех последних — и бессильно жду, когда выйдут на охоту ночные солдаты. Но в такой дождь и с этим непрестанным кашлем

сзади я думал, что к ночи Радар все равно уже будет мертва.

Дважды я проезжал мимо зияющих провалов, которые наклонно уходили вниз, в темноту. От них веяло затхлым воздухом и чем-то похожим на те шепчущие голоса, о которых предупреждала меня Клаудия. Запах от второго провала был сильнее, а шепот громче. Я не хотел представлять себе перепуганных горожан, в панике укрывшихся в огромных подземных бункерах и умерших там, но было трудно не думать об этом — даже невозможно. Так же невозможно было поверить, что эти шепчущие голоса были чем-то иным, кроме стонов и мольбы их покойных владельцев.

Я не хотел быть здесь. Я хотел быть дома, в своем нормальном мире, где бестелесные голоса доносились только из моих наушников.

На углу я увидел на фонарном столбе то, что могло быть как инициалами мистера Боудича, так и просто пятном засохшей крови. Я слез с велосипеда, чтобы рассмотреть получше. Да, это была его метка, но почти стертая. Я не решился вытереть с нее воду и грязь, опасаясь стереть ее полностью, поэтому наклонился, пока почти не уперся в нее носом. Перекладина А указывала вправо, я был уверен в этом (почти уверен). Когда

я вернулся к трициклу, Радар высунула голову из-под одеяла и заскулила. Один ее глаз был снова залеплен гноем, другой полузакрыт, но устремлен нам за спину. Я посмотрел в ту сторону и услышал быстрые шаги — на сей раз сомнений в этом не было. И уловил промельк движения какой-то одежды — возможно, плаща, — когда его владелец свернул за угол несколькими улицами назад.

— Кто там? — крикнул я и тут же зажал рот ладонью. «*Тихо, веди себя тихо*» — все, кого я встречал, говорили это. Гораздо более тихим голосом, почти шепотом, я добавил. — Покажись. Если ты друг, я тоже буду тебе другом.

Никто не показывался, да я не ожидал этого. Я опустил руку на рукоятку револьвера мистера Боудича.

— Если это не так, то у меня есть оружие, и я воспользуюсь им, если придется, — чистый блеф, о том, что оружие здесь использовать нельзя, меня тоже предупреждали. — Ты меня слышишь? Ради твоего же блага, незнакомец, покажись мне на глаза.

Я говорил совсем не похоже на себя, и уже не в первый раз. Эти слова больше подходили персонажу книги или фильма. Я почти ожидал, что

сейчас скажу: «*Меня зовут Иниго Монтойя*[188]. *Ты убил моего отца, так что готовься к смерти*».

Радар снова закашлялась, и ее начала бить дрожь. Ничего больше не услышав, я сел на трицикл и поехал в направлении, указанном последней стрелкой. Оно вывело меня на зигзагообразную улицу, вымощенную булыжником и по какой-то причине уставленную бочками, многие из которых были опрокинуты.

11

Я продолжал следить за инициалами — некоторые из них были почти такими же яркими, как в тот день, когда он нарисовал их красной краской, но большинство поблекли, превратившись в призраки самих себя. Влево и вправо, вправо и влево. Я не видел тел или скелетов когда-то живших здесь людей, но ощущал запах разложения почти повсюду, и иногда возникало ощущение, что здания исподтишка меняют свои очертания.

Кое-где я проезжал через лужи. В других местах

---

[188] Примечания: 188

Персонаж сказки Уильяма Голдмана «Принцесса-невеста», опубликованной в 1973 году, и снятого по ней фильма режиссера Роба Райнера (1987).

улицы были полностью затоплены, и большие колеса трицикла проваливались в мутную воду почти по самые ступицы. Дождь перешел в мелкую морось, потом прекратился. Я понятия не имел, как далеко нахожусь от желтого дома Ханы; без телефона, с которым можно сверяться, и без солнца на небе, мое чувство времени полностью исчезло. Я ждал, что вот-вот прозвенят два полуденных колокола.

«*Заблудился,* — подумал я. — *Я заблудился, у меня нет Джи-пи-эс, и я никогда не доберусь до цели вовремя. Хорошо еще, если я выберусь из этого безумного города до наступления темноты*».

Потом я пересек небольшую площадь со статуей посередине — это была женщина с отбитой головой — и понял, что снова вижу три шпиля, только теперь сбоку. Тогда ко мне пришла мысль — абсурдная, но верная, — которую мне сказал голос тренера Харкнесса, который тренировал баскетболистов так же, как бейсболистов. Тренер расхаживал взад и вперед по боковой линии, с красным лицом и большими пятнами пота под мышками белой рубашки, которую всегда надевал в игровые вечера, следя за бегом своих игроков и крича им: «*В заднюю дверь! В заднюю дверь, черт вас возьми!*»

Задняя дверь.

Вот куда привели меня метки мистера Боудича. Не к фасаду этого огромного центрального здания, где, без сомнения, заканчивалась Галлиеновская улица, а к заднему входу в него. Я пересек площадь слева, ожидая найти его инициалы на одной из трех улиц, ведущих от нее — и действительно, они были выведены на стене разбитого стеклянного здания, которое, возможно, когда-то было оранжереей. Теперь дворец был справа от меня, и метки вели все дальше и дальше по кругу. Я уже видел высокий изогнутый выступ каменной кладки, выраставший над домами.

Я начал крутить педали быстрее. Следующая метка указала мне поворот направо, вдоль того, что в лучшие времена, должно быть, было широким бульваром. Тогда его асфальт, возможно, был чудом прогресса, но теперь он потрескался и в некоторых местах превратился в россыпь гравия. По центру проходила заросшая полоса растительности, среди сорняков виднелись огромные цветы с желтыми лепестками и темно-зеленой сердцевиной. Я притормозил, чтобы взглянуть на один, который нависал над улицей на длинном стебле, но когда я потянулся к нему, лепестки со щелчком сомкнулись в нескольких дюймах от

моих пальцев. Из них сочилась какая-то белая густая жидкость. Я почувствовал жар и поспешно отдернул руку.

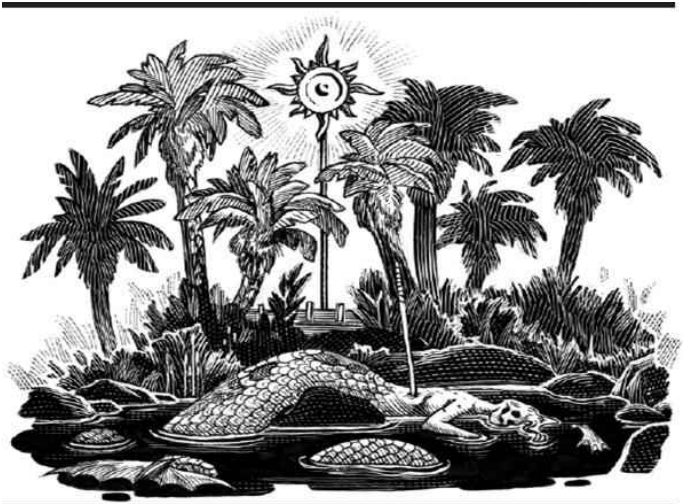
Дальше, примерно в четверти мили, я увидел три круто нависающих крыши — по одной с обеих сторон бульвара, по которому я ехал, и одну, которая, казалось, нависала над ним. Они были такими же желтыми, как плотоядные цветы. Прямо передо мной бульвар выходил на еще одну площадь с высохшим фонтаном в центре. Он был огромным и зеленым, с трещинами, змеящимися по его обсидиановой чаше. «ЗАПИШИ ЭТО, ПРИНЦ ШАРЛИ» — повторяло священное писание Клаудии, и я проверил свои записи, просто чтобы убедиться, что правильно помню. Сухой фонтан, проверь. Большой желтый дом, стоящий поперек дороги, проверь. Двигайся незаметно, перепроверь. Я сунул лист бумаги в боковой карман рюкзака, чтобы он не намок. В то время я даже не думал об этом, но позже у меня были причины порадоваться тому, что он был там, а не в моем кармане. То же самое насчет телефона.

Я медленно поехал к площади, потом быстрее к фонтану. Его подножие было высотой около восьми футов и толщиной со ствол дерева. Хорошее прикрытие. Я спешился и выглянул наружу.

Впереди меня, не более чем в пятидесяти ярдах от фонтана, был дом Ханы — или два дома. Их соединяла выкрашенная в желтый цвет крытая арка над центральным проходом, похожая на воздушные мосты, которые можно увидеть по всему Миннеаполису. В общем, неплохая резиденция.

И снаружи нее была Хана.

Глава восемнадцатая
Хана. Траектории вращения. Ужас в бассейне. Наконец-то солнечные часы. Нежеланная встреча



1

Хана, должно быть, вышла, когда дождь прекратился, чтобы успеть насладиться хорошей погодой. Она сидела на огромном золотом троне под полосатым красно-синим навесом. Я не думал, что золото было просто краской, и сильно сомневался, что драгоценные камни, усеивавшие спинку и подлокотники трона, сделаны из стекла. Должно быть, король или королева Эмписа выглядели бы смехотворно маленькими, сидя на нем, но Хана не просто заполнила его — ее огромный зад вылезал из-под золотых подлокотников и королевских пурпурных подушек.

Женщина на украденном ею (в этом я не сомневался) троне была кошмарно уродлива. С того места, где я прятался за высохшим фонтаном, было невозможно сказать, насколько она велика на самом деле, но во мне шесть футов четыре дюйма, и мне показалось, что она, даже сидя, возвышается надо мной еще на пять. Это означало, что полный рост Ханы должен был составлять по меньшей мере двадцать футов.

Другими словами, это была настоящая вели-

канша.

На ней было громадное, как цирковой шатер, платье того же королевского пурпурного цвета, что и подушки, на которых она сидела. Оно доходило до ее икр, похожих на стволы деревьев. Ее пальцы (каждый размером почти с мою руку) были украшены множеством колец, которые мерцали в приглушенном дневном свете; если бы солнце светило ярче, они вспыхнули бы огнем. Темно-каштановые волосы спадали на ее плечи и спускались на грудь волной нечесаных кудрей.

Платье выдавало в ней женщину, но в остальном это было трудно определить. Ее лицо выглядело массой наростов и громадных болезненных волдырей. Через центр лба тянулась уродливая красная трещина. Один глаз был прищурен, другой выпучен. Верхняя губа вздернулась к узловатому носу, обнажив зубы, подпиленные до острых клыков. Но хуже всего выглядело то, что трон окружал широкий полукруг костей, которые почти наверняка были человеческими.

Радар вновь начала кашлять. Я повернулся к ней, опустил голову вровень с ее мордой и заглянул в глаза.

— Тише, девочка, — прошептал я. — Пожалуйста, замолчи.

Она еще раз кашлянула, потом замолчала, продолжая дрожать. Я уже отвернулся, и тут кашель начался снова, громче, чем прежде. Я думаю, нас бы заметили, если бы Хана не выбрала этот момент, чтобы затянуть песню:

Поставь мне метку, Джо, мой дорогой,
Поставь ее поглубже, моя любовь,
Ставь и ставь ее всю ночь напролет,
Пусть меня твой зубок насквозь проткнет,
Зубок-тик-ток, ах, зубок тик-ток,
Пусть меня твой зубок насквозь проткнет!

Я подумал, что братья Гримм вряд ли сочинили бы такое.

Она продолжала — похоже, это была одна из песенок с тысячей куплетов вроде «Сто бутылок пива»[189], — и меня это вполне устраивало, потому что Радар все еще кашляла. Я лихорадочно гладил ее грудь и живот, пытаясь усмирить кашель, пока Хана ревела что-то вроде: «Джо, не бойся, клянусь, ты будешь рад (я ожидал продолжения «скорей засунь мне это в зад»). Я все еще гладил, а Хана все еще голосила, когда прозвенели полуденные колокола. Так близко от дворца

[189] Примечания: 189

Шутливая американская песня с запоминающейся мелодией и множеством куплетов, которую часто поют во время длительных поездок.

они звучали просто оглушительно.

Звук замер вдали. Я подождал, пока Хана встанет и пойдет на кухню, но она этого не сделала. Вместо этого она прижала два пальца к фурункулу на подбородке размером с лопату и надавила. выпустив наружу фонтан желтоватого гноя. Она стерла его тыльной стороной ладони, оглядела и отшвырнула прочь. Потом довольно откинулась на спинку стула. Я ждал, что Радар снова начнет кашлять. Она пока этого не делала, но это был только вопрос времени.

«*Пой же,* — подумал я. — *Пой, громадная уродливая тварь, пока моя собака снова не начала кашлять, и наши кости не легли рядом с теми, которые ты ленишься убрать*».

Но вместо того, чтобы запеть, она встала на ноги. Это было все равно что наблюдать, как растет гора. Я использовал простое соотношение, которое выучил на уроке математики, чтобы вычислить ее рост стоя, но недооценил длину ног. Проход между двумя половинами ее дома должен был иметь в высоту двадцать футов, но Хане пришлось бы наклониться, чтобы пройти через него.

Поднявшись, она вытащила платье, застрявшее в заднице, испустив при этом громкий пук, ко-

торый никак не желал затихать. Это напомнило мне трель тромбона в любимой инструменталке моего отца «Полночь в Москве»[190]. Мне пришлось зажать рот ладонями, чтобы не разразиться хохотом. Не заботясь о том, начнется ли от этого приступ кашля или нет, я зарылся лицом в мокрую шерсть Радар и испустил тихий полусмех-полуплач. Закрыв глаза, я ждал, что Радар снова закашляет или что одна из огромных ручищ Ханы сомкнется на моем горле и оторвет голову.

Этого не произошло, и я выглянул из-за другой стороны фонтана как раз вовремя, чтобы увидеть, как Хана, сотрясая землю, направляется к правой стороне своего дома. Ее размеры завораживали — без сомнения, она могла бы без труда заглянуть в окна верхнего этажа. Она открыла огромную дверь, откуда донесся аромат готовящегося мяса. Пахло жареной свининой, но у меня было ужасное чувство, что это совсем другое мясо. Наклонившись, она протиснулась внутрь.

— Накорми меня скорее, жалкий ублюдок! — прогремела она. — Я проголодалась!

«*Тут вы и должны проехать через проход*», —

[190] Примечания: 190

Мелодия песни “Подмосковные вечера», популярная в США в 1970-е годы.

сказала Клаудия. Или что-то в этом роде.

Я сел на велосипед и помчался к проходу, склонившись над рулем, как будто преодолевал последний километр «Тур де Франс». Прежде чем войти в него, я бросил быстрый взгляд налево, где находился трон. Лежащие там кости выглядели маленькими, почти наверняка детскими. На одних были хрящи, на других — волосы. Этот взгляд был ошибкой, которую я бы исправил, если бы мог, но иногда — слишком часто — мы ничего не можем с собой поделать.

2

Проход был около восьмидесяти футов длиной, сырой и прохладный, выложенный замшелыми каменными блоками. Свет на другом его конце казался ослепительным, и я подумал, что, оказавшись на площади, действительно увижу солнце.

Но нет: как только я, склонившись над рулем, вырвался из прохода, облака поглотили храброе голубое пятнышко, вернув небу тусклый серый цвет. То, что я увидел, заставило меня похолодеть. Мои ноги соскользнули с педалей, и трицикл остановился. Я оказался на краю большой открытой площади, по которой в восьми направлениях шли восемь лучей. Когда-то они были ярко раскра-

шены: зеленый, синий, пурпурный, индиговый, красный, розовый, желтый, оранжевый. Теперь краски поблекли. Я предполагал, что в конечном итоге они станут такими же серыми, как и все остальное в Лилимаре и большей части Эмписа за его пределами. Смотреть на эти расходящиеся лучи было все равно, что на гигантскую, когда-то веселую карусель. Между ними стояли столбы, украшенные вымпелами. Много — сколько? — лет назад они могли трепетать и развеваться на ветру, не отравленном запахом гнили, а теперь безвольно повисли, и с них текла дождевая вода.

В центре этой огромной карусели стояла еще одна статуя бабочки с разбитыми крыльями и головой. Камни были свалены в кучу вокруг пьедестала, на котором она возвышалась. Самый широкий луч вел к задней части дворца с его тремя зелеными шпилями. Я мог представить себе людей — эмписарцев, — которые когда-то заполняли эти извилистые проходы, сливаясь из отдельных групп в одну шумную толпу. Смеясь и добродушно толкаясь, предвкушая предстоящее развлечение, некоторые несли обед в корзинках, некоторые останавливались, чтобы купить еды у продавцов, выставляющих свой товар на обочине. Сувениры для самых маленьких? Флажки?

Конечно! Я говорю вам, что мог видеть это, как если бы я сам был там. А почему бы и нет? Я ведь тоже был частью такой толпы в те дни, когда смотрел игру «Уайт Сокс», а в одно незабываемое воскресенье — «Медведей».

Я мог видеть зубчатую стену из красного камня, возвышающуюся над задней частью дворца. По ее периметру располагались высокие столбы, на каждом из которых были установлены длинные площадки наподобие подносов — вероятно, для освещения. Здесь проводились игры, за которыми с нетерпением наблюдало множество людей. Я был уверен в этом. Раньше здесь ревели толпы, но теперь расходящиеся лучи и главный вход были пусты и так же призрачны, как и весь остальной заколдованный город.

Однажды на уроке истории в пятом классе мы построили замок из кубиков «Лего». Тогда нам это казалось скорее игрой, чем обучением, но, как потом выяснилось, в конечном итоге это было обучение. Я все еще помнил большинство архитектурных элементов, и теперь увидел некоторые из них: контрфорсы[191], башенки, зубцы стен, парапеты и даже то, что могло быть

[191] Примечания: 191
Контрфорс — опора стены в готической архитектуре.

потайными воротами. Но эти постройки, как и все остальное в Лилимаре, были искажены. Лестницы безумно (и бессмысленно, насколько я мог судить) вели к странным наростам, напоминающим поганки, с узкими окнами без стекол. Они могли быть сторожевыми вышками или Бог знает чем еще. Некоторые лестницы пересекались крест-накрест, напоминая о рисунках Эшера[192], созданных для обмана зрения. Столило мне моргнуть, как лестницы показались мне перевернутыми. Я моргнул еще раз — и они встали на место.

Хуже того, весь дворец, в котором не было абсолютно никакой симметрии, казалось, двигался, как замок Хаула[193]. Я не мог точно видеть, как это происходит, потому что было трудно удержать все это в глазах — или в сознании. Лестницы были разноцветными, как лучи на площади-карусели, что, наверное, звучит весело, но в реальности создавало ощущение какой-то извращенной разумности, как будто это был не дворец,

[192] Примечания: 192

Мориц Корнелис Эшер (1898–1972) — нидерландский художник, известный своими концептуальными работами, исследующими понятия бесконечности и симметрии.

[193] Примечания: 193

Замок из полнометражного мультфильма «Ходячий замок Хаула» (2004) японского режиссера Хаяо Миядзаки.

а мыслящее существо с инопланетным мозгом. Я сознавал, что у меня разыгралось воображение (точнее, это случилось без участия сознания), но был рад, что метки мистера Боудича вывели меня к дворцу со стороны стадиона, так что окна башен не смотрели прямо на меня. Я не уверен, что смог бы вынести их зеленые взгляды.

Я медленно крутил педали по широкой дорожке у входа, колеса трицикла иногда ударялись о камни, вылезшие из мостовой. Задняя часть дворца была в основном глухой, лишенной окон. Там был ряд больших красных дверей — восемь или девять — возле которых когда-то образовалась пробка из повозок, несколько из них были перевернуты, а пара разбита вдребезги. Было легко представить, что это сделала Хана — в гневе или, может быть, просто для развлечения. Мне показалось, что это место доставки припасов, которое богачи и члены королевской семьи видели редко, если вообще видели. Этим путем ходили простые люди.

Я заметил выцветшие инициалы мистера Боудича на одном из каменных блоков рядом с этой погрузочной площадкой. Мне не нравилось находиться так близко к дворцу, даже со слепой стороны, потому что я почти физически ощущал,

как он движется. Пульсирует. Перекладина буквы «А» указывала налево, поэтому я отклонился от основного пути, чтобы следовать по стрелке. Радар снова закашлялась, причем сильно. Когда я уткнулся лицом в ее шерсть, чтобы подавить смех, она была мокрой, холодной и слипшейся. Могут ли собаки болеть пневмонией? Я решил, что это глупый вопрос. Вероятно, ей может заболеть любое существо, имеющее легкие.

Еще несколько инициалов привели меня к линии из шести или восьми контрфорсов. Я мог бы проехать под ними, но предпочел этого не делать. Они были такого же темно-зеленого цвета, что и окна башни — возможно, вовсе не каменные, а сделанные из того же мутного стекла. С трудом верилось, что стекло могло выдержать огромную несущую нагрузку, которая требовалась для такого колоссального здания, но казалось, что контрфорсы состоят именно из стекла. И снова я увидел внутри те же черные усики, лениво переплетающиеся друг с другом, то медленно поднимаясь, то опускаясь вниз. Смотреть на контрфорсы было все равно, что смотреть на ряд странных зелено-черных лавовых ламп[194].

[194] Примечания: 194

Лавовая лампа — декоративный светильник, в котором цветные пятна парафина или воска движутся в нагретом масле.

Эти извивающиеся усики напомнили мне сразу несколько фильмов ужаса — «Чужой» был одним, «Пираньи» другим, — и я пожалел, что смотрел их.

Я уже начал думать, что мне придется объехать дворец кругом — и попасть под тройной обзор этих проклятых шпилей, — когда впереди показалась ниша. Она находилась между двумя крыльями без окон, расходившимися в виде буквы V. Здесь стояли скамейки, окружавшие небольшой бассейн в тени пальм — безумно, но это были именно пальмы. Они скрывали то, что находилось в глубине ниши, но над ними возвышался столб, по крайней мере, в сотню футов высотой, увенчанный стилизованным солнцем. У солнца было лицо, и глаза его двигались взад-вперед, как тикающие глаза часов-кота. Справа от бассейна мистер Боудич написал свои инициалы на каменном блоке. На перекладине этой буквы А была стрелка, на сей раз указывающая прямо вверх. Я почти слышал, как мистер Боудич говорит: «*Иди прямо, Чарли, и не теряй времени*».

— Держись, Радар, мы почти на месте.

Я крутил педали в направлении, указанном стрелкой. Это вывело меня к правой стороне симпатичного маленького бассейна. Не было

необходимости останавливаться и вглядываться в него через кроны пальм, когда то, за чем я пришел, было так близко, но я это сделал. И каким бы ужасным ни было то, что я там увидел, я рад. Это изменило все, хотя прошло много времени, прежде чем я полностью осознал важность этого момента. Иногда мы смотрим, потому что нам нужно что-то запомнить. И даже самые ужасные вещи порой придают нам силы. Теперь я это знаю, но в тот момент все, о чем я мог думать, было: «*О Боже, это же Ариэль!*»

В этом бассейне, когда-то, возможно, нежно-голубом, но теперь илистом и мутном от разложения, покоились останки русалки. Конечно, это была не Ариэль, диснеевская принцесса, дочь короля Тритона и королевы Афины. Не она, точно не она. Не было ни блестящего зеленого хвоста, ни голубых глаз, ни копны рыжих волос. И никакого милого маленького фиолетового лифчика. Я думал, что эта русалка когда-то была блондинкой, но большая часть ее волос выпала и плавала на поверхности бассейна. Ее хвост, возможно, когда-то и был зеленым, но теперь стал безжизненно-серым, как и кожа. Ее губы исчезли, обнажив круг мелких зубов. Ее глазницы зияли пустотой.

И все же когда-то она была красива. Я видел это так же ясно, как и те радостные толпы, которые приходили сюда посмотреть на игры или развлечения. Красивая, живая, полная светлой безвредной магии. Тогда она плавала здесь, это был ее дом. Люди, которые нашли время, чтобы приехать в этот маленький оазис, смотрели на нее, она смотрела на них и все были счастливы. Теперь она была мертва, из того места, где ее рыбий хвост переходил в человеческое туловище, торчало железное копье, а из пробитой им дырки вылез клубок серых кишок. От ее красоты и грации осталась лишь тень. Она была мертва, как любая рыба, которая когда-либо умирала в аквариуме и плавала там, все ее живые краски поблекли. Она стала уродливым трупом, частично спасенным от разложения холодной водой. В то время как по — настоящему уродливое существо — Хана — все еще жила, пела, пердела и ела свою вредную еду.

«*Проклято,* — подумал я. — *Все здесь проклято. Зло пало на эту несчастную землю*». Это была не мысль Чарли Рида, но в ней заключалась истина.

Я почувствовал, как во мне поднимается ненависть к Хане не потому, что это она убила

русалочку (думаю, великанша просто разорвала бы ее в клочья), а потому, что она была жива. И может помешать мне вернуться.

Радар снова закашлялась, да так сильно, что я услышал, как за моей спиной заскрипела корзина. Я оторвался от чар этого жалкого трупа и покатил вокруг бассейна к столбу с солнцем на вершине.

3

Солнечные часы занимали ту часть ниши, где сходилось V-образная форма двух крыльев. На железном столбе был укреплен плакат. Выцветшая, но все еще разборчивая надпись на нем гласила: «НЕ ПРИБЛИЖАТЬСЯ». Диск часов составлял примерно двадцать футов в диаметре, что составляло — если мои расчеты были верны — около шестидесяти футов в окружности. Я увидел на дальней стороне инициалы мистера Боудича и захотел хорошенько рассмотреть их. Их цепочка привела меня сюда; теперь, когда я здесь, последние из них могли подсказать направление, в котором надо повернуть солнечные часы. Проехать туда на трехколесном велосипеде Клаудии было невозможно, потому что круг часов был окаймлен черно-белым заборчиком

высотой около трех футов.

Радар закашлялась, поперхнулась и снова зашлась кашлем. Она тяжело дышала и дрожала, один глаз уже не открывался, другой невидяще смотрел на меня. Ее шерсть прилипла к телу, позволяя видеть — хотя я этого совсем не хотел, — какой жалкой и скелетообразной она стала. Я слез с трицикла и вытащил ее из корзины. Под руками я чувствовал ее дрожь, почти конвульсии: вздрогни и расслабься, вздрогни и расслабься.

— Скоро, девочка, скоро.

Я надеялся, что так и есть, потому что это был ее единственный шанс — и для мистера Боудича он сработал. Но даже после великанши и русалки мне было трудно в это поверить.

Перешагнув заборчик, я подошел к солнечным часам. Они были каменными и разделялись на четырнадцать долей. «*Теперь, кажется, я знаю, сколько здесь длится день*», — подумал я. В центре каждого сегмента был простой символ, стертый, но все еще узнаваемый: две луны, солнце, рыба, птица, свинья, бык, бабочка, пчела, сноп пшеницы, гроздь ягод, капля воды, дерево, голый мужчина и обнаженная беременная женщина. Это были символы жизни, и когда я проходил мимо высокого столба в центре, я мог слышать

«щелк-щелк» глаз на лике солнца, когда они ходили взад и вперед, отсчитывая время.

Я подошел к заграждению на дальней стороне часов, по-прежнему прижимая к себе Радар. Ее язык безвольно свисал из угла пасти, когда она жалобно кашляла. Ее время действительно подходило к концу.

Посмотрев на солнечные часы, я разглядел там инициалы мистера Боудича. Перекладина буквы «А» была превращена в слегка изогнутую стрелку, указывающую вправо. Это означало, что я должен повернуть часы — если смогу, — так, чтобы они двигались против часовой стрелки. Это казалось правильным — во всяком случае, я на это надеялся. Если бы это оказалось неверно, я бы проделал весь этот путь только для того, чтобы убить свою собаку, сделав ее еще старше.

Я слышал шепчущие голоса, но не обращал на них внимания. Радар был всем, о чем я думал, только о ней, и я знал, что надо сделать. Я наклонился и осторожно положил ее на сегмент, где был нарисован сноп пшеницы. Она попыталась поднять голову, но не смогла, и уронила ее на камень между раскинутых лап, глядя на меня своим единственным открытым глазом. Она была уже слишком слаба, чтобы кашлять, и могла

только хрипеть.

«Пусть это будет правильно, и, Боже, пожалуйста, пусть это сработает».

Опустившись на колени, я ухватился за один из коротких стержней, опоясывающих солнечные часы по окружности. Потянул за него сперва одной рукой, потом обеими. Ничего не произошло. Радар теперь между вдохами издавала захлебывающиеся звуки, ее бок вздымался и опускался, как кузнечные мехи. Я потянул сильнее — опять ничего. Я подумал о тренировке по футболу и о том, как был единственным в команде, кто смог не просто сдвинуть манекен с места, но и повалить его.

Тяни, сукин ты сын. Вытягивай ее жизнь!

Я вложил в эти усилия все, что у меня было — ноги, спину, руки, плечи. Я чувствовал, как кровь приливает к моей напрягшейся шее и голове. В Лилимаре я должен был вести себя тихо, но теперь не мог сдержать низкий, рычащий стон напряжения. Неужели мистер Боудич смог сделать это? Я не понимал, как.

Как раз в тот момент, когда я подумал, что никакими силами не смогу сдвинуть часы с места, я почувствовал первый крошечный сдвиг вправо. Я уже не мог тянуть сильнее, но каким-то образом

сделал это, напрягая каждый мускул рук, спины и шеи. Солнечные часы пришли в движение. Вместо того, чтобы быть прямо передо мной, моя собака теперь сдвинулась немного вправо. Я перенес свой вес на другую сторону и начал давить изо всех сил, вспоминая Клаудию, велевшую мне напрячь свою пукалку. Теперь я напрягал ее вовсю, чувствуя себя так, будто вот-вот вывернусь наизнанку.

Как только я запустил колесо, оно стало поворачиваться легче. Первый стержень был уже позади, поэтому я схватился за другой, снова перенес вес и потянул его на себя так сильно, как только мог. Когда и этот проскользнул мимо, я схватил еще один, вспоминая карусель в Кавана-парке — как мы с Берти крутили ее, пока маленькие дети, катавшиеся на ней, не начинали кричать от радости и страха, а их матери кричали нам, чтобы мы остановились, пока кто-нибудь не улетел.

Радар проехала треть пути… потом половину… потом начала возвращаться ко мне. Солнечные часы теперь вращались легко. Возможно, их древний механизм от моих усилий перестал заедать, но я все равно продолжал тянуть за эти стержни, теперь перебирая руками, как будто взбираясь

по канату. Я думал, что вижу, как Радар меняется, но боялся, что всего лишь принимаю желаемое за действительное, пока солнечные часы не вернули ее обратно ко мне. Теперь оба ее глаза были открыты. Она еще кашляла, но пугающего хрипа больше не было, и голова у нее была поднята.

Солнечные часы двигались быстрее, и я перестал дергать за стержни. Наблюдая за Радар на втором круге, я видел, как она пытается подняться на передние лапы. Ее уши были подняты, вместо того чтобы уныло повиснуть. Я присел на корточки, тяжело дыша, намокшая от пота рубашка липла к груди и бокам, пока я прикидывал, скольких оборотов будет достаточно. Я понял, что до сих пор не знаю, сколько ей лет. Четырнадцать? Может быть, даже пятнадцать? Если каждый оборот часов равнялся году, то четырех было бы достаточно. Шесть вернут ее в расцвет жизни.

Когда она проезжала мимо меня, я увидел, что она уже не просто опирается на передние лапы, а сидит прямо. А когда она проехала в третий раз, я увидел то, чему с трудом мог поверить: Радар пополнела, прибавила в весе. Она еще не была той собакой, которая до смерти напугала Энди Чена, но приближалась к этому.

Только одна вещь беспокоила меня — теперь солнечные часы набирали скорость даже без того, чтобы я дергал за стержни. В четвертый раз мне показалось, что Радар выглядит обеспокоенной. В пятый вид у нее был уже испуганным, и когда она проносилась мимо, ветер сдул мокрые волосы с моего лба. Пора было ее вытаскивать. Если бы я это не сделал, то увидел бы, как моя собака превращается сначала в щенка, а потом… в ничто. Над головой «щелк-щелк» глаз на солнечном лице превратился в «щелк-щелк-щелк», и я знал, что если посмотрю вверх, то увижу, как эти глаза перемещаются влево-вправо все быстрее и быстрее, превращаясь в размытое пятно.

Удивительные вещи могут прийти в голову во время сильного стресса. Я вдруг вспомнил вестерн из фильмов Тернера, которые мы смотрели с моим отцом во времена его пьянства. Он назывался «Пони Экспресс»[195]. Что я там запомнил, так это Чарльтона Хестона, мчащегося изо всех сил к одинокой заставе, где на крюке висел мешок с почтой. Чарльтон схватил его, даже не сбавив скорости на полном скаку, и теперь я собирался таким же образом выхватить с круга Радар. Я не

[195] Примечания: 195

Американский вестерн 1953 года режиссера Джерри Хоппера, главную роль в котором сыграл актер Чарльтон Хестон.

хотел кричать здесь, поэтому присел на корточки и протянул к ней руки, надеясь, что она поймет.

Когда солнечные часы повернулись и она увидела меня, то вскочила на ноги. Ветер от несущегося диска колыхал ее шерсть, как невидимые гладящие руки. Если бы я промахнулся (Чарльтон Хестон не промахнулся, хватая мешок с почтой, но это был фильм), мне пришлось бы запрыгнуть на часы, схватить ее и спрыгнуть. Я мог бы потерять при этом год из своих семнадцати, но иногда отчаянные меры — все, что остается.

Но вышло так, что мне вообще не пришлось ее хватать. Когда я посадил ее на солнечные часы, Радар не могла даже ходить. После пяти — даже шести — оборотов она стала совершенно другой собакой. Она присела на корточки, пригнула свои новые мощные задние ноги и прыгнула прямо на мои протянутые руки. Это было похоже на удар летящего мешка с цементом. Я упал на спину, а Радар нависла надо мной, расставив передние лапы по обе стороны от моих плеч, виляя хвостом, как сумасшедшая, и облизывая мое лицо.

— Прекрати это! — прошептал я, но приказ не подействовал, потому что я при этом смеялся. Поэтому она продолжала лизать.

Наконец я сел и внимательно осмотрел нее. К

тому моменту она похудела до шестидесяти фунтов или, может быть, больше. Теперь она весила восемьдесят или девяносто. Хрип и кашель исчезли бесследно. Исчезла и болезненная сухость ее носа, как будто ее никогда не было. Седина пропала как с ее морды, так и с черного седла на спине. Ее хвост, который раньше напоминал изодранный флаг, теперь был пушистым и пышным, вертясь из стороны в сторону. Но самым верным показателем перемен, случившихся на солнечных часах, были ее глаза. Они больше не были затуманенными и испуганными, как будто она не понимала происходящего как внутри нее, так и в мире вокруг.

— Посмотри на себя, — прошептал я. Мне пришлось вытереть глаза уже не ей, а себе. — Только посмотри на себя.

4

Я в последний раз обнял ее и встал. Мысль о том, чтобы поискать золотые гранулы, не пришла мне в голову — в этот день я уже достаточно искушал судьбу.

Новая улучшенная версия Радар никак не могла поместиться в корзине на багажнике трехколесного велосипеда. Мне хватило одного

взгляда, чтобы убедиться в этом. А ее поводка у меня не было — он остался в Дориной тележке у дома Клаудии. Думаю, часть меня, должно быть, верила, что мне больше никогда не понадобится эта вещь.

Я наклонился, обхватил руками ее голову и заглянул в радостные темно-карие глаза.

— Держись рядом со мной и веди себя тихо. Тише, Радар.

Мы вернулись тем же путем, каким пришли; я крутил педали, а Радар бежала рядом. Я решил, что не буду заглядывать в бассейн. Пока мы приближались к каменному проходу, дождь начался снова. На полпути по проходу я остановился и слез с трицикла, приказав Радар сидеть на месте. Двигаясь медленно и прижимаясь к покрытой мхом стене прохода, я проскользнул до конца. Радар наблюдала, но не двигалась — хорошая собака. Я остановился, увидев золотой блеск этого гротескно украшенного трона. Сделал еще шаг, вытянул шею и увидел, что там пусто. Дождь барабанил по полосатому навесу.

Где же Хана? В какой из двух частей дома? И что она делает?

На эти вопросы у меня не было ответа. Возможно, она еще пожирает свой обед из чего-то, что

пахнет свининой, но, вероятно, ею не является, или, может быть, уже вернулась в свою жилую половину для послеобеденного сна. Я не думал, что мы отсутствовали достаточно долго, чтобы она закончила есть, но это было только предположение. Последние впечатления — сперва русалка, потом солнечные часы — были слишком яркими, чтобы я мог следить за временем.

С того места, где я стоял, я мог видеть прямо перед собой высохший фонтан. Он мог обеспечить хорошее прикрытие, но только если бы никто не заметил нас на пути туда. Там было всего пятьдесят ярдов, но когда я представил последствия того, что меня увидят на открытом месте, они казались мне гораздо дальше. Я пытался расслышать ревущий голос Ханы, гораздо более громкий, чем у Клаудии, но ничего не слышал. Нескольких куплетов бесконечной песни про зубок хватило бы для определения ее местоположения, но вот что я узнал в заколдованном городе Лилимаре: великанши никогда не поют, когда тебе это нужно.

Тем не менее, пора было делать выбор, и мой выбор состоял в том, чтобы попробовать добраться до фонтана. Я вернулся к Радар и уже собирался сесть на трицикл, когда слева от конца прохода

раздался громкий хлопок. Радар вздрогнула и повернулась в ту сторону, из ее груди начало подниматься низкое рычание. Я схватил ее прежде, чем оно превратилось в лай, и наклонился.

— Тише, Радар, тише!

Я услышал, как Хана пробормотала что-то неразборчивое, за чем последовала целая серия уже знакомых мне раскатистых пердежей. На этот раз мне не хотелось смеяться, потому что она медленно шла к выходу в коридор. Если бы она смотрела направо, мы с Радаром могли бы встать у стены и, возможно, остаться незамеченными в полумраке прохода, но даже если Хана была близорукой, трехколесный велосипед Клаудии был слишком велик, чтобы его не увидеть.

Я вытащил револьвер мистера Боудича и прижал его к боку. Если она повернется в нашу сторону, я выстрелю в нее, уже точно зная, во что буду целиться — в красную трещину, идущую через центр ее усеянного фурункулами лба. Я никогда не тренировался с револьвером мистера Боудича (как и с любым другим оружием), но у меня было хорошее зрение. Я мог бы промахнуться в первый раз, но даже если бы это случилось, у меня было еще четыре шанса. А как же шум? Я подумал обо всех этих костях, разбросанных

вокруг ее трона и решил: к черту шум.

Но она ни разу не посмотрела в нашу сторону или в сторону фонтана, уставясь себе под ноги и продолжая бормотать что-то. Это напомнило мне папу перед тем, как ему пришлось произносить речь на ежегодном обеде Оверлендского национального страхового общества, когда его объявили региональным работником года. В ее левой руке было что-то зажато, но я смог разглядеть это, только когда она поднесла его ко рту. Она скрылась из виду прежде, чем успела откусить кусок, что меня вполне устраивало. Я почти уверен, что это была человеческая нога, и с одной стороны, ниже колена, кусок ее был уже отгрызен.

Я боялся, что она может снова усесться на трон, чтобы насладиться своим десертом, но, очевидно, дождь, даже при наличии навеса, отбил эту идею. Или, может быть, она просто хотела вздремнуть. В любом случае, раздался хлопок другой двери, на этот раз справа от нас, а потом тишина. Я убрал револьвер в кобуру и сел рядом со своей собакой. Даже в полумраке я мог видеть, как хорошо выглядит Радар — какой молодой и сильной она стала. Я был рад этому. Может быть, это звучит банально, но я правда был рад. Думаю, радость

— это очень, очень важно. Я не мог перестать гладить ее шерсть и удивляться, какая она густая.

5

Я не хотел ждать. Все, чего я хотел, — это убраться к черту из Лилимара со своей обновленной собакой, отвести ее в то депо и посмотреть, сколько она сможет съесть. Готов был держать пари, что это будет очень много. Я бы скормил ей целую банку «Ориджен», если бы она захотела, и пару вяленых палочек под конец. А после этого мы бы посмотрели, как монархи возвращаются к себе домой.

Это было то, чего я хотел, но я заставил себя подождать и дать Хане шанс успокоиться. Я сосчитал до пятисот десятками, потом пятерками, потом двойками. Я не знал, достаточно ли этого времени, чтобы эта громадная тварь окончательно перешла в спящий режим, но не мог больше ждать. Убраться подальше от нее было важно, но еще я должен был выбраться из города до наступления темноты, и не только из-за ночных солдат. Некоторые метки мистера Боудича почти совсем стерлись, и, если я потеряю его след, у меня будут большие неприятности.

— Пошли, — сказал я Радар. — Но тише, девоч-

ка, тише.

Я взялся за руль трицикла, ведя его позади себя на случай, если Хана внезапно появится и нападет. Пока она будет отталкивать его в сторону, у меня появится время выхватить оружие и выстрелить. К тому же Радар теперь вернулась в боевое состояние. Мне думалось, что если Хана схватится с Радар, она лишится пары кусков мяса, и посмотреть на это будет приятно. Однако видеть, как Хана свернет Радар шею одним взмахом своей ручищи, мне совсем не хотелось.

Я остановился у прохода, а потом направился к фонтану, Радар шла рядом со мной. У нашей команды были игры (особенно против нашего главного соперника «Сент-Джонса»), которые, казалось, никогда не кончатся, но пятидесятиярдовая прогулка под открытым небом между домом Ханы и высохшим фонтаном на площади была самой длинной в моей жизни. Я все время ожидал услышать местную версию «*фи-фай-фофум*» и услышать сотрясающий землю топот ног Ханны, бегущей за нами.

Закричала птица — ворона или, может быть, стервятник, — но это был единственный звук. Когда мы добрались до фонтана, я прислонился к нему, чтобы стереть с лица смесь пота и дож-

девой воды. Радар смотрела на меня снизу вверх. Теперь у нее не было ни дрожи, ни кашля. Она улыбалась, радуясь приключению.

Я еще раз поискал взглядом Хану, потом сел в седло и начал крутить педали в направлении бульвара, где когда-то давным-давно, без сомнения, собиралась элита, чтобы отведать чаю с сэндвичами и обсудить последние придворные сплетни. Может быть, по вечерам на больших задних дворах, которые теперь заросли чертополохом и плотоядными цветами, устраивались эмписарские барбекю или котильоны[196] при свете ламп.

Я ехал довольно быстро, но Радар легко поспевала за мной, подпрыгивая, а ее язык весело свисал из пасти. Дождь лил все сильнее, но я этого почти не замечал. Все, чего я хотел, — это вернуться на прежний курс и убраться из города. Тогда я мог позаботиться о том, чтобы обсохнуть, а если бы я простудился, то уверен, что Клаудия напичкала бы меня куриным бульоном, прежде чем я отправился бы обратно к Вуди, потом к Доре, а потом домой. Мой отец высказал бы мне кучу упреков, но, увидев Радар, он бы…

---

[196] Примечания: 196
Старинный бальный танец французского происхождения.

Он бы что?

Я решил не думать об этом сейчас. Первая задача состояла в том, чтобы выбраться из этого пугающего города, который вовсе не был пустынным. И который не желал оставаться на одном месте.

6

Все должно было получиться легко — просто следуй за метками мистера Боудича наоборот, двигаясь в направлении, противоположном каждой указывающей стрелке, пока не вернешься к главным воротам. Но когда я дошел до того места, где мы выехали на широкий бульвар, его инициалы исчезли. Я был уверен, что они были на камне перед большим зданием с грязным стеклянным куполом наверху, но теперь их не видел. Мог ли их смыть дождь? Это казалось маловероятным, учитывая все дожди, которые, должно быть, обрушились на них за эти годы, но оставили их достаточно четкими. Скорее всего, я ошибся — они были где-нибудь в другом месте.

Я поехал дальше по бульвару, высматривая буквы АБ. Миновав еще три боковые улочки и ничего не обнаружив, я развернулся и вернулся к похожему на банк зданию с куполом.

— Я знаю, что это было здесь, — сказал я, указав на кривую улочку, посреди которой валялся на боку глиняный горшок с высохшим деревом. — Я помню. Может, это все-таки дождь смыл следы. Давай посмотрим.

Я медленно крутил педали, высматривая следующую пару инициалов и чувствуя себя все более неуютно. Потому что они были цепью, не так ли? Что-то вроде той цепочки, которая вела от несчастного случая с моей матерью на проклятом мосту к сараю мистера Боудича. Если еще одно звено будет разорвано, у меня появится неплохой шанс потеряться. «*Ты будешь бродить по этой адской дыре, пока не падет темнота*», — сказала Клаудия.

По этой узкой улочке мы вышли к переулку со старыми заброшенными магазинами. Я был уверен, что мы пришли именно этим путем, но здесь тоже не оказалось никаких меток. Мне показалось, что я узнал то, что могло быть аптекой с одной стороны, но покосившееся здание с пустыми глазницами окон с другой совсем не выглядело знакомым. Я огляделся в поисках дворца, надеясь таким образом определить наше местоположение, но его скрыла пелена проливного дождя.

— Радар, — сказал я, показал на угол аптеки, — чувствуешь какой-нибудь запах?

Она пошла в указанном мной направлении и понюхала крошащийся тротуар, а потом посмотрела на меня, ожидая дальнейших указаний. Мне нечего было сказать, и я, конечно, не винил ее. В конце концов, мы приехали на велосипеде, но даже если бы мы шли пешком, ливень смыл бы все оставшиеся запахи.

— Ладно, пошли, — сказал я.

Мы двинулись по этой улице, потому что мне показалось, что я вспомнил аптеку, но еще и потому, что нам нужно было куда-то идти. Я подумал, что лучшим планом было бы разглядеть дворец, а потом попытаться вернуться на Галлиеновскую улицу. Главная магистраль могла быть опасной — то, как мистер Боудич огибал ее, доказывало это, — но она должна была вывести нас наружу. Как я уже говорил, она была прямой, как стрела.

Проблема заключалась в том, что улицы, казалось, настойчиво вели нас прочь от дворца, а не к нему. Даже когда дождь утихал и я снова мог видеть эти три шпиля, они всегда казались дальше, чем были прежде. Дворец находился слева от нас, и я обнаружил множество улиц, ведущих в этом направлении, но все они, казалось, заканчива-

лись тупиком или снова поворачивали направо. Шепот стал громче. Я хотел отмахнуться от него, списав на ветер, но не смог — ветра не было. Краем глаза мне показалось, что двухэтажное здание вдруг выросло еще на один этаж, но когда я оглянулся, их снова стало два. Приземистое квадратное здание, казалось, жадно выпятилось мне навстречу. Горгулья — что-то вроде грифона, — повернула голову, чтобы посмотреть на нас.

Если Радар видела или чувствовала что-то из этого, ее это, похоже, не беспокоило — возможно, она просто наслаждалась своей новой силой, — но я тревожился все сильнее. Было все труднее не думать о Лилимаре как о живом существе, разумном и решившем не отпускать нас.

Улица перед нами заканчивалась ущельем с крутыми склонами, полным щебня и стоячей воды — еще один тупик. Повинуясь внезапному импульсу, я свернул в переулок, такой узкий, что задние колеса трицикла соскребали ржавые хлопья с кирпичных стен. Радар шла впереди меня. Внезапно она остановилась и начала лаять. Лай был громким и сильным, теперь его питали здоровые легкие.

— Что там? — спросил я.

Она снова залаяла и села, навострив уши, глядя

в переулок, на дождь. А потом из-за угла улицы, на которую примыкал переулок, донесся высокий голос, который я сразу узнал.

— Привет тебе, спаситель насекомых! Ты все еще сердитый мальчик или теперь ты напуганный мальчик? Который хочет убежать домой к мамочке, но не может найти дорогу?

За этим последовал взрыв смеха.

— Я смыл твои следы щелоком, ясно? Давай посмотрим, сможешь ли ты найти выход из Лили до того, как ночные солдаты выйдут на охоту! Для меня это не проблема, я знаю эти улицы как свои пять пальцев!

Это был Питеркин, но мысленным взором я видел Кристофера Полли. У Полли, по крайней мере, была причина желать мне зла — я сломал ему руки. Но что я сделал Питеркину, кроме того, что заставил его перестать мучить огромного красного сверчка?

Опозорил его, вот что. Это было все, что я мог придумать. Но я знал то, чего он почти наверняка не знал: умирающая собака, которую он видел на Королевской дороге, была совсем не той, с которой я путешествовал сейчас. Радар посмотрела на меня, и я указал на переулок.

— Взять его!

Ей не нужно было повторять дважды. Радар кинулась на звук этого неприятного голоса, разбрызгивая ржавую воду мощными лапами, и метнулась за угол. Раздался удивленный крик Питеркина, взрыв лая — того самого, который когда-то до чертиков напугал Энди Чена, — а потом вопль боли.

— Ты пожалеешь! — вопил Питеркин. — Ты и твоя чертова собака!

«*Я еще доберусь до тебя, красавица*, — думал я, крутя педали по узкому переулку. Я не мог ехать так быстро, как хотел, потому что ступицы задних колес постоянно царапали стены. — *Я достану тебя и твою маленькую собачку*»[197].

— Держи его! — крикнул я. — Держи его, Радар! — если бы она это сделала, он мог бы вывести нас отсюда. Я заставил бы его так же, как заставил Полли.

Но когда я приближался к концу переулка, Радар снова появилась из-за угла. Собаки могут выглядеть пристыженными — любой, кто когда — либо жил с ними, знает это, — и именно так она выглядела в тот момент. Питеркин сбежал, но не остался невредимым. Радар сжимала в

---

[197] Примечания: 197
Слова мисс Галч из сказки «Волшебник страны Оз».

зубах приличных размеров кусок ярко-зеленой ткани, который мог быть вырван только из штанов карлика. Что еще лучше, я увидел на нем пятна крови.

Дойдя до конца переулка, я посмотрел направо и увидел его, цепляющегося за карниз второго этажа каменного здания в двадцати или тридцати ярдах от меня по улице. Он был похож на муху в человеческом облике. Я мог видеть металлический желоб, по которому он, должно быть, забрался, чтобы оказаться вне досягаемости Радар (но недостаточно быстро, ха-ха), и пока я смотрел, он вскарабкался на выступ и присел там на корточки. Выступ выглядела хлипким, и я надеялся, что он обрушится под ним, но не тут-то было. Это могло бы сработать, если бы он был обычного роста.

— Ты заплатишь за это! — закричал он, грозя мне кулаком. — Ночные солдаты начнут с того, что убьют твою чертову собаку! Но надеюсь, они не убьют тебя! Я хочу посмотреть, как Красная Молли выдерет у тебя кишки из живота на Честных играх!

Я вытащил револьвер 45-го калибра, но прежде, чем я смог выстрелить в него (учитывая расстояние, с которого я почти наверняка промахнулся

бы), он издал один из своих отвратительных воплей, кувыркнулся назад в окно, обхватив руками коленки, и исчез.

— Что ж, — сказал я Радар, — это было захватывающе, не так ли? Что ты скажешь, если мы уберемся отсюда к чертовой матери?

Радар рявкнула один раз.

— И брось эту вонючую тряпку, пока она тебя не отравила.

Радар так и сделала, и мы пошли дальше. Когда мы проходили мимо окна, в котором исчез Питеркин, я высматривал его, надеясь, что он появится там как мишень в тире, но и в этом мне не повезло. Я думаю, такие трусливые ублюдки, как он, не дают тебе второго шанса… но иногда (если судьба окажется благосклонна) ты получаешь третий.

Я мог лишь надеяться на это.

Глава девятнадцатая
Проблема с собаками. Пьедестал. На кладбище. Городские ворота

1

Главная проблема с собаками (если, конечно, вы не бьете их и не мучаете) заключается в том, что они тебе доверяют. Ты — тот, кто дает им пищу и кров. Тот, кто может выудить писклявую обезьяну из-под дивана одной из своих умных пятипалых лап. А еще тот, кто дарит им любовь. Проблема такого безоговорочного доверия заключается в том, что оно сопряжено с грузом ответственности. Чаще всего это вполне нормально, но в нашей нынешней ситуации было совсем не так.

Радар явно вернувшаяся в лучшее время своей жизни, чуть ли не подпрыгивала от радости рядом со мной — а почему бы и нет? Она больше не была старой полуслепой немецкой овчаркой, которую мне приходилось везти сперва в тележке Доры, а потом в корзине на огромном трицикле Клаудии. Она снова стала молодой и сильной, смогла даже вырвать клок из штанов старого (но очень проворного) карлика. Она была легка телом и умом. Она находилась рядом с тем, кто давал ей пищу, кров, любовь. В ее мире все было

просто прекрасно.

В это время я боролся с паникой. Если вы когда-нибудь терялись в большом городе, то знаете, что нужно делать. Только здесь не было ни одного дружелюбного незнакомца, у которого я мог бы спросить дорогу. К тому же сам город отвернулся от меня. Одна улица вела к другой, но каждая новая улица заводила меня только в тупики, где горгульи смотрели вниз с огромных слепых зданий, и я мог бы поклясться, что их там не было, когда я оборачивался, проверяя, не крадется ли за нами Питеркин. Дождь перешел в липкую морось, но теперь вид на дворец загораживали здания, которые, казалось, вырастали из мостовой именно в тот момент, когда я отводил взгляд.

Но было и кое-что похуже. Когда мне удавалось мельком увидеть дворец, мне всегда казалось, что он находится в другом месте, чем то, где я ожидал его увидеть. Как будто он тоже двигался. Это могло быть вызванной страхом иллюзией — я говорил себе это снова и снова, — но я не верил в это до конца. День клонился к вечеру, и каждый неверный поворот напоминал мне о приближении темноты. Факт был прост и очевиден: благодаря Питеркину я полностью потерял

ориентацию. Я почти ожидал наткнуться на пряничный домик, куда ведьма пригласит меня и мою собаку — Гензеля и Гретель.

Тем временем Радар не отставала от трехколесного велосипеда, глядя на меня с собачьей ухмылкой, которая почти кричала: «*Разве нам не весело?*»

Так мы двигались дальше и дальше.

Время от времени впереди все же открывался обзор, и я приподнимался на сиденье велосипеда, пытаясь разглядеть городскую стену, которая должна была оказаться самой большой вещью в пейзаже, не считая трех шпилей дворца. Но я ее не видел — а шпили теперь были справа от меня, что казалось невозможным. Конечно, если бы я направился прямо к дворцу, я мог бы добраться до Галлиеновской улицы, но я этого не сделал. Мне хотелось кричать. Хотелось свернуться калачиком и обхватить голову руками. Хотелось найти полицейского, что, по словам моей матери, должны делать дети, если они заблудились.

И все это время Радар ухмылялась мне: «*Разве это не здорово? Разве это не самое крутое, что с нами случилось?*»

— У нас неприятности, девочка.

Я продолжал крутить педали. На небе не было

ни пятнышка голубизны и, конечно, не было солнца, которое могло бы указать мне путь. Только теснящиеся здания, частью разрушенные, частью просто пустые, но все почему-то выглядевшие голодными. Единственным звуком вокруг был этот слабый, глухой шепот. Если бы он слышался все время, я, возможно, смог бы привыкнуть к этому, но это было не так. Шепот слышался урывками, как будто я проходил мимо сборищ невидимых мертвецов.

Тот ужасный день (я никогда не смогу передать, насколько он был ужасен), казалось, длился вечно, но, наконец, ближе к вечеру я начал ощущать первые признаки истощения. Кажется, я немного поплакал, но точно не помню. Если я и делал это, то, думаю, из жалости не только к себе, но и к Радар. Я проделал с ней весь этот долгий путь и добился того, ради чего пришел, но в конце концов все это оказалось напрасным. Из-за проклятого карлика. Я пожалел, что Радар не вырвала ему горло, а не только кусок штанов на заднице.

Хуже всего было доверие, которое я видел в глазах Радар каждый раз, когда она смотрела на меня.

«*Ты доверилась дураку,* — подумал я. — *Тебе не*

повезло, дорогая».

2

Мы подошли к заросшему парку, окруженному с трех сторон серыми зданиями с пустыми балконами. Они напоминали нечто среднее между дорогими кондоминиумами, выстроившимися вдоль берега в чикагском Голд-Косте[198], и тюремными корпусами. В центре парка стояла огромная статуя на высоком пьедестале. Она изображала мужчину и женщину, окружавших огромную бабочку, но, как и все другие произведения искусства, с которыми я сталкивался в Лилимаре (не говоря уже о бедной убитой русалке), была большей частью уничтожена. Голова и одно из крыльев бабочки были раздолбаны в крошку. Другое крыло уцелело, и, судя по его форме (цвет исчез, если и был когда-то), это был монарх. Статуя, возможно, изображала короля и королеву былых времен, но понять это точно было нельзя, поскольку обе фигуры выше колен тоже были разбиты.

Пока я смотрел на эту картину разрушения,

---

[198] Примечания: 198

Голд-Кост (Золотой берег) — престижный район Чикаго, расположенный на берегу озера Мичиган.

по всему заколдованному городу разнеслись три колокольных звона, каждый из которых был протяжным и торжественным. «*Вам нельзя проходить через ворота, пока не прозвонят три колокола,* — сказала Клаудия, — *но сразу после этого вы должны покинуть Лилимар! До темноты!*»

До темноты оставалось совсем немного.

Я начал крутить педали — уже зная, что это бесполезно, что я только сильнее запутаюсь в паутине, которую Питеркин назвал Лили, и задаваясь вопросом, какой новый ужас принесут ночные солдаты, когда придут за нами, — а потом остановился, пораженный внезапной идеей, которая была одновременно дикой и совершенно разумной.

Развернувшись, я снова поехал в парк. Начал слезать с трицикла, потом прикинул высоту пьедестала, на котором стояла разрушенная статуя, и передумал. Я крутил педали по высокой траве, надеясь, что там нет этих отвратных желтых цветов, которые могли вызвать ожог. Еще я надеялся, что велосипед не увязнет, потому что земля была рыхлой от дождя. Наклонившись вперед, я упрямо продолжал крутить педали. Радар следовала за мной, не шагом и даже не бегом, а длинными

прыжками. Даже в моей нынешней ситуации это было отрадно видеть.

Скульптурная композиция была окружена лужей стоячей воды. Я остановил велосипед прямо посреди нее, повесил рюкзак на руль, встал на сиденье трицикла и потянулся вверх. Приподнявшись на цыпочки, я смог дотянуться пальцами до шершавого края пьедестала. Поблагодарив Бога за то, что я все еще был в довольно хорошей форме, я подтянулся, поставил на край сначала один локоть, а потом другой и сделал рывок на пьедестал, усыпанный каменной крошкой. У меня похолодело внутри, когда я подумал, что сейчас упаду назад, приземлюсь на трицикл и, вероятно, что-нибудь сломаю, но я сделал последний выпад и ухватился за торчащую ногу каменной женщины. Я заработал пару хороших царапин на животе, когда подтягивался, но серьезных повреждений не получил.

Радар смотрела на меня снизу вверх и лаяла. Я велел ей замолчать, и она послушалась. Однако продолжала радостно вилять хвостом: «*Разве я не замечательная собака? Посмотри, какая я красивая!*»

Я встал и ухватился за уцелевшее крыло бабочки. Может быть, в нем осталось немного

волшебства — доброго, — потому что я ощутил, как часть моего страха ушла. Держась за него сначала одной рукой, а потом другой, я медленно повернулся на триста шестьдесят градусов. На фоне темнеющего неба мне удалось разглядеть три шпиля дворца, которые были теперь примерно там, где мне подсказывало то, что осталось от моего чувства направления. Городскую стену я по-прежнему не видел, да на самом деле и не ожидал этого. Пьедестал, на котором я стоял, был высоким, но на пути встало слишком много зданий. Намеренно, в чем я был почти уверен.

— Подожди, Радар, — сказал я. — Это не займет много времени, — я надеялся, что был прав насчет этого. Нагнувшись, я поднял кусок камня с острым концом и зажал его в кулаке.

Время шло. Я сосчитал до пятисот десятками, потом пятерками, потом сбился со счета. Меня слишком волновало то, как быстро уходит день. Я почти физически чувствовал, как он утекает, как кровь из сильного пореза. Наконец, как раз в тот момент, когда я начал думать, что забрался сюда напрасно, я увидел, как там, где я условно помещал юг, появилось темное облако, движущееся в мою сторону. Монархи возвращались на ночлег. Я вытянул руку, направив ее, как винтовку, на

приближающихся бабочек. Снова опустившись на колени, я потерял облако из виду, но продолжал держать руку прямо. С помощью острия подобранного осколка я нацарапал отметину на боковой стороне пьедестала, а потом нацелил протянутую руку в промежуток между двумя зданиями на дальней стороне парка. Это была исходная точка. Если на пути не будет препятствий, то мы выйдем к депо.

Я развернулся на коленях и свесил ноги с края постамента. Хотел свеситься с пьедестала на руках, но они соскользнули, и я свалился. Радар тревожно гавкнула. Я сумел удачно приземлиться, подогнув колени и перекатившись на бок при столкновении с землей. Она, как я уже сказал, была мягкой после дождя, чему я теперь был рад. Правда, меня с головы до ног забрызгало грязной водой. Я встал (чуть не свалившись при этом на свою нетерпеливую собаку), вытер лицо и отыскал свою метку. Протянув в ее направлении руку, я с облегчением увидел, что промежуток между двумя зданиями все еще на месте. Здания — деревянные, а не каменные — располагались по диагонали через парк. Я видел там отблески стоячей воды и знал, что велосипед наверняка увязнет, если я попытаюсь прокатиться на нем

по этим лужам. Жаль было говорить Клаудии, что я бросил ее трицикл, но я буду беспокоиться об этом, когда увижу ее. Если, конечно, увижу.

— Давай, девочка! — я накинул рюкзак и побежал.

3

Мы шлепали по большим лужам стоячей воды. Некоторые были неглубокими, но местами вода доходила мне почти до колен, и я чувствовал, как вязкая грязь пытается стянуть с моих ног кроссовки. Радар легко бежала по воде, язык ее был высунут, глаза блестели. Ее шерсть намокла и облепила ее новое мускулистое тело, но она, казалось, этого не замечала. Ведь это было настоящее приключение!

Здания впереди казались мне похожими на склады. Когда мы добрались до них, я остановился, чтобы передохнуть и завязать шнурки на одной из своих промокших кроссовок. Оглянувшись на пьедестал, я больше не мог различить свою отметку — разрушенная статуя осталась по крайней мере в сотне ярдов позади нас, — но знал, где она находится. Я раскинул руки, отыскивая дорогу вперед, а потом побежал между зданиями с Радар рядом. Это действительно были склады:

я чувствовал старый призрачный аромат рыбы, которая хранилась в них давным-давно. Рюкзак бил меня по спине. Мы вышли в узкий переулок, вдоль которого тянулось еще больше складов. Все они выглядели так, как будто их взломали — и, возможно, разграбили — давным-давно. Пара зданий напротив нас стояла слишком близко друг к другу, чтобы проскользнуть между ними, поэтому я повернул направо, нашел узкий проулок и побежал по нему. На дальней стороне был чей-то заросший сад. Я свернул влево, вернулся к тому, что, как я надеялся, было моей прежней прямой линией, и побежал дальше. Я пытался убедить себя, что это не сумерки — нет, еще нет, — но это были именно они.

Вновь и вновь мне приходилось обходить здания, которые стояли у нас на пути, и снова я пытался вернуться на прямое направление к тому месту, где я видел бабочек. Я больше не был уверен, что не сбился, но должен был попытаться. Это было все, что я мог сделать в тех обстоятельствах.

Мы прошли между двумя большими каменными домами, промежуток был таким узким, что мне пришлось протискиваться боком (у Радар такой проблемы не было). Я вышел и справа от

себя, в проходе между тем, что когда-то могло быть музеем, и застекленной оранжереей, увидел, наконец, городскую стену. Она возвышалась над зданиями на дальней стороне улицы, облака в сгущающихся сумерках были такими низкими, что верхушка стены терялась в них.

— Радар! Вперед!

Из-за сумрака невозможно было понять, наступила настоящая тьма или нет, но я ужасно боялся, что она наступила. Мы побежали по улице, на которую вышли. Не той, что надо, но рядом с Галлиеновской, я был в этом уверен. Впереди здания уступили место кладбищу на дальней стороне улицы. Там было полно покосившихся надгробий, памятников и нескольких зданий — вероятно, склепов. Это было последнее место, где я хотел бы оказаться после наступления темноты, но если я был прав — «*Боже, пожалуйста, пусть я окажусь прав*», молился я, — то это был путь, которым мы должны были пройти.

Я пробежал через высокие железные ворота кладбища, стоявшие приоткрытыми, и впервые Радар заколебалась, поставив передние лапы на крошащийся бетон, а задние оставив снаружи. Я тоже остановился, чтобы перевести дыхание.

— Это и мне не нравится, девочка, но мы долж-

ны, так что давай!

Она с неохотой двинулась вперед. Мы пробирались мимо покосившихся могильных плит. От разросшейся травы и чертополоха начал подниматься вечерний туман. В сорока ярдах впереди я видел забор из кованого железа. Он казался слишком высоким, чтобы забраться на него, даже если бы со мной не было собаки, но в нем виднелась калитка.

Споткнувшись о надгробный камень, я растянулся на земле. Начал вставать, потом замер, сначала не веря тому, что вижу. Радар дико залаяла. Из земли показалась высохшая рука с пожелтевшей костью, просвечивающей сквозь лохмотья кожи. Она сжималась и разжималась, хватая комья мокрой земли и снова выпуская их. Когда я видел такие вещи в фильмах ужасов, я просто смеялся и улюлюкал вместе со своими друзьями, поедая попкорн. Теперь мне было не до смеха. Я закричал — и рука услышала меня. Она повернулась ко мне, как гребаная тарелка радиолокатора, цепляясь за темнеющий воздух.

Я вскочил на ноги и побежал. Радар бежала рядом со мной, бешено лая и оглядываясь через плечо. Когда мы добрались до калитки, она оказалась заперта. Отступив назад, я опустил

одно плечо и врезался в нее так, как когда-то в линию игроков соперника. Она задрожала, но не поддалась. Лай Радар становился все выше, уже не «воу-воу-воу», а «яф-яф-яф», как будто она тоже пыталась кричать.

Оглянувшись, я увидел новые руки, вылезающие из земли как ужасные цветы с пальцами вместо лепестков. Сначала их было лишь несколько, потом десятки. Может быть, сотни. Что еще хуже, послышался скрежет ржавых петель. Склепы собирались выпустить наружу своих мертвецов. Помню, я думал, что они хотят наказать нарушителей границы — это казалось понятно, но все было не так.

Я снова ударил плечом в калитку, вложив в это все свои силы. На этот раз замок сломался. Калитка открылась, и я полетел вперед, размахивая руками в попытке удержать равновесие. Я почти удержался, но потом споткнулся о что-то еще, может быть, о бордюр, и упал на колени.

Поднял глаза, я увидел, что нахожусь на Галлиеновской улице.

Когда я, шатаясь, поднялся на ноги, колени болели, как и плечо, а штаны были порваны. Я оглянулся назад, на кладбище. За нами никто не гнался, но эти тянущиеся вслед руки и так были

достаточно пугающими. Я подумал о том, какая сила требуется, чтобы вскрыть крышки гробов и прокопать в земле путь наружу. Насколько я понял, эмписарцы не заморачивались с гробами — может быть, они просто заворачивали своих мертвецов в саваны и считали, что этого достаточно. Туман над землей мерцал голубым, как наэлектризованный.

— БЕГИ! — крикнул я Радар. — БЕГИ!

Мы побежали к воротам. Побежали, спасая свои жизни.

4

Мы достигли улицы гораздо дальше того места, где свернули с нее, чтобы ехать по следам мистера Боудича, но в сгущающихся сумерках я мог разглядеть городские ворота. Возможно, они были в полумиле впереди или чуть меньше. Я задыхался, ноги будто налились свинцом. Отчасти это было связано с тем, что мои штаны пропитались грязью и водой, когда я упал с пьедестала, но в основном это была просто усталость. Все свои школьные годы я занимался спортом, но не баскетболом — не только потому, что мне не нравился тренер Харкнесс, но и потому, что, учитывая мои габариты и вес, бег не был моим

коньком. Да и в бейсболе я всегда играл в первой линии; это была оборонительная позиция, требующая наименьшей скорости. Теперь мне пришлось перейти на бег трусцой. Хотя ворота, казалось, не приближались, это было лучшее, что я мог сделать, если не хотел вообще свалиться с судорогой в ноге.

А потом Радар оглянулась через плечо и снова испустила свой высокий, испуганный лай. Я тоже обернулся и увидел россыпь ярких голубых огней, приближающихся к нам со стороны дворца. Должно быть, это были ночные солдаты. Я не стал тратить время на попытки убедить себя в обратном, а просто ускорил шаг. Вдохи и выдохи давались мне все с большим усилием, и каждый казался горячее предыдущего. Сердце бешено колотилось. Яркие пятна начали пульсировать перед моими глазами, расширяясь и сжимаясь. Я снова оглянулся и увидел, что синие огни стали ближе. И у них появились ноги. Это были мужчины, каждого из которых окружала яростная синяя аура. Я еще не мог видеть их лиц, да и не очень-то хотел.

Я споткнулся о собственные ноги, ставшие неуклюжими, кое-как восстановил равновесие и побежал дальше. Наступила полная темнота, но

ворота были более светлого оттенка, чем стена, и они явно становились ближе. Если бы я мог продолжать бежать, думаю, у нас был бы шанс.

У меня в боку началось покалывание, сначала не очень сильное, потом начавшее перерастать в боль. Эта боль пробежала по грудной клетке и ввинтилась в подмышку. Мои волосы, мокрые и грязные, падали мне на лоб. Рюкзак с глухим стуком колотил меня по спине бесполезным балластом. На бегу я снял его и бросил в заросли ежевики рядом со зданием с башенкой, окруженным столбами в красную и белую полоску и увенчанным каменными бабочками. Эти монархи все еще были целы, вероятно, потому что находились слишком высоко, чтобы добраться до них без лестницы.

Я еще раз споткнулся, на этот раз о пучок сбитых троллейбусных проводов, снова удержался и побежал дальше. Они приближались. Я подумал о 45-м калибре мистера Боудича, но даже если бы он сработал против этих призраков, их было слишком много.

Потом произошла удивительная вещь: внезапно мои легкие стали глубже, а боль в боку исчезла. Я никогда не бегал достаточно долго, чтобы почувствовать второе дыхание, но это несколько

раз случалось во время длительных велосипедных прогулок. Это не могло продлиться долго, но не страшно — ворота были теперь всего в сотне ярдов впереди. Я рискнул еще раз оглянуться через плечо и увидел, что светящийся отряд ночных солдат остался позади. Повернувшись к воротам, я прибавил скорости, запрокинув голову, сжав руки в кулаки и работая ими, дыша глубже, чем когда-либо. Ярдов на тридцать или около того я даже оторвался от Радар. Потом она снова догнала меня, глядя снизу вверх. Теперь веселая улыбка исчезла с ее морды, уши были прижаты к черепу, а вокруг карих глаз виднелись белые кольца. Она выглядела до смерти напуганной.

И вот, наконец, ворота.

Я набрал в грудь как можно больше воздуха и крикнул:

— ОТКРОЙТЕСЬ ВО ИМЯ ЛИИ ИЗ ГАЛЛИЕНОВ!

Древний механизм под воротами со скрежетом ожил, потом скрежет сменился утробным рокотом. Ворота задрожали и начали отъезжать на своих скрытых полозьях. Но медленно, слишком медленно. Смогут ли ночные солдаты покинуть город, если мы проскользнем через ворота? У меня была идея, что не смогут, что их свирепые голубые ауры погаснут, и они рассыплются — или

растают, как Злая Ведьма Запада.

Еще дюйм.

Два.

Я уже мог видеть крошечный кусочек внешнего мира, где были волки, но не было сверкающих синих людей и мертвых рук, торчащих из кладбищенской земли.

Оглянувшись, я впервые по-настоящему разглядел их: двадцать или больше мужчин с темно-красными губами цвета засохшей крови и пергаментно-бледными лицами. Они были одеты в свободные брюки и рубашки, странно напоминавшие армейскую форму. Голубой свет бил из их глаз и проливался вниз, покрывая их, как плащом. Черты лица у них были, как у обычных людей, только прозрачные — я мог смутно разглядеть под ними черепа.

Они неслись за нами, оставляя за собой маленькие всплески голубого света, которые тускнели и гасли, однако я не думал, что они успеют. Они могут подобраться очень близко, но я надеялся, что мы успеем удрать.

Три дюйма.

Четыре.

О Боже, это было так медленно.

Потом раздался звук старомодного клаксо-

на — дзынь-дзынь-дзынь! — и группа синих людей-скелетов расступилась, десяток налево, остальные направо. По Галлиеновской улице мчался электромобиль, похожий на гигантский гольф-кар или приземистый автобус с открытым верхом. Впереди, двигая взад-вперед рычаг управления, стоял мужчина (я намеренно использую это слово) с седыми волосами, спадающими по обе стороны его отвратительного полупрозрачного лица. Он был худым и высоким. Другие столпились вокруг него, их голубые ауры наползали друг на друга и стекали на мокрый тротуар, как странная инопланетная кровь. Водитель правил в мою сторону, намереваясь прижать меня к воротам. Я не мог проскочить через эту щель — но моя собака могла.

— Радар! Иди к Клаудии!

Она не пошевелилась, только в ужасе смотрела на меня.

— Иди, Радар! Ради Бога, УХОДИ!

Я бросил свой рюкзак, потому что его промокший вес замедлял бег. Но револьвер мистера Боудича у меня остался. Я не мог застрелить из него достаточно ночных солдат, чтобы они не добрались до меня, но и не собирался отдавать им его. Я расстегнул пояс с кобурой и серебряными

ракушками и швырнул в темноту за воротами. Если им понадобится 45-й калибр, пусть попробуют выйти за городские стены и поискать его. Потом я хлопнул Радара по заду, и сильно. Голубой свет омывал меня. Теперь я знаю, что можно смириться со смертью, потому что в тот момент я сделал это.

— ИДИ К КЛАУДИИ, ИДИ К ДОРЕ, ПРОСТО ИДИ!

Она бросила на меня последний обиженный взгляд — я никогда его не забуду — и проскользнула в медленно расширяющуюся щель.

Что-то ударило меня достаточно сильно, чтобы отбросить ко все еще движущимся воротам, но недостаточно, чтобы расшибить меня о них. Я видел, как седовласый ночной солдат перегнулся через руль. Видел его протянутые вперед руки с костями пальцев, видневшимися сквозь светящуюся кожу. Видел вечную ухмылку его зубов и голубые потоки ужасной оживляющей силы, хлещущие из его глаз.

Теперь ворота открылись достаточно, чтобы я мог проскользнуть через них. Уворачиваясь от цепких пальцев этих тварей, я пополз к отверстию. На мгновение я увидел Радар, стоящую в темноте в конце Королевской дороги и оглядывающуюся назад — все еще с надеждой. Я бросился

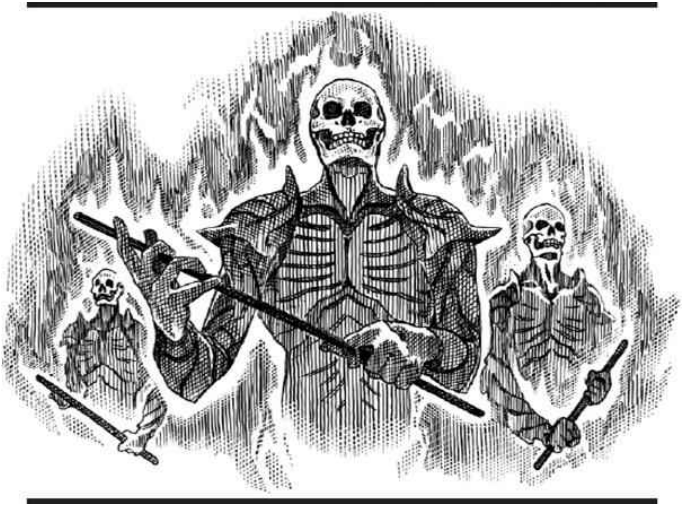
к ней, вытянув руку, но тут ужасные пальцы сомкнулись на моем горле.

— Нет, детка, — прошептал бессмертный ночной солдат. — Нет, целый. Ты пришел в Лили без приглашения и останешься здесь.

Он наклонился ближе — ухмыляющийся череп под натянутой марлей бледной кожи. Ходячий скелет. Остальные тоже приблизились. Один выкрикнул какое-то слово слово — тогда я подумал, что это Элимар, комбинация Эмписа и Лилимара, но теперь знаю правду. Ворота начали закрываться. Мертвая рука сжалась, перекрывая мне доступ воздуха.

«*Беги, Радар, беги и будь в безопасности*», — подумал я и потерял сознание.

Глава двадцатая
Заточение. Хейми. Время кормления. Верховный лорд. Допрос



1

Радар пытается вернуться к новому хозяину, возвращается к воротам, подпрыгивает, ее передние лапы царапают металл. Потом она останавливается. Она получила приказ и должна бежать. Она чувствует, что может бежать всю ночь, но ей не придется этого делать, потому что есть безопасное место — если только она сможет туда попасть.

Шлеп-шлеп.

Она убегает все дальше и дальше, припадая к земле. Луны еще не светят, и волки не подняли вой, но она чувствует, что они рядом. Когда появится лунный свет, они нападут, и она уже чувствует приближение этого. Если это произойдет, а так и случится, она будет драться. Они могут одолеть ее, их много, но она будет драться до конца.

Шлеп-шлеп.

— Эй, парень, проснись!

Луны выскальзывают из расступившихся облаков, меньшая как всегда гонится за большей, и раздается первый волчий вой. Но впереди красный

троллейбус и приют, где они с Чарли провели ночь, когда она еще была больна. Если она доберется до него, то сможет проскользнуть внутрь, если дверь все еще открыта. Она думает, что он закрыл ее не до конца, но не уверена. Это было так давно! Если дверь открыта, она может забраться внутрь, встать на задние лапы и прикрыть ее. Если закрыта, она повернется к ней спиной и будет сражаться до тех пор, пока останутся хоть какие-то силы.

Шлеп-шлеп.

— Хочешь пропустить еще одно кормление? Не советую.

Дверь приоткрыта. Радар протискивается в нее и…

ШЛЕП!

2

Последняя пощечина разрушила, наконец, сон, который мне снился, и я открыл глаза, увидев тусклый мерцающий свет и кого-то, склонившегося надо мной. Его волосы спадали на плечи, и он был так бледен, что на мгновение я подумал, что это тот самый ночной солдат, который вел маленький электромобиль. Я рывком сел. Вспышка боли тут же пронзила мою голову, за ней нака-

тила волна головокружения. Я поднял кулаки, глаза мужчины расширились, и он отшатнулся. Он оказался человеком, а не бледным существом, окруженным аурой голубого света, льющегося из глаз. Глаза его глубоко запали и выглядели как темные пятна на лице, но это были человеческие глаза, а волосы были темно-каштановыми, почти черными, а не седыми.

— Дай ему сдохнуть, Хейми! — крикнул кто-то. — Он, черт возьми, тридцать первый. Они ни за что не будут дожидаться шестидесяти четырех, те времена прошли. Еще один, и нам крышка!

Хейми — если так его звали — обернулся на голос и ухмыльнулся, показав белые зубы на грязном лице. Он был похож на загнанного в угол хорька.

— Не искушай меня понапрасну, Глаз! Нужно делать людям добро, ты же знаешь. Мы слишком близки к концу, чтобы не думать о посмертии!

— Трахни себя и трахни свое посмертие, — сказал тот, кого назвали Глазом. — Есть этот мир, потом фейерверк, и все.

Я лежал на холодном, влажном камне. За тощим плечом Хейми я мог видеть стену из каменных плит, из-под которых сочилась вода, с зарешеченным окном высоко вверху. Между пру-

тьями решетки не было ничего, кроме черноты. Я был в камере. «*В заточении*», — подумал я. Я не знал, откуда взялось это выражение, даже не был уверен, что знаю его значение. Что я знал, так это то, что у меня ужасно болела голова, а у человека, который бил меня, чтобы разбудить, было такое мерзкое дыхание, как будто у него во рту сдохло какое-то маленькое животное. И еще, похоже, я намочил штаны.

Хейми наклонился ко мне ближе. Я попытался отстраниться, но за моей спиной оказалась еще одна решетка.

— Ты выглядишь сильным, парень, — обросший щетиной рот Хейми щекотал мне ухо, это было противно и почему-то казалось жалким. — Будешь защищать меня так же, как я тебя?

Я попытался выяснить, где я нахожусь, но из моих губ вылетали только обрывки звуков. Я облизнул губы — они были сухими и опухшими.

— Хочу… пить.

— Это можно.

Он поспешил к ведру в углу того, что, как я теперь не сомневался, было камерой — а этот Хейми был моим сокамерником. На нем были рваные штаны, доходившие до голеней, как у потерпевшего кораблекрушение на журнальной

карикатуре. Его рубашка больше походила на майку, голые руки белели в неверном свете. Они были тонкими, как макаронины, но не выглядели серыми. Правда, при таком освещении трудно было сказать наверняка.

— Ты чертов идиот! — это был кто-то другой, не тот, кого Хейми назвал Глазом. — Зачем ухудшать наше положение? Тебя что, повитуха уронила при рождении? Парень едва дышал, ты мог бы сесть ему на грудь и покончить с ним! Мы вернулись бы к тридцати, и все было бы шито-крыто!

Хейми не обратил на это внимания. Он взял с полки над тем, что, как я думал, было его лежаком, жестяную кружку и окунул ее в ведро. Потом поднес кружку ко мне, прижав ко дну палец — такой же грязный, как и остальное его тело.

— Тут в дне дырка, — предупредил он.

Мне было все равно, потому что вода не имела шанса просочиться. Я схватил кружку и выпил залпом. Он смотрел на меня, но меня это тоже не волновало. Я будто попал в рай.

— Отсоси ему, пока он это делает, почему нет? — спросил другой голос. — Сделай ему хороший отсос, Хеймс, и он станет ловким, как хлыст для пони!

— Где я нахожусь?

Хейми снова наклонился вперед, не желая, чтобы его слышали другие. Мне было тошно от его дыхания, от него еще сильнее разболелась голова, но я терпел, потому что должен был узнать побольше. Теперь, когда я немного пришел в себя, пробудившись от приятного сна о Радар, я был удивлен тому, что не умер.

— Малейн, — прошептал он. — Глубь Малейн[199]. Десять.... — последовало слово, которого я не знал, — под дворцом.

— Двадцать! — крикнул Глаз. — И ты никогда больше не увидишь солнца, новенький! Никто из нас не увидит, так что привыкай!

Я взял у Хейми кружку и прошел по камере, чувствуя себя Радар — когда она была старой и больной. Наполнил кружку из ведра, заткнул пальцем маленькое отверстие внизу и снова выпил. Мальчик, который когда-то смотрел фильмы «Тернер классик» и заказывал их онлайн на «Амазоне», оказался в темнице. Ее невозможно было спутать ни с чем другим. Камеры тянулись по обе стороны сырого коридора. В стены между камерами были вставлены газовые лампы, источавшие тусклый голубовато-желтый свет.

[199] Примечания: 199

Малейн — героиня одной из сказок братьев Гримм, принцесса, заточенная в темницу.

С вырубленного в камне потолка капала вода, в центральном проходе собравшаяся в лужи. Крупный парень напротив меня, одетый во что-то похожее на остатки пижамы, увидел, что я смотрю на него, и запрыгнул на решетку, тряся ее и издавая обезьянье уханье. Грудь у него была голая, широкая и волосатая. С его плоским лицом и низким лбом он был чертовски уродлив — но не имел ни одного из тех увечий, которые я видел по пути в это славное местечко, и слова его были совершенно понятными и разборчивыми.

— Добро пожаловать, новенький! — это был Глаз, которого, как я узнал позже, по-настоящему звали Йота. — Добро пожаловать в ад! Когда начнутся игры… *если* они начнутся… думаю, я вырву твою печень и надену ее вместо шляпы. В первом раунде твою, во втором того, кого дальше выставят против меня! А до тех пор желаю тебе приятного пребывания здесь!

Дальше по коридору, возле окованной железом деревянной двери в конце, послышался другой голос, на этот раз женский:

— Тебе следовало остаться в Цитадели, детка! — потом, потише. — И мне тоже. Лучше было голодать.

Хейми прошел в угол камеры напротив ведра с

водой, спустил штаны и присел на корточки над дырой в полу.

— Черт, опять понос! Все из-за тех проклятых грибов.

— Что за чушь? — отозвался Глаз. — Это было, должно быть, не меньше года назад. Дряни ты здесь и правда нажрался, но грибы тут ни при чем.

Я закрыл глаза.

3

Время шло. Не знаю, сколько его прошло, но я начал приходить в себя. Я чувствовал запах грязи, сырости и газа из ламп, которые давали этому месту что-то, похожее на свет. Слышал журчание текущей воды и шаги заключенных, иногда их разговоры друг с другом, а то и с самими собой. Мой сокамерник сидел возле ведра с водой, угрюмо разглядывая свои руки.

— Хейми?

Он поднял глаза.

— Кто такие целые?

Он фыркнул от смеха, скорчил гримасу и схватился за живот.

— Это же *мы*. Ты что, дурак? Или с неба свалился?

— Поверь, так и есть — свалился.

— Сядь здесь, рядом со мной, — увидев мои колебания, он добавил. — Не-не, не беспокойся об этом. Я не собираюсь щекотать тебе потроха, если ты этого боишься. Может быть, к тебе перескочит пара блох, вот и все. У меня ничего не встает уже полгода или больше. Все из-за больных кишок.

Я сел рядом с ним, и он хлопнул меня по коленке.

— Так-то лучше. Не люблю говорить, когда они слышат. Не то чтобы это было важно, все мы рыбы в одном ведре, но я держу свое при себе — так меня учили, — он вздохнул. — Беспокойство не идет на пользу моим бедным кишкам, могу сказать точно. Каково видеть, как эти цифры растут и растут? Двадцать пять, двадцать шесть, теперь вот тридцать один. И они не станут ждать до шестидесяти четырех, в этом Глаз прав. Когда-то нас, целых, было много, как сахара в мешке, но теперь мешок пуст, не считая последних нескольких крупинок.

Вместо «крупинок» он, как мне показалось, сказал что-то другое, но мой уставший мозг автоматически заменил это слово привычным. Голова опять заныла, а ноги и не прекращали болеть от ходьбы, кручения педалей и бега. Я

так сильно устал, как будто меня непонятным образом вывернули наизнанку.

Хейми испустил еще один вздох, перешедший в приступ кашля. Он держался за живот, пока боль не прошла.

— А Губитель Летучих и его…, — снова какое-то странное слово, которое мой разум не мог перевести, что-то вроде «руггамунки». — продолжают трясти мешок. Они не успокоятся, пока не прикончат всех нас до единого. Но шестьдесят четыре? Не-не. Это будут последние игры, а я покину их одним из первых. Может быть, самым первым. Видишь ли, я ослаб. Съел что-то не то, и теперь еда во мне не держится.

Тут он, казалось, вспомнил, что говорит со мной, своим новым сокамерником.

— Но ты… Глаз прав, ты в самом деле большой. И можешь стать быстрым, если у тебя прибавится сил.

Я хотел было сказать ему, что я не слишком быстрый, но решил этого не делать. Пусть думает, что хочет.

— Он не боится тебя, Йота, и никого не боится — кроме, разве что, Красной Молли и ее гребаной мамаши, — но тоже не хочет помереть раньше срока. Как тебя зовут?

— Чарли.

Он понизил голос еще больше:

— И ты не знаешь, где находишься? Правда не знаешь?

«*В заточении*», — подумал я.

— Ну, в тюрьме… в темнице… Думаю, она находится под дворцом… но это почти все, что я знаю.

Я не собирался рассказывать ему, зачем сюда пришел и кого встретил по пути. Невзирая на усталость, я начал приходить в себя и мог мыслить здраво. Хейми могли ко мне подсадить. Полученную от меня информацию он мог бы обменять на привилегии. Глубь Малейн не казалась местом, где были какие-то привилегии — находилась, так сказать, в конце списка, — но я не хотел рисковать. Возможно, им было наплевать на одну сбежавшую немецкую овчарку из Сентри, штат Иллинойс… но, возможно, и нет.

— Ты ведь не из Цитадели?

Я покачал головой.

— И даже не знаешь, что это, не так ли?

— Не знаю.

— Ты с Зеленых островов? Деск? Может, один из Тейви?

— Этих мест я тоже не знаю.

— Тогда откуда ты, Чарли?

Я промолчал.

— И не говори, — горячо прошептал Хейми. — Правильно делаешь. Не говори никому из них, и я тоже не скажу. Если ты позаботишься обо мне. Ты поступишь разумно, если это сделаешь. Знаешь, есть места и похуже Глуби Малейн, парень. Можешь в это не верить, но я-то знаю. Верховный лорд плох, но все, что я знаю о Губителе Летучих, еще хуже.

— Кто такой этот Губитель? И Верховный лорд?

— Верховный лорд — это тот, кого зовут Келлин, вожак ночных солдат. Это он притащил тебя сюда, пока я прятался в углу. Эти его глаза…

За окованной железом дверью в конце подземелья приглушенно зазвонил колокольчик.

— Перси! — закричал Йота. Он вскочил на прутья и снова начал их трясти. — Пришло гребаное время! Иди сюда, Перси, старый приятель, и покажи, что осталось от твоего лица!

Послышался звук отодвигаемых засовов — я насчитал четыре — и дверь открылась. Сперва появилась тележка, почти такая же, как в супермаркетах, но деревянная. Ее толкал серый человек, лицо которого казалось растаявшим. У него остался только один глаз. Нос едва виднелся

из распухшей плоти. Рот полностью затянулся, за исключением продолговатого отверстия с левой стороны. Пальцы так слиплись, что руки стали похожи на ласты. На нем были мешковатые брюки и майка, растянутая до размеров платья. На шее висел колокольчик на кожаной веревке.

Остановившись у самой двери, он взялся за звонок и потряс его. В это время он оглядывал камеры своим единственным глазом.

— Дите! Дите! Дите, людки! — по сравнению с ним Дора звучала как Лоуренс Оливье[200], декламирующий Шекспира.

Хейми схватил меня за плечо и оттащил назад. Напротив нас Глаз тоже отступил в глубь камеры. То же сделали все заключенные. Перси продолжал звонить в колокольчик, пока не убедился, что мы достаточно далеко от решетки, чтобы схватить его, хотя я не видел никаких причин, по которым нам захотелось бы это сделать Он походил на служителя в фильме про тюрьму, а служители не имеют при себе ключей.

Камера, в которой сидели мы с Хейми, была к нему ближе всего. Покопавшись в своей тележке,

---

[200] Примечания: 200

Лоуренс Оливье (1907–1989) — известнейший английский актер XX века, особенно прославившийся исполнением ролей в пьесах Шекспира.

Перси достал два больших куска мяса и бросил через решетку. Я поймал свой на лету. Хейми потянулся за своим, но промахнулся, и кусок шлепнулся на пол.

Почти все заключенные что-то кричали. Один — позже я узнал, что это Фремми — поинтересовался, содрали ли с задницы Перси кожу, и если да, то срет ли он теперь изо рта. Они бесились, как львы в зоопарке во время кормления. Только это было не совсем так — они больше походили на гиен, а не на львов, кроме, может быть, Йоты.

Перси медленно катил свою тележку по коридору между камерами, шлепая сандалиями (пальцы его ног тоже склеились) и разбрасывая мясо направо и налево. Несмотря на одноглазость, он хорошо прицеливался; ни один кусок не ударился об решетку и не упал в стоячую воду коридора.

Я поднес кусок к носу и понюхал. Наверное, я все еще находился в режиме сказки, потому что ожидал чего-то гнилого и мерзкого, может быть, даже кишащего личинками, но это был кусок стейка, какой можно купить в супермаркете «Сентри Хай-Ви», хоть и без гигиенической пластиковой упаковки. Он едва коснулся огня (я вспомнил, как мой отец, заказывая стейк в ресто-

ране, велел официанту просто пронести его через теплое помещение), но запах был таким, что изо рта у меня потекли слюнки, а в животе заурчало. Последний раз я по-настоящему ел в деревянном доме Клаудии.

Напротив меня Глаз сидел на своем тюфяке, скрестив ноги, и грыз стейк. По его спутанной бороде стекал красный сок. Заметив, что я смотрю на него, он ухмыльнулся.

— Давай, детка, лопай, пока у тебя есть зубы. Я вышибу их, как только смогу.

Я стал есть. Стейк был жестким и восхитительным. Каждый кусочек заставлял жаждать следующего.

Перси добрался до последней пары камер. Он бросил в них мясо и начал пятиться тем же путем, каким пришел, одной рукой звоня в колокольчик, другой волоча тележку и крича: «Дите! Дите!» Что, как я предполагал, означало: «Отойдите!» Но никто, казалось, не собирался беспокоить его сейчас — а тем более нападать. Отовсюду доносилось довольное чавканье и чмоканье.

Я съел все, кроме кусочков жира и хрящей, а потом съел и их тоже. Хейми тем временем откусил пару кусочков стейка, а потом улегся на тюфяк, положив мясо на свое костлявое колено.

Он смотрел на него с озадаченным выражением, будто удивляясь, зачем он нужен. Заметив мой взгляд, он протянул кусок мне.

— Хочешь? Эта еда мне не нравится, а я не нравлюсь ей. Раньше, когда я работал на лесопилке, я ел все подряд, пока не слопал те грибы. Если попадется не та порода, она сожжет тебе все кишки. Это со мной и случилось.

Я хотел этот кусок, мой желудок все еще урчал, но у меня осталось достаточно самообладания, чтобы спросить, уверен ли он. Он сказал, что уверен, и я схватил мясо — быстро, пока он не передумал.

Перси остановился возле нашей камеры и указал на меня одной из своих слипшихся рук.

— Хелли ет бя вии.

— Не понимаю, — сказал я почти так же неразборчиво, потому что мой рот был набит полусырым стейком. Тогда Перси снова начал пятиться, пока не оказался за дверью. Там он еще раз позвонил в колокольчик и защелкал затворами: один, два, три и четыре.

— Он сказал, что Келлин хочет тебя видеть, — сказал Хейми. — Я не удивлен. Ты целый, но ты не такой, как мы. Даже твой акцент не..., — он замолчал, и его глаза расширились, когда его осенила

какая-то идея. — Скажи ему, что ты из Уллума! Это сработает! Далеко к северу от Цитадели!

— Что за Уллум? — спросил я.

— Там живут сектанты! Они говорят не так, как другие! Скажи им, что вас не тронула отрава!

— Понятия не имею, о чем ты говоришь.

— Хейми, не говори того, чего не знаешь! — крикнул кто-то. — Ты спятил!

— Заткнись, Стукс! — воскликнул Хейми. — Этот парень будет обо мне заботиться!

С другой стороны коридора Глаз встал и ухватился за прутья блестящими от жира пальцами. Он улыбался.

— Может, ты и не спятил, но никто не станет защищать тебя, Хейми. Всех нас никто не защитит.

4

Тюфяка у меня не было. Я подумывал о том, чтобы отнять его у Хейми — он никак не смог бы мне помешать, — но потом задался вопросом, о чем, черт возьми, я думаю… или кем становлюсь. Я уже съел его еду, но он, по крайней мере, сам мне ее предложил. Кроме того, влажный каменный пол не был препятствием для сна, если спать хочется сильно. Я пришел в себя не так давно, после того, как провалялся без сознания Бог знает сколько

времени, но меня вновь одолела усталость. Я попил из ведра, а потом улегся там, где, как я предполагал, находилась моя часть камеры.

В следующей камере сидели двое мужчин: Фремми и Стакс. Они были молоды и выглядели сильными. Не большими, как Йота, но сильными.

Фремми затянул:

— Спи, моя ра-а-дость, усни!

Стакс тут же продолжил:

— В доме погасли огни-и-и!

«*Эббот и Костелло*[201] *из Глуби Малейи,* — подумал я. — *Да еще в ближайшей ко мне камере, вот уж повезло так повезло!*»

— Не обращай на них внимания, Чарли, — сказал Хейми. — Спи. У всех, с кем разбираются ночные солдаты. нет сил. Они высасывают их из тебя. Забирают твою… как это…

— Энергию? — спросил я. Я чувствовал себя так, словно мои веки окунули в цемент.

— Вот именно! Так это и называется, и ее-то они и забирают! Это ведь сам Келлин принес тебя сюда. Ты должно быть силен, иначе этот ублюдок поджарил бы тебя, как яйцо. Я видел, как это

---

[201] Примечания: 201

Бад Эббот и Лу Костелло — участники комического дуэта, суперпопулярного в США в 1940 — 1950-е годы.

делается, да, видел!

Я хотел спросить его, как долго он здесь, но смог только пробормотать что-то, проваливаясь в сон. Засыпая, я думал о спиральных ступенях, которые привели меня сюда, и мне показалось, что я снова бегу по ним, догоняя Радар.

«*Надо остерегаться тараканов*, — сонно подумал я. — *И летучих мышей*».

— Уллум, к северу от Цитадели! — Хейми склонился надо мной, как в тот раз, когда я впервые очнулся в этой дыре. — Не забывай! И ты обещал меня защищать, не забывай и об этом!

Я не мог припомнить, чтобы обещал ему что-то подобное, но отключился прежде, чем успел это сказать.

5

Проснулся я от того, что Хейми тряс меня за плечо — это было лучше, чем пощечины. Мое похмелье прошло. Вот на что было похоже мое состояние, и я не понимал, как отец переносил его каждое утро во время своего пьянства. Левое плечо пульсировало; вероятно, я растянул его, когда падал с пьедестала, но все прочее болело гораздо меньше.

— Что… как долго я…

— Вставай! Они идут! Берегись гибких хлыстов!

Я встал. Дверь в нашем конце коридора открылась, мгновенно наполнившись голубым светом. В нее вошли трое ночных солдат, высоких и бледных в своих аурах, внутри их тел показывались и исчезали кости скелета, напоминая тени от ставен в день, когда по небу проносятся облака. В руках они держали длинные гибкие палки, похожие на старые автомобильные антенны.

— Вставайте! — крикнул один из них. — Вставайте, игровое время!

Двое из них шли впереди, раскинув руки, как проповедники, приглашающие прихожан на богослужение. Когда они шли по коридору, двери камер с визгом распахивались, осыпая их дождем ржавчины. Третий, идущий сзади, остановился и указал на меня.

— Ты останься.

Тридцать заключенных вышли в коридор. Хейми одарил меня ухмылкой отчаяния, пытаясь держаться подальше от ауры ночного солдата. Глаз ухмыльнулся и поднял обе руки, описав круги большими и указательными пальцами, а потом ткнув средними в мою сторону. Это было

не совсем то же, что американская птичка[202], но наверняка имело тот же смысл. Когда заключенные шли по коридору вслед за парой ночных солдат, я увидел, что двое из них были женщинами, а двое — чернокожими. Один из последних был даже крупнее Йоты, с широкими плечами и большим задом профессионального футболиста, но он шел медленно, опустив голову, и прежде, чем он скрылся в двери в конце тюремного блока, я увидел, что он шатается. Это был Домми, а женщин звали Джая и Эрис.

Ожидающий у двери ночной солдат поманил меня к себе бледным пальцем. Его человеческое лицо было суровым, но под ним, то появляясь, то исчезая, вечно скалился череп. Своей палкой он указал мне на выход, велев идти впереди него. Но прежде чем я успел пройти в дверь, он сказал:

— Стой, — а потом. — Черт!

Я остановился. Справа от нас выпала из стены одна из газовых ламп. Она косо свисала с металлической трубки под отверстием, похожим на зияющий рот, все еще горя и покрывая сажей один из каменных блоков. Когда солдат потянулся к ней, его аура коснулась меня. Я почувствовал,

[202] Примечания: 202

Жест, когда средний и указательный пальцы сложены вместе и подняты вверх. Означает: «Погоди, я до тебя доберусь!»

как все мои мышцы обмякли, и понял, почему Хейми так старался избежать этого голубого сияния. Это было все равно, что получить удар током от оголенного провода. Я отступил в сторону.

— Стой на месте, черт тебя возьми!

Ночной солдат взялся за лампу, сделанную из чего-то вроде латуни. Должно быть, она была жарче, чем ад, но он, похоже, не испытывал никакой боли. Он запихнул лампу обратно в отверстие, она какое-то мгновение держалась там, потом выпала снова.

— Черт!

Меня захлестнула волна нереальности. Я был заключен в темницу, меня вело Бог знает куда неживое существо, очень похожее на фигурку пляшущего скелета, которая была у меня в детстве — и это существо выполняло обыденную домашнюю работу!

Он снова схватил лампу и накрыл ее пламя ладонью, погасив его. Потом отбросил ее к стене, отчего она издала негромкий жалобный звон.

— Теперь иди! Иди, черт бы тебя побрал!

Он ударил меня по больному плечу своей гибкой палкой. Меня обожгло как огнем. Эта порка была унизительной и приводила в ярость, но все это отступало по сравнению с изнуряющей

слабостью, которую я почувствовал, когда его аура коснулась меня.

Я пошел.

6

Он следовал за мной по длинному каменному коридору, близко, но не настолько, чтобы его аура коснулась меня. Мы прошли мимо голландской двери[203], верхняя часть которой была приоткрыта, выпуская наружу запах готовящихся блюд. Я видел, как мимо прошли мужчина и женщина, один нес пару ведер, другой — деревянный поднос с чем-то дымящимся. Оба были одеты в белое, но их кожа была серой, а лица растеклись, как тесто.

— Иди! — гибкая палка снова ударила меня, на этот раз по другому плечу.

— Вам не обязательно меня бить, сэр. Я не лошадь.

— Нет, детка, — его голос был странным, как будто в голосовых связках жужжал рой насекомых. — Ты и есть моя лошадь. Скажи спасибо, что

---

[203] Примечания: 203

Голландская или половинная дверь разделена таким образом, что нижняя половина может оставаться закрытой, в то время как верхняя открывается.

я не заставляю тебя скакать галопом.

Мы прошли мимо открытой двери помещения, заполненного инструментами, названия которых я хотел бы не знать, но знал: дыба, Железная Дева, паук, клещи. На дощатом полу виднелись темные пятна. Крыса размером со щенка стояла на задних лапах рядом с дыбой и ухмылялась мне.

«*Господи,* — подумал я. — *Христос и Боже Всемогущий*».

— Радуешься, что ты целый, да? — спросил мой конвоир. — Посмотрим, будешь ли ты так рад, когда начнутся игры.

— А что это? — спросил я.

Вместо ответа я получил еще один удар гибкой палкой, на этот раз по задней части шеи. Когда я дотронулся до этого места рукой, она оказалась испачканной в крови.

— Налево, детка, налево! Не бойся, там не заперто.

Я открыл дверь слева от себя и начал подниматься по крутой и узкой лестнице, которая, казалось, тянулась бесконечно. Я насчитал четыреста ступенек, прежде чем сбился со счета. Мои ноги снова начали болеть, а порез, оставленный гибкой палкой на затылке, горел огнем.

— Топай, детка, топ-топ! Лучше не отставай, ес-

ли не хочешь снова попробовать холодного огня.

Если он говорил об ауре, которая окружала его, я определенно не хотел ее пробовать. Я продолжал карабкаться, и как раз в тот момент, когда почувствовал, что мои ноги вот-вот сведет судорога и они откажутся нести меня дальше, мы добрались до двери наверху. К тому времени я уже задыхался, но существо, что было позади меня, не проявляло никаких признаков усталости. В конце концов, оно было уже мертво.

Этот коридор был шире, увешанный бархатными гобеленами красного, фиолетового и синего цветов. Газовые лампы здесь были заключены в изящные стеклянные абажуры. «*Жилое крыло*», — подумал я. Мы проходили мимо небольших ниш, которые по большей части были пусты, и я подумал, что раньше в них помещались статуэтки бабочек. В нескольких нишах стояли мраморные фигуры обнаженных женщин и мужчин, а в одной — ужасающее существо с облаком щупалец вокруг головы. Это снова навело меня на мысли о Дженни Шустер, познакомившей меня с любимым домашним монстром Г. Ф. Лавкрафта — Ктулху, известным также как Тот, Кто Ждет Внизу.

Мы, должно быть, прошли полмили по этому

богато обставленному коридору. Ближе к концу мы миновали несколько зеркал в золотых рамах, обращенных друг к другу, что сделало мое отражение бесконечным. Я увидел, что лицо и волосы у меня грязные после тех безумных часов, когда я пытался сбежать из Лилимара. На шее выступила кровь. И я, казалось, был один — мой ночной солдат не отбрасывал никакого отражения. Там, где он должен был быть, виднелись только легкая голубая дымка — и гибкая палка, казалось, плывущая в воздухе сама по себе. Я оглянулся, чтобы убедиться, что он еще там, и палка опустилась на меня, безошибочно отыскав уже пораненное место на шее. Ожог был мгновенным и болезненным.

— Иди! Иди, черт бы тебя побрал!

Я пошел дальше. Коридор заканчивался массивной дверью из резного красного дерева, обрамленного позолотой. Ночной солдат ткнул меня в руку своей проклятой палкой, а потом указал на дверь. Поняв намек, я постучал. Гибкая палка опустилась, рассекая мою рубашку на плече.

— Сильнее!

Я постучал тыльной стороной кулака. Кровь стекала по моему предплечью и задней части

шеи. Пот, смешиваясь с ней, стал обжигающим. Я думал про себя: «*Не знаю, можешь ли ты умереть, чертов синий ублюдок, но если можешь и если у меня будет хоть один шанс, я тебя прикончу*».

Дверь открылась, и на пороге появился Келлин, известный также как Верховный лорд. На нем был красный бархатный смокинг.

7

Нереальность снова нахлынула на меня. Существо, которое схватило меня за несколько секунд до того, как я мог бы ускользнуть, выглядело тогда чем-то из старых комиксов в стиле «хоррор» — наполовину вампир, наполовину скелет, наполовину зомби из «Ходячих мертвецов». Теперь седые волосы, свисавшие по бокам его головы, были аккуратно зачесаны назад, открывая лицо джентльмена — пожилого, но, казалось, вполне благополучного. Его губы были полными и красными. Глаза, окруженные морщинками от частых улыбок, выглядывали из-под густых седых бровей. Он напоминал мне кого-то, но я не мог вспомнить кого.

— Ага, — сказал он и улыбнулся. — Вот и наш наш новый гость. Входи, пожалуйста. Аарон, можешь идти.

Ночной солдат, который привел меня, заколебался, но Келлин беспечно махнул рукой, отпуская его. Слегка поклонившись, Аарон отступил назад и закрыл за собой дверь.

Я огляделся. Мы находились в прихожей, обшитой деревянными панелями. За ней была гостиная, напомнившая мне английский клуб из рассказов о Шерлоке Холмсе: панели из благородного дуба на стенах, стулья с высокими спинками, длинный диван, обитый темно-синим бархатом. Полдюжины ламп отбрасывали мягкий свет, и я подумал, что их питает не газ. В этой части дворца, похоже, было электричество. На нем, конечно, работал и электромобиль, возглавлявший атаку ночных солдат. Тот, на котором ехал этот тип.

— Пойдем же, гость.

Он повернулся ко мне спиной, по-видимому, нисколько не боясь, что я нападу на него сзади. Мы прошли в гостиную, настолько непохожую на сырую камеру, в которой я очнулся, что на меня накатила третья волна нереальности. Может быть, он не боялся, потому что у него были глаза на затылке, выглядывающие из-под тщательно причесанных (и довольно густых) седых волос, спадающих до воротника. Меня бы это не удивило — к тому времени меня уже ничто не удивляло.

Два клубных кресла расположились друг напротив друга вокруг маленького столика с инкрустацией, изображавшей гарцующего единорога. На заднице единорога стоял маленький поднос с чайником, сахарницей размером с пузырек (я надеялся, что это был сахар, а не белый мышьяк), крошечными ложечками и двумя фарфоровыми чашками с розочками по краям.

— Садись, садись. Чаю?

— Да, пожалуйста.

— Сахару? Боюсь, сливок нет. У меня от них несварение желудка. На самом деле, гость, у меня несварение от любой еды.

Он налил сначала мне, потом себе. Я опрокинул половину крошечной сахарницы в свою чашку, сдерживаясь, чтобы не вытряхнуть все целиком; мне вдруг безумно захотелось сладкого. Я поднес чай ко рту, но потом остановился.

— Боишься яда? — спросил Келлин, продолжая улыбаться. — Если бы мне так хотелось, я мог бы приказать отравить тебя внизу, в Малейне. Или умертвить тебя бесчисленным множеством других способов.

Я боялся яда, это правда, но не это вызвало мои колебания. Цветы, обрамлявшие чашку, оказались не розами. Это были маки, заставившие

меня вспомнить Дору. Я всем сердцем надеялся, что Радар найдет дорогу обратно к этой добросердечной женщине. Конечно, шансы на это были невелики, но вы же знаете выражение, что надежда — это штука с крыльями. Оно прилетает даже к тем, кто находится в заключении. Может быть, к ним особенно.

Я поднял свою чашку за Келлина.

— Долгих дней и приятных ночей, — я выпил. Чай оказался сладким и вкусным.

— Какой интересный тост! Я никогда не слышал его раньше.

— Я научился ему у своего отца[204], — это было правдой. Я думал, что в этой богато обставленной комнате не стоит открывать никакой правды, но эту сказал. Конечно, я мог сказать, что прочитал об этом в какой-то книге, но не стал. Может быть, тот человек, которого я должен был изображать, не должен был знать грамоту.

— Я не могу и дальше называть тебя гостем. Как тебя зовут?

— Чарли.

Я думал, он спросит мою фамилию, но он этого не сделал.

---

[204] Примечания: 204

Это пожелание Кинг взял из своей эпопеи «Темная башня» — ее герой Роланд тоже научился ему у своего отца.

— Чарли? *Чарли*, — казалось, он пробовал мое имя на вкус. — Я никогда не слышал такого имени, — он ждал, пока я объясню свое экзотическое имя — которое там, откуда я родом, было обычным, как грязь, — а когда я этого не сделал, прямо спросил, откуда я родом. — Потому что твой акцент непривычен для моего уха.

— Уллум, — сказал я.

— Ага! Значит, так далеко? Это ведь далеко отсюда?

— Вы так сказали.

Он нахмурился, и тут я понял две вещи. Во-первых, он был на самом деле таким же бледным, как и прежде. Краска на его щеках и губах была следствием макияжа. Во-вторых, человеком, которого он мне напоминал, был Дональд Сазерленд[205], которого я видел волшебным образом взрослеющим в огромном количестве фильмов «Тернер классик», от «M*A*C*H» до «Голодных игр». И еще кое-что: голубая аура все еще окружала его, хоть и слабая. Тонкий прозрачный завиток в глубине ноздрей; едва заметные тени у нижних век.

— А в Уллуме считается вежливым так смот-

---

[205] Примечания: 205

Дональд Сазерленд (род. 1935) — канадский актер театра и кино, снимавшийся в большом количестве американских и английских фильмов.

реть на людей, Чарли? Может быть, это даже знак уважения? Это так?

— Извините, — пробормотал я, допивая чай. На дне чашки оставалась небольшая пленка сахара. Мне пришлось сдерживаться, чтобы не вытереть ее грязным пальцем и потом не облизать его. — Здесь для меня многое кажется странным. И вы тоже.

— Конечно, конечно. Еще чаю? Угощайся и не жалей сахара. Я-то его не ем, но вижу, что ты хочешь еще. Я вижу очень много. Некоторые узнают об этом слишком поздно, к своему большому сожалению.

Не знаю, как долго чайник стоял на столе до моего прихода, но чай все еще был горячим, из него даже шел пар. Может быть, благодаря магии. Мне было все равно. Я устал от магии. Я просто хотел забрать свою собаку и вернуться домой. Только вот та русалка… Убивать ее было неправильно. И отвратительно. Отвратительно губить красоту.

— Почему ты ушел из Уллума, Чарли?

В этом вопросе заключалась ловушка. Благодаря Хейми я думал, что смогу ее избежать.

— Не хотел умирать.

— Что?

— Сбежал от отравы.

— Я бы сказал, что это мудро с твоей стороны. А вот приходить сюда было глупо. Ты так не думаешь?

— Я почти смог выбраться, — сказал я и вспомнил еще одно изречение моего отца: «Почти не считается». Каждый из вопросов Келлина казался мне миной, которую надо было обойти или подорваться.

— А сколько еще ваших сбежало, как ты говоришь, от отравы? И все ли они были целыми?

Я пожал плечами. Келлин нахмурился и со стуком поставил чашку (он едва притронулся к чаю).

— Не дерзи мне, Чарли. Это будет неразумно.

— Я не знаю, сколько, — это был самый безопасный ответ, который я мог придумать, учитывая то немногое, что я знал о целых, — что они не седеют, не теряют голос и не умирают оттого, что их внутренности плавятся, а дыхательные пути закрываются. Черт, я даже этого не знал наверняка.

— Мой господин Губитель Летучих с нетерпением ждет тридцати двух. Он очень мудр, но в этом отношении немного ребячлив. — Келлин поднял палец, ноготь на котором был длинным как гвоздь и таким же острым. — Дело в том,

Чарли, что он еще не знает, что теперь вас у меня тридцать один. Это значит, что я могу легко избавиться от тебя, если захочу. Так что будь очень осторожен и отвечай на мои вопросы правдиво.

Я кивнул, надеясь, что выгляжу испуганным. Я и правда был испуган и действительно намеревался соблюдать осторожность. Но что касается правдивых ответов на вопросы этого монстра — нет уж, увольте.

— Под конец там все было довольно запутанно, — сказал я. Я подумал о массовых отравлениях в Джонстауне[206] и понадеялся, что в Уллуме было так же. Наверное, это звучит патетически, но я был почти уверен, что в этой приятной, хорошо освещенной комнате на карту поставлена моя жизнь. На самом деле я это знал.

— Должно быть, так и было. Они пытались молиться, чтобы изгнать серость, а когда это не сработало… чему ты улыбаешься? Тебе это кажется смешным?

Я не мог сказать ему, что в моем мире — который, держу пари, был намного дальше, чем Уллум, — есть христиане — фундаменталисты,

---

[206] Примечания: 206

Массовое самоубийство членов американской секты «Храм народа» в основанном ими поселении Джонстаун в Гайане произошло 18 ноября 1978 г. Его обстоятельства до сих пор покрыты тайной.

пытающиеся молитвой изгнать *геев*.

— Это было глупо. Глупость кажется мне смешной.

Теперь он тоже ухмыльнулся, и я увидел голубой огонь, затаившийся в глубине его рта между зубами. «*Какие у тебя большие зубы, Келлин*», — подумал я.

— Это тяжело. Тяжело, так ведь? Но мы еще посмотрим.

На это я ничего не ответил.

— Итак, ты ушел до того, как они смогли влить тебе в глотку свой отравленный коктейль.

Слово «коктейль» было не тем, что он сказал — но мой разум сразу распознал смысл и сделал замену.

— Да.

— И захватил собаку.

Я сказал:

— Они бы и ее убили, — и уже ждал, что он скажет: «*Ты не из Уллума, там нет собак, ты все выдумываешь на ходу*».

Вместо этого он кивнул.

— Да, они бы, вероятно, так бы и сделали. Мне сказали, что они убили лошадей, коров и овец.

Он задумчиво заглянул в свою чашку, потом вскинул голову. Глаза его стали голубыми и бле-

стящими. По его морщинистым щекам стекали исчезающие электрические слезы, и на мгновение я увидел, как под кожей у него замерцали кости.

— Но почему сюда? Зачем ты пришел сюда, в Лили? Говори правду, или я оторву твою гребаную голову от гребаной шеи! И ты умрешь, глядя на дверь, через которую тебе не повезло войти!

Тут я понадеялся, что правда поможет мне сохранить голову на прежнем месте хотя бы еще немного.

— Она была старой, а я слышал истории о каменном круге, который..., — я покрутил одним из пальцев в воздухе. — Который мог снова сделать ее молодой.

— И это сработало?

Он знал, что так и было. Если он и не видел, как быстро она бежала, потому что еще не выехал впереди отряда ночных солдат в своем электромобиле, то остальные видели и сказали ему.

— Да.

— Тебе повезло. Солнечные часы опасны. Я думал, что смерть Эльзы в ее бассейне может положить конец их силе, но старая магия упряма.

Эльза. Так вот как звали Ариэль в этом мире.

— Я мог бы послать серых, чтобы разбить их,

но это должен одобрить Губитель Летучих, а он пока этого не делает. Должно быть, Петра нашептывает ему на ухо. Ей нравятся эти старые часы. Ты знаешь, что делает магия, Чарли?

Я подумал, что она делает возможным всё — например, позволяет таким бедным пилигримам, как я, посещать другие миры, — но вместо ответа покачал головой.

— Она дает людям надежду, а надежда опасна. Ты так не думаешь?

Я хотел сказать, что надежда — это штука с крыльями, но решил оставить это при себе.

— Я не знаю, сэр.

Он улыбнулся, и всего на мгновение я отчетливо увидел, как под его красными губами сверкнула челюстная кость.

— Зато я знаю. Что еще, как не надежда на счастливую загробную жизнь, заставило тех, кто жил в вашей несчастной провинции, отравить себя и своих животных, когда их молитв оказалось недостаточно, чтобы изгнать серость? У тебя, однако, была земная надежда, и поэтому ты сбежал. Теперь ты здесь, в том месте, где умирает всякая надежда для таких, как ты. Если ты еще не веришь в это, то скоро поверишь. Как ты прошел мимо Ханы?

— Я подождал, а потом использовал свой шанс.

— Храбрый, да еще смышленый! Мой! — он наклонился вперед, и тут я почувствовал исходящий от него запах, вонь давнего разложения. — Ты ведь бросил вызов Лилимару не только ради собаки, не так ли? — подняв руку, он уставил на меня свой острый ноготь. — Говори правду, или я перережу тебе горло вот этим.

Я выпалил:

— Золото.

Келлин недоверчиво отмахнулся:

— В Лили везде золото. Трон, на котором сидит Хана, тоже из него.

— Но ведь я не смог бы унести трон, не так ли, сэр?

Мой ответ заставил его рассмеяться. Это был ужасный звук, похожий на стук высохших костей. Он прервался так же резко, как начался.

— Я слышал — может, конечно, это неправда, — что там много маленьких золотых шариков…

— Да, в сокровищнице. Но ты никогда не видел их сам?

— Нет.

— Никогда не посещал игры и не таращился на них через стекло?

— Нет, — здесь я ступал на зыбкую почву, пото-

му что очень смутно представлял, что он может иметь в виду. И легко мог попасть в ловушку.

— А как насчет Колодца Тьмы? О нем в вашем Уллуме тоже говорят?

— Ну… да, — я весь вспотел. Если этот допрос продлится еще какое-то время, я наступлю на одну из этих мин. Я знал это точно.

— Но ты повернул назад после солнечных часов. Почему ты это сделал, Чарли?

— Я хотел выбраться из города до темноты, — я выпрямился и попытался придать своему лицу и голосу немного вызова. — И у меня почти получилось.

Он снова улыбнулся. Под его иллюзорной кожей четче проступил оскал черепа. Был ли он — и другие — когда-то человеком? Я предполагал, что был.

— В этом слове скрывается боль, тебе не кажется? Эта боль есть в каждом «почти», — он провел по накрашенным губам своим отвратительно острым ногтем, изучающе глядя на меня. — Ты мне безразличен, Чарли, и я тебе не верю. Нет, вовсе нет. Меня так и подмывает отослать тебя на Пояса, но Губитель Летучих этого бы не одобрил. Ему нужны тридцать два, а с тобой в Малейне не хватает всего одного. Так что возвращайся вниз.

Можешь идти.

Он повысил голос до крика, такого неестественно громкого, что мне захотелось заткнуть уши. На мгновение над красным бархатным смокингом остался только череп, окутанный голубым пламенем.

— ААРОН!

Дверь тут же открылась, и появился Аарон.

— Да, милорд.

— Отведи его обратно, но по дороге покажи ему Беговую дорожку. Я хочу, чтобы Чарли увидел, что его удел в Малейне — не худший во дворце, где когда-то правил король Ян, да будет скорее забыто его имя. Чарли?

— Да?

— Надеюсь, тебе понравился этот визит и мой чай с сахаром, — на сей раз его иллюзорное лицо ухмыльнулось вместе с черепом, который был реальностью. — Потому что больше у тебя никогда не будет такого удовольствия. Ты думаешь, что ты умный, но я вижу тебя насквозь. Считаешь себя твердым, но скоро ты сломаешься. Забирай его.

Аарон поднял свою гибкую палку, но сделал шаг в сторону, чтобы мне не пришлось прикасаться к его обессиливающей ауре. Когда я подошел к двери и уже почти покинул эту ужасную комнату,

Келлин сказал:

— О боже, чуть не забыл. Вернись, пожалуйста, Чарли.

Я посмотрел с отцом достаточно серий «Коломбо»[207] по воскресеньям, чтобы знать трюк с «еще одним вопросом», но все равно почувствовал тошнотворный страх.

Вернувшись назад, я встал рядом со стулом, на котором сидел прежде. Келлин открыл маленький ящичек чайного столика и что-то достал оттуда. Это был бумажник — но не мой. Мой, кожаный «Лорд Бакстон», подарил отец, когда мне исполнилось четырнадцать. Этот бумажник был дешевым, черным и потертым.

— Скажи, что это такое. Просто любопытно.

— Я не знаю.

Но когда первоначальный шок прошел, я понял, что знаю. Я вспомнил, как Дора дала мне жетоны на обувь, а потом жестом попросила снять рюкзак, чтобы мне не пришлось тащить его к Лии. Тогда-то я и сунул бумажник в задний карман, просто автоматически, не думая об этом

---

[207] Примечания: 207

«Коломбо» («Columbo») — американский телесериал, выходивший в 1968–2003 гг. Его герой-детектив, которого играл Питер Фальк, часто использовал трюк с «еще одним вопросом» — после окончания допроса подозреваемый расслаблялся и мог проговориться, отвечая на заданный неожиданно дополнительный вопрос.

и не заглядывая внутрь. Я смотрел на Радар, задаваясь вопросом, будет ли с ней все в порядке, если я оставлю ее с Дорой — и все это время вместо своего носил с собой бумажник Кристофера Полли.

— Я просто нашел его и поднял. Подумал, что это может быть что-то ценное. Сунул в карман и забыл о нем.

Он открыл бумажник и вытащил единственные деньги, которые были у Полли, — десятидолларовую купюру.

— Это могут быть деньги, но я никогда не видел таких.

Александр Гамильтон[208] выглядел так, словно мог бы быть одним из целых людей Эмписа, может быть, даже членом королевской семьи, но на банкноте не было ни одного понятного слова — только тарабарские иероглифы, от которых у меня зарябило в глазах. Вместо числа 10 по углам тоже были непонятные символы.

— Так ты точно не знаешь, что это?

Я покачал головой. Слова и цифры на купюре, по-видимому, не поддавались переводу ни на английский, ни на эмписарский, а попали в какую-то лингвистическую петлю.

---

[208] Примечания: 208

Один из «отцов-основателей» США, изображенный на купюре в 10 долларов.

Потом он достал просроченные водительские права Полли. Его имя можно было прочитать; все остальное представляло собой массу рун, разбитых случайной узнаваемыми буквами.

— Кто такой этот Полли и что это за изображение? Я никогда не видел ничего подобного.

— Я не знаю, — но кое-что я знал: выбросить свой рюкзак, чтобы мог бежать быстрее, было фантастически удачным решением. В нем лежали мой собственный бумажник и мой телефон — я уверен, что он заинтересовал бы его гораздо больше — а также указания, которые я набросал по настоянию Клаудии. Я сомневался, что слова на этом листке оказались бы такой же тарабарщиной, как на десятидолларовой банкноте или на удостоверении Полли. Нет, они были бы написаны на эмписарском.

— Я тебе не верю, Чарли.

— Это правда, — прохрипел я. — Я нашел его в канаве у дороги.

— А эти странные башмаки? — он указал на мои грязные кроссовки. — Тоже в канаве? И тоже у дороги?

— Да. Вместе с этим. — я указал на бумажник, ожидая, что сейчас он достанет револьвер мистера Боудича. *А как насчет этого, Чарли? Мы*

нашли его в траве за главными воротами. Я был почти уверен, что так и случится.

Но этого не случилось. Вместо того чтобы достать револьвер, как фокусник, вытаскивающий кролика из шляпы, Келлин швырнул бумажник через всю комнату.

— Убери его! — завопил он Аарону. — Он воняет! Его вонь на моем ковре, на моем стуле, даже на чашке, из которой он пил! Убери эту лживую мразь из моих покоев!

Я был и сам рад убраться оттуда.

Глава двадцать первая Беговая дорожка. Иннамин. Ни пятнышка серого. Дни под землей

1

Вместо того, чтобы вернуться тем же путем, которым мы пришли, Аарон повел меня вниз по трем лестничным пролетам, следуя сзади и время от времени хлеща меня своей гибкой палкой. Я чувствовал себя коровой, которую гонят в загон, что было неприятно и унизительно, но, по крайней мере, не думал, что меня тащат на бойню. В конце концов, я был номером тридцать один и, следовательно, представлял ценность. Я не знал почему, но у меня забрезжила идея. Тридцать один — простое число, делящееся только на единицу и само по себе. А вот тридцать два делилось до конца, до единицы.

По пути мы миновали множество дверей, большинство из которых были закрыты, а некоторые распахнуты настежь или приоткрыты. Там, в темноте, никого и ничего не было. Во время всего этого путешествия меня не покидало ощущение заброшенности и упадка. Во дворце жили ночные солдаты, но мне казалось, что в остальном он почти не населен. Я понятия не имел, куда мы направляемся, но наконец начал слышать звуки

громко стучащих механизмов и равномерный рокот барабана, похожий на сердцебиение. К тому времени я был почти уверен, что мы спустились еще глубже Глуби Малейн. Газовые лампы на стенах располагались все дальше друг от друга, многие из них потухли. К тому времени, когда мы достигли конца третьей лестницы — барабаны там были очень громкими, а механизмы еще громче — большую часть света давала голубая аура Аарона. Я поднял кулак, чтобы постучать в дверь у подножия лестницы, притом сильно — не хотелось получить еще один удар по затылку проклятой палкой.

— Не-не, — сказал Аарон своим странным насекомым голосом. — Просто открой.

Я отодвинул железную задвижку, толкнул дверь, и на меня обрушилась стена звука и жара. Аарон втолкнул меня внутрь, где на моем лице и руках сразу же выступил пот. Я оказался на парапете, окруженном железными перилами высотой по пояс. Круглая площадка подо мной выглядела как тренажерный зал в аду. По меньшей мере две дюжины серых мужчин и женщин быстро шагали по беговым дорожкам, у каждого к шее была привязана натянутая веревка. Трое ночных солдат прислонились к каменным стенам,

держа в руках гибкие хлысты, и наблюдали. Еще один стоял на чем-то вроде подиума, барабаня по высокому деревянному цилиндру, похожему на барабан-конгу[209]. На барабане были намалеваны истекающие кровью бабочки — монархи, что выглядело неточным — я не думал, что у бабочек есть кровь. Прямо напротив меня, за беговыми дорожками, стояла грохочущая машина, сплошь состоящая из передач и поршней. Она судорожно тряслась на своей платформе. Ее освещала единственная электрическая лампочка, похожая на те, с помощью которых механики заглядывают под капот автомобилей, которые чинят.

То, что я видел, напомнило мне военные корабли в одном из моих любимых фильмов ТКМ — «Бен-Гур». Мужчины и женщины на этих беговых дорожках были рабами точно так же, как гребцы на тех кораблях. На моих глазах одна из женщин споткнулась, но вцепилась в веревку, впившуюся ей в шею, и сумела снова вскочить на ноги. Двое ночных солдат наблюдали за ней, потом посмотрели друг на друга и рассмеялись.

— Ты бы не хотел оказаться там, внизу, детка, не так ли? — спросил Аарон у меня за спиной.

---

[209] Примечания: 209
Высокий и узкий кубинский барабан, заимствованный из Африки.

— Нет, — я не знал, что было страшнее — заключенные, шагающие быстрым шагом, почти бегом, или то, как двое живых скелетов смеялись, когда женщина потеряла равновесие и начала задыхаться. — Нет, не хотел бы.

Мне было интересно, сколько тока может вырабатывать этот допотопный генератор, работающий на двуногих лошадиных силах. Я предполагал, что не так уж много; в апартаментах Верховного лорда было электричество, но нигде больше я его не видел. Только газовые лампы, которые тоже были в не очень хорошем состоянии.

— А сколько времени им нужно, чтобы…

— Смена длится двенадцать часов, — он сказал не «час», а другое слово, но мой разум снова автоматически перевел его. Я слышал эмписарский, я говорил на нем, и у меня это получалось лучше и лучше. Вероятно, я бы еще не смог произнести сленговый термин, аналогичный «потрясному», но даже он может со временем ко мне прийти. — Если, конечно, они не задохнутся. Мы держим несколько штук в резерве на случай, если это произойдет. Топай, детка. Тебе дали возможность взглянуть на это, а теперь пора уходить.

Я был рад уйти, поверьте мне. Но прежде, чем

я отвернулся, упавшая женщина взглянула на меня. Ее волосы свисали вниз потными космами. Лицо было покрыто узлами и вздутиями серой плоти, но от него осталось достаточно, чтобы я мог видеть ее отчаяние.

Разозлил ли меня вид этого отчаяния так же, как вид убитой русалки? Не уверен, потому что меня одинаково злило все. Эту прекрасную землю прокляли, и вот результат: здоровые люди, запертые в темнице, и больные с петлями на шее, выбивающиеся из сил на беговых дорожках, чтобы обеспечить электрическим светом Верховного лорда и, возможно, еще нескольких счастливчиков, один из которых почти наверняка был главным здесь человеком или существом — Губителем Летучих.

— Радуйся, что ты жив, — сказал Аарон. — По крайней мере, на некоторое время. Но скоро ты пожалеешь об этом.

Для пущей убедительности он снова хлестнул меня своей гибкой палкой по шее, и меня обожгла боль.

2

Кто-то, скорее всего Перси, наш опекун-надзиратель, бросил в камеру, которую я делил с

Хейми, грязное одеяло. Я хорошенько потряс его, вытряхнув изрядное количество вшей (обычного размера, насколько я мог судить), расстелил на полу и сел сверху. Хейми лежал на спине, уставившись в потолок. На лбу у него была царапина, под носом запеклась корка крови, оба колена порезаны. Из одного пореза на левой голени текла струйка крови.

— Что с тобой случилось? — спросил я.

— Игровое время, — глухо сказал он.

— У него нет никакой воли к победе, — сказал Фремми из соседней камеры. Под глазом у него вздулся синяк.

— И никогда не было, — поддержал его Стакс, у которого синяк был на виске, но в остальном он выглядел нормально.

— Заткнитесь, вы оба! — крикнул Глаз с противоположной стороны коридора. — Одолейте его, если сумеете, а до тех пор оставьте в покое.

Фремми и Стакс затихли. Глаз сел, прислонившись спиной к стене камеры и угрюмо уставившись в пол между колен. Он обзавелся шишкой на лбу. Из других камер я слышал стоны и время от времени сдавленное рычание от боли. Одна из женщин тихо плакала.

Дверь открылась, и вошел Перси с ведром,

покачивающимся на сгибе локтя. По дороге он остановился, чтобы осмотреть газовую лампу, выпавшую из стены. Поставив ведро на землю, он вставил лампу обратно в зазубренное отверстие, и на этот раз она удержалась. Потом достал из кармана халата деревянную спичку, чиркнул ею о каменный блок и поднес к маленькому латунному патрубку горелки. Лампа зажглась. Я ожидал, что Фремми как-нибудь это прокомментирует, но этот славный парень, похоже, на время утратил чувство юмора.

— Иннамин, — сказал Перси сквозь дырку, которая когда-то была его ртом. — Иннамин, кто хо иннамин?

— Дай-ка мне немного, — сказал Глаз, и Перси протянул ему маленький диск из своего ведерка. Мне он показался похожим на деревянный пятицентовик из старой поговорки — тот, который не надо брать[210]. — И новичку тоже дай. Если ему не нужно, то пригодится Бесполезному.

— Это мазь? — спросил я.

— А что же еще, черт возьми? — Йот начал

[210] Примечания: 210

Имеется в виду американская поговорка «не бери деревянных пятицентовиков», относящаяся к жетонам, которыми в XIX веке на некоторых предприятиях пытались заменить наличные при расчетах с рабочими.

намазывать заднюю часть своей бычьей шеи.

— Суй, — сказал мне Перси. — Суй, ыы чок.

Я предположил, что он велит новичку сунуть руку сквозь прутья, и потянулся к нему. Он дал мне такой же пятицентовик.

— Спасибо, Перси, — сказал я.

Он уставился на меня, на лице его читалось что-то вроде изумления. Возможно, его никогда раньше не благодарили — по крайней мере, в Глуби Малейн.

Деревянный диск был смазан толстым слоем желтого дурно пахнущего вещества. Я присел на корточки рядом с Хейми и спросил, где у него болит.

— Везде, — сказал он, пытаясь улыбнуться.

— А где больше всего?

Перси уже тащил свое ведро дальше по проходу между камерами, напевая: «Иннамин, иннамин, хоо иннамин».

— Колени. Плечи. Кишки, конечно, хуже всего, но им никакая мазь не поможет.

Он охал, пока я втирал мазь в царапины на его коленях, но вздохнул с облегчением, когда я обработал его спину, а потом и плечи. Я делал массаж после игр во время футбольного сезона и знал, где лучше давить.

— Так лучше, — сказал он. — Спасибо тебе.

Кожа его не была грязной — по крайней мере, не так, как у меня. Я не мог не вспомнить, как Келлин кричал: «Уберите его, он воняет!» Так оно, безусловно, и было. Мое пребывание в Эмписе было чрезвычайно насыщенным, включая валяние в кладбищенской грязи и недавний поход к Поясам, где было жарко, как в сауне.

— Думаю, в этом месте нет душевых, так ведь?

— Раньше в раздевалках была вода из водопровода — еще с тех времен, когда проводились настоящие игры, — но теперь там просто ставят ведра. Вода только холодная, но… ох!

— Извини. У тебя на затылке все засохло.

— После следующего игрового времени ты сможешь принять шлюхину ванну — так мы это называем, — но пока придется потерпеть.

— Судя по тому, как вы все выглядите, это, должно быть, грубая игра. Даже Глазу досталось.

— Сам увидишь, — сказал Стакс.

— Но тебе это не понравится, — добавил Фремми.

В конце коридора кто-то начал кашлять.

— Прекрати это! — крикнула одна из женщин. — Никто не хочет заразиться от тебя, Домми!

Но кашель продолжался.

3

Некоторое время спустя вернулся Перси. На этот раз в его тележке лежали куски полусырой курятины, которые он раскидал по камерам. Я съел свой и половину куска Хейми. Напротив нас Глаз выкинул обглоданные кости в свою туалетную дырку и крикнул:

— Заткнитесь все! Я хочу спать!

Несмотря на этот приказ, в камерах после ужина начались разговоры, которые потом перешли в шепот и, наконец, стихли. Я решил, что курица была ужином, а теперь наступила ночь. Но точно определить это было невозможно; в нашем зарешеченном окне никогда не было видно ничего, кроме кромешной тьмы. Иногда нам давали стейк, иногда курицу, иногда чрезвычайно костлявую рыбу. Часто, но не всегда, к ним добавлялась морковь. Никаких сладостей. Иными словами, ничего такого, что Перси не смог бы швырнуть через решетку. Мясо было вкусным, не похожим на то гнилье, которое я ожидал увидеть в темнице, а морковь приятно хрустела на зубах. Они хотели, чтобы мы оставались здоровыми, и все были здоровы, за исключением Домми,

страдавшего каким-то легочным заболеванием, и Хейми, который всегда ел мало, жалуясь на боли в животе.

Утром, днем и ночью в подземелье горели газовые лампы, но их было так мало, что Глубь Малейн тонула в полумраке, который дезориентировал и угнетал. Если бы у меня и было чувство времени, когда я появился здесь (а у меня его не было), то я потерял бы его после первых двадцати четырех или тридцати шести часов, проведенных в заточении.

Места, по которым Аарон хлестал своей гибкой палкой, ныли и пульсировали. Я нанес на них остатки мази, что немного помогло. Потом потер рукой лицо и шею — грязь от них отваливалась комками. В какой-то момент я заснул, и мне приснилась Радар. Она неслась вприпрыжку по какому-то полю, молодая и сильная, окруженная облаком оранжево-черных бабочек. Не знаю, как долго я пробыл в небытии, но когда очнулся, то в длинном помещении с камерами все еще было тихо, если не считать храпа, периодического пердежа и кашля Домми. Я встал и попил из ведра, заткнув пальцем отверстие на дне жестяной кружки. Вернувшись назад к своему одеялу, я увидел, что Хейми пристально смотрит на меня.

Под обоими его глазами темнели пятна, похожие на синяки.

— Тебе не нужно защищать меня. Беру свою просьбу обратно. У меня в любом случае нет шансов. Меня швыряют, как мешок с зерном, а ведь это пока просто разминка. Что же со мной будет, когда начнутся Честные игры?

— Не знаю, — я хотел спросить его, что это за игры, но уже догадывался, что это может быть турнир по кровавому спорту, вроде боев в клетке. Тридцать два, как я уже понял, делилось пополам вплоть до единицы. А чем тогда было «игровое время»? Наверняка тренировками в преддверии главного события. Но кое-что интересовало меня еще больше.

— Знаешь, на пути в Лилимар я встретил мальчика с мужчиной. Они были серыми.

— Как и большинство людей, — сказал Хейми. — С тех пор, как Губитель Летучих вышел из Колодца Тьмы, — он горько усмехнулся.

В одной этой фразе заключалась целая тонна предыстории, и я хотел знать ее, но не стал отвлекаться от серого человека, прыгающего на одном костыле.

— Они шли из Прибрежья…

— Где-то они сейчас? — прошептал Хейми без

особого интереса.

— И этот человек мне кое-что сказал. Сначала он назвал меня целым…

— Ну и что, это так и есть. На тебе ни пятнышка серости. Много грязи, но никакой серости.

— А потом спросил: «Ради кого из них твоя мать задрала юбки, чтобы оставить тебе такое чистое личико?» Ты понимаешь, что это значит?

Хейми сел и уставился на меня широко раскрытыми глазами.

— И откуда же ты явился, во имя всех оранжевых бабочек?

Напротив нас Глаз закряхтел и повернулся в своей камере.

— Так ты знаешь, что это значит?

Он вздохнул.

— Галлиены правили Эмписом с незапамятных времен, ты ведь об этом слышал?

Я нетерпеливо махнул рукой, чтобы он продолжал.

— Тысячи и тысячи лет.

То, что он на самом деле сказал и то, что я услышал, опять говорило, что два языка в моем мозгу переплелись так прочно, что стали почти единым целым.

— В каком-то смысле они все еще правят, —

сказал Хейми. — Если Губитель Летучих правда тот, кем его считают… и если он все еще он, а не превратился в какую-то тварь из колодца, то… так о чем я говорил?

— О Галлиенах.

— Теперь их нет, их родовое древо срублено… Хотя говорят, что некоторые из них еще живы…

Я точно знал, что некоторые живы, потому что встречался с тремя из них, но не собирался говорить про это Хейми.

— Но было время, даже когда отец моего отца еще был жив, когда Галлиенов было множество. Все они были прекрасны, мужчины и женщины. Прекрасны, как монархи, которых истребил Губитель.

Их он тоже истребил не до конца, но и об этом я не собирался ему рассказывать.

— И они были похотливы, — он ухмыльнулся, обнажив зубы, странно белые и здоровые на его изможденном лице. — Ты ведь знаешь, что это значит?

— Да.

— Мужчины сеяли свое семя повсюду, не только здесь, в Лилимаре и Цитадели, но и в Прибрежье… И в Деске, и в Уллуме… Говорят, даже на Зеленых островах за Уллумом, — он хитро улыб-

нулся мне. — Да и женщины тоже были не прочь немного развлечься, пока никто не видит. Итак, похотливые мужчины, похотливые женщины и юные красавцы и красавицы к их услугам, ибо многие простые люди были рады переспать с королевскими особами. Ты ведь знаешь, что получается от таких развлечений?

— Дети, — сказал я.

— Точно, детишки. Это их кровь, Чарли, защищает нас от серости. Кто знает, может принц, сановник или даже сам король делил ложе с моей бабкой или прабабкой — или даже с моей мамой? И вот я здесь, и на мне нет никакой серости. И у Глаза, этой обезьяны в человеческом облике, ее нет, И у Домми с Черным Томом, у Стукса и Фремми, у Джаи и Эрис. Дабл, Булт, Док Фрид, все остальные — и ты. Ты, который ни хрена не знает. Это заставляет меня размышлять…

— О чем? — прошептал я. — О чем размышлять?

— Ни о чем, — сказал он, лег и закрыл тощей ладонью свои синяки под глазами. — Просто тебе надо было дважды подумать, прежде чем стирать грязь с лица.

Из глубины коридора тот, кого звали Галли, проревел:

— Здесь люди спать хотят!
Хейми устало закрыл глаза.

4

Я лежал без сна и думал. Мысль о том, что так называемые целые люди защищены от серости, сперва показалась мне расистской, вроде того, что говорят всякие дебилы: будто бы белые от природы умнее черных. Я верил — как уже говорил, — что люди так называемой королевской крови надевают штаны точно таким же манером, как те несчастные, что гробятся в Поясах, чтобы обеспечить Верховного лорда электричеством.

Только нужно было учитывать генетику, не так ли? Жители Эмписа, возможно, даже не слышали о ней, но я слышал. Распространение плохих генов могло давать печальные результаты, а королевские семьи распространяли их весьма успешно. Одни из них вызывали гемофилию, другие — порок развития лица, называемый «челюстью Габсбургов». Я услышал об этих вещах в восьмом классе на уроке сексуального воспитания. Не мог ли существовать и такой генетический код, который давал иммунитет к уродующей людей серости?

«В нормальном мире власти захотели бы спа-

сти таких людей, — подумал я. — А в этом главная власть — Губитель Летучих, чье имя совсем не внушало мыслей о спасении, — хочет их уничтожить». Серые люди, вероятно, тоже не проживут долго. Как ни назвать это, проклятием или болезнью, но оно прогрессировало. Кто же, в конце концов, здесь останется? Я предполагал, что это будут ночные солдаты, но кто еще? Был ли Губитель окружен группой защищенных от болезни приспешников? Если да, то кем они будут править, когда всех целых уничтожат, а серые люди вымрут? Каков будет финал этой игры? И был ли он вообще?

И еще: Хейми сказал, что Галлиены правили Эмписом с незапамятных времен, но их родовое древо было срублено. И все же он, казалось, спорил с самим собой, сказав, что в каком-то смысле они еще правят. Это значило, что Губитель тоже принадлежал… к чему? К дому Галлиенов, как в династических хитросплетениях «Игры престолов» Джорджа Р. Р. Мартина. Это казалось неверным, потому что Лия сказала мне (через свою лошадь, конечно), что ее четыре сестры и два брата мертвы. Как и ее мать с отцом — предположительно король и королева. Так кто же остался? Какой-нибудь бастард, вроде Джона

Сноу в «Престолах»? Сумасшедший отшельник где-то в лесу?

Я встал и подошел к решетке камеры. Далеко от меня у своей решетки стояла Джая. Вокруг ее головы был криво повязан кусок бинта, через который над левым глазом проступило пятно крови. Я прошептал:

— Ты в порядке?

— Да. Нам нельзя разговаривать, Чарли. Это время сна.

— Я знаю, но… когда появилась серость? Как долго этот Губитель Летучих находится у власти?

Она обдумала вопрос и наконец сказала:

— Не знаю. Я была девчонкой в Цитадели, когда все это случилось.

Это дало мне не очень много. «Я была девчонкой» могло означать шесть, двенадцать, даже восемнадцать лет. Я подумал, что серость вместе с Губителем появилась лет двенадцать или четырнадцать назад из-за того, что мистер Боудич говорил «трусы приносят подарки». Тогда он увидел, что происходит, надарил своим друзьям разных полезных штук, забрал себе достаточно золотых гранул и сбежал. А еще из-за того, что сказала Дора: Радар была почти щенком, когда мистер Боудич навестил ее в последний раз.

Проклятие тогда уже появилось. Может быть. Возможно. Плюс к этому, для большей радости, я даже не знал, длились ли местные годы столько же, как те, к которым я привык.

— Спи, Чарли. Это единственное спасение, которое у нас есть, — она повернулась, чтобы отойти в глубь камеры.

— Джая, подожди! — напротив меня Йота хрюкнул, фыркнул и перевернулся на другой бок. — Кто он? Кем он был до того, как превратился в Губителя Летучих? Ты знаешь это?

— Элденом, — сказала она. — Элденом из Галлиенов.

Я вернулся к своему одеялу и лег. «*Элден*», — подумал я. Я знал это имя. Лошадь Фалада от имени своей хозяйки рассказала мне, что у Лии было четыре сестры и два брата. Лия сама видела раздавленное тело бедного Роберта. Другой брат тоже был мертв, хотя она не сказала, как это произошло, и видела ли она его труп. Другой брат всегда был добр к ней, сказала Фалада — Фалада, которая на самом деле была самой Лией.

Другого брата звали Элден.

5

Прошло три дня. Я говорю «три», потому что Перси девять раз привозил свою тележку с недожаренным мясом, но, возможно, прошло больше времени; в газовых сумерках Глуби Малейн это было невозможно определить. В течение этого времени я пытался собрать воедино историю, которую можно было назвать «Падение Эмписа», «Возвышение Губителя» или «Пришествие Проклятия». Это была шаткая конструкция, основанная на крошечных обрывках информации, которыми я располагал, но она помогала скоротать время. Во всяком случае, иногда. И у меня действительно были эти обрывки, какими бы маленькими они ни казались.

Один из них: мистер Боудич говорил о двух лунах, восходящих в небе, но я никогда не видел, как они восходят. Да и вообще почти их не видел. Еще он говорил о созвездиях, которых не знали земные астрономы, но я лишь изредка замечал на небе проблески звезд. За исключением единственного голубого пятнышка на пути к солнечным часам, я не видел в небе ничего, кроме облаков. В Эмписе чистое небо явно было дефицитом — по крайней мере, теперь.

Еще один обрывок: мистер Боудич никогда не упоминал Хану, а я думаю, он бы это обязательно сделал. Я не слышал имени великанши, пока не посетил «гухоза».

Но больше всего меня интересовал третий обрывок, который был самым загадочным. Мистер Боудич говорил о том, что могло бы произойти, если бы люди из нашего мира открыли путь в Эмпис, наполненный, без сомнения, неиспользованными ресурсами — золото было лишь одним из них. Как раз перед тем, как он понял, что у него сердечный приступ, он сказал: «*Пробудят ли они* (имея в виду потенциальных грабителей из нашего мира) *ужасного бога этого места от его долгого сна?*»

Судя по записи на пленке, дела в Эмписе уже были плохи, когда мистер Боудич посетил его в последний раз, хотя Хана, возможно, тогда еще не несла свою вахту. Город Лилимар уже был опустевшим и опасным, особенно ночью. Узнал ли он это по личному опыту, например, из последней экспедиции за золотом, или только услышал от людей, которым доверял? Может быть, от Вуди? Я думал, что именно тогда он совершил последний поход за золотом, и что Ханы там еще не было.

На этом шатком фундаменте из спичек я воз-

двиг целый небоскреб предположений. Когда мистер Боудич нанес свой последний визит, король Галлиена (которого, вероятно, звали Ян) и его королева (имя неизвестно) уже были свергнуты и убиты. По меньшей мере пятеро из их семерых детей погибли. Лия сбежала вместе с тетей Клаудией и дядей или двоюродным братом (я не мог точно вспомнить, кем он был) Вуди. Лия утверждала, что ее брат Элден тоже был мертв, но было ясно, что она любила его больше всех (я услышал это из вторых уст, ха-ха). Разве Лия не предпочла бы считать Элдена мертвым, чем поверить, что он стал Губителем Летучих? Хотела ли какая-нибудь сестра верить, что ее обожаемый брат превратился в монстра?

Разве не было возможным, что Элден избежал цареубийства — если это можно так назвать, — и пробудил ужасного бога этого места от его долгого сна? Я подумал, что это самое правдоподобное из моих предположений, потому что Хейми сказал: «С тех пор, как Губитель Летучих вышел из Колодца Тьмы».

Возможно, это просто дурацкая легенда, но что, если это не так? Что, если брат Лии спустился в Колодец Тьмы (так же как я спустился в другой темный колодец, чтобы попасть сюда) либо для

того, чтобы спастись от смерти, либо нарочно? Что если он спустился туда как Элден, а вернулся как Губитель Летучих? Возможно, его направлял страшный бог Колодца. Или Элден был одержим этим богом, сам был им. Ужасная мысль, но в ней крылся определенный смысл, основанный на том, как безжалостно он уничтожал отдельных людей и весь народ, чаще всего медленно и мучительно.

Были вещи, которые не вписывались в эту картину, но многое вписывалось. И, как я уже сказал, это помогало скоротать время.

Но на один вопрос я так и не смог найти ответ: что теперь со всем этим делать?

6

Понемногу я узнал своих товарищей по заточению, но из-за того, что мы оставались запертыми в наших камерах, было невозможно развивать то, что вы бы назвали человеческими отношениями. Фремми и Стукс были комедийным дуэтом, хотя их остроумие (или то, что они считали таковым) больше забавляло их самих, чем кого-то еще, включая меня. Домми выглядел здоровяком, но у него был этот жуткий кашель, становившийся еще сильнее, когда он лежал. Другой

чернокожий, Том, был намного меньше ростом и обладал прекрасным голосом, но только Эрис могла уговорить его спеть. В одной из его баллад рассказывалась история, которую я знал. Это была сказка о маленькой девочке, которая пошла навестить бабушку только для того, чтобы найти вместо нее волка, одетого в бабушкину ночную рубашку. У «Красной Шапочки», которую я знал, был счастливый конец, но версия Тома заканчивалась мрачно: «Она бежала, голову сломя, но ее поймали, все было зря».

В Глуби Малейн счастливые концовки, казалось, тоже были в дефиците.

Уже к третьему дню я начал понимать истинный смысл слова «помешаться». Хотя мои коллеги по подземелью и были целыми, но их никак нельзя было назвать кандидатами для «Менсы»[211]. Джая казалась достаточно сообразительной, а парень по имени Джека хранил, казалось, неисчерпаемый запас загадок, но большая часть их разговоров была пустой болтовней.

Я отжимался, чтобы кровь текла быстрее, приседал, бегал на месте.

---

[211] Примечания: 211

«Менса» — международная некоммерческая организация для людей с высоким уровнем интеллекта, определяемым тестом Ай-Кью. Включает в себя более 120 тысяч человек из 100 стран.

— Глядите-ка, как выпендривается наш маленький принц, — сказал однажды Глаз. Йота был говнюком, но все-таки мне нравился. В чем-то он напоминал моего давно пропавшего приятеля Берти Берда. Как и он, Йота не скрывал свое говнючество, а кроме того меня всегда восхищали те, кто не лез за словом в карман. Йота был в этом не лучшим из тех, кого я знал, но неплохим, и, хотя я по-прежнему был его главной мишенью, мне нравилось заводить его.

— Посмотри на это, Глаз, — сказал я, поднял руки ладонями вниз к груди и по очереди дотянулся до них коленями. — Давай посмотрим, как ты это сделаешь.

— Чтобы свернуть себе что-нибудь? Потянуть мышцы? Устроить разрыв сухожилия? Тебе бы это понравилось, не так ли? Тогда ты мог бы убежать от меня, когда наступят игры.

— Мне не придется никуда убегать, — сказал я. — Нас так и останется тридцать один. Губитель не найдет больше целых Так что покажи, как ты это сделаешь! — я поднял руки почти до подбородка и продолжал доставать до них коленями.

Мои эндорфины[212], несмотря на усталость, начинали работать — во всяком случае, немного.

— Если ты продолжишь это, то разорвешь задницу пополам, — предупредил Бернд. Он был старшим из нас, почти лысым. Те немногие волосы, что у него остались, уже поседели.

Это заставило меня рассмеяться, и я прервался. Хейми лежал на своем тюфяке и тоже хихикал.

— Нас будет тридцать два, — сказал Глаз. — Если в ближайшее время не найдется еще один, еще одной станет Красная Молли. С ней и получится тридцать два. Эта стерва скоро вернется из Крэтчи, и Губителю Летучих не придется долго ждать его любимого развлечения.

— Только не она! — сказал Фремми.

— Лучше не говори о ней! — воскликнул Стукс. У них были одинаково встревоженные взгляды.

— А я буду говорить о ней! — Глаз снова вскочил на прутья своей камеры и начал трясти их. Это был его любимый вид упражнений, — она ведь целая, так? Хотя ее громадина-мамаша все же получила порцию уродства и с тех пор постоянно царапает свою гребаную рожу.

---

[212] Примечания: 212

Эндорфины — химические соединения, которые естественным путем вырабатываются в нейронах головного мозга и положительно действуют на эмоциональное состояние.

— Подожди, — сказал я. Мне пришла в голову ужасная идея. — Ты же не хочешь сказать, что ее мать…

— Хана, — сказал Хейми. — Та, кто охраняет солнечные часы и сокровищницу. Хотя, если ты добрался до часов, она, должно быть, отлынивает от работы. Губителю Летучих это не понравится.

Меня это мало волновало. То, что у Ханы была дочь, изумляло главным образом потому, что я не мог вообразить, кто мог переспать с ней, чтобы произвести на свет потомство.

— Красная Молли — она… тоже великанша?

— Не такая, как ее мать, — сказал Аммит из коридора. — Но большая. Она давно хотела повидаться со своими родственниками. Страна великанов, слышал про такую? Она вернется и сломает тебя, как щепку, если тебе не повезет. Но только не меня — я убегу. Она слишком медленная. Вот загадка, которую Джека не знает: я высокий, когда молод, и низкий, когда стар. Кто я такой?

— Свеча, — сказал Джека. — Это все знают, дурачок.

Не подумав, я процитировал:

— Вот свечка, чтоб вас в постель проводить. Вот плаха, чтоб голову вам срубить.

Воцарилась тишина, потом Глаз сказал:

— Великие боги, где ты это услышал?

— Не знаю. Наверное, моя мать говорила мне так, когда я был маленьким.

— Значит, твоя мать была странной женщиной. Никогда больше так не говори, это плохая рифма.

В своей холодной и сырой камере Домми начал кашлять. И кашлял еще долго.

7

Два или три дня спустя, — можно было только гадать, время в подземелье шло незаметно, — Перси принес нам завтрак. На этот раз особый: палочки с жареными сосисками, по девять или десять штук на каждой. Я схватил свою палку на лету. Хейми уронил свою на грязный пол, потом поднял и вяло отряхнул с нее грязь. Некоторое время он смотрел на сосиски, потом снова их бросил. В этом я увидел пугающее сходство с тем, как вела себя Радар, когда была старой и умирающей. Вернувшись на свой тюфяк, он подтянул колени к груди и отвернулся к стене. Напротив нас Глаз сидел на корточках у решетки своей камеры и жадно обгрызал сосиски с палочки, как будто обгладывал кукурузный початок. Его

борода блестела от жира.

— Давай, Хейми, — сказал я. — Попробуй съесть хоть одну.

— Если он не хочет, брось сюда, — сказал Стукс.

— Мы позаботимся о них в два раза быстрее, — пообещал Фремми.

Хейми повернулся, сел и положил палочку с сосисками себе на колени. Потом посмотрел на меня.

— А я должен это делать?

— Лучше ешь, Бесполезный, — сказал Глаз, уже расправившийся с половиной своих сосисок. — Ты знаешь, что бывает, когда нам это дают.

То слабое тепло, которое хранили сосиски, уже исчезло, а в середине они остались сырыми. Я вспомнил историю в Интернете о парне, который обратился в больницу с жалобами на боль в животе. Рентген показал, что у него в кишечнике сидит огромный солитер — в статье говорилось, что он завелся от употребления недожаренного мяса. Я попытался забыть об этом (хотя это было невозможно) и начал есть. Мне казалось, я знаю, что означают сосиски на завтрак: игровое время, визит живых мертвецов.

Перси прошел обратно по коридору. Я еще раз

поблагодарил его. Он остановился и поманил меня к себе расплавленной рукой. Я подошел к решетке. Хриплым шепотом из дырки, которая раньше была его ртом, он сказал:

— Не йи всы!

Я покачал головой.

— Не понимаю.

— Не *йи* всы!

Потом он попятился, таща за собой пустую тележку. Дверь закрылась. Засовы захлопнулись. Я повернулся к Хейми. Он кое-как разделался с одной сосиской, откусил от второй, поперхнулся и выплюнул кусок себе в руку. Поднявшись, он выбросил недоеденное в наше отхожее место.

— Я не понял, что он пытался сказать, — сказал я.

Хейми взял жестяную кружку для питья и потер ее об остатки своей рубашки, как человек, вытирающий яблоко. Потом сел на свой тюфяк.

— Иди сюда, — он похлопал по одеялу, и я сел рядом. — А теперь сиди смирно.

Он огляделся по сторонам. Фремми и Стакс удалились в дальний угол своей маленькой квартирки. Йота был целиком поглощен поеданием последней сосиски. Из других камер доносились жующие звуки, отрыжка и причмокиванье. Оче-

видно, решив, что за нами никто не наблюдает, Хейми растопырил пальцы — что он мог сделать, будучи целым человеком с руками вместо ласт, — и запустил их мне в волосы. Я отшатнулся.

— Не-не, Чарли. Сиди смирно.

Вцепившись в мои волосы, он хорошенько дернул их. Вниз посыпалось облако грязи. Я не слишком смутился (несколько дней в камере, где приходится на виду у всех гадить в дырку в полу, отбивает стыдливость), но все равно ужаснулся тому, какой я грязный. Я был похож на Свинтуса, друга Чарли Брауна[213].

Хейми поднял жестяную кружку, чтобы я мог посмотреть на свое размытое отражение. Как парикмахер, показывающий клиенту новую стрижку — хотя кружка была не только изогнутой, но и примятой, так что немного походила на зеркало в комнате смеха. Одна часть моего лица была большой, другая слишком маленькой.

— Видишь?

— Что?

---

[213] Примечания: 213

Чарли Браун — главный герой юмористического комикса Чарльза Шульца «Орешки» («Peanuts»), который публиковался во многих американских газетах с 1950 по 2000 годы. Этот обаятельный простак в желтой футболке с рисунком в виде зигзага признан «одним из великих американских архетипов». Его окружает целая команда друзей, включая Свинтуса.

Он наклонил чашку, и я понял, что мои волосы спереди, там, где Хейми стряхнул с них грязь, больше не были каштановыми. Они стали светлыми. Здесь, в темноте, без солнца, которое могло бы их отбелить, они вдруг побелели. Я схватил чашку и поднес ее поближе к лицу. Трудно было сказать наверняка, но, похоже, мои глаза тоже изменились. Вместо темно-карих, какими были всегда, они, казалось, обрели ореховый оттенок.

Хейми обхватил мою шею сзади и подтянул ближе к своему рту.

— Перси сказал: «Не мой волосы».

Я отстранился. Хейми уставился на меня, его собственные глаза — такие же карие, как у меня раньше, — были широко раскрыты. Потом он снова притянул меня к себе.

— Так ты обещанный принц? Тот, кто пришел спасти нас?

8

Прежде чем я успел ответить, дверные засовы стали открываться. На этот раз внутрь вошел не Перси — это были четверо ночных солдат, вооруженных гибкими хлыстами. Двое шли впереди, вытянув руки, и двери камер с обеих сторон с визгом распахнулись.

— Игровое время! — крикнул один из них своим жужжащим насекомым голосом. — Деткам пора поиграть!

Мы вышли из камер. В прошлый раз Аарон, которого теперь не было в этой компании бугименов[214], повел меня вправо. Сейчас мы пошли налево, все тридцать один, выстроившись в двойную шеренгу, как настоящие дети, отправляющиеся на экскурсию. Я шел в конце — единственный, у кого не было напарника. За мной топали двое ночных солдат. Раньше я думал, что приглушенный треск, похожий на ток низкого напряжения, создан моим воображением, питаемым страхом перед той силой, которая поддерживала этих монстров живыми, но это оказалось не так. Ночные солдаты были электрическими зомби. Это, как мне показалось, стало бы отличным названием для хэви-метал-группы.

Хейми шел с Йотой, который постоянно толкал плечом моего тощего сокамерника и заставлял его спотыкаться. С моих губ сорвалось:

— Прекрати это.

Глаз взглянул на меня, улыбаясь.

— Кто умер и сделал тебя божеством?

---

[214] Примечания: 214

Бугимен (boogeyman) — фольклорный персонаж, которым пугают маленьких детей, герой одноименного рассказа Кинга.

— Прекрати, — повторил я. — Зачем дразнить товарища по несчастью в этом гнусном месте?

Это было совсем не похоже на Чарли Рида. Этот парень скорее сказал бы что-то вроде «хватит валять дурака», чем то, что только что слетело с моих губ. И все же это был я, и улыбка Йоты сменилась выражением озадаченного раздумья. Он отдал честь в британском стиле — поднес тыльную сторону своей большой ладони к низкому лбу — и сказал:

— Слушаюсь, сэр. Посмотрим, как ты будешь командовать мной с полным ртом грязи.

Потом он снова повернулся вперед.

Глава двадцать вторая
Игровое поле. Аммит. Помывка. Торт. Газовые лампы

1

Мы поднялись по лестнице. Конечно, мы это сделали. Когда тебя держат в Глуби Малейн, лестница кажется дорогой жизни. После десяти минут подъема Хейми стал задыхаться. Глаз схватил его за руку и потащил вперед.

— Давай, давай, Бесполезный! Не отставай, или папочка тебя отшлепает!

Мы подошли к широкой лестничной площадке перед двойными дверями. Один из двух ночных солдат, возглавлявших этот гребаный парад, поднял руки вверх, и двери распахнулись. За ними находился другой, более чистый и светлый мир: коридор, выложенный белой плиткой, с газовыми лампами, отполированными до глянцевого блеска. Коридор представлял собой уходящий вверх пандус, и когда мы шли по нему в необычно ярком свете (он заставлял меня щуриться, и я был не одинок), я почувствовал запах, знакомый по десяткам раздевалок: хлорка, которую наливают в дозаторы в писсуарах, и дезинфицирующая жидкость на полу душевых кабинок.

Знал ли я тогда, что означает «игровое время»?

Да, знал. Понимал ли я, что такое «Честные игры»? Скорее нет. В камерах нам приходилось только есть, спать и разговаривать. Я был осторожен с вопросами, желая сохранить видимость того, что я из религиозной общины Уллума, и гораздо больше слушал, чем говорил. Но меня все равно поразил этот уходящий вверх коридор, который выглядел — почти — как часть современного спортивного комплекса в одном из тех многочисленных кампусов, где спорт считается важным делом. Лилимар превратился в развалины — черт возьми, как и весь Эмпис, — но этот коридор выглядел впечатляюще, и мне показалось, что он ведет к чему-то еще более грандиозному. В этом я не ошибся.

Мы проходили мимо дверей, над каждой из которых висела газовая лампа под колпаком. На первых трех дверях были таблички «ПЕРСОНАЛ». На следующей — «ОБОРУДОВАНИЕ». На пятой — «АДМИНИСТРАЦИЯ». Минуя их (настоящий Чарли в хвосте)[215], я взглянул на табличку «АДМИНИСТРАЦИЯ» краем глаза, и она превратилась в такое же переплетение рунических символов, какое было на водительском удосто-

[215] Примечания: 215

Американское выражение, означающее нерасторопного человека, копушу.

верении Полли, когда Келлин показал мне его. Я повернул голову, оглянувшись ровно настолько, чтобы увидеть, как это случится снова, и тут мне на плечо опустилась гибкая палка. Не слишком сильно, но достаточно, чтобы остудить любопытство.

— Топай, детка.

Впереди коридор заканчивался всплеском яркого света. Вслед за остальными я вышел на игровое поле — и какое это было поле! Я озирался по сторонам, как та самая деревенщина из Уллума, которой я притворялся. Я пережил много потрясений с тех пор, как вышел из туннеля между моим миром и Эмписом, но никогда до этого момента мысль, что я, должно быть, сплю, не приходила мне в голову.

Огромные газовые лампы на похожих на подносы подставках, которые я уже видел снаружи, обрамляли чашу стадиона, какой могла бы гордиться бейсбольная команда «Тройного А»[216]. Они выстреливали в небо яркие потоки бело-голубого огня, которые отражались от всегдашних низких облаков.

Небо. Мы были снаружи.

---

[216] Примечания: 216

Тройной А (ААА) — самый высокий уровень команды в Низшей лиге бейсбола США.

И там была ночь, хотя для нас день только начинался. Это имело смысл, если наши скелетообразные тюремщики не выносили дневного света, но все равно было странно осознавать, что мои обычные ритмы бодрствования и сна перевернулись с ног на голову.

Мы пересекли грунтовую дорогу и ступили на зеленую траву поверх упругого дерна. Я был на многих игровых полях — бейсбольных и футбольных, — напоминающих это, но никогда не видел такого идеально круглого. В какую игру здесь играли? Невозможно было сказать точно, но, должно быть, она была потрясающе популярной, потому что дорожки, ведущие внутрь, и бесконечные ряды сидений, окружающие поле и поднимающиеся к закругленному краю стадиона, означали, что эта игра, какой бы она ни была, привлекала многие тысячи поклонников.

Я увидел три зеленых шпиля, уходящих в облака впереди. Справа и слева от меня возвышались каменные башенки. На парапетах между ними стояли ночные солдаты в своих горящих голубых аурах и смотрели на нас сверху вниз. Я мог видеть только верхний изгиб стадиона, когда шел к солнечным часам, потому что они находились в углублении в задней части дворцовой

территории.

Где-то — вероятно, у основания этих трех шпилей из зеленого стекла, — находились тронный зал и королевские апартаменты. Как и магазины вдоль широкой Галлиеновской улицы, они предназначались для высшего света. А это место, как мне казалось, было важно для простых людей, и я ясно представлял, как они в дни игр поднимались сюда по ярко раскрашенным дорожкам площади-карусели, приходя из Прибрежья и Деска, может быть, даже из Уллума и с Зеленых островов, неся корзины с едой, распевая гимн своей команды или скандируя ее название…

Гибкая палка вновь опустилась на мою руку, на этот раз сильнее. Обернувшись, я увидел ухмыляющийся череп под хмурой полупрозрачной оболочкой лица.

— Хватит таращиться по сторонам, как идиот! Пора топать, детка! Пора шевелить ногами!

Йота первым выбежал на кольцевую дорожку, граничащую с круглым ядовито-зеленым полем. Остальные последовали за ним по двое и по трое. Хейми бежал последним, в чем не было ничего удивительного. Над тем, что, как я предполагал, было передней частью поля, возвышалось что-то вроде роскошного гостиничного номера под

открытым небом — для завершения картины не хватало только хрустальной люстры. Мягкие кресла, похожие на те, что стояли впереди на «Поле гарантированной ставки»[217], располагались по бокам того, что, очевидно, было почетным местом. Оно выглядело не таким большим, как трон Ханы, с которого она охраняла задний вход во дворец (конечно, когда не ела и не спала), но сиденье его было очень широким, а подлокотники выдвинуты наружу, как будто тот, кто имел привилегию сидеть там, был наевшимся стероидов качком. Это место пустело, но в мягких креслах вокруг сидело с полдюжины человек, наблюдая, как мы пробегаем мимо них. Это были целые люди, одетые в добротную одежду — то есть не в те лохмотья, какие были на всех нас. Среди них я увидел женщину с лицом, мертвенно-бледным от избытка макияжа. На ней было длинное платье с гофрированным воротником, на пальцах и заколках для волос сверкали драгоценные камни. Все сидевшие на трибуне пили из высоких бокалов то, что могло быть вином или элем. Один из мужчин заметил, что я на него смотрю, и поднял бокал, как бы произнося тост. На лицах у всех

[217] Примечания: 217

Бейсбольный стадион в южной части Чикаго, открытый в 1991 г., домашний стадион команды «Уайт Сокс».

было выражение, которое я бы назвал скукой, слегка приправленной умеренным интересом. Я сразу возненавидел их всех, как только узник, которого бьют гибкими хлыстами, может ненавидеть кучку хорошо одетых бездельников, которые коротают время, просиживая тут свои задницы.

«*Это место было построено не для таких, как эти придурки,* — подумал я. — *Не знаю, почему, но я уверен в этом*».

Гибкая палка снова опустилась, на этот раз на заднюю часть моих все более грязных штанов, обжигая, как огонь.

— Разве ты не знаешь, что невежливо пялиться на тех, кто выше тебя?

Эти жужжащие насекомые голоса я тоже ненавидел. Это было все равно, что слушать не одного Дарта Вейдера, а целый взвод. Ускорив шаг, я обогнал Стукса. Когда я проходил мимо, он показал мне средний палец, я ответил тем же.

Проталкиваясь через коллег по Глуби Малейн, я получил дружеский тычок от Тома и более жесткий, менее дружелюбный от слегка кривоногого громилы по имени Аммит.

— Смотри, куда прешь, уллумец, — проворчал он. — Здесь нет бога, который защитил бы тебя. Он остался позади.

Его я тоже оставил позади, причем с удовольствием. Моя жизнь была достаточно паршивой и без вспыльчивых товарищей по заточению, способных сделать ее еще хуже.

В центре поля были вещи, которые (но не все) я знал по разным спортивным соревнованиям, вроде мини-футбола и хоккея. Там лежали в два ряда какие-то предметы, похожие на деревянные железнодорожные шпалы. Стояли большие матерчатые мешки, наполненные круглыми выпуклостями, которые могли быть только мячами. Возвышался ряд шестов, обернутых мешковиной, наверху каждого была дощечка с грубо намалеванным сердитым лицом. Без сомнения, это были эмписарские тренировочные манекены. Там были веревки с кольцами внизу, свисающие с Т-образной перекладины, и широкая доска на козлах с квадратом сена на одной стороне. А еще большая плетеная корзина, из которой торчали рукоятки чего-то вроде палок. Их вид мне не понравился. Конечно, тренер Харкнесс задавал нам упражнения, которые можно было при желании назвать садистскими, но палками мы друг друга не били.

Я оказался в первых рядах нашего отряда, когда мы достигли той части беговой дорожки, что на-

ходилась напротив вип-ложи. Там я поравнялся с Йотой, который бежал, запрокинув голову, выпятив грудь и уперев руки в бока. Ему нужна была только пара гантелей в руках, чтобы выглядеть как бизнесмен средних лет из Сентри, поддерживающий себя в форме. Да, и еще спортивный костюм.

— Хочешь поучаствовать в гонках? — спросил я.

— Что? Чтобы эта сучка Петра и остальные могли делать ставки на то, кто победит? — он ткнул большим пальцем в сторону хорошо одетых людей, попивающих свои освежающие напитки. К ним присоединилась пара новых. Это была почти коктейльная вечеринка, ей-богу. По бокам от группы стояла на страже пара ночных солдат. — Разве у нас и без этого не хватает забот?

— Думаю, да.

— Откуда, черт возьми, ты на самом деле, Чарли? Точно не из Уллума.

Я был избавлен от ответа, потому что Хейми в этот миг сошел с трассы. Он потерянно побрел в сторону тренировочного снаряжения, опустив голову и тяжело вздымая худую грудь. Между корзиной с боевыми посохами (я не думал, что они могут быть чем-то другим) и нахмуренными

манекенами стояло несколько скамеек и стол, уставленный глиняными чашками — маленькими, как демитассы[218]. Хейми взял одну, осушил ее, поставил обратно на стол, а потом сел, уронив руки на бедра и опустив голову. Стол охранял ночной солдат, который посмотрел на Хейми, но не сделал ни малейшей попытки ударить его.

— Не пытайся сделать то же, — пропыхтел Глаз, — или они будут хлестать тебя, пока не истечешь кровью.

— А почему ему это сходит с рук?

— Потому что они знают, что он не может долго бегать, вот почему. Он ведь Бесполезный. Но он целый, и без него они вернулись бы к тридцати.

— Не понимаю, как… Я имею в виду, когда начнутся игры, если они когда-нибудь начнутся… как они могут быть уверены, что он… Ну то есть, что он будет драться.

— Они и не уверены, — сказал Глаз, и я уловил в его голосе странную нотку, которая могла быть сочувствием. Или, может быть, чувством товарищества. Дело было не в том, что ему нравился Хейми — еще меньше ему нравилась ситуация, в которой мы оказались.

---

[218] Примечания: 218

Демитасс (фр. demi-tasse — «половина чашки») — маленькая чашка для кофе.

— У тебя еще не перехватывает дыхание, детка? Еще круг, и я плюхнусь на скамейку запасных вместе с Бесполезным, и пускай они лупят меня своими палками сколько угодно.

Я хотел было сказать ему, что много занимался спортом, но тогда он мог бы меня спросить, каким именно, а я даже не знал, во что играли на этом большом зеленом поле.

— Я поддерживал форму. По крайней мере, пока не пришел сюда. И зови меня Чарли, а не «деткой», ладно? «Детками» нас называют *эти*.

— Пусть будет Чарли, — Глаз ткнул большим пальцем в Хейми, уныло притулившегося на скамейке. — Этот лузер — просто тело. Пушечное мясо.

Только он не говорил слов «лузер» и «пушечное мясо». Мой разум подставил их вместо сказанных им так же быстро, как раньше.

— Им понравится, что поединок с его участием закончится быстро.

«Как номер один против номера шестнадцать в Большом танце НССА»[219], - подумал я.

---

[219] Примечания: 219

Национальная ассоциация студенческого спорта — американская университетская спортивная ассоциация, в которую входят 1280 команд. «Большой танец» — чемпионат по одному из видов спорта между ее участниками.

Мы снова приближались к вип-ложе, и на этот раз я смог получше разглядеть тех хорошо одетых целых людей, что наблюдали за нами. Конечно, когда не болтали друг с другом, потому что любая чушь, которую они обсуждали, была для них важнее, чем какие-то оборванцы, с пыхтением бегающие внизу. Мы были для них просто предлогом, чтобы собраться вместе, как для школьников, пришедших посмотреть футбол по телевизору. Большинство других бежали сзади, а двое — Дабл и парень по имени Янно — присоединились к Хейми на скамейке запасных.

— Сколько их там?

— Кого? — Йота теперь тоже задыхался, но я все еще был на кураже. — Дружков Элдена? — он выделил слово «дружков», как бы заключив его в кавычки. — Не знаю. Двадцать или, может, тридцать. Может быть, немного больше. Эта стерва ими командует, потому что она фаворитка Губителя.

— Петра?

— Да.

— И это все?

Прежде чем он успел ответить, мой старый друг Аарон вышел из прохода под вип-ложей, размахивая своей палкой, как дирижер, начинающий

первый номер концерта

— Хватит! — крикнул он. — Заканчивайте!

Йота побежал к столу в центре поля, я присоединился к нему. Большинство узников пыхтели и отдувались. Джая и Эрис наклонились, положив руки на колени, чтобы восстановить дыхание. Потом присоединились к остальным вокруг стола, на котором стояли маленькие чашечки. Я опустошил одну и поставил ее на место. Это была вода, но с чем-то кислым и приятным. Мое дыхание еще не сбилось, но, выпив эту маленькую чашечку, я почувствовал, как оно выравнивается.

Считая Аарона, теперь на поле было пять ночных солдат, стоявших полукругом перед нами. Еще двое охраняли важных персон. Тех, кто наблюдал с парапетов, было легко сосчитать из-за их ярко-голубых аур: двенадцать. Это означало всего девятнадцать, что, как я думал, примерно составляло тот отряд, который преследовал меня и Радар, когда мы бежали к воротам. Двадцать, когда я добавил к ним Келлина, который либо отсутствовал здесь, либо наблюдал из какого-то укрытия. Это все? Если так, то заключенных действительно было больше, чем охранников. Я не хотел спрашивать об этом, потому что Аарон, казалось, следил за мной.

— Хорошая пробежка! — пропыхтел Стакс.

— Лучше, чем секс! — тут же подключился Фремми.

— Кроме как с тобой, — сказал Стакс.

— Да, — согласился Фремми, — я могу хорошо тебя отыметь.

Я потянулся за второй чашкой, и один из охранников ткнул в мою сторону палкой.

— Не-не, детка, только по одной для клиента.

Конечно, «по одной для клиента» было совсем не тем, что он сказал.

2

Потом началось игровое время, которое в целом было менее жестким, чем футбольная тренировка. Так было почти до самого конца.

Сначала появились мячи. Их было шестнадцать в трех пакетах. Они напоминали пляжные, но были покрыты серебристой пленкой, которая утяжеляла их. Как я думал, это было настоящее серебро. Я мог видеть на их поверхности свое искаженное отражение: грязное лицо, грязные волосы. Я решил, что не стану мыть голову, какой бы грязной она ни казалась. Конечно, я не считал себя каким-то «обещанным принцем», который пришел всех спасти, я не мог спасти даже себя,

но никак не хотел выделяться. Я видел дворцовую камеру пыток и не имел никакого желания оказаться там.

Мы выстроились в две шеренги по пятнадцать человек. Хейми был лишним, и один из охранников с помощью своей гибкой палки приказал ему подбрасывать шестнадцатый мяч вверх и ловить его. Что Хейми и стал делать, но довольно вяло. Он все еще не мог отдышаться после прогулки по наклонному коридору и неполного круга вокруг стадиона. Увидев, что я смотрю на него, он улыбнулся, но глаза его были опустошенными. С таким же успехом он мог бы сделать на лбу татуировку «Я БУДУ ПЕРВОЙ ЖЕРТВОЙ».

Остальные из нас перебрасывались утяжеленными мячами — фунтов пять или около того. В этом не было ничего особенного, просто разминка рук и верхней части тела, но многие из моих товарищей по заключению в прошлой жизни явно не занимались спортом и делали много неловких движений. Я задавал себе вопрос, было ли большинство из них кем-то вроде белых воротничков в месте, которое они называли Цитаделью, до свержения Монархии Бабочек (случайный каламбур). Некоторые находились в хорошей форме и двигались довольно ловко — Глаз, Эрис, еще

Том и Аммит, — но остальные выглядели довольно неуклюжими. Тренер Харкнесс назвал бы их слабачками (он никогда не говорил просто «слабак»). Фремми и Стакс относились к слабачкам, как и Джая с Даблом. У Домми была сила, но еще у него был его жуткий кашель. А Хейми, как сказал Йота, вообще был Бесполезным.

Я стал в пару к Йоте. Он нанес серию мягких ударов, отбивая мяч тыльной стороной ладони, и я делал то же самое. Нам велели делать шаг назад после каждой пары бросков. Примерно через десять минут нам было приказано вернуться на дорожку для новой пробежки. Хейми старался изо всех сил, но вскоре перешел на шаг. На этот раз я бежал трусцой, не торопясь. Аммит легко догнал меня, хотя его кривоногий шаг заставлял его раскачиваться из стороны в сторону, как буксир при умеренной качке. Когда мы пробегали мимо вип-персон, он вильнул в сторону и снова толкнул меня, но на сей раз это был не толчок, а старый добрый тычок в плечо. От неожиданности я растянулся на земле, Джая споткнулась об меня и с кряхтением упала на колени. Остальные обогнули нас и побежали дальше.

Мы наконец-то завладели вниманием находившихся в ложе. Они смотрели на нас с Джаей,

указывали пальцами и смеялись так, как Энди, Берти и я могли бы смеяться над какой-нибудь смешной сценой в фильме.

Я помог Джае подняться. Один из ее локтей кровоточил, и я спросил, все ли с ней в порядке. Она сказала, что да, а потом побежала дальше, когда один из ночных солдат направился к нам с поднятой гибкой палкой.

— Не трогай ее, детка! Не-не!

Я поднял руку, отчасти для того, чтобы показать, что понял, но в основном чтобы отразить удар гибкой палки, если он решит врезать мне ей по лицу.

Ночной солдат отступил на шаг. Побежав, я догнал Аммита.

— Зачем ты это сделал?

Его ответ был именно таким, какой я мог бы услышать от любого тупоголового кандидата в альфа-самцы, с которыми я занимался спортом на протяжении многих лет. Если вы тоже им занимались, особенно в старшей школе, то знаете, о ком я говорю. Такие парни заканчивают тем, что в двадцать или тридцать лет торчат у выхода на поле, выпячивая пивное брюхо и хвастаясь былыми подвигами.

— Мне так захотелось.

Это означало, что Аммиту нужен урок. Если бы он его не получил, удары, толчки и подножки не прекратились бы никогда.

После круга на дорожке нас отправили на кольца и велели подтягиваться. Некоторые из моих компаньонов могли сделать пять, шесть или семь подтягиваний, большинство — одно или два. Я сделал дюжину, а потом по глупости решил покрасоваться.

— Смотрите! — сказал я Глазу и Хейми.

Подтянувшись снова, я «снял шкуру с кошки», закинув ноги за голову и совершив идеальный переворот на триста шестьдесят градусов. Едва я приземлился, как меня хлестнули по пояснице, причем сильно. Сначала появилась боль, потом жжение, проникающее все глубже.

— Без фокусов! — крикнул Аарон. Гнев сделал его ауру ярче, и человеческое лицо — и без того прозрачное — исчезло почти полностью. Небольшой факт: вы можете подумать, что привыкли к тому, что вас держат в плену живые мертвецы, но никогда к этому не привыкнете. — Никаких фокусов! Сломаешь себе запястье или ногу, и я с тебя шкуру спущу!

Я уставился на него, присев на корточки и уперев пальцы левой руки в землю. Аарон отступил

на шаг, но не потому, что испугался. Он сделал это, чтобы дать себе достаточно места, чтобы размахнуться своей гребаной палкой.

— Хочешь броситься на меня? Давай! Если тебе нужен урок, я тебе его преподам!

Я покачал головой, отчего мои грязные волосы упали на лоб, и очень медленно встал. Я был выше и весил больше его фунтов на сто — по сути, он был просто мешком костей, — но его защищала аура. Хотел ли я получить электрический разряд? Вовсе нет.

— Извини, — сказал я, и на мгновение мне показалось, что он выглядит удивленным, прямо как Перси, когда я поблагодарил его. Ничего не ответил, он жестом велел мне присоединиться к остальным.

— Бегом! — завопил он. — Скорее, макаки!

Конечно, слово «макаки» было еще одной ментальной заменой. Мы сделали еще круг по дорожке (на этот раз Хейми даже не пытался бежать), выпили еще по чашке энергетической воды, а потом нас отправили к манекенам для тренировки.

Аарон отступил назад, и его сменил другой ночной солдат.

— Первый, кто убьет своего врага, получит

торт! Торт для первого убившего! Шагните вперед и выберите себе шест!

Нас был тридцать один человек и только двенадцать шестов с манекенами. Глаз схватил меня за запястье и прошептал:

— Сначала посмотри, как это делается.

Я был удивлен этим полезным советом и охотно ему последовал. Двенадцать моих товарищей, желающих получить торт в качестве награды, быстро подошли к обернутым мешковиной шестам. Среди них были Эрис, Фремми и Стакс, Дабл и Аммит.

— Теперь отойдите назад!

Они отступили до самого стола.

— И убейте своего врага!

Они бросились вперед к шестам. Больше половины из них отклонились немного в сторону — это было не так заметно, но я заметил. Только трое столкнулись со своими шестами на полном ходу. Эрис ударила сильно, но она была тощей, и дощечка с физиономией на ее шесте только вздрогнула. То же произошло с другим парнем, который не дрогнул — его звали Мерф. Удар Аммита оказался самым сильным. Его дощечка слетела с верхушки шеста и приземлилась в десяти футах от него.

— Торт этому! — объявил Аарон. — Он получит торт!

Зрители в вип-ложе во главе с бледнолицей женщиной зааплодировали. Аммит поднял сжатые в кулаки руки и поклонился им. Я не думаю, что он распознал отчетливо шутливый характер этих приветствий. Он не был, как говорится, самым острым ножом или самой яркой лампочкой.

Первые двенадцать человек сменились еще двенадцатью, но Глаз снова удержал мое запястье, и я остался на месте. На этот раз дощечку не сбил никто. Глаз, Хейми, Джая и я были среди последних участников.

— Отойдите назад!

Мы отошли.

— И убейте своего врага!

Я бросился на свой шест, опустив правое плечо — более мощное. Я был почти уверен, что мог бы ударить достаточно сильно, чтобы отправить дощечку с недовольной физиономией в полет через поле, но отклонился, как, видел я, и некоторые другие. Моя дощечка почти не задрожала, но у Йоты она оторвалась и улетела почти так же далеко, как у Аммита. На этот раз никто из важных персон не утруждал себя аплодисментами; они

снова погрузились в разговоры.

Аарон отошел к проходу под вип-ложей, и там к нему присоединился Келлин — на сей раз без смокинга; Верховный лорд был одет в обтягивающие бриджи из плетеного шнура и белую рубашку с открытым воротом под плащом своей ауры. Они вдвоем направились к нам, и я почувствовал то же дежавю, что и тогда, когда увидел тренировочное снаряжение и стол с напитками на нем. Келлин и Аарон могли бы быть старшим тренером и его помощником. Это были не просто тренировки заключенных, а серьезное дело. Скоро должны были состояться Честные игры, и мне казалось, что Келлин и Аарон отвечают за то, чтобы это оказалось отменное шоу.

— Посохи! — крикнул Аарон. — Теперь посохи!

При этих словах люди в ложе проявили больше интереса. Даже ночные солдаты на парапетах, казалось, вытянулись по стойке смирно.

Мы подошли к корзине с боевыми посохами. Они были похожи на палки-бокены[220], но без рукояток — около трех футов длиной, заостренные с обоих концов. Дерево было белым, гладким и твердым. «Ясень», — подумал я. Как у бейсболь-

[220] Примечания: 220

Бокен — деревянный макет японского меча, используемый в разных видах боевых искусств для тренировок.

ных бит Высшей лиги.

Келлин указал на Эрис. Шагнув вперед, она взяла один из посохов. Потом жестом поманил Хейми, отчего у меня немного сжалось сердце. Тот взял другой посох, держа его за один из заостренных концов. Эрис тоже взяла посох за один конец. *Защита и нападение*, подумал я. Ни один из них не выглядел взволнованным, но у Хейми вид был испуганный. Думаю, у него имелись на то причины.

— Убейте своего врага! — Аарон прокричал это громче, чем прежде.

Эрис взмахнула своим посохом. Хейми отбил удар. Она атаковала его сбоку, и Хейми парировал, но слабо; если бы она ударила в полную силу (а она этого не сделала), то, вероятно, сбила бы его с ног.

— Уложи его! — взвизгнул Келлин. — Уложи его, ты, тупая сучка, или я убью тебя!

Эрис нанесла удар снизу. На этот раз Хейми не предпринял никаких попыток отбить его, и она подсекла его ноги. Он приземлился на траву с глухим стуком. Зрители в ложе зааплодировали еще громче, и Эрис поклонилась им. Я надеялся, что они были слишком далеко, чтобы увидеть выражение отвращения на ее лице.

Аарон пару раз хлестнул Хейми по заду и ногам своей гибкой палкой.

— Вставай! Поднимайся, куча дерьма!

Хейми с трудом поднялся на ноги. Слезы катились по его щекам, а из носа двумя струйками стекали сопли. Аарон занес свою гибкую палку для очередного удара, но Келлин остановил его одним движением головы. Хейми должен был оставаться невредимым — по крайней мере, до начала игр.

Эрис оставили для другого противника. Было много парирований, но никаких сильных ударов. Потом они отступили, и их место заняла следующая пара. Все шло размеренно, с большим количеством выпадов, взмахов и отбитых ударов, но без криков «уложи его» или «убей своего врага». Стукс и Фремми, правда, получили взбучку от одного из ночных солдат за лень. Судя по тому, как спокойно они это восприняли, я подумал, что это было не в первый раз.

Глаз сразился с Томом, Бернд — с Бултом, и в конце концов остались только я и Аммит. Я предполагал, что Аарон видел толчок, которым Аммит свалил меня на беговой дорожке, и хотел, чтобы последними стали именно мы. Или, возможно, это увидел Келлин оттуда, где он скрывался,

прежде чем выйти на поле.

— Посохи! — крикнул Аарон. Боже, как я ненавидел этот жужжащий голос! — Вы двое! Берите посохи! Посмотрим, что у вас получится!

Аммит держал свой посох за один конец, готовясь к нападению. Он улыбался. Я взялся за свой посередине, чтобы парировать удар — по крайней мере, в начале. Аммит участвовал и тренировках раньше и не ожидал никаких неприятностей от новичка. Может быть, он был прав, но может, и нет. Скоро увидим.

— Убей своего врага! — на сей раз это выкрикнул Келлин.

Аммит без колебаний бросился на меня, покачиваясь из стороны в сторону на своих кривых ногах и надеясь зажать меня между столиком с напитками и корзиной с посохами, которые предыдущие соперники сложили после поединков. Подняв свой посох, он со всех сил опустил ее вниз, явно стремясь вызвать у меня сотрясение мозга или что-нибудь похуже. В том, чтобы устранить меня, был определенный смысл. Его, может быть, накажут, зато поголовье узников снова сократится до тридцати, а это значит, что главный турнир будет отложен до тех пор, пока не найдутся еще два целых человека. Возможно,

он даже хотел спасти этим своих товарищей, но я в это не верил. Просто по какой-то причине Аммит решил, что я ему не нравлюсь.

Полуприсев, я поднял свой посох, и удар пришелся по нему, а не по моей голове. Я вскочил с корточек, оттолкнул его посохом и отбросил назад. Смутно слыша взрыв аплодисментов из вип-ложи, я выскочил из промежутка между корзиной и столом, оттесняя его на открытое место, где я мог использовать ту скорость, которая у меня была. Конечно, я был не таким уж быстрым, но куда быстрее Аммита с его кривыми ногами.

Он пытался ударить меня в левый бок, потом в правый. Теперь, когда меня не сковывала теснота, я легко парировал эти удары. И я был зол на него, очень зол. Так же, как на Кристофера Полли, когда сломал ему одну руку, избил его, а потом сломал вторую. Как я злился на отца, когда он начал пить после смерти моей матери. Я ничего ему не говорил и никому (почти никому) не жаловался на его пьянство, но выражал свою злость другими способами. Кое-что я вам рассказал, но о другом мне слишком стыдно вспоминать.

Мы медленно ходили кругом по траве, переступая ногами, наклоняясь и делая обманные движения. Заключенные молча наблюдали за

нами. Келлин, Аарон и другие ночные солдаты тоже смотрели молча. Болтовня в вип-ложе стихла. Аммит начал тяжело дышать и уже не так быстро управлялся с палкой. Улыбаться он тоже перестал, и это было хорошо.

— Давай, — сказал я. — Иди сюда, ты, бесполезный ублюдок. Давай посмотрим, что ты можешь сделать.

Он бросился вперед, подняв посох над головой. Одной рукой я перехватил свой посох пониже и ткнул концом ему в живот, чуть выше паха. Удар, который он нанес, пришелся мне по плечу, заставив его онеметь. Но я не отстранился. Я отбросил свой посох, выбросил левую руку наискось вверх и выхватил посох у него из рук. Потом ударил им его в бедро, отступил назад и ударил туда же второй раз, вложив в этот удар такую силу, словно его траектория соединилась с силовой линией, идущей через правую сторону поля.

Аммит вскрикнул от боли.

— Все! Хватит!

Мне было наплевать, что он там кричит. Я снова замахнулся и ударил его по руке. Он повернулся и бросился бежать, но у него перехватило дыхание — да еще эти кривые ноги. Я посмотрел на Келлина, который пожал плечами и махнул в

сторону моего противника, как бы говоря «делай с ним что хочешь». Во всяком случае, я понял это так. Я побежал за Аммитом. Мог бы сказать вам, что думал о его ударе по плечу и о том, как люди в ложе смеялись, когда я упал. Мог бы сказать, что мстил ему за то, что Джая споткнулась об меня и растянулась на земле. Мог бы даже сказать, что делал это для того, чтобы в будущем никто из них не связывался бы со мной. Но все это было не так. Никто из остальных не проявлял ко мне ни малейшей враждебности, за исключением, может быть, Глаза, и то до того, как он узнал меня получше.

Я просто хотел преподать этому чуваку урок.

Мой посох дважды как следует врезал ему по заднице. Второй удар швырнул его на колени.

— Хватит! Хватит! Я сдаюсь!

Я поднял свой посох над головой, но, прежде чем я ее опустил, Верховный лорд схватил меня за руку. Снова появилось то ужасное ощущение, будто меня коснулись провода под током, и из меня высасывают все силы. Если бы он держал еще немного, я бы потерял сознание, как это было у ворот, но он отпустил руку.

— Достаточно.

Мои пальцы безвольно разжались, и я выро-

нил посох. Потом встал на одно колено. Важные персоны аплодировали и подбадривали меня. У меня перед глазами все плыло, но я разглядел высокого человека со шрамом на щеке, который что-то шептал бледнолицей женщине, небрежно обхватив при этом одну из ее грудей.

— Вставай, Чарли.

Мне с трудом удалось это сделать. Келлин кивнул Аарону.

— Игровое время закончилось, — сказал Аарон. — Можете выпить еще по чашке.

Не знаю, как остальным, но мне это было необходимо.

3

Охранники отвели нас в одну из раздевалок. Даже по тем стандартам, к которым я привык, она была большой и роскошной. Над головой висели электрические лампы, но, по-видимому, они не были подключены к ветхому генератору и их заменили газовыми. Полы и стены были выложены белой плиткой и безупречно чисты, по крайней мере пока мы не оставили на них нашу грязь — плюс многочисленные пятна крови после драки на палках. Я подумал, что это место, вероятно, содержали в чистоте серые люди, хотя

сейчас никого из них не было видно. Там был желоб с проточной водой, в который можно было помочиться, что и сделали несколько мужчин. На обоих концах стояли фарфоровые сиденья с отверстиями в центре. Я догадался, что они предназначались для женщин, хотя ни Джая, ни Эрис ими не воспользовались. Но они сняли верхнюю часть одежды, как и мужчины, не проявляя никакого заметного смущения. Джая получила несколько ударов палкой, и на ее ребрах расцвели синяки.

С одной стороны раздевалки стояли деревянные шкафчики, где члены команд, должно быть, когда-то хранили свое снаряжение (нам, конечно, нечего было туда складывать). С другой стороны была длинная полка, уставленная ведрами для мытья. В каждом плавало по тряпке, но мыла не было.

Я стянул с себя рубашку, морщась от боли — в основном от ударов гибких хлыстов. Хуже всего чувствовала себя поясница. Я ее не видел, но чувствовал там кровь, теперь подсыхающую и липкую.

Несколько человек уже стояли у ведер, смывая пот и грязь с верхней части тела, а некоторые сбросили штаны, чтобы вымыть и остальное. Я

подумал, что могу пропустить эту часть омовения, но было интересно отметить, что в Эмписе, как и во Франции (по крайней мере, согласно песенке), не носят трусов.

Аммит, прихрамывая, направился ко мне. Наши опекуны не пошли с нами, а это означало, что некому было разнять нас, если он задумал реванш. Меня это вполне устраивало. Я повернулся к нему, наполовину голый и все еще покрытый въевшейся за много дней (к тому времени уже недель) грязью, и сжал кулаки. Тут произошла удивительная вещь: Глаза, Фремми, Стакс и Хейми встали передо мной в ряд, лицом к Аммиту.

Кривоногий покачал головой и приложил тыльную сторону ладони ко лбу, как будто у него болела голова.

— Не-не. Я не верил в это, но теперь верю. Думаю, что верю. Ты действительно тот…

Йота шагнул вперед и закрыл Аммиту рот, прежде чем тот смог закончить. Другой рукой он указал на решетку, которая, возможно, обеспечивала тепло в те дни, когда этот стадион — и город, который он обслуживал, — был полон людей. Аммит проследил за его взглядом и кивнул. С явной болью он опустился передо мной на одно колено и снова приложил руку ко лбу.

— Прошу прощения, Чарли.

Я открыл рот, чтобы ответить «нет проблем», но сказал совсем другое:

— Прощаю тебя с радостью. Иди, Аммит.

Теперь они все смотрели на меня, и некоторые (но не Йота, еще нет) тоже приложили руки ко лбу. Головы не могли разболеться у всех сразу, так что это наверняка был салют. Они верили во что-то совершенно нелепое. И все же…

— Умойся, Чарли, — сказал Галли, показывая мне на ведра. По причине, которой я не понимал, Эрис ходила, пригибаясь, вдоль полки и проводила руками по ее нижней стороне. — Давай, приведи себя в порядок.

— Волосы тоже, — сказал Глаз. И когда я заколебался, добавил. — Все в порядке. Пусть они увидят. Прости за то, что сказал, что набью тебе полный рот грязи.

Я сказал ему, что не обиделся, не потрудившись добавить, что в своей жизни слышал много подобной фигни. Это был не просто спортивный обычай, но и вообще мужской.

Подойдя к одному из ведер, я отжал плавающую в нем тряпку и обтер ею лицо, шею, подмышки и живот. При этом я недовольно сознавал, что целая аудитория наблюдает за тем, как я моюсь.

Когда я вымыл все, до чего мог дотянуться, Джая попросила меня повернуться. Я так и сделал, и она вымыла мне спину. Она осторожно обходила порез, куда Аарон ударил меня за то, что я «снял шкуру с кошки» на кольцах, но я все равно морщился.

— Терпи, Чарли, — сказала она. Ее голос был нежным. — Еще немного. Мне нужно убрать грязь из раны, чтобы она не загноилась.

Закончив, она указала на одно из неиспользованных ведер. Потом дотронулась до моих волос, но только на секунду, прежде чем отстранилась, как будто прикоснувшись к чему-то горячему.

Я посмотрел на Йоту, чтобы удостовериться, и он кивнул. Недолго думая, я схватил ведро и вылил его себе на голову. Вода была достаточно холодной, чтобы заставить меня задохнуться, но это было приятно. Я провел руками по волосам, выбирая из них застрявшую грязь и песок. У моих ног натекла лужица темной воды. Пальцами я зачесал волосы назад, насколько смог, и заметил, что они порядком отросли. «*Наверное, стал похож на хиппи*» — подумал я.

Они смотрели на меня, каждый из тридцати. Некоторые в самом деле были озадачены и у всех были круглые глаза. Йота приложил тыльную

сторону ладони ко лбу и опустился на колено. Остальные последовали его примеру. Сказать, что я был ошеломлен — значит ничего не сказать.

— Встаньте, — сказал я. — Я не тот, за кого вы меня принимаете.

Только я не был уверен, что это правда.

Они поднялись на ноги. Йота подошел ко мне и схватился за прядку волос, упавшую на ухо. Выдернув ее — ой! — он показал мне свою руку. Прядь, даже мокрая, ярко блестела в свете газовых рожков. Почти так же ярко, как золотые шарики мистера Боудича.

— А как насчет моих глаз? — спросил я. — Какого цвета мои глаза?

Йота прищурился, оказавшись почти нос к носу со мной.

— Все еще карие. Но они меняются. Тебе надо смотреть вниз как можно больше.

— К тому же ублюдкам это нравится, — сказал Стукс.

— Они это просто обожают, — добавил Фремми.

— За нами придут в любой момент, — сказала Эрис. — Позволь мне… Прости, принц Чарли, но я должна…

— Не называй его так! — сказал Том. — Нико-

гда! Ты хочешь, чтобы его убили? Чарли, черт возьми, только Чарли!

— Прости, — прошептала она, — и извини, что делаю это, но я должна.

Она собрала под полкой целую горсть черноты — смесь застарелого жира и грязи.

— Наклонись ко мне. Ты очень высокий.

«*Конечно*, — подумал я. — *Высокий, европеоид, теперь блондин, а скоро, возможно, еще и голубоглазый. Бравый принц прямо из диснеевского мультика*». Вот только я не чувствовал себя таким уж бравым, и все это выглядело абсурдно. Какой диснеевский принц когда-либо размазывал собачье дерьмо по ветровому стеклу или взрывал почтовый ящик самодельной бомбой?

Я наклонился. Очень нежно она провела пальцами по моим волосам, снова пачкая их и делая темнее. Но не скажу, что прикосновение ее пальцев к моей голове не вызвало у меня легкой дрожи. Судя по тому, как залились румянцем щеки Эрис, не только у меня.

В дверь заколотили кулаком. Один из ночных солдат крикнул:

— Игровое время кончилось! Выходите! Топ-топ! Не заставляйте меня повторять дважды, детки!

Эрис, отступив назад, посмотрела на меня, потом на Глаза, Джаю и Хейми.

— Думаю, с ним все в порядке, — тихо сказала Джая. Я надеялся, что так оно и было. У меня не было никакого желания снова посетить апартаменты Верховного лорда. Или камеру пыток. Если бы я туда попал, меня бы заставили рассказать все… и в конце концов я бы рассказал. Начиная с того, откуда я пришел. Кто помогал мне на моем пути и где они живут. И кем меня считали мои товарищи по заключению. Кем я *был*.

Их гребаным спасителем.

4

Мы вернулись в Глубь Малейн. Двери камер захлопнулись и заперлись вытянутыми руками ночных солдат. Это был ловкий трюк. Мне было интересно, какие трюки у них еще были. Конечно, кроме использования электрических разрядов по заказу.

Хейми смотрел на меня большими глазами со своего конца камеры — отодвинувшись так далеко, как только мог. Я сказал ему, чтобы он перестал пялиться на меня, это заставляло меня нервничать. Он ответил:

— Прошу прощения, при… Чарли.

— Тебе надо получше стараться на тренировках, — сказал я. — Обещай мне, что попытаешься.

— Обещаю.

— И постарайся лучше скрывать то, что, как тебе кажется, ты знаешь про меня.

— Я никому про это не говорил.

Оглянувшись через плечо, я увидел Фремми и Стакса, которые бог о бок смотрели на нас из своей камеры, и понял, как распространился этот слух. Некоторые истории (как вы, наверное, и сами знаете) слишком хороши, чтобы не передать их дальше.

Я все еще проводил инвентаризацию своих больных мест, когда четыре засова по очереди отодвинулись. Вошел Перси с большим тортом на металлическом блюде. Шоколадным, судя по всему. Мой желудок болезненно вскрикнул. Он отнес торт дальше по коридору в камеру, которую Аммит делил с Галли.

Аммит просунул руку сквозь прутья и отщипнул приличных размеров кусок. Отправил его в рот, а потом сказал (с явным сожалением):

— Остальное отдай Чарли. Он побил меня пал-

кой. Отделал, как рыжего пасынка[221].

Это снова было не то, что он сказал, а то, что я услышал. То, что моя мама обычно говорила после партии в джин-рамми со своей подругой Хеддой. Иногда Хедда била ее, как рыжего пасынка, иногда как наемного мула, иногда как большой басовый барабан. Есть фразы, которые никогда не забываются.

Перси подошел к решетке моей камеры с большей частью торта на блюде. Со всех сторон на него глядели тоскующие глаза. Торт был таким большим, что Перси пришлось перевернуть блюдо боком, чтобы просунуть его между прутьями. Я прижал его к блюду, чтобы он не упал на пол, потом облизал глазурь. Боже, как это было вкусно — я до сих пор чувствую этот вкус.

Я начал есть (пообещав себе, что отдам немного Хейми и, может быть, еще комическому дуэту по соседству), но потом прервался. Перси все еще стоял перед камерой. Когда он увидел, что я смотрю на него, он приложил тыльную сторону своей бедной расплавленной руки к серому лбу.

И преклонил колено.

---

[221] Примечания: 221
Выражение, аналогичное нашему «паршивая овца».

5

Я спал, и мне снилась Радар.

Она бежала рысью по Королевской дороге к депо, где мы провели ночь перед тем, как отправиться в город. Время от времени она останавливалась и искала меня, поскуливая. Один раз чуть не развернулась, чтобы вернуться назад, но потом побежала дальше. «Хорошая собака, — подумал я. — *Спасайся, если сможешь*».

Луны пробились сквозь облака. Как по команде, завыли волки. Радар перестала бежать рысью и перешел на бег. Вой становился громче и ближе. Во сне я видел низкие тени, крадущиеся по обе стороны дороги. У теней были красные глаза. «*Вот как сон превращается в кошмар*», — подумал я и приказал себе проснуться. Я не хотел видеть, как стая волков — или две стаи, по одной с каждой стороны — вырвется из улиц и переулков разрушенного пригорода и нападет на мою собаку.

Сон рассеялся. Я слышал, как стонет Хейми. Фремми и Стакс перешептывались в соседней камере. Прежде чем я смог полностью вернуться к реальности, произошла удивительная вещь. Облако темнее ночи катилось к Радар. Пролетая

под мчащимися лунами, облако превратилось в кружево — это были монархи. Они никогда не летали ночью, им надо было спать, но ведь это был сон. Облако добралось до собаки и повисло в нескольких футах над ней, пока она бежала. Некоторые бабочки даже опустились ей на голову, спину и ее новые мощные лапы, их крылья медленно открывались и закрывались. Волки перестали выть, и я окончательно проснулся.

Хейми сидел над выгребной ямой в углу, лохмотья штанов сползли к его ногам. Он держался за живот.

— Нельзя ли заткнуться? — проворчал Глаз со своей стороны коридора. — Некоторые пытаются уснуть.

— Сам заткнись, — прошептал я в ответ и подошел к Хейми. — Насколько все плохо?

— Не-не, ничего, — но его мокрое лицо говорило о другом. Внезапно раздался взрывной пук, за ним шлепок. — О боги, так лучше. Гораздо лучше.

Вонь была ужасной, но я схватил его за руку, чтобы он не упал, пока натягивал то, что осталось от его штанов.

— Что, кто-то умер? — спросил Фремми.

— Думаю, задница Хейми наконец-то разродилась, — ответил Стакс.

— Прекратите, — сказал я. — В болезни нет ничего смешного.

Они немедленно заткнулись. Стакс уже начал прикладывать ладонь ко лбу.

— Не надо, — сказал я ему. — Не делай так больше. Никогда.

Я помог Хейми вернуться на его тюфяк. Его лицо было изможденным и бледным. Мысль о том, что он будет драться с кем-либо на так называемых Честных играх, даже с Домми с его слабыми легкими, казалась нелепой.

Нет, не то слово. *Ужасной*. Все равно что заставлять попугая сразиться с ротвейлером.

— Еда во мне не держится, я же говорил. Раньше я был сильным, работал по двенадцать часов в день на лесопилке Бруки, иногда по четырнадцать, и никогда не просил лишнего отдыха. А потом… Не знаю, что случилось. Грибы? Нет, скорее всего, нет. Скорее всего, проглотил какого-нибудь жука. И вот теперь еда никак не хочет держаться во мне. Сначала все было лучше, а теперь совсем плохо. Знаешь, на что я надеюсь?

Я покачал головой.

— Надеюсь дожить до Честных игр и выйти на поединок. Тогда я смогу умереть снаружи и не от того, что у меня лопнет живот, пока я пытаюсь

посрать в этой гребаной камере.

— Тебе здесь стало плохо?

Я подумал, что так и было — за это время ядовитые грибы либо убили бы его, либо в конце концов ему стало бы лучше. Глубь Малейн уж точно не была здоровым местом. Но Хейми покачал головой.

— Думаю, по дороге из Цитадели. После того, как пришла серость. Иногда я думаю, что стать серым было бы лучше.

— И как давно это было?

Он покачал головой.

— Не знаю. Годы назад. Иногда мне кажется, что я чувствую, как этот жук еще жужжит где-то у меня внутри, — он потер свой дряблый живот. — Копошится там, поедая меня понемногу. Медленно. *Ме-е-дленно*.

Он стер пот с лица.

— Когда меня и Джеку привели сюда, тут было всего пятеро, — он указал вниз по коридору на камеру, которую Джека делил с Берндом. — С нами стало семеро. Число росло… кто-то умирал, и оно уменьшалось… но всегда росло опять. Сейчас нас уже тридцать один. Булт был здесь до меня, возможно, дольше всех… кто еще живы… И он сказал, что тогда Губителю Летучих хотелось,

чтобы нас было шестьдесят четыре. Больше поединков! Еще больше крови и мозгов на траве! Но Келлин — должно быть, это был он — убедил его, что он никогда не найдет столько целых, так что хватит тридцати двух. Глаз говорит, что если в ближайшее время не будет тридцать второго, Губитель выставит Красную Молли вместо того, чтобы приберечь ее до конца.

Это я уже знал. И хотя я никогда не видел Красную Молли, но боялся ее, потому что видел ее мать. Однако было кое-что, чего я еще не знал. Я наклонился поближе к Хейми.

— Элден — это Губитель Летучих?.

— Так они его называют.

— Есть у него есть другое имя? Может, он Гогмагог?

Именно тогда я открыл огромную дистанцию — провал, пропасть — между сказочным волшебством, подобным солнечным часам, которые поворачивают время вспять, и сверхъестественным. Потому что *нечто* услышало меня.

Газовые лампы, которые обычно горели тускло, внезапно вспыхнули мутно-синими сполохами, осветив Глубь Малейн до самых дальних уголков. Из некоторых камер донеслись крики страха и удивления. Я увидел у зарешеченной двери Йоту,

сонно прикрывавшего глаза рукой. Это длилось всего секунду или две, но я успел почувствовать, как каменный пол подо мной выгнулся, а потом с глухим стуком опустился назад. С потолка посыпалась пыль. Стены застонали. Казалось, будто наша тюрьма закричала при звуке этого имени.

Нет, без всяких «будто».

Она действительно кричала.

Потом все внезапно кончилось.

Хейми схватил меня одной из своих тонких рук за шею так крепко, что у меня перехватило дыхание. И прошептал мне на ухо:

— Никогда не произноси это имя! Ты же не хочешь разбудить то, что спит в Колодце Тьмы?

Глава двадцать третья Tempus est Umbra in Mente[222]. Туманная история. Кла. Записка. Всходы

[222] Примечания: 222
Время — это тень в сознании (лат)

1

В первый год учебы в Хиллвью я изучал латынь. Я делал это потому, что изучение мертвого языка показалось мне классной идеей, а еще потому что мой папа сказал мне, что мама учила ее в той же школе и у той же учительницы, мисс Янг. Он сказал, что мама считала ее крутой. К тому времени, когда подошла моя очередь, мисс Янг, которая преподавала французский, а также латынь, была уже немолода, но все еще крута. В группе нас было всего восемь человек, и когда наступил следующий учебный год, латыни не стало, потому что мисс Янг ушла на пенсию, и эту часть языковой программы средней школы Хиллвью пришлось закрыть.

В первый день обучения мисс Янг спросила, знаем ли мы какие-нибудь латинские фразы. Карла Йоханссон подняла руку и сказала «carpe diem», что означало «лови момент». Никто больше не предлагал, поэтому я поднял руку и произнес фразу, которую слышал от своего дяди Боба, когда ему нужно было куда-то спешить: «tempus fugit», то есть «время летит». Мисс Янг кивнула, и когда

никто больше ничего не сказал, она сказала нам еще несколько выражений, например, «ad hoc», «de facto» и «bona fide». Когда занятия закончились, она перезвонила мне, сказала, что хорошо помнит мою маму и сожалеет, что я лишился ее так рано. Я поблагодарил ее. Не было никаких слез, не шесть лет спустя, но у меня все равно стоял комок в горле.

— «Tempus fugit» — это хорошо, — сказала она, — но время не всегда летит, как знают все, кому когда-либо приходилось чего-то ждать. Я думаю, что «tempus est umbra in mente» — более правильный вариант. В приблизительном переводе это означает, что время — это тень в сознании.

Я часто думал об этом в Глуби Малейн. Поскольку мы были погребены под землей, единственным способом отличить ночь от дня было то, что при дневном свете — который был где-то, но не у нас, не в нашем мерзком мире, — ночные солдаты появлялись реже, их голубые ауры уменьшались, а человеческие лица становились более заметными. По большей части это были несчастные лица. Уставшие. изможденные. Я задавался вопросом, не заключили ли эти существа, когда еще были людьми, какую-то дьявольскую сделку, о кото-

рой сожалели теперь, когда было уже слишком поздно отказаться от нее. Может быть, не Аарон и некоторые другие, и уж конечно, не Верховный лорд, но остальные? Может быть. Или, возможно, я просто видел то, что хотел увидеть.

В течение моей первой недели в подземелье я примерно следил за временем, но после потерял ему счет. Думаю, что нас водили на стадион каждые пять или шесть дней, но по большей части это были просто тренировки, а не кровавые игры. Единственным исключением был случай, когда Янно (извините, что продолжаю называть все новые имена, но вы должны помнить, что кроме меня там было тридцать узников) слишком сильно замахнулся своей палкой на Эрис. Она пригнулась, он потянулся вслед за палкой и вывихнул плечо. Это меня не удивило. Янно, как и большинство моих товарищей, с самого начала никогда не был тем, кого можно назвать типом Дуэйна Джонсона[223], и то, что он большую часть времени сидел взаперти, не прибавило ему ни сил, ни ловкости. Я упражнялся в своей камере, но мало кто из остальных делал это.

Другой узник, Фрид, вылечил плечо Янно, когда

[223] Примечания: 223

Дуэйн Джонсон (род. 1972) — американский актер по прозвищу Скала, известный своей мускулатурой.

нас вернули в раздевалку. Он велел ему не двигаться, схватил за локоть и дернул. Я услышал лязг, когда плечевой сустав Янно встал на место.

— Это было здорово, — сказал я, когда нас вели обратно в Малейн.

Фрид пожал плечами.

— Раньше я был врачом. В Цитадели. Многие годы назад.

Только «годы» — не то слово, которое он сказал. Я знаю, что говорил это раньше, и вы знаете, что говорил, но мне нужно объяснить — по крайней мере, попытаться, — почему у меня ничего до конца не укладывалось в голове. Я всегда слышал слово «годы», но когда я задавал вопросы об Эмписе и использовалось это слово, каждый раз казалось, что оно означает разный промежуток времени. Я пытался сложить головоломку истории Эмписа долгие недели (и с немалыми стараниями), но так и не получил четкой временной шкалы.

На папиных собраниях «Анонимных Алкоголиков» новичкам советовали вынуть вату из ушей и засунуть ее в рот; учитесь слушать, чтобы вы могли чему-то научиться, говорят они. Иногда я задавал вопросы, но в основном держал уши открытыми, а рот закрытым. Мои товарищи от-

вечали (потому что больше делать было нечего), спорили о том, когда случилось то-то и то-то (и случилось ли это вообще), передавали истории, которые им рассказывали их родители, бабушки и дедушки. У меня начала формироваться картина, туманная, но хоть как-то понятная.

Когда-то, давным-давно, монархия здесь была настоящей монархией с настоящей армией и, насколько я понял, даже с флотом. Примерно такой, я полагаю, была Англия во времена Якова, Карла и Генриха со всеми его женами. Эти древние короли Эмписа — не могу сказать, правили ли здесь когда — нибудь королевы, это так и осталось для меня загадкой, — предположительно, были избраны высшими богами. Их власть была непререкаемой. Их самих считали чуть ли не богами, и, насколько я знал, так оно и было. Неужели трудно поверить, что короли (и, возможно, члены их семьи) могли летать по воздуху, сражать врагов насмерть грозным взглядом или исцелять болезни прикосновением в стране, где жили русалки и великаны?

В какой-то момент правящей династией стали Галлиены. По словам моих товарищей по заключению, это было — как вы уже догадались — много лет назад. Но с течением времени, ду-

маю, через пять или шесть поколений, Галлиены начали ослаблять свою королевскую хватку. Во времена, предшествовавшие появлению серости, Эмпис был монархией только номинально: королевская семья по-прежнему имела большое влияние, но уже не была началом и концом всего. Была утрачена Цитадель. Док Фрид сказал, что ею руководил совет из семи человек, и членов этого совета избирали. Он говорил о Цитадели так, как будто это был большой центр, но у меня сложилась картина маленького богатого городка, который процветал благодаря торговле между Прибрежьем и Лилимаром. Возможно, другие города или княжества, такие как Деск и Уллум (по крайней мере, до того, как Уллум стал религиозным центром), были примерно такими же, каждый имел свои особенности, и жители каждого занимались своими делами.

Узники, большинство из которых стали моими друзьями — что осложняла их вера в то, что я был или мог быть каким — то волшебным принцем, — довольно мало знали о Лилимаре и дворце, не потому, что это был большой секрет, а потому, что у них были свои собственные жизни и города, о которых нужно было думать. Они платили дань королю Яну (хотя многие думали, что его зовут

королем Джемом, как тот джем, что намазывают на хлеб), потому что требуемые суммы были разумными, и потому что армия — к тому времени значительно сокращенная и переименованная в королевскую гвардию — охраняла дороги и мосты. Уважением пользовались также люди, которых Том называл конными шерифами, а Аммит — посессорами (так я это услышал). Монархии жители Эмписа тоже отдавали дань уважения, потому что Ян был — та-дам! — король и потому, что люди склонны делать то, чего требует от них традиция. Вероятно, они немного ворчали, как всегда делают люди, когда им приходиться расставаться с деньгами, а потом забывали об этом, пока снова не наступало 15 апреля — время уплаты налога.

А как же магия, спросите вы? Солнечные часы? Ночные солдаты? Здания, которые иногда, казалось, меняли свои очертания? Они принимали все это как должное. Если вам это кажется странным, представьте путешественника во времени из 1910 года, перенесшегося в 2010 год и обнаружившего мир, где люди летают по небу на гигантских металлических птицах и ездят на автомобилях, способных развивать скорость девяносто миль в час. Мир, где все разгуливают

с мощными компьютерами в карманах. Или представьте себе парня, который видел всего несколько немых черно-белых фильмов, сидящего в первом ряду кинотеатра IMAX и смотрящего «Аватар» в 3D.

К удивительному привыкаешь, вот и все. Русалки и IMAX, великаны и сотовые телефоны. Если это есть в твоем мире, ты свыкаешься с ним. Это замечательно, правда? Но взгляни на это с другой стороны, и это станет в некотором роде ужасным. Думаете, Гогмагог страшный? Наш мир сидит на грозящих ему гибелью запасах ядерного оружия, и если это не черная магия, то я не знаю, что это такое.

2

Короли Эмписа приходили и уходили. Насколько я знал, забальзамированные тела Галлиенов хранились в одном из огромных серых зданий, мимо которых мы с Радар проходили, следуя за инициалами мистера Боудича к солнечным часам. Король Ян был помазан на царство с соблюдением обычных ритуалов. Булт утверждал, что в них участвовала священная чаша, сделанная из чистого золота.

Джека настаивал, что женой Яна была короле-

ва Клара или, может быть, Кара, но большинство других считали, что ее звали Кора, и что она приходилась Яну троюродной сестрой или кем-то в этом роде. Никто из моих товарищей, казалось, не знал, сколько у них было детей; некоторые говорили, что четверо, некоторые, что восемь, а Аммит клялся, что их было десять.

— Эти двое, должно быть, трахались, как королевские кролики, — добавил он. Согласно тому, что я узнал от лошади одной принцессы, все они были неправы — детей было семеро. Пять девочек и два мальчика. И вот тут история становилась особенно интересной, можно даже сказать, актуальной, хотя и оставалась чрезвычайно туманной.

Король Ян заболел. Его сын Роберт, который всегда был любимцем отца, а также старшим из двух мальчиков, ждал своего часа, чтобы испить из священной золотой чаши. (Я представил себе выгравированных у нее по краям бабочек.) Элден, младший брат, был забыт всеми — за исключением Лии, которая его обожала.

— Судя по всему, он был уродливым косолапым ублюдком, — сказал Домми однажды вечером, — хромым на обе ноги.

— Я слышал, что еще и бородавчатым, — ска-

зал Ока.

— И с горбом на спине, — добавил Фремми.

— А по-моему, это была шишка на шее, — поправил Стакс.

Мне было интересно, даже поучительно то, что они говорили об Элдене — уродливом, хромом, никому не нужном принце — и Губителе Летучих как о двух разных людях. Или как о гусенице, которая превратилась в бабочку (в данном случае скорее наоборот). Я думал, что по крайней мере часть королевской гвардии тоже превратилась — в ночных солдат.

Элден ревновал к своему брату, и ревность переросла в ненависть. Все, казалось, были согласны с этим — а почему бы и нет? Это была классическая история соперничества братьев и сестер, которая встречается почти в любой сказке. Я знал, что хорошие истории не всегда правдивы или не совсем правдивы, но эта выглядела достаточно правдоподобной, поскольку человеческая природа такова, какова она есть. Элден решил занять королевский трон, либо силой, либо хитростью, и отомстить своей семье. Если при этом пострадает и весь Эмпис, то так тому и быть.

Когда появилась серость — до или после того, как Элден стал Губителем Летучих? Некоторые

из моих товарищей говорили, что до, но я думаю, что это было после. Я думаю, он каким-то образом принес это. В чем я был уверен, так это в том, как он получил свое новое имя.

— Бабочки в Эмписе были повсюду, — сказал док Фрид. — Они затмевали небеса.

Это было после тренировки, когда он вставил плечо Янно на место. Мы возвращались в нашу темницу, шагая бок о бок. Док говорил тихо, почти шепотом. Было легче разговаривать, спускаясь по лестнице медленно, потому что мы устали. То, что он сказал, заставило меня вспомнить о том, как странствующие голуби когда-то затмевали небо Среднего Запада[224]. Так было до тех пор, пока на них не начали охоту. Но кто и зачем охотился на бабочек-монархов?

— Они что, были съедобными? — спросил я. В конце концов, именно поэтому исчезли голуби: они были дешевой пищей в путешествии.

Он фыркнул.

— Монархи ядовиты, Чарли. Съешь одного, и у тебя будет расстройство желудка. Съешь горсть, и можешь умереть. Как я уже сказал, они летали

---

[224] Примечания: 224

Странствующие голуби (Ectopistes migratorius), когда-то водились в США в огромном количестве, но к концу XIX века были полностью истреблены.

повсюду, но особенно много их было в Лилимаре и пригородах, которые его окружают.

Он сказал «пригороды» или «предградья»? Неважно, смысл был один.

— Люди выращивали молочай в своих садах, чтобы личинки питались им, и цветы, чтобы бабочки пили из них нектар. Считалось, что они приносят королевству удачу.

Я подумал обо всех изуродованных статуях, которые я видел — об их распростертых крыльях, превращенных в щебень.

— Предание гласит, что как только семья Элдена была убита и остался только он, он ходил по улицам в красной мантии с белоснежным горностаевым воротником, с золотой короной Галлиенов на голове. Небо было темным от монархов, как и раньше. Но каждый раз, когда Элден поднимал руки, тысячи их падали замертво с небес. Когда люди бежали из города — хотя некоторые остались, принесли ему клятву и стали служить, — они пробирались через сугробы мертвых бабочек. Говорят, внутри городской стены эти сугробы были глубиной в десять футов. Миллионы мертвых монархов с их яркими красками, выцветшими до серого.

— Это ужасно, — сказал я. К тому времени мы

уже почти пришли. — Ты веришь в это?

— Я знаю, что они погибли и в Цитадели. Сам видел, как они падали с небес. Другие скажут тебе то же самое, — он вытер глаза, потом посмотрел на меня. — Я бы многое отдал, чтобы увидеть бабочку, пока мы торчим на этом игровом поле. Хотя бы одну. Но я думаю, что их больше нет.

— Есть, — сказал я. — Я их видел. Их очень много.

Он взял меня за руку, его хватка была на удивление сильной для маленького немолодого человека — хотя я не думал, что с приходом Честных игр доктор продержится намного дольше, чем Хейми.

— Это правда? Ты клянешься в этом?

— Да.

— Поклянись именем твоей матери, сейчас же!

Один из наших охранников оглянулся, нахмурился и сделал угрожающий жест своей гибкой палкой, прежде чем снова двинуться вперед.

— Клянусь именем моей матери, — сказал я, стараясь говорить тихо.

Монархи не исчезли, как и Галлиены — по крайней мере, не все. Они были прокляты той силой, которая сейчас жила в Элдене — той же самой, которая, как я предположил, превратила

ближайшие пригороды в руины, — но выжили. Однако этого я Фриду не сказал. Это могло быть опасно для нас обоих.

Я вспомнил историю Вуди о том, как Хана преследовала остатки его семьи до самых городских ворот и как она снесла голову племяннику Вуди Алоизиусу.

— А когда пришла Хана? И зачем она пришла, если великаны живут на севере?

Он покачал головой:

— Этого я не знаю.

Я подумал, что, возможно, Хана была в гостях у родных в Крэтчи, когда мистер Боудич совершил свою последнюю экспедицию за золотом, но точно сказать было невозможно. Он был мертв, и, как я уже сказал, история Эмписа оказалась довольно туманной.

В ту ночь я долго лежал без сна. Я не думал об Эмписе, или бабочках, или Губителе Летучих; я думал о своем отце. Скучал по нему и беспокоился о нем. Насколько я знал, он мог подумать, что я уже мертв, так же как моя мать.

3

Время тянулось незаметно. Я собирал свои крохи информации, хотя и не знал, для чего это

делаю. И вот однажды мы вернулись с тренировки, чуть более тяжелой, чем другие в последнее время, и обнаружили в камере Йоты бородатого мужчину намного крупнее меня, Домми или самого Йоты. Он был одет в грязные короткие штаны и такую же грязную полосатую рубашку с отрезанными рукавами, демонстрирующими бугры мышц. Он сидел на корточках в углу, подтянув колени к лицу, держась подальше от голубого сияния, заполнявшего камеру — оно исходило от Верховного лорда.

Келлин поднял одну руку. Жест был почти вялым, но пара ночных солдат, ведущих нас, сразу остановилась и встала по стойке «смирно». Мы тоже остановились. Рядом со мной в тот момент была Джая, и ее рука скользнула в мою. Было почему-то очень холодно.

Келлин вышел из камеры Глаза и оглядел нас.

— Мои дорогие друзья, я хотел бы познакомить вас с вашим новым товарищем. Его зовут Кла. Его нашли на берегу озера Ремла после того, как его маленькая лодка дала течь. Он чуть не утонул, не так ли, Кла?

Кла ничего не сказал, только посмотрела на Келлина.

— Отвечай!

— Да. Я чуть не утонул.

— Попробуй еще раз. Обращайся ко мне как к Верховному лорду.

— Да, Верховный лорд. Я чуть не утонул.

Келлин повернулся к нам.

— Но его спасли, мои дорогие друзья, и как вы, уверен, видите, на нем нигде нет ни пятнышка серости. Только грязь. — Келлин захихикал, это был ужасный звук. Рука Джаи судорожно сжала мою.

— В Глуби Малейн не принято представляться, как вы, без сомнения, знаете, но я почувствовал, что мой новый друг Кла заслуживает этого, потому что он наш тридцать второй гость. Разве это не замечательно?

Никто ничего не сказал.

Келлин указал на одного из ночных солдат во главе нашей несчастной процессии, а потом на Бернда, который шел впереди рядом с Аммитом. Ночной солдат ударил Бернда палкой по шее. Тот закричал и упал на колени, размазывая ладонью кровавые потеки. Келлин наклонился к нему.

— Как тебя зовут? Я не буду извиняться за то, что забыл. Вас так много.

— Бернд, — выдавил он, задыхаясь. — Бернд из Цита…

— Нет такого места, как Цитадель, — сказал

Келлин. — Ни сейчас, ни когда-либо еще. Просто Бернда вполне достаточно. Так скажи мне, Бернд из Ниоткуда, разве это не чудесно, что у короля Элдена, Губителя Летучих, вас теперь тридцать два? Отвечай громко и гордо!

— Да, — сказал Бернд. Кровь капала между его сжатых пальцев.

— Что «да»? — и потом, будто уча маленького ребенка читать. — Чу… чу… чу…? Громко и гордо, давай же!

— Чудесно, — сказал Бернд, глядя вниз на мокрые камни коридора.

— Теперь ты, женщина! — сказал Келлин. — Эрин! Ты ведь Эрин?

— Да, Верховный лорд, — сказала Эрис. Она ни в коем случае не собиралась поправлять его.

— Разве это не замечательно, что Кла присоединился к нам?

— Да, Верховный лорд.

— Насколько это хорошо?

— Очень хорошо, Верховный лорд.

— Это твоя пизда так воняет, Эрин, или твоя задница?

Лицо Эрис было непроницаемым, но ее глаза горели. Она опустила их, что было разумно.

— Наверное, то и другое, Верховный лорд.

— Да, думаю, ты права — то и другое. Теперь ты, Йота. Подойди ко мне.

Глаз шагнул вперед, почти вплотную к голубому сиянию, окружавшему Келлина.

— Ты счастлив, что у тебя есть сокамерник?

— Да, Верховный лорд.

— Это хорошо… прекрасно! — Келлин взмахнул бледной рукой, и я понял, что он и правда счастлив. И не просто счастлив — полон счастьем до самой луны. Или, учитывая, где мы находимся, лун. А почему бы и нет? Ему поставили задачу собрать людей для игр, и он ее выполнил. Еще я понял, как сильно его ненавижу. Я ненавидел и Губителя Летучих, хотя никогда его не видел.

— Замечательно.

Келлин медленно потянулся к Йоте, который пытался остаться на месте, но отпрянул, когда рука оказалась менее чем в дюйме от его лица. Я услышал, как потрескивает воздух, и увидел, как волосы Глаза зашевелились, отзываясь на ту силу, которая поддерживала Келлина в живых.

— Что «замечательно», Йота?

— Замечательно, Верховный лорд.

Келлин был удовлетворен. Он нетерпеливо прошел сквозь нас. Мы пытались убежать, но некоторые оказались недостаточно быстрыми и

попали под дар его ауры. Они упали на колени, некоторые молчали, некоторые скулили от боли. Я оттолкнул Джаю с его пути, но моя рука вошла в синюю оболочку вокруг него, и обжигающая боль пробежала по моему плечу, сковывая все мышцы. Прошло две долгих минуты, прежде чем они снова ожили.

Я подумал, что этой энергией они вполне могли бы питать свой старый генератор, отпустив серых рабов на свободу.

У двери Келлин развернулся к нам, топнув ногой, как прусский инструктор по шагистике.

— Послушайте меня, дорогие друзья. За исключением нескольких изгнанников, которые не имеют значения, и нескольких целых людей, которые могли сбежать в первые дни правления Губителя Летучих, вы — последние носители разбавленной королевской крови, отродье повес, негодяев и насильников. Вы должны послужить удовольствию Губителя и скоро послужите. Игровое время закончилось. В следующий раз, когда вы выйдете на поле Элдена, бывшее Поле Монархов, это будет первым раундом Честных игр.

— А что насчет него, Верховный лорд? — спросил я, указывая на Кла рукой, которая уже работала. — Разве у него не будет возможности

потренироваться?

Келлин посмотрел на меня с легкой улыбкой. За его глазами я мог разглядеть пустые глазницы его черепа.

— *Ты* будешь его тренировкой, детка. Он пережил озеро Ремла и переживет тебя. Посмотри, какой он большой! Нет, когда дойдет до второго раунда, тебя там уже не будет, мой нахальный друг, и я буду очень рад избавиться от тебя.

С этими утешительными словами он ушел.

4

В тот вечер на ужин был стейк. Это почти всегда случалось после тренировок. Перси катил свою тележку по коридору, бросая наполовину приготовленное мясо в наши камеры — шестнадцать камер, в каждой из которых теперь сидели по двое узников. Бросая мне мой стейк, Перси еще раз поднес свою уродливую руку ко лбу. Это был быстрый и незаметный жест, но ошибиться было невозможно. Кла поймал свой кусок на лету и сел в углу, держа в руках полусырое мясо и откусывая его большими рваными кусками. «*Какие у тебя большие зубы, Кла*», — подумал я.

Хейми съел несколько символических кусочков стейка, а потом попытался отдать его мне.

Я не взял.

— Ты должен съесть еще.

— Ради чего? — спросил он. — Зачем есть, мучиться от судорог, а потом все равно умирать?

Я вспомнил обретенную мудрость моего отца: «Каждому дню своя забота». В Малейне не было ни дней, ни ночей, но он съел еще пару кусочков, чтобы доставить мне удовольствие. В конце концов, я был обещанным принцем, легендарным ОП. Хотя единственная магия во мне была связана с таинственным изменением цвета волос и глаз, да и эту магию я не мог контролировать и не имел от нее никакой пользы.

Глаз спросил Кла о том, как он чуть не утонул. Кла не отвечал. Фремми и Стукс хотели знать, откуда он пришел и куда направлялся — было ли где-нибудь безопасное убежище? Кла не отвечал. Галли пытался выяснить, как долго ему удалось скрываться. Кла не отвечал. Он доел мясо и вытер жирные пальцы о свою полосатую рубашку.

— Что, не хочешь говорить без Верховного лорда? — спросил Дабл. Он стоял у решетки камеры, которую делил с Берндом, в нескольких шагах от моей. Держа в руках последний кусок стейка, который, как я уже знал, он прибережет на потом, когда проснется ночью. Тюремный распорядок

печален, но прост.

Кла ответил из своего угла, не вставая и не поднимая глаз.

— Зачем мне разговаривать с теми, кто скоро умрет? Я знаю, что должно быть состязание. Очень хорошо. Я его выиграю. Если там будет приз, я заберу его и отправлюсь своей дорогой.

Мы выслушали это в ошеломленном молчании.

Наконец Фремми сказал:

— Он не понимает.

— Получил неверную информацию, — сказал Стакс. — Или, может, у него в ушах все еще вода, и он плохо слышит.

Йота зачерпнул из ведра, напился, а потом вскочил на прутья клетки, которая до сегодняшнего дня принадлежала только ему, разминая мышцы и тряся прутья, как обычно. Потом отпустил и повернулся к огромному увальню, скорчившемуся в углу.

— Позволь тебе кое-что сказать, Кла, — сказал он. — Внести ясность, как говорится. Честные игры — это турнир. Такие турниры часто проводились на Поле Монархов во времена Галлиенов, и люди тысячами приходили их посмотреть. Там были все — говорят, даже великаны из Крэтчи.

Состязались обычно члены королевской гвардии, хотя обычные люди тоже могли участвовать, если хотели проверить твердость своих черепов. Проливалась кровь, и бойцов часто уносили с поля без сознания, но это была старая версия, задолго до Галлиенов, когда Лилимар был всего лишь деревней ненамного больше Деска.

Кое-что из этого я знал, но — даже по прошествии долгих дней и недель — далеко не все. Поэтому внимательно слушал. Как и остальные, потому что мы в темнице редко обсуждали Честные игры. Это была запретная тема, как, я полагаю, в наших тюрьмах раньше был электрический стул, а сейчас — смертельная инъекция.

— Шестнадцать из нас будут сражаться с другими шестнадцатью. До самой смерти. Без пощады, без отговорок. Любой, кто откажется драться, окажется или на дыбе, или в «Железной деве»[225], или растянутым на страппадо[226], как тянучка. Понимаешь?

Кла сидел в своем углу, казалось, размышляя.

---

[225] Примечания: 225

Средневековое орудие пыток, реальное существование которого сомнительно.

[226] Примечания: 226

Страппадо (корда) — пытка, при которой руки жертвы связывают за спиной и тянут кверху веревкой, что привожит к вывиху плечевых суставов.

Наконец он сказал:

— Я могу драться.

Глаз кивнул.

— Да, ты выглядишь так, как будто можешь, когда не стоишь лицом к лицу с Верховным лордом или не выплевываешь озерную воду. Шестнадцать снова сражаются, оставляя восьмерых. Восемь снова сражаются, оставляя четверых. Потом четыре превращаются в двух.

Кла согласно кивнул:

— Я буду одним из них. И когда второй ляжет мертвым у моих ног, я получу награду.

— Ага, получить, — сказал Хейми. Он подошел и встал рядом со мной. — В старые времена наградой был мешок золота и, как говорят, пожизненное освобождение от королевского налога. Но это были старые времена. А твоей наградой станет бой с Красной Молли. Она великанша и не может сидеть в специальной ложе с лизоблюдами Губителя, но я много раз видел ее стоящей внизу. Ты большой, почти семь футов, насколько я могу судить, но эта рыжая сучка больше.

— Она меня не поймает, — сказал Дэш. — Она медлительна, а я тощий и протеку у нее между пальцев как вода. Меня прозвали Дэшем не без

причины[227].

Никто не сказал очевидного: быстрый или нет, но тощий Дэш умрет задолго до того, как кому-либо придется сразиться с Красной Молли.

Кла сидел, обдумывая это. Наконец он встал — его большие колени при этом издали треск, как сучки в огне, — и пошел к ведру для питья.

— Ее я тоже побью. Буду бить, пока мозги не вылезут у нее изо рта.

— Не говори, пока не сделал это, — сказал я.

Он повернулся ко мне.

— Ты все равно не выиграешь. Даже если убьешь дочь — маловероятно, но вдруг, — то у тебя не будет ни единого шанса против мамаши. Я ее видел, она просто гребаная Годзилла.

Конечно, это было не то слово, которое слетело с моих уст, но что бы я ни сказал, в других камерах раздался ропот согласия.

— Вас всех избивали до тех пор, пока вы не стали бояться собственной тени, — сказал Кла, возможно, забыв, что, когда Келлин приказал Кла обращаться к нему как к Верховному лорду, он сделал это без возражений. Конечно, Келлин и остальные ночные солдаты были другими. У них

---

[227] Примечания: 227

Дэш — самая мелкая мера при составлении коктейлей, 0,5 мл.

были синие ауры. Я подумал о том, как напряглись мои мышцы, когда Келлин прикоснулся ко мне.

Кла поднял ведро с питьевой водой. Йота схватил его за руку.

— Не-не! Возьми чашку, дурачок! Перси больше не привезет тележку с водой, пока…

Я никогда не видел, чтобы такой крупный мужчина, как Кла, двигался так быстро, даже в классических эпизодах ЭСПН[228] с Шакилом О'Нилом, когда тот играл в колледже за ЛСУ[229] — хотя движения Шакила при его семи футах и трехстах двадцати фунтах были великолепны.

Только что ведро было у рта Кла и наклонялось. Через секунду, — по крайней мере, мне так показалось, — оно с грохотом покатилось по каменному полу, расплескивая воду. Кла повернулся к нему, а Глаз уже лежал на полу камеры, опираясь на одну руку. Другой он схватился за горло. Его глаза выпучились. Его тошнило. Кла

---

[228] Примечания: 228

ЭСПН (Entertainment and Sports Programming Network) — американский кабельный спортивный телевизионный канал, начавший работу в 1979 году.

[229] Примечания: 229

Шакил О'Нил (род. 1972) — знаменитый американский баскетболист, один из лучших игроков НБА, в юности игравший в команде университета штата Луизиана (ЛСУ).

наклонился за ведром и поднял его.

— Если ты убил его, ты дорого за это заплатишь, — сказал Янно. А потом добавил с явной надеждой: — Тогда Честные игры не состоятся.

— Состоятся, — печально сказал Хейми. — Губитель Летучих не станет ждать. Если что, Красная Молли займет место Глаза.

Но Глаз не умер. В конце концов он поднялся на ноги, доковылял до своего тюфяка и лег на него. В течение следующих двух дней он мог говорить только шепотом. Пока не появился Кла, он был самым крупным из нас, самым сильным, тем, от кого можно было ожидать, что он все еще будет жив, когда кровавый спорт, известный как Честные игры, приблизится к концу, но я даже не заметил удара в горло, который свалил его с ног.

Кто должен был противостоять человеку, способному на это, в первом раунде игр?

По словам Келлина, эта честь должна была достаться мне.

5

Мне часто снилась Радар, но в ночь после того, как Кла избил Йоту, мне приснилась принцесса Лия. На ней было красное приталенное платье в стиле ампир с плотно облегающим лифом.

Из-под подола выглядывали красные туфли с пряжками, усеянными бриллиантами. Ее волосы были стянуты сзади сложной нитью жемчуга. На груди у нее красовался золотой медальон в форме бабочки. Я сидел рядом с ней, одетый не в тюремные лохмотья и не в ту одежду, в которой пришел в Эмпис со своей умирающей собакой, а в темный костюм и белую рубашку. Костюм был бархатным, рубашка шелковой. На ногах у меня были замшевые сапоги с загнутыми голенищами — такие могли носить мушкетеры Дюма на иллюстрации Говарда Пайла[230]. Без сомнения, из коллекции Доры. Фалада удовлетворенно паслась неподалеку, а серокожая служанка Лии расчесывала ее гриву.

Мы с Лией держались за руки, глядя на наши отражения в неподвижной воде бассейна. Мои волосы были длинными и золотистыми. Мои немногочисленные прыщи исчезли. Я был красив, а Лия прекрасна, особенно потому, что снова обрела рот. Ее губы изогнулись в легкой улыбке. В уголках ее рта были только ямочки — никаких признаков язвы. Скоро, если моя мечта осуществится, я поцелую эти алые губы. Даже во

[230] Примечания: 230

Говард Пайл (1853–1911) — американский художник-иллюстратор и детский писатель.

сне я понимал, что это было: финальная сцена диснеевского мультфильма. В любой момент лепесток мог упасть в бассейн, покрыв воду рябью и заставив наши отражения дрогнуть, когда губы воссоединившихся принца и принцессы встретятся и зазвучит музыка. Никакой тьме не будет позволено омрачить идеальный финал сказки.

Только одна вещь была не на своем месте. На коленях красного платья принцессы Лии лежал фиолетовый фен. Я хорошо его знал, хотя мне было всего семь лет, когда умерла моя мама. Все ее вещи, включая этот фен, отправились в магазин «Гудвилл»[231], потому что отец говорил, что каждый раз, когда он смотрит на то, что он называл ее «женскими штучками», его сердце снова разбивается. Я не жалел о том, что он отдал большую часть вещей, только спросил, могу ли я оставить ее сосновое саше и ручное зеркальце. У папы не было вопросов на этот счет, и они все еще лежали у меня дома на комоде.

Мама называла свой фен «Фиолетовым лучевым пистолетом смерти».

Я открыл рот, чтобы спросить Лию, зачем ей

---

[231] Примечания: 231

Крупнейшая сеть секонд-хэндов в США, позиционирующая себя как благотворительная организация — отсюда и ее название, означающее в переводе «добрая воля».

мамин фен, но прежде, чем я успела это сделать, заговорила ее горничная:

— *Помоги ей.*

— Я не знаю как, — сказал я.

Лия улыбнулась своим новым совершенным ртом и погладила меня по щеке:

— Ты быстрее, чем думаешь, принц Чарли.

Я пытался объяснить ей, что совсем не быстрый, потому и играл на линии защиты в футболе и у первой базы в бейсболе. Хотя я действительно продемонстрировал неплохую скорость в игре Индюшачьего кубка против Стэнфорда, но это было короткое и полное адреналина исключение. Однако, прежде чем я успел что-либо сказать, что-то ударило меня по лицу, и я мгновенно проснулся.

Это был добавочный кусок стейка — маленький, едва ли больше пальца. Перси зашаркал дальше по коридору, бросая такие же кусочки в другие камеры и приговаривая «Осаки, осаки». Это, как я предположил, было его лучшим способом сказать «остатки».

Хейми храпел, измученный последней тренировкой и обычной послеобеденной борьбой за опорожнение кишечника. Я взял кусочек стейка, сел, прислонившись спиной к стене камеры, и

откусил от него. Что-то зашуршало у меня под передними зубами. Посмотрев, я увидел кусочек бумаги, размером едва ли больше, чем в печенье с предсказанием, засунутый между мясных волокон. Я извлек его. Написано аккуратной мелкой скорописью, почерком образованного человека:

«Я помогу вам, если смогу, мой принц. Отсюда есть выход через комнату администрации. Эта записка опасна. Уничтожьте ее, если вам дорога моя жизнь. Готовый служить вам Персиваль».

«*Персиваль*, — подумал я. — *Не Перси, а Персиваль. Не серый раб, а настоящий мужчина с настоящим именем*.

Я съел записку.

6

На следующий день на завтрак были сосиски. Мы все знали, что это значит. Хейми посмотрел на меня опустошенными глазами и улыбнулся.

— По крайней мере, я покончу со спазмами в животе и больше не буду надрываться, пытаясь посрать. Хочешь это съесть?

Я съел все свои сосиски и четыре его, надеясь, что они придадут мне немного дополнительной энергии. Но они засели у меня в животе, как свинец. Из камеры на другой стороне коридора на

меня пялился Кла. Нет, не так — он сверлил меня глазами. Йота пожал плечами, как бы говоря: что тут сделаешь? Я ответил тем же жестом. Действительно, что?

Мы ждали. У нас не было возможности следить за временем, но оно тянулось невыносимо медленно. Фремми и Стакс сидели бок о бок в своей камере. Фремми сказал своему товарищу:

— Теперь они натравят нас друг на друга, старина, вот и все.

Я подумал, что они, вероятно, так и сделают — потому что это было бы особенно жестоко. Но хотя бы в этом я ошибся.

Как раз в тот момент, когда я начал верить, что это все-таки случится не сегодня, появились четверо ночных солдат, во главе с Аароном. Он всегда был на поле во время тренировок, размахивая своей гибкой палкой, как дирижерской палочкой, но это был первый раз, когда он явился в Глубь Малейн с тех пор, как водил меня посмотреть Беговую дорожку. И камеру пыток, конечно.

Двери камер с грохотом разъехались на своих ржавых полозьях.

— На выход! Топ-топ, детки! Хороший день для половины из вас, плохой для остальных!

Мы вышли из камер — все, кроме худощавого

лысеющего мужчины по имени Хэтч.

— Не могу, — сказал он. — Я болен.

Один из ночных солдат пошел к нему, но Аарон его остановил. Он встал у дверей камеры, которую Хэтч делил с куда более крупным мужчиной по имени Куилли, родом из Деска. Куилли отпрянул, но аура Аарона все равно задела его. Он тихо вскрикнул, схватившись за руку.

— Ты Хэтч из того, что когда-то называлось Цитаделью, верно?

Хатча с несчастным видом кивнул.

— И ты чувствуешь себя плохо. Может, из-за сосисок?

— Может быть, — сказал Хэтч, не отрывая взгляда от своих сжатых, но все равно дрожащих рук. — Вполне возможно.

— И все же я вижу, что ты съел все, кроме палочки.

Хэтч ничего не сказал.

— Послушай меня, детка. Или Честные игры, или Дева. Я бы предпочел, чтобы ты навестил эту леди, и это заняло бы много времени. Я бы медленно запер тебя в ней. Сперва ты бы почувствовал, как шипы легко касаются твоих глаз — прямо-таки нежно, знаешь ли — прежде чем проткнуть их насквозь. И твой живот тоже — не

такой нежный, как глаза, но достаточно мягкий. То, что останется от этих сосисок, вытечет наружу, пока ты будешь вопить. Понравится тебе такое угощение?

Хэтч застонал и, спотыкаясь, вышел из камеры.

— Превосходно! И вот мы все здесь! — воскликнул Аарон. — Мы отправляемся на игры! Скорее, детки! Топ-топ! Вас ждет такое веселье!

Мы пошли.

Пока мы поднимались по лестницам, как много раз до этого — но никогда прежде не знали, что только половина из нас вернется назад, — я вспомнил свой сон. То, как Лия сказала: «*Ты быстрее, чем думаешь, принц Чарли*».

Но я совсем не чувствовал себя быстрым.

7

Вместо того, чтобы идти прямо на поле, нас отвели в раздевалку, которой мы пользовались после тренировок. Только на этот раз там был Верховный лорд, блистательный в своей парадной форме, которая выглядела иссиня-черной внутри его ауры. По такому случаю он был полностью заряжен. Я не раз задавался вопросом, откуда берется энергия, питающая ауры, но в тот день та-

кие вопросы не казались мне первостепенными.

На полке, где раньше стояло тридцать одно ведро для мытья после тренировок, теперь было всего шестнадцать, потому что только шестнадцати нужно было помыться после сегодняшних игр. Перед полкой стояла грифельная доска с надписью «ПЕРВЫЙ РАУНД» наверху. Ниже указывались пары. Я до сих пор прекрасно их помню; думаю, в такой ужасной ситуации человек запоминает либо все, либо вообще ничего. Прошу прощения за упоминание еще большего количества новых имен, но я должен их назвать по той причине, что те, с кем я находился в заточении, заслуживают того, чтобы их запомнили — хоть на какое-то время.

— Здесь вы видите расписание поединков, — сказал Келлин. — Я ожидаю, что вы устроите хорошее шоу для Его Величества Элдена. Все понятно?

Никто не ответил.

— Вы можете столкнуться с тем, кого считали своим другом, но дружба больше не имеет значения. Каждый поединок будет длиться до конца. До самой смерти. Если вы одолеете вашего противника, но не убьете его, вы оба заслужите гораздо более мучительную смерть. Это вам понятно?

Ответил только Кла.

— Да, — сказав это, он посмотрел на меня, провел большим пальцем по своей толстой шее и улыбнулся.

— Скоро будет первый вызов на бой. Готовьтесь.

Он ушел. Ночные солдаты последовали за ним. Мы молча рассматривали лист с расписанием.

ЧЕСТНЫЕ ИГРЫ. ПЕРВЫЙ РАУНД

Первый сет
Фремми против Мерфа
Джая против Хейми
Аммит против Уэйла

Второй сет
Янно против Фрида
Джека против Лота
Мезель против Сэма

Третий сет
Том против Булта
Домми против Каммита
Бендо против Дэша

ОБЕД

Четвертый сет

Дабл против Эвы
Стакс против Хэтча
Паг против Куилли

Пятый сет
Бернд против Галли
Хилт против Окки
Эрис против Виза

Шестой сет
Кла против Чарли

Я видел похожие расписания не только по телевизору, во время воскресного обзора NCAA, но и лично, когда каждую весну на афишах на каждом поле каждой команды-участника объявлялись матчи турнира «Аркадия — Бэйб-Рут». Здесь все было понятно, но самым сюрреалистичным элементом было вставленную в середину слово «ОБЕД». Губитель Летучих и его свита насладятся гибелью девяти узников — а потом пойдут обедать.

— А если мы все откажемся? — спросил Аммит задумчивым тоном, которого я никак не ожидал от парня, выглядевшего так, словно он когда-то зарабатывал на хлеб и сыр, подковывая лошадей. И сбивал их с ног, если они отказывались слушаться. — Я просто спросил, имейте в виду.

Окка, крупный парень с близоруким прищуром, рассмеялся.

— Что, забастуем? Как мельники во времена моего отца? И лишим Губителя его любимого развлечения? Я думаю, что лучше доживу до завтра, чем проведу этот день, вопя в агонии, благодарю покорно.

И я думал, что Окка, вероятно, доживет до завтра, учитывая, что он будет драться с тощим маленьким Хилтом, у которого было к тому же повреждено бедро. Скорее всего, Окка потерпит поражение во втором раунде, но если он выиграет сегодня, то сможет помыться и вечером поужинать. Я огляделся и увидел на многих лицах тот же простой расчет. Но не у Хейми. Бросив на доску всего один взгляд, он пошел к скамейке и сел там, повесив голову. Я ненавидел себя за то, что ничем не могу ему помочь, но еще больше ненавидел тех, кто загнал нас в эту ужасную ловушку.

Я снова посмотрел на доску. Мне казалось, что Фремми должен драться со Стуксом, а две женщины, Джая и Эрис, друг с другом — битва девушек, что может быть забавнее? Но нет. По-видимому, никаких правил в выборе соперника не было. Имена словно вытащили из шляпы — за исключением последней пары. На поле только мы двое,

финал дня.

Кла против Чарли.

Глава двадцать четвертая
Первый раунд. Последний сет. Мой принц. «Как ты сам думаешь?»

1

Джая села рядом с Хейми на скамейку и взяла его за руку. Та безвольно лежала на ее ладони.

— Я не хочу этого.

— Знаю, — сказал Хейми, не глядя на нее. — Все нормально.

— Может быть, ты победишь меня. Я не сильная, знаешь — не такая, как Эрис.

— Может быть.

Дверь открылась, и вошли двое ночных солдат. Они выглядели настолько возбужденными, насколько это могло быть у живых трупов, их ауры пульсировали, как будто внутри них все еще бились мертвые сердца.

— Первый сет! Топ-топ! Не заставляйте Его Величество ждать, детки! Он уже занял свое место!

Сначала никто не пошевелился, и на какое-то дикое мгновение я почти поверил, что предложенное Аммитом вот-вот случится — пока не осознал последствий этого для забастовщиков. Еще раз посмотрев на доску, чтобы убедиться, что каким-то чудом списки не изменились, поднялись первые полдюжины: Фремми и Мерф,

Аммит и невысокий коренастый парень по имени Уэйл, Хейми и Джая. На выходе она взяла его за руку, отодвигая от ауры ночного солдата, стоящего поблизости.

Во времена правления Галлиенов оставшиеся услышали бы восторженный гул переполненного стадиона при появлении бойцов. Я напряг слух, и мне показалось, что я слышу слабый всплеск аплодисментов, но, возможно, это было всего лишь мое воображение. Скорее всего, поскольку трибуны Поля Элдена (бывшего Поля Монархов) были почти полностью пусты. Парень, которого я встретил по пути сюда, был прав: Лилимар стал заколдованным городом, местом, где оставались только мертвецы, живые мертвецы и несколько жополизов.

И никаких бабочек.

«Если бы не ночные солдаты, мы могли бы сбежать», — подумал я. А потом вспомнил, что нужно иметь в виду еще пару великанш — и самого Губителя Летучих. Я не знал, кем он стал сейчас и какую трансформацию претерпел, но одно выглядело несомненным: он больше не был хромоногим младшим братишкой Лии с горбом на спине или шишкой на шее.

Время шло. Трудно сказать, как долго мы ждали.

Кое-кто из нас, включая меня, посетил отхожее место. Ничто не вызывает такой потребности помочиться, как страх смерти. Наконец дверь открылась, и вошел Аммит. На тыльной стороне волосатой левой руки у него виднелся небольшой порез. Других следов поединка не было.

Как только эскорт живых мертвецов отступил, Мезель подскочил к Аммиту:

— Как это все случилось? Неужели Уэйл действительно…

Аммит оттолкнул его так сильно, что Мезель шлепнулся задом на плитку.

— Я вернулся, а он нет. Это все, что я должен сказать, и все, что тебе нужно услышать. Оставь меня в покое.

Он подошел к концу скамьи, сел и обхватил руками склоненную голову. Это была поза, которую я много раз видел на бейсбольных полях, чаще всего, когда питчер пропускал ключевой удар и вылетал. Это была поза проигравшего, а не победителя. Но, конечно, мы все будем в проигрыше, если что-нибудь не произойдет.

«*Помоги ей*», — прошептала мне серая служанка Лии. И что, теперь я должен спасти их всех только потому, что мои волосы стали светлыми под измазавшим их слоем грязи? Это было аб-

сурдно. Кла продолжал сверлить меня глазами. Он твердо намеревался дожить до ужина.

Если дело дойдет до последнего смертельного поединка, я не смогу спасти даже самого себя.

Следующим, кто вернулся, был Мерф. Один его глаз заплыл, а правая сторона рубашки промокла от крови. Поняв, что его партнера по шуткам больше нет, Стукс тихо застонал и закрыл глаза.

Мы ждали, наблюдая за дверью. Наконец она открылась, и вошла Джая. Она была бледна, как оконное стекло, но не имела ни единой царапины. По щекам ее стекали слезы.

— Мне пришлось это сделать, — сказала она тихо, не только для меня, для всех нас. — Пришлось, иначе они убили бы нас обоих.

2

Второй сет был таким: Янно сражался с Доком Фридом, Йота с Джекой, Мезель с Сэмом. Когда они ушли, я сел рядом с Джаей. Она не смотрела на меня, но слова лились из нее, как будто, оставшись внутри, могли ее разорвать.

— Он не мог по-настоящему драться, ты знаешь, какой он, каким он был, но он устроил из этого шоу. Думаю, прежде всего ради меня. Они жаждали крови — ты это услышишь, когда придет

твоя очередь, — вопили ему, чтобы он уложил сучку, а мне, чтобы я обошла его сзади и всадила острие в шею…

— Там есть ножи? — спросил я.

— Нет, копья с короткими рукоятками. И еще перчатки с шипами. Они разложены на столе, где стояли напитки, когда мы тренировались. Понимаешь, они хотят ближнего боя, хотят увидеть как можно больше ударов и ран, прежде чем кто-то упадет, но я взяла одну из палок, этих…, — она изобразила замах.

— Боевых посохов.

— Да. Мы долго ходили вокруг да около. Фремми валялся мертвый, с перерезанным горлом, и Хейми чуть не поскользнулся в крови. Уэйл лежал на беговой дорожке.

— Точно, — сказал Аммит, не поднимая глаз. — Этот болван пытался удрать.

— Мы остались последними. Это случилось, когда Аарон сказал, что еще пять минут и нас обоих прикончат. Он видел, что мы на самом деле не пытались убить друг друга. Тогда Хейми бросился на меня, нелепо замахнувшись своим маленьким копьем, и я ударила его в живот концом посоха. Он завопил. Потом уронил копье на траву и продолжал вопить.

«*Живот Хейми,* — подумал я. — *Его вечно больной живот*».

— Я просто не могла вынести этого звука. Они аплодировали, смеялись и говорили что-то вроде «хороший удар» и «киска задала ему жару», а Хейми все продолжал вопить. Тут я подняла его копье. Я никогда никого не убивала, но не могла выносить его воплей, поэтому я… я…

— Можешь на этом остановиться, — сказал я.

Она подняла на меня полные слез глаза, ее щеки были мокрыми.

— Ты должен что-то сделать, Чарли. Если ты обещанный принц, ты должен что-то сделать.

Я мог бы сказать ей, что сейчас главной задачей принца Чарли было не оказаться убитым Кла, но подумал, что ей и без того достаточно плохо, поэтому просто ненадолго обнял ее.

— Он там? Губитель Летучих?

Она вздрогнула и кивнула.

— Как он выглядит? — спросил я. Я думал о почетном месте с выдвинутыми наружу подлокотниками, как будто тот, для кого оно предназначалось, был очень толстым или, по крайней мере, крупным.

— Ужасно. Просто ужасно. Лицо у него зеленое, будто внутри у него что-то гниет. Длинные белые

волосы спадают на щеки из-под золотой короны на его голове. Глаза громадные, как яйца всмятку. И широченное лицо, такое большое, что его трудно назвать человеческим. Губы толстые и красные, как будто он ел клубнику. Это все, что я смогла разглядеть. Ниже подбородка он укутан в широкий красный халат, и я видела, как под ним что-то шевелится. Как будто там спрятано какое-то животное. Он ужасный, чудовищный. И все время смеется. Остальные аплодировали, когда я… когда Хейми умер, а он смеялся в голос. Изо рта у него двумя струйками стекала слюна, я видела это в свете газовых ламп. Рядом с ним сидит женщина, высокая и красивая, с родинкой возле рта…

— Петра, — сказал я. — Какой-то мужчина обнял ее за грудь и поцеловал, когда я сбил Аммита с ног.

— Она… она…, — Джая снова задрожала. — Она целовала его там, куда стекала его слюна. Слизывала ее с этого зеленого лица.

В сопровождении ночного солдата вошел Йота. Увидев меня, он мрачно кивнул. Итак, Джеки больше не было.

3

Когда дверь закрылась, я подошел к Йоте. На нем не было видно никаких повреждений.

— Эта тварь там, — сказал он. — Красная Молли. Наблюдает с дорожки под ложей, где сидят зрители. Ее волосы на самом деле не рыжие и не красные, а оранжевые, как морковка. Торчат по всей голове, как иглы. Пятнадцать футов от пяток до макушки. Одета в кожаную юбку. Сиськи как валуны, каждая, должно быть, весит, как пятилетний ребенок. У нее нож в ножнах на бедре, он выглядит таким же длинным, как те маленькие копья, которые нам дают для боя. Думаю, она смотрит, какими приемами пользуются победители. На потом, понимаешь.

Это заставило меня вспомнить о тренере Харкнессе и тренировках по четвергам перед пятничными вечерними играми. В те послеполуденные часы мы заканчивали на двадцать минут раньше и сидели в раздевалке, менее шикарной, чем эта, но в остальном примерно такой же. Тренер включал видео, и мы наблюдали за нашими будущими соперниками — за их игрой и всякими трюками. Особенно за квортербеком. Он показывал нам съемки скрытой камерой двадцать или тридцать

раз — чтобы мы разглядели каждый промах, сбой и неверный бросок. Однажды я рассказал об этом дяде Бобу, и он рассмеялся, кивнув. «Твой тренер прав, Чарли. Отруби голову своему врагу, и тело умрет само».

— Мне не понравилось, что она на это смотрит, — сказал Глаз. — Я надеялся, что она достанется мне, и когда до этого дойдет, я, быть может, найду способ проткнуть ее или дать по башке так, чтобы мозги разлетелись. Вместо этого у нее будет четыре шанса посмотреть, как я побеждаю, а я ни одного раза не смогу увидеть, как побеждает она.

Я не стал комментировать его невысказанное предположение, что меня к тому времени уже не будет, принц я или не принц.

— Кла думает, что это будет он.

Глаз рассмеялся так, как будто он только что не убил одного из своих давних товарищей по Глуби Малейн.

— Конечно, когда останутся только двое, против меня будет Кла. Ты мне нравишься, Чарли, но не думаю, что ты даже прикоснешься к нему — хотя я знаю его слабость.

— В чем она?

— Однажды он меня побил. Так сильно ткнул мне в горло, что удивительно, черт возьми, как

я все еще могу говорить. Но я извлек из этого урок, — я видел, что он ушел от ответа на мой вопрос.

Следующим явился Мезель, так что с Сэмом было покончено. Через несколько минут дверь снова открылась, и я с удивлением увидел, что вошел Док Фрид, хоть и не совсем самостоятельно. С ним был Перси, одна из его рук-ласт поддерживала подмышку Фрида, помогая идти. Правое бедро Дока сильно кровоточило сквозь импровизированную повязку, а лицо разбито, но он был жив, а Янно — нет.

Я сидел с Даблом и Эрис.

— Он больше не сможет драться, — сказал я. — Если только второй раунд не состоится через шесть месяцев, да и тогда…

— Никаких шести месяцев, — сказала Эрис. — Не пройдет и шести дней. И он будет сражаться или умрет.

Это явно был не школьный футбол.

4

Третий сет выдержали Булт и Бендо. Как и Каммит. На нем было несколько порезов, когда он вернулся и сказал, что был уверен, что ему конец. Но потом у бедняги Домми случился очередной

приступ кашля, такой сильный, что он согнулся пополам и Каммит вонзил свое короткое копье в шею соперника.

Док, лежа на полу, либо спал — что маловероятно, учитывая его травмы, — либо был в отключке. Пока остальные из нас ждали окончания третьего сета, Кла продолжал смотреть на меня со своей гнусной ухмылкой. Я смог отвлечься от него только однажды, когда подошел к одному из ведер, чтобы зачерпнуть воды. Но когда я повернулся, он по-прежнему сверлил меня глазами.

«*Я знаю его слабость*, — сказал Йота. — *Однажды он меня победил, но я извлек из этого урок*».

Чему же он научился?

Я воспроизвел бой (если это можно так назвать) в камере Глаза: блестящий молниеносный удар кролика[232] в горло. Ведро катится по полу, Кла поворачивается посмотреть, а Янно — ныне покойный Янно — говорит: «*Если ты убил его, ты дорого за это заплатишь*». Глаз поднимается и бредет к своему тюфяку, в то время как Кла наклоняется поднять ведро. Может быть, думая ударить им Глаза, если тот попробует напасть.

Если там и был какой-то урок, я его не видел.

---

[232] Примечания: 232

«Удар кролика» — в боксе сильный удар в затылок или основание черепа.

Когда закончился третий сет, вошел Перси, толкая перед собой тележку. Его сопровождал Аарон. Запахло жареной курицей, которая при других обстоятельствах показалась бы мне соблазнительной, но не тогда, когда это могло стать моей последней трапезой.

— Ешьте досыта, детки! — воскликнул Аарон. — Чтобы потом не сказали, что вас плохо кормили!

Большинство из тех, кто выиграл свои дневные поединки, жадно хватали мясо с тележки. Те, кому еще предстояло сражаться, отказались — за одним исключением. Кла схватил с тележки Перси половину курицы и вгрызся в нее, не сводя с меня глаз.

Удар.

Йота на камнях камеры.

Катящееся ведро.

Глаз плетется к своему тюфяку, держась за горло.

Кла поворачивается, чтобы посмотреть на ведро.

Что там было такого, что Йота видел, а я упустил?

Тележка подъехала ко мне. За Перси наблюдал Аарон, так что приветствия не было. Потом Док Фрид застонал, перекатился на бок, и его

вырвало на пол. Аарон, повернувшись, указал на Каммита и Бендо, сидящих бок о бок на соседней скамейке.

— Ты и ты! Уберите эту дрянь!

Я воспользовался этим, чтобы поднять руку со сжатыми вместе большим и указательным пальцами и пошевелить ими в жесте, означавшем письмо. Перси едва заметно пожал плечами — может быть, показывая что понял, а может, прося меня прекратить, пока не увидел наш страж. Когда Аарон снова повернулся к нам, я уже брал с тележки кусок курятины и думал, что понимание или непонимание Перси не будут иметь никакого значения, если Кла убьет меня в финальном поединке этого дня.

— Это последний твой обед, детка, — сказал мне этот громила. — Насладись им как следует.

«*Пытается вывести меня из себя*», — подумал я.

Конечно, я знал это и раньше, но мысли о том, что он сделал, привлекли к этому мое внимание, сделали конкретным. Слова обладают немалой силой, и в этот раз они открыли что-то внутри меня. Какую-то дыру, может быть, даже колодец. Наверное, это было то же, что открылось во время моих гнусных проделок с Берти Бердом

и конфликтов с Кристофером Полли и гномом Питеркином. Если я и принц, то, конечно, не из тех фильмов, которые заканчиваются тем, что скучный красивый блондин обнимает такую же скучную принцессу. В моих скрытых под грязью светлых волосах не было ничего красивого, и моя битва с Кла тоже не будет красивой. Краткой, но никак не красивой.

Я подумал, что не хочу быть диснеевским принцем. К черту все это. Если я и должен быть принцем, то темным.

— Перестань пялиться на меня, засранец, — сказал я.

Его улыбка сменилась выражением недоумения, и я понял почему еще до того, как бросил в него свою куриную ножку. Потому, что слово «засранец» вышло из этого колодца, было сказано по-английски, и он его не понял. Я не попал в него даже близко — ножка стукнулась об одно из ведер и упала на пол, — но он все равно дернулся от неожиданности и повернулся на звук. Эрис рассмеялась. Он повернулся к ней и вскочил на ноги. Его ухмылка превратилась в злобную гримасу.

— Не-не! — крикнул Аарон. — Прибереги это для поля, детка, или я тебя так изобью, что ты не сможешь драться, и Чарли объявят победителем

по умолчанию. Губителю Летучих это не понравится, но я сделаю так, что тебе это понравится еще меньше!

Недовольный и угрюмый, явно выведенный из себя, Кла вернулся на свое место, сердито пялясь на меня. Настала моя очередь ухмыляться. Я тоже чувствовал злость, и это было хорошо.

— Я собираюсь надрать тебе зад, милый, — сказал я.

Смелые слова. Потом я мог бы пожалеть о них, но когда они были сказаны, я почувствовал себя просто прекрасно.

5

Через некоторое время после обеда объявили четвертый сет. Снова было долгое ожидание, а потом с поля вернулись Дабл, Стукс и последним Куилли. У Стукса кровоточила щека, разрезанная так сильно, что я мог видеть блеск его зубов, но он шел сам. Джая дала ему тряпку, чтобы остановить кровотечение, и он сидел на скамейке рядом с ведрами, пока белая ткань быстро становилась красной. Фрид расположился рядом, в углу. Стукс спросил, может ли Док что-нибудь сделать для его лица, но Фрид покачал головой, не поднимая глаз. Идея о том, что раненые должны были сра-

жаться в следующем раунде, притом очень скоро, выглядела безумной — за гранью садизма, — но я не сомневался, что так и будет. Мерф мог бы убить вторую половину комедийного дуэта, если бы вышел против Стакса во втором раунде, Он легко уложил бы соперника, ударив его в плечо — или не в плечо, неважно.

Кла все еще смотрел на меня, но его ухмылка исчезла. Я думал, что его оценка меня как легкой добычи, возможно, изменилась, а это означало, что я не мог рассчитывать на его беспечность. «*Он будет действовать быстро,* — подумал я. — *Как в стычке с Глазом*». В моем сне Лия сказала: «*Ты быстрее, чем думаешь, принц Чарли*». Но на самом деле это было не так. Если, конечно, мне не удастся изобрести какое-нибудь устройство, управляемое злостью.

В пятом сете участвовали три пары: Бернд и Галли, маленький Хилт и большой Окка, Эрис и невысокий, но мускулистый парень по имени Виз. Прежде чем Эрис ушла, Джая обняла ее.

— Не-не, прекратите это! — сказал один из ночных охранников своим неприятным стрекочущим, как саранча, голосом. — Пошли!

Эрис ушла последней, но вернулась первой, с кровью, стекающей с одного уха, но в остальном

невредимой. Джая подлетела к ней, и в этот раз остановить их объятия было некому. На время нас оставили в покое. Следующим вернулся Окка. После этого долгое время никто не появлялся. Наконец серый человек — но не Перси — внес Галли и положил на пол. Он был без сознания и едва дышал. Одна сторона его головы выше виска казалась вдавленной внутрь.

— Хорошо бы он стал следующим, — сказал Булт.

— Надеюсь, следующим будешь ты, — прорычал Аммит. — Такчтолучше заткнись!

Прошло еще немного времени. Галли вздрагивал, но так и не очнулся. Мне нужно было пройти через это. Я не мог уйти, поэтому сидел, зажав руки между коленями, как всегда делал на бейсбольных и футбольных матчах перед исполнением национального гимна. На Кла я не смотрел, но чувствовал, как на меня давит его взгляд.

Дверь открылась. Два ночных солдата встали по бокам от нее, Аарон и Верховный лорд прошли между ними.

— Последний матч дня, — объявил Аарон. — Кла и Чарли. Давайте, детки, топ-топ.

Кла сразу же встал и прошел мимо меня, по-

вернув голову, чтобы одарить меня последней ухмылкой. Я направился следом, сопровождаемый взглядом Йоты. Он как-то странно отсалютовал мне, приложив руку не ко лбу, а к боковой стороне лица.

Я знаю его слабость.

Когда я проходил мимо Верховного лорда, Келлин сказал:

— Буду рад избавиться от тебя, Чарли. Если бы мне не требовалось тридцать два, я бы сделал это раньше.

Два ночных солдата шли впереди, за ними следовал Кла со слегка нагнутой головой и раскачивающимися по бокам руками, уже сжатыми в кулаки. Позади нас шли Верховный лорд и Аарон, его помощник. Мое сердце медленно и сильно стучало в груди.

Однажды он меня побил, но я извлек из этого урок.

Мы шли по коридору к ярким рядам газовых ламп, обрамляющих стадион. Шли мимо других раздевалок, мимо комнаты со снаряжением.

Удар. Йота падает. Ведро катится, Йота плетется к своему тюфяку, Кла поворачивается, чтобы посмотреть на ведро.

Мы прошли мимо комнаты почетных гостей, в

которой был потайной выход — по крайней мере, согласно записке Перси.

Я бросаю куриную ножку. Она попадает в ведро. Кла поворачивается, чтобы посмотреть.

Тут до меня начало доходить, и я немного ускорил шаг, когда мы уже выходили из коридора на беговую дорожку, окружающую поле. Я не думал о Кла — ну, почти не думал. Он не смотрел на меня — его внимание было приковано к центру поля, где лежало оружие. Кольца и веревки исчезли. Две кожаные перчатки с шипами на костяшках пальцев лежали на столе, где во время наших тренировок стояли чашки. В одной плетеной корзине были боевые посохи, в другой — два коротких колющих копья.

Йота не ответил на мой вопрос, когда я спросил, но, возможно, ответил, когда я уходил. Может быть, тот странный салют, которым он меня проводил, вовсе не был салютом. Может, это было сообщение.

Когда мы вслед за ночными солдатами подошли к вип-ложе, раздались аплодисменты, но я их почти не слышал. Поначалу я не обратил внимания ни на зрителей по бокам ложи, ни даже на Элдена Губителя Летучих. Я смотрел только на Кла, который повернулся, чтобы проследить

за ведром, катящимся по полу камеры, которую он делил с Йотой, и за куриной ножкой, которую я бросил в него в раздевалке. На Кла, который, казалось, не видел, что я почти сравнялся с ним — а почему?

«*Я знаю его слабость*», — сказал Йота, и теперь я думал, что тоже знаю. Глаз не отдал мне честь; он имитировал шоры, которые носят лошади.

У Кла было слабое периферийное зрение — или его вообще не было.

6

Нас повели — нет, *погнали* — в ту часть дорожки, которая находилась перед королевской ложей. Я стоял рядом с Кла, который не просто перевел взгляд, чтобы посмотреть на меня, но и повернул голову. Келлин тут же ударил его сзади по шее своей гибкой палкой, выпустив наружу тонкую струйку крови.

— Не обращай внимания на мнимого принца, ты, здоровенный болван! Лучше послушай настоящего короля.

Итак, Келлин знал то, во что верили другие узники. Был ли я удивлен? Не слишком. Грязь не могла до конца скрыть поразительную перемену в цвете моих волос, а мои глаза больше не были

карими — они приобрели серый цвет, переходящий в голубой. Если бы Элден не настаивал на полном комплекте участников, меня бы убили еще несколько недель назад.

— На колени! — крикнул Аарон своим противным жужжащим голосом. — На колени, вы, отродье старой крови! Преклоните колени перед новой кровью! Склонитесь перед своим королем!

Петра — высокая, темноволосая, с родинкой у рта, в зеленом шелковом платье, с лицом белым, как творог, — пронзительно завопила:

— На колени, старая кровь! На колени, старая кровь!

Остальные зрители — их было вряд ли больше шестидесяти, максимум семьдесят, — подхватили этот крик, скандируя:

— *На колени, старая кровь! На колени, старая кровь! На колени, старая кровь!*

Происходило ли это с другими участниками? Я так не думал. Это предназначалось специально для нас, потому что мы были последним поединком дня, звездным аттракционом. Мы опустились на колени — ни один из нас не хотел быть выпоротым гибкими хлыстами или, что еще хуже, испытать силу аур наших тюремщиков.

Элден Губитель Летучих выглядел как человек

на грани смерти — одной ногой в могиле, а другой на банановой кожуре, как сказал бы дядя Боб. Это была моя первая мысль. Вторая, наступавшая ей на пятки, заключалась в том, что он вообще не был человеком. Возможно, он был им когда-то, но не теперь. Его кожа имела цвет незрелой груши. Его глаза — голубые, огромные, влажные, каждый размером с мою ладонь — выпучивались из морщинистых, обвисших глазниц. Его губы были красными, почти женскими и такими мягкими, что свисали книзу. На его жидкие белые волосы косо, ужасающе небрежно была нахлобучена золотая корона. Его пурпурная мантия, расшитая золотыми нитями, походила на громадный чехол, закутавший его до самой раздутой шеи. И да, она шевелилась. «*Как будто там спрятано какое-то животное*», — сказала Джая. И не одно — мантия поднималась и опадала сразу в нескольких местах.

Слева от меня, на дорожке, стояла Красная Молли в короткой кожаной юбке, похожей на килт. На ее огромных бедрах вздулись мускулы, с одного из них свисал длинный нож в ножнах. Ее оранжевые волосы топорщились короткими колючками, как ирокез у панка. Широкие подтяжки поддерживали ее юбку, прикрывая часть

обнаженной груди. Заметив, что я смотрю на нее, она скривила губы в поцелуе.

Губитель Летучих говорил сдавленным голосом, который совсем не походил на насекомое жужжание ночных солдат. Звучало это так, будто он говорил через воронку, наполненную какой-то вязкой жидкостью. Нет, никто из остальных его не слышал, они бы непременно сказали. Ужас этого нечеловеческого голоса был неизгладим.

— *Кто король Серого Мира, бывшего Эйса?*

Те, кто сидел в ложе, и остальные зрители энергично откликнулись, выкрикнув его имя:

— *Элден*!

Губитель Летучих посмотрел на нас сверху вниз своими огромными яйцевидными глазами. Гибкие хлысты опустились на мою шею и шею Кла.

— Повторите это, — прогудел Келлин.

— Элден, — сказали мы.

— *Кто низверг монархов на земле и монархов в небе?*

— *Элден!* — Петра прокричала это вместе с остальными и громче всех. Ее рука ласкала одну из отвисших зеленых щек Элдена. Его пурпурная мантия непрерывно поднималась и опускалась в полудюжине разных мест.

— Элден, — сказали и мы с Кла, не желая, чтобы

нас снова ударили.

— Да начнется матч!

Этот призыв, который, казалось, не требовал никакого ответа, кроме аплодисментов и нескольких одобрительных возгласов.

Келлин стоял между нами двумя, достаточно далеко, чтобы его аура нас не коснулась.

— Встаньте лицом к полю, — сказал он.

Мы так и сделали. Краем глаза я мог видеть Кла справа от себя; он повернул голову, бросая на меня быстрый взгляд, потом посмотрел вперед. В семидесяти или около того ярдах перед ними лежало боевое оружие. Было что-то сюрреалистичное в том, как тщательно его разложили — как призы, которые надо выиграть в каком-нибудь убийственном игровом шоу.

Я сразу понял, что кто-то (возможно, сам Губитель, но я ставил на Верховного лорда) хотел склонить игру в пользу Кла, если не прямо подстроил это. Плетеная корзина с копьями, очевидно, излюбленным оружием бойцов, стояла справа, со стороны Кла. В двадцати ярдах слева от нее находился стол с кожаными перчатками, утыканными шипами. Еще в двадцати ярдах левее, более или менее близко ко мне, была корзина с боевыми посохами, подходящими для

ударов, но не очень полезными, когда дело доходит до убийства. Никто не сказал нам, что делать дальше; никто и не собирался. Похоже, нам предстояло броситься к оружию, и если бы я захотел схватить копье вместо перчатки или посоха, мне пришлось бы опередить Кла, а потом пробежать прямо перед ним.

«*Ты быстрее, чем думаешь*», — сказала мне Лия, но это случилось во сне, а тут была реальная жизнь.

Вы могли бы спросить, испытывал ли я страх. Испытывал, но еще я черпал из того темного колодца, который нашел в детстве, когда мой отец, будто бы горюя по своей жене, моей матери, собирался пустить жизнь под откос и оставить нас без крова. Какое-то время я ненавидел его и ненавидел себя за эту ненависть. Результатом стали плохие поступки, вызывавшие стыд. Теперь у меня были другие причины для ненависти, и стыдиться их не приходилось. Так что да, я испытывал страх. Но часть меня рвалась в бой.

Часть меня жаждала его.

Губитель Летучих крикнул своим булькающим, нечеловеческим голосом — еще кое-что, что можно ненавидеть:

— НАЧИНАЙТЕ!

7

Мы побежали. Кла двигался со скоростью вспышки, когда напал на Глаза, но то был быстрый выпад в замкнутом пространстве. Теперь до оружия было семьдесят ярдов. Ему пришлось нести большой вес, более трехсот фунтов, и я подумал, что, разогнавшись на полную катушку, смогу обогнать его на полпути к разложенному оружию. Лия во сне была права — я оказался быстрее, чем думал. Но мне все равно пришлось бы срезать расстояние перед ним, и если бы я это сделал, то оказался бы прямо в его слегка суженном поле зрения. Еще опаснее было бы оказаться к нему спиной.

Вместо этого я свернул влево, открыв ему прямой путь к копьям. Я едва взглянул на перчатки с шипами; они могли быть смертоносными, но, чтобы использовать их, мне пришлось бы попасть в зону удара Кла, а я видел, насколько он быстр, когда противник находится рядом. Остались боевые посохи, к которым я и устремился. За несколько тренировок я довольно хорошо освоился с ними.

Я выхватил один из них из корзины, повернулся и увидел, что Кла уже атакует, низко держа

копье у правого бедра. Он поднял его, надеясь распороть меня от паха до живота и тем закончить бой. Быстро отступив назад, я опустил посох на его руки, надеясь выбить копье. Он вскрикнул от боли и гнева, но копье удержал. Аудитория разразилась аплодисментами, и я услышал, как женщина, почти наверняка Петра, закричала: «*Отрежь его писюн и принеси мне!*»

Кла снова атаковал, на этот раз высоко занеся копье над плечом. В нем в помине не было утонченности Майка Тайсона в старых боксерских поединках, которые я смотрел с Энди Ченом и моим отцом; он был обычным драчуном, привыкшим побеждать противников жесткой лобовой атакой. Раньше это всегда работало и должно было сработать теперь против гораздо более молодого соперника. У Кла было преимущество как в весе, так и в длине рук.

Согласно Лии из сна, я был быстрее, чем думал — и определенно быстрее, чем думал Кла. Отскочив в сторону, как тореадор, уклоняющийся от атаки быка, я со свистом опустил посох ему на руку, чуть выше локтя. Копье вылетело у него из рук и упало на траву. Аудитория издала протяжное «*а-а-ах*». Петра недовольно вскрикнула.

Кла наклонился, чтобы поднять оружие, и тут

я двумя руками изо всех сил обрушил посох ему на голову. Посох переломился пополам. Кровь с силой хлынула из головы Кла и струйками потекла по его щекам и шее. Этот удар уложил бы любого другого — включая Глаза и Аммита, — но Кла только потряс головой, поднял свое копье и повернулся ко мне лицом. Теперь улыбки на его лице не было; с налитыми кровью глазами он прорычал:

— Иди сюда, сукин сын!

— Брось это. Покажи, что ты еще можешь. Ты так же глуп, как и уродлив.

Я наставил на него то, что осталось от моего посоха. Обращенный к Кла обломанный конец представлял собой букет из острых щепок. Дерево было твердым, и если бы он напоролся на эти щепки, они бы не согнулись. Они проткнули бы ему живот, и он это знал. Я сделал ложный выпад, и когда он отступил, обошел его справа. Ему пришлось повернуть голову, чтобы я не оказался в его слепой зоне. Он сделал выпад, и я ткнул его посохом в мякоть предплечья, оторвав лоскут кожи и пустив струю крови на зеленую траву.

— *Прикончи его!* — закричала Петра. Теперь я хорошо знал ее голос и ненавидел его. Ненавидел ее, ненавидел их всех. — *Прикончи его, ты,*

чертов урод!

Кла бросился в атаку. На этот раз я отскочил влево, отступив к столу, на котором лежали боевые перчатки. Кла не стал замедляться, дыша на бегу быстрыми хриплыми вздохами. Я снова отпрыгнул, острие его копья едва не задело мою шею. Кла ударился о стол, перевернул его и приземлился сверху, отломив одну из ножек. Копье он не выпустил, но меня это не беспокило. Я приблизился к нему в слепой зоне, запрыгнул на спину и сжал его бока бедрами, когда он встал на дыбы. Пока он пытался сбросить меня, колотя по плечам своими большими руками, я вдавил оставшуюся часть посоха в его горло,

За этим последовала безумная гонка на его спине. Мои ноги сомкнулись вокруг его толстой талии, а мой расщепленный трехфутовый посох все глубже входил ему в горло. Я чувствовал каждую его попытку сглотнуть. Он начал издавать булькающие звуки. Наконец, в преддверии потери сознания, за которой последовала бы неминуемая смерть, он упал на спину, а я оказался под ним.

Я ожидал этого — какой еще выход у него оставался? — но его триста фунтов все равно чуть не вышибли из меня дух. Он катался из стороны в

сторону, пытаясь вырваться из моей хватки. Я держался из последних сил, даже когда черные точки начали плясать перед моими глазами, а аплодисменты зрителей стали звучать гулко и далеко. Единственным, что отчетливо доносилось до меня, был голос подруги Губителя Летучих, вонзавшийся в мою голову, словно острое шило: «*Вставай! Сбрось его, скотина!* ВСТАВАЙ ЖЕ!»

Этот громила мог раздавить меня в лепешку, но я не собирался позволить ему меня сбросить. Я много отжимался в своей камере и усердно подтягивался на кольцах. Теперь я нашел хорошее применение своей силе, даже когда сознание уже начало угасать. Я давил, тянул и, наконец, его сопротивление начало ослабевать. Из последних сил я скинул его с себя и кое-как вылез из-под его обмякшего тела. Я полз по траве, ничего не видя из-за упавших на глаза потных волос и вдыхая свистящие порывы воздуха. Казалось, я не мог насытиться ими, наполняя до самого дна свои измученные легкие. Моя первая попытка встать на ноги провалилась, и я пополз дальше, задыхаясь и кашляя, уверенный, что гребаный Кла вот-вот нависнет над моей спиной, и я почувствую, как копье вонзается мне между лопаток.

Со второй попытки я встал, шатаясь, как пья-

ный, и увидел своего противника. Он тоже полз — или, точнее, пытался. Большая часть его лица была залита кровью от удара по голове, который я ему нанес. То, что осталось, было фиолетовым от удушья.

— Кончай с ним! — взвизгнула закричала. Сквозь ее белый макияж проступили красные пятна. Казалось, она переметнулась на мою сторону, хотя мне это вовсе не требовалось. — Кончай! Кончай!

Остальные подхватили:

— КОНЧАЙ! КОНЧАЙ! КОНЧАЙ!

Кла перевернулся и посмотрел на меня снизу вверх. Если он и ждал от меня милости, то я не мог ее даровать.

— КОНЧАЙ! КОНЧАЙ! КОНЧАЙ!

Я поднял копье…

Он с трудом поднял руку и поднес ладонь ко лбу.

— Мой принц.

…и опустил его.

Хотел бы сказать вам, что под конец я вспомнил про лучшее в себе. Сказать, что почувствовал сожаление. Но это было бы неправдой. Думаю, в каждом из нас есть темный колодец, и он никогда не пересыхает. Но пить из него смертельно

опасно. В воде его — яд.

8

Меня поставили на колени перед Элденом, его сучкой и другими важными сановниками.

— Хорошо сражались, хорошо сражались, — сказал Элден как-то рассеянно. С его отвисших губ действительно стекали слюни, а из уголков огромных глаз сочилась какая-то гнойная жидкость — но не слезы. — Носильщики! Мне нужны мои носильщики! Я устал и должен отдохнуть до ужина!

Четверо серых мужчин — обезображенных, но сильных — торопливо спустились по одному из лестничных пролетов, неся паланкин с золотой крышей и пурпурными бархатными занавесками.

Я не видел, как он сел в него, потому что меня схватили за волосы и рывком подняли на ноги. Я высокий, но Красная Молли возвышалась надо мной. Глядя на нее снизу вверх, я вспомнил, как смотрел на статую, на которую забрался, чтобы понаблюдать за монархами, возвращающимися на ночлег. Ее лицо было бледным, круглым и плоским, как блюдо для пирога, присыпанное мукой. С него мрачно глядели маленькие черные

глаза.

— Сегодня ты сражался с врагом, — сказала она. Басовитый рокот ее голоса был угрожающим, но не таким гнусным, как насекомое жужжание ночных солдат или льющийся голос Элдена. — Посмотрим, как в следующий раз ты будешь драться с другом. А если выживешь, я сама отрежу тебе писюн, — она понизила голос. — И отдам Петре, чтобы пополнить ее коллекцию.

Я уверен, что герой боевика ответил бы что-то остроумное, но я смотрел в ее широкое лицо и черные глаза и не мог придумать ничего такого.

9

В раздевалку меня провожал сам Верховный лорд. Прежде чем выйти в коридор, я оглянулся — как раз вовремя, чтобы увидеть паланкин с задернутыми занавесками, покачивающийся на пути вверх по лестнице. Я предположил, что внутри вместе с Губителем была королева красоты Петра.

— Ты удивил меня, Чарли, — сказал Келлин. Теперь, когда с его обязанностями распорядителя было покончено, он казался расслабленным, возможно, даже веселым. — Я думал, Кла быстро оторвет тебе голову. В следующий раз ты будешь

драться с одним из своих друзей. Не с Йотой, думаю — его мы сбережем на потом. Возможно, с малюткой Джаей. Понравится ли тебе отнять ее жизнь, как ты отнял жизнь Кла?

Я не ответил, просто пошел впереди него по наклонному коридору, держась как можно дальше от его высоковольтной ауры. Когда мы подошли к двери, Келлин не последовал за мной, а только захлопнул ее снаружи. Тридцать два из нас отправились на игры. Теперь осталось всего пятнадцать, которые могли удивиться, что это не Кла, а Чарли, потрепанный, но в остальном невредимый. Нет, пожалуй, четырнадцать — Галли по-прежнему лежал без сознания.

Какое-то мгновение они смотрели только на меня. Потом тринадцать из них упали на колени и приложили ладони ко лбу. Док Фрид не мог встать, но отдал честь с того места в углу, где он сидел.

— Мой принц, — сказала Джая.

— Мой принц, — эхом отозвались остальные.

Никогда еще я не был так рад, что в Эмписе нет кабельного телевидения.

10

Мы смыли грязь и кровь, но ужас этого дня никуда не делся. Эрис спустила с Фрида штаны и промыла глубокую рану на его бедре так тщательно, как только могла. Время от времени она прерывала свое занятие, чтобы посмотреть на меня. Они все смотрели на меня. В конце концов, поскольку это выводило меня из себя, я велел им прекратить. Тогда они стали делать вид, что не смотрят на меня, что было так же плохо, а может, и еще хуже.

Через десять или пятнадцать минут вошли четверо ночных солдат. Их старший жестом своего гибкого хлыста пригласил нас на выход. Серых не было, так что Галли пришлось нести нам. Я хотел взять его верхнюю половину, но Аммит оттеснил меня плечом в сторону. Осторожно.

— Не-не. Я понесу его со здоровяком, — предположительно, речь шла о Йоте, поскольку другой здоровяк был теперь большим куском остывающего мяса. — Помоги доктору, если хочешь.

Но это мне тоже не разрешили сделать. В конце концов, я был обещанным принцем — по крайней мере, они так думали. Цвет моих волос и глаз говорил в пользу этого. Но я думал, что,

может быть, я просто семнадцатилетний парень, который оказался в хорошей форме, сумел одолеть соперника из-за его ослабленного бокового зрения и выжить, умело используя свои худшие качества. И вообще — хотел ли я быть принцем в этой мрачной сказке? Вовсе нет. Чего я хотел, так это забрать свою собаку и убраться домой, хотя мой дом никогда еще не казался таким далеким.

Мы медленно возвращались в свои камеры в Глуби Малейн: Мерф с раной в плече, Джая и Эрис, Аммит, Йота, Док Фрид, Булт, Бендо, Мезель, Каммит, Дабл, Стакс с сильно порезанным лицом, Куилли, Окка, Галли без сознания и я. Шестнадцать бойцов. За вычетом того, что ни Док Фрид, ни Галли не смогли бы драться в следующем раунде. Но они не стали бы исключением; теперь я знал это точно. Просто им назначили бы противников, которые быстро прикончили бы их ради удовольствия Элдена, Петры и кучки прихлебателей Губителя Летучих. Те, кто сделал бы это с Фридом и Галли, в следующем раунде тоже получили бы свое. Да и Мерф со Стуксом вряд ли дожили бы до того, что в «Мартовском

безумии»[233] зовется Элитной восьмеркой.

Дверь в конце тюремного блока была открыта. Глаз и Аммит занесли туда Галли. Следующими вошли Куилли и Фрид; Куилли поддерживал Дока, чтобы тому не пришлось прыгать на больной ноге. Фрид вообще с трудом мог передвигаться; он то приходил в сознание, то терял его, роняя голову на грудь. Когда мы вошли в Малейн, он сказал кое-что настолько горькое, настолько потерянное, что я никогда этого не забуду:

— Я хочу к маме.

Газовая лампа возле входа снова вывалилась из отверстия и болталась на металлической трубке. Она погасла. Один из наших охранников засунул ее обратно в отверстие, где ей полагалось быть, и некоторое время смотрел на него, как будто гипнотизируя, чтобы она не выпала. Лампа держалась.

— Сегодня особый ужин, детки! — объявил один из охранников. — Много еды, а потом десерт!

Мы вошли в наши камеры. Глаз, Стукс и я теперь наслаждались — если это подходящее слово — одиночеством. Куилли отнес Фрида в

---

[233] Примечания: 233

Мужской баскетбольный турнир первого дивизиона Национальной ассоциации студенческого спорта (НКАА), проходящий в США каждую весну.

его камеру, осторожно положил на тюфяк и пошел туда, где сидел с Каммитом. Мы ждали, что ночные солдаты выйдут с протянутыми руками, отчего двери камер захлопнутся, но они просто ушли, заперев за собой дверь во внешний мир: один засов, два засова, три, четыре. Очевидно, сегодня нам даровали не только «много еды», но и возможность пообщаться, по крайней мере, какое-то время.

Эрис вошла в камеру Галли и осмотрела его рану на голове, которая была (не вдаваясь в подробности) ужасной. Его дыхание вырывалось из груди с хрипом. Эрис посмотрела на меня усталыми глазами.

— Он не переживет ночь, Чарли, — она горько рассмеялась. — Но никто из нас этого не поймет, потому что здесь всегда ночь!

Я погладил ее по плечу и пошел в камеру Йоты, которую он решил не покидать. Он сидел у стены, обхватив руками колени. Я сел рядом с ним.

— Какого дьявола тебе нужно? — спросил он. — Я бы хотел побыть один. Если это угодно тебе, то есть вашему королевскому гребаному величеству.

Понизив голос, я сказал:

— Если бы был способ выбраться отсюда — сбе-

жать — ты бы попробовал сделать это со мной?

Он медленно поднял голову. Посмотрел на меня. И заулыбался.

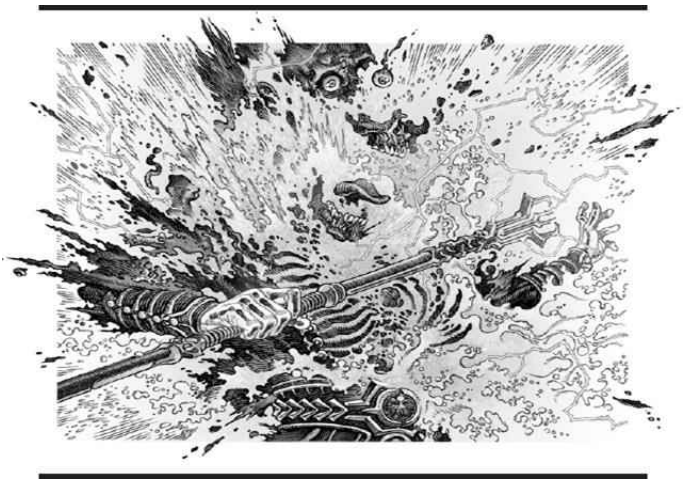
— Только покажи мне путь, дорогой. Только покажи.

— А как насчет остальных? Тех, кто сможет?

Его улыбка стала шире.

— Неужели королевская кровь делает тебя глупым, принц? Как ты сам думаешь?

Глава двадцать пятая. Банкет. Я принимаю гостя Вдохновение не стучится в дверь. «Кто хочет жить вечно?»



1

В ту ночь для выживших приготовили не просто куски полусырого мяса — это был настоящий банкет. Перси и двое других серых людей, мужчина и женщина, одетые в запачканные, когда-то белые халаты, катили не одну тележку, а целых три. Спереди и сзади их окружали ночные солдаты с гибкими хлыстами наготове. В первой тележке стояла огромная кастрюля, напомнившая мне кухню злой ведьмы в «Гензеле и Гретель». Вокруг нее были сложены миски. Во второй стояли высокая керамическая банка и небольшие чашечки. В третьей — полдюжины пирогов с золотисто-коричневой корочкой. Смешанные запахи всего этого были божественными. Теперь мы стали убийцами, палачами своих товарищей, но тем не менее были голодны, и если бы не пара следивших за нами Скелеторов[234], думаю, мы бы тут же набросились на эти тележки. А так мы отошли к открытым дверям

[234] Примечания: 234

Скелетор — отрицательный герой мультсериала «Хи-Мен и властелины вселенной», злой колдун в образе живого скелета.

наших камер и жадно наблюдали. Дабл непрестанно вытирал рукой рот.

Всем нам выдали по миске и деревянной ложке. В каждую миску Перси до краев наливал из кастрюли рагу с подливкой. Оно было густым и сливочным (по-моему, с настоящими сливками), с большими кусками курицы, а еще с горошком, морковью и кукурузой. Раньше я задавался вопросом, откуда берется наша еда, но в тот момент я хотел только есть.

— Зите се в кам, — сказал Перси своим глухим, умирающим голосом. — Эт не се.

В банке был салат из свежих фруктов — персики, черника, клубника. Не в силах ждать — вид и запах настоящих фруктов привели меня в экстаз — я поднес чашку с салатом ко рту и съел все до последней капли, вытирая сок с подбородка и облизывая пальцы. Я чувствовал, как все мое тело приветствует это после постоянной диеты из мяса и моркови, мяса и моркови и еще раз мяса и моркови. Пироги разделили на пятнадцать кусков — не оставив ничего Галли, чьи дни приема пищи явно подошли к концу. Тарелок для пирога не было, поэтому мы брали его руками. Кусок Йоты исчез еще до того, как были розданы последние порции.

— Яблочный! — сказал он, роняя крошки с губ. — И чертовски вкусный!

— Ешьте как следует, детки! — прожужжал один из ночных солдат, а потом рассмеялся.

«*Потому что завтра вы умрете*», — мысленно продолжил я, надеясь, что это будет не завтра. И не на следующий день. И не на следующий после того. Я все еще понятия не имел, как мы собираемся отсюда выбраться, даже если Перси действительно знал выход из комнаты администрации. Что я знал, так это то, что сделать это необходимо до второго раунда Честных игр, где я мог бы — очень вероятно — сразиться с Джаей. В этом не было бы ничего честного.

Охранники и кухонная команда ушли, но до поры до времени двери камер остались открытыми. Я принялся за тушеную курицу. Она была восхитительной. Боже, как вкусно. «*Вкусняшка для моего пузика*», — сказал бы Берти в былые времена, когда мы сидели на велосипедах возле «Зип-Марта» и ели «Твинкис» или «Слим Джимс». Заглянув в соседнюю камеру, я увидел, как Стукс жадно глотает еду, прижимая руку к лицу, чтобы подливка не текла из его раны в щеке. Есть образы, которые навсегда останутся со мной от времени моего пребывания в Глуби Малейн. Это

— один из них.

Когда моя миска опустела (мне не стыдно признаться, что я вылизал ее дочиста, совсем как Джек Спрат и его жена[235]), я взял свой кусок пирога и откусил от него. Он оказался с заварным кремом, а не с яблоком. Мои зубы стукнулись обо что-то твердое. Посмотрев, я увидел огрызок карандаша, торчащий из заварного крема. Вокруг него был обернут маленький клочок бумаги.

Никто не смотрел на меня; все были сосредоточены на еде, так отличавшейся от нашей обычной. Я сунул бумагу и карандаш под матрас Хейми — он бы не возражал.

Поскольку камеры были открыты, мы могли свободно собираться для бесед после банкета. Йота подошел к моей камере, к нему присоединился Аммит. Они зашли с двух сторон, но я не боялся. Я уже начал чувствовать, что мой высокий статус делает меня неприкосновенным.

— Как ты думаешь обдурить ночных солдат, Чарли? — спросил Йота. Это было не то, что он сказал, а то, что я услышал.

— Не знаю, — признался я.

Аммит зарычал.

---

[235] Примечания: 235
Персонажи английского детского стишка.

— По крайней мере, пока не знаю. Как думаешь, сколько их там? Считая Келлина?

Йота, который находился в Глуби Малейн куда дольше меня, задумался.

— Двадцать, может быть, самое большее двадцать пять. Немногие из Королевской гвардии встали на сторону Элдена, когда он вернулся в обличье Губителя Летучих. Все, кто этого не сделал, умерли.

— Так они тоже мертвые, — сказал Аммит, имея в виду ночных солдат.

— Да, но днем — днем в мире наверху — они слабеют, — сказал Йота. — Их синее сияние становится меньше. Ты, должно быть, видел это, Чарли.

Я это видел, но прикосновение к любому из них, даже краткое, все равно заставляло отключиться. Йота знал это, и остальные тоже. Шансы были не в нашу пользу. Перед первым раундом мы превосходили их числом, но теперь оно уменьшилось вдвое. Если бы мы ждали до окончания второго раунда, нас осталось бы всего восемь. Или еще меньше, если бы кого-то ранили бы так же тяжело, как Фрида и Галли.

— Ни хрена-то ты не знаешь, — сказал Аммит, ожидая — похоже, с надеждой — что я ему

возражу.

Я не возражал, но знал кое-что такое, чего не знали они.

— Послушайте меня и передайте остальным. Отсюда есть выход, — по крайней мере, если Перси говорил правду. — И мы воспользуемся им, если сможем пройти мимо ночных солдат.

— Но как? — спросил Йота.

— Пока не думай об этом.

— Скажи как. Как мы можем одолеть этих синих тварей? — спросил Йота.

— Я работаю над этим.

Аммит махнул рукой в опасной близости от моего носа.

— Ты ничего не придумал!

Я не хотел разыгрывать свой козырь, но выбора не было. Запустив руки в волосы, я раздвинул их, показывая светлые корни.

— Я тот принц, которого вам обещали, или нет?

На это у них не нашлось ответа. Йота даже приложил ладонь ко лбу. Конечно, наевшись таких вкусностей, он мог просто утешать меня.

2

Вскоре после этого Перси и его кухонная команда из двух человек вернулись в сопровождении пары ночных солдат. Их ауры были заметно слабее — бледно-голубыми, а не индиговыми, — значит, где-то над нами взошло солнце, хотя, вероятно, его скрывала обычная пелена облаков. Если бы у меня был выбор между еще одной тарелкой рагу и видом чистого неба, я выбрал бы небо.

«*Легко так говорить, когда твой живот полон*», — подумал я.

Мы сложили наши миски и чашки в тележку. Все они сверкали, заставив меня вспомнить, как Радар в лучшие времена дочиста вылизывала свою миску. Двери наших камер захлопнулись. День наверху, но еще одна ночь для нас.

Глубь Малейн спала с гораздо большим количеством отрыжек и пердежа, чем обычно, но их быстро заглушил храп. Убийство — утомительная и удручающая работа. Ожидание того, останешься ты жить или умрешь, еще больше утомляет и удручает. Я хотел было добавить тюфяк Хейми к своему одеялу, чтобы мягче лежалось на каменном полу, но не смог заставить себя сделать это.

Так и лежал, глядя на всегда черное зарешеченное окно. Я чувствовал дикую усталость, но каждый раз, закрывая глаза, видел либо взгляд Кла в тот последний момент, когда он был еще взглядом живого человека, либо Стукса, прижимающего руку к щеке, чтобы из раны не текла подливка.

Наконец я заснул. И увидел во сне принцессу Лию у бассейна, держащую в руках обалденный мамин фен — Фиолетовый лучевой пистолет смерти. У этого сна была какая-то цель — либо магия Эмписа, либо более привычная магия моего подсознания, пытающаяся мне что-то сказать, — но, прежде чем я смог ухватиться за это, меня разбудили. Раздался дребезжащий звук, и что-то заскребло по камню.

Я сел и огляделся. Потухшая газовая лампа двигалась в своем отверстии. Сначала по часовой стрелке, потом против.

— Что там такое?

Йота в камере напротив тоже не спал. Я приложил палец к губам.

— Тссс!

Это был просто инстинкт. Все остальные спали, хотя некоторые стонали от мучивших их, что неудивительно, кошмаров, и, конечно же, в Эмписе не было никаких подслушивающих

устройств.

Мы наблюдали, как газовая лампа раскачивается взад-вперед. Наконец она выпала и повисла на своей металлической трубке. Внутри что-то шевелилось. Сначала я подумал, что это большая крыса, но темная фигура выглядела слишком угловатой для крысы. Потом она протиснулась внутрь и быстро сбежала по стене на влажный каменный пол.

— Что за черт! — прошептал Йота.

Я ошеломленно смотрел, как красный сверчок размером с кота направляется ко мне, подпрыгивая на своих сильных задних ногах. Он все еще хромал, но совсем немного. Подойдя к решетке моей камеры, он посмотрел на меня черными глазами-бусинками. Его длинные усы напомнили мне «кроличьи уши» старого лампового телевизора мистера Боудича. Между глаз у него была бронированная пластинка, а рот, казалось, ехидно ухмылялся. На его брюхе виднелось что-то белое, похожее на клочок бумаги.

Я опустился на одно колено и сказал:

— Я помню тебя. Как твоя нога? Выглядит лучше.

Сверчок запрыгнул в камеру. Это было бы легко для сверчка в том мире, откуда я родом, но

этот был таким большим, что ему пришлось протискиваться. Он посмотрел на меня. Он меня вспомнил. Я медленно протянул руку и погладил верх его хитиновой головы. Как будто ожидая этого прикосновения, он лег на бок. На его панцирном брюхе действительно был кусочек сложенной бумаги, приклеенный каким-то клеем. Я осторожно отлепил его, стараясь не порвать. Сверчок подобрал свои шесть ног — четыре, как мне показалось, для ходьбы, а две большие сзади для прыжков — и запрыгнул на тюфяк Хейми. Оттуда он снова уставился на меня.

Снова магия. Я уже начинал к ней привыкать.

Я развернул бумагу. Записка была написана такими крошечными буквами, что мне пришлось поднести ее поближе к глазам, чтобы прочитать, но было кое-что еще, что в тот момент показалось мне куда важнее. Это был маленький пучок волос, прикрепленный к записке тем же клейким веществом. Я поднес его к носу и понюхал. Аромат был слабым, но безошибочно узнаваемым.

Радар.

Записка гласила: «*Ты жив? Можем ли мы тебе помочь?* ПОЖАЛУЙСТА, ОТВЕТЬ, ЕСЛИ СМОЖЕШЬ. *Собака в безопасности. К.*»

— Что это? — шепотом спросил Глаз. — Что оно

тебе принесло?

У меня была бумага — один листочек от Перси — и огрызок карандаша. Я мог бы ответить, но что?

— Чарли! Что оно…

— Заткнись! — прошептал я в ответ. — Мне нужно подумать!

«*Можем ли мы тебе помочь?*» — спрашивалось в записке.

Главный вопрос был связан с местоимением «мы». Записка, конечно, была от Клаудии. Каким-то образом, вероятно, благодаря обонянию Радар и ее врожденному пеленгатору, моя собака нашла дорогу к деревянному дому Клаудии. Это было хорошо, просто замечательно. Но Клаудия жила одна. Она была «я», а не «мы». Присоединился ли к ней Вуди? Может быть, даже Лия верхом на верной Фаладе? Их было бы недостаточно, королевской крови они или не королевской. Но если бы они собрали других, серых людей… может, эта надежда была слишком несбыточной? Наверное, да — хотя если бы они поверили, что я действительно обещанный принц, то, возможно…

Думай, Чарли, думай!

Я думал о стадионе, бывшем когда-то Полем Монархов, а теперь ставшем Полем Элдена. Его

не освещало электричество — с этим не мог справиться ветхий генератор, работавший на рабском труде, который показал мне Аарон, — но это делали, по крайней мере во время Честных игр, громадные газовые лампы, установленные по всей окружности стадиона.

У меня была тысяча вопросов и только один клочок бумаги. Не идеальная ситуация, тем более что получить ответ на любой вопрос было крайне маловероятно. Но у меня появилась одна идея, а это лучше, чем ничего. Проблема состояла в том, что это ни за что не сработало бы, если я не смог бы придумать способ обезвредить ночных солдат.

Но если я смогу… и если этот невесть откуда взявшийся красный сверчок, которому я когда-то оказал услугу, вернет сообщение Клаудии…

Я сложил свой единственный драгоценный клочок и аккуратно разорвал его пополам. Потом, очень мелко, написал на одной половине: «*Я жив. Ждите, когда следующим вечером загорится свет на Поле Монархов. Приходите, если вас много. Нет, если вас мало*». Я хотел подписать записку так же, как она — «Ч.», но потом передумал. В нижней части моего послания, меньшего, чем когда-либо, я написал (не без смущения) «*Принц*

Шарли».

— Иди сюда, — прошептал я сверчку.

Он неподвижно сидел на тюфяке Хейми, суставы его длинных задних ног торчали вверх, как согнутые локти. Я щелкнул пальцами, и он подпрыгнул, приземлившись передо мной. Это выглядело намного ловчее, чем в прошлый раз, когда я его видел. Я легонько толкнул его пальцем, и он послушно лег на бок. Клейкая масса на его брюхе все еще была достаточно липкой, я прилепил к ней записку и сказал:

— Иди. Отнеси мой ответ обратно.

Сверчок встал, но не двинулся с места. Йота смотрел на это, его глаза были такими большими, что, казалось, вот-вот вылезут из орбит.

— Иди, — прошептал я, указав на отверстие над болтающейся газовой лампой. — Возвращайся к Клаудии, — до меня вдруг дошло, что я даю указания сверчку, а потом пришла другая мысль: не схожу ли я с ума?

Он еще мгновение или два смотрел на меня своими серьезными черными глазами, потом повернулся и протиснулся обратно сквозь прутья. Подскочив к стене, ощупал камень передними лапами, словно проверяя его на прочность, а потом легко прыгнул к отверстию и скрылся в нем.

— Что это, черт возьми, такое? — спросил Стукс из соседней камеры.

Я не потрудился ответить. Конечно, он был большим и красным, но если Стукс не видел, что это сверчок, значит, он ослеп.

Дыра в стене была более узкой, чем промежуток между прутьями решетки, но он пролез в нее, и моя записка все еще была при нем. Учитывая, кто мог бы прочитать сообщение, если бы оно упало на пол, это тоже было хорошо. Конечно, не было никакого способа узнать, останется ли записка на месте, пока красный сверчок будет пробираться обратно через все изгибы и повороты, которые привели его сюда. Сумеет ли он отнести записку Клаудии? Но какой другой вариант был у меня — у нас всех?

— Стукс, Глаз. Выслушайте меня и передайте другим. Нам придется подождать до второго раунда, но прежде чем он начнется, мы уберемся отсюда к чертовой матери.

Глаза Стукса загорелись.

— Как?

— Я все еще работаю над этим. А теперь дайте мне отдохнуть.

Мне нужно было подумать. А еще взглянуть на маленький пучок волос, который прислала Кла-

удия, и пожалеть, что я не могу погладить собаку, которой он принадлежал. И все же само сознание того, что Радар в безопасности, сняло с моих плеч тяжесть, о которой я даже не подозревал.

— Не понимаю, почему этот красный жук пришел к тебе, — сказал Глаз. — Потому что ты принц?

Я покачал головой.

— Ты знаешь историю о мыши, которая вытащила колючку из лапы льва?

— Нет.

— Потом как-нибудь расскажу. После того, как мы выберемся отсюда.

3

На следующий день не было ни «игрового времени», ни банкета. Однако был завтрак, и поскольку Перси пришел один, я смог передать ему записку на другой половине бумажки, которую он мне дал. На нем было всего пять слов: «*Как выйти из комнаты администрации?*» Он не стал читать, просто спрятал клочок куда-то под свою мешковатую рубашку, похожую на платье, и покатил свою тележку дальше по коридору.

Разнесся слух: *у принца Чарли есть план побега.*

Я надеялся, что если ночные солдаты придут проверить нас — днем это было маловероятно, но могло случиться, — они не заметят у своих гладиаторов прилива энергии и настороженности. Вряд ли они смогли бы это сделать; большинство из них, как мне показалось, были довольно туповаты. Но Аарон не был тупым, как и Верховный лорд.

В любом случае, жребий был брошен — правда при условии, что сверчок Джемини[236] вернет мою записку Клаудии. Когда наступит второй раунд, последние наследники Галлиена могут появиться у ворот заколдованного города с отрядом серых людей. Если бы мы смогли выбраться отсюда и присоединиться к ним, появился бы шанс освободиться, а может даже свергнуть существо, которое захватило власть и прокляло некогда процветающую страну Эмпис.

Я думал, что хочу на свободу. Мне не хотелось умирать в этой сырой камере или на арене ради удовольствия Элдена и его подхалимов, не хотел я и того, чтобы умер еще кто-нибудь из моих товарищей по заключению. Нас осталось всего пятнадцать. Как я понял, Галли был еще жив,

[236] Примечания: 236

Персонаж диснеевского мультфильма «Пиноккио» (1940), добрый и остроумный помощник главного героя.

пока продолжался банкет. Двое серых людей унесли его после завтрака на следующее утро под присмотром ночного солдата, которого звали Леммил, или Ламмел, или, может быть, даже Лемюэль. Для меня это не имело никакого значения. Я хотел убить его.

Хотел убить их всех.

— Если правда есть способ справиться с ночными солдатами, тебе лучше придумать его поскорее, Принси, — сказал Аммит после того, как Галли унесли. — Не знаю насчет Губителя Летучих, но эта его сучка, эта Петра, не захочет долго ждать еще одного смертоубийства. Ее это заводит.

«Заводит» было не совсем тем, что он сказал, но очень походило на правду.

На ужин вечером после банкета были куски полусырой свинины. От одного взгляда на нее меня чуть не вывернуло, и я уже хотел выбросить свой кусок в отхожее место. Хорошо, что я этого не сделал, потому что внутри была еще одна записка Перси, написанная тем же бисерным почерком грамотея: «*Отодвиньте высокий шкаф. Там дверь. Она может быть заперта. Уничтожьте это. Готовый служить вам Персиваль*».

Мне хотелось большего, но пришлось удоволь-

ствоваться этим. И вообще все это имело бы значение только в том случае, если бы мы могли добраться до комнаты администрации. Мы смогли бы справиться с гибкими хлыстами, если бы справились с сиянием, окружавшим наших охранников. Но допустим, что мы это сделали.

Могли бы мы убить их, если они были уже мертвы?

4

Я с ужасом ждал завтрака на следующий день, зная, что если Перси принесет сосиски, то второй раунд состоится прежде, чем у меня появится хоть какое-то представление о том, что делать с этими синими парнями. Но нам дали большие оладьи, политые сиропом из каких-то ягод. Я поймал свой, съел его, потом воспользовался чашкой с отверстием на дне, чтобы смыть сироп с рук. Йота смотрел на меня сквозь прутья своей камеры и облизывал пальцы, ожидая, когда Перси уйдет.

Когда это случилось, он сказал:

— У нас есть еще один день, чтобы раненые немного подлечились. Если второй раунд состоится не завтра, то он будет послезавтра. Самое большее, через два дня.

Он был прав, и все они зависели от меня. С

их стороны было не слишком умно довериться старшекласснику, но нужен был мессия, и они выбрали меня.

В своей голове я услышал голос тренера Харкнесса: «*Упади-ка и сделай двадцатку, не занимай зря место*».

Поскольку у меня не было никаких идей и я чувствовал, что зря занимаю место, я так и сделал: расставив руки, стал медленно отжиматься, сгибая руки, чтобы коснуться подбородком каменного пола, а потом так же медленно выпрямляя их.

— Зачем ты это делаешь? — спросил Стакс, прислонившись к решетке и наблюдая за мной.

— Это успокаивает.

После преодоления первоначальной скованности (и ожидаемого протеста тела, когда от него требуют серьезной нагрузки) это всегда помогает. Отжимаясь, я думал о сне: Лия держит фиолетовый фен моей матери. Вера в то, что ответ на мою проблему — *нашу* проблему — скрывается во сне, несомненно, была магическим мышлением, но я попал в волшебное место, так почему бы и нет?

Вот маленькая побочная заметка, которая на самом деле вовсе не является побочной — поэтому ознакомьтесь с ней. Летом перед седьмым

классом я прочитал «Дракулу». Это я тоже сделал по настоянию Дженни Шустер незадолго до того, как она и ее семья переехали в Айову. Я собирался почитать «Франкенштейна» — взятого в библиотеке, — но она сказала, что это скучно: плохо написанный текст в сочетании с кучей философской болтовни. «Дракула», по ее словам, был в сто раз лучше — самая крутая из когда-либо написанных историй о вампирах.

Не знаю, была ли она права насчет этого — трудно слишком серьезно относиться к литературным суждениям двенадцатилетней девочки, даже если она поклонница ужасов, — но «Дракула» оказался классным. Даже спустя долгое время после того, как все эти кровососы, колья, вбитые в сердца, и мертвые рты, набитые чесноком, улетучились у меня из головы, я помнил кое-что, сказанное Ван Хельсингом о том смехе, который он назвал «Королем Смеха». Он сказал, что этот Король Смеха не стучался, а просто ворвался внутрь. Вы знаете, что это правда, если когда-нибудь видели что-то настолько смешное, что не могли удержаться от смеха не только в тот момент, но и каждый раз, когда вспоминали это. Думаю, истинное вдохновение приходит так же. Нет никакой связи, на которую вы могли бы

указать пальцем, сказав: «О, конечно, я думал об этом, и это привело меня к этому». Вдохновение не стучится в дверь.

Я сделал двадцать отжиманий, потом тридцать, и как раз в тот момент, когда собирался закончить, ударила молния. В какой-то момент идеи не было, а в следующий она уже появилась, причем вся целиком. Я встал и подошел к решетке:

— Я знаю, что мы будем делать. Не знаю, сработает ли это, но ничего другого у меня нет.

— Расскажи, — попросил Йота, и я рассказал ему о мамином фене, но он не понял — там, откуда он родом, женщина с длинными волосами после мытья сушит их на солнце. Впрочем, остальное он ухватил сразу. Как и Стукс, который слушал из соседней камеры.

— Расскажите остальным, — сказал я. — Всем.

Стукс приложил ладонь ко лбу и поклонился. От этих поклонов у меня все еще пробегали мурашки по коже, но если это могло удерживать их вместе, я терпел бы их до тех пор, пока не смог бы снова стать обычным школьником. За исключением того, что на самом деле не думал, что это произойдет, даже если я переживу все это. Некоторые изменения необратимы.

5

На следующее утро на завтрак были сосиски.

Обычно Перси, обслуживая нас, молчал, но в то утро ему было что сказать. Правда, слов было мало.

— *Йе, йе,* — что, как я понял, означает «ешь, ешь».

Все получили по три сосиски, а я четыре, и не только потому, что был принцем Глуби Малейн. В каждую была воткнута деревянная спичка с выпуклой серной головкой. Я сунул две в один из своих грязных носков и еще две в другой. У меня была идея, для чего они могут понадобиться. Я надеялся, что это сработает.

6

Снова последовало мучительное ожидание. Наконец дверь открылась. Вошел Аарон вместе с Леммилом — или как там его звали, — и двумя другими.

— Выходите, детки! — объявил Аарон, протягивая руки, чтобы открыть двери. — Хороший день для восьмерых из вас, плохой для остальных! Топ-топ!

Мы вышли. Сегодня Хэтч не жаловался на боль в животе; Стукс позаботился о нем, хотя лицо бедняги Стукси уже никогда не будет прежним. Йота посмотрел на меня с полуулыбкой. Одно веко дрогнуло от того, что могло быть едва заметным подмигиванием. Это добавило мне немного мужества. Как и осознание того, что независимо от того, сможем мы сбежать или нет, Элден Губитель Летучих, Петра и вся его банда засранцев будут разочарованы их Честными играми.

Когда я проходил мимо Аарона, он задержал меня, уткнув кончик своей гибкого хлыста в рваные остатки моей рубашки. Полупрозрачное человеческое лицо, прикрывавшее его череп, улыбалось:

— Ты думаешь, что ты особенный, не так ли? Нет, не думаешь. Другие думают, что ты особенный. Сегодня они разочаруются.

— Предатель, — сказал я. — Предатель всего, чему ты клялся.

Улыбка исчезла с того, что осталось от его лица, хотя под ним череп по-прежнему хранил свою вечную ухмылку. Он поднял свой гибкий хлыст, намереваясь обрушить его мне на лицо, раскроив его от линии волос до подбородка. Я стоял, ожидая этого и даже немного подняв лицо, чтобы

принять удар. Что-то другое говорило через меня, и это были правдивые слова.

Аарон опустил свой хлыст.

— Не-не, я не буду тебя отмечать. Оставлю это тому, кто прикончит тебя. Иди сейчас же. Прежде чем я решу обнять тебя, чтобы ты наложил в штаны.

Но он не мог этого сделать — я знал это, и Аарон тоже. Поединки второго раунда были уже назначены, и он не мог позволить себе нарушить жеребьевку, вызвав у меня шок, который мог лишить сознания или даже убить.

Я последовал за остальными, и он сзади опустил свой хлыст мне на бедро, распоров штаны. За ударом последовали жгучая боль, из ноги пошла кровь. Я не издал ни звука, не желая доставлять удовольствие этому мертвому сукиному сыну.

7

Нас отвели в ту же раздевалку, через две двери от комнаты администрации, где мог находиться выход. В центре комнаты, как и прежде, стояла доска с объявлением, только на этот раз с меньшим количеством пар.

ЧЕСТНЫЕ ИГРЫ. ВТОРОЙ РАУНД

Первый сет
Окка против Галли +
Чарли против Джаи
Мерф против Фрида

Второй сет
Бендо против Булта
Каммит против Стукса
Эрис против Куилли
Дабл против Мезеля

Третий сет
Аммит против Йоты

В этот раз для финального поединка оставили парней покрупнее. Я думал, что это тоже неплохо, но независимо от того, как сложатся следующие несколько минут, этого не произойдет.

Верховный лорд ждал нас, как и перед первым раундом, одетый в свою причудливую форму. На мой взгляд, она походила на то, что мог бы напялить на себя диктатор бедной центральноамериканской страны по случаю государственного праздника.

— Вот вы и снова здесь, — прожужжал он. — Некоторые из вас немного потрепаны, но, без сомнения, жаждут битвы. — Что вы на это скажете?

— Да, Верховный лорд, — сказал я.

— Да, Верховный лорд, — эхом отозвались остальные.

Он посмотрел на мое кровоточащее бедро.

— Тебе, вижу, уже досталось, принц Чарли.

Я ничего не сказал.

Он оглядел остальных.

— Разве вы не так его называете? Не принцем Чарли?

— Нет, Верховный лорд, — сказал Аммит. — Он просто маленький сукин сын, который любит важничать.

Келлину это понравилось. Его человеческие губы слегка улыбнулись, а застывшая под ними ухмылка просто осталась на месте. Он снова перенес внимание на меня.

— Говорят, что обещанный принц может летать и менять свое обличье. Ты умеешь летать?

— Нет, Верховный лорд, — сказал я.

— А менять обличье?

— Нет.

Он поднял свою гибкий хлыст, которая был толще и длиннее, чем те, что держали его солдаты.

— Нет *что*?

— Нет, Верховный лорд.

— Так-то лучше. Я дам вам, детки, немного

времени для подготовки, — сказал Келлин. — Пожалуйста, помойтесь для тех, кто лучше вас, а пока будете делать это, обдумайте сегодняшний порядок боя. Намочите волосы и откиньте их назад, зрители захотят видеть ваши лица. Я жду, что вы устроите для Его Величества такое же хорошее шоу, как в первом раунде. Вам понятно?

— Да, Верховный лорд, — отчеканили мы, как образцовые новобранцы.

Он — *оно* — снова обвел нас своими бездонными глазами, как будто что-то заподозрил. Может быть, так и было. Потом он вышел, а за ним и остальные.

— Посмотри на это, — злорадствовал Окка. — Я против мертвеца! Я должен выиграть этот бой, так что все в порядке.

— Сегодня победим или мы все, или никто из нас, — сказал я. И посмотрел на полку, где стояли в ряд шестнадцать ведер для мытья посуды — да, они выставили ведро даже для Галли.

— Чертовски верно, — прорычал Глаз.

— Джая и Эрис, встаньте по обе стороны от двери. Ваши ведра должны быть наполнены до краев, если они еще не полны. Остальные тоже возьмите ведра, но пригнитесь пониже. А лучше станьте на четвереньки.

— Но зачем нам это делать? — спросил Бендо.

Тут я вспомнил старую школьную шутку: Адам и Ева собираются впервые заняться сексом. «Отойди подальше, милая, — говорит Адам, — я не знаю, насколько большой эта штука становится».

— Потому что я не знаю, что сейчас произойдет.

«*И еще потому,* — подумал я, — *что ты никогда не пользовался феном после ванны. А моя мать пользовалась и сказала мне, что делать*».

Вслух я сказал:

— Нам предложили помыться, и мы помоем, только не себя. Думаю, это сработает.

Это звучало хорошо, но на самом деле я не был уверен. Единственное, во что я верил — так это в то, что, когда все случится, это произойдет быстро.

8

— Я слышу шаги, — прошептала Эрис. — Они приближаются.

— Жди, пока они войдут внутрь, — сказал я. — Тебя не увидят, они будут смотреть прямо перед собой.

Я надеялся на это.

Обе женщины подняли свои ведра к груди. Все остальные стояли на четвереньках, у каждого под рукой было полное ведро с водой для умывания. Аммит и Йота, защищая меня, нависли надо мной с обеих сторон. Дверь открылась. Это была та же пара ночных солдат, которая несколько дней назад сопровождала первую пару на первый раунд. Я надеялся увидеть Келлина или Аарона, но не был удивлен. Эти двое наверняка были на поле, готовясь руководить празднествами.

Ночные солдаты остановились, глядя на нас, скорчившихся на полу. Один сказал:

— Что вы дела…

Я крикнул:

— ДАВАЙ!

Джая и Эрис облили их водой.

Как я уже говорил, я надеялся, что это произойдет, но никогда не думал, что все случится именно так: они взорвались. Пара ярких вспышек на мгновение ослепила меня. Я услышал, как что-то — нет, несколько чего-то — просвистело у меня над головой, и мое предплечье обожгло словно пчелиным укусом. Услышал и пронзительный крик, боевой клич Джаи или Эрис. Моя голова была опущена, и я не видел, кто из них кричал. За этим последовало несколько криков испуга и

боли с обеих сторон от меня.

— Подъем! — крикнул я.

В тот момент я не совсем понимал, что произошло, но понимал, что мы должны поскорее выбираться оттуда. Взрывы ночных солдат были негромкими, больше похожими на глухой стук, которые издает тяжелая мебель, когда ее роняют на ковер, но боевой клич одной из женщин прозвучал достаточно громко. Плюс грохот разлетевшихся осколков. Поднявшись на ноги, я увидел, что у Йоты во лбу над левым глазом что-то торчит. Кровь стекала сбоку по его носу. Это был осколок кости, в моей руке застрял еще один, поменьше. Я вытащил его и отбросил прочь.

Несколько других получили травмы, но никто не выглядел недееспособным, за исключением Фрида, а он в значительной степени уже был недееспособен. Его поддерживал Мерф, его соперник в несостоявшемся поединке.

Йота вытащил кусок кости из своего лба и, не веря своим глазам, огляделся. Повсюду валялись осколки костей, похожие на разбитую посуду. Все, что осталось от ночных солдат — это их форма, которая была изорвана в клочья, как будто их расстреляли в упор из ружей, заряженных птичьей дробью.

Чья-то рука обвилась вокруг моей шеи, и Аммит, целый и невредимый, заключил меня в неуклюжие объятия.

— Если бы ты не велел нам лечь, нас бы порезало на куски, — он чмокнул меня в щеку. — Откуда ты узнал?

— Я не знал, — единственное, о чем я думал, так это о том, чтобы мы пригнулись и были готовы к атаке, как передовая линия футбольной команды. — Все на выход. Берите свои ведра. Глаз и Аммит, идите вперед. Мы идем в комнату администрации через две двери отсюда. Если придут еще ночные солдаты, вы двое облейте их водой, а потом падайте на пол. И все остальные тоже, только постарайтесь не расплескать свои ведра. Теперь мы знаем, как это работает.

Когда мы вышли с ведрами (Эрис по дороге пнула ногой рваную форму, а потом плюнула на нее), я бросил взгляд назад. Раздевалка, где мы должны были ждать своей очереди сражаться, превратилась в кладбище костей.

Смотреть на это было приятно.

9

Аммит и Йота шли впереди. Эрис взяла ведро покойного Галли, заменив им свое. Джая, чье

ведро теперь было пустым, замыкала шествие. Как только мы подошли к двери комнаты администрации, еще двое ночных солдат, горбясь, вышли в коридор с ярко освещенного поля.

— Эгей! — крикнул один из них. (Я почти уверен, что это было «эгей».) — Что это вы все делаете в коридоре? Здесь должны быть только участники первого сета!

Аммит и Йота остановились. Как и мы все. Голос Аммита зазвучал подобострастно и смущенно:

— Разве на этот раз мы все не должны выйти? Чтобы поприветствовать Его Величество?

Они подошли ближе.

— Только участники первого сета, тупицы! — сказал другой. — Остальные возвращаются в…

Аммит и Йота посмотрели друг на друга. Глаз кивнул. Они сделали шаг вперед в идеальном тандеме, как будто это было отрепетировано заранее, выплеснули свои ведра с водой и тут же упали. Остальные уже лежали, на этот раз не просто на корточках, а ничком на полу. В первый раз нам сильно повезло; возможно, больше это не могло повториться.

Эти двое тоже взорвались. В дополнение к вспышкам и глухим ударам я услышал что-то вроде электрического потрескивания, как у ма-

ленького трансформатора перед тем, как его поджарит чрезмерное напряжение, и уловил запах озона. Куча костей разлетелась кругом, ударяясь о стены и подпрыгивая на полу.

Аммит встал и повернулся ко мне, обнажив все свои зубы в ухмылке, которая была не просто свирепой — она была дьявольской.

— Давайте все выбежим туда, Чарли! У нас еще почти дюжина ведер! Давайте взорвем столько этих ублюдков, сколько сможем!

— Нет. Мы убьем нескольких, а потом они убьют нас. Мы сейчас убегаем, а не сражаемся.

Аммит был на взводе, причем основательно. Я не думал, что он станет меня слушать, но Глаз схватил его за шею и встряхнул.

— Кто здесь принц, придурок? Ты или он?

— Он.

— Верно, поэтому делай то, что он говорит.

— Давайте, — сказал я. — Бендо, Булт! У вас полные ведра?

— Половина, — сказал Булт. — С сожалением должен сказать, что я немного пролил, мой принц…

— Идите впереди нас, лицом к началу коридора. Вы оба и Каммит тоже. Если придут еще…

— Мы тут же устроим им ванну, — сказал Кам-

мит.

Я вел остальных, размахивая своим собственным ведром. Я тоже разлил немного воды — мои штаны промокли, — но ведро все еще было полным на три четверти. Дверь в комнату администрации была заперта.

— Аммит, Глаз. Попробуйте что-нибудь с этим сделать.

Они вместе ударили в дверь. Она распахнулась. Внутри был полумрак, а в глазах после взрыва последних ночных солдат все еще стояли белые пятна, мешавшие что-то видеть.

— Кто может разглядеть что-нибудь? — крикнул я. — Тут должен быть высокий шкаф, найдите…

В арьергарде у нас раздался крик, за которым через мгновение последовала яркая вспышка. При ее свете я увидел у дальней стены шкаф, по бокам которого стояло с полдюжины деревянных стульев. Раздался крик боли, за которым последовала вторая вспышка.

Вошли Бендо, Дабл и Каммит, из головы и руки Каммита обильно текла кровь. Из обеих ран торчали осколки костей, похожие на желтоватые иглы.

— Есть еще двое, — пропыхтел Бендо, — но вто-

рой прикончил Булта, прежде чем я добрался до него. Притянул его в объятия… его как затрясло…

Итак, мы потеряли одного человека, но если Бендо был прав, то ночные солдаты потеряли уже шестерых. Неплохой результат, но оставалось еще много других.

— Глаз, помоги передвинуть этот шкаф.

Я не успел взяться за дело. Глаз подошел к шкафу, который выглядел как валлийский комод моей бабушки, уперся в него плечом и сильно толкнул. Шкаф проскользил несколько футов по полу, пошатнулся и с грохотом рухнул. За ним была дверь, как и обещала записка Перси.

Откуда — то донеслись крики — громкие, отдаленные, но явно встревоженные. Я не знал, догадался ли Верховный лорд, что его пленники пытаются сбежать, но он и его команда ночных солдат, должно быть, поняли, что происходит что-то неладное.

Стукс поднял щеколду на двери и открыл ее. Это удивило меня, но и вселило надежду. «*Дверь может быть заперта*», — говорилось в записке Перси. Не «будет», а «может быть». Я надеялся, что правильно понял, что он имел в виду.

— Идите, — сказал я. — Все вы.

Они вошли внутрь, Мерф все еще поддерживал

Фрида. Теперь мое зрение немного прояснилось, и я увидел торпедообразный фонарь, стоящий на одном из деревянных стульев. Я мысленно послал Перси — Персивалю — множество благодарностей. Если побег провалится и они обнаружат, что он помог нам, ему придется плохо.

Йота вернулся.

— Там чертовски темно, Чарли. Я..., — он увидел фонарь. — О! Если бы у нас только было чем его зажечь.

Я поставил ведро, сунул руку в носок и достал серную спичку. Глаз с изумлением уставился на нее, потом на меня.

— Ты действительно принц.

Я протянул ему спичку.

— Может быть, но я не знаю, как ее зажечь. Ты это умеешь.

Пока он зажигал фонарь — его стеклянный резервуар был наполнен керосином или чем — то вроде этого, — с поля к нам приближались бегущие шаги.

— Эй, эй! Что там происходит? — Я узнал этот жужжащий голос. — Почему эта дверь открыта?

Йота посмотрел на меня и поднял руки: в одной зажженный фонарь, другая пуста. Ведра у него не было.

— Лезь туда, — сказал я. — И закрой дверь. Я думаю, она запирается изнутри.

— Я не хочу оставлять тебя…

— ИДИ!

Он ушел.

В дверях появился Аарон, его синяя аура пульсировала так ярко, что на нее было больно смотреть. Я встал перед ним с ведром, болтающимся в одной руке. Он остановился, на мгновение слишком пораженный тем, что видит, чтобы пошевелиться.

«*Не надо было тебе приходить*», — подумал я. Потом сделал шаг вперед и швырнул в него ведро с водой.

Я видел, как в воздух, будто в замедленной съемке, выплеснулся громадный сгусток жидкости. Череп под кожей Аарона продолжал ухмыляться, но на том, что осталось от его человеческого лица, я увидел потрясенное удивление. Я еще успел подумать о Злой Ведьме Запада[237], визжащей: «*Я таю! Таю*!» Он выронил свою чертов гибкий хлыст и поднял руку, как будто хотел отмахнуться от страшного зрелища. Я упал как раз перед тем, как ярко сверкнувшая вспышка отправила Аарона туда, где, как я искренне надеялся, нахо-

[237] Примечания: 237

Персонаж романа «Удивительный волшебник Страны Оз», в русском варианте А. Волкова названный Бастиндой.

дился ад для живых мертвецов.

Надо мной пролетели кости — но не все они миновали меня без вреда. На сей раз это был не укус пчелы в руку, а настоящий взрыв боли в голове и левом плече. Я поднялся на ноги, шатаясь, и повернулся к двери. Теперь я слышал, как приближаются другие. Требовалась еще вода, в дальнем конце комнаты была раковина, но времени уже не оставалось.

Я повернул ручку и дернул, ожидая, что дверь будет заперта, но она оказалась открыта. Я вошел, закрыл ее и схватил фонарь за деревянную ручку. Посветив им на дверь, я увидел два засова, выглядевших крепкими. Я молил Бога, чтобы так оно и было. Как только я задвинул второй, я увидел, как ручка зашевелилась, и дверь начала дрожать в своем косяке. Я отступил назад. Дверь была деревянной, а не металлической, но я все равно не желал получить удар током.

— Откройте! Откройте во имя Элдена Губителя Летучих!

— Поцелуй меня в задницу во имя Элдена Губителя Летучих, — сказал кто-то позади меня.

Я обернулся. В тусклом свете фонаря я мог видеть всех тринадцать пленников. Мы находились в квадратном коридоре, выложенном белой

плиткой. Это навело меня на мысль о туннеле метро. На высоте головы виднелась цепочка незажженных газовых ламп, уходящая во мрак. Все мои товарищи по заключению — по бывшему заключению, по крайней мере в данный момент — смотрели на меня широко раскрытыми глазами, и все, кроме Аммита и Йоты, выглядели испуганными. Они ждали, о Господи, что принц Чарли поведет их.

В дверь стучали все сильнее. Сквозь щели по бокам и снизу пробивался яркий синий свет.

Руководить было достаточно легко, по крайней мере в данный момент, потому что оставался только один выход. Я протиснулся сквозь них, подняв фонарь и чувствуя себя нелепо, как леди Свобода со своим факелом. Тогда мне почему-то пришла в голову цитата из военного фильма, который я видел по ТКМ. Она сорвалось с моих губ прежде, чем я понял, что собираюсь ее сказать. Думаю, я был либо в истерике, либо в экстазе.

— Вперед, сукины дети! Вы что, хотите жить вечно?[238]

Аммит рассмеялся и хлопнул меня по спине так

---

[238] Примечания: 238

Эти слова произнес, по преданию, американский капрал Дэн Дэйли, поднимая своих солдат в атаку на немецкие позиции 6 июня 1918 года.

сильно, что я чуть не выронил фонарь, что окружило бы нас тем, что в старых романах ужасов любили называть «кромешной тьмой».

Я быстро пошел по коридору, все последовали за мной. Стук в дверь начал затихать, а потом остался позади. Ночным солдатам Келлина тоже было чертовски трудно сломать дверь, потому что она открывалась наружу и потому что внутри их аур они на самом деле были не такими уж сильными — как мы теперь знали.

Да благословит Бог Персиваля, чья записка была не предупреждением, как я сперва подумал. Она была приглашением: дверь можно закрыть. Например, за собой.

— Кто хочет жить вечно? — взревел Йота, и эхо его крика отразилось от плитки.

— Я хочу, — пискнула Джая.

И вы можете в это не поверить, но мы рассмеялись.

Все мы.

Глава двадцать шестая
Туннель и Станция. Царапанье. Троллейбусный дом. Красная Молли. Вечер встречи. Материнское горе

1

Я думаю, туннель был длиной чуть более полутора миль от комнаты администрации до того места, где мы, наконец, вышли наружу, но в то время, когда путь нам освещал лишь один фонарь, казалось, что он тянется вечно. Он долго вел вверх, время от времени по пути попадались короткие лестничные пролеты — шесть ступеней в одном, восемь в другом, четыре в третьем. Потом туннель круто повернул направо, где мы преодолели еще несколько лестниц, на этот раз длиннее. К тому времени Мерф уже не имел сил поддерживать Фрида, поэтому его нес Аммит. Когда я добрался до верха, я остановился, чтобы отдышаться, и Аммит догнал меня. И дышал совсем не тяжело, будь он проклят.

— Фрид говорит, что знает, куда ведет эта штука, — сказал Аммит.

Док Фрид посмотрел на меня. В бледном свете фонаря его лицо представляло собой скопище шишек, синяков и порезов. От них он мог бы оправиться, но рана на ноге уже гнила. Я чувствовал ее запах.

— В прежние времена меня иногда вызывали сюда, — сказал Фрид. — К судьям, к персоналу. Чтобы лечить порезы, переломы, разбитые головы и все такое. Те соревнования были не похожи на Честные игры, убийство ради убийства, но (последовало слово, которого я не понял) была довольно грубой.

Остальная часть нашей веселой компании столпилась внизу лестницы. Мы не могли позволить себе остановиться, но нам (и мне) нужно было узнать, что впереди, поэтому я попросил Дока говорить побыстрее.

— Мы не пользовались этим туннелем, чтобы попасть на Поле Монархов, но часто пользовались им, когда уходили. Всегда, если Эмпис проигрывал и это приводило толпу в ярость.

— «Убить судью»[239], — сказал я.

— Что?

— Нет, ничего. А куда ведет этот выход?

— К Троллейбусному дому, конечно, — Фрид выдавил слабую улыбку. — Потому что, как ты понимаешь, когда Эмпис проигрывал матч, было разумно убраться из города как можно скорее.

— А как далеко этот дом от главных ворот?

---

[239] Примечания: 239

«Убить судью!» (Kill *the* ump!) — американская спортивная комедия 1950 года.

Фрид сказал то, что я хотел услышать и боялся, что не услышу.

— Довольно близко.

— Тогда пошли, — сказал я. И чуть было не добавил «топ-топ», но удержался. Это было гнусное детское словечко из языка наших тюремщиков, и я не хотел повторять их фразы. Мы покончили с семью из них. Неважно, как все обернется в конце тоннеля, но пока мы их обыграли.

— У кого еще есть ведра с водой? — спросил я.

Таких оказалось шесть, но ни одно из ведер не было полным. Я попросил, чтобы те, у кого были ведра, шли сразу за мной. Мы бы использовали все, что у нас имелось, а потом сделали бы то, что смогли.

2

Мы поднялись еще на один лестничный пролет, и Аммит, все же запыхавшийся к тому времени, как мы добрались до верха, передал Фрида Йоте. Фрид простонал:

— Оставьте меня здесь. Я все равно уже не жилец.

— Побереги дыхание, чтобы остудить твою кашу, — проворчал Глаз. Он мог говорить про кашу — как в сказке о Златовласке и трех медведях

— но мог и про суп.

Коридор теперь поднимался вверх так же круто, как тот, что вел на поле. Я надеялся, что скоро мы доберемся до конца, потому что запас горючего в фонаре почти иссяк, и свет тускнел. Потом справа от нас я услышал за кафельной стеной какое-то царапанье. Совсем близко. Я вспомнил, как обреченно бежал к городским воротам, спотыкаясь о надгробия, и волосы у меня на шее встали дыбом.

— Что это? — спросил Куилли. — Это звучит как…

Он не закончил, но все знали, на что это похоже: на пальцы. Пальцы, тянущиеся из земли, когда ты проходишь мимо.

— Я не знаю, что это такое, — сказал я. Что, скорее всего, было неправдой.

Эрис сказала:

— Когда его разум мутится — я имею в виду Элдена — мертвые встают из могил. Так я слышала. Может быть, это просто байка, чтобы напугать детей. Но даже если это правда, я не… Не думаю, что они смогут сюда забраться.

Я не был в этом уверен. Я видел поднимающиеся из земли руки мертвецов, возвращающихся в мир живых, и слышал леденящий душу скрежет

ржавых петель, как будто что-то жаждало вырваться из склепов и гробниц.

— Это крысы, вот и все, — это был Мезель, пытавшийся выглядеть авторитетным. — Может быть, полевки. Или хорьки. Все остальное — просто байки, чтобы пугать детей. Как она и говорит.

Я действительно не думал, что они смогут пробиться сквозь кафельную стену, но все равно обрадовался, когда мы оставили царапанье позади. Если бы там и впрямь находилось кладбище, то я имел хотя бы приблизительное представление о том, где мы находимся, и в этом случае мы действительно были уже близко к воротам.

Когда мы добрались еще до одной лестницы, крутой и длинной, фонарь стал гаснуть.

— Бросьте меня, — простонал Фрид. — С меня хватит.

— Заткнись, или я тебя заткну, — выдохнул Глаз и начал подниматься по лестнице с Фридом на руках. Я пошел за ним, остальные последовали за нами. Наверху оказалась небольшая комната со скамейками по обе стороны и дверью. Она была заперта, и на этот раз не изнутри — это было бы слишком просто. Ручка заржавела, Аммит схватился за нее, повернул и со всех сил дернул.

Она осталась у него в руке.

— Черт! — он выронил ручку и уставился на свою кровоточащую руку. — Глаз, иди сюда! Давай высадим ее!

Глаз передал Дока Фрида Каммиту и Куилли, потом встал рядом с Аммитом. Пламя внутри фонаря вспыхнуло в последний раз, как последний вздох умирающего. На мгновение я увидел наши тени на белой плитке, а потом мы погрузились в кромешную тьму. Джая застонала.

— Ну, вместе! — зарычал Аммит. — На счет «три» бей так сильно, черт возьми, как ты когда-либо бил по чему-то в своей гребаной жизни! Один… два… ТРИ!

На мгновение появилось немного света, когда дверь содрогнулась в своей раме, потом мы снова оказались в темноте.

— Ты ведь можешь ударить сильнее, гребаный… — Козел? Мудак? Я слышал одновременно то и другое, слова накладывались друг на друга. — На счет три! Один… два… ТРИ!

Замки на двери, должно быть, были крепкими, потому что они выдержали. Не выдержали петли, которые поддались, и дверь с грохотом отлетела назад. Йота и Аммит, спотыкаясь, вылетели наружу. Глаз упал на колени, и Аммит рывком поднял

его на ноги. Мы все поспешили за ними.

— Слава высшим богам! — воскликнул Окка. Его голос эхом отозвался из какого-то огромного пространства: ва-ва и гам-гам. Мгновение спустя нас окутало облако кожистых крыльев.

3

Эрис и Джая завизжали в совершенной гармонии. Они были не единственными, кто кричал; я думаю, большинство из нас вопили от ужаса. Я знаю, что тоже кричал. Я выронил фонарь, чтобы прикрыть голову, и услышал, как он разбился о каменный пол.

— Это летучие мыши, — прохрипел Фрид. — Обычные летучие мыши. Они тут гнездятся..., — он закашлялся и не смог закончить, но указал вверх, в переплетение теней.

Аммит услышал его и проревел:

— Летучие мыши! Они не причинят вам вреда! Стойте на месте и гоните их прочь!

Мы стали размахивать руками, и я понадеялся, что это не мыши-вампиры, потому что они были огромными, как те, в туннеле между Иллинойсом и Эмписом. Я мог мельком видеть их, когда они метались и пикировали над нами, потому что слабый свет — наверное, свечение лун сквозь

облака — проникал через ряд маленьких окон наверху. Видел я и большинство своих товарищей, все они махали, как безумные. Каммит и Куилли несли Фрида, поэтому не могли махать, но сам Док слабо шевелил руками, хоть это и вызывало у него бурный кашель.

Колония мышей устремилась прочь, обратно к потолку огромного помещения, в котором мы оказались. Эта часть Троллейбусного дома, по-видимому, была гаражом. Там аккуратными рядами стояло по меньшей мере двадцать троллейбусов. Спереди у них были написаны пункты назначения: ПРИБРЕЖЬЕ, ДЕСК, УЛЛУМ, СЕВЕРНЫЙ ТЕЙВО, ЮЖНЫЙ ТЕЙВО, ЗЕЛЕНЫЕ ОСТРОВА. Дуги на крышах, предназначенные для подачи электроэнергии от проводов (большинство которых теперь валялись на улицах), свисали безвольно и уныло. На боках тех машин, что я мог видеть, золотыми буквами были выведены слова, явно вышедшие из моды в Эмписе: ДРУЖБА, ПОДДЕРЖКА, ДОБРОТА и ЛЮБОВЬ.

— Как нам выбраться отсюда? — спросил Стакс.

Эрис спросила:

— Ты умеешь читать?

— Не хуже любого пахаря, — ворчливо ответил

Стакс. Конечно, я бы тоже злился, если бы мне пришлось придерживать щеку рукой, чтобы еда не выливалась наружу.

— Тогда прочти это, — сказала Эрис, указывая на высокую центральную арку на дальней стороне гаража.

Над аркой было написано «ВЫХОД».

Мы прошли через арку — тринадцать пока не пойманных беглецов следовали за своим ничего не знающим принцем. Перед нами простиралось помещение, почти такое же большое, как гараж, с рядом чего-то похожего на билетные кассы с одной стороны, и чередой небольших арок с нарисованными на них пунктами назначения с другой. Стекла в окошках касс были побиты, гигантская бабочка в центре разбита на куски, а фреска с монархами забрызгана краской, но вандалам не удалось избавиться от всех бабочек: высоко вверху потолок был выложен ярко-желтыми плитками с монархами на каждом из них. Эта красота, которую подручные Элдена не смогли уничтожить, принесла мне утешение, и, если я был прав, поблизости могло быть кое-что, что можно было использовать.

— Пошли, — сказал я, указывая на ряд дверей. И перешел на бег.

4

Когда мы вырвались во внешний мир, кое-кто еще размахивал ведрами. Мы сгрудились на верхней ступеньке, ведущей вниз к Галлиеновской улице, Каммит и Куилли, кряхтя, тащили Фрида. Тут я услышал лязг приземистого электромобиля Верховного лорда и увидел дюжину или около того ночных солдат, бегущих перед ним, рассредоточась по всей ширине улицы. Я думал, что маленькая машина Келлина оставалась единственным моторным транспортом в Лилимаре, но ошибался. Впереди ночных солдат ехала еще одна машина, возглавлявшая погоню, и она, в отличие от автомобиля Верховного лорда, не питалась от электричества, что стало понятно, когда она приблизилась к нам. Спереди дощатого кузова торчал огромный руль, четыре окованных железом колеса выбивали искры из булыжников.

За рулем была Красная Молли, сидевшая на высоком сиденье и изо всех сил крутившая педали, что добавляло мощности двигателю. Ее огромные колени мелькали вверх-вниз. Она склонилась над рулем, как отважная мотоциклистка. Возможно, мы смогли бы опередить остальных на пути к

воротам, но она приближалась слишком быстро.

Я видел столбы в красно-белую полоску, видел валяющийся клубок троллейбусных проводов, о который чуть не споткнулся, видел кусты ежевики, в которые бросил свой рюкзак, чтобы бежать немного быстрее. У меня не получилось в тот раз, и не получится в этот. Ни у кого из нас не получится — если только рюкзак все еще не лежит там.

— Сейчас я разберусь с этой сучкой! — зарычал Йота, сжимая кулаки.

— Я с тобой, — сказал Аммит. — Я, черт возьми, сделаю это.

— Нет, — сказал я. Я думал о племяннике Вуди Алоизиусе и о том, как мать Красной Молли снесла ему голову с плеч. — Глаз, подожди.

— Но я могу…

Я схватил его за плечо.

— Она нас еще не видит. Она смотрит прямо перед собой. У меня есть кое-что. Доверься мне, — я посмотрел на остальных. — Все оставайтесь здесь.

Низко пригнувшись, я сбежал вниз по лестнице. Грохочущий, рычащий грузовик был теперь достаточно близко, чтобы я мог разглядеть лицо Красной Молли, но она все еще смотрела прямо перед собой, щурясь — должно быть, от

близорукости, — и ожидая увидеть нашу толпу, бестолково бегущую к воротам.

Возможно, я мог бы застать ее врасплох, но тут маленькая фигурка в зеленых штанах — зеленых штанах с вырванным задом — выбежала на улицу, размахивая руками.

— *Он там!* — взвизгнул Питеркин, указывая прямо на меня. Как он нас увидел? Неужели ждал? Я не знал этого, и мне было наплевать. У этого жалкого ублюдка была манера появляться в самый неподходящий момент.

— *Он там, прямо там!* — Питеркин показал на меня, подпрыгивая от возбуждения и присев для следующего прыжка. — *Разве ты не видишь его, ты, здоровенная слепая сука,* ОН ПРЯМО ТА…

Она не замедлила движения, просто наклонилась и ударила его своей ручищей. Питеркин подлетел в воздух. Я мельком увидел его лицо, на котором застыло выражение крайнего изумления, а потом он разделился на две части. Удар Красной Молли был так силен, что буквально разорвал его пополам. Он, должно быть, подлетел в воздух футов на двадцать, разбрасывая вокруг внутренности. Я снова вспомнил Румпельштильцхена, просто не мог не вспомнить.

Красная Молли ухмыльнулась, обнажив свои

заостренные зубы.

Слава Богу, они не нашли мой рюкзак. Он все еще лежал в зарослях ежевики. Шипы в кровь исцарапали мои голые руки, пока я вытаскивал его, но я их не чувствовал. Один из ремней, на которые был застегнут рюкзак, выскользнул легко, но другой застрял. Я разорвал его и вытряхнул наружу банки сардин, банку джема, банку соуса для спагетти, наполненную собачьим кормом, рубашку, зубную щетку, пару трусов…

Йота схватил меня за плечо. Мой маленький отряд водяных воинов спустился вместе с ним по лестнице вопреки моему приказу, но в конечном итоге это было к лучшему.

— Глаз, бери их и беги! Фрида неси сам. Те, у кого еще есть вода — бегите сзади! У ворот крикните: «*Откройся во имя Лии из Галлиенов!*» Запомнил?

— Ага.

— СЕЙЧАС ТЫ УМРЕШЬ! — закричала Красная Молли звучным баритоном, усиленным могучими легкими.

— Тогда идите!

Глаз махнул мясистой рукой остальным.

— Давайте, вы все! Спасайте свои жизни! — большинство так и сделали, но Аммит остался. Похоже, он назначил себя моим опекуном.

Спорить с ним не было времени. Я нащупал пистолет Полли и извлек его вместе с еще несколькими банками сардин и упаковкой «Набиско Хани Грэмс», про которую начисто забыл. Красная Молли остановилась в тридцати футах от лестницы Троллейбусного дома и слезла со своего высокого сиденья, одна ее рука была по локоть вымазана кровью Питеркина. Аммит встал передо мной, что было проблемой, если только я не собирался выстрелить ему в голову. Я оттолкнул его в сторону.

— Аммит, подвинься!

Не обратив на это никакого внимания, он бросился на Красную Молли с яростным ревом. Он был крупным мужчиной, но рядом с великаншей выглядел ненамного крупнее Питеркина, который сейчас лежал мертвый, разорванный на две части выше по улице. На мгновение она была слишком удивлена этим неожиданным нападением, чтобы двигаться. Аммит воспользовался этим преимуществом — схватил ее за одну из широких подтяжек, подтянулся повыше и вцепился зубами в ее руку чуть выше локтя.

Взвизгнув от боли, она схватила его за копну грязных волос и оторвала от себя. Потом сжала кулак и ударила его не в лицо, а прямо сквозь

него. Его глаза вылетели из головы в двух разных направлениях, словно не желая видеть красную дырку, где прежде были его нос и рот. Она подняла его, покачала взад-вперед, как марионетку, а потом швырнула в сторону кладбища, из ее укушенной руки веером хлестала кровь. Аммит был мускулистым и бесстрашным, но она разделалась с ним так легко, словно он был всего лишь ребенком.

Потом она повернулась ко мне.

Я сидел на мощеном тротуаре Галлиеновской улицы, расставив ноги и сжимая обеими руками автоматический пистолет Полли 22-го калибра. Вспоминая, каково было чувствовать его дуло, приставленное к моему затылку. Я снова подумал о Румпельштильцхене и о том, как сильно Полли напомнил мне того сказочного гнома: «*Что ты мне дашь, если я превращу твою солому в золото?*» Полли сразу убил бы меня, заполучив сокровище мистера Боудича, и столкнул бы в волшебный колодец, спрятанный в сарае.

Лучше всего я помню свою надежду на то, что этот маленький пистолет остановит гиганта так же, как маленький камень Давида остановил Голиафа. Это могло случиться, если бы он оказался заряжен. Но из него уже дважды стреляли

прежде, в менее волшебном мире.

Она шла ко мне, по-прежнему ухмыляясь. Из ее укушенной руки текла кровь, но ее, казалось, это не волновало. Может быть, последний укус Аммита вызовет инфекцию, которая убьет ее, если я не смогу.

— Никакой ты не принц, — сказала она своим рокочущим баритоном. — Ты жук. Просто жук. Сейчас я наступлю на тебя и…

Я выстрелил. Пистолет издал вежливый хлопок, не намного громче, чем пневматическая винтовка «Дейзи», которая была у меня в шесть лет. Над правым глазом Красной Молли появилась маленькая черная дырочка. Она попятилась, и я выстрелил в нее снова. На этот раз дыра открылась у нее в горле, и когда она взвыла от боли, из этой дыры хлынула кровь. Она лилась под таким сильным давлением, что выглядела твердой, как древко красной стрелы. Я выстрелил снова, и на этот раз черная дыра, ненамного больше точки, которую вы ставите в конце предложения, появилась в центре ее носа. Но ничто из этого ее не остановило.

— ТЫУУУ! — закричала она и потянулась ко мне.

Я не отступил и даже не попытался увернуться,

это не дало бы мне прицелиться, а бежать было слишком поздно. Она бы догнала меня парой гигантских шагов матушки Мэй[240]. Перед тем, как она смогла дотянуться и схватить меня за голову, как схватила Аммита, я выстрелил еще пять раз подряд. Каждый выстрел попадал в ее открытый, кричащий рот. Первые два — может быть, три — унесли с собой большую часть ее зубов. В «Войне миров» наше самое совершенное оружие ничего не сделало, чтобы остановить неистовствующих марсиан — их убили земные микробы. Я думаю, что Красную Молли не убила ни одна пуля из маленького пистолета Полли, даже все восемь вместе — все патроны, оставшиеся в обойме.

Думаю, она просто проглотила свои разбитые зубы — и подавилась ими.

5

Если бы она упала на меня, ее вес, возможно, не дал бы мне сдвинуться с места, пока не подоспели бы Келлин и его ночные солдаты, или убил бы сразу. Она весила не меньше пятисот фунтов. Но она вначале упала на колени, задыхаясь и дер-

---

[240] Примечания: 240

Матушка Мэй — злобная великанша из мультсериала «Юные титаны».

жась за горло, из которого лилась кровь. Ее глаза невидяще выпучились. Я снова сел на задницу, повернулся на бок и встал. Ночные солдаты приближались, я уже не успевал обогнать их на пути к воротам, а магазин пистолета был пуст.

Молли сделала последнюю попытку добраться до меня, размахивая раненой рукой и пачкая мои щеки и лоб брызгами крови. Потом она упала ничком и затихла. Я встал. Я мог пуститься бежать, но какой в этом был смысл? Лучше встретить врагов лицом к лицу и умереть как можно достойнее.

Тогда я подумал о своем отце, который все еще надеялся, что я вернусь домой. Он, Линди Франклин и мой дядя Боб оклеили бы каждый город между Сентри и Чикаго фотографиями меня и Радар — ВЫ ВИДЕЛИ ЭТОГО МАЛЬЧИКА ИЛИ ЭТУ СОБАКУ? Проход в Эмпис остался бы без охраны, и, возможно, это было важнее, чем один безутешный отец, но по мере приближения ночных солдат я думал только об отце. Он протрезвел, и ради чего? Жены нет, а сын пропал без вести.

Но если бы Йота сумел провести остальных через ворота, за которые, как я думал, ночные солдаты не могли пройти, они обрели бы свободу. Этого было достаточно.

— *Ну, давайте, сукины дети!* — закричал я.

Я отбросил бесполезный пистолет и широко развел руки. За линией синих фигур Келлин затормозил свой маленький автомобиль. Сначала я подумал, что он собирается насладиться зрелищем моей смерти, но он смотрел не на меня, а на небо. Ночные солдаты остановились, все еще находясь в семидесяти или восьмидесяти ярдах от меня. Они тоже смотрели вверх с одинаковым выражением изумления на призрачных человеческих лицах, которые прикрывали их черепа.

Хотя две вечно мчащиеся друг за другом луны были скрыты, света хватало, чтобы я мог видеть странную картину. Облако под облаками пролетело над городской стеной. Оно разворачивалось в сторону Галлиеновской улицы, модных магазинов под арками и дворца за ними, где три стеклянно-зеленых шпиля блестели в сиянии огней, окружавших поле.

Это было облако монархов, переливающееся, как калейдоскоп. Они пролетели надо мной, не останавливаясь, и направились к группе ночных солдат. Остановились, описали круг, а потом всей массой спикировали вниз, нанеся удар. Солдаты подняли руки, как, по слухам, делал Губитель Летучих после своего переворота, но у них не

было его силы, и бабочки не погибли. Конечно, за исключением тех, что первыми угодили в высоковольтные ауры. Когда они сталкивались с синим мерцанием, я видел множество ярких вспышек — как будто толпа невидимых детей размахивала бенгальскими огнями в праздник Четвертого июля. Сотни бабочек сгорели, но за ними следовали тысячи других, заглушая смертоносные ауры или заставляя их замкнуться. Облако, казалось, уплотнялось, поглощая ночных солдат одного за другим.

Маленький электромобиль Верховного лорда Келлина круто развернулся и помчался обратно во дворец, увеличивая скорость. Некоторые из монархов сорвались с места и погнались за ним, но он был слишком быстрым для них, и крыша в любом случае защитила бы сукиного сына. С ночными солдатами, которые преследовали нас, было покончено. Со всеми. На тех местах, где они прежде стояли, я мог видеть только трепетание мириадов нежных крыльев. Лишь одна костлявая рука потянулась вверх — а потом снова погрузилась в оранжево-черную массу.

Я побежал к городским воротам — они стояли открытыми. Мои товарищи по заточению уже были снаружи, но внутрь ворвался кто-то

еще. Что-то серо-черное, низко пригнувшееся к земле и лающее изо всех сил. Я думал, что единственным, чего я хотел, было убраться к черту из заколдованного города Лилимара, но теперь я понял, что еще больше хотел кое-чего другого. Я вспомнил Дору, когда она увидела мою собаку и со всех сил звала ее своим искаженным голосом. Мой голос тоже сорвался, но не от какого-то отвратительного проклятия, а от рыданий. Упав на колени, я протянул руки вперед.

— Радар! Радар! РАДИ!

Она налетела на меня и сбила с ног, скуля и облизывая мое лицо сверху донизу. Я обнял ее изо всех сил. И заплакал. Я не мог перестать плакать. Думаю, это была не очень по-принцевски, но, как вы, наверное, уже догадались, это совсем другая сказка.

6

Наше счастливое воссоединение прервал ревущий голос, который я очень хорошо знал:

— ШАРЛИ! ПРИНЦ ШАРЛИ! УБИРАЙСЯ НАХРЕН ОТТУДА, ЧТОБЫ МЫ МОГЛИ ЗАКРЫТЬ ВОРОТА! ИДИ К НАМ, ШАРЛИ!

«*Точно,* — подумал я, поднимаясь на ноги. — *И напряги свою пукалку, принц Шарли*».

Радар с радостным лаем плясала вокруг меня. Я побежал к воротам. Клаудия стояла прямо за ними, причем не одна. С ней был Вуди, а между ними верхом на Фаладе сидела Лия. За ними стояли уцелевшие беглецы из Глуби Малейн, а дальше — целая толпа людей, которых я пока не мог разглядеть.

Клаудия не хотела входить в Лилимар, но как только я вышел из ворот, схватила меня и заключила в объятия с такой силой, что я почувствовал, как у меня затрещал позвоночник.

— Где он? — спросил Вуди. — Я слышу собаку, но где…

— Вот он я, — сказал я. — Прямо здесь.

На этот раз настала моя очередь обниматься.

Когда я отпустил его, Вуди приложил ладонь ко лбу и опустился на одно колено.

— Мой принц. Это был ты с самого начала, и ты пришел именно так, как говорилось в старых преданиях.

— Встаньте, — сказал я. Со слезами, все еще льющимися из глаз (плюс сопли из носа, которые я вытер тыльной стороной ладони), и кровью на всем теле, я никогда в жизни не чувствовал себя меньше похожим на принца. — Пожалуйста, Вуди, встаньте.

Он встал. Я оглядел свою группу, наблюдавшую за мной с благоговением. Эрис и Джая обнимали друг друга. Глаз держал на руках Фрида. Было ясно, что некоторые из моих друзей, а может быть, и все, точно знали, кто были эти три человека: не просто целые, а целые истинной крови. Они были изгнанной королевской семьей Эмписа, и, за исключением, возможно, безумной Иоланды и отшельника Бертона, последними из рода Галлиенов.

Позади беглецов из подземелья стояли шестьдесят или семьдесят серых людей, некоторые держали факелы, а некоторые — фонари-торпеды, похожие на тот, который Перси оставил для меня. Среди них я увидел кое-кого знакомого. Радар уже добежала до нее. Я подошел к Доре, едва сознавая, что изуродованные люди, проклятые Элденом — или существом, которое использовало его как свою марионетку — падали вокруг меня на колени, прижимая ладони ко лбу. Дора тоже попыталась встать на колени, но я ей не позволил. Я обнял ее и расцеловал обе серые щеки и уголок рта в форме полумесяца.

А потом вернулся к Вуди, Клаудии и Лии.

— ЗАКРОЙТЕСЬ ВО ИМЯ ЛИИ ИЗ ГАЛЛИЕНОВ! — взревела Клаудия.

Ворота начали медленно закрываться, их механизм застонал, словно от боли. Пока это происходило, я увидел громадную фигуру, большими шагами спускающуюся по центральной улице. Облака монархов кружились над ней и вокруг нее, некоторые даже садились на широкие плечи и массивную голову, но это был не ночной солдат, и фигура просто игнорировала их. Когда ворота уже миновали половину своего скрытого пути, она издала такой громкий и ужасный вопль горя, что все, кроме Клаудии, заткнули уши.

— МОЛЛИ! — закричала Хана. — О, МОЯ МОЛЛИ! О, МОЯ ДОРОГАЯ, ПОЧЕМУ ТЫ ЛЕЖИШЬ ТАК НЕПОДВИЖНО?

Она склонилась над своей мертвой дочерью, потом встала. Перед закрывающимися воротами стояло много людей, но она смотрела именно на меня.

— ВЕРНИСЬ! — она подняла кулаки, похожие на валуны, и затрясла ими. — ВЕРНИСЬ, ТРУС, ЧТОБЫ Я МОГЛА УБИТЬ ТЕБЯ ЗА ТО, ЧТО ТЫ СДЕЛАЛ С МОЕЙ ДОЧЕРЬЮ!

Потом ворота с грохотом захлопнулись, скрыв от нас безутешную мать Красной Молли.

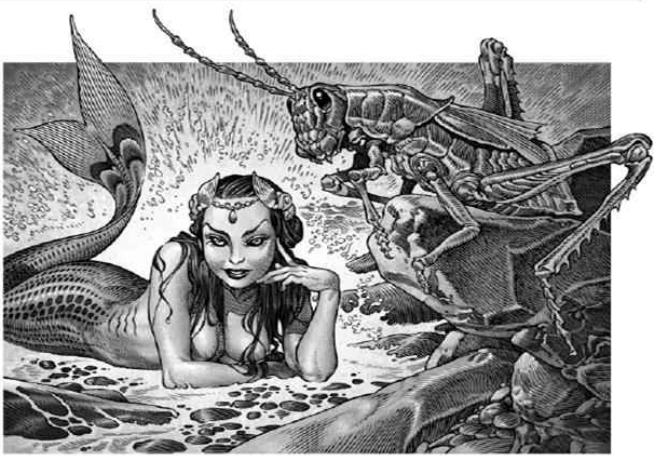
7

Я поднял глаза на Лию. В этот вечер на ней не было ни синего платья, ни белого фартука. Темные брюки, заправленные в высокие кожаные сапоги, и стеганый синий жилет с бабочкой-монархом, королевским гербом Галлиенов, на левой стороне, над сердцем. Талию окружал широкий пояс. С одного бедра свисал кинжал, на другом были ножны с коротким мечом с золотой рукоятью.

— Здравствуй, Лия, — сказала я, внезапно почувствовав себя застенчивой. — Очень рад тебя видеть.

Она отвернулась от меня, не подавая виду, что услышала — возможно, она стала такой же глухой, как Клаудия. Ее безгубое лицо казалось каменным.

Глава двадцать седьмая Собрание. Щелчок. Никаких диснеевских принцев. Принц и принцесса. Пакт



1

Из нашего собрания я лучше всего помню две вещи. Никто не упоминал имя Гогмагога, и Лия не посмотрела на меня. Ни разу.

2

Поздно вечером в депо, где мы с Радар укрывались перед входом в Лилимар, собрались шесть человек и двое животных — Вуди, Клаудия и я сидели рядом на полу. Радар лежала рядом со мной, крепко прижавшись мордой к моей ноге, словно желая убедиться, что я снова ее не брошу. Лия сидела отдельно от нас, на приступке у входа в троллейбус на Прибрежье. В углу стояла Франна, та самая серая женщина, которая прошептала «*помоги ей*» перед тем, как я покинул ферму «гухоза». Франна гладила Фаладу по голове, глубоко засунутой в мешок с зерном, который держал Йота. Остальные беглецы из Глуби Малейн и множество серых людей остались снаружи. Воя не было — волки, по-видимому, испугались толпы.

Пистолет 45-го калибра мистера Боудича снова

висел у меня на бедре. Может, Клаудия и была глухой, но глаза у нее были зоркие. Она разглядела блеск голубых камней на поясе кончо, когда он валялся в траве, густо растущей у стены возле ворот. Пистолет нужно было смазать и почистить, прежде чем я смогу убедиться, что он работает, и позже мне придется позаботиться об этом. Я подумал, что, возможно, смогу найти то, что мне нужно, на одном из заваленных хламом рабочих столов в задней части депо. Когда-то, в лучшие времена, там явно находилась ремонтная мастерская.

Вуди сказал:

— Змея ранена, но все еще жива. Мы должны отрезать ей голову, прежде чем она сможет использовать свой яд. И это должен сделать ты, Чарли.

Пока говорил, он достал из кармана пальто блокнот и изящную ручку с пером и стал писать так же быстро и уверенно, как всякий зрячий человек. Закончив, он протянул написанное Клаудии. Она прочитала и энергично закивала.

— ТЫ ДОЛЖЕН ВОЗГЛАВИТЬ НАС, ШАРЛИ! ТЫ — ОБЕЩАННЫЙ ПРИНЦ! НАСЛЕДНИК АДРИАНА ИЗ ВОЛШЕБНОГО МИРА!

Лия коротко взглянула на Клаудию, потом сно-

ва опустила глаза, прядь волос закрыла ее лицо. Ее пальцы играли рифленой рукоятью меча.

Я, конечно, никому ничего не обещал. Я до смерти устал и боялся, но было кое-что важнее, чем это.

— Допустим, ты прав, Вуди. Допустим, что позволить Губителю Летучих обновить свой яд опасно для нас и всего Эмписа.

— Так и есть, — тихо сказал он. — Так и есть.

— Даже в этом случае я не поведу толпу безоружных людей в город, если ты хочешь этого. Половина ночных солдат может быть мертва, их было не так уж много с самого начала…

— Да, — согласился Вуди. — Большинство умерло настоящей смертью, а не продолжало жить полужизнью на службе у монстра.

Я посмотрел на Лию — по правде говоря, я почти не сводил с нее глаз, — и увидел, как она вздрогнула, как будто Вуди ударил ее.

— Мы прикончили семерых, а монархи убили еще больше. Но это далеко не все.

— Осталось не больше дюжины, — прорычал Глаз из угла. — Может быть, даже меньше. Монархи убили десятерых, которых я смог сосчитать, а в банде Келлина их с самого начала не было и тридцати.

— Ты уверен?

Он пожал плечами:

— Когда я застрял в этом месте, казалось, навсегда, мне ничего не оставалось, кроме как считать. Когда я не считал ночных солдат, то считал капли с потолка или камни на полу моей камеры.

В полу моей было сорок три каменных блока.

— Даже дюжина — это слишком много, когда они могут лишить тебя сознания одним касанием или убить, — сказал я. — И есть Келлин, чтобы командовать теми, кто остался.

Вуди нацарапал «КЕЛЛИН» в своем блокноте и придвинул его к Клаудии. Будучи слепым, он положил его не в то место. Я передвинул блокнот так, чтобы она могла видеть.

— КЕЛЛИН! ДА! — крикнула Клаудия. — И НЕ ЗАБУДЬ ХАНУ!

Нет, не стоило забывать Хану, которая жаждала крови.

Вуди вздохнул и потер лицо.

— В правление моего брата Келлин был начальником королевской стражи. Он умный и храбрый. Тогда я бы добавил еще «верный». Я бы никогда не поверил, что он пойдет против Яна. Но в то время я бы никогда не поверил и в то, что Элден сделает то, что он сделал.

Он не мог видеть, как Лия отвернулась от него так же, как отвернулась от меня, когда я подошел к ней, чтобы поздороваться. Но я это заметил.

— Вот как я это представляю, — сказал я. — Мы должны остановить Губителя Летучих, прежде чем он сделает что-нибудь еще. Что-то страшное. Я имею в виду, еще страшнее того, что уже сделал. Он ведь заразил все это чертово королевство серостью. И людей сделал серыми, кроме тех немногих, которые имели..., — Я чуть не сказал «генетический дефект», термин, который я слышал от папы в отношении Скутера Маклина, моего одноклассника по начальной школе со смешными ушами-кувшинчиками. — Которые остались целыми, — неуверенно закончил я. — А их он извел почти всех до одного. Просто не знаю, как с ним можно покончить. И когда.

— Когда это будет легко, — сказал Йота. Он закончил кормить Фаладу и положил пустой мешок в одну из корзин, привязанных к ее бокам. — При дневном свете. Тогда синие парни слабеют, а на солнце они вообще не могут выходить. Или будет «бах» и ничего, кроме костей, — он посмотрел на Вуди. — По крайней мере, так я слышал.

— Я тоже это слышал, — сказал Вуди, — но не стал бы доверять этому факту, — он снова что-то

настрочил в своем блокноте и протянул Клаудии. Я не мог видеть, что он написал, но она покачала головой и улыбнулась.

— НЕТ-НЕТ, ОН НЕ МОЖЕТ СДЕЛАТЬ БОЛЬШЕ, ЧЕМ УЖЕ СДЕЛАЛ, НЕ ОТПРАВИВШИСЬ ТУДА. А ТУДА ОН НЕ ПОПАДЕТ, ПОКА ЛУНЫ НЕ ПОЦЕЛУЮТСЯ! ТАКОВА ЛЕГЕНДА, И Я ВЕРЮ, ЧТО ОНА ПРАВДИВА!

Лия подняла глаза и впервые показалась мне заинтересованной. Она повернулась к Фаладе. Когда лошадь заговорила, реакция Йоты была, мягко говоря, забавной.

— Моя хозяйка видела их сегодня вечером, когда тучи на несколько мгновений рассеялись, и Белла почти догнала Арабеллу.

Вуди потянулся к Клаудии и похлопал ее по руке, чтобы привлечь внимание. Он указал на Лию, потом на небо и пошевелил перед лицом Клаудии двумя пальцами, слегка касаясь одним другого. Глаза Клаудии расширились, улыбка исчезла. Она посмотрела на Лию.

— ТЫ ПРАВДА ВИДЕЛА ЭТО?

Лия кивнула.

Клаудия повернулась ко мне с выражением на лице, которого я раньше у нее не видел. Это был страх.

— ТОГДА ЭТО ДОЛЖНО БЫТЬ ЗАВТРА! ТЫ ДОЛЖЕН ОСТАНОВИТЬ ЕГО, ШАРЛИ! ТЫ ЕДИНСТВЕННЫЙ, КТО МОЖЕТ! ЕГО НАДО УБИТЬ ДО ТОГО, КАК АРАБЕЛЛА ПОЦЕЛУЕТ СВОЮ СЕСТРУ! НЕЛЬЗЯ ПОЗВОЛИТЬ ЕМУ СНОВА ОТКРЫТЬ КОЛОДЕЦ ТЬМЫ!

Лия вскочила на ноги, схватила Фаладу за уздечку и повела ее к двери. Радар подняла голову и заскулила. Франна последовала за Лией и коснулась ее плеча, но Лия отмахнулась. Я встал.

— ОСТАВЬ ЕЕ, ОСТАВЬ! ЕЕ СЕРДЦЕ РАЗБИТО, И ЕМУ НУЖНО ВРЕМЯ, ЧТОБЫ ИСЦЕЛИТЬСЯ! — сказала Клаудия. Она, без сомнения, хотела как лучше, но громкий голос лишил ее слова сочувственного тона. Лия отшатнулась.

Я все равно подошел к ней.

— Лия, пожалуйста. Давай по…

Она оттолкнула меня так сильно, что я чуть не упал.

И ушла, ведя за собой лошадь, которая была ее голосом.

3

Ей не нужно было открывать дверь, потому что поблизости не было волков, и не было причин держать ее закрытой. Толпа серокожих снару-

жи все росла, и когда появилась Лия, ведя свою лошадь, стоявшие вокруг упали на колени. Все они приложили ладони ко лбу. У меня не было никаких сомнений в том, что, если бы она или два других выживших члена королевской семьи приказали серым отправиться на штурм города, те сделали бы это без колебаний.

К этому привело именно мое появление. Любые попытки отрицать это рушились при столкновении с простым фактом: они действительно думали, что я был обещанным принцем. Я не знал насчет Лии, но Вуди и Клаудия тоже поверили в это. Это делало меня ответственным за всю толпу потенциальных мятежников, включая Дору.

Я направился за Лией, но Клаудия схватила меня за руку.

— НЕТ, ОСТАНЬСЯ! ЗА НЕЙ ПРИСМОТРИТ ФРАННА!

Вуди сказал:

— Успокойся, Чарли. Постарайся отдохнуть, если сможешь. Ты, должно быть, устал.

Я объяснил, что мы, недавние узники, сможем заснуть, как только взойдет солнце, но сейчас нам придется бодрствовать. Да и какой тут сон, когда мы были накачаны адреналином и испытывали невероятную радость от того, что выбрались из

темницы и избежали смерти на арене?

Вуди выслушал меня, кивнул и написал записку для Клаудии. Меня поразило, насколько аккуратным и ровным был его почерк, хотя он и не мог видеть. В записке говорилось, что Чарли и его товарищи привыкли бодрствовать ночью, а спать днем. Клаудия кивнула в знак того, что поняла.

— Она злится, потому что любила его, не так ли? Когда я встретил ее, она сказала — через Фаладу — что Элден всегда был добр к ней.

Вуди написал это в своем блокноте и протянул Клаудии: «*Он хочет знать о Л и Э.*» После этого он поставил знак вопроса.

— ГОВОРИ ЕМУ, ЧТО ХОЧЕШЬ! — прогремела Клаудия. — У НАС ДОЛГАЯ НОЧЬ, А ДОЛГИЕ НОЧИ ХОРОШИ ДЛЯ ИСТОРИЙ. ОН ЗАСЛУЖИВАЕТ ТОГО, ЧТОБЫ ЗНАТЬ.

— Ладно, — сказал Вуди. — Тогда знай, Чарли, что Лия предпочитает верить, что Элден мертв, потому что просто не может поверить, что он стал Губителем Летучих. В детстве они были вот такими, — он сложил руки вместе и переплел пальцы. — Отчасти в этом виноваты обстоятельства. Они двое были самыми младшими, и когда их не игнорировали, то задирали. Старшие сест-

ры — Дру, Элли, Джой и Фала — ненавидели Лию, потому что она была младшей дочкой ее матери и отца, их любимицей, а еще потому, что они были некрасивыми, а она хорошенькой…

— ЧТО ОН ТЕБЕ ГОВОРИТ? — взревела Клаудия. Я решил, что она все-таки немного умеет читать по губам. — РАЗВОДИТ ДИПЛОМАТИЮ, КАК ДЕЛАЛ В ТЕ ДНИ, КОГДА ЯН СИДЕЛ НА ТРОНЕ? НЕТ, СКАЖИ ПРАВДУ, СТИВЕН ВУДЛИ! ЛИЯ БЫЛА ПРЕКРАСНА, КАК ЛЕТНЕЕ УТРО, А ЧЕТВЕРО ЕЕ СЕСТЕР УРОДЛИВЫ, КАК КАМЕННЫЕ ЛОДКИ! ЭТИ ЧЕТВЕРО ПОШЛИ В СВОЕГО ОТЦА, НО ЛИЯ БЫЛА КОПИЕЙ МАТЕРИ!

Опять же, «уродливые, как каменные лодки» было не совсем тем, что она сказала, но тем, что я услышал. Я думаю, можно не говорить вам, что услышанное мной было еще одной знакомой всем сказкой. Не хватало только хрустальной туфельки.

— Девчонки оттачивали свои и без того острые язычки на Элдене, — сказал Вуди. — Называли его Коротышкой и Тупоногом, мистером Косоглазым и Серолицым…

— Серолицым? Правда?

Вуди улыбнулся тонкими губами:

— Начинаешь видеть причины его мести, не так

ли? С тех пор как Элден Губитель Летучих пришел к власти, Эмпис населен почти исключительно серолицыми. Он искореняет тех немногих, кто невосприимчив к проклятию, и убил бы каждую бабочку-монарха, если бы мог. Он не хочет, чтобы в его садах росли цветы — только сорняки.

Он наклонился вперед, обхватив колени и держа блокнот в одной руке.

— Но девчонки использовали только слова, а их брат набрасывался на Элдена с кулаками и избивал, когда вокруг не было никого, кроме его верных лизоблюдов. Никаких причин для этого не было; Роберт был так же красив, как Элден уродлив, его ласкали и баловали родители, которые Элдена чаще всего не замечали, и у Роберта не было причин ревновать из-за трона, поскольку он был старше и должен был стать королем после смерти Яна или его отречения. Он ненавидел своего младшего брата просто так. Я думаю… — Он сделал паузу, нахмурившись. — Думаю, что для любви всегда есть причина, а для ненависти иногда нет. Это зло, гуляющее само по себе.

Я не ответил, но подумал о двух моих Румпельштильцхенах — Кристофере Полли и Питеркине. Почему гном приложил столько усилий, чтобы стереть инициалы, который вывели бы меня из

города задолго до наступления темноты? Почему он рисковал своей жизнью — и лишился ее — чтобы указать на меня Красной Молли? Потому что я перешел ему дорогу, заставив отпустить красного сверчка? Потому что я был высоким, а он — маленьким? Я ни на минуту в это не верил. Он делал все это, потому что мог. И потому, что хотел мне зла.

Вернувшаяся Франна что-то прошептала Вуди на ухо. Он кивнул.

— Она говорит, что поблизости есть церковь, которую не разрушили. Лия ушла туда с Дорой — дамой, которая чинит обувь, — и еще несколькими людьми, чтобы поспать.

Я вспомнил, что видел эту церковь.

— Может быть, так лучше. Она, должно быть, устала, — для Клаудии я показал на Франну и на дверь, а потом сложил руки вместе и положил на них голову.

— УСТАЛА? КОНЕЧНО, КАК И ВСЕ МЫ! У НАС БЫЛО ДОЛГОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ, НЕКОТОРЫЕ БЫЛИ В ПУТИ МНОГО ДНЕЙ!

— Продолжайте, пожалуйста, — сказал я Вуди. — Вы говорили, что девочки ненавидели Лию, а Роберт ненавидел Элдена…

— Они все ненавидели Элдена, — сказал Ву-

ди. — Все, кроме Лии. При дворе были убеждены, что он не доживет даже до двадцати.

Я подумал о дряблом, пускающем слюни существе в вип-ложе на стадионе, о его лице — не сером, но болезненно-зеленом, — и задался вопросом, сколько сейчас лет Элдену. Еще меня интересовало, что шевелилось под его фиолетовым кафтаном… но я не был уверен, что действительно хочу это знать.

— Двоих самых младших свела вместе ненависть и неприязнь остальных, а также то, что они искренне любили друг друга… Думаю, потому что они были умнее других. Они исследовали почти каждый закоулок дворца, от верхушек шпилей, куда им было запрещено ходить, но они все равно ходили, до самого низа.

— К Глуби Малейн?

— Вероятно, еще глубже. Под городом есть много древних проходов, где мало кто бывал в течение долгих лет. Я не знаю, была ли Лия с ним, когда он отправился к Колодцу Тьмы — она отказывается говорить о годах, когда они начали прощаться с детством, — но они почти везде ходили вместе, за исключением, возможно, дворцовой библиотеки. Какой бы умной ни была Лия, она никогда не любила книги; из них двоих

читателем был Элден.

— Держу пари, брат высмеивал его и за это, — вставил Глаз.

Вуди повернулся к нему и улыбнулся.

— Верно сказано, друг Чарли. И Роберт, и его сестры.

— ЧТО ТЫ ЕМУ СЕЙЧАС СКАЗАЛ? — спросила Клаудия. Вуди набросал краткое резюме в своем блокноте. Прочитав, она потребовала: — РАССКАЖИ ОБ ЭЛЬЗЕ!

Я выпрямился.

— Это русалка?

— Да, — согласился Вуди. — Дворцовая русалка. Ты, случайно, ее не видел?

Я кивнул, но не стал рассказывать, что от нее осталось.

— Она жила в маленькой потайной нише, — сказал Вуди. — Наподобие грота. Хотелось бы верить, что она все еще живет там, но я в этом сомневаюсь. Вероятно, она умерла от отсутствия заботы или от голода. А может быть, от печали.

Да, она умерла, но ее убили вовсе не голод или печаль.

— Элден и Лия угощали ее, а она им пела. Странные песни, но красивые. Лия сама когда-то хорошо пела, — он сделал паузу. — Когда у нее

еще был рот, которым она могла это делать.

Я погладил Радар по голове. Она сонно посмотрела на меня. Наше путешествие было трудным как для меня, так и для нее, но для Радар все обернулось хорошо. К ней вернулось здоровье, и она была с людьми, которые ее любили. Мысль о ее побеге заставила меня вспомнить то, как я получил известие о том, что она жива.

— Расскажите мне о сверчке, — попросил я Клаудию. — Красный сверчок. Вот такой величины, — я развел руки в стороны. — Не понимаю, как он нашел меня. Он пришел с Радар? Но почему…

Она бросила на меня раздраженный взгляд.

— ТЫ ЗАБЫЛА, ЧТО Я ТЕБЯ НЕ СЛЫШУ, ШАРЛИ?

Вообще-то, я про это действительно забыл. Я мог бы сказать вам, что это случилось потому, что тем вечером ее волосы были распущены, закрывая те места, где раньше были уши, но это было бы неправдой. Я действительно просто забыл. Итак, я рассказал Вуди о том, как спас красного сверчка от Питеркина и как позже увидел его вылезающим из дырки в стене подземелья с запиской, прикрепленной к животу. Как вместе с запиской я получил маленький клочок шерсти

Радар. Как прилепил к брюху сверчка собственную записку и отправил его восвояси, следуя изречению моего отца: *ничего не жди, но никогда не теряй надежды.*

— Хороший совет, — сказал Вуди и снова начал царапать в своем блокноте. Он писал быстро, каждая строка была удивительно прямой. За дверью серые люди устраивались на ночь, те, кто принес одеяла, делились с теми, у кого их не было. Через дорогу я увидел Фаладу, привязанную к коновязи возле церкви и мирно щиплющую траву.

Вуди передал блокнот Клаудии, и когда она прочитала, что там написано, она заулыбалась. Это делало ее почти красивой. Когда она заговорила, это был не ее обычный раскатистый голос, а гораздо более низкий, как будто она разговаривала сама с собой.

Она сказала:

— Несмотря на все, что творит Элден от имени существа, которому он служит — он может и не верить, что он инструмент этой твари, но он, несомненно, таков, — магия выжила. Магию очень трудно уничтожить. Ты сам это видел, не так ли?

Я кивнул и погладил Радар, которая умирала, а теперь снова стала молодой и сильной после

шести оборотов солнечных часов.

— Да, магия уцелела. Он называет себя Губителем Летучих, но ты сам видел, что тысячи, нет, МИЛЛИОНЫ монархов все еще живы. И хотя Эльза, возможно, мертва, Снаб все еще жив. Благодаря тебе, Шарли.

— Снаб? — спросил Йота, садясь прямо. Он хлопнул себя по лбу ладонью своей большой руки. — Высокие боги, почему я не понял, когда увидел его?

— Когда он пришел ко мне… О, Шарли… когда он пришел…

Внезапно она начала плакать.

— УСЛЫШАТЬ это еще раз, Шарли! О, снова УСЛЫШАТЬ, пусть и не человеческим голосом, было так ЧУДЕСНО…

Радар встала и подошла к ней. Клаудия на несколько мгновений прижала свою голову к голове Радар, одновременно гладя ее по бокам от шеи до хвоста. Ища утешения. Вуди обнял ее одной рукой. Я хотел было сделать то же самое, но не стал. Принц или нет, но я был слишком застенчив.

Она подняла голову и тыльной стороной ладони стерла слезы со щек. Когда она возобновила рассказ, звук был уже обычной громкости.

— РУСАЛКА ЭЛЬЗА ПЕЛА ДЕТЯМ, СТИВЕН ТЕБЕ ЭТО СКАЗАЛ?

— Да, — сказал я, потом вспомнил, что она глухая, и кивнул.

— ОНА БЫ СПЕЛА ЛЮБОМУ, КТО ОСТАНОВИЛСЯ ПОСЛУШАТЬ, НО ТОЛЬКО В ТОМ СЛУЧАЕ, ЕСЛИ БЫ ОНИ ОЧИСТИЛИ СВОЙ РАЗУМ ОТ ПУСТЫХ МЫСЛЕЙ, И СМОГЛИ ЕЕ УСЛЫШАТЬ. У СЕСТЕР И РОБЕРТА НЕ БЫЛО ВРЕМЕНИ НА ПОДОБНЫЕ ГЛУПОСТИ, НО ЭЛДЕН И ЛИЯ БЫЛИ ДРУГИМИ. ЭТО БЫЛИ ПРЕКРАСНЫЕ ПЕСНИ, НЕ ТАК ЛИ, ВУДИ?

— Да, конечно, — ответил он, хотя, судя по выражению его лица, я сомневался, что у него тоже было время слушать песни Эльзы.

Я постучал себя по лбу, потом наклонился и дотронулся по ее лбу, а потом поднял руку в вопросительном жесте.

— ДА, ШАРЛИ. ЭТО НЕ ТЕ ПЕСНИ, КОТОРЫЕ МОЖНО БЫЛО СЛЫШАТЬ УШАМИ, ПОТОМУ ЧТО РУСАЛКИ НЕ УМЕЮТ ГОВОРИТЬ.

— Но сверчок? — Я сделал рукой прыгающий жест. — Этот — как ты его назвала — Снаб?

Я ненадолго избавлю вас от раскатистого голоса Клаудии, ладно? Говоря мне про свой сон, она имела в виду не «снаб», а Снаба — так звали красного сверчка, которого она назвала повелителем

мелких тварей. Тогда я решил, что она имела в виду насекомых («*Это просто чертово насекомое*», — говорил Питеркин), но потом пришел к выводу, что Снаб мог быть правителем многих созданий, которых я видел. Как русалка Эльза, Снаб мог говорить с людьми, и он заговорил с Клаудией после того, как проводил Радар до ее дома. По словам Клаудии, Снаб проделал большую часть пути на спине Радар. Мне было трудно это представить, но я мог понять, почему; ведь сверчок все еще не мог в полной мере пользоваться раненой задней ногой.

Снаб сказал Клаудии, что хозяин собаки либо убит, либо взят в плен в Лилимаре. Он спросил, может ли он сделать что-нибудь кроме того, чтобы вернуть ей собаку в целости и сохранности. Потому что, по его словам, молодой человек спас ему жизнь, и этот долг необходимо вернуть. Еще он сказал, что если молодой человек все еще жив, его бросили в темницу в Глуби Малейн, и он знает путь туда.

— Снаб, — сказал Йота удивленным голосом. — Я видел Снаба и даже не понял это. Надо мной будут смеяться.

— Со мной он не говорил, — сказал я.

Вуди улыбнулся:

— А ты слушал?

Конечно, я не мог его слышать, мой разум был заполнен моими собственными мыслями — так же, как у многих, кто проходил мимо Эльзы и не слышал ее песен, потому что они были слишком заняты, чтобы слушать. Это верно в отношении песен (и многих историй) даже в моем собственном мире. Они переходят от человека к человеку, но только к тем, кто может их услышать.

Мне пришло в голову, что меня спас не только сон о мамином фене, но и сверчок, которому я сделал добро. Помните, как я в самом начале сказал, что моей истории никто не поверит?

4

Вуди и Клаудия устали, я видел это, даже Радар задремала, но мне нужно было знать еще кое-что.

— Что Лия имела в виду, говоря о поцелуе лун?

Вуди сказал:

— Возможно, твой друг сможет тебе рассказать.

Йота сам рвался это сделать. В детстве ему рассказали историю о небесных сестрах, и, как вы, наверное, сами знаете, дорогие читатели, именно истории из нашего детства оставляют самый

глубокий след и помнятся дольше всего.

— Они гонятся друг за другом, как все видят. Или видели, пока тучи не стали такими густыми и непроходящими, — он взглянул на шрамы Вуди. — Во всяком случае, те, у кого есть глаза. Иногда впереди бежит Белла, иногда Арабелла. Большую часть времени одна сильно обгоняет другую, но потом расстояние начинает сокращаться.

Я сам видел это в тех редких случаях, когда облака ненадолго расходились в стороны.

— В конце концов одна проходит мимо другой, и в ту ночь они сливаются и кажутся целующимися.

— В старые времена мудрецы говорили, что однажды они действительно столкнутся, — сказал Вуди, — и обе разобьются вдребезги. Возможно, им даже не придется сталкиваться, чтобы уничтожить друг друга — взаимное притяжение может разорвать их на куски. Так иногда случается и с людьми.

Йота не интересовался подобными философскими материями. Он сказал:

— Еще говорят, что в ночь, когда небесные сестры целуются, зло выходит наружу, творя всякие беды в нашем мире, — он сделал паузу. — Когда

я был маленьким, нам запрещали выходить на улицу в те ночи, когда сестры целовались. Выли волки, выл ветер, но не только волки и ветер, — он мрачно посмотрел на меня. — Чарли, выл сам мир. Как будто ему было больно.

— И Элден может открыть Колодец Тьмы, когда это произойдет? Это и есть легенда?

Ни Вуди, ни Глаз не ответили, но выражения их лиц было достаточно, чтобы сказать мне, что это, по их мнению, совсем не легенда.

— В Колодце Тьмы живет это существо? То, что превратило Элдена в Губителя Летучих?

— Да, — сказал Вуди. — Ты, похоже, знаешь его имя. И если так, то знай, что даже произносить его опасно.

Я действительно его знал.

— ПОСЛУШАЙ МЕНЯ, ШАРЛИ! — услышав пронзительный, бесцветный голос Клаудии, Радар открыла глаза и вскинула голову, потом снова опустила ее. — ЗАВТРА МЫ ВОЙДЕМ В ГОРОД И СНОВА ЗАЙМЕМ ЕГО, КОГДА НОЧНЫЕ СОЛДАТЫ БУДУТ СЛАБЕЕ ВСЕГО! ЛИЯ ПОВЕДЕТ НАС, КАК ЕЙ ПОЛОЖЕНО, НО ТЫ ДОЛЖЕН НАЙТИ ЭЛДЕНА И УБИТЬ ЕГО ПРЕЖДЕ, ЧЕМ ОН СМОЖЕТ ОТКРЫТЬ КОЛОДЕЦ! ЭТО ДОЛЖНА БЫТЬ ЛИЯ, ОНА ЗАКОННАЯ НАСЛЕДНИЦА ТРОНА, И ПОТОМУ ЭТО

ДОЛЖНО БЫТЬ ЕЕ ДЕЛОМ… ЕЕ БРЕМЕНЕМ… НО…

Она не хотела говорить остальное так же, как не хотела произносить имя Гогмагога, скрывающегося в Колодце Тьмы. Да ей и не нужно было этого делать. Лия была тверда в убеждении, что ее любимый брат, с которым она слушала песни русалки, не мог быть Губителем Летучих. Несмотря на все, что она, должно быть, слышала и от чего страдала сама, ей было легче поверить, что Элден мертв, что монстр, правивший руинами Лилимара и его немногими оставшимися жителями, был самозванцем, присвоившим его имя. Если она обнаружит, что это действительно Элден, и найдет его глубоко в лабиринте туннелей и катакомб далеко внизу, она может поколебаться.

И быть убитой, как случилось с многими ее родственниками.

— ТЫ — ОБЕЩАННЫЙ ПРИНЦ, — сказала Клаудия. — У ТЕБЯ ЕСТЬ ВСЕ ЧУВСТВА, КОТОРЫЕ У НАС ОТНЯЛИ. ТЫ НАСЛЕДНИК АДРИАНА, ПРИШЕДШИЙ ИЗ ВОЛШЕБНОГО МИРА. ТЫ ТОТ, КТО ДОЛЖЕН УБИТЬ ЭЛДЕНА, ПРЕЖДЕ ЧЕМ ОН СМОЖЕТ ОТКРЫТЬ ЭТУ АДСКУЮ ЯМУ!

Йота слушал ее с широко раскрытыми глазами и отвисшей челюстью. Тишину нарушил Вуди. Он говорил тихо, но каждое слово поражало ме-

ня, как удар.

— Вот худшая вещь, худшая из всего, что может быть: то, что однажды вернулось в Колодец Тьмы, теперь может не вернуться. Открывая его, Элден теперь рискует не только сделать весь наш мир серым, но и полностью уничтожить его. А потом? Кто знает, куда эта штука может отправиться?

Он наклонился вперед, пока его безглазое лицо не оказалось в нескольких дюймах от моего.

— Эмпис… Белла… Арабелла… Есть другие миры, кроме этого, Чарли.

Действительно, так и было. Разве я не явился из одного из них?

Я думаю, именно тогда меня начала охватывать холодная решимость, которую я помнил по худшим из наших проделок с Берти Бердом. Я чувствовал ее с Полли, когда я сломал сначала одну его руку, а потом другую. И с Кла, когда я бросил в него куриную ножку и сказал: «*Я собираюсь надрать тебе зад, милый*». И сделал это, без всякого сожаления. Я не был диснеевским принцем, и, может быть, это было хорошо. Диснеевский принц — совсем не то, в чем нуждался тогда народ Эмписа.

5

Клаудия и Вуди спали, как и серые люди, пришедшие с ними. Они пережили трудный поход, и в следующий день — или несколько дней — им предстояло еще много работы. Я же давно не чувствовал себя более бодрым, и не только потому, что мои часы бодрствования и сна перевернулись с ног на голову. У меня была еще тысяча вопросов, оставшихся без ответа. Самым ужасным был такой — что может сделать Гогмагог, если выберется из своего колодца? Меня преследовала мысль, что он может пробраться в наш мир точно так же, как это сделал тот огромный таракан.

«*Таракан, с которого все началось*», — подумал я и чуть не рассмеялся.

Я вышел на улицу. Звуки спящих — храп, стоны, изредка пердеж — напомнили мне мои недавние ночи в Глуби Малейн. Я сел у стены сарая и посмотрел на небо, надеясь увидеть разрыв в облаках, достаточный, чтобы увидеть одну или две звезды, возможно, даже Беллу и Арабеллу, но там была только чернота. Который днем стала бы серой. На другой стороне Королевской дороги Фалада продолжала пастись рядом с церковью. Несколько догорающих костров освещали еще

большее количество спящих. Сейчас там должно было находиться не меньше сотни человек. Еще не армия, но уже близко к этому.

Рядом со мной показались какие-то тени. Обернувшись, я увидел Глаза и Радар. Глаз присел на корточки, Радар сидела рядом с ним, ее нос тихо шевелился, когда она вдыхала ароматы ночи.

— Не можешь уснуть? — спросил я.

— Ну да. Часы в моей голове совсем не те.

«*Добро пожаловать в клуб*», — подумал я.

— Как часто луны проходят над головой?

Он задумался.

— По меньшей мере три раза за ночь, а иногда и десять.

Для меня это не имело никакого смысла, потому что я жил в мире, где часы вселенной всегда шли точно. Восход и заход луны можно было предсказать на десять, пятьдесят, сто лет вперед. Но то был другой мир. В этом русалки и красный свер-чок по имени Снаб могли проецировать песни и мысли прямо в головы тех, кто мог их слышать.

— Жаль, что я не могу их увидеть. Посмотреть, насколько они близки друг к другу на самом деле.

— Ну, ты можешь разглядеть их сияние через облака, когда они будут проходить. Чем ярче свет,

тем ближе друг к другу они находятся. Но зачем беспокоиться? Если только ты не думаешь, что принцесса соврала о том, что она видела.

Я покачал головой. На лице Лии нельзя было не заметить выражения тревоги.

— Это правда, что ты пришел из другого мира? — вдруг спросил Йота. — Из волшебного? Думаю, это должно быть правдой, потому что я никогда не видел оружия вроде того, что ты носишь на бедре, — он сделал паузу. — И такого, как ты, тоже никогда не видел. Я благодарю высших богов, что мне не пришлось сражаться с тобой в первом раунде Честных игр. Меня бы тогда здесь не было.

— Ты бы уложил меня, Глаз.

— Не-не. Ты принц, вот и все. Сначала я бы никогда этого не подумал, но это так. В тебе есть что-то стойкое, как старая краска.

«*И темное,* — подумал я. — *Мой собственный Колодец Тьмы, которого мне следует остерегаться*».

— Ты сможешь найти его? — спросил он, гладя Радар по голове своей большой, покрытой шрамами рукой. — Мы позаботимся об остальном, не сомневайся — когда ночные солдаты при дневном свете ослабнут и не смогут их защи-

тить, Элденова шайка ублюдков разбежится, как кролики — и мы перебьем их, как кроликов. Но Губитель Летучих — сможешь ли ты найти его, если он уйдет вглубь? Есть ли у тебя, не знаю… какое-нибудь…

«*Паучье чутье*» — вот что я подумал, но с моих губ слетело другое:

— Какой-нибудь принцевский нюх?

Он рассмеялся, но сказал, что это и имеет в виду.

— Не знаю.

— А как насчет Перси? Того, кто нам помог? Сможет ли он найти дорогу к Колодцу Тьмы?

Я обдумал эту идею, потом покачал головой. Я чертовски надеялся, что Перси все еще жив, но знал, что шансы на это невелики. Келлин наверняка догадался, что мы сбежали с чьей-то помощью. Может, он и отдавал мне должное за смертельный трюк с ведрами, но узнать о двери, закрытой шкафом, я никак не мог. Кто-то должен был мне об этом рассказать. И даже если Перси до сих пор не умер или из него не вытягивают правду в камере пыток, шансы на то, что он знает дорогу к Колодцу Тьмы, были мизерными.

Мы сидели в полной темноте, которой не нарушал даже мерцающий свет последних дого-

рающих костров, поэтому я достал из носка еще одну серную спичку и чиркнул ей о стену здания. Я откинул волосы назад и поднес ее к глазам.

— Что у меня с глазами? Все еще карие?

Йота наклонился ближе.

— Нет. Голубые. Ярко-голубые, мой принц.

Я не удивился.

— Зови меня Чарли, — сказал я и погасил спичку. — Что касается мира, из которого я пришел… Я думаю, все миры волшебные. Просто каждый привык к своему.

— Что ты собираешься делать?

— Собираюсь побыть здесь. Можешь посидеть со мной или вернуться под крышу и попытаться уснуть.

— Я останусь.

— Мы тоже, — сказал кто-то. Обернувшись, я увидел двух женщин, Эрис и Джаю. Первой заговорила Эрис. — Чего мы ждем, мой принц?

— Зови его Чарли, — сказал Глаз. — Ему так больше нравится. Он скромный, видишь ли. Как принц из сказки.

— Мы увидим то, чего я жду, или не увидим. А теперь помолчите.

Мы сидели тихо. Сверчки — наверное, не красные — пели в траве и в развалинах разрушенного

пригорода, раскинувшегося вокруг. Мы дышали вольным воздухом, и это было хорошо. Шло время. Фалада наелась травы и теперь просто стояла, опустив голову и вроде бы задремав. Радар крепко спала. Через некоторое время Джая указала на небо. За плотными облаками проплывали два ярких огонька, двигаясь на большой скорости. Они не соприкасались — не целовались, — но даже из-за облачного покрова мы могли видеть, что они были очень, очень близко. Они миновали тройные шпили дворца, а потом исчезли. Круг газовых ламп, окружавший стадион, уже погас. В городе было темно, но внутри стены наверняка дежурили оставшиеся ночные солдаты.

Прошел час, потом два. Мои внутренние часы были такими же неправильными, как у Йоты, но они должны были подать сигнал с первыми лучами солнца, когда произошло то, чего я ожидал — то, на что надеялась темная часть моей натуры. Из церкви вышла принцесса Лия. В заправленных в сапоги штанах и с коротким мечом это не мог быть никто другой. Глаз привстал и открыл рот, но я положил руку ему на грудь и поднес палец к губам. Мы наблюдали, как она отвязала Фаладу и повела ее к городским воротам, стараясь держаться подальше от мощеной дороги,

где стук копыт мог насторожить кого-нибудь из чутко спящих. Принцесса была всего лишь чем темной фигуркой в темноте, когда она забралась на лошадь.

Я встал.

— Никто не обязан идти со мной, — сказал я, — но после всего, через что мы прошли, я не буду тебя останавливать, если ты решишь пойти.

— Всегда буду рядом с тобой, — сказал Глаз.

— Я тоже пойду, — сказала Эрис.

Джая просто кивнула.

— Но не ты, Радар, — сказал я. — Оставайся с Клаудией.

Ее уши опустились, хвост перестал вилять. В ее глазах безошибочно читались надежда и мольба.

— Нет, — сказал я. — Одного похода в Лилимар с тебя достаточно.

— Эта женщина уходит от нас, Чарли, — сказал Глаз. — И главные ворота близко. Если мы собираемся догнать ее…

— Пошли, но медленно. У нас полно времени. Она не попытается войти в город до рассвета. Она хочет увидеть своими глазами, что Губитель Летучих не ее брат, и думаю, что она хотела бы спасти Элдена, если он все еще жив, но она не так глупа. Мы догоним ее до того, как она войдет в

город, и я уговорю ее присоединиться к нам.

— И как ты это сделаешь? — спросила Эрис.

— Любым способом, какой потребуется, — на это никто ничего не сказал. — Элден, возможно, уже у Колодца Тьмы, ждет поцелуя лун. Мы должны добраться туда и остановить его до того, как это произойдет.

— Любым способом, какой потребуется, — тихо повторила Эрис.

— А что, если Лия не знает дороги? — спросила Йота.

— Тогда, — сказал я, — у нас будут проблемы.

— Мой принц, — сказала Джая, — то есть Чарли, — она повернулась назад и показала.

Радар кралась за нами по пятам. Заметив, что я смотрю на нее, вскочила и в два прыжка догнала нас. Я опустился на колени и взял ее голову в свои руки.

— Непослушная собака! Ты вернешься или нет?

Она только посмотрела на меня.

Я вздохнул и встал.

— Хорошо. Пойдем со мной.

Она радостно побежала следом, и так вчетвером — впятером, считая Радар, — мы пошли к заколдованному городу.

6

Ворота были уже близко — маячили перед нами — когда что-то прыгнуло на нас из разрушенного здания на левой стороне дороги. Я выхватил пистолет 45-го калибра мистера Боудича, но, прежде чем смог поднять его, не говоря уже о том, чтобы прицелиться, фигура сделала большой (но все еще кривоватый) прыжок и приземлилась на спину Радар. Это был Снаб. Мы были удивлены, но Радар — нет. Она уже возила этого пассажира и, казалось, была готова сделать это снова. Снаб удобно устроился у нее на шее, как в седле.

Я не видел никаких признаков Лии и Фалады, разбивших лагерь за воротами. Мне это не нравилось. Я остановился, пытаясь понять, что делать дальше. Снаб спрыгнул со своего седла, проскакал почти до ворот, потом повернул направо. Радар последовала за ним, подталкивая сверчка носом (он, казалось, не возражал) и оглядываясь, чтобы посмотреть, идем ли мы за ними.

Узкая мощеная дорожка, возможно, предназначенная в прежние времена для прислуги, вела через щебень у внешней стороны стены, которая здесь густо поросла плющом. Снаб шел впереди, ловко перепрыгивая через сорняки и рассыпан-

ные кирпичи. Пройдя не более ста шагов, я увидел в темноте впереди нас белую фигуру. Сверчок довольно застрекотал. Рядом с Фаладой, скрестив ноги, сидела в ожидании рассвета принцесса Лия. Сначала она увидела сверчка, потом нас всех. Она поднялась на ноги и встала лицом к нам, положив руку на рукоять меча и расставив ноги, будто готовая к бою.

Фалада заговорила, в этот раз обойдясь без третьего лица.

— Итак, сэр Снаб привел тебя ко мне. Но теперь, когда ты нашел меня, тебе лучше вернуться.

— А кто заботится о ваших гусях, миледи, пока вас нет?

Я сказал совсем не то, что хотел, и совсем не так, как сказал бы это Чарли Рид из Сентри, штат Иллинойс.

Ее глаза расширились, потом в уголках их появились небольшие морщинки. Без рта трудно было сказать наверняка, но я думаю, она сильно удивилась. Фалада сказала:

— Люди моей госпожи, Уит и Дикон, отменно за ними ухаживают.

«Как Дик Уиттингтон»[241], - подумал я.

---

[241] Примечания: 241

Персонаж английского фолклера, прообразом которого был купец Ричард Уиттингтон (ок. 1354–1423), ставший лордом-мэром Лондона.

Джая пыталась спросить:

— Эта лошадь…

Лия жестом велела ей замолчать. Джая отпрянула назад, потупив глаза.

— Теперь, когда ты получил ответ на свой глупый вопрос, оставь меня. У меня серьезное дело.

Я посмотрел на ее вскинутое вверх лицо, красивое, если не считать шрама на месте рта и уродливой язвы рядом с ним.

— Вы уже поели? — спросил я. — Потому что вы должны быть полны сил для того, что ждет впереди, миледи.

— Я взяла все, что мне нужно, — сказала Фалада. Я мог видеть, как горло Лии напрягается от усилий, которые ей потребовались, чтобы это сказать. — А теперь уходи — я приказываю.

Я взял ее за руки. В моих ладонях они были маленькими и холодными. Она хорошо изображала надменную принцессу, полностью владеющую собой, но я думал, что в душе она напугана до смерти. Она попыталась выдернуть руки, но я удержал их.

— Нет, Лия. Приказываю здесь я. Я обещанный принц. Думаю, ты это знаешь.

— Не принц этого мира, — сказал Фалада, и теперь я мог слышать щелчки и бормотание в

горле Лии. Ее вежливая речь была вызвана скорее необходимостью, чем желанием. Если бы ей не приходилось — притом с большим усилием — объясняться через кобылу, она бы говорила совсем по другому. Теперь в ее глазах не было веселья, только ярость. Эта девушка, кормившая гусей из своего фартука, уже привыкла, что ей повинуются беспрекословно.

— Нет, — согласился я. — Не принц этого мира, и не принц в моем, но я провел долгие дни в темнице, меня заставляли убивать, и я видел, как умирали мои товарищи. Теперь ты понимаешь, принцесса? Понимаешь мое право командовать тобой?

Фалада ничего не сказала. Одинокая слеза выкатилась из левого глаза Лии и медленно скатилась по ее гладкой щеке.

— Пройдись со мной немного, пожалуйста.

Она тряхнула головой так сильно, что волосы разлетелись вокруг ее лица. Снова попыталась отдернуть руки, и снова я удержал их.

— Еще есть время, по крайней мере час до рассвета, и весь ваш мир может зависеть от того, что мы скажем друг другу. Даже мой мир может оказаться под угрозой. Так что прошу тебя.

Я отпустил ее руки и достал из носка одну из

оставшихся серных спичек. Отодвинув плющ в сторону, чиркнул спичкой о шершавый камень и поднес ее к лицу, как сделал с Йотой. Она встала на цыпочки, чтобы посмотреть на меня, достаточно близко, чтобы я мог поцеловать ее поднятый лоб.

— Голубые, — сказала Фалада.

— Оно действительно говорит, — прошептала Эрис.

— Не-не, это она, — сказала Йота тем же тихим голосом. Они были охвачены благоговением. Да и я тоже — а почему бы и нет? Это было волшебство, и теперь я стал его частью. Все это пугало меня, потому что я больше не был в полной мере самим собой, но и возбуждало.

— Пойдем, леди. Нам нужно поговорить. Пожалуйста, пойдем.

Она пошла со мной.

7

Мы немного отошли по тропинке от остальных, слева от нас была увитая плющом городская стена, справа — развалины пригорода, сверху нависало темное небо.

— Мы должны остановить его, — сказал я. — Прежде чем он принесет какую-нибудь ужасную

беду.

Радар шла между нами со Снабом, сидевшим у нее на шее, и ответил мне именно Снаб. Этот голос был намного четче, чем тот, которым Лия говорила через Фаладу.

— Это не мой брат. Губитель Летучих — это не Элден. Он никогда бы не сделал таких страшных вещей. Он был нежным и любящим.

«*Люди меняются,* — подумал я. — *Мой отец делал это, и я тоже, когда куролесил с Берти. Помню, я еще удивлялся, почему такой хороший человек, как я, делает такое дерьмо*».

— Если он выжил, — сказал Снаб, — то он в плену. Но я в это не верю. Я верю, что он мертв, как и многие из моей семьи.

— Я тоже в это верю, — сказал я. Это не было ложью, потому что, несомненно, Элден, которого она знала — тот, кто держал ее за руку, когда они исследовали потайные коридоры дворца, кто слушал песни, которые пела русалка, — тот Элден был мертв. Осталась только марионетка Гогмагога.

Мы остановились. Ее горло дернулось, и Снаб заговорил вновь. Столько чревовещания, вероятно, причиняло ей боль, хотя Снаб был для нее самым лучшим проводником, но она должна

была сказать то, что так долго хранила в своем сердце.

— Если он пленник, я освобожу его. Если он мертв, я отомщу за него, чтобы проклятие с этой несчастной земли могло быть снято. Это моя работа, а не твоя, сын Адриана Боудича.

Я не был его сыном, только наследником, но, похоже, сейчас было не время говорить ей об этом.

— Губитель Летучих почти наверняка отправился к Колодцу Тьмы, принцесса. Там он будет ждать, пока луны не поцелуются и путь не откроется. Ты можешь его найти?

Она кивнула, но не слишком уверенно.

— Отведешь нас туда? Потому что мы вряд ли сможем найти его сами. Согласишься ли ты, если я предоставлю тебе самой решать судьбу Губителя Летучих, когда мы встретимся с ним лицом к лицу?

Долгое время ответа не было. Она не хотела верить, что я сдержу свое обещание, и была права. Если бы она узнала Элдена и не смогла заставить себя убить его — даже такого, каким он стал сейчас, — смог бы я выполнить ее желание и оставить его в живых? Я подумал о изуродованном лице и добром сердце Доры. Подумал о храбрости Перси, за которую он, скорее всего,

уже заплатил высокую цену. О серых беженцах, которых я видел, пробиравшихся из Прибрежья в какое-то убежище, которого, скорее всего, не существовало. Положите всех этих страдающих людей на одну чашу весов, а нежное сердце принцессы — на другую, и они никак не смогут уравновеситься.

— *Ты бы действительно дал Лие из рода Галлиенов такое обещание?*

Не думаю, что это было возвращением к третьему лицу; похоже, на сей раз Снаб говорил от своего имени, но я не сомневался, что Лия хотела знать то же самое.

— Я бы это сделал.

Она спросила:

— Клянешься ли ты душой своей матери, что она будет гореть в адском огне, если ты нарушишь свое слово?

— Да, — сказал я без колебаний, и это было обещание, которое я собирался сдержать. Когда Лия увидит, во что превратился ее брат, она может убить его сама. Я надеялся на это. А если нет, я бы отдал пистолет мистера Боудича Йоте. Он никогда раньше не стрелял, но я не ожидал никаких проблем из-за этого. Оружие похоже на дешевый фотоаппарат, все, что вам нужно сделать — при-

целиться и нажать спуск.

— Ты и твои друзья последуете за Лией и будете повиноваться ей?

— Мы так и сделаем.

Она, вероятно, понимала, что не сможет помешать мне следовать за ней. Другие могли бы подчиниться приказу будущей королевы Эмписа, но я бы этого не сделал. Как она уже сказала через Фаладу, я не был принцем этого мира и не обязан слушаться ее приказов.

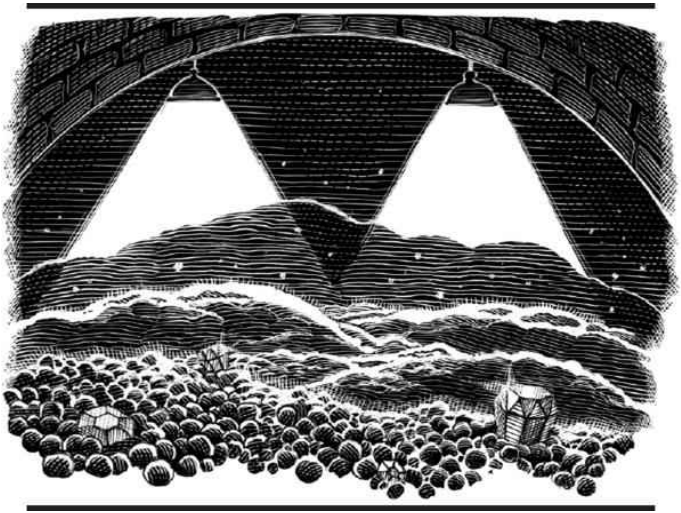
Небо над головой посветлело. Мы, люди, посмотрели вверх, и Радар тоже. Даже Снаб сделал это. Яркое сияние подсвечивало облака изнутри. Луны теперь были так близко друг к другу, что выглядели как восьмерка, лежащая на боку. Или математический символ бесконечности. За считанные секунды они скрылись за дворцовыми шпилями, и небо снова затемнилось.

— Хорошо, — сказал Снаб. — Я согласна на ваши условия. Но больше никаких разговоров, пожалуйста. Это больно.

— Я знаю, — сказал я. — И мне очень жаль.

Радар заскулила и лизнула руку Лии, та наклонилась и погладила ее. Договор был заключен.

Глава двадцать восьмая
В городе. Оплакивание. Хана. Та, кто когда-то пела. Золото. На кухне. Зал приемов. Подняться, чтобы спуститься



1

Мы пошли туда, где нас ждали остальные. Лия снова села, не сказав ни слова ни Фаладе, ни Снабу. Йота вопросительно взглянул на меня. Я кивнул — дело сделано. Мы сели рядом с ней и стали ждать рассвета. Снова пошел дождь, не сильный, но устойчивый. Лия достала пончо из единственной седельной сумки, которую везла Фалада, и накинула его на плечи. Поманила к себе Радар, который взглянула на меня, ожидая разрешения, а потом подошла к Лии. Та укрыла своим пончо еще и Радар, Снаб тоже залез под него. Они остались сухими, а остальные из нас, одетые в те же лохмотья, в которых сбежали из темницы, сидели и мокли. Джая начала дрожать, Эрис обняла ее. Я сказал им, что они могут вернуться, но обе женщины покачали головами. Йота не утруждал себя словами, а просто сидел, склонив голову и сцепив руки на коленях.

Время шло. Настал момент, когда я поднял глаза и понял, что вижу перед собой Лию. Я вопросительно поднял руку, но она только покачала головой. Наконец, когда ночь окончательно

превратилась в тусклый рассвет, она поднялась на ноги и привязала Фаладу к железному пруту, который торчал из остатков кирпичной стены, возвышающейся над обломками. Потом начала спускаться по тропинке, не оглядываясь, чтобы узнать, следуем ли мы за ней. Мы пошли, причем Снаб снова ехал на спине Радар. Лия шла медленно, время от времени раздвигая густые заросли плюща, а потом двигаясь дальше. Минут через пять или около того она остановилась и начала срывать плющ со стены. Я подошел, чтобы помочь ей, но она отрицательно покачала головой. Мы заключили соглашение — пакт, — но было ясно, что она была этим недовольна.

Когда она оборвала достаточно плюща, я увидел за ним маленькую дверцу, на которой не было ни ручки, ни засова. Она подозвала меня и указала на дверь. Сначала я не понял, чего она ждет, но потом догадался.

— Откройся во имя Лии из Галлиенов, — сказал я, и дверь распахнулась.

2

Мы вошли в длинное, похожее на сарай здание, заполненное древним ремонтным оборудованием. Лопаты, мотыги и тачки покрылись толстым

слоем пыли. Пол тоже был пыльным, и на нем не было никаких следов, кроме тех, которые оставили мы. Я заметил еще один гибрид автомобиля и электрокара. Заглянув внутрь него, я увидел батарею, настолько проржавевшую, что она превратилась в грязно-зеленый ком. Меня интересовало, откуда здесь взялись эти маленькие машины — по крайней мере две, и одна из них все еще работала. Неужели мистер Боудич привез их из нашего мира по частям и собрал здесь? Я этого не знал, но точно знал, что нынешняя власть мало заботилась о поддержании в Лилимаре чистоты и порядка. Гораздо больше ее интересовали кровавые виды спорта.

Лия вывела нас через дверь на дальней стороне здания. Мы оказались на чем-то вроде свалки, заполненной разобранными троллейбусами, грудами электродуг и огромными клубками проводов. Пробравшись через все это бесполезное оборудование, мы поднялись по деревянной лестнице и вошли в здание, которое я и другие беглецы сразу узнали: это был Дом троллейбусов.

Мы пересекали главный терминал, когда утренний колокол прозвонил одним гулким «БОММ». Лия подождала, пока звук не стих вдали, потом

продолжила путь. Она по-прежнему не оглядывалась, чтобы посмотреть, следуем ли мы за ней. Наши шаги отдавались эхом. Над головой темное облако гигантских летучих мышей хлопало крыльями, но не шевелилось.

— В прошлый раз мы убежали, — тихо сказала Эрис. — Теперь мы идем сражаться. Я должна свести счеты с этой стервой.

Я не ответил. Мне это было неинтересно. Мой ум концентрировался на другом.

Мы вышли под непрекращающийся дождь. Радар внезапно сбежала по ступенькам Тролейбусного дома мимо одного из красно-белых столбов с каменной бабочкой наверху. Она сунулась в заросли ежевики, я увидел там лямку своего брошенного рюкзака, а потом услышал то, что меньше всего ожидал, но сразу узнал этот звук. Радар вернулась со своей пищащей обезьянкой в зубах, уронила ее к моим ногам и просительно завиляла хвостом.

— Хорошая девочка, — сказал я и отдал обезьянку Глазу. У него были карманы, а у меня нет. Широкая дорога, ведущая ко дворцу, была пустынна, но не пуста. Тело Красной Молли исчезло, однако кости ночных солдат, которые гнались за нами, были разбросаны на сорок ярдов вокруг,

большей частью погребенные под грудами мертвых бабочек-монархов.

Лия остановилась у подножия лестницы, склонив голову набок и прислушиваясь. Мы присоединились к ней. Я тоже это слышал: что-то вроде пронзительного стона, похожего на вой ветра на чердаке зимней ночью. Звук поднимался и опускался, поднимался и опускался, поднялся до крика, потом снова перешел в стон.

— Великие боги, что это? — прошептала Джая.

— Оплакивание, — сказал я.

— А где Снаб? — спросил Йота.

Я пожал плечами:

— Может быть, ему не понравился дождь.

Лия направилась по Галлиеновской дороге к дворцу. Я положил руку ей на плечо и остановил.

— Мы должны зайти сзади и выйти рядом с игровым полем. Я не могу найти дорогу, маленький засранец по имени Питеркин стер метки мистера Боудича, но держу пари, ты знаешь, как туда добраться.

Лия положила руки на свои стройные бедра и раздраженно взглянула на меня. Она указала в сторону звуков, издаваемых Ханой, которая оплакивала свою дочь. Потом на случай, если я

был слишком туп, чтобы понять это, вскинула руки высоко над головой.

— Принцесса права, Чарли, — сказала Йота. — Зачем идти этим путем, если мы можем миновать ту громадину, войдя через парадную дверь?

Я понимал его правоту, но были и другие моменты, которые казались мне более важными.

— Потому что она ест человеческую плоть. Я почти уверен, что именно поэтому ее выгнали из Великании, или как вы здесь это называете. Ты понимаешь это? *Она ест человеческую плоть*. И она служит *ему*.

Лия посмотрела мне в глаза. Очень медленно она кивнула и указала на револьвер, который я носил.

— Да, — сказал я. — И есть еще одна причина, миледи. Мне нужно, чтобы ты кое-что увидела.

3

Мы прошли немного дальше по Галлиеновской улице, а потом Лия свернула налево в узкий переулок. Она провела нас по лабиринту улиц, ни секунды не колеблясь. Я надеялся, что она знает, что делает, ведь прошло много лет с тех пор, как она была здесь в последний раз. С другой стороны, нам указывали дорогу горестные вопли Ханы.

Джая и Эрис догнали меня. Эрис выглядела мрачной и отстраненной, Джая была испугана. Она сказала:

— Здания двигаются. Я знаю, что это безумие, но они двигаются. Каждый раз, когда я отвожу взгляд, я краем глаза вижу, как они тянутся ко мне.

— А мне все время кажется, что я слышу голоса, — сказал Глаз. — Это место выглядит… не знаю… населенным призраками.

— Так и есть, — сказал я. — И нам предстоит изгнать их или погибнуть в попытке сделать это.

— А эта тварь? — спросила Эрис. Вой Ханы становился все громче.

— Потом, — сказал я. — Все в свое время.

Лия повела нас по переулку, где здания стояли так близко друг к другу, что казалось, будто мы скользим по расщелине. Я мог видеть, как кирпичи одного здания медленно входят в камни другого и выходят, словно они дышали.

Мы вышли на улицу, которую я узнал. Это был бульвар с заросшим сорняками газоном посередине и тем, что, возможно, было когда-то элитными магазинами, обслуживающими членов королевской семьи и придворных, по бокам. Йота протянул руку, чтобы потрогать (или, мо-

жет быть, сорвать) одного из огромных желтых цветов, но я схватил его за запястье.

— Не нужно этого делать, Глаз. Они кусаются.

Он посмотрел на меня.

— Правда?

— Правда.

Теперь я мог видеть крышу огромного дома Ханы, выходящего на улицу. Лия повернула направо и начала пробираться вдоль разбитых витрин магазинов, глядя сквозь дождь на пустынную площадь с высохшим фонтаном. Горестные крики Ханы теперь были почти невыносимыми, когда рыдания усиливались и переходили в визг. Лия, наконец, оглянулась. Она поманила меня вперед, но поводила одной рукой в воздухе: *тише, тише*.

Я наклонился к Радар и, как и в прошлый раз, прошептал ей, чтобы она молчала. Потом присоединился к принцессе.

Хана восседала на своем украшенном драгоценностями троне. На ее коленях лежало тело дочери. Голова Красной Молли свисала с одной стороны трона, ноги с другой. Этим утром не было никаких песен про Джо, мою любовь. Хана погладила оранжевые волосы Молли, потом подняла свое бугристое лицо навстречу дождевым

струям и снова завыла. Подложив свою ручищу под свесившуюся вниз шею Молли, она подняла ей голову и покрыла поцелуями лоб и остатки окровавленного рта.

Лия указала на нее, потом подняла ко мне руки ладонями наружу: «Что дальше?»

«*Вот это*», — подумал я и зашагал через площадь к тому месту, где сидела Хана. Одна моя рука лежала на рукоятке пистолета мистера Боудича. Я не видел, что Радар пошла за мной, пока она не начала лаять. Она залаяла во всю глотку, из глубины ее груди каждый раз, когда она делала вдох, вырывалось рычание. Хана подняла глаза и увидела нас.

— Спокойно, девочка, — сказал я. — Держись за мной…

Хана скинула тело дочери с колен и поднялась. Красная Молли свалилась в кучу мелких костей.

— ТЫ! — взревела она, ее грудь вздымалась волной. — ТЫУУУУ!

— Да, это я, — сказал я. — Я обещанный принц, так что преклони предо мной колени и прими свою участь.

Я не ждал, что она подчинится, и не ошибся. Она помчалась ко мне громадными прыжками. Пять привели бы ее ко мне, но я позволил

ей только три, потому что не хотел подпускать слишком близко. Я не боялся — это тьма накрыла меня. Она была холодной, но ясной. Может быть, это звучит парадоксально, но так и было. Я хорошо видел красную трещину, идущую по центру ее лба, и когда она заслонила небо надо мной, крича что-то — не знаю, что — всадил туда две пули. Револьвер 45-го калибра был в сравнении с 22-м калибром Полли тем же, чем дробовик для детского пневматического пистолета. Ее покрытый фурункулами лоб провалился, как снежная корка, когда на нее наступают тяжелым ботинком. Каштановые пряди ее волос улетели назад в веере кровавых брызг. Пропасть рта открылась, обнажив подпиленные зубы, которые больше не будут рвать и пережевывать плоть детей.

Ее руки взметнулись к серому небу. Дождь стекал по ее громадным пальцам. Я почувствовал запах порохового дыма, сильный и едкий. Она сделала полукруг, словно для того, чтобы еще раз взглянуть на дорогого ей человека. Потом упала. Я почувствовал глухое сотрясение камней под моими ногами, когда она грохнулась наземь.

Так пала великанша Хана, которая охраняла солнечные часы, бассейн и вход на Поле Монархов за дворцом Лилимара.

4

Йота стоял перед правым крылом дома Ханы — кухонным крылом. С ним был серый человек, у которого почти не осталось лица; казалось, что плоть отлепилась от его черепа и сползла вниз, закрыв один глаз и весь нос. Он был одет в запятнанную кровью белую блузу и такие же брюки. Я предположил, что он был поваром Ханы, тем, кого она назвала безмозглым ублюдком. Меня он не интересовал — у меня были дела во дворце.

Но, похоже, дело Лии с Ханой еще не было закончено. Она подошла к упавшей великанше, вытаскивая свой меч. Кровь собиралась вокруг головы Ханы в лужу и стекала между камнями.

Эрис шагнула вперед и взяла Лию за руку. Лия повернулась, и выражение ее лица не нуждалось в словах: «*Как ты смеешь прикасаться ко мне?*»

— Миледи из рода Галлиенов, я не хочу проявлять к вам неуважение, но подождите минутку. Пожалуйста. Для меня.

Лия, казалось, задумалась, потом отступила назад.

Эрис подошла к великанше и с трудом вскарабкалась на одну из ее огромных растопыренных ног. Там она задрала свою грязную юбку и по-

мочилась на вялую бледную плоть бедра Ханы. Когда она слезла, слезы катились по ее щекам. Она повернулась к нам:

— Я приехала на юг из деревни Вайва, места, о котором никто не слышал и больше не услышит, потому что эта дьявольская тварь опустошила его, убив десятки людей. Одним из них был мой дедушка, другой — моя мать. А теперь делайте с ней, что хотите, миледи.

Она даже присела в реверансе.

Я подошел, чтобы встать рядом с Йотой и поваром, который весь дрожал. Глядя на меня, Глаз поднес ладонь ко лбу, повар сделал то же самое.

— Ты убил уже не одного великана, а целых двух, — сказала Йота. — Если я проживу долго — хотя я знаю, что шансы невелики, — я никогда этого не забуду. Как и того, как Эрис писала на нее. Удивляюсь, что твоя собака не сделала того же.

Лия шагнула к великанше, подняла свой меч высоко над головой и опустила. Она была принцессой и наследницей престола, но выполняла в изгнании работу фермерши и набралась сил. Тем не менее, ей потребовалось три взмаха клинка, чтобы отсечь Хане голову.

Она опустилась на колени, обтерла меч о пурпурное платье великанши и вложила обратно в

ножны. Затем шагнула к Йоте, который поклонился и отдал ей честь. Когда он выпрямился, она указала на двадцать футов мертвой великанши, а потом на сухой фонтан.

— По вашему приказанию, миледи, и с большой охотой.

Он подошел к телу. Каким бы сильным и крупным он ни был, ему все равно пришлось использовать обе руки, чтобы поднять голову. Она раскачивалась взад-вперед, пока он тащил ее к фонтану. Эрис этого не видела — она рыдала в объятиях Джаи.

Йота хрюкнул от натуги, и его рубашка разошлась по швам, когда он поднимал голову наверх. Она улеглась в чашу фонтана, уставившись открытыми глазами на дождь. Как горгулья, которую я миновал по пути сюда.

5

Мы пошли по одной из дорожек вертушки, на этот раз я шел впереди. Задняя часть дворца нависала над нами, и я снова увидел в ней живое существо. Возможно, оно дремало, но приоткрыв один глаз. Я мог поклясться, что некоторые башенки переместились на новые места. То же можно было сказать и о перекрещивающих-

ся лестницах и парапетах, которые на первый взгляд казались каменными, а на второй были сделаны из зеленого стекла и заполнены внутри извивающимися черными силуэтами. Я вспомнил стихотворение Эдгара Аллана По о дворце с привидениями[242], из которого вечно выбегала отвратительная толпа, которая смеялась — но не улыбалась.

Здесь еще сохранились инициалы мистера Боудича. Увидеть их было все равно что встретить друга в опасном месте. Мы подошли к красным погрузочным дверям с пробкой из разбитых повозок, потом к темно-зеленым контрфорсам. Я повел свою группу в обход их, и, хотя это заняло немного больше времени, возражений не было.

— Снова голоса, — тихо сказал Йота. — Слышишь их?

— Да, — сказал я.

— Что это такое? Демоны? Мертвецы?

— Я не думаю, что они могут причинить нам вред. Но здесь, без сомнения, есть сила, и недобрая.

Я посмотрел на Лию, которая сделала быстрый

---

[242] Примечания: 242

«Дворец с привидениями» — стихотворение Эдгара Аллана По, впервые опубликованное в апрельском номере журнала «Американский музей» за 1839 год.

круговой жест правой рукой: «*Поторопись*». Она была права. Мы не могли тратить впустую драгоценный дневной свет, но я должен был показать ей это. Ей нужно было взглянуть, потому что видение — начало понимания. И принятии долго отрицаемой истины.

6

Наш извилистый путь привел нас вплотную к бассейну, окруженному кольцом пальм, чьи листья теперь вяло склонялись под дождем. Я мог видеть высокий столб в центре солнечных часов, но на нем больше не было солнца. После поездки Радар солнце осталось повернутым в другую сторону, и теперь на шесте виднелись две луны Эмписа. У них тоже были лица, и глаза тоже двигались — навстречу друг другу, словно оценивая оставшееся между ними расстояние. Я мог видеть последнюю отметку мистера Боудича, АБ, со стрелкой, указывающей от вершины буквы А прямо вниз, на солнечные часы.

И бассейн.

Я повернулся к своей маленькой компании.

— Принцесса Лия, пожалуйста, пойдем со мной. Остальные оставайтесь здесь, пока я не позову, — я наклонился к Радар. — Ты тоже останься,

девочка.

Не было никаких вопросов или протестов.

Лия шла рядом со мной. Я подвел ее к бассейну и жестом показал, куда ей нужно смотреть. Она увидела то, что осталось от русалки — ее останки в воде, покрытой пятнами разложения. Увидела древко копья, торчащее из живота Эльзы, и клубок кишок, плавающий вокруг.

Лия издала приглушенный стон, который был бы криком, если бы она могла издать его. Закрыв глаза руками, она упала на одну из скамеек, где когда-то могли сидеть жители Эмписа, совершившие путешествие из своих городов и деревень, чтобы полюбоваться прекрасным созданием, плавающим в бассейне, и, возможно, послушать его песни. Она скорчилась, издавая те приглушенные стонущие звуки, которые показались мне более ужасными — более горестными — чем настоящие рыдания. Я утешающе приобнял ее, испугавшись вдруг, что ее неспособность полностью выразить свое горе может убить ее, подобно тому, как невезучий человек может подавиться застрявшей в горле пищей.

Наконец она подняла голову, снова посмотрела на тускло-серые останки Эльзы, а потом подняла лицо к небу. Дождь и слезы стекали по

ее гладким щекам, по шраму у рта, по красной язве, которую ей приходилось вскрывать, чтобы поесть, несмотря на боль, которую это неминуемо влекло за собой. Подняв кулаки к серому небу, она потрясла ими.

Я осторожно взял ее руки в свои. Это было все равно что держаться за камни. Наконец они разжались и обхватили мои пальцы. Я подождал, пока она посмотрит на меня.

— Ее убил Губитель Летучих. Если он и не делал это сам, то приказал сделать. Потому что она была красива, а сила, которая управляет им, ненавидит всякую красоту — монархов и добрых людей вроде Доры, которые когда-то были целым народом, той самой страной, которой вы должны править. Что он любит, так это уродство, боль и убийства. Он любит серый цвет. Когда мы найдем его — если найдем — ты убьешь его, если я не смогу?

Она с сомнением посмотрела на меня, ее глаза наполнились слезами. Наконец она кивнула.

— Даже если это Элден?

Она покачала головой так же яростно, как и раньше, и высвободила свои руки из моих. Из бассейна, где лежала мертвая русалка, донесся сдавленный голос Лии, скорбный и дрожащий:

— Он никогда бы не убил Эльзу. Он любил ее.

И все-таки я подумал, что это не совсем «нет».

Время шло. Еще оставалось несколько часов дневного света, но я не знал, нужно ли лунам поцеловаться именно над Эмписом, чтобы открылся Колодец Тьмы; как я думал, они могли сделать это на другой стороне света с тем же ужасающим результатом. Глаза Беллы и Арабеллы на высоком центральном столбе солнечных часов бегали взад-вперед, словно подтверждая эту идею.

Я повернулся и позвал остальных.

7

Мы обошли солнечные часы, но с одним исключением: Радар прошла прямо по ним, остановившись только затем, чтобы помочиться рядом с центральной осью, что заставило меня вспомнить Эрис и мертвую великаншу.

Лучи на площади-карусели сливались в широкую центральную дорожку, которая заканчивалась у семи дверей. Подергав ту, что посередине, и обнаружил, что она заперта. Я велел ей открыться во имя Лии из Галлиенов, местной версии «сезама», и она послушно открылась. Я ждал этого, но случилось и что-то еще, чего я не ожидал. Здание, казалось, содрогнулось при звуке имени прин-

цессы. Я не столько увидел это, сколько почуял, как почувствовал глухой удар под моими ногами, когда шестьсот или семьсот фунтов отныне мертвого веса Ханы рухнули на землю.

Разноголосица шепчущих голосов, слышимых не столько ушами, сколько мозгом, внезапно оборвалась. Я не был настолько глуп, чтобы поверить, что весь дворец освобожден от проклятия, но мне стало ясно, что силой обладал не только Губитель Летучих. «*Было бы лучше, если бы она могла сказать это сама*», — подумал я, но, конечно, она не могла.

За дверями находился обширный вестибюль. Когда-то, как и Дом троллейбусов, он был украшен большой круглой фреской, но ее залили черной краской, так что от нее осталось только несколько монархов высоко под потолком. Я снова подумал о фанатиках ИГИЛ, уничтожающих сокровища культуры цивилизаций, которые процветали задолго до них.

В центре вестибюля стояло несколько выкрашенных в красный цвет турникетов, мало чем отличавшихся от тех, через которые мы с папой не раз проходили на Поле гарантированных ставок, когда ездили в Чикаго посмотреть игру «Уайт Сокс».

— Я знаю, где мы находимся, — пробормотал Йота. — Подожди, Чарли. Одну минуту.

Он взбежал по одному из пандусов, посмотрел и примчался обратно.

— Ложи пусты, как и поле. Они все ушли. Тела тоже унесли.

Лия бросила на него нетерпеливый взгляд, который, казалось, спрашивал, чего он еще ожидал, а потом повела нас налево. Мы прошли по круглому коридору мимо ряда закрытых ставнями кабинок. Радар мягко ступала рядом со мной. Если возникнут проблемы, я ожидал, что она почует это первой, однако пока она казалась настороженной, но спокойной. Миновав последнюю из кабинок, я остановился, уставившись на то, что увидел. Остальные сделали то же. Только Лия не проявила никакого интереса к тому, что так поразило меня. Она прошла еще немного, прежде чем поняла, что мы не следуем за ней. Она снова сделала тот же круговой торопливый жест, но мы на какое-то время застыли.

Каменная боковая стена здесь сменилась панелью из изогнутого стекла длиной не менее тридцати футов. Она была пыльной — как и всё в этом дворце, — но мы могли разглядеть, что находилось внутри, освещенное рядом газовых

ламп вверху, прикрытых колпаками, чтобы они действовали как прожекторы. Я заглядывал в хранилище, полное золотых шариков, таких же, как те, что я нашел в сейфе мистера Боудича. Они, должно быть, стоили миллиарды американских долларов. Среди них были небрежно разбросаны драгоценные камни: опалы, жемчуг, изумруды, бриллианты, рубины, сапфиры. У мистера Генриха, старого хромого ювелира, случился бы сердечный приступ.

— Боже мой, — прошептал я.

Эрис, Джая и Йота смотрели на это с интересом, но без особого удивления.

— Я слышал об этом, — сказал Йота. — Это сокровищница, не так ли, миледи? Сокровищница Эмписа?

Лия нетерпеливо кивнула и жестом позвала нас за собой. Она была права, нам нужно было спешить, но я задержался еще на несколько мгновений, наслаждаясь видом этого огромного богатства. Я подумал о своих многочисленных поездках на стадион «Уайт Сокс» и об одном особом воскресенье, когда я увидел игру «Медведей» на «Солдатском поле»[243]. На обоих стадионах были

---

[243] Примечания: 243
Стадион в Чикаго, открытый в 1924 году.

застекленные витрины с памятными вещами, и я подумал, что это может быть что-то похожее: по пути на любые игры или состязания, которые они пришли посмотреть, простые люди могли остановиться и поглазеть на сокровища короны, охраняемые в правление Галлиенов, должно быть, королевской гвардией, а потом Ханой. Я не знал, как мистер Боудич получил к ним доступ, но то, что он взял, с разрешения или без него, было не более чем каплей в море.

Теперь Лия жестикулировала более энергично — обе ее руки так и летали над плечами. Мы поспешили за ней. Я оглянулся назад, думая, что если бы прыгнул в одну из этих куч, то оказался бы по шею в золоте. Потом подумал о царе Мидасе, который умер от голода — согласно легенде, — потому что все, что он пытался съесть, превращалось от его прикосновения в золото.

8

Дальше по коридору я начал улавливать слабый аромат сосисок, навевавший неприятные воспоминания о Глуби Малейн. Мы подошли к открытым двойным дверям слева. За ними находилась огромная кухня с рядом кирпичных печей, трехконфорочной плитой, вертелами для

переворачивания мясных туш и раковинами, достаточно большими, чтобы в них можно было помыться взрослому человеку. Именно здесь готовили еду для толп, собиравшихся на стадионе в дни игр. Дверцы духовок были открыты, конфорки пусты, на вертелах ничего не вращалось, но призрачный аромат сосисок остался. «*Никогда больше не съем ни одной, пока жив*», — подумал я. Может быть, это касалось и стейков.

Четверо серых мужчин съежились у дальней стены. На них были мешковатые брюки и блузы, похожие на те, что носил Перси, но ни один из них им не был. При виде нас один из этих несчастных поднял свой фартук и закрыл то, что осталось от его лица. Остальные только смотрели на нас, их полустертые черты выражали разную степень смятения и испуга. Я вошел, отмахнувшись от попытки Лии повести меня дальше по коридору. Один за другим члены кухонной команды упали на колени и поднесли ладони ко лбу.

— Не-не, встаньте, — сказал я и был немного встревожен той готовностью, с которой они повиновались. — Я не желаю вам зла, но где Перси? Персиваль? Я знаю, что он был одним из вас.

Они посмотрели друг на друга, потом на меня, потом на мою собаку, потом на Йоту, неуклюже

шагавшего рядом со мной. При этом они всячески избегали глядеть на принцессу, которая снова вернулась во дворец, бывший когда-то ее домом. Наконец тот, кто закрывал лицо, отбросил фартук и шагнул вперед. Он весь дрожал. Избавлю вас от его невнятной речи — кое-как мне удалось его понять.

— Ночные солдаты пришли за ним и заключили в свои объятья. Его затрясло, а потом он потерял сознание. Они утащили его прочь. Думаю, он может быть мертв, господин, потому что их прикосновение убивает.

Я это знал, но оно не всегда убивало, иначе я был бы мертв еще несколько недель назад.

— Куда его унесли? — спросил я.

Они покачали головами, но у меня была хорошая мысль, и, если Верховный лорд хотел допросить Перси — Персиваля — он мог быть все еще жив.

Лия тем временем кое-что увидела. Она бросилась через комнату к большому кухонному столу в центре. На нем лежала пачка бумаг, перевязанная бечевкой, и гусиное перо, потемневшее от жира, с испачканным чернилами кончиком. Она схватила то и другое, потом сделала тот же нетерпеливый вращательный жест, который

говорил, что нам пора идти. Конечно, она была права, но ей пришлось смириться с небольшой экскурсией в место, которое я уже посещал. Я был в долгу перед Персивалем. Мы все были. И еще я был в долгу перед Келлином, Верховным лордом.

Я задолжал ему расплату, а, как мы все знаем, расплата — та еще сука[244].

9

Недалеко от кухни коридор заканчивался высокой дверью, обитой массивными железными полосами. На нем была надпись буквами высотой в три фута. Посмотрев в упор, я смог прочитать слова «ВХОД ВОСПРЕЩЕН». Когда я повернул голову, чтобы взглянуть на это боковым зрением, которого, к сожалению, не было у Кла, слова превратились в путаницу рунических символов — хотя я был уверен, что мои соратники отлично могли их прочитать.

Лия указала на меня. Я подошел к двери и произнес волшебные слова. С дальней стороны с грохотом отодвинулись засовы, и дверь со скрипом открылась.

---

[244] Примечания: 244

Популярное американское выражение (payback's a bitch), означающее неотвратимость возмездия.

— Надо было применить это в Малейне, — сказала Эрис. — Ты мог бы избавить нас от многих бедствий.

Я мог бы сказать, что никогда не думал об этом, что было правдой, но это было еще не все.

— Тогда я не был принцем. Я все еще был…

— Был кем? — спросила Джая.

«*Еще не превратился,* — подумал я. — *Глубь Малейн была моим коконом*».

Я был избавлен от необходимости закончить фразу. Лия поманила меня вперед одной рукой, а другой потянула за то, что осталось от моей рубашки. Конечно, она была права. Нам нужно было спешить, чтобы остановить апокалипсис.

Коридор за дверью был намного шире и увешан гобеленами, изображавшими все на свете, от пышных королевских свадеб и балов до сцен охоты и пейзажей гор и озер. Особенно мне запомнилось изображение парусного корабля, схваченного в клешни какого-то гигантского подводного ракообразного. Мы прошли не менее полумили, прежде чем достигли двойных дверей высотой не менее десяти футов. На одной половине двери был портрет старика, с шеи до пят облаченного в красную мантию. Его голову венчала корона, которую я видел на голове Губи-

теля Летучих — ошибки быть не могло. На другой половине изображалась куда более молодая женщина, тоже с короной на светлых кудрях.

— Король Ян и королева Кова, — сказала Джая. Ее голос был мягким и благоговейным. — У моей матери была подушка с их лицами. Нам не позволялось даже прикасаться к ней, не говоря уже о том, чтобы положить на нее голову.

Мне не нужно было произносить здесь имя Лии; двери открылись от одного ее прикосновения. Мы вышли на широкий балкон. Помещение внизу казалось необъятным, но трудно было сказать наверняка, поскольку было очень темно. Лия осторожно двинулась влево, скользя в тени, пока почти не скрылась из виду. Я услышал слабый скрипящий звук, за которым последовали запах газа и низкое шипение из темноты над нами и вокруг нас. Потом, сначала по одному, потом по две и по три, кругом вспыхнули газовые лампы. Их в огромном зале было, должно быть, не меньше сотни, но еще больше света давала громадная люстра со множеством рожков. Я знаю, что вы устали читать про все огромное, великолепное и необъятное. Но вам придется привыкнуть, потому что все это именно таким и было — по крайней мере до тех пор, пока мы не

добрались до кошмара клаустрофоба, о котором я скоро расскажу.

Лия покрутила маленький вентиль, и газовые лампы засветились ярче. Балкон на самом деле был галереей, на которой стояли стулья с высокими спинками. Под нами был круглый зал с полом из ярко-красных плит. В центре, на чем-то вроде помоста, стояли два трона, один немного больше другого. По залу были расставлены стулья (гораздо более мягкие, чем те, что стояли на балконе) и маленькие диванчики, на каких могла бы уютно устроиться пара влюбленных.

И все это воняло. Вонь была такой густой и отвратительной, что почти висела в воздухе. Тут и там я видел кучи сгнившей еды, в которой кое-где копошились черви, но это было еще не все. На каменных плитах повсюду лежали кучи дерьма, особенно большие на обоих тронах. Кровь, теперь высохшая до темно-бордового цвета, забрызгала стены. Под люстрой валялись два обезглавленных тела. С обеих ее сторон, словно для равновесия, свисали еще два, с искаженными лицами, съежившиеся — почти мумифицированные — от времени. Их шеи были гротескно вытянуты, но еще не оторвались от голов (уже черепов), которые должны были поддерживать.

Это было все равно что смотреть на последствия какой-то ужасной вечеринки с убийством.

— Что здесь произошло? — спросил Йота хриплым шепотом. — Высшие боги, что?

Принцесса тронула меня за руку. Ее безгубое лицо выглядело одновременно измученным и печальным. Она протянула мне один из листков, которые взяла с кухни. На одной стороне кто-то накорябал неразборчивым почерком сложный рецепт. На другой Лия вывела аккуратными буквами: «Это зал приемов моих отца и матери». Потом показала на одну из висящих мумий и написала: «Думаю, это Луддум. Канцлер моего отца.»

Я обнял ее за плечи. Она положила голову мне на руку, но тут же отстранилась.

— Им было мало убить их, не так ли? — спросил я. — Потребовалось еще осквернить это место.

Она устало кивнула, потом указала мимо меня на лестничный пролет. Мы спустились по нему, и она повела нас к другим двойным дверям, которые аоднимались по меньшей мере на тридцать футов в высоту. Хана могла бы пройти сквозь них, не пригибаясь.

Лия указала на Йоту. Он уперся ладонями в двери, наклонился вперед и распахнул их. Пока

он делал это, Лия стояла перед украшенными драгоценностями тронами, где ее мать и отец когда-то выслушивали просьбы своих подданных. Она опустилась на одно колено и приложила ладонь ко лбу. Ее слезы капали на грязные красные плиты.

Тихо, безмолвно.

10

Комната за залом приемов посрамила бы неф собора Парижской Богоматери. Эхо превратило шаги нас пятерых в марш целого батальона. Вернулись и голоса — вся эта разноголосица шепотков, полных злобы.

Прямо над нами возвышались три шпиля, похожие на огромные вертикальные туннели, полные темно-зеленых отблесков, углублявшихся до полной черноты. Пол, по которому мы шли, состоял из сотен тысяч фрагментов, составлявших огромную бабочку-монарха, и, несмотря на вандалов, разбивших мозаику, форма крыльев все еще сохранилась. Перед центральным шпилем была установлена золотая на вид платформа, из центра которой в темноту уходил толстый серебристый кабель. Рядом с ней стоял столб с большим колесом, торчащим сбоку. Лия указала

на Йоту, потом на колесо и сделала вращательное движение.

Глаз подошел, поплевал на руки и взялся за колесо. Он был сильным и крутил довольно долго, не останавливаясь. Когда он, наконец, устал, за дело взялся я. Колесо вращалось свободно, но это была тяжелая работа; минут через десять или около того я почувствовал, что проворачиваю чертову штуковину через силу, будто она застряла в клее. Кто-то похлопал меня по плечу — меня сменила Эрис. Ей удалось совершить один оборот, потом свой оборот сделала Джая — она тоже хотела быть частью команды. В этом не было ничего плохого.

— Что мы делаем? — спросил я Лию. Золотая платформа явно была лифтом, который поднимался на центральный шпиль, но она не двигалась. — И зачем мы это делаем, если Губитель Летучих спустился вниз?

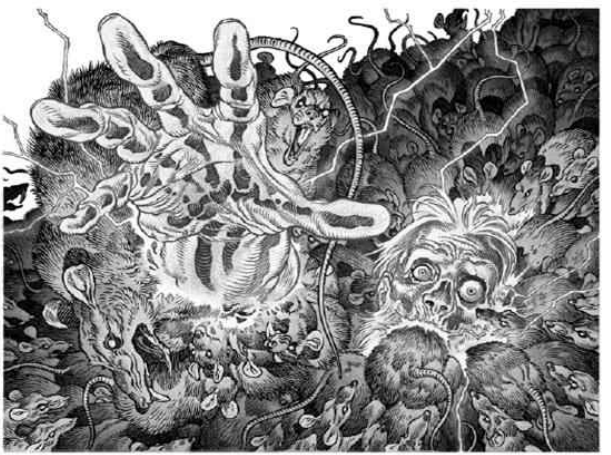
В воздухе раздалось карканье, почти слово. «Почти» тут было главным. Лия прижала руки к горлу и покачала головой, как бы говоря, что чревовещание теперь для нее слишком сложно. Потом она написала что-то на другом листке с рецептами, используя в качестве подставки спину Джаи. Чернила на кончике ее гусиного

пера почти высохли к тому времени, когда она закончила, но я смог прочитать написанное.

«*Мы должны подняться, чтобы спуститься вниз. Поверь мне*».

А какой у меня был выбор?

Глава двадцать девятая
Лифт. Винтовая лестница. Джефф. Верховный лорд. «Королева Эмписа выполнит свой долг»



1

Йота вернулся к колесу, и теперь сопротивление было настолько велико, что он кряхтел после каждой четверти оборота. Он сумел повернуть его полдюжину раз, в последний — всего на несколько дюймов. Тут откуда-то сверху донесся негромкий звонок. Он отозвался эхом и затих вдали. Лия жестом велела Глазу отступить и указала на платформу. Обвела нас жестом, потом подняла руки и заключила в воздушные объятия.

— Мы все? — спросил я. — Ты это имеешь в виду? Все вместе?

Она кивнула, потом совершила заключительный акт чревовещания, схватившись при этом за горло. Слезы боли потекли по ее щекам. Я не хотел представлять, что ее горло выстлано изнутри колючей проволокой, но ничего не мог с собой поделать.

— Собака. Середина. Сейчас.

Мы, люди, стали подниматься на платформу. Радар держалась позади, присев на корточки и выглядя обеспокоенной. Как только поднялись все, лифт начал подниматься.

— Радар! — крикнул я. — Прыгай сюда!

На секунду я подумал, что она останется внизу. Потом ее задние лапы сжались, как пружина, и она прыгнула. Ее поводок давно исчез, но на ней все еще был ошейник. Ухватившись за него, Йота втащил ее на борт. Мы переступили с ноги на ногу, освобождая для нее место посередине. Она села, посмотрела на меня снизу вверх и заскулила. Я знал, что она чувствовала. На площадке едва хватало места для всех нас, даже тесно прижавшихся друг к другу.

Лифт поднимался. На высоте шести футов мы еще могли бы спрыгнуть, не причинив себе вреда, на двенадцати футах могли бы спрыгнуть, не разбившись насмерть. Потом мы достигли восемнадцати футов, и о прыжке можно было забыть.

Глаз стоял с краю, пальцы его ног нависали над бездной. Я был на другом краю, и мои ступни по крайней мере на четверть торчали снаружи. Эрис, Джая и Лия сгрудились вокруг Радар, Лия фактически оседлала ее. Теперь пол должен был находиться примерно в семидесяти футах под нами. Воздух был пыльным, и я подумал, что если вдруг начну чихать, то могу упасть, что стало бы весьма позорным финалом для обещанного принца.

Голоса шептали и шептали, сплетаясь между собой. Один из них, который я ясно слышал, сказал: «*Мозг твоего отца пожирает сам себя*».

Джая начала раскачиваться, закрыв глаза.

— Не люблю высоту, — сказала она. — Мне она никогда не нравилась, даже чердак в амбаре. О, я не могу этого сделать, отпустите меня.

Она начала отбиваться от чего-то невидимого, толкнув Эрис, которая врезалась в Йоту, чуть не сбросив его с края. Радар залаяла. Если бы она запаниковала и стала вертеться, Лия упала бы. И я тоже.

— Держи эту женщину, Эрис, — прорычал Йота. — Держи ее на месте, пока она не убила нас всех.

Эрис потянулась через Радар — и через Лию, которая согнула колени, полуприсев, — и заключила Джаю в объятия.

— Закрой глаза, дорогая. Закрой глаза и представь, что все это сон.

Джая закрыла глаза и обняла Эрис за шею.

Воздух здесь был холоднее, но я был скользким от пота. Меня начала бить дрожь. «*Больной,* — прошептал голос, прошелестевший мимо меня, как прозрачный шарф. — *Шатается и скользит, скользит и падает*».

Каменный пол подо мной теперь был просто маленьким квадратиком во мраке. Ветер дул все сильней, и то каменные, то стеклянные стены шпиля скрипели вокруг нас.

«*Больной,* — шептали все новые голоса. — *Шатается и скользит, скользит и падает. Наверняка упадет*».

Мы продолжали подниматься, что казалось мне безумием, учитывая, что где-то под нами был Губитель Летучих, но теперь было слишком поздно менять курс. Я мог только надеяться, что Лия знала, что делает.

Мы миновали массивные опоры из обработанного камня, покрытого дюймовым слоем пыли, и теперь по обе стороны от нас было зеленое стекло. Черные силуэты судорожно извивались в нем, исчезая внутри.

А потом, внезапно, платформа остановилась.

Над нами сужался шпиль, погруженный во тьму. Я мог что-то разглядеть там, наверху, может быть, лестничную площадку, но это было по меньшей мере в сорока футах над остановившейся платформой, где мы столпились вокруг моей собаки, готовой убежать в любую секунду. Под нами простиралась бесконечность пустого воздуха.

— Что происходит? — спросила Эрис. — Почему

мы остановились? — Ее голос был тонким от ужаса. Джая дернулась в ее руках и снова толкнула Йоту. Он дико замахал руками, чтобы удержать равновесие.

— Как, черт возьми, мы должны спуститься — вот в чем вопрос, — прорычал он. — Это то, что называется затруднением!

Лия с тревогой смотрела вверх, проводя глазами по серебряному кабелю.

— Скажите мне, что это еще не конец истории, — сказал Глаз и, как ни удивительно, — рассмеялся. — Мы висим на высоте четырехсот футов, сбившись в кучу, как скот.

Я подумал о том, чтобы крикнуть «*Поднимайся во имя Лии из Галлиенов*», знал, что это абсурдно, и все равно собирался попробовать, когда платформа снова ожила. На этот раз я взмахнул руками, чтобы не свалиться за борт. Думаю, я бы все равно упал, если бы Лия не обхватила меня рукой за шею. Ее хватка была достаточно сильной, чтобы на несколько секунд перекрыть мне доступ воздуха, но в этих обстоятельствах жаловаться было бы невежливо.

Радар вскочила, и мы все закачались в унисон. Платформа, казалось, действительно сжималась вокруг нас. Изогнутые стены шпиля теперь были

так близко, что их почти можно было коснуться. Я смотрел на приближающуюся лестничную площадку и молился, чтобы она оказалась в пределах досягаемости до того, как лифт уедет вверх или начнет опускаться.

Ни того, ни другого не произошло. Платформа с легким стуком остановилась точно возле площадки, раздался еще один звонок — здесь, наверху, он звучал громче — и Радар спрыгнула, хорошенько ударив Лию задом и оттолкнув ее к Эрис и Джае. Они опасно балансировали над пустотой. Я схватил Лию одной рукой, а Джаю — другой. Йота толкнул Эрис, и мы вывалились с платформы друг на друга, как клоуны из маленькой машины в цирке. Йота начал смеяться, я присоединился к нему. Эрис и Джая тоже смеяться, хотя Джая при этом еще и плакала. Было довольно много объятий.

Лия уткнулась лицом в спину Радар и протянула ко мне одну руку. Я взял ее и сжал. Она сжала мою в ответ.

— Я хотел бы кое-что узнать, — сказала Йота. — Узнать, где, черт возьми, мы находимся и зачем, черт возьми, мы сюда пришли.

Я указал на Лию и пожал плечами. Это было ее дело, не мое.

2

Площадка была маленькой и без перил, но мы смогли разместиться на ней безопаснее, чем на платформе из чистого золота размером шесть на шесть футов. Теперь эта платформа начала опускаться вниз, оставив нас застрявшими наверху.

Лия указала направо от себя. Йота был с краю, и первым направился в ту сторону, поглядывая вниз на темный обрыв и спускающуюся туда платформу. Мы последовали за ним, держась за руки, как кучка бумажных кукол. Вероятно, это было неразумно, ведь если бы кто-то из нас потерял равновесие, мы все могли бы упасть с обрыва, но это нас не остановило.

В конце площадки была низкая арка. Йота наклонился, отпустил руку Эрис и, пригнувшись, шагнул внутрь. Следующей была Радар, потом Джая и Лия. Я прошел последним, бросив последний взгляд на спускающуюся платформу, которая теперь почти скрылась из виду.

По другую сторону арки был еще один изогнутый мостик, а под ним — еще одна пропасть. Мы добрались почти до самой верхушки центрального шпиля, а теперь оказались наверху того, что был справа. Лия прошла в голову нашего ма-

ленького шествия, каждый из нас поддерживал ее за талию, пока она проходила. Я мог слышать быстрое дыхание, входящее и выходящее из ее носа. Я задавался вопросом, сколько сил ей потребовалось, чтобы сказать все, что она сказала, и когда она в последний раз ела. К этому времени она, наверное, была на пределе сил — но тогда это было верно для всех нас.

— Разве ты не рада, что пришла сюда? — прошептал я Джае, когда мы снова начали двигаться, пробираясь теперь вокруг верхушки второго шпиля.

— Лучше заткнись, мой принц, — прошептала она в ответ.

Мостик заканчивался у другой арки на дальней стороне шпиля, на этот раз закрытой деревянной дверью высотой не более пяти футов. Здесь волшебные слова не понадобились: Лия отодвинула засов наверху и двумя руками повернула тяжелую ручку. Не возникало сомнений, что она бывала здесь раньше. Я мог представить, как она и Элден, младшие в семье и чаще всего предоставленные самим себе, исследуют дворец, раскинувшийся на территории семидесяти или ста акров и открывают его древние секреты, бросая вызов смерти на этой платформе (и как

только они смогли повернуть колесо, которое приводило его в действие?) и Бог знает в скольких еще опасных местах. Удивительно, что они не погибли во время одного из своих путешествий. Следом за этой мыслью пришла другая — для всех нас было бы лучше, если бы Элден умер тогда.

Как только дверь открылась, мы смогли услышать шум ветра снаружи дворца. Его непрестанные низкие стоны заставили меня вспомнить звуки, которые издавала Хана, держа на руках тело убитой дочери. На площадке за дверью мог уместиться одновременно только один человек (или, подумал я, двое маленьких любопытных детей, стоящих близко друг к другу).

Лия пошла первой. Я последовал за ней и увидел, что мы находимся на вершине узкого колодца, который, казалось, доходил до самого низа. Слева от нас была стена из каменных блоков. Справа — неровное зеленое стекло с теми же черными капиллярами, лениво плавающими вверх и вниз. Стекло было толстым и темным, но сквозь него проникало достаточно дневного света, чтобы я мог разглядеть путь вниз: узкую лестницу, закручивающуюся вокруг колодца тугой спиралью. Перил на ней тоже не было. Протянув руку, я коснулся пальцами стекла. Ре-

зультат был поразительным: черные усики тут же сбились в облако и потянулись навстречу моему прикосновению. Я поспешно отдернул руку, и усики возобновили свое ленивое плавание.

«*Эти твари видят нас или чувствуют*, — подумал я. — *И они голодны*».

— Не прикасайтесь к стеклянной стене, — сказал я остальным. — Не думаю, что они смогут пробиться через нее, но раздражать их не стоит.

— А что значит «раздражать»? — спросила Джая.

— Неважно, просто не прикасайся к стене.

Лия, уже спустившаяся на полдюжины ступеней вниз, снова сделала вращательный жест, будто судья, объявляющий о хоум-ране.

Мы начали спуск.

3

Лестница оказалась лучше, чем платформа — менее пугающая, но все равно опасная. Ступени были крутыми, и у всех нас (возможно, кроме Радар) от постоянного хождения по кругу кружилась голова. Смотреть вниз, в центр спирали, было плохой идеей; это усиливало головокружение. За нами с Лией шли Радар, Йота и Джая, а Эрис замыкала шествие.

Спустившись примерно на сотню ступенек, мы подошли к еще одной низкой двери. Лия миновала ее, но мне стало любопытно. Я заглянул в длинную комнату, затхлую и пыльную, заполненную смутными силуэтами вещей, часть которых была накрыта простынями. Мысль о том, что я вижу огромный чердак, сперва изумила меня, но потом я понял, что такой должен быть в каждом дворце. Их просто не утруждаются помещать в сборники сказок.

Спустившись дальше — стеклянная стена становилась толще, а свет тусклее — мы достигли еще одной двери. Открыв ее, я увидел коридор, освещенный несколькими раздраженно шипящими газовыми лампами. Еще больше ламп не горело. На полу валялся гобелен, скомканный и пыльный.

— Лия, подожди.

Она повернулась ко мне, подняв руки ладонями наружу — знак внимания.

— Будут ли на нашем пути еще двери? Которые выходят в разные части дворца? Может быть, в жилые комнаты?

Она кивнула, потом снова сделала вращательный жест, говорящий, что мы должны двигаться дальше.

— Подожди. Знаешь ли ты квартиру, которая освещается электричеством, а не газовым светом? — думаю, на самом деле я спросил, знает ли она такие палаты. Но озадаченной она казалась не поэтому. Слово «электричество» было ей незнакомо так же, как Джае «раздражение».

— Волшебные огни, — сказал я.

Это Лия поняла. Она подняла три пальца, подумала, потом подняла четвертый.

— Почему мы остановились? — спросила Джая. — Я хочу вниз.

— Придержи коней, — сказала Йота. — Я знаю, о чем он говорит. Или, по крайней мере, думаю, что знаю.

Я хотел спросить Лию, установил ли волшебные огни и генератор для их питания мистер Боудич, но уже знал ответ. *Трусы приносят подарки*. Но, судя по тому, что я видел, он сделал это давным-давно, вероятно, когда был еще Адрианом, а не Говардом.

Один из люксов, освещенных электричеством, которое вырабатывали рабы, почти наверняка принадлежал раньше покойным королю и королеве, но меня интересовал не он.

Лия не просто указала вниз на узкую спираль лестницы — она несколько раз ткнула в нее

пальцем. У нее на уме было только две вещи: найти Губителя Летучих прежде, чем он сможет открыть Колодец Тьмы, и убедиться, что этот узурпатор не ее брат. Я стремился к этому так же сильно, как и она, но меня заботило и кое-что еще. В конце концов, я побывал в персональном аду Глуби Малейн, так же как Йота и две женщины, которые решили пойти с нами.

— Подожди, Лия. Выслушай меня сейчас. Помнишь ли ты анфиладу комнат, освещенных волшебными огнями, в одной из которых стоял синий бархатный диван? — она не подала виду, что поняла, но я вспомнил кое-что еще. — А как насчет стола с инкрустацией? На нем изображен единорог, который выглядит так, как будто танцует. Это ты помнишь?

Ее глаза расширились, и она кивнула.

— Есть ли на этой лестнице дверь, которая ведет в те жилые помещения?

Она уперла руки в бедра — меч на одном, кинжал на другом — и посмотрела на меня с раздражением. Потом ткнула пальцем вниз.

Я перешел на местный диалект, который выучил в Малейне.

— Не-не, миледи. Сперва скажи, можем ли мы попасть отсюда в ту часть дворца. Говори!

Она неохотно кивнула.

— Тогда отведи нас туда. У нас еще много дневного света, — на самом деле следовало сказать «немного дневного света», — и есть другие дела, кроме твоих.

— Какие дела? — спросила Джая у меня за спиной.

— Я думаю, что там мы найдем Верховного лорда.

— Тогда нам необходимо пойти туда, — сказала Эрис. — Ему за многое нужно ответить.

«*Чертовски верно*», — подумал я.

4

Продолжая спуск, мы миновали еще три двери, и я уже начал думать, что Лия собралась обойти уютное гнездышко Келлина — его *наэлектризованное* уютное гнездышко. Потом она остановилась у другой двери, открыла ее и испуганно отступила назад. Я приобнял ее одной рукой, а другой вытащил пистолет 45-го калибра, принадлежавший мистеру Боудичу. Прежде чем я успел заглянуть в дверь, Радар поспешила мимо меня, виляя хвостом. Лия приложила ладонь ко лбу, не в знак приветствия, а рассеянным жестом женщины, которая чувствует, что ее неприятно-

сти никогда не кончатся.

В коридоре, ровно за тем местом, где его могла бы зашибить открывшаяся дверь, сидел Снаб. Увидев его шевелящиеся усики, Радар завиляла хвостом. Потом она легла на живот, и Снаб вскочил ей на спину.

Йота зачарованно смотрел через мое плечо.

— Вы и правда успеваете повсюду, сэр Снаб! Как вы нас нашли?

У меня была идея на этот счет. Клаудия могла слышать в голове слова Снаба, и не исключено, что это была улица с двусторонним движением. Если все обстояло не так, то Снаб, возможно, отслеживал нас с помощью своего рода телепатического джи-пи-эс. Эта идея была безумной, но что может быть безумнее, чем русалка, наделенная такой же способностью? Или солнечные часы, возвращающие молодость?

Что касается того, как Снаб появился здесь, то я предполагал, что Лия была не единственной, кто знал тайные ходы дворца, и сверчок, даже такой большой, мог легко проникнуть туда, куда не мог пройти человек. Это я видел сам — в Глуби Малейн.

— Зачем он здесь? — спросила Эрис. — Чтобы показать нам путь?

Если так, то он пришел напрасно, потому что я и так знал, где мы находимся, хотя Аарон приводил меня сюда другим путем. Тот же широкий коридор с газовыми лампами, заключенными в причудливые стеклянные колпаки. Те же гобелены, те же мраморные статуи, хотя та, что напомнила мне Ктулху, упала на пол и раскололась пополам — что, на мой взгляд, не было такой уж большой потерей.

Уперев руки в колени, я опустил лицо так, что оно почти коснулось головы Снаба. Он бесстрашно смотрел на меня со своего места на шее Радар.

— Почему ты здесь? Ты ждал нас? Какое у тебя к нам дело?

Клаудия что-то говорила о том, что для беседы со сверчком необходимо очистить мозги. Я попытался очистить свои, и, думаю, у меня неплохо получилось, учитывая обстоятельства и нехватку времени, но оказалось, что Снаб посылает телепатические сообщения не на моей волне.

Однако кое-кто из нас смог их уловить.

Джая сказала:

— Принц Чарли, Снаб желает тебе всего наилучшего и надеется на наш успех.

Я не думал, что она все это выдумывает, но предположил, что эти слова могли отражать ее

собственные желания. Однако сразу после этого она сказала кое-что еще, что заставило меня передумать.

Выслушав ее, Йота ухмыльнулся, обнажив несколько дырок в своем зубном наборе.

— Правда? — он сказал. — Я попаду в дерьмо? (это было не то, что он сказал, а то, что я услышал.) — Что ж, Чарли, позволь мне позаботиться об этом. В знак одолжения тому, кто провел в Глуби Малейн гораздо больше времени, чем ты.

Я разрешил ему. Если бы я знал, что случится дальше, то взял бы это разрешение обратно и использовал 45-й калибр, но я не знал. Не знал и Снаб, иначе он наверняка сказал бы Джае. Мысли об этом помогают, но недостаточно хорошо. За всю историю мира — всех миров — незнание никогда не извинило ни одной ошибки.

5

За пьедесталом, на котором прежде стояла статуя ужасного существа со щупальцами, в обшивке была дыра приличных размеров, заставившая меня вспомнить неисправную газовую лампу в Глуби Малейн. В пустотах за стеной завывал ветер, оттуда вырывался дурно пахнущий воздух.

— Вот откуда взялся маленький лорд — это

так же верно, как то, что из сливок получается масло, — сказал Йота. Он возглавлял нашу процессию, Лия следовала за ним. Я попытался идти рядом с ней, но она рванула вперед, даже не взглянув на меня. Ее место заняла Радар, Снаб все еще восседал у нее на спине. Джая и Эрис замыкали шествие. Мы миновали цепь зеркал в золотых рамах, которые я тоже запомнил, и наконец подошли к двери из красного дерева, ведущей в апартаменты Верховного лорда. Поскольку они были одними из немногих, освещавшихся электричеством, я предположил, что когда-то эти покои могли принадлежать Луддуму, канцлеру короля Яна, но так и не узнал этого точно.

Лия вытащила свой кинжал, а я — 45-й калибр, но нас обоих опередил Йота. Посмотрев на Лию, он одними губами спросил:

— Он за дверью?

Она кивнула. Йота постучал в дверь большими грязными костяшками пальцев:

— Есть кто-нибудь дома? Можно войти?

Не дожидаясь ответа, он повернул ручку (золотую, конечно) и ударил в дверь плечом. Она подалась назад, но не открылась, и за ней послышалось чье-то кряхтение. Йота потянул ручку на себя, потом снова ударил в дверь. Кряхтение

повторилось. Третий удар, четвертый — кряхтение прекратилось — потом пятый. Радар залаяла. Когда Глаз снова потянул дверь на себя, человек, который держал ее, свалился на толстый красный ковер, покрывавший пол прихожей. Его лоб, нос и рот были в крови, в одной руке он сжимал длинный нож. Когда он поднял лицо, чтобы взглянуть на нас, я узнал одного из гостей вип — ложи — того, со шрамом на щеке, который шептался с Петрой. Он поднял нож и взмахнул им, неглубоко оцарапав волосатую голень Йоты.

— Не-не, ничего подобного, детка, — сказал Глаз и наступил на запястье мужчины со шрамом, давя до тех пор, пока рука не разжалась и нож не выпал на ковер. Я поднял его и засунул за пояс мистера Боудича, напротив кобуры.

Лия опустилась на колени рядом с человеком со шрамом. Узнав ее, он улыбнулся. Из его разбитых губ сочилась кровь.

— Принцесса Лия! Я Джефф. Однажды я наложил повязку на твою руку, когда ты ее порезала — помнишь?

Она кивнула.

— А однажды я вытащил твою маленькую тележку с пони из колдобины. Нас там было трое, но я любил тебя особенно сильно и тянул усерднее

остальных. Это ты тоже помнишь?

Она снова кивнула.

— Кдянусь, принцесса, я никогда не хотел участвовать во всем этом. Ты отпустишь меня в память о старых временах, когда ты была маленькой, а Лилимар оставался прекрасен?

Кивком она подтвердила, что отпустит его, и по самую рукоять вонзила кинжал прямо в его выпученный глаз.

6

В тот день в покоях не было электричества, но человек со шрамом — Джефф или, может быть, Джофф — включил часть газовых ламп, чтобы лучше сделать свою грязную работу. Думаю, он не ожидал, что мы узнаем, где он нас подстерегает, и что нас будет пятеро. Не считая Снаба, сверчка-ковбоя, восседающего на спине моей собаки.

Эрис нашла маленький латунный рычажок, который регулировал газ, и зажгла лампы на полную мощность. Келлина мы нашли в соседней комнате лежащим на огромной кровати с балдахином. В комнате было темно. Его руки были сложены на груди, волосы зачесаны назад, и на нем был тот же красный бархатный смокинг, что и в тот день, когда он допрашивал меня. Над ним

мерцала легкая голубая дымка, просачивавшаяся из-под его закрытых век. Он не пошевелился, когда мы подошли и встали вокруг его украденной кровати. Никогда еще этот старик не выглядел таким мертвым, и скоро должен был стать таким окончательно. Я не знал, есть ли водопровод в ванной, которую видел слева от комнаты, но там наверняка был насос. Моему старому другу Верховному лорду явно не помешала бы хорошая ванна.

Джая и Эрис задали вопросы одновременно. Джая: «Куда делся Снаб?» Эрис: «Что это за звук?»

Это была смесь шуршания и писка, дополняемая иногда быстрым, резким шипением. Когда звук приблизился, Радар начала лаять. Заметил ли я, как побледнел Йота, когда повернулся в сторону гостиной, чтобы посмотреть, что будет дальше? Думаю, да, но не уверен в этом. Большая часть моего внимания была прикована к двери спальни. Снаб запрыгнул в нее двумя пружинистыми прыжками, а потом отскочил в сторону. На его месте появились скрытые обитатели дворцовых стен и темных мест — поток огромных серых крыс. Джая и Эрис завизжали. Лия не могла этого сделать, но попятилась к стене, широко раскрыв глаза и подняв руки к шраму возле рта.

Я не сомневался, что крыс вызвал Снаб. В конце концов, он был повелителем мелких тварей, хотя многие из крыс были крупнее него.

Мы все отступили от кровати. Йота споткнулся, и я поддержал его. Он учащенно дышал, и я должен был тогда понять, что с ним что-то не так, но я наблюдал за крысами. По свисающим на пол простыням они стали карабкаться на тело Верховного Лорда. Его глаза раскрылись — такие яркие, что на них было почти невозможно смотреть. Аура вокруг него из бледно-голубой быстро потемнела до глубокой синевы. Достигнув ее, первая волна крыс мгновенно поджарилась. Вонь горелого мяса и тлеющей шерсти была ужасной, но они не останавливались. Новые солдаты ползли вверх по телам своих мертвых товарищей, пища и кусаясь. Келлин изо всех сил пытался сбросить их с себя. Из клубящейся крысиной тучи поднялась рука и начала бить по кровати. Одна крыса вцепилась в его большой палец, раскачиваясь взад-вперед, как маятник, ее хвост обвился вокруг костлявого запястья. Крови не было, потому что Келлину нечем было кровоточить. Я мог видеть редкие проблески синего света под телами крыс, сплошь покрывших его. Он пронзительно вскрикнул, когда крыса размером со

взрослого кота оторвала ему верхнюю губу, обнажив скрежещущие зубы. А крысы все прибывали, вбегая в дверь спальни и взбираясь по кровати, пока Верховный лорд не оказался погребен под живым одеялом из меха, хвостов и зубов.

Рядом со мной раздался глухой удар, когда Йота рухнул в углу комнаты, напротив того места, где съежились три женщины и лаяла Радар. Лия обеими руками удерживала собаку за холку. Белая пена, выступившая из углов рта Йоты, стекала по его подбородку. Он посмотрел на меня и попытался улыбнуться.

— Пои…

На мгновение мне показалось, что он говорит о гавайском деликатесе[245]. Но потом я понял слово, которое он не смог закончить.

Раздался приглушенный взрыв и вспышка света. Крысы — частью обугленные, частью только тлеющие — разлетелись во все стороны. Одна ударилась мне в грудь и сползла по изодранной рубашке, оставляя за собой след из внутренностей. Те из женщин, что обладали голосом, снова закричали. Я услышал, как Снаб издал характерный для сверчков стрекот. Крысы

---

[245] Примечания: 245
Пои — гавайское блюдо из размятых в кашу печеных клубней таро.

сразу повиновались, развернулись и утекли обратно тем же путем, каким пришли, оставив за собой сотни мертвых тел. Кровать Келлина была сплошь покрыта кишками и пропитана крысиной кровью. От самого Верховного лорда отались только разбросанные кости под ухмыляющимся черепом, криво лежащим на шелковой подушке.

Я попытался поднять Йоту, но он был слишком тяжел для меня.

— Эрис! — крикнул я. — Глаз упал! Помоги мне! Ему плохо!

Она бросилась ко мне сквозь иссякающий поток крыс, подпрыгивая и вскрикивая, когда они пробегали по ее ногам — но ни одна из них не укусила ни ее, ни кого-то еще из нас. Лия последовала за ней. Джая помедлила, потом тоже подошла.

Я поднял Йоту под мышки. Эрис взяла одну его ногу, Лия — другую. Мы несли его, стараясь не споткнуться о последних крыс, включая одну, у которой не было задней ноги, но она из последних сил хромала за своими собратьями.

— Извини, — сказал Йота. Его голос, с хрипом вырывавшийся из горла, становился все тише. Изо рта текла пена. — Извини, я хотел скорее покончить со всем этим…

— Заткнись и побереги силы.

Мы уложили его на длинный синий диван. Он начал кашлять, обрызгав пеной лицо Лии, когда она опустилась на колени, чтобы убрать волосы с его вспотевшего лба. Джая взяла со стола с единорогом салфетку или что-то подобное и стала обтирать ему лицо. Лия, казалось, этого не замечала — ее глаза были прикованы к Йоте. Я увидел в них то, чего не замечал прежде — доброту, жалость и милосердие.

Он попытался улыбнуться ей, потом взглянул на меня.

— Это было на лезвии его ножа… Старый трюк.

Я кивнул, думая о том, как небрежно я засунул этот нож за пояс кончо. Если б я порезался хотя бы немного, Глаз был бы не единственным, у кого бы шла пена изо рта.

Он поглядел на Лию. Очень медленно поднял руку, как будто она весила сотню фунтов, и тыльной стороной ладони коснулся лба.

— Моя… королева. Когда придет время… исполни свой долг, — рука упала.

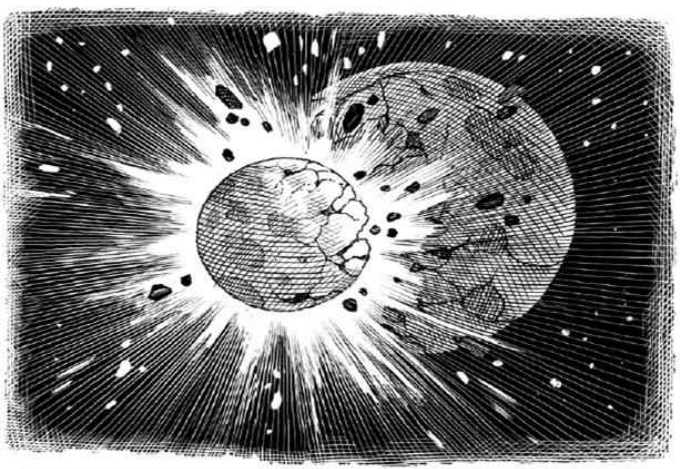
Так умер Йота, которого я впервые увидел цепляющимся за прутья своей камеры, как обезьяна. Как бы много он ни пережил и каким бы сильным ни был, ему хватило одного лишь маленького пореза на голени, чтобы расстаться с жизнью.

Глаза его по-прежнему были открыты. Лия закрыла их, наклонилась и прижалась язвой возле рта к его заросшей щетиной щеке. Это было лучшим, что она могла сделать вместо поцелуя. Потом она встала и указала на дверь. Мы последовали за ней, обойдя трупы нескольких крыс, умерших по пути к выходу. Прежде чем выйти в коридор, она остановилась, оглянулась и прижала руки к горлу.

Йота заговорил в последний раз, как говорили Фалада и Снаб.

— *Королева Эмписа выполнит свой долг. Клянусь вам.*

Глава тридцатая
Еще одна остановка. Темница. Решительная. Невозможные звезды. Колодец Тьмы. Гогмагог. Укус



1

По следу мертвых и раненых крыс мы подошли к дыре в обшивке; Эрис помогла той из них, что ковыляла на трех лапах, забраться внутрь, потом поморщилась и вытерла руки о рубашку (что вряд ли принесло много пользы, поскольку она вся была выпачкана в грязи и крови). Мы подошли к двери, выходящей на винтовую лестницу, которая, как я предположил, могла быть чем-то вроде запасного выхода для королевской семьи на случай пожара. Я тронул Лию за плечо.

— Прошу тебя остановиться еще раз, прежде чем мы отправимся за Губителем Летучих, — сказал я. — На уровне Глуби Малейн и камеры пыток. Покажешь нам, где это?

Она не стала протестовать, только устало кивнула. На щеке у нее еще виднелся след от кровавой пены. Я протянул руку, чтобы вытереть ее, и на этот раз она не отпрянула.

— Спасибо. Там может быть кто-то, кто помог нам…

Она отвернулась прежде, чем я успел закончить. За пределами дворца Вуди, Клаудия и их

сторонники — к тому времени они могли бы вырасти до размеров настоящей армии — вероятно, уже вошли в город. Если там была казарма, где спали оставшиеся ночные солдаты, серые, может быть, убивали их прямо сейчас, и слава Богу, но время здесь текло странным образом, и не было волшебных солнечных часов, чтобы повернуть его вспять.

Мы спускались по лестнице — вниз и вниз, круг за кругом. Никто из нас не произнес ни слова. Смерть Йоты легла на нас тяжким грузом. Даже Радар почувствовала это. Она не могла идти рядом со мной — лестница, по которой мы спускались, была слишком узкой, — но шла сразу следом, тыкаясь носом мне в ногу, поджав уши и опустив хвост. Воздух становился все холоднее. Вода сочилась из лишайника, окутавшего каменные блоки, которые были уложены сотни лет назад. «*Нет,* — подумал я, — *гораздо раньше. Может быть, тысячи*».

Потом я почувствовал какой-то запах, очень слабый.

— Высокие боги, — сказала Эрис и рассмеялась безрадостным смехом. — Колесо повернулось, и вот мы здесь, вернулись туда, откуда пришли.

По пути вниз мы миновали еще несколько

дверей, некоторые были большими, некоторые поменьше. Лия остановилась у самой маленькой, показала на нее, потом спустилась еще на несколько ступенек, чтобы уступить мне место. Я подергал дверь, и она открылась. Мне пришлось согнуться почти вдвое, чтобы войти внутрь. Я очутился на кухне, которая казалась чуть больше чулана по сравнению с той, мимо которой мы проходили по пути сюда. Здесь были только одна закопченная плита без духовки и длинный низкий гриль, вероятно, работавший на газе, но сейчас выключенный. На нем лежал ряд сосисок, обгоревших до черноты.

Джая издала звук, напоминавший нечто среднее между кашлем и рвотой. Думаю, она вспомнила все наши завтраки и обеды здесь, особенно те, что были перед «игровым временем» и первым раундом Честных игр. Я читал о ПТСР[246], но читать о чем-то и понимать это — очень разные вещи.

На полке рядом с грилем стояла жестяная кружка, похожая на те, что были у нас в камерах, только у этой не было отверстия в дне, к которо-

[246] Примечания: 246

Посттравматическое стрессовое расстройство (ПТСР) — тяжелое психическое состояние, возникающее в результате событий, оказавших сильное негативное воздействие на психику человека.

му нужно было прикладывать палец. Она была наполнена серными спичками, похожими на те, что дал мне Перси. Я взял пригоршню, и поскольку у меня не было карманов, заткнул свой 45-й калибр за пояс кончо и сунул спички в кобуру.

Лия подвела нас к двери, выглянула наружу, потом жестом пригласила следовать за ней, покрутив пальцами, как и раньше — *быстрее, быстрее*. Я задавался вопросом, сколько времени прошло. Конечно, все еще был день, но какое это имело значение, если Белла и Арабелла уже поцеловались на другом конце мира? Я догадывался, что Губитель Летучих уже был у Колодца Тьмы. В ожидании, когда тот откроется, чтобы он мог попытаться заключить еще одну сделку с жившим там существом, либо не зная об ужасных событиях, которые могли из-за этого произойти, либо не заботясь о них. Я думал, что последнее более вероятно. Элден из рода Галлиенов, Элден Губитель Летучих, раздувшийся, алчный, зеленолицый гоблин, ждущий часа, чтобы призвать тварь из другого мира в этот — а потом, возможно, и в мой. Я думал уже попросить Лию не вести нас в камеру пыток. Перси — *Персиваля* — могло и не быть там, или он мог быть уже мертв. Конечно, остановить Губителя Летучих было куда важнее.

Эрис коснулась моего плеча:

— Принц Чарли… Ты уверен? Разумно ли это?

Да, это было неразумно. Вот только без Персиваля — человека с серой болезнью, настолько поразившей его, что он едва мог говорить, — никого из нас здесь бы не было.

— Мы пойдем туда, — коротко сказал я.

Эрис прикоснулась ладонью ко лбу и больше ничего не сказала.

2

Я узнал проход, где Лия ждала нас, переминаясь с ноги на ногу, нервно сжимая и разжимая руку на рукояти своего меча. Справа от маленькой кухни был путь в подземелье. Слева, недалеко отсюда, находилась камера пыток.

Я побежал вперед, оставив остальных позади. За исключением Радар, которая мчалась рядом со мной, свесив язык из угла пасти. Это оказалось дальше, чем я запомнил. Когда я добрался до открытой двери камеры, я оставался там достаточно долго, чтобы произнести про себя слова, которые были не совсем молитвой — просто *пожалуйста, пожалуйста*. Потом вошел внутрь.

Сначала я подумал, что там пусто — если, конечно, Персиваль не был заперт в «Железной

деве». Но если бы это было так, оттуда наверняка текла бы кровь, а ее не было. Потом куча тряпья в дальнем углу зашевелилась. Он поднял голову, увидел меня и попытался улыбнуться тем, что осталось от его рта.

— Перси! — крикнул я и подбежал к нему. — Персиваль!

Он изо всех сил пытался отдать мне честь.

— Нет, это я должен приветствовать тебя. Ты можешь стоять?

С моей помощью он смог подняться на ноги. Я подумал, что он обернул одну из своих рук грязным рукавом блузы, которая была на нем, но когда присмотрелся повнимательнее, то увидел, что рукав обмотан вокруг его запястья и туго завязан, чтобы остановить кровотечение. Я мог видеть темное, покрытое коркой пятно на камнях там, где он лежал. У него не было руки — какой-то ублюдок отрубил ее.

Подошли остальные. Джая и Эрис остались в дверях, но Лия вошла внутрь. Увидев ее, Персиваль поднес оставшуюся руку ко лбу. Он начал плакать.

— *Хинце,* — это было самым близким вариантом слова «принцесса», какой он мог произнести.

Перси попытался встать на колени и упал бы,

если бы я не поддержал его. Он был грязным, окровавленным и изуродованным, но Лия обвила руками его шею и прижала к себе. Я полюбил бы ее только за это, если бы не было ничего другого.

— Можешь идти? — спросил я его. — Если ты будешь делать это не спеша и отдыхать, когда устанешь? Потому что мы спешим. *Очень* спешим.

Он кивнул.

— Сможешь найти выход?

Он снова кивнул.

— Джая! — сказал я. — Здесь ты расстанешься с нами. Проводи Персиваля. Иди с ним и давай ему отдохнуть, сколько нужно.

— Но я хочу…

— Мне все равно, чего ты хочешь — это то, что мне нужно от тебя. Вытащи его из этой… этой ямы. К тому времени здесь уже будут другие. — «*Хорошо бы так и было*», — подумал я. — Отведите его к Клаудии или Вуди и окажите медицинскую помощь. — «Медицинская помощь» было не тем, что я сказал, но Джая кивнула.

Я обнял Персиваля, как это сделала Лия.

— Спасибо, мой друг. Если у нас все получится, тебе обязательно поставят памятник.

«*Может быть, с бабочками, сидящими на рас-*

кинутых руках», — подумал я и пошел к двери. Лия уже была там и ждала.

Джая обняла его одной рукой.

— Я буду с тобой все время, Перси. Только веди меня.

— *Рин!* — сказал Персиваль, и я повернулся к нему. Он прилагал невероятные усилия, чтобы говорить четко. — *Битль там!* — он указал на дверь. — *Ще тыр! Тма! И дма!* — указал на Лию. — *На най уть!* — теперь он указывал вверх. — *Элла и Арэлла! Ско! Ско!*

Я посмотрел на Лию.

— Ты поняла его?

Она кивнула. Ее лицо было мертвенно-бледным. Язва, через которую она принимала пищу, темнела на нем, как родимое пятно.

Я повернулся к Эрис.

— А ты?

— Губитель Летучих, — сказала она. — С ним еще четыре человека. Идут во тьму. Или, может, он сказал «ведьма». Тогда, думаю, он имеет в виду Петру, эту сучку с родинкой на лице, которая сидела рядом с ними в ложе. Еще он сказал, что принцесса знает дорогу. И что-то о Белле и Арабелле.

— Что они скоро поцелуются, — сказала Джая,

и Персиваль кивнул.

— Позаботься о нем, Джая. Уведи его отсюда.

— Я так и сделаю, если он действительно знает дорогу. И сделай так, чтобы я тебя снова увидела. И всех вас. — Она наклонилась и быстро погладила Радар по голове, будто прощаясь.

3

Лия отвела нас с винтовой лестницы к другому коридору. Она остановилась у двери, открыла ее, покачала головой и пошла дальше.

— Она действительно знает, куда идет? — прошептала Эрис.

— Думаю, да.

— Ты просто на это надеешься.

— Прошло уже много времени с тех пор, как она была здесь.

Мы подошли к еще одной двери. Ничего. Потом к еще одной. Заглянув в эту комнату, Лия поманила меня пальцем. Там было темно, и она указала на кобуру со спичками, который я взял на кухне. Я попытался зажечь одну из них о зад своих штанов — классный трюк, который я видел у какого-то старого ковбоя в фильме на ТКМ. Когда это не сработало, я зажег ее о грубый камень рядом с дверью и поднял вверх. Комната была обшита

деревянными панелями, а не облицована камнем, и доверху заполнена одеждой: униформой, белыми поварскими халатами, комбинезонами и шерстяными рубашками. Груда изъеденных молью коричневых платьев на вешалках лежала под чередой деревянных штырей — вероятно, сброшенная оттуда. В углу стояла коробка с белыми перчатками, пожелтевшими от времени.

Лия уже пересекала комнату, Радар следовала за ней, но оглядывалась на меня. Я зажег еще одну спичку и последовал за ними. Лия встала на цыпочки, ухватилась за два штыря и потянула. Ничего не произошло. Отступив назад, она жестом подозвала меня.

Отдав коробок со спичками Эрис, я схватился за штыри и дернул. Ничего не произошло, но я почувствовал, как они слегка подались навстречу. Потянул сильнее, и вся стена сдвинулась наружу, обдав нас порывом спертого воздуха. Скрытые петли завизжали. Эрис зажгла еще одну спичку, и я увидел паутину — не целую, а свисающую серыми клочьями. Смысл этого, прибавленный к куче скинутых платьев, был ясен: кто-то прошел здесь до нас. Я зажег еще одну спичку и наклонился — в густой пыли виднелись переплетающиеся следы. Если бы я был блестящим детективом, как

Шерлок Холмс, я, возможно, смог бы вычислить, сколько человек прошло через эту потайную дверь, может даже насколько они опередили нас, но я не был Шерлоком. Я, правда, понял, что они, должно быть, тащили что-то тяжелое, судя по тому, как были смазаны следы — как будто они плелись, а не шли. Я сразу вспомнил о причудливом паланкине Губителя Летучих.

Длинная лестница вела вниз, постепенно сворачивая влево. В пыли по-прежнему были следы. Далеко внизу я видел тусклый свет, но не от газовых ламп — он был не белым, а зеленоватым. Мне это не очень нравилось. Еще меньше мне понравился шепот, соткавшийся в воздухе передо мной.

— Твой отец умирает в собственном дерьме, — говорил он.

Эрис отрывисто вдохнула:

— Голоса вернулись.

— Не слушай их, — сказал я.

— Почему бы тебе не приказать мне не дышать, принц Чарли?

Лия поманила нас за собой. Мы начали спускаться по лестнице. Радар тревожно заскулила, и я предположил, что она тоже может слышать голоса.

4

Мы спускались вниз. Зеленый свет становился все сильнее. Он шел от стен — *сочился* со стен. Голоса тоже делались сильнее, и они говорили неприятные вещи. В том числе о моих злых проделках с Берти Бердом. Эрис плакала позади меня, очень тихо, а один раз пробормотала: «Прошу тебя, прекрати. Я этого не хотела. Пожалуйста, хватит об этом».

Я почти жалел, что не могу снова встретиться с Ханой или Красной Молли. Они были ужасными, но имели плоть. С ними можно было сражаться.

Если Лия тоже слышала голоса, то не подавала виду. Она спускалась по лестнице ровным шагом, с прямой спиной, ее стянутые сзади волосы касались лопаток. Я ненавидел ее упрямый отказ признать, что Губитель Летучих был ее братом — разве мы не слышали, как его дружки выкрикивали его имя во время Честных игр? — но я любил эту ее смелость.

Я любил *ее*.

К тому времени, когда лестница привела нас к арке, затянутой мхом и порванной паутиной, мы должны были оказаться по меньшей мере на пятьсот футов глубже Глуби Малейн. Может

быть, намного больше. Голоса стихли. На смену им пришло мрачное гудение, которое, казалось, исходило от влажных каменных стен или от зеленого света, который теперь был намного ярче. Этот свет казался живым, а гудящий звук был его голосом. Мы приближались к какой-то огромной силе, и если я когда-либо сомневался в существовании зла как реальной сущности, чего-то отдельного от того, что жило в сердцах и умах смертных мужчин и женщин, то сейчас я перестал сомневаться в этом. Мы были еще на самом краю того, что порождало эту силу, но с каждым шагом приближались к нему.

Я протянул руку, чтобы коснуться плеча Лии. Она дернулась, потом расслабилась, когда поняла, что это всего лишь я. Ее глаза были расширенными и темными. Глядя ей в лицо, а не на ее решительную спину, я понял, что она так же напугана, как и мы. Может быть, даже больше, потому что больше знала.

— Ты была здесь? — прошептал я. — Вы приходили сюда с Элденом детьми?

Она кивнула. Протянула руку и схватила воздух.

— Вы держались за руки?

Она кивнула: да.

Я мог видеть их, держащихся за руки, бегающих здесь… Но нет, это было не так, они не бегали. Лия могла это делать, но Элден прихрамывал. Она шла рядом с ним, даже если хотела побежать вперед к следующему открытию, следующему сюрпризу, следующему тайному месту, потому что любила его.

— У него была трость? — спросил я.

Она подняла руку и показала мне букву V. Итак, две трости.

Везде вместе, кроме одного места. Вуди сказал: «*Лия никогда не любила книги. Из них двоих читателем был Элден*».

— Он знал о потайной двери в комнате, где хранилась одежда, не так ли? Вычитал об этом в библиотеке. Должно быть, он знал и о других местах тоже.

Да.

Старые книги. Может быть, запретные вроде выдуманного «Некрономикона», о котором любил писать Лавкрафт. Я мог представить Элдена, склонившегося над такой книгой, уродливого мальчика с косолапыми ногами, с шишкой на шее и горбом на спине, о котором всегда забывали, кроме тех случаев, когда надо было устроить ему жестокий розыгрыш (я знал об этом все, мы

с Берти не раз развлекались такими розыгрышами во время моего темного периода), которого игнорировали все, кроме его младшей сестры. А почему бы о нем не забыть, если трон а конце концов займет его красивый старший брат? Впрочем, ко времени вознесения Роберта хромоногий Элден, книжный червь Элден, вероятно, был бы уже мертв. Такие, как он, не жили долго. Они были хилыми, простужались, подхватывали лихорадку и умирали.

Элден читал старые пыльные книги с самых высоких полок или из запертого шкафа, к которому подобрал ключ. Может быть, сначала он просто искал силу, чтобы с ее помощью усмирить своего хулиганистого брата и острых на язык сестер. Мысли о кровавой мести пришли к нему позже.

— Это была не твоя идея прийти сюда, не так ли? В другие части замка — может быть, но не сюда.

Да.

— Тебе здесь не понравилось, так? Секретные комнаты и подъемная платформа — это было хорошо, весело, но здесь было плохо, и ты это знала. Не так ли?

Ее глаза были темными и встревоженными. Она не подала никакого знака, ни да, ни нет, но в

глазах у нее стояли слезы.

— Но Элден был очарован этим местом. Не так ли?

Лия только повернулась и снова пошла вперед, показывая нам рукой свой вращательный жест. С прямой спиной.

Решительная.

5

Радар немного опередила нас и теперь обнюхивала что-то на полу коридора — клочок зеленого шелка. Я поднял его, посмотрел, сунул в кобуру вместе со спичечным коробком и забыл об этом.

Проход был широким и высоким, больше похожим на туннель, чем на коридор. Мы подошли к месту, где он разделялся на три ответвления, каждое из которых освещалось пульсирующим зеленым светом. Над каждым входом был резной краеугольный камень в форме того, что я в последний раз видел расколотым на полу жилого крыла: похожее на осьминога существо с гнездом щупалец, скрывавших его ужасное лицо. Монархи были благословением, эта штука казалась богохульством.

«*Вот еще одна сказка,* — подумал я, — *предназначенная для взрослых, а не для детей. Ни*

большого злого волка, ни великана, ни Румпельштильцхена. Над этими арками я вижу версию Ктулху, и тогда что такое Гогмагог? Может быть, верховный жрец Древних богов, видящих свои зловещие сны в руинах Р'лайх?[247] *Это его Элден хочет просить о еще одном одолжении?*»

Лия остановилась, пошла к левому проходу, вернулась, направилась к центральному и снова замешкалась. Она смотрела вперед, а я вниз, на пол, где мог видеть следы в пыли, ведущие в правый проход. Несомненно, это и был тот путь, которым ушли Губитель Летучих и его свита, но я подождал, чтобы посмотреть, вспомнит ли она дорогу. Она вспомнила — направилась к правому проходу и пошла по нему. Мы последовали за ней. Запах — вонь, *зловоние* — теперь усилился, гудение стало не более громким, но всепроникающим. Из трещин в стенах прорастали дряблые бесформенные грибы, белые, как пальцы мертвеца. Они поворачивались, чтобы наблюдать, как мы проходим мимо. Сперва я думал, что это лишь мое воображение, но это было не так.

— Это ужасно, — сказала Эрис. Ее голос был

[247] Примечания: 247

Р'лайх (R'lyeh) — подводный город, впервые упомянутый Говардом Филлипсом Лавкрафтом в рассказе «Зов Ктулху» (1928) и ставший с тех пор неотъемлемой частью его мифологического мира.

тихим и потерянным. — Я думала, что Глубь Малейн была злом — и поле, где нам пришлось сражаться… но они ничто по сравнению с этим.

Я ничего на это не ответил, потому что она была права.

Мы шли все дальше и дальше, путь постоянно шел вниз. Запах стал еще отвратительнее, а гудение становилось все громче. Теперь оно исходило не только из стен — я ощущал его в самом центре своего мозга, где оно, казалось, было не звуком, а черным пульсирующим светом. Я понятия не имел, где мы находимся в верхнем мире, но мы наверняка вышли далеко за пределы дворца. Далеко за пределы. Следы под ногами истаяли и пропали. Так глубоко не спускалась пыль, не было здесь и паутины. Даже пауки покинули это богом забытое место.

Стены изменились. Место камней заняли большие блоки темно-зеленого стекла. В их глубине клубились и копошились толстые черные щупальца. Одно бросилось в нашу сторону, и его безголовая передняя часть раскрылась, превратившись в рот. Эрис слабо вскрикнула. Радар теперь шла так близко от меня, что моя нога при каждом шаге касалась ее бока.

Наконец мы оказались в большом сводчатом

зале со стенами из того же темно-зеленого стекла. Черные усики были повсюду, появляясь и исчезая в странных формах, которые менялись при каждом взгляде на них. Они гнулись и извивались, образуя формы… и лица …

— Не смотри на эти штуки, — сказал я Эрис. Я предположил, что Лия и так это знала; если она помнила, как сюда добраться, то наверняка видела эти странные меняющиеся силуэты. — Думаю, они хотят тебя загипнотизировать.

Лия стояла в центре этого ужасного нефа, озираясь вокруг в замешательстве. Зал был окружен проходами, каждый из которых пульсировал зеленым светом. Их было никак не меньше дюжины.

— Я, наверное, не смогу, — сказала Эрис. Ее голос был дрожащим шепотом. — Чарли, прости, но я не думаю, что смогу.

— Ты и не обязана, — звук моего голоса был ровным и странным, я думаю, из-за гудения. Это звучало как голос Чарли Рида, который соглашался со всеми грязными трюками, придуманными Бердом, да еще и добавлял к ним что-то свое. — Возвращайся, если сможешь найти дорогу. Оставайся здесь и жди нас, если не сможешь.

Лия обошла весь зал, делая это медленно и

осматривая каждый вход по очереди. Потом она посмотрела на меня, подняла руки и покачала головой.

Я не знаю.

— Это последнее место, где ты была? Элден пошел дальше без тебя.

Да.

— Но в конце концов он вернулся.

Да.

Я представил, как она ожидает здесь, в этой странной зеленой комнате с странной резьбой и черными щупальцами, пляшущими в стенах. Маленькая девочка держится уверенно — даже решительно — несмотря на это коварное гудение. Ждет здесь совсем одна.

— Ты приходила с ним несколько раз?

Да.

Потом она указала вверх, чего я не понял.

— Он приходил сюда и без тебя?

Долгая пауза… Потом «*да*».

— И однажды не вернулся.

Да.

— Ты ведь не пошла за ним в тот раз, не так ли? Может быть, сюда, но не дальше. Не посмела.

Она закрыла лицо руками. Этого ответа было достаточно.

— Я ухожу, — выпалила Эрис. — Прости, Чарли, но я… Я не могу.

Она убежала. Радар пошла за ней к проходу, из которого мы вышли, и если бы она пошла с Эрис, я бы не позвал ее обратно. Гудение теперь пронизывало меня до костей. Во мне крепло предчувствие, что ни принцесса Лия, ни я никогда больше не увидим внешнего мира.

Радар вернулась ко мне. Я опустился на колени и обнял ее, стараясь успокоить, насколько мог.

— Ты подумала, что твой брат мертв.

Да.

Потом она схватилась за горло, и перед ней поплыли гортанные слова.

— Он. Мертв.

Тот, кем я стал — все еще становился — был гораздо старше и мудрее, чем подросток, появившийся на маковом поле. Этот Чарли — *принц Чарли* — понимал, что Лия должна была в это поверить. Иначе вина за то, что я не попытался спасти его, была бы слишком велика, чтобы ее вынести.

Но я думаю, что к тому времени она и сама это знала.

6

Пол тоже был из отполированного зеленого стекла, которое, казалось, уходило в бесконечную глубину. Черные твари копошились под нами, и не было никаких сомнений в том, что они голодны. Здесь не было ни пыли, ни следов. А если следы и оставались, то кто-то из свиты Губителя Летучих стер их на тот случай, если кто — то — например, мы, — попытался бы последовать за ними. Поскольку Лия этого не знала, не было никакого способа выяснить, какой из двенадцати проходов они выбрали.

Куда идти дальше?

Я вспомнил женщину с отметиной увядшей красоты возле рта, кричавшую: «*На колени, старая кровь! На колени, старая кровь!*» Ее звали Петра, и на ней было зеленое шелковое платье.

Я поднял найденный обрывок и протянул его Радар, которая понюхала его без особого интереса — гудение и черные силуэты в стекле действовали и на нее. Но, кроме нее, у меня — у нас — не было ничего другого.

— Который из них? — спросил я, показывая на туннели. Она не пошевелилась, только посмотрела на меня, и я понял, что ужасная атмосфера

этого места повлияла и на мой ум. Были команды, которые она понимала, но эта не входила в их число. Я снова поднес к ее носу обрывок платья.

— Искать, Радар, искать!

На этот раз она опустила нос к полу. Один из черных усиков, казалось, прыгнул прямо на нее, и она отпрянула, но потом снова начала искать — моя хорошая собака, моя храбрая собака. Она побежала к одному из туннелей, вернулась назад и направилась к следующему справа. Потом повернулась ко мне и залаяла.

Лия без колебаний бросилась в туннель, я последовал за ней. Зеленый стеклянный пол в этом проходе уходил вниз более круто. Если бы уклон был еще немного больше, думаю, мы бы потеряли опору и скатились вниз. Лия быстро удалялась от меня. Она была легконогой, а я верзилой, способным играть только на первой базе.

— Лия, подожди!

Но она этого не сделала. Я бежал так быстро, как только позволял наклонный пол. Радар, приникающая ближе к земле и наделенная четырьмя ногами вместо двух, убежала вперед. Гудение начало стихать, как будто где-то чья-то рука уменьшала громкость на гигантском усилителе. Это было облегчением. Зеленое свечение

стен тоже померкло. На смену ему пришел более слабый свет, который стал немного ярче, когда мы вышли к началу прохода.

В то, что я там увидел, даже после всего пережитого было почти невозможно поверить. Разум восставал против того, о чем говорили глаза. Зал со множеством проходов был огромным, но это подземное помещение — намного больше. И как оно могло быть помещением, когда надо мной раскинулось ночное небо, усеянное пульсирующими желтоватыми звездами? От них и исходил свет.

«*Этого не может быть*», — подумал я, потом понял, что может. Разве я уже не прошел в другой мир, спустившись по другой лестнице? Тогда я вышел в мир Эмписа, а здесь был еще один, третий.

Еще одна лестница вилась вокруг глубокой шахты, вырубленной в твердой скале. Лия уже спускалась по ней, бежала изо всех сил. Внизу, на глубине пятисот или более футов я мог видеть паланкин Губителя Летучих с задернутыми пурпурными с золотом занавесками. Четверо мужчин, которые несли его, прижались к изогнутой стене, глядя на эти чужие звезды. Они должны были быть сильными, чтобы пронести

Губителя Летучих весь этот долгий путь, и храбрыми, но с того места, где стояли мы с Радар, они выглядели маленькими и напуганными.

В центре каменного пола шахты стоял большой башенный кран высотой около ста ярдов. Он мало чем отличался от тех, что я видел на строительных площадках в моем родном городе, но этот, похоже, был построен из дерева и странно напоминал виселицу. В месте соединения мачта крана и поддерживаемая ею стрела образовывали прямой угол. Грузовой крюк был прикреплен не к крышке Колодца Тьмы, как я себе представлял, а к гигантскому откидному люку, который пульсировал болезненным зеленым светом.

Рядом с ним в своем пурпурном одеянии, похожем на халат, с нелепо скособоченной золотой короной Галлиенов на растрепанных белых волосах стоял Губитель Летучих.

— Лия! — закричал я. — Подожди!

Не слыша меня — или не желая слышать — она бежала по последнему кругу лестницы под тусклым светом кошмарных звезд, сияющих из другой вселенной. Я спешил за ней, на ходу вытаскивая револьвер мистера Боудича.

7

Мужчины, которые несли паланкин, начали подниматься по лестнице ей навстречу. Она остановилась, расставив ноги в боевой стойке, и вытащила свой меч. Радар истерически лаяла, либо пугаясь от этого ужасного места, которое, я был уверен, мы никогда не покинем, либо думая, что мужчины угрожают Лии. Может быть, и то, и другое. Губитель Летучих посмотрел вверх, и корона свалилась с его головы. Он поднял ее, но то, что появилось из-под пурпурной мантии, не было рукой. Я не видел, что это такое (или не хотел видеть), и в тот момент мне было все равно. Я должен был добраться до Лии, но уже понимал, что не успею спасти ее от носильщиков Губителя. Они были слишком близко, расстояние для стрельбы слишком велико, к тому же она стояла на линии огня.

Она уперла рукоять меча себе в живот. Я услышал, как тот, кто бежал впереди, что-то крикнул. На подъеме он размахивал руками, остальные трое следовали за ним. Я услышал привычное «не-не», но не остаток фразы. Она не убивала его — в спешке он сам напоролся на ее меч, не успев остановиться. Острие вошло в него по самую

рукоять и вышло со спины, окровавленное. Он отшатнулся к обрыву, она попыталась выдернуть меч, но он не поддавался. Ее выбор был прост и суров: отпустить рукоятку и выжить или держаться за нее и последовать за мужчиной в бездну. Она отпустила. Пронзенный мечом пролетел сотню или больше футов от того места, где Лия проткнула его, и рухнул недалеко от паланкина, который он помогал нести. Ему могли пообещать золото, женщин, поместье в сельской местности или все это сразу. Но получил он только смерть.

Остальные трое не остановились. Я побежал быстрее, не обращая внимания на вполне реальную возможность споткнуться — возможно, о мою собаку — и свалиться в пропасть. Но видел, что все равно не успею вовремя. Они добрались бы до нее первыми, и теперь у нее для защиты остался только кинжал. Она вытащила его и прижалась к стене шахты, готовая сражаться не на жизнь, а на смерть.

Но ни сражения, ни смерти не было. Даже тот человек, которого она убила, вероятно, не собирался вступать с ней в бой. «Нет, нет» — вот что он кричал перед тем, как его пронзили насквозь. С этих парней было достаточно. Все, чего они хотели, — это убраться отсюда ко всем чертям.

Они пробежали мимо, даже не взглянув на нее.

— *Вернитесь!* — кричал им Элден снизу. — *Вернитесь, трусы! Ваш король приказывает вам!*

Они не обращали на это внимания, перепрыгивая через две-три каменные ступеньки за раз. Я схватил Радар за холку и крепко прижал к себе. Первые двое носильщиков паланкина пробежали мимо, но третий наткнулся на Радар, для которой это было уже слишком. Бросившись вперед, она глубоко впилась зубами в его ногу. Он замахал руками, пытаясь восстановить равновесие, а потом упал в шахту. Его последний затихающий крик оборвался, когда он ударился о дно.

Я снова поспешил вниз по лестнице. Лия не шевелилась. Она вглядывалась в гротескную фигуру в развевающемся пурпурном одеянии, пытаясь разглядеть его черты в тусклом свете звезд, сияющих в этой безумной бездне над нашими головами. Я почти добрался до нее, когда свет начал разгораться ярче. Но он исходил не от звезд. Гудение вернулось, только теперь оно стало глубже, не *ммммммм*, а АААААА, голос какого-то инопланетного существа, колоссального и непостижимого, почуявшего еду, которая, как он знал, будет вкусной.

Я поднял глаза. Лия подняла глаза. Радар под-

няла глаза. То, что мы увидели плывущим в этом темном звездном небе, было ужасно, но настоящий ужас заключался в том, что оно было еще и прекрасным.

Если мое чувство времени не полностью сбилось, где-то над нами все еще был дневной свет. Белла и Арабелла должны были находиться на дальней стороне мира, частью которого был Эмпис, но здесь эти две луны были точно такими же, проецируемыми из черной пустоты, которой не было никакого дела до их существования, и омывающими эту адскую дыру своим бледным и жутким светом.

Большая из них приближалась к меньшей, не собираясь в этот раз проходить ни сзади, ни спереди от нее. После того, как прошло невесть сколько тысяч лет, две луны — эти и настоящие, расположенные где-то за горизонтом планеты, — оказались на грани столкновения.

Они сошлись в беззвучном грохоте (потому что это действительно была проекция), сопровождаемом яркой вспышкой света. Осколки разлетелись во все стороны, заполняя темное небо, как разбитые куски светящейся посуды. Дикий бесцветный рев — АААААААА — стал еще более громким. Просто оглушительным. Стрела башенного крана

начала подниматься, расширяя угол между ней и опорной мачтой. Шума механизма не было слышно, но я все равно не мог его услышать.

Яростный свет распадающихся лун затмил звезды и залил сиянием стеклянный пол внизу. Люк над Колодцем Тьмы начал подниматься, подтягиваемый крюком крана. Гротескное существо в пурпурной мантии тоже смотрело вверх, и когда Лия посмотрела вниз, их глаза встретились. Его глаза тонули глубоко в провисших впадинах зеленоватой плоти; ее были широкими и голубыми.

Несмотря на все годы и все перемены, она узнала его. Ее смятение и ужас были очевидны. Я попытался удержать ее, но она вырвалась судорожным рывком, который чуть не швырнул ее в пропасть. Да и я был в шоке, ошеломленный тем, что увидел — столкновением двух лун в небе, которого не должно было здесь быть. Осколки их уже снижались к горизонту и начинали тускнеть.

Узкий полумесяц тьмы поднялся над краем колодца, быстро превратившись в широкую черную ухмылку. Долгий, хриплый вопль удовлетворения становился все громче. Губитель Летучих, спотыкаясь, направился к колодцу.

Его пурпурная мантия поднялась в нескольких разных направлениях. На мгновение его ужасная дряблая голова скрылась под ней, а потом мантия соскользнула и легла на каменный пол. Мужчина под ним был только наполовину мужчиной, как Эльза — лишь наполовину женщиной. Вместо ног у него был клубок черных щупалец, которые кружили его, раскачивая из стороны в сторону. Другие шупальца торчали из свисающего мешка его живота, устремляясь к поднимающемуся люку, как некая непристойная эрекция. Его руки тоже сменились ужасающим подобием змей, колышущимся вокруг головы, как водоросли в сильном течении, и я понял, что чем бы ни было существо в колодце, это был не Ктулху. *Элден* был Ктулху этого мира, так же как Дора была старушкой, живущей в башмаке, а Лия — гусиной принцессой. Он променял косолапые ноги и сгорбленную спину — кифоз[248] — на нечто гораздо худшее. Считал ли он этот обмен честным? Хватило ли мести и медленного разрушения королевства, чтобы уравновесить для него чаши весов?

Лия добралась до подножия лестницы. Облом-

[248] Примечания: 248
Кифоз — искривление позвоночника.

ки Беллы и Арабеллы продолжали разлетаться над нашими головами.

— Лия! — крикнул я. — Лия, ради Бога, остановись!

Проходя мимо паланкина с безвольно повисшими занавесками, она остановилась — но не потому, что я ее окликнул. Думаю, она даже не слышала меня. Все ее внимание было приковано к дряблому существу, которое было прежде ее братом. Теперь он нетерпеливо склонился над поднимающимся люком, рыхлая плоть его лица стекала вниз, как тесто. Корона снова упала с его головы. Все новые черные щупальца вылезали из его шеи, спины и ложбинки между ягодицами. На моих глазах он превращался в Ктулху, повелителя древних богов, воплощенную в жизнь кошмарную сказку.

Но настоящий монстр был внизу. Скоро он появится.

Гогмагог.

8

Я помню, что произошло дальше, с душераздирающей ясностью. Я видел все это с того места, где стоял, может быть, в дюжине шагов над брошенным паланкином, и до сих пор вижу это в

своих снах.

Радар лаяла, но я едва мог слышать ее из-за постоянного, сводящего с ума гула из Темного Колодца. Лия подняла свой кинжал и без колебаний глубоко вонзила его в язву рядом с тем местом, где прежде был ее рот. Потом, взявшись за кинжал обеими руками, резанула им справа налево по шраму, заменявшему ей рот.

— ЭЛДЕН! — закричала она. Мелкие брызги крови хлынули из ее вновь открывшегося рта. Ее голос был хриплым — думаю, из — за подвигов чревовещания, — но первое слово, которое она произнесла без необходимости извлекать его из глубины горла, оказалось достаточно громким, чтобы ее несчастный брат услышал его даже сквозь рев. Он повернулся — и увидел ее, увидел по-настоящему в первый раз в жизни.

— ЭЛДЕН, ОСТАНОВИСЬ, ПОКА ЕЩЕ НЕ ПОЗДНО!

Его колебания были видны по колыханию леса щупалец — теперь их стало больше, гораздо больше. Видел ли я в его затуманенных глазах любовь? Сожаление? Печаль или, может быть, стыд за то, что он проклял единственного человека, который любил его, вместе со всеми теми, кто не любил? Или только желание сохранить жизнь,

которую он терял вместе со своим правлением, оказавшимся слишком коротким (но разве не так кажется всем нам, когда приходит конец)?

Я не знал этого, когда бежал вниз по последним ступенькам, мимо паланкина. У меня не было никакого плана, просто нужно было увести ее отсюда до того, как эта тварь внизу сможет выбраться на свет. Я подумал о гигантском таракане, который забрался в сарай мистера Боудича, и о том, как мистер Боудич застрелил его, и это напомнило мне — наконец — то — что у меня все еще есть его револьвер.

Лия вошла в это колышущееся скопище щупалец, похоже, не подозревая об опасности, которую они представляли. Одно из них погладило ее по щеке. Элден все еще смотрел на нее — мне показалось, что он плачет.

— Возвращайся, — прохрипел он. — Возвращайся, пока можешь. Я уже не могу…

Одно из щупалец обвилось вокруг ее окровавленной шеи. Было ясно, чего он не мог сделать: справиться с той своей частью, которая была одержима существом внизу. В дворцовой библиотеке он прочитал столько книг, — неужели ни в одной из них не было самой главной истины всех культур, гласившей, что, когда ты имеешь дело

с дьяволом, ты заключаешь с ним дьявольскую сделку?

Я схватил щупальце — которое могло быть частью руки, когда Элден еще только заключил свою сделку — и оторвал его от ее горла. Оно было твердым и покрытым липкой слизью. Как только щупальце перестало душить Лию, я позволил ему выскользнуть из моей хватки. Но тут другое обхватило мое запястье, еще одно вцепилось в бедро. Они начали тянуть меня к Элдену — и к открывшемуся внизу колодцу.

Я поднял револьвер мистера Боудича, чтобы выстрелить. Но прежде, чем я успел это сделать, щупальце обвилось вокруг револьвера, вырвало его и отбросило на каменный пол в направлении брошенного паланкина. Радар теперь стояла между Элденом и колодцем, подняв шерсть дыбом и лая так сильно, что из ее пасти летела пена. Она бросилась, чтобы укусить его. Щупальце — бывшее прежде частью левой ноги Элдена — щелкнуло, словно хлыст, отбросив ее в сторону. Меня тянуло вперед. Монстр, возможно, оплакивал свою сестру, но и ухмылялся в предвкушении какой-то ужасной победы, реальной или воображаемой. Еще два щупальца поменьше вылезли из этой ухмылки, пробуя воздух на вкус.

Башенный кран все еще тянул люк кверху, но что-то еще — что-то снизу — тоже толкало его, расширяя щель.

«*Там, внизу, другой мир,* — подумал я. — *Темный, который я ни за что не хочу видеть*».

— Ты тоже была частью этого! — взвизгнуло дряблое существо с зеленым лицом, обращаясь к Лии. — Ты должна была пойти со мной! И стать моей королевой!

Новые щупальца Губителя Летучих схватили ее — за ноги, за талию, снова за шею — и потащили за собой. Что-то появилось из колодца, какая-то маслянистая черная субстанция, усеянная длинными белыми шипами. Оно ударилось о камни с мокрым шлепком. Это было огромное крыло.

— *Я и так королева!* — сквозь слезы кричала Лия. — *Ты не мой брат! Он был добрый! А ты убийца и узурпатор! Ты самозванец!*

Она вонзила кинжал, с которого все еще капала ее кровь, в глаз своего брата. Щупальца отпали от нее. Он отшатнулся. Крыло поднялось и взмахнуло, отчего мне в лицо ударил порыв тошнотворного воздуха. Оно обернулось вокруг Элдена. Шипы пронзили его и подтащили к краю колодца. Он издал последний вопль, прежде чем тварь вонзила свои крючковатые когти ему в

грудь и утащила внутрь.

Теперь ее уже не могло удовлетворять наличие послушной марионетки. Над колодцем вздувался пузырь чужеродной плоти. Огромные золотые глаза смотрели на нас с того, что не было — не могло быть — лицом. Раздался скребущий, скрежещущий звук, и показалось второе крыло, покрытое шипами. Оно сделало пробный взмах, и мне в лицо ударил еще один порыв невыносимого зловония.

— *Возвращайся назад!* — крикнула Лия. Кровь брызнула из ее разорванного освобожденного рта. Долетев до появляющейся из колодца твари, капли зашипели. — *Я, королева Эмписа, приказываю тебе!*

Но оно продолжало вылезать, хлопая обоими колючими крыльями. Из него текли струйки какой-то зловонной жидкости. Свет разбитых лун продолжал меркнуть, и я едва мог разглядеть горбатое, чудовищно искривленное существо, которое все выше поднималось над краем колодца. Его бока вздувались и опадали, как кузнечные мехи. Голова Элдена почти скрылась в этой странной плоти. Его мертвое лицо, на котором запечатлелось выражение ужаса, посмотрело на нас и исчезло, как лицо человека, тонущего в

зыбучих песках.

Лай Радар теперь больше походил на вопль.

Думаю, это мог быть какой-то дракон, но не такой, какого можно увидеть во многих книгах сказок. Это существо было за пределами моего мира. И мира Лии тоже. Колодец Тьмы открылся в какую-то иную вселенную, недоступную человеческому пониманию. И приказ Лии никак не мог остановить его.

Оно выходило.

Выходило наружу.

Луны поцеловались, и скоро все должно было закончиться.

9

Лия больше не приказывала — должно быть, поняла, что это бесполезно. Она только вытянула шею и беспомощно смотрела, как эта штука выбирается из колодца. Осталась только Радар, неистово лающая, но каким — то образом — чудесным, героическим — удерживающая свои позиции.

Я понял, что сейчас умру, и это будет милостью. Не может же моя жизнь продолжаться посреди ужасного адского рева (АААААААА), когда я — и Лия, и Радар — буду поглощен этим инопланет-

ным существом?

Я читал, что в такие моменты вся жизнь человека проносится перед глазами. Передо мной, как иллюстрации в книге, страницы которой переворачиваются неимоверно быстро, промелькнули все сказки, с которыми я столкнулся в Эмписе, от старушки-башмачницы и гусиной принцессы до домов Трех Маленьких Изгнанников и злых принцесс, которые никогда бы не взяли на бал свою прекрасную младшую сестру (как и уродливого брата).

Оно росло и росло. Хлопало своими шипастыми крыльями. Лицо Элдена уже скрылось в его непостижимом нутре.

Потом я подумал о другой сказке.

Давным-давно жил-был подлый человечек по имени Кристофер Полли, который пришел украсть золото мистера Боудича.

Давным-давно жил-был злобный маленький человечек по имени Питеркин, который пытал Снаба кинжалом.

Однажды давным-давно мою маму сбил грузовик сантехника на мосту Сикамор-стрит, и она погибла, когда он впечатал ее в одну из опор моста. Большая часть ее тела осталась на мосту, но голова и плечи упали в реку Литтл-Румпл.

Всегда Румпельштильцхен. С самого начала. Начальная Сказка, можно сказать. И как же дочери королевы удалось избавиться от этого злобного эльфа?

— Я ЗНАЮ ТВОЕ ИМЯ! — крикнул я. Голос был не моим не больше, чем многие мысли и озарения в этой истории, которые не могли принадлежать семнадцатилетнему парню, впервые пришедшему в Эмпис. Это был голос принца. Не из этого мира и не из моего. Я начал с того, что назвал Эмпис «другим миром», но и я в нем стал другим. Все тем же Чарли Ридом, конечно, но в то же время другим, и мысль о том, что меня призвали сюда — что мои часы были заведены много лет назад, когда моя мать шла по проклятому мосту, жуя куриное крылышко, — именно в этот момент не могла вызывать сомнений. Позже, когда личность, которой я был в том подземном мире, начала таять, я бы мог усомниться в этом, но тогда? Нет.

— Я ЗНАЮ ТВОЕ ИМЯ, ГОГМАГОГ, И Я ПРИКАЗЫВАЮ ТЕБЕ ВЕРНУТЬСЯ В ТВОЕ ЛОГОВО!

Оно издало вопль. Каменный пол вздрогнул, и по нему побежали трещины. Высоко над нами могилы снова отдавали своих мертвецов, и длинная трещина зигзагом пересекла Поле Монархов.

Огромные крылья забились, дождем проливая вонючие капли, обжигающие, как кислота. Но знаете что? Мне понравился этот вопль, потому что я был темным принцем, а это был крик боли.

— ГОГМАГОГ, ГОГМАГОГ, ТЕБЯ ЗОВУТ ГОГМАГОГ!

Он вопил каждый раз, когда я произносил его имя. Эти вопли заполняли все вокруг; они проникали в мой мозг так же глубоко, как гул, угрожавший разорвать мой череп. Крылья отчаянно бились. Огромные глаза уставились на меня.

— ВОЗВРАЩАЙСЯ В СВОЕ ЛОГОВО, ГОГМАГОГ! ТЫ МОЖЕШЬ ПРИЙТИ СНОВА, ГОГМАГОГ, ЧЕРЕЗ ДЕСЯТЬ ЛЕТ ИЛИ ТЫСЯЧУ, ГОГМАГОГ, НО НЕ СЕГОДНЯ, ГОГМАГОГ! — я раскинул руки. — ЕСЛИ ТЫ ПОГЛОТИШЬ МЕНЯ, ГОГМАГОГ, Я РАЗОРВУ ТЕБЕ КИШКИ ТВОИМ СОБСТВЕННЫМ ИМЕНЕМ, ПРЕЖДЕ ЧЕМ УМРУ!

Он начал отступать, складывая крылья и заслоняя ими свои отвратительные вытаращенные глаза. Его спуск в колодец сопровождался жидким хлюпаньем, от которого мне захотелось блевать. Я задавался вопросом, как, черт возьми, мы должны заставить башенный кран опустить крышку колодца, но додумалась до этого Лия. Ее

голос был хриплым и надломленным — но не видел ли я губы, выступавшие из искореженных остатков ее рта? Я не уверен, но после того, как мне насильно скормили такое количество выдумок, я с радостью проглотил и эту.

— Закройся во имя Лии из Галлиенов.

Медленно — на мой взгляд, слишком медленно — стрела башенного крана начала опускать люк. Трос натянулся, как струна, и наконец крюк освободился. Я перевел дыхание.

Лия бросилась в мои объятия, стиснув меня со всех сил. Кровь из ее недавно открывшегося рта струилась по моей шее. Что-то врезалось в меня сзади: это была Радар: задние лапы на полу, передние уперлись в мой зад, хвост виляет как сумасшедший.

— Как ты узнал? — спросила Лия своим прерывающимся голосом.

— Из сказки, которую рассказала мне моя мать, — сказал я. Что было, в некотором смысле, правдой. Она сказала мне это сейчас, умерев тогда. — Мы должны идти, Лия, или нам придется искать дорогу в темноте. И перестань говорить, пожалуйста. Я же вижу, как тебе больно.

— Да, но это прекрасная боль.

Лия указала на паланкин.

— Они должны были принести по крайней мере один фонарь. У тебя есть еще спички?

Рука об руку мы направились к брошенному паланкину, Радар шла между нами. По пути Лия один раз наклонилась, но едва ли я это заметил. Я сосредоточился на том, чтобы раздобыть что-нибудь для освещения нашего пути, прежде чем свет от разбитых лун полностью померкнет.

Я откинул одну из занавесок паланкина, и там, съежившись у дальней стенки, сидел еще один член отряда Элдена, о котором я совсем забыл. «*Губитель Летучих*, — сказал Персиваль. — *С ним еще четверо. Идут во тьму. Или, может, он сказал «ведьма»*».

Жидкие волосы Петры выбились из-под перекрещивающихся нитей жемчуга, которыми были перевязаны. Ее белый макияж растрескался и потек. Она глядела на меня с ужасом и отвращением.

— Ты все испортил, поганое отродье!

«Отродье» заставило меня улыбнуться.

— Не-не, милая. Палки и камни могли бы переломать мне кости, но слова никогда не причинят мне вреда.

На маленьком латунном крючке в передней части паланкина висело именно то, что было нам

нужно, — один из торпедообразных фонарей.

— Я была его женой, слышишь? Его избранницей! Я позволяла ему прикасаться ко мне этими мерзкими змеями, которые раньше были его руками! Я слизывала его слюни! Ему оставалось недолго, это мог видеть любой дурак, и я бы правила после него!

По моему скромному мнению, отвечать на эту чушь не стоило.

— Я стала бы королевой Эмписа!

Я потянулся за фонарем. Ее губы раздвинулись, обнажив зубы, которые были подпилены до клыков, как у Ханы. Возможно, это стало последней модой при адском дворе Губителя Летучих. Рванувшись вперед, она вонзила эти клыки в мою руку. Боль была мгновенной и мучительной. Из ее сжатых губ текла кровь, глаза вылезли из орбит. Я попытался освободиться, моя плоть рвалась, но ее зубы оставались сжатыми.

— Петра, — сказала Лия. Ее голос понизился до хриплого рычания. — Получи вот это, вонючая карга.

Грохот 45-го калибра мистера Боудича, который Лия подняла, когда наклонилась, был оглушительным. В засохшем белом гриме прямо над правым глазом Петры появилась дырка. Ее голова

откинулась назад, и, прежде чем она рухнула на пол паланкина, я увидел то, без чего вполне мог бы обойтись: кусок моей руки размером с дверную ручку, торчащий из ее подпиленных зубов.

Лия не колебалась. Она сорвала одну из боковых занавесок паланкина, оторвала от края длинный кусок и обвязала им мою рану. Теперь было почти совсем темно. Я потянулся в темноту здоровой рукой, чтобы взять фонарь (мысль о том, что Петра может ожить и снова укусить меня, была нелепой, но сильной). Я чуть не выронил его. Принц или нет, я трясся от боли. Моя рука чувствовала себя так, как будто Петра не просто укусила ее, а залила рану бензином и подожгла.

— Зажги его сама, — сказал я. — Спички в кобуре.

Я почувствовал, как она шарит возле моего бедра, потом услышал, как она чиркает одной из серных спичек о борт паланкина. Когда я откинул стеклянный колпак фонаря, она повернула маленькую ручку сбоку, чтобы выдвинуть фитиль, и зажгла его. Потом забрала у меня фонарь, что было правильно — я бы наверняка его выронил.

Я направился к винтовой лестнице (думая, что был бы счастлив никогда больше не видеть ничего подобного), но она удержала меня и потянула

вниз. Я почувствовал, как ее разорванный рот приблизился к моему уху, когда она прошептала:

— Она была моей двоюродной бабушкой.

Мне показалось, что Петра была слишком молода, чтобы быть кому-то бабушкой. Но потом я вспомнил мистера Боудича, который отправился в путешествие и вернулся как свой собственный сын.

— Давай уберемся отсюда, чтобы никогда не возвращаться, — сказал я.

10

Мы выбирались из колодца очень медленно. Мне приходилось останавливаться и отдыхать примерно через каждые пятьдесят шагов. Моя рука пульсировала с каждым ударом сердца, и я чувствовал, как импровизированная повязка, которую наложила Лия, пропитывается кровью. Перед глазами у меня по-прежнему стояла Петра, падающая замертво с куском моей плоти во рту.

Когда мы добрались до верха лестницы, мне пришлось сесть. Теперь моя голова пульсировала так же сильно, как и рука. Я вспомнил, как прочитал где-то, что когда дело касается заражения опасной, возможно, даже смертельной инфекцией, ничто, кроме укуса бешеного животного, не

может сравниться с укусом предположительно здорового человека — и откуда мне было знать, насколько здоровой была Петра после многих лет общения (мой разум отказывался принять идею настоящего соития) с Элденом? Я представил, как ее яд медленно течет по моей руке к плечу, а оттуда к сердцу. Мысль о том, что я полон ее отравы, не слишком вдохновляла.

Лия дала мне посидеть несколько мгновений рядом с Радар, тревожно уткнувшейся носом в мое лицо, а потом указала на резервуар фонаря. Он был почти пуст, а зеленое свечение в стенах погасло со смертью Элдена и бегством Гогмагога. Смысл ее жеста был понятен — если мы не хотим заблудиться в темноте, нам нужно идти.

Мы были примерно на полпути вверх по крутому склону, ведущему в огромный зал с кольцом двенадцати проходов, когда фонарь потускнел и вскоре погас. Лия со вздохом сжала мою здоровую руку, и мы медленно двинулись дальше. Темнота была неприятной, но как замена гудения и шепчущих голосов казалась не такой уж плохой. Рука продолжала болеть. Кровь не останавливалась; я чувствовал ее липкое тепло на ладони и между пальцами. Радар понюхала ее и заскулила. Я подумал о Йоте, умирающем от

пореза отравленного ножа. Как и воспоминание о моей плоти, свисающей с острых зубов Петры, это было не то, о чем я хотел думать, но мысли сами лезли в голову.

Остановившись, Лия показала пальцем вперед. Я увидел то же, что она — в коридоре снова появился свет. Не болезненный зеленый свет от этих странных наполовину стеклянных, наполовину каменных стен, а теплое желтое свечение, то усиливающееся, то снова слабеющее. Когда свет приблизился к нам, Радар побежала к нему, лая во все горло.

— Нет! — крикнул я, отчего моя головная боль усилилась. — Остановись, девочка!

Она не обращала внимания на мои слова, продолжая лаять на бегу, и это был не тот яростный, испуганный лай, который она издавала в темной вселенной, которую мы оставили внизу (но недостаточно далеко, всегда будет недостаточно). Этот лай был радостным. Тут из растущего впереди света что-то вышло. Выпрыгнуло.

Радар опустилась, виляя хвостом и задом, и Снаб прыгнул ей на спину. За ним следовал рой светлячков.

— Повелитель мелких тварей, — сказал я. — Будь я проклят.

Светлячки — их было, должно быть, не меньше тысячи — поднялись сверкающим облаком над моей собакой и большим красным сверчком у нее на спине, и в этом плавающем свете оба выглядели неземными и прекрасными. Радар встала, как мне казалось, по команде ее всадника, не предназначенной для человеческих ушей. Она начала подниматься по наклонному полу. Светлячки направились следом, кружась над ними.

Лия сжала мою руку. Мы пошли за светлячками.

11

В зале размером с собор с двенадцатью проходами нас ждала Эрис. Снаб повел к нам свой батальон светлячков, но взвод оставил там, чтобы Эрис не осталась в полной темноте. Увидев нас, она подбежала ко мне и обняла. Когда я скривился от боли, она отстранилась и посмотрела на импровизированную повязку, пропитанную кровью, которая все еще капала с повязки.

— Высокие боги, что с тобой случилось? — Потом она посмотрела на Лию и ахнула. — О, моя госпожа!

— Слишком много всего, чтобы рассказывать сейчас, — сказал я, думая, что этого может

оказаться слишком много, чтобы рассказать когда-нибудь. — Почему ты здесь? Зачем ты вернулась?

— Меня привел Снаб. И принес с собой свет, как видите. Вам обоим нужна помощь лекаря, а Фрид слишком болен.

«*Значит, это должна быть Клаудия*», — подумал я. Клаудия поймет, что делать. Конечно, если что-то можно сделать.

— Нам нужно убираться отсюда, — сказал я. — Мне уже надоело под землей.

Я посмотрел на красного сверчка на спине Радар. Он оглянулся на меня, и маленькие черные глазки придавали ему необычайно торжественный вид.

— Отведите нас наверх, сэр Снаб, если будете так добры.

Так он и сделал.

12

Когда мы, наконец, вышли, в помещении для хранения одежды толпились несколько человек. Светлячки улетели прочь над их головами, образуя колышащееся знамя света. Там была Джая, Персиваль и еще несколько моих товарищей по заключению в Глуби Малейн, но я не

помню, кто именно. К тому времени у меня все сильней кружилась голова, а головная боль стала такой сильной, что, казалось, материализовалась в пульсирующий белый шар боли, висящий примерно в трех дюймах перед моими глазами. Единственные две вещи, которые я отчетливо помню, — это то, что на спине Радар больше не было Снаба, и что Персиваль теперь выглядел лучше. Невозможно было сказать, насколько, учитывая этот белый шар передо мной и пульсирующую боль в моей пострадавшей руке, но лучше. Я был уверен в этом. Все встречающие опустились на колени при виде принцессы и поднесли руки к опущенным лбам.

— Встаньте, — прохрипела она. Ее голос почти пропал, но я думал, что это произошло от чрезмерного использования и со временем он вернется. Мысль о том, что ее голосовые связки порваны безвозвратно, была слишком ужасна, чтобы даже думать об этом.

Они поднялись. С Лией, поддерживающей меня с одной стороны, и Эрис с другой, мы покинули набитое людьми хранилище. Я проделал большую часть пути до первой лестницы, потом мои ноги подкосились. Меня кто-то нес — может быть, мои товарищи из Малейна, может быть, серые

люди, а может, и те, и другие. Я не могу этого вспомнить. Помню, как меня проносили через зал приемов, и я видел, как по меньшей мере три дюжины мужчин и женщин с серыми лицами убирали хаос, оставленный там теми из придворных короля Яна, которые решили присягнуть на верность Губителю Летучих. Мне показалось, что одной из уборщиц была Дора, на голове у нее была красная тряпка, закрывавшая волосы, а на ногах — великолепные желтые кроссовки. Она поднесла руки ко рту и послала мне воздушный поцелуй пальцами, которые снова начали походить на пальцы, а не на ласты.

«*Ее там нет*, — подумал я. — *Ты бредишь, принц Чарли. И даже если это она, ее пальцы не могут восстановиться. Такие вещи случаются только в…*»

В чем? Ну… в историях вроде этой.

Я вытянул шею, чтобы еще раз взглянуть на нее, но меня уже вынесли в соседнюю комнату, что-то вроде прихожей, откуда я видел яркую головную повязку и еще более яркие туфли, но не был уверен, что это Дора. Она стояла ко мне спиной на коленях, отчищая грязь с пола.

Мы прошли еще несколько комнат и длинный коридор, но к тому времени я уже терял сознание

и был бы рад забыться, если бы это привело меня туда, где моя голова не раскалывалась, а рука не казалась пылающим святочным поленом. Но я держался. Если я умирал — а мне определенно казалось, что я умираю, — я хотел сделать это снаружи, дыша вольным воздухом.

Там меня поразил яркий свет. От него моя головная боль усилилась, но все равно это было чудесно, потому что это был не болезненный свет подземного мира под Лилимаром. Даже не куда более приятное свечение светлячков. Это был дневной свет, но и нечто большее.

Это был *солнечный свет*.

Меня вынесли к нему полусидящим-полулежащим. Облака рассеивались, и я мог видеть голубое небо над большой площадью перед дворцом. Синего было не просто столько, чтобы сшить из него пару комбинезонов, а целые акры. Нет, мили. И, Боже мой, какое солнце! Посмотрев вниз, я увидел свою тень. При виде ее я почувствовал себя Питером Пэном, принцем потерянных детей.

Раздались громкие аплодисменты. Городские ворота были открыты, а вся площадь заполнена серыми жителями Эмписа. При виде Лии они упали на колени с громким стуком, от которого у меня побежали мурашки по коже.

Она смотрела на меня. Я думаю, этот взгляд говорил: «*Тут я вряд ли смогу тебе помочь*».

— Опустите меня, — сказал я.

Мои носильщики сделали это, и я обнаружил, что могу стоять. Вся боль по-прежнему оставалась на месте, но к ней добавилось что-то еще. Оно было со мной, когда я выкрикивал имя Гогмагога голосом, который не был моим собственным, и вернулось сейчас. Я поднял руки, здоровую правую и левую, из которой все еще сочилась кровь, окрашивая в алый цвет новую повязку, которую в какой-то незамеченный мной момент наложила Джая. Алый, как маки на холме за аккуратным маленьким домиком Доры.

Люди внизу молчали, ожидая на коленях. Несмотря на силу, которая пронизала меня в тот момент, я понял, что они преклоняют колени не передо мной. Это был не мой мир. Мой мир был другим, но мне нужно было закончить свою работу здесь.

— *Послушайте меня, люди Эмписа! Губитель Летучих мертв!*

Они взревели от одобрения и благодарности.

— *Колодец Тьмы закрылся, и существо, которое там сидит, заперто внутри!*

Новый рев радости.

Теперь я чувствовал, как эта несхожесть с самим собой покидает меня, забирая с собой ту силу, которую я получил вместе с ней. Скоро я снова стану добрым старым Чарли Ридом — если, конечно, укус Петры не убьет меня.

— Славьте Лию, жители Эмписа! Слава Лии из Галлиенов! СЛАВА ВАШЕЙ КОРОЛЕВЕ!

Думаю, это была речь, с которой не стыдно выйти на публику, как мог бы сказать мой отец, но я не увидел, какое впечатление она произвела, потому что в этот момент мои колени подогнулись, и я рухнул без сознания.

Глава тридцать первая Посетители. Королева в белом. Милость. Вуди и Клаудия. Я покидаю Эмпис

1

Я провел долгое время в красивой комнате с колышущимися белыми занавесками. Окна за ними были открыты настежь, впуская внутрь не просто ветерок, а целое море свежего воздуха. Провел ли я в этой комнате три недели? Или четыре? Не знаю, потому что в Эмписе какие-то странные недели — во всяком случае, не такие, как у нас. Солнце всходило и заходило. Иногда по ночам занавески освещались светом разбитых лун. Остатки Беллы и Арабеллы образовали в небе нечто вроде кольца. Тогда я этого не видел — только колеблющийся свет сквозь занавески из тончайшего газа. Было время, когда одна из моих медсестер (Дора, Госпожа Туфель, была из них самой лучшей) хотела закрыть окна за занавесками, чтобы «ночные испарения» не усугубили мое и без того тяжелое состояние, но я не позволил — воздух был невероятно сладким. Они послушались, потому что я был принцем, и мое слово равнялось закону. Я никому не говорил, что снова становлюсь обычным парнем Чарли Ридом, и они бы все равно мне не поверили.

Многие люди приходили навестить меня в этой комнате с колышущимися занавесками. Некоторые из них были мертвыми.

Однажды пришел Йота — я отчетливо помню его визит. Он опустился на одно колено, приложил ладонь ко лбу, потом сел на низкий табурет рядом с моей кроватью, на который садились мои серые медсестры, чтобы соскрести старую мазь (что причиняло боль), промыть рану (что причиняла еще больше боль), а потом наложить свежий слой мази. Эта зеленоватая гадость — творение Клаудии — воняла до небес, но понемногу исцеляла рану. Это не значит, что я бы не предпочел пару средств из своего мира. Лучше всего была бы пара доз перкоцета.

— Выглядишь чертовски плохо, — сказал Глаз.

— Спасибо. Ты очень любезен.

— Это осиный яд убил меня, — сказал Глаз. — Он был на ноже. Помнишь нож и человека за дверью?

Я его помнил. Джефф, старое доброе американское имя. Или Джофф, старый добрый британец.

— У меня была мысль, что Петра выбрала бы его себе в мужья, как только стала бы королевой после смерти Элдена.

— Он, должно быть, попросил одного из серых

воткнуть этот нож в гнездо ос достаточно надолго, чтобы яд пропитал его как следует. Беднягу, скорее всего, зажалили до смерти.

Я подумал, что это более чем вероятно, если осы в Эмписе были такими же большими, как тараканы.

— Но разве этому ублюдку было не все равно? — Йота продолжил. — Не-не, только не этому сукину сыну. В прежние времена осы не были такими опасными, но..., — он пожал плечами.

— Все изменилось, как только Губитель Летучих стал править. И к худшему.

— К худшему, это точно, — он выглядел довольно забавно, сидя на этом низком табурете и подтянув колени к ушам. — Нам нужен был кто-то, кто спас бы нас. Мы получили тебя — думаю, это лучше, чем ничего.

Я поднял здоровую руку и показал ему безымянный палец и мизинец — так мой старый друг Берти выстреливал в кого-нибудь птичкой.

Йота сказал:

— Яд Петры, может, и не такой плохой, как тот, которым был смазан нож этого ублюдка, но, судя по твоему виду, он достаточно плох.

Конечно, он было плох. Она слизывала слюни этой твари, которая была Элденом, и остаток их

еще был у нее во рту, когда она укусила меня. Мысль об этом заставила меня содрогнуться.

— Ты справишься с этим, — сказал он, вставая. — Справишься, принц Чарли.

Я не видел, как он вошел, но видел, как он уходил. Он прошел прямо сквозь колышущиеся занавески и исчез.

Появилась одна из серых медсестер с озабоченным видом. Теперь у больных можно было видеть выражение лица; кое-что от их уродства могло остаться, но неуклонный прогресс болезни-*проклятия* — прекратилось. Более того, наблюдалось медленное, но непрерывное улучшение. На многих серых лицах я видел первый оттенок цвета, и клей, превративший их руки и ноги в ласты, начал растворяться. Однако мне не верилось, что кто-то из них выздоровеет навсегда. Клаудия снова могла слышать — немного, — но я думал, что Вуди навсегда останется слепым.

Медсестра сказала, что слышала, как я говорю, и подумала, что я, возможно, снова брежу.

— Я разговаривал сам с собой, — сказал я, и, возможно, так оно и было. В конце концов, Радар даже ни разу не подняла головы.

Заскочил ко мне в гости и Кла. Он не стал утруждать себя приветствием и не сел, а просто

навалился на спинку кровати.

— Ты сжульничал. Если бы ты играл честно, я бы уложил тебя, принц ты или не принц.

— А чего ты ждал? — спросил я. — Ты был по меньшей мере на сто фунтов тяжелее меня и при этом очень быстрым. Скажи еше, что ты бы не поступил так же на моем месте.

Он усмехнулся:

— Ты меня одолел, и я отдаю тебе должное, но думаю, что времена, когда ты ломал боевой посох о чью-то шею, уже позади. Ты надеешься поправиться?

— Черт меня побери, если я знаю.

Он еще немного посмеялся и подошел к развевающимся занавескам.

— Скажу больше — на тебе какая-то жесткая кора, — с этими словами он исчез. Конечно, если вообще там был. «*На тебе какая-то жесткая кора*» — это фраза из старого фильма ТКМ, который мы с отцом смотрели во времена его пьянства. Не могу вспомнить название, знаю только, что в нем снимался Пол Ньюмен, игравший индейца[249]. Думаете, что в некоторые места моей истории трудно поверить? Тогда попробуйте представить

---

[249] Примечания: 249

Имеется в виду фильм «Омбре» (1967), где Пол Ньюмен играл не индейца, но белого, воспитанного индейцами.

Пола Ньюмена в роли индейца — тут ваше доверие лопнет окончательно.

Той ночью — или какой-то другой, точно не знаю, — я проснулся от рычания Радар и увидел Келлина, самого Верховного лорда, сидящего у моей кровати в своем модном красном смокинге.

— Тебе становится хуже, Чарли, — сказал он. — Они говорят тебе, что укус выглядит лучше, и, возможно, так оно и есть, но инфекция проникает все глубже. Скоро ты закипишь от нее, как чайник. Твое сердце набухнет и разорвется, и я буду ждать тебя. Я и весь мой отряд ночных солдат.

— Не трать зря дыхание, — сказал я, но это было глупо. Он вообще не мог дышать. Он был мертв задолго до того, как до него добрались крысы. — Убирайся отсюда, предатель.

Он исчез, но Радар продолжал рычать. Я проследил за ее взглядом и увидел в тени Петру, ухмыляющуюся мне своими подпиленными зубами.

Дора часто спала в соседней комнате, и она прибежала на подгибающихся ногах, когда услышала мой крик. Она не зажгла газовые лампы, но держала в руках один из торпедообразных фонарей. Дора спросила, все ли со мной в порядке и ровно ли бьется мое сердце, потому что всем медсестрам

было велено следить за любыми изменениями в его ритме. Я сказал, что все нормально, но она все равно пощупала мой пульс и проверила, не сбилась ли повязка.

— Может быть, это были призраки?

Я показал в угол.

Дора подошла туда в своих великолепных кроссовках и подняла фонарь. Там никого не было, но мне и не нужно было, чтобы она показывала это, потому что Радар снова заснула. Дора наклонилась и поцеловала меня в щеку так нежно, как только позволял ее щелевидный рот.

— Хорошо, хорошо, все хорошо. А теперь спи, Чарли. Сон лечит.

2

Меня навещали и живые. Каммит с Куилли, потом Стукс, ввалившийся с таким видом, словно это место принадлежит ему. Его рассеченная щека была зашита дюжиной петляющих черных швов, что заставило меня вспомнить фильм о Франкенштейне, который я тоже смотрел по ТКМ вместе с отцом.

— Останется адский шрам, — сказал он, потирая швы. — Я никогда больше не буду красавцем.

— Стукс, ты никогда им и не был.

Часто приходила Клаудия, и однажды — примерно в то время, когда я начал думал, что, вероятно, буду жить — с ней пришел Док Фрид. Одна из медсестер катила его в инвалидном кресле, которое, должно быть, принадлежало какому-то королю, потому что спицы колес казались сделанными из чистого золота. Мой старый заклятый враг Кристофер Полли обделался бы от зависти.

Искалеченная и зараженная нога Фрида была ампутирована, и он явно испытывал сильную боль, но у него был вид человека, который точно будет жить. Я был рад его видеть. Клаудия осторожно соскребла мою старую мазь и промыла рану. Потом они оба склонились над ней так, что их головы почти соприкоснулись.

— Заживает, — произнес Фрид. — А вы что скажете?

— ДА! — крикнула Клаудия. Она действительно снова могла слышать — во всяком случае, немного, — но я подумал, что все равно она будет говорить этим бесцветным ревом всю оставшуюся жизнь. — РОЗОВАЯ КОЖА! И НИКАКОГО ЗАПАХА, КРОМЕ ВДОВЬЕГО МХА В МАЗИ!

— Может быть, инфекция все еще там, — сказал я. — Может, она проникла глубоко.

Клаудия и Фрид обменялись удивленными взглядами. Доку было слишком больно, чтобы смеяться, поэтому Клаудия сделала это за него.

— ОТКУДА ТЫ ВЗЯЛ ТАКУЮ ГЛУПОСТЬ?

— Почему глупость?

— Болезнь может скрываться, принц Чарли, — сказал Фрид, — но инфекция всегда выставляется напоказ. Она дает вонь и гной, — он повернулся к Клаудии. — Сколько его плоти вам пришлось удалить?

— ОТ ЛОКТЯ ПОЧТИ ДО ЗАПЯСТЬЯ! ТУДА ПРОНИКЛА ЭТА ГРЕБАНАЯ ЗАРАЗА, КОТОРУЮ ОНА ПЕРЕДАЛА ЕМУ! ТАМ ОСТАНЕТСЯ ПУСТОТА, ГДЕ НИКОГДА НЕ ВЫРАСТУТ МЫШЦЫ. ТВОИ ДНИ ИГР, ПОХОЖЕ, ЗАКОНЧИЛИСЬ, ШАРЛИ.

— Но ты сможешь ковырять в носу обеими руками, — сказал Фрид, заставив меня рассмеяться. Это было приятно. С тех пор как я вернулся от Колодца Тьмы, у меня было много кошмаров, а вот смеха в обрез.

— Тебе нужно лечь и попросить кого-нибудь дать тебе то обезболивающее, которое тут есть, — сказал я Доку. — Те маленькие листья, которые ты жуешь. Ты выглядишь хуже, чем я.

— Я уже поправляюсь, — сказал он. — И, Чарли — мы все обязаны тебе жизнью.

В этом была доля правды, но не вся правда. Например, они были в долгу еще и перед Снабом. Он отправился туда, куда обычно отправляются Снабы, хотя мог появляться время от времени (у него было для этого немало способов). С Персивалем, однако, было иначе. Он не пришел навестить меня сам, поэтому я попросил его привести. Он застенчиво вошел в комнату с колышущимися занавесками, одетый в белый костюм, прижимая к груди шляпу типа берета. Я думаю, это была униформа королевского шеф-повара.

Его поклон был глубоким, рука отдавала честь, дрожа. Он боялся взглянуть на меня, пока я не предложил ему стул и стакан холодного чая. Я поблагодарил его за все, что он сделал, и сказал, что очень рад его видеть. Это развязало ему язык, сначала немного, а потом и совсем. Он рассказал мне новости о Лилимаре, которые не потрудился передать никто другой. Думаю, потому что он видел это с точки зрения трудового человека.

Улицы подметали, убирая мусор и битые стекла. Сотни людей, которые прибыли в столицу, чтобы помочь свергнуть прогнившее правление Элдена, разъехались по своим городам и фермам, но на смену им явились сотни других, пришедшие исполнить свой долг перед коро-

левой Лией, прежде чем вернуться в свои дома в таких местах, как Прибрежье и Деск. Мне это напомнило проекты УПР[250], о которых я читал в школе. Мыли окна, высаживали сады, кто-то, разбиравшийся в этом деле, один за другим запускал фонтаны. Мертвых, которые больше не восставали из могил, достойно похоронили. Снова открылись некоторые магазины, и еще больше собирались открыть. Голос Персиваля все еще был невнятным и искаженным, иногда его было трудно понять, но я перескажу все так, что будет понятно.

— Стекло в трех шпилях меняется с каждым днем, принц Чарли! Из того уродливого темно-зеленого оно становится синим, как раньше. Мудрые люди, помнящие, как это все прежде работало, снова подключают троллейбусные провода. Пройдет много времени, прежде чем машины снова заработают, а эти чертовы штуковины всегда ломались даже в лучшие времена, но пользоваться ими будет приятно.

---

[250] Примечания: 250

Управление промышленных работ общественного назначения (Works Progress Administration) — федеральное агентство, созданное в США в 1935 году по инициативе президента США, Франклина Делано Рузвельта и ставшее главным средством трудоустройства миллионов безработных, которые занимались возведением общественных зданий, прокладкой автодорог, строительством аэродромов и плотин.

— Я не понимаю, как они могут ездить, — сказал я. — Здесь ведь нет электричества, кроме маленького генератора на одном из нижних этажей дворца, который, я думаю, принес мой друг мистер Боудич.

Персиваль выглядел озадаченным. Он не имел понятия об электричестве в моем представлении.

— Сила, — сказал я. — Откуда троллейбусы берут силу?

— А! — его лицо, по-прежнему бугристое, но уже не настолько, прояснилось. — Ну, конечно, силу дают станции. Они…

Последовало слово, которого я не понял. Он увидел это и сделал оставшейся рукой машущий жест.

— Станции на реках, принц Чарли. Или на ручьях, те, что послабее. А возле моря, в Прибрежье, есть очень мощная приливная станция.

Думаю, он говорил о чем-то вроде гидроэлектростанций. Если так, то я не смог выяснить, как они уцелели. В Эмписе было много такого, что осталось для меня загадкой. Но по сравнению с тем, как это место вообще существует — и *где* — вопрос о выработке энергии казался пустяковым. Почти бессмысленным.

3

Солнце всходило и заходило. Люди приходили ко мне и уходили. Некоторые из них были мертвыми, некоторые живыми. Но та, кого я хотел увидеть больше всего — та, кто ходил со мной к колодцу, — никак не приходила.

Но однажды пришла и она. Гусиная принцесса, ставшая теперь королевой.

Я сидел на балконе за занавесками, смотрел вниз на центральную площадь дворца и вспоминал всякие неприятные вещи, когда занавески раздвинулись, и из-за них вышла она. На ней было белое платье, подпоясанное на тонкой (все еще слишком тонкой) талии золотой цепочкой. На ее голове не было короны, но один из пальцев украшало кольцо с усыпанной драгоценными камнями бабочкой. Я догадался, что это королевская печатка, и подумал, что таскать на себе золотой головной убор ей было бы слишком тяжело.

Я встал и поклонился, но, прежде чем я успел приложить руку ко лбу, она схватила ее, сжала и прижала к своей груди возле сердца.

— Не-не, не делай этого, — сказала она с таким идеальным фермерским говором, что я рассме-

ялся. Ее голос все еще был хриплым, но уже не таким сдавленным. Мне он показался прекрасным. Я догадывался, что до проклятия он звучал иначе, но этот тоже был хорош. — Лучше обними меня, если твоя раненая рука позволяет.

Она позволяла, и я крепко обнял ее. От нее слабо пахло духами, чем-то вроде жимолости. Мне казалось, что я могу обнимать ее вечно.

— Думал, что ты не придешь, — сказал я. — Что ты решила забыть про меня.

— Я была очень занята, — сказала она, отводя глаза. — Побудь со мной, дорогой. Я хочу посмотреть на тебя, и нам нужно поговорить.

4

Примерно полдюжины медсестер, которые ухаживали за мной, были отпущены для выполнения других обязанностей — в течение нескольких недель после падения Губителя Летучих недостатка в работе у них не было. Но Дора осталась, и она принесла нам большой кувшин эмписарского чая.

— Я много пью, — сказала Лия. — Мне уже не больно говорить — ну, совсем чуть-чуть — но у меня постоянно пересыхает в горле. И рот у меня останется таким, как ты видишь.

Ее рот больше не был затянувшимся, но все еще выглядел изуродованным и возможно, был обречен навсегда остаться таким. Ее губы казались заживающими ранами, покрытыми темно-красными струпьями. Уродливая язва, через которую она питалась, почти полностью исчезла, но ее рот никогда больше не восстановится полностью, так же как Вуди не вернет себе зрение, а Клаудия не сможет в полной мере пользоваться ушами. Я вспомнил, как Стукс сказал, что он никогда больше не будет красивым. Королевой красоты Лии из Галлиенов тоже никогда не стать, но это не имело значения. Потому что она и так была красива.

— Я не хотела, чтобы ты видел меня такой, — сказала она. — Когда я нахожусь с людьми — а это, кажется, целый день, — мне приходится сдерживаться, чтобы не прикрывать рот. А когда я смотрюсь в зеркало..., — она подняла руку. Я поймал эту руку прежде, чем она успела поднести ее ко рту, и решительно положил обратно на колени.

— Я был бы счастлив поцеловать его, если бы тебе не было больно.

Она улыбнулась этому. Улыбка получилась немного кривой, но очаровательной. Может

быть, именно потому что была кривой.

— Ты немного молод для поцелуев любви.

«*Я все равно тебя люблю*», — подумал я.

— А тебе сколько лет? — конечно, это был дерзкий вопрос для королевы, но мне нужно было знать, на какую любовь я могу рассчитывать.

— В любом случае, я старше тебя вдвое. А может, и больше.

Тут я подумал о мистере Боудиче.

— Но ты же не была на солнечных часах, не так ли? Тебе же не сто лет или что-то в этом роде?

Ей удалось выглядеть удивленной и испуганной одновременно.

— Никогда. Никто не поднимается на солнечные часы, потому что это очень опасно. Когда на Поле Монархов проводились игры и состязания — и это будет снова, хотя сначала предстоит провести большие ремонтные работы, — солнечные часы останавливали и надежно охраняли. Чтобы кто-нибудь из тысяч людей, приходивших на игры в те дни, не поддался искушению. Они очень старые. Элден однажды сказал мне, что они были здесь еще до того, как построили Лилимар, даже до того, как его только решили построить.

При этих словах мне стало не по себе. Я наклонился и погладил свою собаку, которая

свернулась калачиком у наших ног.

— Радар это помогло. Именно за этим я пришел сюда, потому что Радар умирала. Но ты, наверное, знаешь это от Клаудии.

— Да, — сказала Лия и наклонилась, чтобы тоже погладить собаку. Радар сонно подняла глаза. — Но твоя собака — животное, не подверженное той заразе зла, что живет в сердце каждого мужчины и женщины. Той, что погубила моего брата. Думаю, в твоем мире эта зараза тоже есть.

Я не мог с этим не согласиться.

— Ни один представитель королевской семьи не пошел бы на это, Чарли. Эти часы изменяют разум и сердце человека. И это еще не все, что они делают.

— Мой друг мистер Боудич тоже прокатился на них, а он был неплохим человеком. Даже хорошим.

Это было правдой, но, оглядываясь назад, я понял, что это не совсем так. Иметь дело с сердитым и замкнутым мистером Боудичем было трудно. По правде говоря, почти невозможно. Я бы тоже не смог, если бы не дал обещание Богу (*Богу в моем понимании*, как говорили члены той группы «Анонимных Алкоголиков», в которую входил мой отец). И вообще никогда бы не узнал

о нем, если бы он не упал и не сломал ногу. У него не было ни жены, ни детей, ни друзей. Он был одиночкой и скопидомом, парнем, который хранил в своем сейфе ведро золотых гранул и любил свои старые вещи: мебель, журналы, телевизор, антикварный «студебеккер» на складе. По его собственным словам, он был трусом, который приносил подарки вместо того, чтобы вмешаться и исправить дело. Если судить строго — я бы не стал, но вы можете, — он был немного похож на Кристофера Полли. То есть на Румпельштильцхена. Это не то сравнение, которое я хотел бы привести, но удержаться от него трудно. Если бы я не пришел, и, если бы он не любил свою собаку, мистер Боудич так бы и умер в своем доме на вершине холма, никем не замеченный и не оплаканный. И проход между мирами, который некому бы было охранять, наверняка был бы обнаружен. Неужели он никогда не думал об этом?

Лия смотрела на меня, вертя на пальце кольцо с печаткой и улыбаясь своей кривой улыбкой.

— Он был хорош сам по себе? Или это ты сделал его хорошим, принц Чарли?

— Не называй меня так, — попросил я. Если я не мог быть ее принцем, я не хотел быть ничьим. И это не был мой выбор. Мои волосы снова потемне-

ли, а глаза вернули свой первоначальный цвет.

Она поднесла руку ко рту, потом заставила себя снова опустить ее на колени.

— Хорош сам по себе, Чарли? Или ты был милостью, которой одарили его высшие боги?

Я не знал, что ей ответить. Большую часть своего пребывания в Эмписе мне казалось, что я старше, чем был, а иногда и сильнее, но теперь я снова чувствовал себя слабым и неуверенным. Увидеть мистера Боудича без смягчающего фильтра памяти было шоком. Я вспомнил запах того старого дома на Сикамор-стрит, 1, пока я его не проветрил: кислый и пыльный. *Заброшенный.*

Она спросила, и не без тревоги:

— Ты ведь не ездил на этих часах, не так ли?

— Нет, просто прокатил Радар, и она помолодела. Но я почувствовал его силу. Могу я задать тебе вопрос?

— Да, конечно.

— Золотая платформа. Мы поднялись на ней, чтобы спуститься вниз. Вниз по этой винтовой лестнице.

Легкая улыбка — все, на что она была способна.

— Мы справились. Это было рискованно, но мы справились.

— Лестница между стенами вела прямо в тот подземный зал?

— Да. Элден знал два пути. Тот, которым мы прошли, и еще один из маленькой комнаты с одеждой. Могли быть и другие, но, если и были, он мне их никогда не показывал.

— Так зачем же мы проделали такой долгий путь? — «*и чуть не упали*», но этого я не сказал.

— Потому что, как мне сказали, Губитель Летучих не может пройти самостоятельно больше нескольких шагов. Это делало лестницу между стенами более безопасной. Я не хотела рисковать, являясь на его вечеринку, но в конце концов выбора у нас не оказалось.

— Если бы мы не остановились в апартаментах Верховного лорда… Йота, возможно, был бы жив!

— Мы сделали то, что должны были сделать, Чарли. Ты был прав насчет этого, а я неправа. Я ошибалась во многих вещах. Мне нужно, чтобы ты знал это, и нужно, чтобы ты знал кое-что еще. Я теперь уродлива от носа и ниже…

— Ты не…

Она подняла руку.

— Тсс! Ты видишь меня глазами друга, я люблю тебя за это и всегда буду любить. Другие этого не делают и не будут делать. И все же, как королева,

я должна буду выйти замуж до того, как стану слишком старой. Уродина я или нет, найдется много желающих обнять меня, по крайней мере, при выключенном свете, и поцелуи не нужны, чтобы произвести на свет наследника. Но мужчины, которые прокатятся на солнечных часах, даже на один оборот, не могут иметь детей. И женщины тоже. Солнечные часы дают жизнь, но они и отбирают ее.

Это, как я думаю, в значительной мере объясняло отсутствие маленьких Боудичей.

— Но Петра…

— Петра! — она презрительно рассмеялась. — Все, чего хотела Петра, — это быть королевой развалин, оставленных моим братом. И она все равно была бесплодна, — вздохнув, она выпила, опустошив свой бокал и налив другой. — Она была безумной и жестокой. Если бы Лилимар и Эмпис попали ей в руки, она бы каталась на этих часах снова и снова. Ты же видел, какой она была.

Я видел. И почувствовал это. И все еще чувствовал, хотя ее яд вышел из моей раны, и боль сменилась сильным зудом, который, как клялась Дора, со временем пройдет.

— Элден был другой причиной, по которой я так

долго не приходила к тебе, Чарли — хотя мысли о тебе никогда не покидали меня и, думаю, никогда не покинут.

Я чуть было не спросил, точно ли она уверена в том, что я слишком молод для нее, но промолчал. Во-первых, я никак не подходил на роль супруга королевы, не говоря уже о короле. Во-вторых, у меня был отец, которому требовалось поскорее узнать, что я еще жив. Была и третья причина для возвращения. Угроза, которую Гогмагог представлял для нашего мира, возможно, миновала (по крайней мере, на данный момент), но оставалась угроза, которую наш мир будет представлять для Эмписа. Если бы я остался здесь, наш мир когда-нибудь непременно узнал бы, что в этот другой мир со всеми его несметными богатствами можно попасть через обычный сарай в Иллинойсе.

— Ты был там, когда я убила своего брата. Я любила его таким, каким он был когда-то, я пыталась увидеть его таким, каким он был, но ты заставил меня увидеть монстра, которым он стал. Каждый раз, когда я смотрю на тебя, я вспоминаю его и то, что я сделала. Я помню, чего мне это стоило. Ты это понимаешь?

— Но это было не так уж плохо, Лия. Даже хорошо. Ты ведь спасла королевство, и не для того,

чтобы стать королевой. Ты спасла его потому что его нужно было спасти.

— Так и есть, и ложная скромность нам не требуется после всего, что мы пережили вместе, но ты все еще не понял. Видишь ли, я знала, что Губитель Летучих был моим братом. Клаудия рассказала мне об этом много лет назад, и я обвинила ее во лжи. Пока я с тобой, я всегда буду знать, что должна была сделать все это раньше. Меня удерживала прежде всего эгоистичная потребность любить его память. Пока королевство страдало, я кормила своих гусей, ухаживала за своим садом и жалела себя. Ты… Прости, Чарли, но когда я вижу тебя, я вижу свой позор. Вижу, что я отсиживалась на ферме в то время как моя земля и мой народ медленно гибли вокруг меня. И все это время я знала.

Она плакала. Я потянулся к ней. Она покачала головой и отвернулась, как будто не могла видеть, как я смотрю на ее слезы.

Я сказал:

— Только что, когда ты пришла, Лия, я думал о плохом поступке, который я совершил. Постыдном. Можно тебе про него рассказать?

— Если хочешь. — сказала она, все еще не глядя на меня.

— У меня был друг, Берти Берд. Хороший товарищ, но не очень хороший друг, если ты понимаешь, что я имею в виду. Я пережил трудное время после смерти моей матери. Мой отец тоже переживал плохие времена, но я не очень задумывался о его проблемах, потому что был всего лишь ребенком. Все, что я знал, это то, что он был мне нужен, а его рядом не было. Думаю, ты должна это понимать.

— Ты же знаешь, что я понимаю, — сказала Лия и отпила еще чаю. Она почти опустошила кувшин, а он был большим.

— Мы совершили немало плохих поступков, Берти и я. Но тот, о котором я думал… Там был парк, через который мы обычно срезали путь домой из школы. Кавана-парк. И однажды мы увидели там калеку, который кормил голубей. Он был в шортах, а на ногах у него были большие скобки. Нам с Берти показалось, что он выглядит по-дурацки. Берти называл его «Робо-Чувак».

— Я не знаю, что это та…

— Не бери в голову. Это неважно. Просто он был калекой, сидел там и наслаждался солнцем. Мы с Берти посмотрели друг на друга, и Берти сказал: «Давай стащим его костыли». Я думаю, это была та самая зараза, о котором ты сказала. Зло. Мы

выскочили и забрали их, он кричал нам, чтобы мы их вернули, но мы этого не сделали. Вместо этого мы отнесли их на край парка и бросили в утиный пруд. Берти бросил один, а я другой. И все время смеялись. Мы бросили костыли калеки в воду, и как он вообще добрался домой, я не знаю. Они там плавали, а мы смеялись.

Я налил ей остатки чая. Его хватило только на полстакана, и это было хорошо, потому что руки у меня дрожали, а из глаз текли слезы. Я не плакал с тех пор, как жалел своего отца в Глуби Малейн.

— Зачем ты мне это рассказал, Чарли?

Я не знал этого, когда начинал — я думал, что это та история, которую я никогда никому не расскажу, — но теперь понял.

— Я украл и твои костыли. Все, что я могу сказать в свое оправдание, это то, что мне нужно было это сделать.

— Ах, Чарли, — она коснулась моей щеки. — В любом случае ты не мог бы быть счастлив здесь. Ты не из этого мира, ты другой, и если ты не вернешься в ближайшее время, ты поймешь, что не сможешь больше жить ни там, ни там, — она встала. — Я должна идти. Нам еще многое нужно сделать.

Я проводил ее до двери. В восьмом классе мы

на уроке английского языка изучали хайку[251], и тогда мне вспомнилось одно из них. Очень нежно я прикоснулся пальцем к ее покрытому струпьями рту.

— Когда есть любовь, шрамы так же красивы, как ямочки на щеках. Я люблю тебя, Лия.

Она коснулась моих губ так же, как я ее.

— Я тоже тебя люблю.

Она выскользнула за дверь и исчезла.

5

На следующий день пришли в гости Эрис и Джая, обе в комбинезонах и больших соломенных шляпах. Все, кто работал на улице, теперь носили шляпы, потому что солнце светило каждый день, словно компенсируя годы облачности, а кожа у всех — а не только у тех, кто провел долгое время в темнице, — была белой, как рыбий живот.

У нас была хорошая встреча. Женщины рассказывали о работе, которой они занимались, а я о своем выздоровлении, которое теперь почти завершилось. Никто из нас не хотел говорить о Глуби Малейн, о Честных играх, о побеге или о

---

[251] Примечания: 251

Хайку (хокку) — жанр традиционной японской поэзии, известный с XIV века.

ночных солдатах. И, конечно, о мертвых, которых мы оставили позади. Они рассмеялись, когда я рассказал им, с каким важным видом приходил ко мне Стукс. Я воздержался от рассказа о полуночных визитах Келлина и Петры — в этом не было ничего смешного. Зато узнал, что из Крэтчи прибыл отряд великанов, чтобы присягнуть на верность новой королеве.

Джая заметила мой рюкзак и опустилась перед ним на колени, скользя ладонями по его красному нейлоновому корпусу и черным лямкам. Эрис стояла на коленях рядом с Радар и гладила ее.

— О-о, — сказала Джая, — как красиво, Чарли. Это сделали там, откуда ты пришел?

— Да. Скорее всего, во Вьетнаме.

— Я бы много отдала, чтобы иметь такой же, — она подняла рюкзак за лямки. — Он такой тяжелый! Ты сможешь его нести?

— Я справлюсь, — сказал я и вынужден был улыбнуться. Чертовски верно, он был тяжелым; вместе с моей одеждой и обезьянкой Радар в нем лежал дверной молоток из чистого золота. Клаудия и Вуди настояли, чтобы я его взял.

— Когда ты уходишь? — спросила Эрис.

— Дора сказала, что если завтра я смогу пройти до городских ворот и обратно без обморока, то

послезавтра смогу уйти.

— Так скоро? — спросила Джая. — Очень жаль! Знаешь, после работы тут устраивают вечеринки. Там весело.

— Думаю, тебе придется от души повеселиться за нас обоих, — сказал я.

Тем вечером Эрис вернулась ко мне. Она была одна, волосы у нее были распущены, вместо рабочей одежды на ней было красивое платье, и она не теряла даром времени и слов.

— Ляжешь со мной, Чарли?

Я сказал, что был бы счастлив лечь с ней, если она извинит неловкость из-за того, что я до сих пор не имел в жизни такого удовольствия.

— Отлично, — сказала она и начала расстегивать платье. — Тогда можешь запомнить то, чему я тебя научу.

Что касается того, что последовало за этим — если это был секс в благодарность, меня это ни капли не волновало. А если секс из милосердия, то все, что я могу сказать — спасибо милосердию.

6

Прежде чем я покинул Лилимар, у меня были еще два посетителя. Пришла Клаудия, ведя за локоть Вуди в черном пальто из альпаки. Шрамы

на глазах у него сгладились и слегка разошлись, но в просветах я не мог видеть ничего, кроме белизны.

— МЫ ПРИШЛИ ПОЖЕЛАТЬ ТЕБЕ ВСЕГО ХОРОШЕГО И ПОБЛАГОДАРИТЬ! — прогремела Клаудия. Она была слишком близко к левому уху Вуди, и он отстранился, слегка поморщившись. — МЫ НИКОГДА НЕ СМОЖЕМ ОТБЛАГОДАРИТЬ ТЕБЯ КАК СЛЕДУЕТ, ШАРЛИ. РЯДОМ С БАССЕЙНОМ ЭЛЬЗЫ ПОСТАВЯТ ТВОЮ СТАТУЮ. Я УЖЕ ВИДЕЛА РИСУНКИ, И ОНИ ДОВОЛЬНО…

— Эльза умерла с копьем в кишках, — я не понимал, что злюсь на них, пока не услышал свой голос. — Много людей погибло. Тысячи, десятки тысяч, насколько я знаю. Пока вы двое сидели сложа руки. Лию я еще понимаю — ее ослепляла любовь. Она не могла заставить себя поверить, что ее брат был тем, кто сотворил это… это дерьмо. Но вы двое верили, вы знали, и все равно сидели сложа руки.

Они ничего не сказали. Клаудия не смотрела на меня, а Вуди не мог.

— Вы были членами королевской семьи, единственными, кто остался, кроме Лии. По крайней мере, единственными, кто имел значение. Все пошли бы за вами.

— Нет, — сказал Вуди. — Ты ошибаешься, Чарли. Только Лия могла сплотить их. Твой приход заставил ее сделать то, что должна делать королева, — повести за собой людей.

— Но вы ведь никогда не приходили к ней? Не говорили, в чем заключается ее долг, независимо от того, насколько это может ей повредить? Вы были старше ее и, наверное, мудрее и ни разу не дали ей нужный совет?

Снова тишина. Они были целыми людьми а значит, не знали прокляты серым, но страдали от своих персональных проклятий. Я мог понять, что это ослабило их и вселило в них страх. Но я все еще был зол.

— Вы были так нужны ей!

Клаудия потянулась и взяла меня за руки. Я чуть было не вырвал их, но передумал. Тихим голосом, который она, вероятно, сама не слышала, она сказала:

— Нет, Шарли, это *ты* был тем, кто ей нужен. Ты был обещанным принцем, и теперь обещание выполнено. То, что ты говоришь, правда — мы были слабы, мы потеряли мужество. Но, пожалуйста, не уходи от нас в гневе. Пожалуйста.

Что я знал, так это то, что был очень зол на них, но не хотел уходить таким образом.

— Хорошо, — я говорил достаточно громко, чтобы она услышала. — Но только потому, что я потерял твой трехколесный велосипед.

Она откинулась на спинку стула с улыбкой. Радар уткнулась носом в ботинок Вуди, и он наклонился, чтобы погладить ее.

— Мы никогда не сможем отплатить тебе за храбрость, Чарли, но если у нас есть что-то, что тебе нужно, то это твое.

Ну, у меня уже был дверной молоток, который, по ощущениям, весил около четырех фунтов, и если цена на золото сейчас примерно такая же, как была, когда я покинул Сентри, то он стоил около восьмидесяти четырех тысяч долларов. Если добавить к этому гранулы из ведра, я был довольно богат. Мог жить на широкую ногу, как говорится. Но была одна вещь, которая могла мне пригодиться.

— Как насчет кувалды?

Я сказал не совсем это, но они поняли.

7

Я никогда не забуду ужасную тварь с крыльями, которая пыталась выбраться из Темного Колодца. Это плохое воспоминание. Хорошим способом уравновесить его был мой отъезд из Лилимара на

следующий день. Нет, слова «хороший» недостаточно. Это прекрасное воспоминание, из тех, что достаешь из памяти, когда ни у кого нет для тебя доброго слова и жизнь кажется безвкусной, как ломоть черствого хлеба. Это было плохо, потому что я уезжал (хотя я был бы откровенным лжецом, если бы не сказал, с каким нетерпением ждал встречи со своим отцом), но это было прекрасно, потому что мне устроили проводы, достойные… Я собирался сказать «достойные короля», но, думаю, имею в виду достойные уходящего принца, который снова превращался в парня из маленького городка в Иллинойсе.

Я ехал впереди в повозке, запряженной парой белых мулов. Дора в красном платке на голове и желтых кроссовках держала поводья. Радар сидела позади нас, навострив уши и медленно виляя хвостом взад-вперед. По обе стороны Галлиеновской улицы стояли серые люди. Они опускались на колени, приложив ладони ко лбу, когда мы подъезжали ближе, потом вставали и долго махали вслед. Мои выжившие товарищи из Глуби Малейн шагали рядом с нами, Эрис везла Дока Фрида в его инвалидном кресле с золотыми спицами. Один раз она подняла глаза и игриво подмигнула мне. Я ответил тем же. Над нами про-

летело облако бабочек-монархов, такое густое, что затмило небо. Несколько приземлились мне на плечи, медленно расправляя крылья, а один сел на голову Радар.

У открытых городских ворот стояла Лия, одетая в платье такого же темно-синего цвета, какой обрели тройные шпили, с короной Галлиенов на голове. Она расставила ноги так же, как тогда на каменной лестнице над Колодцем Тьмы, когда держала обнаженный меч. Так же решительно.

Дора заставила мулов остановиться. Толпа, следовавшая за нами, замолчала. В руках Лия держала гирлянду кроваво-красных маков, единственных цветов, которые продолжали расти в годы серости, и меня не удивило — как, думаю, и вас, — что жители Эмписа называли эти цветы Красной Надеждой.

Лия повысила голос, чтобы ее услышали те, кто толпился на улице позади нас.

— Это принц Чарли, который сейчас отправляется к себе домой! Он несет с собой нашу благодарность и мою непреходящую признательность! Проводите его с любовью, жители Эмписа! Таков мой приказ!

Все зааплодировали. Я наклонил голову, чтобы на нее надели гирлянду — и чтобы скрыть слезы.

Потому что, знаете ли, в сказках принцы никогда не плачут. Королева Лия поцеловала меня, и хотя ее рот был изуродован, это был лучший поцелуй, который у меня когда-либо был — по крайней мере, с тех пор, как умерла моя мать.

Я все еще чувствую его.

Глава тридцать вторая
Вот ваш счастливый конец

1

Свою последнюю ночь в Эмписе я провел там

же, где и первую — в маленьком домике Доры рядом с колодцем миров. Мы поели тушеного мяса, а потом вышли на улицу посмотреть на золотое обручальное кольцо в небе, в которое превратились теперь Белла и Арабелла. Оно было очень красивым, как иногда случается со сломанными вещами. Я снова задался вопросом, где же находится этот мир, и решил, что это не имеет значения — достаточно того, что он существует.

Я снова заснул у камина Доры, положив голову на подушку с аппликациями в виде бабочек. Спал я без ночных гостей и без дурных снов об Элдене или Гогмагоге. Проснулся уже поздним утром. Дора усердно стучала на швейной машинке, которую принес ей мистер Боудич, слева от нее лежала груда сломанных туфель, а справа — починенные. Мне было интересно, как долго еще продлится этот ее обмен.

В последний раз мы позавтракали вместе: бекон, толстые ломти домашнего хлеба и омлет из гусиных яиц. Когда с едой было покончено, я в последний раз застегнул оружейный пояс мистера Боудича. Потом опустился на одно колено и приложил ладонь ко лбу.

— Не-не, Чарли, встань, — ее голос все еще был сдавленным и хриплым, но улучшался с каждым

днем. Казалось даже, с каждым часом. Я поднялся на ноги. Она протянула ко мне руки, и я не просто обнял ее, а поднял и закружил, заставляя смеяться. Потом она опустилась на колени и скормила моей собаке два кусочка бекона из своего фартука.

— Райй, — сказала она и обняла ее. — Я люблю тебя, Райй.

Она прошла со мной половину подъема на холм, к свисающим виноградным лозам, которые закрывали вход в туннель. Теперь эти лозы зазеленели. Мой рюкзак был тяжелым, а кувалда, которую я сжимал в правой руке, еще тяжелее, но свет солнца на моем лице делал день прекрасным.

Дора в последний раз обняла меня, а Радар в последний раз погладила. В ее глазах стояли слезы, но она улыбалась. Теперь она могла улыбаться. Остаток пути я прошел сам и увидел, что нас ждет еще один старый друг, краснеющий на фоне растущей зелени виноградных лоз. Радар тут же легла на живот. Снаб проворно вскочил ей на спину и посмотрел на меня, подергивая усиками.

Я сел рядом с ними, снял рюкзак и расстегнул клапан.

— Как у вас дела, сэр Снаб? Нога совсем зажи-

ла?

Радар гавкнула один раз.

— Что ж, это хорошо. Но давай ты не пойдешь дальше, ладно? Воздух моего мира может тебе не понравиться.

Поверх дверного молотка, завернутое в футболку школы Хиллвью, лежало то, что Дора назвала «ай-йе-ет», что, как я понял, означало «маленький свет». У нее все еще были проблемы с согласными, но я подумал, что со временем это может исправиться. Маленький свет представлял собой огарок свечи в стеклянном шаре. Я снова надел рюкзак, откинул колпачок и зажег свечу серной спичкой.

— Хватит, Радар. Пора прощаться.

Она поднялась на ноги. Снаб соскочил с ее спины. Он остановился, еще раз взглянул на нас своими серьезными черными глазами, а потом прыгнул в траву. Я видел его еще пару мгновений, потому что он двигался на фоне неподвижного ковра из маков. А потом он исчез.

Я бросил последний взгляд с холма на дом Доры, который на солнце казался намного лучше — уютнее. Радар тоже оглянулась. Дора махала нам рукой из-под своих веревок с висящими туфлями. Я помахал в ответ. Потом схватил кувалду

и смахнул в сторону свисающие виноградные лозы, открывая темноту за ними.

— Хочешь домой, девочка?

Моя собака первой вошла внутрь.

2

Мы достигли границы между мирами, и я почувствовал дезориентацию, которую помнил по прежним путешествиям. Я немного пошатнулся, и маленький свет погас, хотя ветра не было. Велев Радар подождать, я достал из пустой петли для пуль на поясе мистера Боудича еще одну спичку. Чиркнул спичкой по шершавому камню и снова зажег свечу. Гигантские летучие мыши летали и пищали у нас над головой, потом успокоились. Мы пошли дальше.

Когда мы подошли к колодцу с его спиральным кольцом узких ступеней, я заслонил свечу рукой и посмотрел вверх, надеясь, что не увижу света, проникающего внутрь. Свет означал бы, что кто-то передвинул доски и пачки журналов, которые я использовал в качестве камуфляжа. Это было бы нехорошо. Мне показалось, что я действительно вижу очень слабый свет, но, вероятно, это было нормально. В конце концов, мой камуфляж не был идеальным.

Радар уже поднялась на четыре или пять ступенек, потом оглянулась, чтобы посмотреть, иду ли я следом.

— Не-не, собачка, я пойду первым. Не хочу, чтобы загородила мне путь, когда мы доберемся до верха.

Она повиновалась, но очень неохотно. Нюх у собак по меньшей мере в сорок раз острее, чем у людей. Может быть, она почувствовала запах ее старого мира, ожидающего наверху, и спешила к нему. Если так, то это был для нее тяжелый путь, потому что мне приходилось постоянно останавливаться, чтобы отдохнуть. Мне было уже лучше, но не совсем хорошо. Фрид сказал, чтобы я поменьше волновался, и я пытался следовать указаниям врача.

Когда мы добрались до верха, я с облегчением увидел, что последняя пачка журналов, которую я держал на голове, как корзину с бельем, все еще на месте. Я ждал под ней по крайней мере минуту, возможно, больше — две или три. На этот раз не просто чтобы отдохнуть. Мне не терпелось поскорее вернуться домой, но было еще и немного страшно. И я уже немного тосковал по тому, что оставил позади. В том мире были дворец, прекрасная принцесса и безрассудные поступки.

Может быть, где-то там — возможно, в Прибрежье — еще остались русалки, поющие свои песни без слов. В подземном мире я был принцем. В этом мне пришлось бы писать заявления в колледж и выносить мусор.

Радар ткнулась мордой в заднюю часть моего колена и дважды резко пролаяла. И кто только сказал, что собаки не могут говорить?

— Ладно, ладно.

Головой я поднял пачку и оттолкнул ее в сторону. Потом отодвинул пачки с обеих сторон, работая медленно, потому что левая рука все еще болела (сейчас она уже лучше, но никогда не будет такой, как в мои футбольные и бейсбольные времена — спасибо этой суке Петре). Радар еще несколько раз гавкнула, чтобы поторопить меня. У меня не было проблем с тем, чтобы протиснуться между досками, которыми я прикрыл устье колодца — за время пребывания в Эмписе я сильно похудел, в основном в Глуби Малейн, — но сначала пришлось вывернуться из лямок рюкзака и бросить его на пол. К тому времени, как я выбрался, левая рука болела уже довольно сильно. Радар выскочила следом за мной с отвратительной легкостью. Я проверил глубокий след, оставленный укусом Петры, боясь,

что заживающая рана могла открыться, но все выглядело нормально. Что меня удивило, так это то, как холодно было в сарае. Я мог видеть свое дыхание.

Сарай был точно таким, каким я его оставил. Свет, который я видел снизу, просачивался сквозь щели в его стенах. Я попробовал открыть дверь и обнаружил, что она заперта на висячий замок снаружи. Энди Чен сделал это по моей просьбе. На самом деле я не верил, что кто-нибудь будет проверять заброшенный сарай на заднем дворе в поисках меня (или моего мертвого тела), но все равно испытал облегчение. Однако это означало, что мне придется воспользоваться кувалдой. Что я и сделал — одной рукой.

К счастью, доски сарая были старыми и сухими. Одна треснула от первого удара и развалилась от второго, впустив поток дневного света Иллиной-са — и мелкий снежный вихрь. Подбадриваемый лаем Радара, я разбил еще две доски. Радар прыгнула в щель и сразу же присела на корточки, чтобы пописать. Я еще раз взмахнул кувалдой, выбив еще один длинный кусок доски. Потом выбросил свой рюкзак наружу, повернулся боком и выбрался на солнечный свет в четырехдюймовый слой снега.

3

Радар запрыгала по двору, время от времени останавливаясь, чтобы зарыться мордой в снег и подбросить его в воздух. Это щенячье поведение заставило меня рассмеяться. Я перегрелся от подъема по винтовой лестнице и работы с кувалдой, и когда смог добраться до заднего крыльца, меня била дрожь. Температура не могла быть больше двадцати пяти градусов[252]. А если добавить к этому сильные порывы ветра, то было, вероятно, еще вдвое холоднее.

Я достал из-под коврика (который мистер Боудич называл «недобро пожаловать») запасной ключ и открыл дверь. В доме пахло плесенью и было холодно, но кто — то — почти наверняка мой отец — немного увеличил температуру, чтобы трубы не замерзли. Я вспомнил, что в шкафу в прихожей видел старое драповое пальто — оно все еще висело там. Там же стояла пара галош с красными шерстяными носками, свисающими с голенищ. Галоши были мне тесны, но мне не требовалось носить их долго. Надо было просто спуститься вниз по холму. Оружейный пояс и

---

[252] Примечания: 252
По Фаренгейту, по Цельсию — около -4.

револьвер отправились на полку шкафа. Позже я собирался убрать их обратно в сейф — надеясь, что тот все еще на месте.

Мы вышли через черный ход, обогнули дом и прошли через калитку, которую мне пришлось перелезать в свой первый визит сюда, в ответ на вой Радар и слабые крики мистера Боудича о помощи. Теперь казалось, что это было по меньшей мере столетие назад. Я пошел вниз по Сикамор-стрит, и тут что-то привлекло мое внимание. На самом деле я увидел сам себя — потому что мое лицо смотрело с объявления на телефонном столбе на пересечении Сикамор и Пайн. Так получилось, что это была моя фотография в младшем классе, и первым, что меня на ней поразило, было то, как молодо я выгляжу. «*Вот ребенок, который ничего ни о чем не знал*, — подумал я. — *Может быть, он думал, что знает, но не-не*».

Большими красными буквами над картинкой было напечатано: «ВЫ ВИДЕЛИ ЭТОГО МАЛЬЧИКА?»

А под ними еще крупнее: «ЧАРЛЬЗ МАКГИ РИД, 17 ЛЕТ».

И ниже: «Чарльз или Чарли Рид исчез в октябре 2013 года. Его рост 6 футов 4 дюйма, а весит он 235 фунтов. В последний раз его видели…»

И так далее. Я зациклился на двух вещах: на том, насколько потрепанным выглядел плакат и как он ошибался в отношении моего нынешнего веса. Я огляделся, почти ожидая увидеть миссис Ричленд, пристально смотрящую на меня, прикрыв глаза рукой, но на посыпанном солью тротуаре стояли только мы с Радар.

На полпути к своему дому я остановился, охваченный внезапным желанием — безумным, но сильным — повернуть назад. Войти через калитку на Сикамор-стрит, 1, обойти дом, зайти в сарай, спуститься по винтовой лестнице и, наконец, попасть в Эмпис, где я бы выучился какому-нибудь ремеслу и устроил свою жизнь. Возможно, я пошел бы в ученики к Фриду и стал неплохим костоправом.

Потом я подумал об этом плакате и других таких же, в городе и по всей округе, расклеенных моим отцом, дядей Бобом и куратором отца Линди. А может, и другими его друзьями из «Анонимных Алкоголиков». Если, конечно, он не начал снова пить.

Пожалуйста, Боже, не надо.

Я снова зашагал, позвякивая пряжками галош мертвеца, а помолодевшая собака мертвеца следовала за мной по пятам. По склону навстречу

мне тащился маленький мальчик в стеганой красной куртке и зимних штанах. Он тащил сани за кусок бельевой веревки. Вероятно, направлялся на горку в Кавана-парке.

— Подожди, малыш.

Он недоверчиво посмотрел на меня, но остановился.

— Какой сегодня день? — слова выходили достаточно плавно, но, казалось, цеплялись друг за друга. Я думаю, в этом нет никакого смысла, но именно так я чувствовал и знал почему. Я снова говорил по-английски.

Он бросил на меня взгляд, спрашивающий, родился я глупым или вырос таким.

— Суббота.

Так что мой отец был бы дома, если только не отправился на собрание «Анонимных Алкоголиков».

— А какой месяц?

Теперь этот взгляд говорил «*даа*».

— Февраль.

— Две тысячи четырнадцатого?

— Да. Мне пора.

Он продолжил свой путь к вершине холма, бросив на меня и мою собаку недоверчивый взгляд через плечо. Вероятно, чтобы убедиться, что мы

не следуем за ним со злым умыслом.

Февраль. Меня не было четыре месяца. Странно думать об этом, но не так странно, как то, что я за это время увидел и сделал.

4

Я постоял перед домом минуту или около того, собираясь с духом, чтобы зайти внутрь, надеясь, что не найду своего отца в отключке на диване в компании с «Моей дорогой Клементиной»[253] или «Поцелуем смерти»[254] по ТКМ. Подъезд был откопан от снега, а дорожка расчищена лопатой. Я сказал себе, что это хороший знак.

Радар устала ждать меня и взбежала по ступенькам, где сидела и ждала, когда ее впустят. Когда-то давно у меня был ключ от двери, но он потерялся где-то по дороге. «*Как и трицикл Клаудии,* — подумал я. — *Не говоря уже о моей девственности*». Оказалось, что это не имело значения. Дверь была не заперта. Я вошел, услышал

---

[253] Примечания: 253

«Моя дорогая Клементина» — классический вестерн режиссера Джона Форда, вышедший в 1946 г. Его название отсылает к народной песне «Oh My Darling, Clementine», которая звучит в начале и в конце фильма.

[254] Примечания: 254

«Поцелуй смерти» («Kiss of Death») — фильм-нуар режиссёра Генри Хэтэуэя, вышедший на экраны в 1947 году.

звук телевизора — новостной канал, а не ТКМ — и потом Радар побежала по коридору, приветственно лая.

Когда я вошел в гостиную, она стояла на задних лапах, положив передние на газету, которую читал мой отец. Он посмотрел на нее, а потом перевел взгляд на меня. На мгновение он, казалось, не понимал, кто стоит в дверном проеме. Когда он понял это, от шока мышцы его лица расслабились. Я никогда не забуду, как этот момент узнавания заставил его выглядеть одновременно старше — мужчиной, которым он стал бы в шестьдесят — семьдесят, — и моложе, как ребенок, которым он был в моем возрасте. Это было так, как если бы какие-то внутренние солнечные часы повернулись в обе стороны сразу.

— Чарли?

Он начал вставать, но сначала ноги не держали его, и он снова рухнул обратно. Радар сидела рядом с его креслом, постукивая хвостом.

— Чарли? Это правда ты?

— Это я, пап.

На этот раз ему удалось подняться на ноги. Он плакал. Я тоже начал плакать. Он побежал ко мне, споткнулся о столешницу и упал бы, если бы я его не подхватил.

— Чарли, Чарли, слава Богу, я думал, ты мертв, мы все думали, что ты…

Он больше не мог говорить. Мне нужно было многое ему сказать, но прямо сейчас я тоже не мог говорить. Мы обнялись над Радар, которая стояла между нами, виляя хвостом и лая. Думаю, что знаю, чего вы хотели, и теперь вы это получили.

Вот ваш счастливый конец.

Эпилог
Заданные вопросы и ответы на них (по крайней мере, некоторые). Последний визит в Эмпис

1

Если вы думаете, что в этой истории есть места, не похожие на то, что их написал семнадцатилетний юноша, то так и есть. Я вернулся из Эмписа девять лет назад. С тех пор я много читал и писал. Я окончил Нью-Йоркский университет cum laude (summa отсутствовала из-за прически)[255] по специальности «английский язык». Сейчас я преподаю в Колледже свободных искусств в Чикаго, где веду довольно популярный семинар под названием «Миф и сказки». Меня считают довольно яркой личностью, в основном из-за расширенной версии эссе, которое я написал, будучи аспирантом. Оно было опубликовано в «Международном журнале юнгианских исследований». Гонорар был крошечным, зато похвалы критиков — бесценными. И можете поверить, что я цитировал там некую книгу, на обложке которой изображалась воронка, заполняющаяся звездами.

---

[255] Примечания: 255

Summa cum laude (на латыни «с высшим отличием») — аналог нашего красного диплома для выпускников американских вузов.

«*Приятно это знать,* — скажете вы, — *но у нас есть вопросы*».

И не только у вас. Я тоже хотел бы знать, как проходит правление Доброй королевы Лии. Хотел бы знать, остаются ли серые люди все еще серыми. Хотел бы знать, ревет ли еще так же зычно Клаудия из рода Галлиенов. Хотел бы знать, перекрыт ли путь в тот ужасный подземный мир — логово Гогмагога. Хотел бы знать, кто позаботился об оставшихся ночных солдатах, и присутствовал ли кто-нибудь из моих товарищей по заключению в Глуби Малейн при их кончине (вероятно, нет, но человек может помечтать). Я даже хотел бы знать, как ночные солдаты открывали наши камеры, просто протягивая руки.

Вам, я думаю, хочется знать, как поживает Радар. Отвечаю: очень хорошо, спасибо, хотя она немного сбавила обороты; в конце концов, для нее тоже прошло девять лет, что делает ее чертовски старой для немецкой овчарки, особенно если сложить вместе ее старую и новую жизни.

Еще вы хотите знать, рассказал ли я своему отцу, где был эти четыре месяца. Ответ — если я могу позаимствовать выражение лица одного маленького ребенка, тянущего санки, — *дааа*. Как я мог не сделать этого? Или я должен был сказать

ему, что какое-то чудодейственное лекарство, добытое мной в Чикаго, превратило Радар из старой, фактически умирающей собаки, разбитой артритом, в крепкую и жизнерадостную овчарку, которая выглядела и вела себя как четырехлетняя?

Я не рассказал ему всего сразу, всего было слишком много, но в главном я был откровенен. Я сказал, что существует связь между нашим миром и другим (я не называл его Эмписом, просто Другим, как тогда, когда впервые пришел туда). Еще я сказал, что пробрался туда из сарая мистера Боудича. Он внимательно выслушал меня, а потом спросил — как вы, конечно, догадались, — где я был на самом деле.

Я показал ему свою руку и глубокую рану над запястьем, которая останется там на всю оставшуюся жизнь. Это его не убедило. Тогда я открыл свой рюкзак и показал золотой дверной молоток. Он осмотрел его, взвесил в руке и предположил — предварительно, — что это, должно быть, позолоченный сувенир с распродажи, на самом деле сделанный из свинца.

— Распили его и посмотри сам. В конце концов его придется переплавить и продать. В сейфе мистера Боудича есть ведро с золотыми гранула-

ми из того же места. Я покажу тебе их, когда ты будешь готов посмотреть. Это то, на что он жил. Я сам продал несколько из них ювелиру в Стэнтонвилле. Мистеру Генриху. Теперь он мертв, так что мне, думаю, придется отыскать кого-то другого, с кем можно вести дела.

Это продвинуло его немного дальше по пути к вере, но что окончательно убедило его, так это Радар. Она знала дорогу ко всем своим любимым местам у нас дома, но по-настоящему убедили его небольшие шрамы на ее морде от неудачной встречи с дикобразом, когда она была маленькой. (Некоторые собаки никогда не извлекают уроки, но для Радар одного раза было достаточно.) Мой отец заметил их, когда мы держали ее у себя после того, как мистер Боудич сломал ногу и потом, когда он умер — когда она сама была на грани смерти. Те же шрамы остались на ее младшей версии, вероятно, потому что я стащил ее с солнечных часов до того, как она миновала тот возраст, когда у нее в носу было полно игл. Папа долго смотрел на них, а потом посмотрел на меня широко раскрытыми глазами.

— Это невозможно.

— Я знаю, что так кажется, — сказал я.

— В сейфе Боудича действительно стоит ведро

с золотом?

— Я покажу его тебе, — повторил я. — Когда ты будешь готов. Знаю, что в это очень тяжело поверить.

Он сидел на полу, скрестив ноги, гладил Радар и думал. Через некоторое время он сказал:

— Этот мир, который ты, как утверждаешь, посетил, волшебный? Как Ксанф из тех книг Пирса Энтони[256], которые ты читал в младших классах? Гоблины, василиски, кентавры и все такое?

— Не совсем так, — сказал я. Я никогда не видел в Эмписе кентавра, но если там были русалки — и великаны…

— Могу я тоже пойти туда?

— Я думаю, ты должен, — сказал я. — По крайней мере, один раз. — Потому что Эмпис на самом деле был не очень похож на Ксанф. В книгах Пирса Энтони не было ни Глуби Малейн, ни Гогмагога.

Мы отправились туда неделю спустя — принц, который больше не был принцем, и мистер Джордж Рид из «Страховой конторы Рида». Я провел ту неделю дома, питаясь старой доброй американской едой, спал в старой доброй амери-

---

[256] Примечания: 256

Американский писатель-фантаст, автор более сотни книг, объединенных в десяток серий, самая известная из которых — «Ксанф».

канской кровати и отвечал на вопросы старых добрых американских копов. Не говоря уже о вопросах дяди Боба, Линди Франклина, Энди Чена, разных школьных администраторов и даже миссис Ричленд, нашей любопытной Варвары. К тому времени мой отец уже увидел ведро с золотом. Еще я показал ему маленький свет, который он осмотрел с большим интересом.

Хотите услышать историю, которую я придумал с помощью своего отца — который, как вы помните, был крутым страховым расследователем, знающим множество ловушек, в которые попадают лжецы, а значит, и способы их избежать? Вероятно, так и есть, но я просто скажу, что важную роль в ней сыграла амнезия с добавлением того, что собака мистера Боудича умерла в Чикаго до того, как я попал в беду, которую не могу вспомнить (хотя, кажется, помню, как меня ударили по голове). Собака, которая сейчас живет у нас с папой, — Радар II. Бьюсь об заклад, что мистеру Боудичу, который вернулся в Сентри как свой родной сын, это бы понравилось. Билл Гарриман, репортер из «Уикли Сан», попросил меня об интервью (должно быть, у него был разговор с одним из копов), но я отказался. Огласка была последним, в чем я нуждался.

Вам интересно, что случилось с Кристофером Полли, мерзким маленьким Румпельштильцхеном, который хотел убить меня и украсть сокровище мистера Боудича? Я так и сделал, и поиск в «Гугл» выдал мне ответ.

Если вы помните начало моей истории, то, возможно, помните и то, как я боялся, что мы с отцом окажемся бездомными и будем спать под эстакадой со всеми нашими пожитками, сложенными в тележку для покупок. С нами этого не случилось, зато случилось с Полли (хотя насчет тележки не уверен). Полиция обнаружила его тело под эстакадой в Скоки, соединяющей три штата. Ему нанесли несколько ножевых ранений. Хотя у него не было при себе ни бумажника, ни водительского удостоверения, его отпечатки пальцев нашлись в досье — часть длинного списка арестов, восходящего к подростковому возрасту. В новостной статье цитировался капитан полиции Скоки Брайан Бейкер, который сказал, что жертва не могла защитить себя, потому что у нее были сломаны оба запястья.

Я говорил себе, что Полли, возможно, не пережил бы нападения в любом случае — сил у него было немного, а пистолет у него я отобрал, — но не мог быть в этом уверен. Не могу я быть уверен

и в том, что мотивом его убийства была добыча, взятая при ограблении ювелирного магазина. Неужели он рассказал об этом не тому человеку, пытаясь продать ее, и заплатил за это своей жизнью? Я не знаю, не могу знать, но в глубине души уверен в этом. Меньше я уверен, что он умер в то же самое время, когда Красная Молли отбросила Питеркина со своего пути с такой силой, что разорвала этого мерзкого карлика пополам, но думаю, что, возможно, так оно и было.

Я могу доказывать себе, что Полли сам навлек на себя беду, и это правда, но когда я думаю о том, как он поднимал свои бессильные руки, чтобы отразить удары ножом того человека, кто стоял над ним на коленях в заваленном мусором проходе под эстакадой, то не могу избавиться от чувства жалости и стыда. Вы можете сказать, что у меня нет причин испытывать стыд, что я сделал то, что должен был сделать, чтобы спасти свою жизнь и тайну сарая, но стыд подобен смеху — и вдохновению. Он не стучится.

2

В субботу после того, как я вернулся домой, со Скалистых гор налетела сильная снежная буря. Мы с отцом добрались до дома мистера Боудича

— я был в ботинках, которые не сводили ноги судорогой, — и обошли его сзади. Папа с неодобрением посмотрел на разбитую стену сарая.

— Это надо будет починить.

— Я знаю, но это был единственный способ, которым я мог выбраться, после того как Энди запер дверь на замок.

Во внутреннем освещении не было необходимости, потому что у нас было два фонарика. Радар мы оставили дома. Как только мы вышли из туннеля, она направилась бы прямиком к Дому обуви, а я не хотел видеть Дору. Не хотел видеть никого из тех, с кем общался там в свое время. Я просто хотел убедить своего отца, что другой мир реален, а потом уйти. Было и кое — что еще, странное и, вероятно, эгоистичное: я не хотел слышать, как мой отец говорит по-эмписарски. Это было только моим.

Мы спустились по винтовой лестнице, я шел впереди. Мой отец продолжал говорить, что не может в это поверить, просто не может поверить. Оставалось молить Бога, чтобы я не подтолкнул его к психическому срыву, но, учитывая ставки, я чувствовал, что у меня не было выбора.

Я все еще чувствую то же самое.

В туннеле я велел ему светить фонариком на

каменный пол.

— Потому что тут летучие мыши. Большие. Я не хочу, чтобы они летали вокруг нас. Кроме того, мы собираемся подойти к месту, где ты можешь почувствовать головокружение, почти как при выходе из тела. Это точка перехода.

— Кто это сделал? — тихо спросил он. — Господи Иисусе, Чарли, *кто это сделал?*

— С таким же успехом ты мог бы спросить, кто сотворил мир.

Наш и другие. Я уверен, что есть и другие, может быть, их столько же, сколько звезд на небе. Мы чувствуем их. Они прикасаются к нам во многих старых сказках.

Мы подошли к переходу, и он чуть не упал, но я был наготове и удержал его за талию.

— Может быть, нам стоит вернуться? — спросил он. — У меня бурлит в животе.

— Осталось совсем немного. Видишь впереди свет?

Мы подошли к виноградным лозам. Я раздвинул их, и мы вышли в Эмпис, увидев безоблачное голубое небо над нами и дом Доры внизу на холме. На ее перекрещивающихся веревках не было обуви, но рядом с Королевской дорогой паслась лошадь. Расстояние было слишком большим,

чтобы понять наверняка, но я почти уверен, что узнал эту лошадь — а почему бы и нет? Королеве больше не нужна была Фалада, чтобы говорить за нее, а город — не место для лошади.

Мой отец оглядывался по сторонам, широко раскрыв глаза и разинув рот. Сверчки — не красные — прыгали в траве.

— Боже мой, они такие большие!

— Ты бы видел кроликов, — сказал я. — Сядь, папа. — «*Прежде чем ты упадешь*», но этого я не стал добавлять.

Мы сели. Я дал ему немного времени, чтобы он осмыслил происходящее. Он спросил, как может быть небо под землей. Я сказал ему, что не знаю. Он спросил, почему здесь так много бабочек и все они монархи, и я снова ответил, что не знаю.

Он указал на дом Доры:

— Кто живет там, внизу?

— Это Дора. Я не знаю ее фамилии.

— Она дома? Мы можем ее увидеть?

— Я привел тебя сюда не для того, чтобы ты встретился с Дорой, папа. Я привел тебя, чтобы ты знал, что это реально, и мы никогда больше сюда не придем. Никто из нашего мира не должен знать об этом. Это было бы катастрофой.

— Судя по тому, что мы сделали со многими

коренными народами, не говоря уже о нашем собственном климате, я вынужден с тобой согласиться, — он начал овладевать собой, и это было хорошо. Я боялся отрицания или крайнего возбуждения. — И что ты хочешь сделать, Чарли?

— То, что мистер Боудич должен был сделать много лет назад.

И почему он этого не сделал? Я думаю, из-за солнечных часов. «*Зараза зла, что живет в сердце каждого мужчины и женщины*», — сказала Лия.

— Ладно, папа. Давай возвращаться.

Он встал, но остановился, чтобы еще раз взглянуть вниз, когда я отвел в сторону виноградные лозы.

— Как тут красиво!

— Теперь да. И пусть так и останется.

Мы должны были защитить Эмпис от нашего мира и защитить наш мир — по крайней мере, попытаться — от Эмписа. Потому что под Эмписом находится мир тьмы, где Гогмагог все еще живет и правит. Возможно, теперь, когда Белла и Арабелла разделили последний губительный поцелуй, он никогда не выберется наружу, но когда дело доходит до таких непостижимых созданий, лучше быть осторожным. По крайней мере, настолько осторожным, насколько возможно.

Той весной мы с отцом заделали дыру, которую я проделал в стене сарая. Летом я работал в строительной компании Крамера — в основном в офисе из-за моей руки, — а также провел немало часов, напряженно изучая все, что мог найти о бетоне. Много такого было на старом добром «YouTube», но когда вам нужно сделать важную работу, ничто не сравнится с практическим опытом.

За две недели до того, как я уехал на свой первый семестр в Нью-Йоркский университет, мы с папой уложили на устье колодца куски листовой стали. А за неделю до моего отъезда залили бетоном их и весь пол сарая. Пока он был еще влажным, я попросил Радар оставить на нем отпечатки лап.

Я хочу сказать вам правду: то, что я закрыл этот колодец сталью и семью дюймами бетона, ранило мое сердце. Где-то внизу находится мир, полный волшебства и людей, которых я любил. Особенно одного человека. Пока бетон медленно вытекал из мешалки, которую я одолжил у Крамера для этой работы, я продолжал думать о Лии, стоящей на лестнице с обнаженным мечом, расставив ноги в боевой стойке. И о том, как она разрезала свой запечатанный рот, чтобы выкрикнуть имя брата.

Ладно, я только что вам солгал. Мое сердце не просто болело, оно кричало «*нет*», «*нет*» и «*нет*». Оно спрашивало, как я могу отказаться от чудес и повернуться спиной к волшебству. Спрашивало, действительно ли я хочу заткнуть воронку, заполняющуюся звездами.

Но я сделал это, потому что был должен. И папа меня понял.

3

Вы спрашиваете, вспоминаю ли я обо всем этом? Конечно. Иногда мне снятся кошмары, о том как то существо вылезает из колодца, и я просыпаюсь, зажимая рот руками, чтобы заглушить крики. Но с годами эти кошмары приходят все реже. В последнее время мне все чаще снится поле, сплошь покрытое маками. Снится Красная надежда.

Мы сделали правильную вещь, я это знаю. Единственно возможную. И мой папа все еще присматривает за домом на Сикамор-стрит, 1. Я часто возвращаюсь и делаю то же самое, и в конце концов вернусь в Сентри навсегда. Я могу жениться, и если у меня родятся дети, дом на холме перейдет к ним. И когда они будут маленькими и удивляющимися всему вокруг, я буду читать им

старые истории — те, что начинаются словами «*однажды давным-давно*».

25 ноября 2020 — 7 февраля 2022

Благодарности

Думаю, я не смог бы написать эту книгу без помощи Робин Ферт, моего научного консультанта. Она знает об Эмписе (и Чарли Риде) куда больше, чем я. Так что спасибо ей, а также моей жене Табби, которая дает мне время заниматься моей безумной работой и мечтать мои безумные мечты. Спасибо моим агентам Чаку Верриллу и Лиз Дархансофф. Спасибо также Габриэлю Родригесу и Николасу Делорту, которые украсили мое повествование замечательными иллюстрациями, сделав ее похожей на классические романы о тайнах и приключениях былых времен, от «Острова сокровищ» до «Дракулы». Их удивительный талант наглядно продемонстрирован в начале каждой главы. Еще хочу поблагодарить тебя, Постоянный Читатель, за то, что ты потратил свое время и воображение на мою историю. Надеюсь, тебе понравился этот визит в другой мир.

И еще одно: у меня в «Google» установлена система оповещений, и за последний год я видел много некрологов людей, умерших от COVID, которым нравились мои книги. *Слишком* много.

Я скорблю об уходе каждого из них и соболезную их оставшимся в живых друзьям и близким.

Послесловие
НОВЫЕ СКАЗКИ КОРОЛЯ

Среди громких, часто пугающих новостей последнего времени затесалась и такая — романы Стивена Кинга уже не первый год лидируют в списке самых продаваемых в России. Одна из причин этого — то, что, несмотря на растущее у нас восприятие Америки как врага, она по-прежнему влечет и манит многих. Уже десятилетия вредные американские лакомства и полезные айфоны, фильмы и музыка являются неотъемлемой частью нашей жизни, и отменить этот факт не так-то легко. Другая причина — феномен самого Кинга, который популярен во многих странах не меньше, чем у себя на Родине, хотя почти не интересуется миром за пределами США. Часто его до сих пор по недоразумению считают бульварным писателем, хотя деление литературы на «высокую» и «низкую» давно уже потеряло смысл. Хотя у него (как у любого автора) случались досадные провалы, лучшие его вещи давно стоят на «золотой полке» американской прозы. Свой талант Кинг доказал, уже полвека оставаясь на вершине

читательских рейтингов, чему способствуют многочисленные экранизации и шумиха, сопровождающая каждый чих Короля ужасов.

О жизни Кинга, об истоках и смысле его романов можно писать долго, но я уже сделал это в книге «Король темной стороны»[257]. Здесь имеет смысл поговорить лишь о том романе, что лежит перед вами — романе, в каком-то смысле подводящем итог полувеку писательского творчества и писательской славы. Кинг начал писать его в разгар пандемии коронавируса, запертый в своем особняке в Бангоре, который он и до этого почти не покидал. Восстановившись после злополучной аварии 1999-го, он исправно выдавал по два произведения в год и накануне завершил очередную пару — фантастический роман «Позже» и сагу о наемном убийце «Билли Саммерс». Кинг давно уже старался отойти от прославившего его хоррора, соединяя его в разных пропорциях с другими жанрами. На сей раз таким жанром — как он сразу же объявил в интервью — должна была стать волшебная сказка.

Надо сказать, что сказки Кинг уже писал, по крайней мере одну — роман 1984 года «Талис-

---

[257] Примечания: 257

Эрлихман В. В. Король темной стороны. Стивен Кинг в Америке и России. СПб, 2006 и переиздания.

ман». Часто сказкой считают и детскую книгу 1987 года «Глаза дракона», хотя на самом деле она относится к фэнтези — действие там происходит в другом мире, отличном от нашего и никак не связанном с ним. В «Талисмане» же, как и в большинстве сказок, герои странствуют между мирами, и все происходящее в одном из них сказывается на другом. Это можно сказать и о знаменитом цикле Темной башни, к которому так или иначе привязаны все кинговские книги последних двух десятилетий. Все, кроме «Сказки», где не упоминаются ни сама Темная башня, ни ее демонические враги во главе с Алым королем. Это отсутствие — красноречивый показатель того, что «Сказка» закрывает целый период творчества Кинга и начинает нечто новое. Об этом говорит и ее простое название «Fairy tale» — автор словно говорит, что собирается рассказать нам настоящую волшебную сказку без всяких подвохов и тайных смыслов.

В каком-то смысле так и есть — Кинг ведет своего Чарли Рида проторенным путем таких сказочных героев, как Джек Победитель великанов и Пиноккио, о чем прямо сообщается в тексте. Так же, как они, он побеждает всех врагов и достигает цели. Точнее, сразу двух целей: обре-

тает богатство как Джек и становится настоящим человеком как Пиноккио. Причем происходит это в двух параллельных, как и в «Талисмане», мирах — иллинойсском городке Сентри-Рест и сказочном Эмписе. Собственно говоря, Кинг рассказывает нам не одну, а целых две сказки с одним главным героем, который в первом из миров всего лишь проходит обычные испытания взросления, как всякий подросток, зато в другом становится принцем и спасителем целого королевства. Поскольку эта эволюция ничем не мотивирована, читателю предлагается объяснять ее неведомыми сказочными законами… или бурной фантазией Чарли, который просто навоображал свои приключения в Эмписе.

Однако Кинг предлагает другое объяснение: принц просто скрывался до поры внутри обычного мальчика, и пробудило его не путешествие в другой мир, а решение Чарли помочь мистеру Боудичу, а потом и спасти его умирающую собаку. Немудреная, как и название романа, мораль «Сказки» гласит, что в каждом из нас скрыты немалые силы и способности, но чтобы разбудить их, необходимы добрые побуждения. Этот путь проходили и другие кинговские герои, главным образом мальчики 11–12 лет, хотя по

мере старения автора их возраст вырос до 17, как у Чарли. Путь, конечно, не прямой — их пугают опасности, их манят всевозможные соблазны, но на то они и герои, чтобы идти до конца. «Будь честным, храбрым и добрым, и ты добьешься цели» — эту пионерскую мораль автор на полном серьезе предлагает читателям, и в нее почему-то хочется верить. Поневоле задумаешься: может быть, простые истины, которые изрекает Кинг вместе с другими корифеями масскультуры, ближе и полезнее людям, чем глубокомысленные блуждания вокруг собственного «я», которыми занята по преимуществу современная, в том числе российская словесность?

Хотя не так уж и проста рассказанная Кингом история — она завивается хитроумными петлями, открывая порой неожиданные параллели. Помимо сказки, здесь находится место и детективу, и фантастике, и, конечно, неизбежному хоррору, который набирает силу по мере того, как герой углубляется в Эмпис, пораженный проклятием вслед за своим демоническим правителем Элденом. Если тот ради мести и власти впустил зло в свой мир, почти уничтожив его, а вместе с ним и себя, то Чарли, его иномирный двойник, спас этот мир — а возможно, и свой собственный.

В общем-то, этот исход просматривается с самого начала истории, поскольку ее рассказывает сам герой, живой и успешный. Успех и деньги — непременное условие американского хэппи-энда, но оно вполне вписывается в выбранный автором сказочный жанр.

Как и в других произведениях, Кинг повышает достоверность своего фантастического сюжета множеством упоминаний бытовых деталей, торговых марок и новостей СМИ, позволяющих привязать действие к четко определенному времени и месту. Не избегает он и ссылок на источники своего вдохновения; в «Сказке» это не только сами сказки, но и любимые писателем произведения Г. Ф. Лавкрафта и других мастеров жанра, которые упоминает, а иногда и пересказывает его герой (начитанность — еще одно свойство Чарли, делающее его достойным роли принца). Есть в романе и отсылки к другим кинговским произведениям, хотя сюжетом они никак не обоснованы — в этом произведении, явно написанном не по заказу, а по зову души, Кинг не упускает случая поиграть со своим любимым Постоянным Читателем и развлечься самому.

Роман создавался долго, больше года — то ли писателю было жаль расставаться с ним, то ли

его отвлекали драматические события в США. Пандемия COVID-19, унесшая жизни сотен тысяч американцев, разгул движения BLM, штурм Капитолия сторонниками проигравшего выборы Дональда Трампа — все это волновало Кинга, убежденного либерала и трампофоба. Отголоски его тревожных раздумий о судьбе страны отразились на тех страницах «Сказки», где описывается когда-то благополучный Эмпис — опустошенный, охваченный эпидемией, отданный во власть кровожадных монстров. Совсем, казалось бы, не похожий на привычную благополучную Америку, где самая большая проблема — нехватка денег на колледж. Но грань между двумя мирами очень хрупка, и в любую минуту монстры (как и в других кинговских романах) могут ворваться на улицы тихого американского городка. Если их не остановит… нет, не власть, не армия, которым Кинг не доверяет со времен своей бунтарской юности. Каждый из нас должен сам, не оглядываясь на других, противостоять злу — таков еще один немудреный, но очень важный для автора моральный посыл «Сказки».

Мастерски выстраивая сюжет, множеством красок рисуя фигуру главного героя, писатель здесь все же более схематичен, чем в более ран-

них вещах. Фигуры других персонажей (кроме разве что мистера Боудича и принцессы Лии) намечены пунктиром, они появляются и исчезают, не успевая вызвать не только сопереживание, но и простой интерес читателя. Метаморфоза Чарли из обычного школьника в супергероя выглядит не слишком правдоподобно — как и его финальное превращение в начинающего писателя с большим будущим. Понятно, что Кинг, как и раньше, проецирует на героя собственные черты и воспроизводит в романе собственные страхи (к примеру, боязнь насекомых), но упомянутый Постоянный Читатель уже настолько привык к этому, что очередное повторение рискует вызвать у него скуку, а то и раздражение. Наконец, не всякому понравится терпеливое разжевывание автором лежащих в основе романа фольклорных сюжетов — но все это искупается талантом рассказчика и истинно сказочным финалом, где добро торжествует, а зло карается на всю катушку.

Напоследок коснемся печального обстоятельства — после известных событий 2022 года Кинг объявил, что прекращает сотрудничество с российскими издательствами. Предполагается, что после этого его новые произведения, начиная

со «Сказки», не будут появляться на русском языке; тем самым писатель сгоряча наказал не только издателей, но и миллионы ни в чем не повинных поклонников, искренне любящих его романы. Хотя желающие могут прочитать их в оригинале, это не заменяет перевода — средства адаптации иноязычного произведения в России, его включения в контекст отечественной культуры, куда Кинг уже вписался, нравится это кому-то или нет. В этих условиях представляется не только возможным, но и неизбежным появление нелицензионных изданий популярных у нас зарубежных авторов. В России, в отличие от Запада, «культура отмены» еще не утвердилась, и отказываться от американской литературы никто не собирается. А значит, эта литература найдет путь к читателю, даже в обход правил, принятых в том прежнем мире, который (как сказал бы Кинг) еще не сдвинулся с места.

Вадим Эрлихман